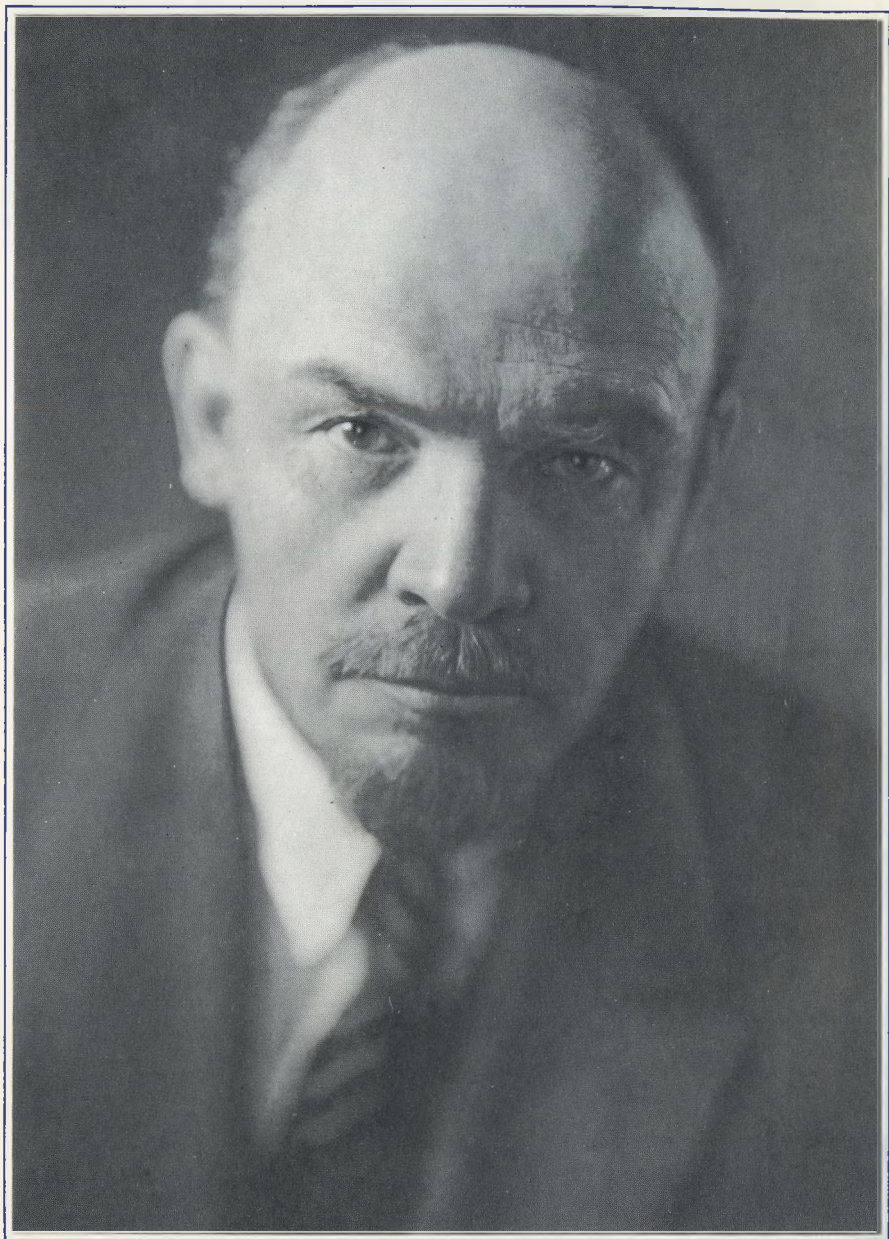

ВОСПОМИНАНИЯ О В.И. ЛЕНИНЕ

ТОМ 5

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. Ленин. 1916 г.

Воспоминания о Владимире Ильиче ЛЕНИНЕ

В пяти томах

Издание
второе

том 5
Воспоминания
зарубежных современников

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1979

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Г. И. ГОЛНКОВ, Г. Д. ОБИЧКИН,
М. Я. ПАНКРАТОВА, И. В. ТРОПКИН*

ПОДГОТОВИТЕЛИ ПЯТОГО ТОМА:

Д. С. КИСЛИК, А. И. ГОРБАЧЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пятый том завершает многотомное издание воспоминаний о В. И. Ленине. В нем представлены мемуары, авторами которых являются современники Владимира Ильича из 28 государств Европы, Азии и Америки. Среди них ветераны международного рабочего и коммунистического движения Германии, Польши, Болгарии, Швеции, Финляндии, Соединенных Штатов Америки, Румынии, Венгрии, Англии, Китая, Чехословакии, Аргентины, Японии, Италии, Франции, Уругвая и других стран, а также зарубежные общественные и государственные деятели, писатели и журналисты.

Воспоминания свидетельствуют о той огромной работе, которую провел Ленин на международной арене, особенно в годы первой мировой войны, когда II Интернационал изменил идеям социализма и рабочее движение в странах Западной Европы переживало тяжелый кризис. В. И. Ленин и его единомышленники вели последовательную борьбу против социал-шовинизма и центризма, против всяких проявлений оппортунизма. Вождь мирового пролетариата отстоял и развил применительно к новым условиям революционный марксизм, основал новый, III, Коммунистический Интернационал.

В воспоминаниях рассказывается о тесных связях Ленина с представителями социалистических и социал-демократических, а позднее, в годы создания Коммунистического Интернационала, с руководителями коммунистических партий. Авторы воспоминаний отмечают большую роль Владимира Ильича в достижении единства действий международного пролетариата под знаменем марксизма. Бывая во многих странах, участвуя в работе

Штутгартского и Копенгагенского конгрессов II Интернационала и его Международного социалистического бюро, Циммервальдской и Кинтальской международных конференций, он имел деловые и политические контакты с революционными социал-демократами, вел последовательную борьбу против оппортунизма справа и «слева» в международном рабочем и коммунистическом движении. Всей теоретической, политической и практической деятельностью Ленин сыграл огромную роль в формировании и укреплении современного международного коммунистического движения.

Являясь основателем III, Коммунистического Интернационала, его вождем и теоретиком, В. И. Ленин знал многих деятелей Коминтерна. Владимир Ильич высоко ценил личные контакты и охотно пользовался любой возможностью побеседовать с делегатами различных стран — участниками конгрессов Коминтерна. При этом он старался выяснить положение в странах и в партиях, которые они представляли, рассказывал им о событиях в Стране Советов, о трудностях, которые приходилось преодолевать молодому государству рабочих и крестьян, об успехах, достигнутых на фронтах гражданской войны в борьбе с внутренней контрреволюцией и иностранными интервентами, а также в мирном социалистическом строительстве.

Все это нашло отражение в мемуарах Георгия Димитрова и Василя Коларова, Гарри Поллита и Уильяма Галлахера, Клары Цеткин, Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта, Адама Эгедениссена, Бела Куна и Тибора Самуэли, Лунджи Лонго и Умберто Террачини, Марсея Кашена и Пьера Семара, Уильяма Фостера, Франсиско Пинтоса Перейры, Отто Куусинена, Сэп Катаямы, Фрица Платтена, Карла Штейнгардта, Родольфо Гольди, Мануэля Диаса Рамиреса, Феликса Кона, Михая Бужора, Антонина Запотоцкого и Богумира Шмерала и других. Их воспоминания помогают глубже понять великую роль В. И. Ленина как продолжателя бессмертного дела К. Маркса и Ф. Энгельса, гениального вождя международного рабочего и коммунистического движения, неутомимого борца за его единство.

О Ленине, как о заботливом воспитателе и учителе партийных кадров коммунистического движения, рассказывают Ф. Геккерт, Поль Вайян-Кутюрье, Ф. Мизиано, Цюй Цю-бо, Х. Силлен и другие авторы.

В том включены воспоминания выдающихся писателей и журналистов, которым довелось встречаться и беседовать с В. И. Лениным. Мартин Андерсен-Нексе, Герберт Уэллс, Джон Рид, Джованни Джерманетто, Иван Ольбрахт и другие на страницах своих книг и рассказов рисуют впечатляющий портрет «самого человеческого человека».

Журналистский опыт помог Вильяму Гуду, Христо Кабакчиеву, Альберту Рису Вильямсу, Отто Гримлунду, Фредрику Стрёму, Альфреду Курелле и другим отметить в многогранном образе В. И. Ленина примечательные его черты как выдающегося политического деятеля, ученого и человека.

Вошли в том также воспоминания общественных и политических деятелей, стоявших далеко от коммунистического движения, но признававших великую роль В. И. Ленина в борьбе за мир, независимость и счастье народов. К их числу относятся один из лидеров Лейбористской партии англичанин Джордж Ленсбери, дипломат из Финляндии Карл Идман, крупный американский промышленник Арманд Хаммер, общественный деятель Индии Махендра Пратап, афганский дипломат Мирза Мухаммед Яфтали, политический деятель Ирана Хамид Саях и другие.

Свидетельства современников помогают глубже понять и представить неутомимую и многогранную деятельность В. И. Ленина в годы трех русских революций, в период реакции, в годы мировой империалистической и гражданской войн, а также в годы мирного социалистического строительства. Особенно много страниц мемуаров посвящено событиям революционного 1917 года и послеоктябрьскому периоду (1918—1924 гг.).

Новое издание пополнено воспоминаниями видного деятеля аргентинского и международного коммунистического движения, делегата III конгресса Коминтерна Р. Гиольди.

Каждая страница этой книги — свидетельство бессмертия идей и дела В. И. Ленина. В сердцах народов всех стран навсегда останется немеркнущий образ Ленина — мыслителя, величайшего пролетарского революционера, вождя и друга всех трудящихся и эксплуатируемых.

* *
* .

Воспоминания расположены в хронологической последовательности событий, связанных с биографией В. И. Ленина.

В ряде случаев к тексту даны дополнительные примечания, содержащие фактические справки и уточнения, ссылки на труды В. И. Ленина. В конце книги помещены краткие биографические сведения об авторах воспоминаний и указатель имен, упоминаемых в тексте; даны также сводные указатели к 1—5 томам настоящего издания: хронологический и авторов воспоминаний.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

В эти тяжелые часы, когда каждый из нас подавлен чувством глубочайшего горя, когда каждый сознает, что ушел от нас тот, кого заменить нельзя, перед нами встает яркое и полное жизни воспоминание о нем — единственном, которое, как вспышка молнии, выявляет нам в великом вожде великого человека. На личности Ленина лежит печать гармоничного слияния величия вождя и человека. Благодаря этой особенности личность Ленина навсегда пустила корни в великом сердце мирового пролетариата, а это есть то, что Маркс называл славным жребием борца за коммунизм. Ибо трудящиеся, все те, кто отдал в жертву богатству, все те, кто не знает обычной лжи и лицемерия буржуазного мира, — тонким инстинктивным чутьем улавливают разницу между правдивым и ложным, между скромным величием и напыщенным чванством, между действенной, обращенной к ним любовью и погоней за популярностью, в которой отражается только пустое тщеславие.

Я считаю своим долгом поделиться со всеми отрывками из сокровищницы моих личных воспоминаний о незабвенном вожде и друге. Это — долг по отношению к Владимиру Ильичу. Это — долг по отношению к тем, кому была отдана вся его деятельность: пролетариям, трудящимся, эксплуатируемым, подневольным всего мира, которых охватило его любящее сердце и которых его гордая мысль рассматривала как революционных борцов и творцов более высокого общественного строя.

Впервые после того, как разразилась потрясшая весь мир русская революция, я встретилась с Лениным ранней осенью 1920 года. Это было сейчас же после моего приезда в Москву¹, во время одного партийного заседания, если память мне не изменяет, в Свердловском зале в Кремле². Ленин показался мне

¹ Клара Цеткин приехала в Москву 23 сентября. *Ред.*

² Автор имеет в виду IX Всероссийскую конференцию РКП(б), заседавшую 22—25 сентября 1920 г. в Свердловском зале в Кремле. На конференции К. Цеткин выступила с речью 25 сентября. *Ред.*

не изменившимся, почти не постаревшим. Я могла бы поклясться, что на нем был тот же скромный, тщательно вычищенный пиджак, который я видела на нем при первой нашей встрече в 1907 году на всемирном конгрессе II Интернационала в Штутгарте. Роза Люксембург¹, отличавшаяся метким глазом художника, подмечавшим все характерное, указала мне тогда на Ленина со словами: «Взгляни хорошенько на этого человека. Это — Ленин. Обрати внимание на его упрямый, своевольный череп».

В своем поведении и в своих выступлениях Ленин остался таким же, как прежде. Дебаты становились порой очень оживленными, даже страстными. Как и раньше, во время конгрессов II Интернационала, Ленин проявлял чрезвычайное внимание к ходу дебатов, большое самообладание и спокойствие, в котором чувствовалась внутренняя сосредоточенность, энергия и эластичность. Это доказывали его восклицания, отдельные замечания и более пространственные речи, произносимые им, когда он брал слово. От его острого взгляда и ясного ума, казалось, не могло ускользнуть ничто, заслуживающее внимания. Мне бросилась в глаза тогда на собрании — как впрочем и всегда впоследствии — самая характерная черта Ленина — простота и сердечность, естественность во всех его отношениях ко всем товарищам. Я говорю «естественность», так как я вынесла вполне определенное впечатление, что этот человек не может вести себя иначе, чем он себя ведет. Его отношение к товарищам — естественное выражение всего его внутреннего существа.

Ленин был бесспорным вождем партии, которая сознательно вступила в бой за власть, указывая цель и путь русскому пролетариату и крестьянству. Облеченная их доверием, она управляет страной и осуществляет диктатуру пролетариата. Ленин был руководителем великой страны, которая стала первым в мире пролетарским государством. Его мысли и воля жили в миллионах людей и за пределами Советской России. Его мнение по любому вопросу было решающим в стране, имя его было символом надежды и освобождения повсюду, где существует гнет и рабство.

«Товарищ Ленин ведет нас к коммунизму. Как бы тяжело нам ни было, мы выдержим», — заявляли русские рабочие. Они, имея перед своим духовным взором идеальное царство высшего человеческого общества, спешили, голодая, замерзая, на фронт или же напрягали чрезвычайные усилия, чтобы среди неверо-

¹ Люксембург Роза (1871—1919) — выдающийся деятель польского и немецкого революционного движения, один из лидеров левого крыла II Интернационала. Была в числе основателей и руководителей с.-д. партии Польши, с 1897 г. принимала активное участие в германском с.-д. движении. Принимала руководящее участие в учредительном съезде Коммунистической партии Германии. В январе 1919 г. была зверски убита контрреволюционерами. *Ред.*

ятных трудностей восстановить хозяйственную жизнь страны.

«Нам нечего бояться, что помещики вернутся и отберут у нас землю. Ильич и большевики с красноармейцами выручат нас» — так рассуждали крестьяне, земельная нужда которых была удовлетворена. «Да здравствует Ленин!» — часто красовалась надпись на многих церковных стенах в Италии: это было проявлением восторженного удивления какого-нибудь пролетария, который в лице русской революции приветствовал свою собственную освободительницу. Вокруг имени Ленина как в Америке, так и в Японии и Индии объединялись все восставшие против власти собственников.

Как просто и скромно было выступление Ленина, который уже имел за собой совершенный им гигантский исторический труд и на котором лежало колоссальное бремя безграничного доверия, самой тяжелой ответственности и никогда не прекращающейся работы! Он целиком сливался с массой товарищей, был однороден с ней, был одним из многих. Он не хотел ни одним жестом, ни выражением лица оказывать давление в качестве «руководящей личности». Подобный прием был ему совершенно чужд, так как он действительно был ярко выраженной личностью. Курьеры непрерывно доставляли сообщения из различных учреждений — гражданских и военных, — он очень часто тут же давал ответ в нескольких быстро набросанных строках. Для всякого у Ленина была дружеская улыбка и кивок, и это всегда вызывало в ответ радостное выражение лица у того, к кому они относились. Во время заседаний он время от времени, не вызывая ничьего внимания, договаривался по разным вопросам с тем или иным ответственным товарищем. Во время перерыва Ленину приходилось выдерживать настоящую атаку: его обступали со всех сторон товарищи — мужчины и женщины — питерцы, москвичи, а также из самых различных центров движения, особенно много молодых товарищей: «Владимир Ильич, пожалуйста...», «Товарищ Ленин, вы не должны отказать...», «Мы, Ильич, хорошо знаем, что вы... но...». В таком роде сыпался град просьб, запросов, предложений.

Ленин выслушивал и отвечал всем с неистощимым, трогательным терпением. Он чутко прислушивался и всегда был готов помочь в партийной работе или личном горе. Глядя на него, как он относился к молодежи, сердце радовалось: чисто товарищеское отношение, свободное от какого-либо педантизма, наставнического тона или высокомерия, продиктованного тем, что пожилой возраст будто бы сам по себе является каким-то несравненным преимуществом и добродетелью.

Ленин вел себя, как ведет себя равный в среде равных, с которыми он связан всеми фибрами своей души. В нем не было и следа «человека власти», его авторитет в партии был авторитетом идеальнейшего вождя и товарища, перед превосходством

которого склоняешься в силу сознания, что он всегда поймет и в свою очередь хочет быть понятым. Не без горечи сравнивала я атмосферу, окружавшую Ленина, с напыщенной чопорностью «партийных отцов» немецкой социал-демократии. И мне совершенно нелепой казалась та безвкусица, с которой социал-демократ Эберт в качестве «господина президента Германской республики» старался копировать буржуазию «во всех ее повадках и манерах», теряя всякое чувство человеческого достоинства. Конечно, эти господа никогда не были такими «безумными и отчаянными», как Ленин, чтобы «стремиться совершить революцию». И под их защитой буржуазия может тем временем храпеть еще более спокойно, чем даже во времена тридцати пяти монархов при Генрихе Гейне, — храпеть, пока палец и здесь революция не подымется из потока исторически подготовленного, необходимого и прогремит этому обществу: «Берегись!»

* *
*

При моем первом посещении семьи Ленина еще углубилось впечатление о нем, полученное мною на партийной конференции и усилившееся с тех пор после ряда бесед с ним. Ленин жил в Кремле. Прежде чем к нему попасть, нужно было пройти мимо нескольких караульных постов — предосторожность, объяснявшаяся не прекращавшимися в ту пору контрреволюционными террористическими покушениями на вождей революции. Ленин, когда это нужно было, принимал и в великолепных государственных апартаментах. Однако его частная квартира отличалась крайней простотой и неприязательностью. Мне случалось часто бывать в квартирах рабочих, которые были богаче обставлены, чем квартира «всесильного московского диктатора».

Я застала жену и сестру Ленина¹ за ужином, к которому я тотчас же была приглашена самым сердечным образом. Это был скромный ужин любого среднего советского служащего того времени. Он состоял из чая, черного хлеба, масла, сыра. Потом сестра должна была «в честь гостя» поискать, нет ли чего «сладкого», и, к счастью, нашлась небольшая банка с вареньем. Как известно, крестьяне доставляли в изобилии «своему Ильичу» белую муку, сало, яйца, фрукты и т. п.; известно также, что из всего этого ничего не оставалось в доме у Ленина. Все посылалось в больницы и детские приюты, так как семья Ленина строго придерживалась принципа жить в тех же условиях, что и трудящиеся массы.

Я не видела т. Круцкую, жену Ленина, с марта 1915 года, когда происходила международная женская социалистическая конференция в Берне. Ее симпатичное лицо с мягкими добры-

¹ К. Цеткин говорит о младшей сестре, Марии Ильиничне Ульяновой. *Ред.*

ми глазами носило на себе неизгладимые следы предательской болезни, которая ее подтачивала. Но, за исключением этого обстоятельства, она оставалась такой же, а именно — воплощением прямоты, простоты и какой-то чисто пуританской скромности. Со своими гладко назад причесанными волосами, собранными на затылке в бесхитростный узел, в своем простом платье, она производила впечатление изнуренной жены рабочего, вечно озабоченной мыслью, как бы успеть, как бы не потерять времени. «Первая женщина великого русского государства» — согласно буржуазным понятиям и терминологии — Крупская является бесспорно первой по преданности делу угнетенных и страдающих. Ее соединяла с Лениным самая искренняя общность взглядов на цель и смысл жизни. Она была правой рукой Ленина, его главный и лучший секретарь, его убежденнейший идейный товарищ, самая сведущая истолковательница его воззрений, одинаково неутомимая как в том, чтобы умно и тактично вербовать друзей и приверженцев, так и в том, чтобы пропагандировать его идеи в рабочей среде. Наряду с этим она имела свою особую сферу деятельности, которой она отдавалась всей душой, — дело народного образования и воспитания.

Было бы оскорбительно и смешно предполагать, что т. Крупская в Кремле играла роль «жены Ленина». Она работала, несла заботы вместе с ним, цеклась о нем, как она делала это всю свою жизнь, делала тогда, когда условия нелегальной жизни и самые тяжелые преследования разделяли их друг от друга. С чисто материнской заботливостью — нужно сказать, что сестра Ленина помогала ей в этом самым любовным образом, — превращала она ленинское жилище в «родной очаг» в самом благородном смысле этого слова. Конечно, не в смысле немецкого меценатства, а в смысле той духовной атмосферы, которая его наполняла и которая служила отражением отношений, соединявших между собой живущих и работающих здесь людей. Создавалось впечатление, что в этих отношениях все было настроено на исключительный тон правды, искренности, понимания и сердечности. Хотя я до той минуты лично мало была знакома с т. Крупской, я тотчас же почувствовала себя в ее обществе и под ее дружеским попечением, как дома. Когда пришел Ленин и когда несколько позже появилась большая кошка, весело приветствуемая всей семьей, — она прыгнула на плечи к «страшному вождю террористов» и потом свернулась в удобной позе на коленях у него, — то мне казалось, что я у себя дома или у Розы Люксембург с ее ставшей памятной для друзей кошкой Мими.

Ленин застал нас — трех женщин — беседующими об искусстве, просвещении и воспитании. Я как раз в этот момент высказывала свое восторженное удивление перед единственной, в своем роде титанической, культурной работой большевиков, перед расцветом в стране творческих сил, стремящихся проло-

жить новые пути искусству и воспитанию. При этом я не скрывала своего впечатления, что довольно часто приходится наблюдать много неуверенности и неясных нащупываний, пробных шагов и что наряду со страстными поисками нового содержания, новых форм, новых путей в области культурной жизни имеет иногда место и искусственное «модничанье» и подражания западным образцам. Ленин тотчас же очень живо вмешался в разговор.

— Пробуждение новых сил, работа их над тем, чтобы создать в Советской России новое искусство и культуру,— сказал он,— это — хорошо, очень хорошо. Бурный темп их развития понятен и полезен. Мы должны нагнать то, что было упущено в течение столетий, и мы хотим этого. Хаотическое брожение, лихорадочные искания новых лозунгов, лозунги, провозглашающие сегодня «осанну» по отношению к определенным течениям в искусстве и в области мысли, а завтра кричащие «распни его»,— все это неизбежно.

— Революция развязывает все скованные до того силы и гонит их из глубин на поверхность жизни. Вот вам один пример из многих. Подумайте о том влиянии, которое оказывали на развитие нашей живописи, скульптуры и архитектуры мода и прихоти царского двора, равно как вкус и причуды господ аристократов и буржуазии. В обществе, базирующемся на частной собственности, художник производит товары для рынка, он нуждается в покупателях. Наша революция освободила художников от гнета этих весьма прозаических условий. Она превратила Советское государство в их защитника и заказчика. Каждый художник и всякий, кто себя таковым считает, претендует на право творить свободно, согласно своему идеалу, будь этот идеал на что-нибудь годен или нет. Отсюда перед вами брожение, экспериментирование, хаотичность.

— Но, конечно, мы — коммунисты. Мы не вправе сидеть сложа руки и позволять хаосу распространяться, как ему угодно. Мы должны стремиться к тому, чтобы с ясным сознанием руководить также и этим развитием, чтобы формировать и определять его результаты. Мы еще далеки от этого, очень далеки. Мне кажется, что и мы имеем наших докторов Карлштадтов¹. Мы чересчур большие «ниспровергатели в живописи». Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старо»? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо покориться только потому, что

¹ Карлштадт (Андреас Боденштейн) (ок. 1480—1541) — деятель бюргерской Реформации в Германии. *Ред.*

«это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица! Здесь много лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе. Мы хорошие революционеры, но мы чувствуем себя почему-то обязанными доказать, что мы тоже стоим «на высоте современной культуры». Я же имею смелость заявить себя «варваром». Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости.

Я не могла удержаться и созналась, что и мне не хватает органа восприятия, чтобы понять, почему художественным выражением вдохновенной души должны служить треугольники вместо носа и почему революционное стремление к активности должно превратить тело человека, в котором органы связаны в одно сложное целое, в какой-то мягкий бесформенный мешок, поставленный на двух ходулях, с двумя вилками по пяти зубцов в каждой.

Ленин от души расхохотался.

— Да, дорогая Клара, ничего не поделаешь, мы оба старые. Для нас достаточно, что мы, по крайней мере, в революции остаемся молодыми и находимся в первых рядах. За новым искусством нам не угнаться, мы будем ковылять позади.

— Но,— продолжал Ленин,— важно не наше мнение об искусстве. Важно также не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, поднимать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их. Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие, утонченные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе? Я понимаю это, само собой разумеется, не только в буквальном смысле слова, но и фигурально: мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян. Ради них мы должны научиться хозяйничать, считать. Это относится также к области искусства и культуры.

— Для того чтобы искусство могло приблизиться к народу и народ к искусству, мы должны сначала поднять общий образовательный и культурный уровень. Как у нас обстоит дело в этом отношении? Вы восторгаетесь по поводу того колоссального культурного дела, которое мы совершили со времени прихода своего к власти. Конечно, без хвастовства, мы можем сказать, что в этом отношении нами многое, очень многое сделано. Мы не только «снимали головы», как в этом обвиняют нас меньшевики всех стран и на вашей родине — Каутский, но мы так-

же просвещали головы; мы много голов просветили. Однако «много» только по сравнению с прошедшим, по сравнению с грехами господствовавших тогда классов и клик. Необъятно велика разбуженная и разжигаемая нами жажда рабочих и крестьян к образованию и культуре. Не только в Питере и в Москве, в промышленных центрах, но и далеко за этими пределами, вплоть до самых деревень. А между тем мы народ нищий, совершенно нищий. Конечно, мы ведем настоящую упорную войну с безграмотностью. Устраиваем библиотеки, «избы-читальни» в крупных и малых городах и селах. Организуем самые разнообразные курсы. Устраиваем хорошие спектакли и концерты, рассылаем по всей стране «передвижные выставки» и «просветительные поезда». Но я повторяю: что это может дать тому многомиллионному населению, которому недостает самого элементарного знания, самой примитивной культуры? В то время как сегодня в Москве, допустим, десять тысяч человек, а завтра еще новых десять тысяч человек придут в восторг, наслаждаясь блестящим спектаклем в театре,— миллионы людей стремятся к тому, чтобы научиться по складам писать свое имя и считать, стремятся приобщиться к культуре, которая обучила бы их тому, что земля шарообразна, а не плоская и что миром управляют законы природы, а не ведьмы и не колдуны совместно с «отцом небесным».

«Товарищ Ленин, не следует так горько жаловаться на безграмотность,— заметила я.— В некотором отношении она вам облегчила дело революции. Она предохранила мозги рабочего и крестьянина от того, чтобы быть напичканными буржуазными понятиями и воззрениями и захиреть. Ваша пропаганда и агитация бросает семена на девственную почву. Легче сеять и пожинать там, где не приходится предварительно выкорчевывать целый первобытный лес».

— Да, это верно,— возразил Ленин.— Однако только в известных пределах или, вернее сказать, для определенного периода нашей борьбы. Безграмотность уживалась с борьбой за власть, с необходимостью разрушить старый государственный аппарат. Но разве мы разрушаем единственно ради разрушения? Мы разрушаем для того, чтобы воссоздать нечто лучшее. Безграмотность плохо уживается, совершенно не уживается с задачей восстановления. Последнее ведь, согласно Марксу, должно быть делом самих рабочих и, прибавлю, крестьян, если они хотят добиться свободы. Наш советский строй облегчает эту задачу. Благодаря ему в настоящее время тысячи трудящихся из народа учатся в различных Советах и советских органах работать над делом восстановления. Это — мужчины и женщины «в расцвете сил», как у вас принято говорить. Большинство из них выросло при старом режиме и, следовательно, не получило образования и не приобщилось к культуре, но теперь они стра-

етно стремятся к знанию. Мы самым решительным образом ставим себе целью привлекать к советской работе все новые пласты мужчин и женщины и дать им известное практическое и теоретическое образование. Однако, несмотря на это, мы не можем удовлетворить всю потребность нашу в творческих руководящих силах. Мы вынуждены привлекать бюрократов старого стиля, и в результате у нас образовался бюрократизм. Я его от души ненавижу, не имея, конечно, при этом в виду того или иного отдельного бюрократа. Последний может быть дельным человеком. Но я ненавижу систему. Она парализует и вносит разврат как внизу, так и наверху. Решающим фактором для преодоления и искоренения бюрократизма служит самое широкое образование и воспитание народа.

— Каковы же наши перспективы на будущее? Мы создали великолепные учреждения и провели действительно хорошие мероприятия с той целью, чтобы пролетарская и крестьянская молодежь могла учиться, штудировать и усваивать культуру. Но и тут встает перед нами тот же мучительный вопрос: что значит все это для такого большого населения, как наше? Еще хуже того: у нас далеко нет достаточного количества детских садов, приютов и начальных школ. Миллионы детей подрастают без воспитания и образования. Они остаются такими же невежественными и некультурными, как их отцы и деды. Сколько талантов гибнет из-за этого, сколько стремлений к свету подавлено! Это ужасное преступление с точки зрения счастья подрастающего поколения, равносильное расхищению богатств Советского государства, которое должно превратиться в коммунистическое общество. В этом кроется грозная опасность.

В голосе Ленина, обычно столь спокойном, звучало сдержанное негодование.

«Как близко задевает его сердце этот вопрос,— подумала я,— раз он перед нами тремя произносит агитационную речь». Кто-то из нас — я не помню, кто именно, — заговорил по поводу некоторых, особенно бросающихся в глаза явлений из области искусства и культуры, объясняя их происхождение «условиями момента». Ленин на это возразил:

— Знаю хорошо! Многие искренне убеждены в том, что *panem et circenses* («хлебом и зрелищами») можно преодолеть трудности и опасности теперешнего периода. Хлебом — конечно! Что касается зрелищ, — пусть их! — не возражаю. Но пусть при этом не забывают, что зрелища — это не настоящее большое искусство, а скорее более или менее красивое развлечение. Не надо при этом забывать, что наши рабочие и крестьяне несколько не напоминают римского люмпен-пролетариата. Они не содержатся на счет государства, а содержат сами трудом своим государство. Они «делали» революцию и защищали дело последней, проливая потоки крови и принося бесчисленные жертвы.

Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство. Потому мы в первую очередь выдвигаем самое широкое пародное образование и воспитание. Оно создает почву для культуры, — конечно, при условии, что вопрос о хлебе разрешен. На этой почве должно вырасти действительно новое, великое коммунистическое искусство, которое создаст форму соответственно своему содержанию. На этом пути нашим «интеллигентам» предстоит разрешить благородные задачи огромной важности. Поняв и разрешив эти задачи, они покрыли бы свой долг перед пролетарской революцией, которая и перед ними широко раскрыла двери, ведущие их на простор из тех низменных жизненных условий, которые так мастерски охарактеризованы в «Коммунистическом манифесте».

В эту ночь — был уже поздний час — мы коснулись еще и других тем. Но впечатления об этом бледнеют по сравнению с замечаниями, сделанными Лениным по вопросам искусства, культуры, народного образования и воспитания.

«Как искренне и горячо любит он трудящихся, — мелькнуло у меня в мозгу, когда я в эту холодную почку с разгоряченной головой возвращалась домой. — А между тем находятся люди, которые считают этого человека холодной, рассудочной машиной, принимают его за сухого фанатика формул, знающего людей лишь в «качестве исторических категорий» и бесстрастно играющего ими, как шариками».

Брошенные Лениным замечания так глубоко меня взволновали, что тотчас же в основных чертах я набросала их на бумаге, подобно тому как во время моего первого пребывания на священной революционной земле Советской России день за днем заносила в свой дневник все, что мне казалось заслуживающим внимания.

В душу мою неизгладимо врезался еще ряд других замечаний Ленина, сделанных им в ту пору, во время одной беседы со мною.

Я, как и многие приезжавшие в то время из западных стран, должна была уплатить дань перемене образа жизни и слегла. Ленин навестил меня. Заботливо, как самая нежная мать, осведомлялся он, имеется ли за мной надлежащий медицинский уход, получаю ли я соответствующее питание, допытывался, в чем я нуждаюсь, и т. д. Позади него я видела милое лицо т. Крупской. Ленин усомнился, все ли так хорошо, так великолепно, как мне казалось. Особенно он выходил из себя по поводу того, что я жила на четвертом этаже одного советского дома, в котором, правда, в теории имелся лифт, но на практике он не функционировал.

— Точь-в-точь, как любовь и стремление к революции у сторонников Каутского, — заметил Ленин саркастически.

Вскоре наш разговор пошел по руслу политических вопросов.

Отступление Красной Армии из Польши дохнуло ранним морозом на революционные мечты, которые мы и многие вместе с нами лелеяли, когда советские войска молниеносным и смелым натиском достигли Варшавы. Этот дохнувший мороз не дал созреть нашим мечтам.

Я описывала Лепину, какое впечатление произвели и на революционный авангард немецкого пролетариата, и на Шейдеманов, и на Дитманов, и на крупную и мелкую буржуазию красноармейцы с советской звездой на шапке и в донельзах потрепанной военной форме, а часто в штатском платье, в лаптях или в рваных сапогах, появившиеся на своих маленьких бойких лошадаках у самой немецкой границы. «Удержат ли они Польшу в своих руках или нет, перейдут ли они через немецкую границу, и что тогда будет?» — вот вопросы, занимавшие тогда умы в Германии, вопросы, при разрешении которых стратеги за кружкой пива готовились одерживать блестящие победы. При этом обнаружилось, что во всех классах, во всех социальных слоях было гораздо больше шовинистической ненависти против белогвардейской империалистической Польши, чем против французского «наследственного врага».

Однако еще сильнее, еще неотразимее, чем шовинистическая ненависть против Польши и благоговение перед святостью Версальского договора, был страх перед призраком революции. Перед ним укрылся в подворотню и бурно-пламенный на словах патриотизм и нежно журчащий пацифизм. Крупная и мелкая буржуазия совместно с сопутствующими ей реформистскими элементами из пролетариата взирали, таким образом, на дальнейшее развитие вещей в Польше одним глазом, который смеялся, и другим, который плакал.

Ленин внимательно прислушивался к деталям о поведении Коммунистической партии, равно как и реформистской партии и вождей профсоюзов, которые я ему сообщала.

Несколько минут сидел он молча, погруженный в раздумье.

— Да, — сказал он наконец, — в Польше случилось то, что должно было, пожалуй, случиться. Вы ведь знаете все те обстоятельства, которые привели к тому, что наш безумно смелый, победоносный авангард не мог получить никакого подкрепления со стороны пехоты, не мог получить ни снаряжения, ни даже черствого хлеба в достаточном количестве и поэтому должен был реквизировать хлеб и другие предметы первой необходимости у польских крестьян и мелкой буржуазии; последние же, под влиянием этого, готовы были видеть в красноармейцах врагов, а не братьев-освободителей. Конечно, нет нужды говорить, что они чувствовали, думали и действовали при этом отнюдь не социалистически, не революционно, а националистически,

шовинистически, империалистически. Крестьяне и рабочие, одуроченные сторонниками Пилсудского и Дашинского, защищали своих классовых врагов, давали умирать с голоду нашим храбрым красноармейцам, завлекали их в засаду и убивали.

— Наш Буденный сейчас, наверно, должен считаться самым блестящим кавалерийским начальником в мире. Вы, конечно, знаете, что он — крестьянский парень. Как и солдаты французской революционной армии, он нес маршальский жезл в своем ранце, в данном случае — в сумке своего седла. Он обладает замечательным стратегическим инстинктом. Он отважен до сумасбродства, до безумной дерзости. Он разделяет со своими кавалеристами все самые жестокие лишения и самые тяжелые опасности. За него они готовы дать разорубить себя на части. Он один заменяет нам целые эскадроны. Однако все эти преимущества Буденного и других революционных военных начальников не смогли уравновесить наши недостатки в военном и техническом отношении.

— Известно ли вам, что заключение мира с Польшей сначала встретило большое сопротивление, точно так же, как это было при заключении Брест-Литовского мира? Мне пришлось выдержать жесточайший бой, так как я стоял за принятие мирных условий, которые безусловно были благоприятны для Польши и очень тяжелы для нас. Почти все наши эксперты утверждали, что, принимая во внимание положение дел в Польше, особенно же учитывая ее тяжелое финансовое положение, можно было бы добиться мирных условий, гораздо более благоприятных для нас, в том случае, если бы мы могли продолжать военные действия хотя бы еще некоторое время. Тогда бы для нас не была исключена возможность добиться полной победы. При условии продолжения войны национальные противоречия в восточной Галиции и в других частях Польши значительно ослабили бы военную силу официальной империалистической Польши. Несмотря на субсидии и кредиты Франции, все растущее бремя военных расходов и бедственное финансовое положение вызвали бы в конце концов движение крестьян и рабочих. Были указания и на ряд других обстоятельств, доказывающих, что при дальнейшем ведении войны наши шансы становились бы все благоприятнее.

— Я сам думаю, — продолжал Ленин развивать после короткой паузы свою мысль, — что наше положение вовсе не обязывало нас заключать мир какой угодно ценой. Мы могли зиму продержаться. Но я считал, что с политической точки зрения разумнее пойти навстречу врагу, временные жертвы тяжелого мира казались мне дешевле продолжения войны. В конце концов наши отношения с Польшей от этого только выиграли. Мы используем мир с Польшей для того, чтобы обрушиться со всей силой на Врангеля и нанести ему такой сокрушительный удар,

который заставит его навсегда оставить нас в покое. Советская Россия может только выиграть, если она своим поведением доказывает, что ведет войну только для того, чтобы оборонять себя и защищать революцию, что она единственное большое миролюбивое государство в мире, что ей чуждо какое-либо намерение захватить чью-либо территорию, подчинить себе какие-либо нации и вообще затевать империалистические авантюры. Но самое главное было то: могли ли мы без самой крайней нужды обречь русский народ на ужасы и страдания еще одной зимней кампании? Могли ли мы послать наших героев-красноармейцев, наших рабочих и крестьян, которые вынесли столько лишений и столько терпели, опять на фронт? После ряда лет империалистической и гражданской войны — новая зимняя кампания, во время которой миллионы людей будут голодать, замерзать, погибать в немом отчаянии. Наличие съестных припасов и одежды сейчас ничтожно. Рабочие кричат, крестьяне ворчат, у них только забирают и ничего не дают... Нет, мысль об ужасах зимней кампании была для меня невыносима. Мы должны были заключить мир.

Пока Ленин говорил, лицо его у меня на глазах как-то съежилось. Бесчисленные большие и мелкие морщины глубоко бороздили его. Каждая из них была проведена тяжелой заботой или же разъедающей болью... Вскоре он ушел. Между прочим, он мне еще успел сказать, что заказаны десять тысяч кожаных костюмов для красноармейцев, которые должны взять Перекоп со стороны моря. Но еще до того, как эти костюмы были готовы, мы ликовали, получив известие, что героические защитники Советской России под гениальным и смелым предводительством т. Фрунзе штурмом овладели перешейком. Это был беспрецедентный военный подвиг, совершенный войсками и вождями.

Одной заботой, одним страданием у Ленина стало меньше — на Южном фронте также не предстояло зимней кампании.

* *

*

III Всемирный конгресс нашего Интернационала и Вторая Международная конференция коммунисток¹ привели меня в 1921 году вторично в Москву, где я оставалась довольно долго. Тяжелое было время! Тяжелое — не столько потому, что заседания происходили во второй половине июня и в первой половине июля, когда солнце заливало своими жаркими лучами блестящие золотые церковные купола Москвы, сколько из-за той атмосферы, которая царил среди партий Коминтерна.

¹ III конгресс Коммунистического Интернационала состоялся 22 июня — 12 июля 1921 г.

² II Международная конференция коммунисток состоялась в Москве 9—15 июня 1921 г. *Ред.*

В Германской коммунистической партии эта атмосфера была насыщена электричеством; бури, гром и молния были повседневным явлением. Наши пессимисты, которые вдохновляются только тогда, когда они могут, как им кажется, предчувствовать те или иные бедствия, предсказывали распад и конец партии. Организованные в III Интернационал коммунисты были бы плохими интернационалистами, если бы страстные дебаты по вопросам теории и тактики в немецкой партии не воспламенили умы товарищей других стран.

«Немецкий вопрос» действительно превратился в проблему, которая в те дни стала проблемой всего Коминтерна.

«Мартовское выступление»¹ и так называемая «теория наступления» — а она лежала в его основании и была неотделима от его исходного пункта, хотя была ясно и строго формулирована лишь впоследствии, и притом в целях оправдания этого выступления, — побудили весь Коминтерн основательно разобратся в мировом хозяйстве и мировой политике. Он должен был таким путем расчистить себе твердую почву для своих принципиальных и тактических позиций, т. е. для своих ближайших задач, для революционной мобилизации и подъема пролетариата и всех трудящихся.

Как известно, я принадлежала к самым резким критикам «мартовского выступления» не потому, что оно будто бы не было борьбой рабочего класса, а потому, что оно было неправильно задумано партией, плохо ею подготовлено, плохо организовано, неудачно руководимо и неудачно выполнено. Наскоро сколоченную «теорию наступления» я подвергла самой резкой критике. К этому, вдобавок, у меня прибавился еще и «личный счет». Колебания в позиции ЦК германской партии в отношении конгресса итальянских социалистов в Ливорно² и в отношении тактики Исполнительного Комитета побудили меня немедленно и демонстративно выйти из состава ЦК. Тяжело, очень тяжело было мне сознавать, что я таким «нарушением

¹ Имеются в виду оборонительные вооруженные бои рабочих Средней Германии 22 марта — 1 апреля 1921 г. Вследствие политики правых лидеров с.-д. партии и профсоюзов выступление рабочих не получило значительной поддержки в других районах страны. Героическое выступление рабочих Средней Германии было жестоко подавлено. О «мартовском выступлении» см. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 28—29, 33, 92—94, 99, 105. *Ред.*

² Имеется в виду раскол Итальянской социалистической партии, который произошел на съезде в Ливорно (15—21 января 1921 г.). П. Леви, присутствовавший на этом съезде в качестве представителя ОКПГ, возвратившись в Германию, взял под защиту итальянских центристов во главе с Серрати. 24 февраля 1921 г., после того как ЦК ОКПГ принял резолюцию, направленную против Серрати и его сторонников и приветствовавшую образование Коммунистической партии Италии, П. Леви вместе с четырьмя другими членами ЦК ОКПГ вышел из ЦК. *Ред.*

дисциплины» очутилась в резкой оппозиции к тем, кто и политически и лично стоял ко мне ближе всего, т. е. к русским друзьям.

В Исполкоме Коминтерна и в ЦК русской партии, как и во многих других секциях Коминтерна, «мартовское выступление» имело немало фанатических защитников. Они превозносили его как массовую революционную борьбу, которую вели сотни тысяч революционеров-пролетариев. «Теория наступления» сразу была объявлена чем-то вроде нового евангелия революции. Я знала, что меня ожидают очень жаркие бои, и твердо решила принять этот бой, безразлично, одержу ли я победу или потерплю неудачу.

Что же думает Ленин по поводу всех этих надвинувшихся вопросов? Он, который, как никто, умеет превращать марксистские революционные принципы в действие, улавливать людей и вещи в их исторической связи, оценивать соотношение сил, принадлежит ли он к «левым» или к «правым»? На каждого, кто не выражал безусловного восторга перед «мартовским выступлением» и «теорией наступления», само собою разумеется, была наклеена этикетка — «правый» или «оппортунист». Со страстным нетерпением ожидала я недвусмысленного ответа на все эти вопросы. Эти ответы должны стать решающими для существования Коминтерна, для его цели, для его способности к действию. С момента моего ухода из ЦК немецкой партии пути моей переписки с русскими друзьями были оборваны, так что я об оценке Лениным «мартовского выступления» и «теории наступления» знала только по слухам и по догадкам, то опровергавшимся, то снова повторявшимся. Продолжительная беседа с ним несколько дней спустя после моего приезда дала мне недвусмысленный ответ на все вопросы.

Прежде всего Ленин потребовал доклада о положении дел в Германии и в частности внутри партии. Я постаралась сделать это с возможной ясностью и объективностью, приводила факты и цифры. Время от времени Ленин задавал вопросы, ставившие точки над «и», и делал краткие записи. Я не скрывала своей тревоги по поводу опасностей, которые, по моему мнению, угрожали немецкой партии и Коминтерну в том случае, если всемирный конгресс станет на почву «теории наступления». Ленин рассмеялся своим добрым уверенным смехом.

— С каких пор записались вы в число зловещих пророков? — спросил он. — Будьте спокойны, на конгрессе «теоретикам наступления» не придется особенно ликовать. Мы еще здесь. Думаете ли вы, что, свершив революцию, мы ничему не научились? Мы хотим, чтобы и вы из нее извлекли урок. Вообще можно ли это назвать теорией? Это — иллюзия, романтика, не что иное, как романтика. Поэтому-то она и была изобре-

тена в стране «мыслителей и поэтов», при содействии моего милого Бела¹, который тоже принадлежит к нации поэтически одаренной и чувствует себя обязанным быть всегда левее левого. Мы не должны сочинять и мечтать. Мы должны оценивать трезво, совершенно трезво мировое хозяйство и мировую политику, если хотим вести борьбу против буржуазии и победить. И мы хотим победить, мы должны победить. Решение конгресса по вопросу о тактике Коминтерна и все связанные с этим спорные вопросы должны находиться в связи и рассматриваться вместе с нашими тезисами о положении мирового хозяйства. Все это должно образовать одно целое. Пока что мы должны больше прислушиваться к Марксу, чем к Тальгеймеру и Бела, хотя Бела — прекрасный, преданный революционер. Во всяком случае русская революция может большему научить, чем немецкое «мартовское выступление». Как я уже сказал, мне позиция конгресса не внушает никакой тревоги.

«Конгрессу надлежит также вынести свою резолюцию по вопросу о «мартовском выступлении», которое на деле ведь является продуктом, практическим применением «теории наступления», ее историческим наглядным примером, — прервала я Ленина. — Можно ли отделять друг от друга теорию от практики? Однако я вижу, что здесь многие из товарищей хотя и отвергают «теорию наступления», однако страстно защищают «мартовское выступление». Я считаю это целогичным. Конечно, мы все с искренним сочувствием преклоняемся перед теми пролетариями, которые вступили в бой, так как они были побуждаемы к тому провокацией Герзинга и хотели защитить свое право. Мы все заявили о своей солидарности с ними, — безразлично, были ли это сотни тысяч, как хотят уверить в этом рассказчики небылиц, или только несколько тысяч. Но совершенно иное представляла и представляет собой принципиальная и тактическая позиция нашего ЦК по отношению к «мартовскому выступлению». Последнее было и остается путчистским грехопадением, и этого мавра не в состоянии обелить никакое теоретическое, историческое или литературное мыло».

— Само собою, отпор, данный революционным пролетариатом, и штурм, произведенный плохо рассчитавшей партией или, вернее, ее руководящими органами, должны оцениваться различным образом. Однако вы — противники «мартовского выступления» — сами виноваты в том, что все так произошло. Вы видели только ложную политику ЦК, видели ее плохое влияние и не заметили борющегося пролетариата в Средней Германии. Кроме того, чисто отрицательная критика Пауля Леви, в которой нет чувства связи с партией, озлобила товарищей, может быть, больше по своему тону, чем своим содержанием, и от-

¹ Куна. Ред.

влекла внимание от важнейших сторон проблемы. Что касается вероятной позиции, которую займет партия по вопросу о «мартовском выступлении», то вы должны принять во внимание, что нам нужно найти почву для компромисса. Да не смотрите на меня с удивлением и упреком. Вам и друзьям вашим придется пойти на какой-нибудь компромисс. Вы должны удовлетвориться тем, что львиная доля в ориентации конгресса принадлежит вам, вы ее унесете с собой домой. Ваша основная политическая линия победит — и победит блестяще. Это, конечно, помешает повторению «мартовских выступлений». Резолюции конгресса должны быть самым строгим образом проведены в жизнь. Эту заботу возьмет на себя Исполком Коминтерна. На этот счет у меня нет никаких сомнений¹.

— Конгресс свернет шею пресловутой «теории наступления». Он наметит тактику в полном соответствии с вашими воззрениями. За это ему придется подать сторонникам «теории наступления» кой-какие крохи утешения. Если мы при обсуждении «мартовского выступления» выдвинем на передний план именно то, что боролся спровоцированный лакеями буржуазии пролетарий, и если мы в других отношениях проявим немного «отеческой», «исторической» снисходительности, — то это будет хорошо. Вы, Клара, конечно, будете протестовать против этого, как против затушевывания и т. п. Но это вам не поможет. Если мы хотим, чтобы тактика, подлежащая утверждению конгресса, была строго и без больших трений проведена, стала законом для деятельности коммунистических партий, — то наши милые «левые» должны чувствовать себя не особенно задетыми и вернуться домой без особо горького чувства. Мы должны также — и это в первую очередь — обратить особое внимание на подлинно революционных рабочих внутри партии и вне ее. Вы мне как-то раз писали, что мы, русские, должны немного научиться понимать психологию Запада и не тыкать сейчас же в лицо жесткой метлой. Я принял это к сведению, — Ленин с довольным видом улыбнулся. — Так вот, мы не хотим сейчас же тыкать метлой в физиономию «левых», мы даже собираемся пролить немного бальзама на их раны. Они должны серьезно и вместе с вами взяться за проведение в жизнь тактики III конгресса нашего Интернационала. Ведь это означает: собирать широкие рабочие массы соответственно вашей политической линии, мобилизовать их и под руководством Коммунистической партии вести в бой против буржуазии для завоевания политической власти.

¹ В решениях III конгресса Коминтерна урокам «мартовского выступления» посвящены раздел VII тезисов «О тактике» и резолюция «Мартовские события и Объединенная коммунистическая партия Германии» (см. Коммунистический Интернационал в документах. — М., 1933, с. 194, 225). *Ред.*

— Впрочем, основные линии тактики, которой надлежит держаться, ясно намечены в той резолюции, которую вы предложили президиуму ЦК. Эта резолюция отнюдь не носила отрицательного характера, как брошюра Пауля Леви. При всей критике, в ней содержащейся, она имела положительный характер. Как же было возможно ее отклонить? После какой дискуссии и на основании каких мотивов? Вместо того чтобы использовать различие между положительным характером вашей резолюции и отрицательным характером брошюры Пауля Леви с целью отделить вас от Леви, вас разделили тут же рядом с ним. Как опрометчива такая позиция!

«Может быть, вы думаете, дорогой товарищ Ленин,— прервала я его,— что вы должны мне также преподнести несколько крох в утешение, так как мне предстоит проглотить этот компромисс? Но я обойдусь без утешения и без бальзама».

— Нет, нет,— возразил Ленин,— я об этом не думал. В доказательство я вам тотчас же дам хорошую трепку. Скажите, как могли вы совершить такую капитальную глупость, именно капитальную глупость,— убежать из ЦК? Куда девался ваш разум? Я был возмущен этим, крайне возмущен. Можно ли было действовать так безрассудно, не считаясь с последствиями такого шага, не поставив нас в известность об этом, не запросив нашего мнения. Почему вы не написали Зиновьеву, почему вы мне не написали? Вы ведь могли, по крайней мере, телеграфировать.

Я изложила Ленину все те основания, которые привели меня к этому решению (оно внезапно вытекло в связи со сложившейся тогда ситуацией). Он не согласился с моими доводами.

— Вот еще! — воскликнул Ленин с живостью. — Вы получили мандат в ЦК не от группы товарищей, а от партии в целом. Вы не имели права отказаться от оказанного вам доверия.

Но находя, что я недостаточно раскaiваюсь, он продолжал резко критиковать мой уход из ЦК и тотчас же вслед за этим прибавил:

— Не нужно ли считать вполне заслуженным вами наказанием то, что вчера на женской конференции против вас вполне организованно направлялись нападки, как против воплощения оппортунизма самого худшего сорта? Нападки под личным руководством Рейтера¹. Конечно, все это было просто глупостью, крупной глупостью воображать, что можно спасти «теорию наступления», нападая на вас из-за угла женской конференции. Надеюсь, что вы отнесетесь к политической стороне этого эпи-

¹ Рейтер (Фрисланд) Эрнст (1889—1953) — в 1919 г. вступил в Коммунистическую партию Германии. В начале 1922 г. за антипартийную деятельность исключен из КПГ: позднее — один из правых лидеров с.-д. партии Германии, прислужник фашизма. *Ред.*

зода, как к чему-то смехотворному, хотя с моральной стороны он имеет очень неприятный привкус. Надо, милая Клара, всегда иметь в виду рабочих, массы, надо всегда только о них думать и думать о нашей цели, которой мы добьемся. Тогда все эти мелочи исчезают. Кому они не выпадали на долю? Вы можете мне поверить, что я тоже проглотил немалую дозу их. Может быть, вы думаете, что большевистская партия, которой вы так восхищаетесь, сложилась сразу, в одно мгновение? Даже друзья иногда делали обратное тому, что можно назвать благоразумием. Но вернемся к вашему прегрешению: вы должны дать мне слово, что никогда больше не станете делать таких необдуманных шагов, в противном случае — конец нашей дружбе.

Беседа наша после этого вновь вернулась к главной теме. Ленин в основных чертах развил свои взгляды на тактику Коминтерна в том виде, как он впоследствии изложил их в своей великолепной, ясной речи на конгрессе¹ и заострил еще больше во время полемики в совещаниях комиссий.

— Первая волна мировой революции спала, вторая же еще не поднялась, — говорил Ленин. — Было бы опасно, если бы мы на этот счет строили себе иллюзии. Мы не царь Ксеркс, который велел сечь море цепями. Но разве констатировать факты — значит оставаться бездеятельным, т. е. отказаться от борьбы? Ничуть. Учиться, учиться, учиться! Действовать, действовать, действовать! Надо подготовиться, вполне хорошо подготовиться для того, чтобы совершенно сознательно, с полной энергией использовать ближайшую надвигающуюся революционную волну. Вот в чем суть. Нужна неутомимая партийная агитация и пропаганда, а затем — партийное действие. Но партийное действие, свободное от безумия, будто оно может заменить выступление масс. Как много мы, большевики, должны были работать среди масс, прежде чем могли сказать себе: «готово, вперед!» Поэтому — к массам! Завоевание масс — как предпосылка для завоевания власти. Этой позицией конгресса вы, «антимартовцы», можете вполне удовлетвориться.

«А Пауль Леви? Каково ваше отношение к нему? Как относятся к нему друзья ваши? Какую позицию займет по отношению к нему конгресс?» — уже давно эти вопросы горели у меня на языке.

— Пауль Леви, к сожалению, стал особым вопросом, — ответил Ленин. — Вина за это лежит главным образом на самом Леви. Он от нас отошел и упрямо зашел в какой-то тупик! В этом вы могли сами убедиться во время вашей столь интенсивной агитации среди делегаций. Я считал, что он тесно связан с пролетариатом, хотя и улавливал в его отношениях к рабочим некоторую сдержанность, нечто вроде желания

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 23—33. *Ред.*

«держаться на расстоянии». Со времени появления его брошюры¹ у меня возникли сомнения на его счет. Я опасаясь, что в нем живет большая склонность к самокопанию, самолюбванию, что в нем — что-то от литературного тщеславия. Критика «мартовского выступления» была необходима. Что же дал Пауль Леви? Он жестоко искромсал партию. Он не только дает очень одностороннюю критику, преувеличенную, даже злобную, — он ничего не дает, что позволило бы партии ориентироваться. Он дает основания заподозрить в нем отсутствие чувства солидарности с партией. И вот это обстоятельство было причиной возмущения многих рядовых товарищей. Это сделало их слепыми и глухими ко многому верному, заключающемуся в критике Леви. Таким образом, создалось настроение — оно передалось также товарищам и из других секций, — при котором спор о брошюре, вернее, о личности Пауля Леви, сделался исключительным предметом дебатов вместо вопроса о ложной теории и плохой практике «теоретиков наступления» и «левых». Последние должны быть благодарны Леви за то, что они пока так дешево отделались, слишком дешево. Пауль Леви — сам свой злейший враг.

Последние фразы Ленина я должна была пропустить без возражений, но я энергично протестовала против других суждений Ленина.

«Пауль Леви не тщеславный, самодовольный литератор, — сказала я. — Он не честолюбивый политический карьерист. Несчастьем было для него то, что он столь молодым принял на себя руководство партией. После убийства Розы², Карла и Лео³ он должен был взять на себя это руководство, хотя нередко и противился этому. Это факт. Даже если в отношениях наших товарищей с ним нет особой теплоты и он остается одиноким, я все-таки убеждена, что он всем своим существом связан с партией и с рабочими. Злополучное «мартовское выступление» потрясло его до глубины души. Он был твердо убежден, что оно легкомысленно поставило на карту существование партии и разрушило то, за что Карл, Роза и Лео и многие другие отдали свою жизнь. Он рыдал, буквально рыдал от боли при мысли,

¹ Речь идет о брошюре P. Levi «Unser Weg. Wider den Putschismus» («Наш путь. Против путчизма»), выпущенной им 3 апреля 1921 г. в Берлине. *Ред.*

² Люксембург. *Ред.*

³ Либкнехт Карл (1871—1919) — выдающийся деятель германского и международного рабочего движения; один из основателей Коммунистической партии Германии (КПГ). В январе 1919 г. был зверски убит контрреволюционерами.

Игихес (Тышка Ян) (1867—1919) — видный деятель польского и немецкого рабочего движения. В 1918 г. участвовал в создании КПГ и был избран секретарем ее ЦК. В марте 1919 г. был арестован и убит в берлинской тюрьме. *Ред.*

что партия погибла. Он считал возможным спасти ее только при условии применения самых острых средств. Он писал свою брошюру в таком же настроении, в каком паходился легендарный римлянин, добровольно бросившийся в разверзшуюся бездну в надежде ценой своей жизни спасти отечество. Намерения Пауля Леви были самые чистые, самые бескорыстные. Он хотел излечить, а не разрушать».

— По этому поводу я с вами спорить не хочу,— возразил Ленин.— Вы лучший защитник Леви, чем он сам. Но вы ведь знаете: в политике имеет значение не намерение, а результат. У вас, немцев, ведь есть поговорка, гласящая, что «дорога в ад вымощена благими намерениями». Конгресс осудит Пауля Леви и будет суров в отношении к нему. Это неизбежно¹. Однако Леви будет осужден только за нарушение дисциплины, а не за основную политическую точку зрения, на которой он стоит. Да и как это было бы возможно в такой момент, когда эта точка зрения признается правильной! Таким образом, Паулю Леви широко открыт путь для того, чтобы вернуться в наши ряды. Лишь бы он сам не загородил себе дороги. Его политическая судьба находится в его руках. Он должен в качестве дисциплинированного коммуниста подчиниться постановлению конгресса и на некоторое время исчезнуть из политической жизни. Конечно, это будет ему очень горько. Я ему сочувствую, и мне искренне жаль его. Поверьте мне. Но избавить его от жестокого испытания я не могу.

— Леви должен взять на себя это искупление. Это будет для него временем усиленных занятий и спокойного углубления в себя. Он молод годами и недавно в партии. В его теоретическом образовании имеется много пробелов, в области политической экономии он еще в подготовительном классе марксизма. После более углубленных занятий он вернется к нам с твердыми принципами в качестве лучшего, более принципиального партийного вождя. Мы не должны утратить Леви как ради него самого, так и ради дела. У нас нет избытка талантов, и мы должны дорожить тем, что имеем. И если ваша характеристика Пауля Леви правильна, то окончательный разрыв с революционным авангардом пролетариата причинит ему неизлечимые раны. Переговорите вы с ним по-дружески, помогите ему увидеть вещи в том виде, как они есть, с общей точки зрения, а не с точки зрения личной его «правоты». Я вас в этом отношении поддержу. Если Леви подчинится дисциплине и поведет себя правильно — он может, например, сотрудничать без подписи в

¹ Вопрос об исключении П. Леви из Объединенной коммунистической партии Германии обсуждался на заседании Исполкома Коминтерна 29 апреля 1921 г. В резолюции, принятой ИККИ, было одобрено решение об исключении П. Леви из ОКПП (см. Коммунистический Интернационал, 1921, № 17, стб. 4295—4298). *Ред.*

партийной прессе, может выпустить несколько хороших брошюр и т. д., — то по истечении трех или четырех месяцев я в открытом письме потребую его реабилитации. Ему предстоит выдержать боевое крещение. Будем надеяться, что он его выдержит.

Я вздохнула. В душу мою закралось обдавшее меня холодом ощущение, что я стою перед чем-то неотразимым, последствия чего нельзя вперед угадать.

«Дорогой товарищ Ленин, — сказала я, — сделайте, что можете! У вас, у русских, руки свободны для того, чтобы наносить удары. Ваши объятия быстро раскрываются для того, чтобы прижать к сердцу. Из вашей партийной истории мне известно, что у вас проклятия и благословения следуют друг за другом, как быстро проходящий ветер в степи. У нас же, «людей Запада», кровь более тяжелая. На нас лежит бремя тех исторических наслоений, о которых говорит Маркс. Прошу вас еще раз горячо: сделайте все возможное, чтобы мы не потеряли Леви».

Ленин ответил:

— Будьте спокойны, я сдержу данное вам обещание. Лишь бы сам Леви продержался.

Ленин схватил свою простую, несколько поношенную кепку с козырьком и ушел от меня спокойным и энергичным шагом.

* *
*

«Оппозиционеры» из германской делегации — гг. Мальцан, Нейман, Франкен и Мюллер — вполне естественно испытывали горячее желание встретиться с Лениным, чтобы на основании своего опыта осветить перед ним характер и последствия «мартовского выступления». Тов. Франкен был делегирован из Рейнской провинции, трое остальных были работниками профсоюзов. Они справедливо придавали большое значение тому, чтобы ознакомить вождя Коминтерна с настроением обширных кругов, проникнутых классовым сознанием и вполне революционно настроенных пролетариев, а также тому, чтобы высказать ему свои собственные взгляды по поводу «теории наступления» и той тактики, которой следует держаться. Само собой разумеется, им также очень хотелось лично услышать от Ленина его мнение по вопросам, которые их занимали. Ленин отнесся к желанию товарищей, как к чему-то «само собой разумеющемуся». Был назначен день и час, когда он должен был встретиться с ними у меня. Товарищи пришли несколько раньше него, так как мы должны были сговориться относительно нашего участия в дебатах.

Ленин отличался большой аккуратностью. Почти минута в минуту, как было условлено, он вошел в комнату, по своему

обыкновенно просто, едва замеченный горячо спорившими товарищами.

— Здравствуйте, товарищи!

Он пожал всем руку и сел между нами для того, чтобы тотчас же принять участие в разговорах. Мне все это было знакомо, и мне казалось само собою понятным, что каждый из товарищей должен знать Ленина в лицо. Поэтому мне не пришлось в голову представить им его. После того как прошло минут десять в общей беседе, один из них отвел меня в сторону и тихонько спросил:

«Скажите, товарищ Клара, кто же, собственно, этот товарищ?»

«Как, разве вы его не узнали? Ведь это Ленин».

«Нет, вот тебе и раз, — сказал мой друг, — я полагал, что в качестве большого барина он заставит нас ждать. Самый рядовой товарищ не может держать себя проще! Надо видеть, как наш бывший товарищ Герман Мюллер торжественно носит в рейхстаге фалды своего сюртука, с тех пор как он однажды побывал рейхсканцлером».

Мне казалось, что «товарищи из оппозиции» и Ленин экзаменовали друг друга. Ленин больше старался, по-видимому, прислушиваться, сравнивать, констатировать и ориентироваться вместо того, чтобы самому «произносить передовицы», хотя он, вообще говоря, мнения своего не скрывал. Он без усталости задавал вопросы и с напряженным вниманием следил за рассуждениями товарищей, часто требуя объяснения или дополнительных данных. Он очень подчеркивал важность планомерной, организованной работы среди широких трудящихся масс и необходимость жесткой дисциплины и централизации. Ленин позже заявил мне, что эта встреча произвела на него хорошее впечатление.

— Что за славные ребята, эти немецкие пролетарии склада Мальдана и его товарищей! Я готов допустить, что на каком-нибудь базаре радикального вранья они не сумеют глотать горящую паклю. Я не знаю, годятся ли они как ударный отряд. Но в одном я твердо уверен, это в том, что именно такие люди, как они, образуют широкие, сплоченные отряды революционных пролетариев, что они являются основной, главной силой, которая на своих плечах выносит всю тяжесть работы в производстве и в профсоюзах. Такие элементы мы должны собирать и привести в действие. Они связывают нас с массами.

Одно воспоминание — не политического характера. Когда Ленин заходил ко мне, то это было настоящим праздником для всех в доме, начиная с красноармейцев, которые стояли у входа, до девочки, прислуживавшей в кухне, до делегатов Ближнего и Дальнего Востока, которые, как и я, проживали на этой огромной даче: этот бывший особняк одного богатого фабрикан-

та революция передала в собственность Московской коммуны.

«Владимир Ильич пришел!» От одного к другому передавалось это известие, все сторожили его, сбегались в большую переднюю или собирались у ворот, чтобы приветствовать его. Их лица озарялись искренней радостью, когда он проходил мимо, здороваясь и улыбаясь своей доброй улыбкой, обмениваясь с тем или другим парой слов. Не было и тени принужденности, не говоря уже о подобострастии, с одной стороны, и ни малейшего следа снисходительности или же погони за эффектом — с другой. Красноармейцы, рабочие, служащие, делегаты на конгресс из Дагестана, Персии совместно с прославленными благодаря Паулю Леви «туркестанцами» в их фантастических костюмах — все они любили Ленина, как одного из своих, и он чувствовал себя своим человеком среди них. Сердечное, братское чувство роднило их всех.

* *
*

«Теоретики наступления» во время дебатов по поводу реферата Троцкого «Всемирный экономический кризис и новые задачи Коминтерна», на совещаниях комиссий и пленуме не добились никакого успеха. При помощи поправок и дополнений к тезисам доклада «О тактике Коминтерна» они все-таки надеялись обеспечить победу своим взглядам. Такие поправки были внесены немецкой, австрийской и итальянской делегациями. Товарищ Террачини защищал эти поправки. За их принятие велась страстная агитация. Какая же резолюция будет принята? Атмосфера крайнего напряжения наполняла огромный, высокий кремлевский зал, в котором ярко-красный цвет коммунистического народного дома скрадывает у сверкающего золотом царского дворца оттенок холодности и чопорности. В сильнейшем нервном напряжении следили за ходом заседаний сотни делегатов и густая толпа слушателей.

Ленин берет слово. Его доклад¹ — мастерский образец его искусства убеждать. Ни малейшего признака риторических прикрас. Он действует только силой своей ясной мысли, неумолимой логикой аргументации и последовательно выдержанной линией. Он кидает свои фразы, как неотесанные глыбы, и возводит из них одно законченное целое. Ленин не хочет ослепить, увлечь, он хочет только убедить. Он убеждает и этим увлекает. Не при помощи звонких, красивых слов, которые пьянят, а при помощи прозрачной мысли, которая постигает без самообмана мир общественных явлений в их действительности и с беспощадной правдой «вскрывает то, что есть».

¹ См. «Речь в защиту тактики Коммунистического Интернационала 1 июля» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 23—33). *Ред.*

То как свистящие удары бича, то как сокрушающие удары меча обрушиваются рассуждения Ленина на голову тех, кто из «охоты за правыми» сделал себе своего рода спорт, кто не понимает того, что именно обеспечивает нам победу¹.

— Только когда мы в процессе борьбы сумеем привлечь на нашу сторону большинство трудящихся масс, и не только большинство рабочих, но и большинство эксплуатируемых и угнетенных, только тогда мы действительно победим.

Каждый чувствовал — сейчас был дан решающий бой. Когда я, охваченная восторгом, пожимала ему руку, я не могла удержаться, чтобы не сказать ему:

«Послушайте, товарищ Ленин, у нас председатель какого-нибудь собрания в каком-нибудь уездном городишке боялся бы говорить так просто, так непритязательно, как вы. Он боялся бы казаться «недостаточно образованным». Я могу сравнить ваше искусство говорить только с одним: с великим искусством Толстого. У вас та же крупная, цельная, законченная линия, то же непреклонное чувство правды. В этом — красота. Может быть, это специфическая отличительная черта славянской природы?»

— Этого я не знаю, — ответил Ленин. — Я знаю только, что, когда я выступал «в качестве оратора», я все время думал о рабочих и крестьянах как о своих слушателях. Я хотел, чтобы они меня поняли. Где бы ни говорил коммунист, он должен думать о массах, он должен говорить для них. Впрочем, хорошо, что никто не слышал о вашей гипотезе по части национальной психологии. Могли бы сказать: вот-вот, старик дает себя опутать комплиментами. Мы должны быть осторожны, чтобы не вызвать подозрения, будто оба старика составляют заговор против «левых». «Левые» ведь совсем не занимаются интригами и заговорами.

Громко смеясь, Ленин поспешил из залы вернуться к ожидавшей его работе.

В день моего отъезда Ленин пришел проститься со мной и снабдить меня «хорошими советами», в которых я, по его мнению, «нуждалась».

— Вы, конечно, не вполне удовлетворены исходом конгресса, — сказал он. — Вы не скрываете, что, по вашему мнению, конгресс поступил нелогично в том, что, заняв принципиально и тактически одинаковую линию с Паулем Леви, он все-таки исключил его из партии. Кара должна была последовать. Я имею в виду при этом не только ошибки Леви, о которых я говорил раньше. Я имею в виду главным образом то, насколько он затруднил нам провести тактику завоевания масс. Он также должен признать свои ошибки и извлечь из

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 27. *Ред.*

них урок для себя, ибо он вскоре благодаря своим политическим способностям снова возьмет на себя руководство партией.

«Я думаю,— ответила я,— что существует только один путь, на котором Леви мог бы подчиниться дисциплине Коминтерна, не отрекаясь от своих взглядов. Он должен сложить свой мандат депутата рейхстага и закончить выпуск своего журнала помером, в котором даст вполне объективную оценку работе нашего III Всемирного конгресса с высокого сторожевого поста истории. Это, само собой, не исключает критического отношения к этой работе, а наоборот. Равным образом, он должен сделать заявление, что хотя он считает резолюцию конгресса, направленную против него, несправедливой и непоследовательной, но что в интересах дела он ей подчиняется. Пауль Леви благодаря такому шагу, в котором проявилось бы его мужество и самообладание, ничего не потерял бы как политик и человек, а только выиграл бы. Он сумел бы доказать вопреки грязным подозрениям своих противников, что ему коммунизм дороже всего».

— Ваше предложение превосходно, поистине превосходно,— заметил Ленин.— Но примет ли его исключенный из партии Леви? Во всяком случае я желаю, чтобы в оценке Леви оказался основательным ваш горячий оптимизм, а не пессимизм многих других. Я вам еще раз обещаю выступить перед партией с открытым письмом в пользу обратного приема Леви в партию, если только он сам не сделает невозможным такой шаг. Но вернемся к главному: все резолюции III конгресса в общем и целом должны вас удовлетворить. Они имеют весьма важное историческое значение и являются действительно «поворотным пунктом» в развитии Коминтерна. Ими заканчивается первый период в его развитии на пути к революционной массовой партии. В силу этого конгресс должен был основательно покончить с левыми иллюзиями, будто мировая революция непрерывно идет вперед в своем бурном первоначальном темпе, что мы находимся на гребне второй революционной волны и что исключительно от воли партии и ее активности зависит возможность обеспечить победу нашему знамени. Конечно, на бумаге и в зале заседаний конгресса легко «сделать» революцию в безвоздушном пространстве, свободном от каких бы то ни было объективных условий, и провозгласить ее как «славное действие одной партии» — без участия масс. Но в конечном счете это даже не революционный, а какой-то просто-напросто мелкобуржуазный взгляд. Эти «левые глупости» нашли себе в немецком «мартовском выступлении» и в «теории наступления» свое конкретное и самое резкое выражение. Случилось так, что они должны были быть ликвидированы на вашей спине, вам пришлось поплатиться своими боками. Счеты были сведены в международном масштабе.

— Теперь вы должны в Германии в качестве единой твердой партии постараться провести одобренную нами тактику. Так называемый «мирный договор», который заключен между вами и который мы кое-как склеили, сам по себе не может служить твердой базой для этого. Это будет самообманом, если вы слева и справа не будете воодушевлены искренним и честным стремлением действовать как единая партия на основе ясной и определенной политической линии. Вы должны, несмотря на все ваше нежелание и нерасположение, безусловно войти в ЦК партии. И вы не должны больше оттуда убегать, даже если вам лично покажется, что вы имеете на это право или что вы даже обязаны это сделать. У вас нет никакого права, кроме права в тяжелое время служить партии и пролетариату. Ваш долг теперь сохранить партию. Я делаю вас персонально ответственной за то, чтобы в партии не произошло никакого раскола. В самом крайнем случае допустимо лишь отделение какой-нибудь небольшой группы. Вы должны быть строгой с молодыми товарищами, не имеющими еще глубокой теоретической подготовки и большого практического опыта, и в то же время вы должны проявить по отношению к ним много терпения.

Тут я прервала «наставления» Ленина удивленным вопросом: «Имеются ли у вас какие-либо подозрения на этот счет?» Мой наставник рассмеялся: «Нет, но у меня есть опыт». Затем он продолжал:

— Особенно важно, чтобы вы собрали вокруг нашего знамени давних товарищей, которые уже имеют заслуги перед рабочим движением. Я имею в виду таких товарищей, как Адольф Гофман, Фриц Гейер, Деймиг, Фриз и другие. И в отношении к ним вам придется проявить терпение, не объявлять сейчас же, что «чистоте коммунизма» угрожает опасность, если когда-нибудь случится, что им не удастся точно и четко формулировать свою коммунистическую мысль. Эти товарищи проникнуты самым твердым намерением стать хорошими коммунистами, и вы должны помочь им стать такими. Вполне понятно, что вы не должны делать никаких уступок пережиткам реформистских теорий. Реформизм не должен нам доставляться контрабандой под каким-нибудь фальшивым флагом. Но вы должны поставить таких товарищей в соответствующие условия, чтобы они не могли говорить и действовать иначе, как коммунисты. Может быть, и даже вероятно, вам, несмотря на это, придется пережить иногда те или другие разочарования. Если вам случится утратить одного товарища, который «свихнется», то вы, действуя твердо и умно, сумеете сохранить двух, трех, десять товарищей, которые одновременно с ним пришли к вам и сделали настоящими коммунистами. Такие товарищи, как Адольф Гофман, Деймиг и т. д., приносят

с собой в партию опыт и известную осведомленность. Они прежде всего живые звенья, связывающие партию с широкими рабочими массами, доверием коих они пользуются. Все дело в массах. Мы не должны их запугивать ни «глупостями слева», ни «страхами справа». И мы завоюем массы, если и в большом и в малом станем действовать как твердокаменные коммунисты. Вам в Германии предстоит сейчас выдержать экзамен по тактике завоевания масс. Не приносите нам разочарований, и пусть первым вашим шагом в этом направлении не будет раскол партии. Нужно, Клара, всегда думать о массах, и тогда вы совершите революцию, как мы ее совершили: с массами и через массы.

* * *

*

После этой прощальной беседы я два раза приезжала в Москву, и мое пребывание, словно черной тенью, было омрачено тем, что я не могла ни говорить с Лениным, ни видеть его. Тяжелый недуг свалил его, такого сильного, такого стойкого. Но вопреки всем злоеющим слухам и пророчествам здоровье его поправлялось. Когда я в конце октября в 1922 году ехала на IV Всемирный конгресс Коминтерна, я знала, что увижу Ленина. Он настолько поправился, что должен был сделать доклад на тему «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции»¹. Можно ли было придумать лучший юбилейный праздник для русской революции, как то, что ее выздоровевший гениальный вождь будет говорить о ней перед представителями пролетарского авангарда? На другой день после моего приезда ко мне пришел в радостном возбуждении один товарищ, по-видимому, перешедший по наследству от старого «режима» к новому:

«Вас, товарищ, хочет навестить Владимир Ильич. Это господин Ленин, он скоро будет здесь».

Это сообщение настолько меня взволновало, что в первое мгновение я совершенно не обратила внимания на комическое «господин Ленин». Я тотчас же вскочила из-за письменного стола и бросилась к дверям. Владимир Ильич был уже тут, одетый в френч серого цвета, свежий, крепкий, каким он был до своей болезни. Пока я от счастья то смеялась, то плакала как дитя, Ленин удобно расположился у письменного стола.

— Не беспокойтесь, — ответил он на мои вопросы по поводу его здоровья. — Я чувствую себя вполне хорошо и совершенно крепким, я даже стал «благоразумным», по крайней мере по терминологии господ докторов. Я работаю, но пажу

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 278—294. *Ред.*

себя и строго придерживаюсь предписания врачей. Покорно благодарю, больше не хочу болеть. Это скверная штука,— дел очень много, да и Надежда Константиновна с Марией Ильичиной не должны еще раз иметь все эти заботы и труд по уходу за больным... Мировая история и без меня шагнула вперед в России и в остальном мире. Наши партийные товарищи работали очень, очень дружно, а это самое главное. Все они были перегружены работой, и я очень рад тому, что смогу их несколько разгрузить.

Затем товарищ Ленин расспросил меня, как всегда, когда мы встречались с ним, самым сердечным образом о моих сыновьях и потребовал под конец, чтобы я ему сделала доклад о положении в Германии и немецкой партии. Я вкратце информировала его, все время имея в виду, что не должна утомлять его. В его желании мне почувствовалась мысль, восставливавшая связь с нашей беседой во время III конгресса Коминтерна. Он стал шутить по поводу моей тогдашней «психологии снисходительности» в деле с Леви.

— Поменьше психологии, побольше политики,— сказал он.— Впрочем, в дискуссии по поводу Леви вы показали, что вы это тоже умеете. Строгая критика, которой вы его подвергли, была вполне заслуженна. Леви сам ликвидировал себя скорее и основательнее, чем это мог бы сделать злейший его враг. Для нас он теперь не представляет никакой опасности. Для нас он сейчас один из номеров социал-демократической партии — ничего больше. И он ничем другим для нас не может стать, даже если ему и суждено играть там некоторую роль. Впрочем, ввиду развала этой партии, это не трудно. Но для близкого соратника и друга Розы и Карла это самый позорный конец, какой можно себе представить. Да, самый позорный. Поэтому-то совершенно нельзя было ожидать, чтобы его уход и предательство могли серьезно потрясти Коммунистическую партию или повредить ей. Было несколько судорог в маленьких кружках и отпадение отдельных личностей. Партия здорова, в основе своей она здорова. Она находится на верном пути сделаться массовой партией, руководящей революционной массой, партией немецкого пролетариата... А как обстоит дело с вашей оппозицией? — спросил Ленин, помолчав немного.— Научилась ли она, наконец, вести политику, и именно коммунистическую политику?

Я обрисовала положение вещей и закончила сообщением, что «берлинская оппозиция» имеет в виду поставить перед IV Международным конгрессом задачу пересмотра позиции предыдущего конгресса и отменить ее. «Назад, ко II конгрессу!» — вот ее лозунг.

Ленина забавляла эта «беспримерная наивность», как он буквально выразился.

— «Левые» товарищи принимают Коминтерн за какую-то верную Пенелопу! — воскликнул он, весело смеясь. — Но ведь наш Интернационал не ткет днем для того, чтобы ночью распускать свою ткань. Он не может себе позволить роскошь сделать шаг вперед и сейчас же вслед за этим сделать шаг назад. Разве товарищи не имеют глаз, чтобы видеть, что перед ними разыгрывается? Что изменилось в мировом положении, чтобы завоевание масс перестало быть нашей исключительной задачей? Такие «левые» подобны Бурбонам: они ничему не научились и ничего не забыли. Насколько я осведомлен, за «левой» критикой, кроме критики ошибок, допущенных при проведении тактики единого фронта, скрывается желание послать к черту самую тактику единого фронта. Предстоящий съезд Коминтерна должен не отменить, а подтвердить, подчеркнуть и сильно подчеркнуть решения III конгресса как основу деятельности Коминтерна. Эти решения представляют шаг вперед по сравнению с работой II конгресса. Мы должны на них дальше опираться, иначе мы не превратимся в партию масс, в руководящую, революционную, классовую партию пролетариата. Стремимся ли мы к завоеванию власти, к диктатуре рабочих, к революции — да или нет? Если да, то сегодня, как и вчера, нет другого пути, кроме того, который намечен III конгрессом.

Затем Ленин выразил свое удовлетворение по поводу верного, хотя еще медленного процесса оживления хозяйства в Советской России. Он перечислял факты, приводил цифры, которые характеризовали этот процесс.

— Но об этом я буду говорить в своем докладе, — прервал он нить своих рассуждений. — Время для посещения друзей, разрешенное мне моими тиранами-врачами, уже миновало. Вы видите, как я дисциплинирован. Однако тем не менее я должен вам рассказать еще кое-что, что вас особенно обрадует. Представьте себе, на днях я получил письмо из глухой деревушки (к сожалению, я забыла трудное название. — *К. Ц.*). Около сотни детей из приюта пишут мне: «Дорогой дедушка Ленин, мы хотим тебе рассказать, что мы стали очень хорошими. Учимся прилежно. Уже хорошо умеем читать и писать, делаем много хороших вещей. Мы хорошенько моемся каждое утро и моем себе руки, когда идем кушать. Мы хотим доставить удовольствие нашему учителю, — он нас не любит, когда мы грязные» и т. д. Вот видите, милая Клара, мы делаем успехи во всех областях, серьезные успехи. Мы учимся культуре, мы умываемся и даже каждый день. Посмотрите, у нас даже дети в деревнях участвуют в воссоздании Советской России. И при этих условиях должны ли мы бояться, что победа будет не на нашей стороне? — И тут Ленин рассмеялся, рассмеялся своим прежним веселым смехом, в котором звучало так много доброты и уверенности в победе.

Несколько дней спустя слушала я, охваченная изумлением, доклад Ленина о русской революции, реферат выздоровевшего человека, проникнутого железной волей к жизни, стремящегося к творческому созданию социальной жизни,— слова выздоравливающего, к которому, однако, смерть уже беспощадно простирала свои костлявые руки. Но наряду и равноценно с этим последним историческим действием звучит неумолчно в моей душе конец последней личной беседы, которую я имела с Лениным, не считая обмена мнениями, который происходил при случайных встречах. Она смыкается в одно целое с моей первой «не политической» беседой с ним. Здесь, как и там, весь Ленин, тот же Ленин. Ленин, который в малом умел видеть великое, который умел схватывать внутреннюю связь между этим малым и этим великим и оценивать ее. Ленин, который в духе учения Маркса постиг тесную взаимную связь между народным образованием и революцией. Ленин, для которого народное образование означало революцию, а революция — народное образование. Ленин, который горячо и бескорыстно любил творческую массу трудящихся, а особенно детей — будущность этих масс, будущность коммунизма. Ленин, чье сердце было равновелико его мысли и его воле и который поэтому мог стать непревзойденным великим вождем пролетариата. Ленин, могучий и смелый, он стал победителем, потому что целиком был проникнут одним: любовью к творческим массам, доверием к ним, верой в величие и красоту того дела, которому он отдал свою жизнь, верой в торжество его. Вот почему он и мог совершить историческое «чудо». Ленин двигал горами.

Январь 1924 г.

Цеткин Клара. О Ленине: Сборник статей и воспоминаний. С предисл. Н. К. Крупской.— М., 1933, с. 27—66

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Товарищ Ленин неоднократно говорил со мной о женском вопросе. Он, очевидно, придавал женскому движению очень большое значение, как такой существенной составной части движения масс, которая может при известных условиях стать решающей его частью. Само собой разумеется, полное социальное равноправие женщины было для него основой, совершенно бесспорной для коммуниста.

Первая наша продолжительная беседа на эту тему происходила осенью 1920 года в большом кабинете Ленина в Кремле. Ленин сидел за своим покрытым бумагами и книгами письменным столом, который свидетельствовал о занятиях и работе, но без «гениального беспорядка».

— Мы безусловно должны создать мощное международное женское движение на ясной определенной теоретической основе, — начал он, поздоровавшись, нашу беседу. — Без марксистской теории не может быть хорошей практики, это ясно. Нам, коммунистам, необходима и в этом вопросе величайшая принципиальная чистота. Мы должны резко отграничиться от всех остальных партий. Правда, нашему II Международному конгрессу¹, к сожалению, не удалось обсудить женский вопрос. Он поставил вопрос, но не успел занять какую-либо определенную позицию. Дело застряло в комиссии. Она должна выработать резолюцию, тезисы, твердую линию. Но до сих пор ее работы мало подвинулись. Вы должны помочь ей в этом.

Я уже слышала от других то, что сообщал мне теперь Ленин, и выразила свое изумление по этому поводу. Я была полна энтузиазма от всего, совершенного русскими женщинами во время революции, от всего того, что они и сейчас делают для ее защиты и дальнейшего развития. Что же касается положе-

¹ Имеется в виду II конгресс Коминтерна (19 июля — 7 августа 1920 г.). *Ред.*

ния и деятельности товарищей-женщин в партии большевиков, то мне казалось, что здесь партия является прямо-таки образцовой. Она одна дает международному коммунистическому женскому движению ценные, обученные и испытанные силы, служа одновременно и великим историческим примером.

— Это верно, это очень хорошо,— заметил Ленин с легкой улыбкой.— В Петрограде, здесь в Москве, в городах и в промышленных центрах, расположенных в отдаленных от них местах, пролетарки держались во время революции великолепно. Без них мы не победили бы. Или едва ли победили бы. Вот мое мнение. Какую храбрость они проявили, как храбры они и сейчас! Представьте себе страдания и лишения, которые они выносят. И они держатся, держатся потому, что хотят отстаивать Советы, потому, что хотят свободы и коммунизма. Да, наши работницы великолепны, они — классовые бойцы. Они заслуживают восхищения и любви. Вообще нужно признаться, что даже «кадетские» дамы в Петрограде во время борьбы против нас проявили больше храбрости, чем юнкера.

Это правда: у нас в партии есть надежные, умные и неутомимо деятельные коммунистки. Они могли бы занять ответственные посты в Советах, в исполкомах, в наркоматах, в учреждениях. Многие из них работают днем и ночью либо в партии, либо среди пролетарской и крестьянской массы, либо в Красной Армии. Это для нас очень ценно. И это важно для женщин во всем мире, свидетельствуя о способностях женщин, о высокой ценности, которую имеет их работа для общества. Первая пролетарская диктатура по-настоящему пробивает дорогу к полному общественному равноправию женщин. Она искореняет больше предрассудков, чем кипы литературы о женском равноправии. Однако, несмотря на все это, у нас еще нет международного коммунистического женского движения, а мы должны добиться его во что бы то ни стало. Мы должны немедленно приступить к его созданию. Без такого движения работа нашего Интернационала и его партий не полна и никогда не будет полной. А наша революционная работа должна выполняться целиком. Расскажите, как обстоит дело с коммунистической работой за границей.

Я стала рассказывать все, о чем могла иметь сведения при тогдешней слабой и нерегулярной связи между партиями, примкнувшими к Коминтерну. Ленин внимательно слушал, слегка наклонившись вперед, без признаков скуки, нетерпения или усталости, следя с напряженным интересом даже за второстепенными подробностями. Я не знаю никого, кто умел бы лучше слушать, чем он, быстрее все это приводить в порядок, устанавливая общую связь. Это видно было по тем коротким, всегда очень точным вопросам, которые он время от времени вставлял в мой рассказ, и по тому, как он позже возвращался к той или

льной подробности разговора. Ленин сделал несколько коротких замечок.

Понятно, особенно подробно я говорила о положении вещей в Германии. Я рассказала ему, что Роза придавала большое значение вовлечению в революционную борьбу самых широких масс женщин. Когда была основана коммунистическая партия, Роза настаивала на издании газеты, посвященной женскому движению. Когда Лео Йогихес обсуждал со мной план работы партии, во время своего последнего свидания со мной, за полутора суток до того, как его убили, и давал мне различные задания, то в их числе был и план организационной работы среди женщин-работниц. На первой же своей нелегальной конференции партия занялась этим вопросом. Выдвинувшиеся в довоенное и военное время обученные и опытные агитаторши и руководительницы почти все без исключения остались в социал-демократических партиях обоих оттенков и удерживали под своим влиянием волнуемые массы работниц. Однако и среди женщин уже образовалось небольшое ядро энергичных, самоотверженных товарищей, которые принимали участие во всей работе и борьбе нашей партии. Партия же сама уже организовала планомерную деятельность среди работниц. Конечно, все это только начало, но все же начало хорошее.

— Недурно, совсем недурно, — сказал Ленин. — Энергия, самоотверженность и воодушевление коммунисток, их храбрость и разум в период нелегалщины или полуполегалщины открывают хорошую перспективу развития работы. В росте партии и ее мощи охват масс и организация выступлений — ценные моменты. Но как обстоит дело в этом вопросе с ясным пониманием его основ и обучением этому товарищей? Ведь это имеет решающее значение для работы в массах. Я сейчас не могу припомнить, кто это сказал: «Для того, чтобы совершать великие дела, нужно воодушевление». Нам и трудящимся всего мира предстоит совершить еще действительно великие дела. Итак, что воодушевляет ваших товарищей, пролетарских женщин в Германии? Как обстоит дело с их пролетарским классовым сознанием? Сосредоточены ли их интересы, их активность на политических требованиях момента? На чем сконцентрированы их мысли?

Я слышал по этому поводу от русских и немецких товарищей странные вещи. Это я должен рассказать. Мне говорили, что одна талантливая коммунистка издает в Гамбурге газету для проституток и стремится организовать их для революционной борьбы. Роза, как коммунистка, действовала и чувствовала по-человечески, когда она в одной статье вступилась за проститутку, которую какое-то нарушение полицейских правил, связанных с ее печальным ремеслом, привело в тюрьму. Они достойны сожаления — эти двойные жертвы буржуазного обще-

ства. Во-первых, жертвы его проклятой системы собственности, а затем еще и проклятого правственного лицемерия. Это ясно. Только грубый, близорукий человек может забывать об этом. Но одно дело — понимать это, и совсем другое — как бы это выразить — организовывать проституток как особый революционный боевой отряд и издавать для них профессиональный орган. Разве в Германии больше нет промышленных рабочих, которых нужно организовывать, для которых должна существовать газета, которых необходимо привлечь к вашей борьбе? Здесь речь идет о болезненном уклоне. Мне это сильно напоминает литературную моду, придававшую всякой проститутке образ сладенькой мадонны. Правда, корень и там был здоровый: социальное сочувствие, возмущение против нравственного лицемерия почтенной буржуазии. Но здоровое начало подверглось буржуазному разъеданию и выродилось. Вообще проституция и у нас здесь поставит еще перед нами много трудных задач. Возвратить проститутку к производительному труду, найти ей место в общественном хозяйстве — вот к чему сводится дело. Но при теперешнем состоянии нашего хозяйства и совокупности наличных условий провести это трудно и сложно. Вот вам кусок женского вопроса, который после завоевания пролетариатом государственной власти стоит перед нами во всей своей широте и требует разрешения. Нам в Советской России он причинит еще много хлопот. Но вернемся к вашему частному случаю в Германии. Партия ни в коем случае не должна спокойно смотреть на такие беспорядочные поступки своих членов. Это создает путаницу и раздробляет силы. А вы сами, что вы сделали, чтобы помешать этому?

Раньше, чем я успела ответить, Ленин продолжал:

— Список ваших грехов, Клара, еще не окончен. Мне говорили, что на вечерах чтения и дискуссий с работницами разбираются преимущественно вопросы пола и брака. Это будто бы предмет главного внимания, политического преподавания и просветительной работы. Я ушам своим не верил, когда услышал это. Первое государство пролетарской диктатуры борется с контрреволюционерами всего мира. Положение в самой Германии требует величайшей сплоченности всех пролетарских революционных сил для отпора все более напиранию контрреволюции. А активные коммунистки в это время разбирают вопросы пола и вопрос о формах брака в настоящем, прошлом и будущем! Они считают своим важнейшим долгом просвещать работницу в этой области. Говорят, что наибольшим распространением пользуется брошюра одной венской коммунистки о половом вопросе. Какая ерунда эта книжка! То, что в ней есть правильного, рабочие уже давно читали у Бебеля¹. Только не

¹ Речь идет о книге Августа Бебеля «Женщина и социализм». *Ред.*

в форме скучной дубовой схемы, как в брошюре, а в форме захватывающей агитации, полной нападок на буржуазное общество. Упоминание в брошюре гипотез Фрейда придает ей как будто «научный» вид, но все это кустарная пачкотня. Теория Фрейда сейчас тоже своего рода модная причуда. Я отношусь с недоверием к теориям пола, излагаемым в статьях, отчетах, брошюрах и т. п., — короче, в той специфической литературе, которая пышно расцвела на навозной почве буржуазного общества. Я не доверяю тем, кто постоянно и упорно поглощен вопросом пола, как индийский факир — созерцанием своего пупа. Мне кажется, что это изобилие теорий пола, которые большей частью являются гипотезами, притом часто произвольными, вытекает из личных потребностей. Именно из стремления оправдать перед буржуазной моралью собственную ненормальную или чрезмерную половую жизнь и выпросить терпимость к себе. Это замаскированное уважение к буржуазной морали мне так же противно, как и любовное копание в вопросах пола. Как бы бунтарски и революционно это занятие ни стремилось проявить себя, оно все же в конце концов вполне буржуазно. Это особенно излюбленное занятие интеллигентов и близко к ним стоящих слоев. В партии, среди классово-сознательного, борющегося пролетариата для него нет места.

Я бросила здесь замечание о том, что вопросы пола и брака при господстве частной собственности и буржуазного порядка вызывают назревание многообразных задач, конфликтов и страданий для женщин всех общественных классов и слоев. Война и ее последствия необычайно обострили для женщин конфликты и страдания, существовавшие раньше как раз в области отношений полов. Скрытые раньше для женщин проблемы обнажились. К этому присоединяется еще атмосфера начавшейся революции. Мир старых чувств и мыслей трещит по швам. Прежние социальные связи слабеют и рвутся, намечаются зачатки новых связей и отношений между людьми. Интерес к этим вопросам объясняется потребностью в уяснении положения, потребностью в новой ориентировке. В этом сказывается также и реакция против извращений и обмана буржуазного общества. Видоизменения форм брака и семьи в ходе истории, в их зависимости от экономики — удобное средство для искоренения из ума работниц предрассудка о вечности буржуазного общества. Историко-критическое отношение к нему должно переходить в беспощадный анализ буржуазного строя, в разоблачение его сущности и вызываемых им последствий, включая и заклеивание лживой половой морали. Все дороги ведут в Рим. Всякий марксистский анализ касательно важной части идеологической надстройки общества, выдающегося социального явления должен приводить к анализу буржуазного строя и его базы — частной собственности; и всякий такой ана-

лиз должен приводить к выводу, что «Карфаген должен быть разрушен».

Ленин, улыбаясь, кивал головой.

— Вот как! Вы точно адвокат защищаете своих товарищей и свою партию! Конечно, то, что вы говорите, справедливо. Но для совершенной в Германии ошибки это в лучшем случае может служить извинением, но не оправданием. Ошибка была и остается ошибкой. Можете ли вы мне дать серьезное заверение, что во время чтения и дискуссии вопросы пола и брака рассматриваются с точки зрения выдержанного, жизненного исторического материализма? Ведь это предполагает многогостороннее глубокое знание, отчетливейшее марксистское овладение огромнейшим материалом. Где у вас для этого сейчас силы? Если бы они были налицо, то не могло бы случиться, что брошюра, вроде упомянутой, использовалась бы в качестве учебного материала на вечерах чтения и дискуссий. Эту брошюру рекомендуют и распространяют, вместо того чтобы ее критиковать. К чему же приводит в конце концов это неудовлетворительное, немарксистское обсуждение вопроса? К тому, что вопросы пола и брака не воспринимаются как части главного социального вопроса. Наоборот, большой общественный вопрос начинает сам казаться частью, придатком проблемы пола. Самое главное отступает на задний план как второстепенное. Это не только вредит ясности в этом вопросе, это вообще затемняет мышление, затемняет классовое сознание работниц.

Кроме того, еще одно не лишнее замечание. Еще мудрец Соломон говорил, что всему свое время. Скажите, пожалуйста, время ли сейчас по целым месяцам занимать работниц тем, как любят и любимы, как ухаживают и принимают ухаживания. И конечно, — в прошлом, настоящем, будущем и у различных народов. И это затем гордо именуют историческим материализмом. Сейчас все мысли работниц должны быть направлены на пролетарскую революцию. Она создаст основу также и для действительного обновления условий брака и отношений между полами. Но сейчас, право, на первый план выступают иные проблемы, чем формы брака у австралийских негров и внутрисемейные браки в древнем мире. В порядок дня германского пролетария история ставит по-прежнему вопрос о Советах, о Версальском мире и его влиянии на жизнь женских масс, о безработице, падающей заработной плате, налогах и многом другом. Короче, я остаюсь при своем мнении, что этот способ политического и социального просвещения работниц не верен, совершенно не верен. Как вы могли молчать? Вы должны были использовать против этого свой авторитет.

Я объяснила своему горячему другу, что не упустила случая критиковать, возражать руководящим товарищам-женщинам и выступать в отдельных местах. Но ведь ему известно —

нет пророка в своем отечестве и среди своей родни. Своей критикой я навлекла на себя подозрение в том, что «во мне еще сильны пережитки социал-демократической позиции и старомодного мещанства». Однако, в конце концов, критика не осталась напрасной. Вопросы пола и брака больше не являются центральными в кружках и на вечерах дискуссий.

Ленин продолжал развивать нить своей мысли.

— Знаю, знаю, — сказал он, — меня тоже в связи с этим достаточно подозревают в филистерстве. Но я к этому отношусь спокойно. Желторотые птепцы, едва вылуцившиеся из яйца буржуазных воззрений, всегда ужасно умны. Нам приходится с этим мириться, но «исправлять» себя мы не намерены. Юношеское движение тоже болеет современной постановкой вопросов пола и чрезмерным увлечением ими.

Ленин сделал ироническое ударение на слове «современной», в то же время как будто отмахиваясь от него.

— Как мне сообщили, вопросы пола — также излюбленный предмет изучения в ваших юношеских организациях. Говорят, что едва хватает докладчиков по этому вопросу. Это безобразие особенно вредно для юношеского движения, особенно опасно. Оно очень легко может способствовать чрезмерному возбуждению и подогреванию половой жизни у отдельных лиц и повести к расточению здоровья и силы юности. Вы должны бороться и против этого явления. У женского и юношеского движения ведь немало точек соприкосновения. Наши товарищи-коммунистки должны всюду вести планомерную, совместную с молодежью, работу. Это возвышает и переносит их из мира индивидуального материнства в мир материнства социального. Необходимо содействовать всякому пробуждению социальной жизни и деятельности женщин, чтобы они могли преодолеть узость своей мещанской, индивидуалистической домашней и семейной психологии. Но это между прочим.

У нас тоже значительная часть молодежи усердно занимается «ревизией буржуазного понимания и буржуазной морали» в вопросах пола. И, должен добавить, значительная часть нашей лучшей, действительно многообещающей молодежи. Дело обстоит так, как вы только что указывали. В атмосфере последствий войны и начавшейся революции старые идеологические ценности рушатся, теряя свою сдерживающую силу. Новые ценности выкристаллизовываются медленно, с борьбой. Взгляды на отношения человека к человеку, на отношения мужчины к женщине революционизируются, революционизируются и чувства и мысли. Между правом личности и правом коллектива, а значит и обязанностями личности, проводятся новые разграничения. Это медленный и часто очень болезненный процесс исчезновения и зарождения. Все это касается и области половых отношений, брака, семьи. Распад, гниение, грязь

буржуазного брака с его трудной расторжимостью, свободой для мужа и рабством для жены, гнусная лживость половой морали и отношений наполняют лучших людей чувством глубокого отвращения.

Гнет законов буржуазного государства о браке и семье отягчает зло и обостряет конфликты. Это — гнет «священной частной собственности». Она освящает продажность, низость, грязь. Условный обман «порядочного» буржуазного общества довершает остальное. Люди встают против господствующей мерзости и извращения. И в эту эпоху, когда рушатся могущественные государства, когда разрываются старые отношения господства, когда начинает гибнуть целый общественный мир, в эту эпоху чувствования отдельного человека быстро видоизменяются. Подхлестывающая жажда разнообразия в наслаждениях легко приобретает безудержную силу. Формы брака и общения полов в буржуазном смысле уже не дают удовлетворения. В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции. Понятно, поставленное этим на очередь чрезвычайно запутанное сплетение вопросов глубоко занимает как женщин, так и молодежь. И те и другие особенно сильно страдают от нынешней неурядицы в области половых отношений. Молодежь восстает против этого со свойственной ее возрасту бурностью. Это понятно. Ничего не могло бы быть более ложного, чем начать проповедовать молодежи монашеский аскетизм и святость грязной буржуазной морали. Однако вряд ли хорошо то, что в эти годы вопросы пола, усиленно выдвигаемые естественными причинами, становятся центральными в психике молодежи. Последствия бывают прямо роковыми. Спросите-ка об этом т. Лилину. У нее должен быть опыт на основе ее обширной работы в различных воспитательных учреждениях, и вы знаете, что она настоящая коммунистка и лишена предрассудков.

Изменившееся отношение молодежи к вопросам половой жизни, конечно, «принципиально» и опирается будто бы на теорию. Многие называют свою позицию «революционной» и «коммунистической». Они искренне думают, что это так. Мне, старику, это не импонирует. Хотя я меньше всего мрачный аскет, но мне так называемая «новая половая жизнь» молодежи — а часто и взрослых — довольно часто кажется чисто буржуазной, кажется разновидностью доброго буржуазного дома терпимости. Все это не имеет ничего общего со свободой любви, как мы, коммунисты, ее понимаем. Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой теории «стакана воды» наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась. Эта теория стала злым роком многих юношей

и девушек. Приверженцы ее утверждают, что теория эта марксистская. Спасибо за такой «марксизм», который все явления и изменения в идеологической надстройке общества выводит непосредственно, прямолинейно и без остатка исключительно только из экономического базиса. Дело обстоит совсем не так уж просто. Некий Фридрих Энгельс уже давно установил эту истину, касающуюся исторического материализма.

Я считаю знаменитую теорию «стакана воды» совершенно не марксистской и сверх того противообщественной. В половой жизни проявляется не только данное природой, но и привнесенное культурой, будь оно возвышенно или низко. Энгельс в «Происхождении семьи» указал на то, как важно, чтобы половая любовь развилась и утончилась¹. Отношения между полами не являются просто выражением игры между общественной экономикой и физической потребностью. Было бы не марксизмом, а рационализмом стремиться свести непосредственно к экономическому базису общества изменение этих отношений самих по себе, выделенных из общей связи их со всей идеологией. Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ? Но важнее всего общественная сторона. Питье воды — дело действительно индивидуальное. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу.

Как коммунист, я не питаю ни малейшей симпатии к теории «стакана воды», хотя бы на ней и красовалась этикетка «освобожденная любовь». Вдобавок, она и не нова, и не коммунистична. Вы, вероятно, помните, что эта теория проповедовалась в изящной литературе примерно в середине прошлого века как «эмансипация сердца». В буржуазной практике она обратилась в эмансипацию тела. Проповедь в то время была талантливее, чем сейчас; как обстоит дело с практикой — не могу судить.

Не то чтобы я своей критикой хотел проповедовать аскетизм. Мне это и в голову не приходит. Коммунизм должен нести с собой не аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызванную также и полнотой любовной жизни. Однако, по моему мнению, часто наблюдаемый сейчас избыток половой жизни не приносит с собой жизнерадостности и бодрости, а, наоборот, уменьшает их. Во времена революции это скверно, совсем скверно.

Молодежи особенно нужны жизнерадостность и бодрость. Здоровый спорт — гимнастика, плавание, экскурсии, физиче-

¹ См. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 72, 78—85). Ред.

ские упражнения всякого рода, — разносторонность духовных интересов, учение, разбор, исследование, и все это по возможности совместно! Все это дает молодежи больше, чем вечные доклады и дискуссии по вопросам пола и так называемого «использования жизни». В здоровом теле здоровый дух! Не монах, не Дон-Жуан, но и не германский филистер, как нечто среднее. Вы ведь знаете молодого товарища XYZ. Прекрасный, высокоодаренный юноша! Боюсь, что, несмотря на все, из него ничего путного не выйдет. Он мечется и бросается из одной любовной истории в другую. Это не годится ни для политической борьбы, ни для революции. Я не поручусь также за надежность и стойкость в борьбе тех женщин, у которых личный роман переплетается с политикой, и за мужчин, которые бегают за всякой юбкой и дают себя опутать каждой молодой бабенке. Нет, нет, это не вяжется с революцией.

Ленин вскочил, ударив рукой по столу, и сделал несколько шагов по комнате.

— Революция требует от масс, от личности сосредоточения, напряжения сил. Она не терпит оргиастических состояний, вроде тех, которые обычны для декадентских героев и героинь Д'Аннунцио¹. Несдержанность в половой жизни — буржуазна: она признак разложения. Пролетариат — восходящий класс. Он не нуждается в опьянении, которое оглушало бы его или возбуждало. Ему не нужно ни опьянения половой несдержанности, ни опьянения алкоголем. Он не смеет и не хочет забыть о гнусности, грязи и варварстве капитализма. Он черпает сильнейшие побуждения к борьбе в положении своего класса, в коммунистическом идеале. Ему нужны ясность, ясность и еще раз — ясность. Поэтому, повторяю, не должно быть никакой слабости, никакого расточения и уничтожения сил. Самообладание, самодисциплина — не рабство; они необходимы и в любви. Но простите, Клара. Я далеко отклонился от исходной точки нашего разговора. Отчего вы меня не призвали к порядку? Тревога меня заставила заговориться. Будущее нашей молодежи меня глубоко волнует. Она — часть революции. И если вредные явления буржуазного общества начинают распространяться и на мир революции, как широко разветвляющиеся корни некоторых сорных растений, то лучше выступить против этого заблаговременно. Затронутые вопросы к тому же тоже составляют часть женской проблемы.

Ленин говорил очень оживленно и убедительно. Я чувствовала, что каждое его слово идет у него из глубины души; выражение его лица подтверждало это. Иногда энергичное движение руки подчеркивало мысль. Я поражалась, как Ленин наряду с важнейшими политическими вопросами обращает так

¹ Д'Аннунцио Габриеле (1863—1938) — итальянский писатель и политический деятель. *Ред.*

много внимания на единичные явления и анализирует их. И не только явления в Советской России, но еще и в капиталистических государствах. Как великодушный марксист, он воспринимал единичное, где бы и в какой форме оно ни проявилось, в его связи с большим, с целым, оценивая его значение для этого целого. Его воля, его жизненная цель были направлены целиком, непоколебимо, как непреодолимая сила природы, на одно — на ускорение революции, как дела масс. Он оценивал все сообразно тому влиянию, которое оно может оказать на сознательные боевые силы революции, как национальные, так и интернациональные, так как перед его глазами, при полном учете исторически данных, особенностей в отдельных странах и различий этапов их развития, всегда стояла единая, нераздельная мировая пролетарская революция.

«Как я жалею, товарищ Ленин, — воскликнула я, — что ваши слова не слышали сотни, тысячи людей. Вы ведь знаете, меня вам не нужно убеждать. Но как было бы важно, чтобы ваше мнение услышали и друзья и враги!»

Ленин добродушно усмехнулся.

— Может быть я когда-нибудь скажу речь или напишу о затронутых вопросах. Позже, не сейчас. Сейчас все время и все силы должны быть сконцентрированы на другом. Есть более важные, более тяжелые заботы. Борьба за сохранение и укрепление Советской власти еще далеко не закончена. Мы должны постараться как можно лучше переварить исход войны с Польшей. На юге еще стоит Врангель. Правда, у меня есть твердая уверенность, что мы с ним справимся. Это заставит призадуматься английских и французских империалистов и их маленьких вассалов. Но у нас впереди еще самая трудная часть нашей задачи — восстановление. В процессе его станут значительными и вопросы отношения полов, вопросы брака и семьи. А пока вы должны бороться, когда и где понадобится. Вы не должны допускать, чтобы эти вопросы трактовались не марксистски и создавали почву для дезорганизующих уклонов и извращений. Вот наконец я подошел к вашей работе.

Ленин взглянул на часы.

— Время, которым я располагаю, — сказал он, — уже наполовину истекло. Я заболтался. Вы должны написать руководящие тезисы о коммунистической работе среди женщин. Я знаю ваш принципиальный подход и практический опыт. Поэтому наш разговор об этой работе будет коротким. Итак, принимайтесь за дело. Как вы себе представляете эти тезисы?

Я сжато поделилась с ним своими мыслями. Ленин несколько раз одобрительно кивал, не прерывая меня. Окончив, я посмотрела на него вопросительно.

— Правильно, — сказал он, — поговорите еще об этой работе с Зиновьевым. Было бы также хорошо, если б вы сделали об

этом доклад на собрании ответственных партийных работниц и продискутировали вопрос. Жаль, очень жаль, что т. Ипессы¹ здесь нет. Она больна и уехала на Кавказ. После обсуждения напишите тезисы. Комиссия их рассмотрит, а Исполком решит окончательно. Я выскажусь только по нескольким главным пунктам, по которым вполне разделяю вашу позицию. Они кажутся мне важными также и для нашей текущей агитационной и пропагандистской работы, поскольку мы хотим подготовить успешные выступления и победоносные бои.

— Тезисы должны резко подчеркивать, что истинное освобождение женщин возможно только через коммунизм. Нужно основательно разобрать вопрос о нерасторжимой связи между положением женщины как человека и члена общества и частной собственностью на орудия производства. Этим мы надежно отгородимся от буржуазного движения за «эмансипацию женщин». Это также кладет основание к рассмотрению женского вопроса как части социального, рабочего вопроса и таким образом позволяет прочно связать его с пролетарской классовой борьбой и революцией. Женское коммунистическое движение само должно быть массовым, должно быть частью всеобщего массового движения, не только движения пролетариев, но всех эксплуатируемых и угнетенных, всех жертв капитализма или иных отношений господства. В этом заключается значение женского движения для классовой борьбы пролетариата и его исторической творческой задачи: создания коммунистического общества. Мы можем по праву гордиться тем, что цвет женщин-революционерок находится в нашей партии, в Коминтерне. Но это еще не имеет решающего значения. Мы должны привлечь миллионы трудящихся женщин в городе и деревне к участию в нашей борьбе, и особенно к делу коммунистического переустройства общества. Без женщин не может быть настоящего массового движения.

Из нашего идеологического понимания вытекают и организационные меры. Никаких отдельных организаций коммунисток! Коммунистка — такой же член партии, как и коммунист, с теми же обязанностями и правами. В этом не может быть никаких расхождений. Однако мы не должны закрывать глаза на факты. Партия должна иметь органы — рабочие группы, комиссии, комитеты, отделы или как там они будут называться, — специальная задача которых — будить широкие массы женщин, связывать их с партией и удерживать под ее влиянием. Для этого, конечно, необходимо, чтобы мы вели в полной мере систематическую работу среди этих женских масс. Мы должны обучать выведенных из пассивности женщин, вербовать и воо-

¹ Арманд И. Ф. (1874—1920) — член Коммунистической партии с 1904 г., видная деятельница международного женского, рабочего и коммунистического движения. *Ред.*

ружать их для пролетарской классовой борьбы под руководством Коммунистической партии. Я имею при этом в виду не только пролетарок, работающих на фабрике или стоящих у домашней плиты. Я помню при этом и о крестьянках, о женщинах различных слоев мелкой буржуазии. Они все тоже жертвы капитализма, и со времени войны они ими стали больше, чем когда-либо. Аполитичная, необщественная, отсталая психика этих женских масс, замкнутость их круга деятельности, весь склад их жизни — вот факты. Было бы бессмысленно не обращать на это внимания, совершенно бессмысленно. Нам нужны свои органы для работы среди них, нужны особые методы агитации и организационные формы. Это не буржуазная защита «прав женщины», это практическая революционная целесообразность.

Я сказала Ленину, что его рассуждения для меня ценная поддержка. Многие товарищи, очень хорошие товарищи, решительнейшим образом боролись против того, чтобы партия создавала особые органы для планомерной работы среди широких женских масс. Они объявляли это возвратом к социал-демократическим традициям, к пресловутой «эмансипации женщины». Они доказывали, что коммунистические партии, раз они принципиально и полностью признают равноправие женщин, должны вести работу среди трудящихся масс без каких-либо разделений. Подход к женщинам должен быть тот же, что и к мужчинам. Всякая попытка принять во внимание в отношении агитации или организации обстоятельства, отмеченные Лениным, клеймится защитниками противоположных воззрений как оппортунизм, как предательство и отказ от принципа.

— Это не ново и совсем не доказательно, — возразил Ленин. — Не давайте ввести себя в заблуждение. Почему у нас нигде, даже в Советской России, нет в партии такого же количества женщин, как мужчин? Почему число профессионально организованных работниц так мало? Эти факты заставляют задуматься. Отрицание необходимости особых органов для нашей работы среди широких женских масс — одно из проявлений весьма принципиальной и высоко радикальной позиции наших «дорогих друзей» из Коммунистической рабочей партии. По-ихнему должна существовать только одна форма организации: рабочий союз. Я это знаю. Ссылка на принцип всплывает во многих революционно настроенных, но путаных головах, «коль скоро недочет в понятиях случится», т. е. когда разум отказывается воспринимать трезвые факты, на которые должно быть обращено внимание. Как справляются такие хранители «чистоты принципа» с исторически навязанными нам необходимостями в нашей революционной политике? Все эти рассуждения рассыпаются в прах перед неумолимой необходимостью: мы не можем осуществлять пролетарскую диктатуру без мил-

лионов женщин, мы не можем без них вести коммунистическое строительство. Мы должны искать к ним дорогу, должны многое изучить, многое перепробовать, чтобы найти ее.

Поэтому вполне правильно, что мы выдвигаем требования в пользу женщин. Это не программа-минимум, не программа реформ в социал-демократическом духе, в духе II Интернационала. Это не признание того, что мы верим в вечность или хотя бы в продолжительное существование буржуазии и ее государства. Это также и не попытка успокоить женские массы реформами и отвлечь их от пути революционной борьбы. Ничего общего с реформистским жульничеством. Наши требования только практически вытекают из факта жгучей нужды и постыдных унижений, которые переносит слабая и бесправная при буржуазном строе женщина. Мы свидетельствуем этим, что знаем эти нужды, чувствуем и угнетение женщины, чувствуем привилегированное положение мужчин и ненавидим — да, ненавидим и хотим устранить все то, что гнетет и мучит работницу, жену рабочего, крестьянку, жену маленького человека и даже, во многих отношениях, и женщину из состоятельного класса. Права и общественные мероприятия, которых мы требуем от буржуазного общества для женщин, служат доказательством того, что мы понимаем положение и интересы женщин и при пролетарской диктатуре примем их во внимание. Конечно, не путем усыпляющих мер опеки. Нет, конечно, нет, но как революционеры, которые призывают женщин, как равноправных, самих работать над перестройкой хозяйства и идеологической надстройки.

Я заверила Ленина, что разделяю его точку зрения, но она, несомненно, натолкнется на сопротивление. Неуверенные и робкие умы будут отвергать ее как «опасный оппортунизм». Нельзя также отрицать, что и наши теперешние требования для женщин могут быть неправильно поняты и истолкованы.

— Ну, что там! — воскликнул Ленин несколько раздраженно. — Эта опасность угрожает всему, что мы говорим и делаем. Если мы из страха перед ней будем воздерживаться от целесообразных и необходимых поступков, то можем просто превратиться в индийских столпников¹. Не шевелиться, только бы не шевелиться, а не то можем кувырнуться вниз с высоты столпа наших принципов! В нашем случае речь идет не только о том, что мы требуем, но и о том, как мы это делаем. Кажется, я это достаточно ясно подчеркнул. Понятно, что мы не должны в нашей пропаганде молитвенно перебирать четки наших требований для женщин. Нет, в зависимости от наличных условий мы должны бороться то за одни, то за другие требова-

¹ Столпник — религиозный фанатик-отшельник, молившийся стоя на небольшом столпе или в тесной башенной келье. *Ред.*

ния, бороться,— конечно, всегда в связи с общими интересами пролетариата.

Конечно, каждая схватка приводит нас в противоречие с почтенной буржуазной кликой, с ее не менее почтенными реформистскими лакеями. Это заставляет последних или бороться заодно с нами, под нашим руководством — чего они не хотят,— или же сбросить с себя личину. Таким образом, борьба резко выделяет нас, выявляет наше коммунистическое лицо. Она вызывает к нам доверие широких женских масс, которые чувствуют себя эксплуатируемыми, поработченными, задавленными господством мужчин, властью предпринимателя и всем буржуазным обществом в целом. Всеми преданные, покинутые трудящиеся женщины начинают понимать, что они должны бороться вместе с нами. Должны ли мы еще особо заверять друг друга, что борьба за права женщин должна быть связана с основной целью: с завоеванием власти и установлением диктатуры пролетариата? Это в настоящее время есть и остается нашей альфой и омегой. Это ясно, совершенно ясно. Но широчайшие трудящиеся народные женские массы не будут чувствовать неудержимого стремления разделить с нами борьбу за государственную власть, если мы будем всегда трубить только об одном этом требовании, хотя бы даже трубить в иерихонские трубы. Нет, нет! Мы должны политически связать наш призыв также и в сознании женских масс со страданиями, нуждами и желаниями трудящихся женщин. Они должны знать, что для них пролетарская диктатура значит: полное уравнение в правах с мужчиной как по закону, так и на практике, в семье, государстве и обществе, а также и сокрушение власти буржуазии.

«Советская Россия доказывает это,— воскликнула я,— она послужит нам великим примером!»

Ленин продолжал:

— Советская Россия выдвигает наши требования для женщин в новом освещении. При диктатуре пролетариата они уже не предмет борьбы между пролетариатом и буржуазией, а служат кирпичами для строительства коммунистического общества. Это показывает женщинам по ту сторону границы решающее значение завоевания власти пролетариатом. Различие между их положением здесь и там должно быть четко проработано, чтобы вы имели женские массы за собой в революционной классовой борьбе пролетариата. Их мобилизация, проведенная с ясным пониманием принципов на твердой организационной основе,— вопрос жизни и победы коммунистической партии. Не будем, однако, обманывать себя. У наших национальных секций все еще нет правильного понимания этого вопроса. Они держатся пассивно, выжидательно перед лицом задачи создания под коммунистическим руководством массового движе-

ния трудящихся женщин. Они не понимают, что развертывание такого массового движения и руководство им составляет важнейшую часть всей партийной деятельности, даже половину общепартийной работы. Их признание, при случае, необходимости и ценности мощного, имеющего перед собой ясную цель коммунистического женского движения — платоническое признание на словах, а не постоянная партийная забота и долг.

Агитационную и пропагандистскую деятельность среди женских масс, их пробуждение и революционизирование они рассматривают как нечто второстепенное, как дело, касающееся только коммунистов. Коммунисток упрекают в том, что дело не двигается вперед более быстро и энергично. Это неправильно, в корне неправильно! Настоящий сепаратизм и равноправие женщин *à la rebours*, как говорят французы, т. е. равноправие женщин навыворот. Что лежит в основе неправильной позиции наших национальных секций? (Я говорю не о Советской России.) В конечном итоге — не что иное, как недооценка женщины и ее работы. Именно так. К сожалению, еще по адресу многих наших товарищей можно сказать: «Поскребите коммуниста — и вы найдете филистера». Конечно, скрести нужно чувствительное место — его психику в отношении женщины. Существует ли более наглядное доказательство этому, чем то, что мужчины спокойно смотрят, как женщины изнашиваются на мелкой работе, однообразной, изнуряющей и поглощающей время и силы, работе в домашнем хозяйстве; на то, как их кругозор при этом сужается, ум тускнеет, биение сердца становится вялым, воля слабой? Я говорю, конечно, не о буржуазных дамах, которые сваливают все домашние работы, включая уход за детьми, на наемных людей. То, что я говорю, относится к огромному большинству женщин, в том числе и к женам рабочих, даже если эти жены целый день проводят на фабрике и зарабатывают сами.

Очень немногие мужья, даже из пролетариев, думают о том, как сильно они могут облегчить тяготы и заботы жены или даже совсем снять их с нее, если бы захотели помочь в «женской работе». Но нет, ведь это же противно «праву и достоинству мужа». Он требует, чтобы у него был отдых и комфорт. Домашняя жизнь женщины — это ежедневное принесение себя в жертву в тысячах ничтожных мелочей. Старое право господства мужа продолжает жить в скрытом виде. Его рабыня объективно мстит ему за это — тоже в скрытом виде: отсталость женщины, отсутствие у нее понимания революционных идеалов мужа ослабляет его бодрость и решимость в борьбе. Это есть те крохотные черви, которые незаметно, медленно, но верно подтачивают и грызут. Я знаю жизнь рабочих, — и не только по книгам. Наша коммунистическая работа среди женских масс, наша политическая работа включает в себя значи-

тельный кусок воспитательной работы среди мужчин. Мы должны вытравить старую рабовладельческую точку зрения до последних мельчайших корней ее. И в партии, и в массах. Это относится к нашим политическим задачам так же, как и настоятельно необходимое образование штаба из товарищей — мужчин и женщин, — получивших основательную теоретическую и практическую подготовку, чтобы проводить и двигать партийную работу среди трудящихся женщин.

На мой вопрос о современных условиях в Советской России Ленин ответил:

— Правительство пролетарской диктатуры, конечно в союзе с Коммунистической партией и профсоюзами, прилагает все усилия к тому, чтобы преодолеть отсталые воззрения мужчин и женщин и вырвать таким образом почву из-под старой, некоммунистической психологии. Нужно ли говорить, что проведено полное равноправие мужчины и женщины в законодательстве! Во всех областях заметно искреннее стремление провести это равноправие в жизнь. Мы втягиваем женщин в работу советского хозяйства, управлений, в законодательство и в правительственную работу. Мы открываем им двери всех курсов и учебных заведений, чтобы повысить их профессиональную и социальную подготовку. Мы основываем общественные кухни и столовые, прачечные и починочные мастерские, ясли, детские сады, детские приюты, воспитательные учреждения всякого рода. Короче, мы всерьез проводим требование нашей программы переложить хозяйственные и воспитательные функции индивидуального домашнего хозяйства на общество. Этим путем женщина освобождается от старого домашнего рабства и всякой зависимости от мужа. Ей предоставляется полная возможность деятельности в обществе в соответствии с ее способностями и склонностями. Детям же предоставляются более благоприятные условия для их развития, чем те, что ждали бы их дома. У нас самое передовое в свете законодательства по охране женского труда. Уполномоченные организованных рабочих проводят его в жизнь. Мы устраиваем родильные приюты, дома для матерей и младенцев, организуем консультации для матерей, курсы по уходу за грудными и малолетними детьми, выставки по охране материнства и младенчества и тому подобное. Мы прилагаем самые серьезные усилия, чтобы удовлетворить нужды необеспеченных, безработных женщин.

Мы отлично знаем, что всего этого еще мало по сравнению с потребностями трудящихся женских масс, что это еще совершенно недостаточно для действительного освобождения их. И все же это гигантский шаг вперед по сравнению с тем, что было в царской капиталистической России. Это даже много по сравнению с тем, что делается там, где капитализм еще неограниченно господствует. Это хорошее начало. Направление взято

верное, и мы будем последовательно, со всей нашей энергией развивать его дальше. Вы, за границей, можете быть в этом уверены. С каждым днем существования Советского государства становится все яснее, что мы без миллионов женщин не продвинемся вперед. Представьте себе, что это значит в стране, где добрых 80% населения — крестьяне. Мелкое крестьянское хозяйство означает индивидуальное домашнее хозяйство и прикрепление к нему женщины. Вам в этом отношении будет куда лучше и легче, чем нам, конечно при условии, что ваши пролетарские массы осознают свою объективную историческую зрелость для захвата власти, для революции. Не будем отчаиваться. Наши силы растут вместе с трудностями. Практическая необходимость натолкнет нас на новые пути и в отношении укрепления женских масс. В соединении с Советским государством товарищеская солидарность совершит великие дела. Конечно, товарищеская солидарность в коммунистическом, а не в буржуазном смысле, в котором ее проповедают реформисты, революционный энтузиазм которых выдохся, как дешевый уксус. Рука об руку с товарищеской солидарностью должна идти и личная инициатива, которая переходит в коллективную деятельность и сливается с ней. При пролетарской диктатуре освобождение женщин путем осуществления коммунизма будет иметь место и в деревне. В этом отношении я жду самого лучшего от электрификации нашей промышленности и сельского хозяйства. Это грандиозное дело! Трудности его проведения велики, чудовищно велики. Для их преодоления необходимо развивать и воспитать могущественные силы масс. Миллионы женщин должны участвовать в этом.

В течение последних десяти минут два раза постучались, но Ленин продолжал говорить. Теперь он открыл дверь и крикнул:
— Сейчас иду!

Повернувшись ко мне, он добавил, улыбаясь:

— Знаете, Клара, я воспользуюсь тем, что беседовал с женщиной, и в оправдание своего опоздания, конечно, сошлюсь на всем известную женскую разговорчивость. Хотя в действительности на этот раз много разговаривал мужчина, а не женщина. Вообще же я должен засвидетельствовать, что вы действительно умеете серьезно слушать. Может быть, как раз это и заставило меня так много говорить.

Делая это шутливое замечание, Ленин помог мне надеть пальто.

— Вы должны одеваться теплее, — заметил он заботливо, — Москва не Штутгарт. За вами нужно присмотреть. Не простудитесь. До свидания.

Он крепко пожал мне руку.

Следующая моя беседа с Лениным о женском движении состоялась приблизительно недели две спустя. Ленин пришел ко мне. Как и всегда почти, посещение его было неожиданным, импровизированным и произошло во время перерыва в гигантской работе, которую вел вождь победоносной революции. Ленин выглядел очень усталым и озабоченным. Врангель еще не был решительно разбит, а вопрос о снабжении больших городов продовольствием стоял перед Советским правительством, как умолимый сфинкс.

Ленин спросил, как обстоит дело с тезисами. Я сообщила ему, что было заседание большой комиссии, в котором приняли участие и высказались все находящиеся сейчас в Москве видные коммунистки. Тезисы готовы и должны теперь подвергнуться обсуждению в малой комиссии. Ленин сказал, что следует стремиться к тому, чтобы III Всемирный конгресс рассмотрел вопрос с должной основательностью¹. Один этот факт победит предрассудки многих товарищей. Вообще же в первую очередь за это должны взяться коммунистки, и притом взяться основательно.

— Не щебетать, как добрые тетушки, а говорить громко, как борцы, говорить ясно,— воскликнул Ленин оживленно.— Конгресс — это не салон, в котором дамы должны блистать очарованием, как это говорится в романах. Конгресс — арена борьбы, на которой мы сражаемся за знания, нужные для революционного действия. Докажите, что вы можете бороться. Конечно, в первую голову против врагов, но также и внутри партии, когда понадобится. Речь идет ведь о широких массах женщин. Наша русская партия будет выступать за все предложения и меры, которые помогут завоевать эти массы. Если женщины не будут с нами, то контрреволюционерам может удасться повести их против нас. Мы должны всегда об этом помнить.

«Женские массы должны стать нашими, хотя бы они были прикованы цепями к небу,— подхватила я мысль Ленина.— Здесь, в центре революции с его кипящей жизнью, частым и сильным биением пульса, у меня зародился план большого международного выступления трудящихся женских масс. Особенный толчок к этому дали мне ваши большие беспартийные женские конференции и съезды. Мы должны были бы попытаться превратить их из национальных в международные. Несомненным фактом является то, что мировая война и вызванные ею

¹ III конгресс Коминтерна на заседании 8 июля 1921 г. заслушал доклад Клары Цеткин о коммунистическом женском движении и принял резолюция: 1) «Методы и формы работы среди женщин коммунистических партий (Тезисы)» и 2) «Формы и методы коммунистической работы среди женщин». *Ред.*

последствия глубоко потрясли широчайшие женские массы различных социальных классов и слоев. В них началось брожение, они пришли в движение. Горькие заботы об обеспечении своего существования и наполнения его содержанием ставят перед ними вопросы, о которых большинство из них едва подозревало, и только меньшинство хорошо осознало их. Буржуазное общество не в состоянии дать на них удовлетворительный ответ. Его может дать только коммунизм. Мы должны заставить широчайшие женские массы капиталистических стран осознать это и для этого созвать беспартийный международный женский конгресс».

Ленин ответил не сразу. Со взглядом, как бы обращенным внутрь, крепко сжав губы и несколько выпитив нижнюю, он размышлял.

— Да,— сказал он затем,— мы должны это сделать. План хорош. Но хороший, даже превосходнейший план ничего не стоит, если он не будет хорошо выполнен. Подумали ли вы уже о его выполнении? Как вы его себе представляете?

Я подробно изложила Ленину свои соображения по этому поводу. Сначала должен быть образован, в непрерывном тесном контакте с нашими национальными секциями, комитет из коммунисток различных стран для подготовки, проведения и использования конгресса. Начнет ли этот комитет немедленно официально и открыто работать — вот вопрос, который нужно взвесить с точки зрения целесообразности. Во всяком случае первая задача членов комитета — войти в отдельных странах в контакт с руководительницами профессионально организованных работниц пролетарского политического женского движения, с буржуазными женскими организациями всех родов и направлений, наконец, с выдающимися женщинами-врачами, учительницами, писательницами и т. п. и образовать национальную беспартийную подготовительную комиссию. Из членов этих национальных комитетов должен быть образован международный комитет, который и подготовит созыв международного конгресса и установит порядок дня, место и время открытия конгресса.

По моему мнению, в первую очередь конгресс должен обсудить право женщины на профессиональный труд. При этом нужно будет развернуть вопросы о безработице, об уравнивании заработной платы при одинаковой работе, о законодательном проведении 8-часового рабочего дня и охране труда работниц, об организации профсоюзов, о социальной охране матери и ребенка, о социальных мероприятиях для облегчения положения домашней хозяйки и матери и пр. Далее, в порядок дня должно быть поставлено: положение женщины в семейном и брачном праве и в праве публичном, политическом. Обосновав эти свои предложения, я изложила, как, по моему мнению, национальные комитеты в отдельных странах должны будут путем планомер-

ной кампании на собраниях и в печати основательно подготовить конгресс. Эта кампания имеет особенно важное значение. Она должна пробудить широкие женские массы, дать им толчок к серьезному изучению поставленных на обсуждение вопросов, привлечь их внимание к конгрессу, а тем самым и к коммунизму и к партиям Коммунистического Интернационала. Кампания должна быть рассчитана на трудящихся женщин всех общественных слоев. Она должна обеспечить конгрессу присутствие и сотрудничество представительниц всех имеющихся в виду организаций, а также и делегатов открытых женских собраний. Конгресс должен быть «народным представительством» в совсем ином смысле, чем буржуазные парламенты.

Само собой разумеется, коммунистки должны быть не только движущей, но и руководящей силой в подготовительной работе, которой должна быть оказана самая энергичная поддержка со стороны наших секций. Все это, конечно, относится и к деятельности международного комитета, к работам самого конгресса, к их широчайшему использованию. По всем вопросам порядка дня конгрессу должны быть предложены коммунистические тезисы и соответствующие резолюции, тщательно отшлифованные с принципиальной стороны и умело обоснованные, с научным охватом социальных фактов. Эти тезисы должны предварительно подвергнуться обсуждению и получить одобрение Исполнительного комитета Коминтерна. Коммунистические решения и лозунги должны стоять в центре работ конгресса и общественного внимания. После съезда их необходимо при помощи агитации и пропаганды распространить среди широчайших женских масс, чтобы эти лозунги определяли в дальнейшем международные массовые выступления женщин. Необходимым предварительным условием является, само собой разумеется, то, чтобы коммунистки выступали во всех комитетах и на самом конгрессе как крепкое, однородное целое, чтобы они действовали дружно, общими силами, с принципиальной ясностью и непоколебимой планомерностью. Несогласованных выступлений не должно быть.

Ленин во время моего изложения несколько раз, как бы соглашаясь, кивал головой и вставлял короткие одобрительные замечания.

— Мне кажется, Клара, — сказал он, — что вы очень хорошо продумали это дело с политической стороны и в главных чертах также и с организационной. Я совершенно согласен с тем, что при данной обстановке такой конгресс мог бы проделать важную работу. В нем заложена возможность завоевания нами широчайших женских масс, в особенности масс женщин, занимающихся профессиональным трудом всякого рода, — промышленных работниц, домашних работниц, а также учительниц и других служащих. Это было бы хорошо, очень хорошо! Поду-

майте об обстановке. В момент крупных экономических схваток или же политических забастовок — какой прирост сил несет революционному пролетариату сознательное возмущение женских масс! При условии, конечно, что мы их сумеем завоевать и удержать. Выгоды были бы велики, даже прямо огромны. Но как вы думаете насчет некоторых вопросов? Вероятно, государственные власти весьма неблагоприятно отнесутся к делу созыва конгресса и попытаются ему помешать. Однако они вряд ли осмелятся грубо задушить его. Во всяком случае это вас не испугает. Но не бойтесь ли вы, что вы, коммунистки, и в комитетах, и на самом конгрессе будете задавлены численным перевесом представительниц буржуазии и реформизма и их несомненно большей ловкостью? И затем прежде всего действительно ли вы уверены в марксистской выучке наших товарищей-коммунисток, в том, что из них можно набрать ударную группу, которая с честью выдержит бой?

Я ответила на это Ленину, что власти вряд ли будут угрожать конгрессу бронированным кулаком. Насмешки и грубые нападки против конгресса послужат только агитацией в его пользу. Численности и ловкости некоммунистических элементов мы, коммунисты, можем противопоставить научное превосходство исторического материализма в охвате и освещении социальных проблем и последовательность наших требований для их разрешения. Наконец — и это не самое последнее, — мы можем противопоставить победу пролетарской революции в России и ее работу в деле раскрепощения женщины. Слабая, недостаточная выучка отдельных товарищей могла бы быть уравновешена планомерной подготовкой и совместной работой. В этом отношении я жду самого лучшего от русских коммунисток. Они должны составить железное ядро нашей фаланги. С ними я спокойно решилась бы на нечто гораздо большее, чем бои на конгрессе. Кроме того, если мы даже потерпим поражение при голосовании, то самый факт нашей борьбы выдвинет коммунизм на первый план и будет иметь выдающееся пропагандистское значение, одновременно создавая для нас новые точки опоры для дальнейшей работы. Ленин расхохотался.

— У вас все такой же энтузиазм по отношению к русским революционеркам. Да, да, старая любовь не забывается. Я думаю, что вы правы. Даже поражение после упорной борьбы было бы выигрышем, было бы подготовкой будущих завоеваний среди трудящихся женских масс. В общем, речь идет о предприятии, ради которого стоит рискнуть. Мы не можем никак проиграть полностью. Но, конечно, я надеюсь на победу, желаю победы от всего сердца. Она принесла бы нам значительное укрепление мощи, расширение и укрепление нашего фронта борьбы, она внесла бы в наши ряды оживление, движение и активность. Это всегда полезно. К тому же конгресс

вызвал бы в лагере буржуазии и ее реформистских друзей рост беспокойства, неуверенности, противоречий и конфликтов. Можно себе представить, кто будет заседать вместе с «гиенами революции», и, если дело пойдет хорошо, под их руководством: тут будут и честные, прирученные социал-демократки под верховным руководством Шейдемана, Дитмана и Легина, и благочестивые христианки, благословляемые папой или следующие учению Лютера, и настоящие дочери тайных советников и новопеченные статские советницы, английские бонтошны, как леди, пацифистки и пламенные французские суфражистки. Какую картину хаоса, распада буржуазного мира должен отразить конгресс! Какую картину его безысходной безнадежности! Конгресс усилил бы распад и этим ослабил бы силы контрреволюции. Всякое ослабление сил врага равнозначно усилению нашей мощи. Я за конгресс. Поговорите о нем с Григорием. Он вполне поймет важность этого дела. Мы его энергично поддержим. Итак, начинайте. Желаю вам успеха в борьбе.

Мы говорили еще о положении в Германии, особенно о предстоящем «объединительном съезде» старых спартаковцев с левым крылом независимых¹. Затем Ленин поспешно ушел, дружески поздоровавшись с несколькими товарищами, работавшими в комнате, через которую ему пришлось пройти.

Тов. Зиновьев также одобрил мой план. Я с радостью и надеждой принялась за подготовительную работу. Однако идея конгресса разбилась о позицию, занятую германскими и болгарскими коммунистками, которые в то время руководили самым значительным, если не считать Советской России, коммунистическим женским движением. Они отклонили созыв конгресса.

Когда я сообщила об этом Ленину, он ответил мне:

— Жаль, очень жаль! Эти товарищи оставили неиспользованной блестящую возможность открыть широчайшим женским массам новые, лучшие перспективы и этим привлечь их к революционной борьбе пролетариата. Кто знает, повторится ли так скоро такой благоприятный случай. Железо надо ковать, пока

¹ Спартаковцы — революционная организация германских левых социал-демократов; оформилась в январе 1916 г. во главе с К. Либкнехтом, Р. Люксембург, Ф. Мерингом, К. Цеткин, Ю. Мархлевским, Л. Йогихесом (Тышка), В. Пиком. В апреле 1917 г. спартаковцы вошли в центристскую Независимую социал-демократическую партию Германии, сохранив в ней свою организационную самостоятельность. После Ноябрьской революции 1918 г. в Германии спартаковцы порвали с «независимцами» и в декабре того же года основали Коммунистическую партию Германии.

Независимая с.-д. партия Германии — центристская партия, созданная в апреле 1917 г. на учредительном съезде в Готе. В октябре 1920 г. на съезде Независимой социал-демократической партии в Галле произошел раскол. Значительная часть ее в декабре 1920 г. объединилась с Коммунистической партией Германии. Правые элементы образовали отдельную партию и приняли старое название — Независимая социал-демократическая партия Германии. *Ред.*

горячо. Но сама задача осталась. Вы должны продолжать искать путь к женским массам, которые капитализм поверг в ужасающую нужду. Вы должны искать его во что бы то ни стало. От этой необходимости нельзя уклониться. Без организованной деятельности масс под руководством коммунистов нет победы над капитализмом, нет строительства коммунизма. Потому должны, наконец, прийти в движение и Ахерон женских масс.

* *
*

Минул первый год, проведенный революционным пролетариатом без Ленина. Этот год показал прочность его дела, показал исключительную гениальность вождя. Пушечные выстрелы возвещают траурный час, в который Ленин год тому назад закрыл навеки свои далеко и глубоко видящие глаза. Я вижу бесконечные процессии печальных мужчин и женщин из трудящегося народа. Они идут к месту упокоения Ленина. Их траур — мой траур, траур миллионов. Ожившая боль будит с непреодолимой силой воспоминания. Она же воскрешает действительность, перед которой исчезает тяжелое настоящее. Я слышу каждое слово, которое произносит Ленин в разговоре. Вижу каждое изменение выражения его лица. И я должна писать, должна... Знамена склоняются перед могилой Ленина, знамена, окрашенные кровью борцов революции. Кладут лавровые венки. Ни один из них не может быть лишним. И я присоединяю к ним эти скромные листки.

Январь 1925 г.

Цеткин Клара. О Ленине: Сборник статей и воспоминаний. С предисл. Н. К. Крупской. — М., 1933, с. 67—96

ЛЕНИН И МАССЫ

Когда я вспоминаю наши беседы с Лениным — его слова живы во мне, словно я их слышала сегодня, — во всех них выступает одна характерная черта великого революционного вождя. Это — глубина его отношения к широчайшим массам трудящихся, в особенности к рабочим и крестьянам.

Ленин был проникнут сердечным, искренним сочувствием к этим широким массам. Их нужда, их страдания, от болезненного булавочного укола до жестоких ударов дубиной, в их повседневной жизни — все это болью отзывалось в его душе. Каждый отдельный случай, о котором он узнавал, свидетелем которого он был, являлся для него отражением участи многих, бесчисленных. С каким волнением рассказывал он мне в начале ноября 1920 года о крестьянских ходаках, незадолго перед тем побывавших у него:

— Они были в лохмотьях, с тряпками на ногах и в лаптях. При теперешнем ненастье! Ноги их совсем промокли, посинели, замерзли. Разумеется, я распорядился, чтобы им принесли обувь из военного склада. Но разве этим поможешь? Тысячи, десятки тысяч крестьян и рабочих ходят теперь с израненными ногами, невозможно всех их обути за счет государства. Из какого глубокого и страшного ада должен подняться, выбиться наш бедный народ! Дорога к его освобождению значительно труднее, чем дорога вашего германского пролетариата. Но я верю в его героизм, он выбьется!

Ленин говорил сначала тихо, почти шепотом. Последнюю фразу он произнес громко, сжав губы, с выражением твердой решимости.

После нескольких дней пребывания в Иваново-Вознесенске, приблизительно в тот же период, я должна была ему сообщить о полученных мною незабываемых впечатлениях: о происшедшей там окружной конференции, о собрании в переполнен-

ном театре и царившем там настроении, о посещении детских домов и большой текстильной фабрики, где работают преимущественно женщины.

Ленин в особенности интересовался тем, что я видела и переживала среди маленьких детей и подростков, подробно расспрашивал. Я рассказала ему, как обступили меня работницы и засыпали вопросами о положении их сестер в Германии и как они в заключение сказали:

— Взгляни на наши голые израненные ноги. У нас только лапти. Холодно, и нужно ходить на работу. Передай Ленину, что мы будем очень рады, если удастся получить на зиму хорошую обувь. И хлеба побольше бы нам дали! Но передай ему, что мы и без этого продержимся, даже если еще в чем будет нужда.

Ленин слушал меня с большим вниманием. На лице его отражалось сострадание.

— Я знаю, как терпят и переносят лишения эти бедняки! — воскликнул он. — Страшно, что Советская власть не может сразу помочь. Наше новое государство должно сначала отстоять свое существование, выдержать борьбу. Это требует огромных жертв. Но я также знаю, что наши пролетарки выдержат. Это героини, великие героини. Их освобождение не падает им, как подарок с неба. Они его заслуживают, они покупают его своими жертвами, расплачиваются своей кровью даже тогда, когда они не стоят перед винтовками белых.

Ленин был проникнут глубоким, сокровенным пониманием душевных страданий подневольного человечества, изнывающего в тисках отживших общественных и бытовых форм. Но как ни сильно было сострадание Ленина к тяжелой участи масс, этим одним никоим образом не исчерпывалось его отношение к массам. Это отношение не было основано, как у многих, на слезливом сочувствии, — оно имело твердые корни в его оценке масс как исторической революционной силы. В эксплуатируемых и подневольных Ленин видел и ценил борцов против эксплуатации и порабощения, а во всех борющихся он видел и ценил строителей нового общественного строя, несущего конец всякой эксплуатации и порабощения человека человеком. Разрушение старых устоев гнета и эксплуатации, как дело масс, стояло для него в тесной связи с созданием строя без гнета и эксплуатации, являющегося также делом масс.

Для Ленина, как он однажды мне сказал, уже недостаточно было одного «количества массы» для освободительного дела пролетарской революции, пересоздающей мир; он считал необходимым «качество в количестве». Революционная масса, победоносно разрушающая старое и долженствующая создать новое, не была для Ленина чем-то серым и безличным, не была рыхлой глыбой, которую может лепить по своему желанию малень-

кая группа вожаков. Он оценивал массу как сплочение лучшего, борющегося, стремящегося ввысь человечества, состоящего из бесчисленных отдельных личностей. Нужно будить чувство и сознание этого человечества, развивать и поднимать пролетарское классовое самосознание на высшую ступень организованной активности.

Ленин, воспринимавший массу в духе Маркса, придавал, разумеется, огромное значение ее всестороннему культурному развитию. Он считал его величайшим завоеванием революции и верным залогом осуществления коммунизма.

— Красный Октябрь, — сказал он мне однажды, — открыл широкий путь для культурной революции величайшего масштаба, которая осуществляется на основе начавшейся экономической революции, в постоянном взаимодействии с ней. Представьте себе миллионы мужчин и женщин, принадлежащих к различным национальностям и расам и стоящих на различных ступенях культуры, — все они теперь устремились вперед, к новой жизни. Грандиозна задача, стоящая перед Советской властью. Она должна за годы, за десятилетия загладить культурный долг многих столетий. Кроме советских органов и учреждений действуют для культурного прогресса многочисленные организации и объединения ученых, художников и учителей. Громаднейшая культурная работа проводится нашими профсоюзами на предприятиях, нашей кооперацией в деревне. Активность нашей партии живет и проникает повсюду. Делается очень многое, наши успехи велики в сравнении с тем, что было, но они кажутся маленькими в сравнении с тем, что предстоит сделать. Наша культурная революция только началась.

Случайно Ленин коснулся обсуждения одной блестящей балетной постановки в Большом театре.

— Да, — с улыбкой заметил он, — балет, театр, опера, выставки новой и новейшей живописи и скульптуры — все это служит для многих за границей доказательством того, что мы, большевики, вовсе не такие ужасные варвары, как там думали. Я не отрицаю этих и подобных им проявлений общественной культуры, — я их вовсе не недооцениваю. Но, признаю, мне больше по душе создание двух-трех начальных школ в захолустных деревнях, чем самый великолепный экспонат на выставке. Подъем общего культурного уровня масс создаст ту твердую, здоровую почву, из которой вырастут мощные, неисчерпаемые силы для развития искусства, науки и техники. Стремление создавать культуру, распространять ее у нас необычайно сильно. Нужно признать, что при этом у нас делается много экспериментов, наряду с серьезным у нас много ребяческого, незрелого, отнимающего силы и средства. Но, по-видимому, творческая жизнь требует расточительности в обществе, как и в природе. Самое важное для культурной революции со

времени завоевания власти пролетариатом уже имеется: это пробуждение, стремление масс к культуре. Растут новые люди, созданные новым общественным строем и творящие этот строй.

Прошло пять лет с того времени¹, как великий друг, пробудитель и воспитатель масс закрыл глаза, которые с такой большой любовью и верой смотрели на маленьких и незаметных людей. Но дело Ленина не угасло, несмотря на его смерть. Оно живет, оно действительно проникает за пределы партии, которую он создал и которую он руководил, в безвестные широчайшие массы, которые трудятся в Советском Союзе над социалистическим строительством, которые ведут в капиталистических странах освободительную борьбу за власть, которые поднимаются в колониальных странах против своих господ — эксплуататоров и угнетателей. То историческое, творческое дело, которое они осуществляют, будет ему достойным памятником.

Цеткин Клара. О Ленине: Сборник статей и воспоминаний. С предисл. Н. К. Крупской.— М., 1933, с. 23—26

¹ Воспоминания написаны в 1929 г. *Ред.*

ЛЕНИН
НА ШТУТГАРТСКОМ КОНГРЕССЕ
II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Слышали!? РСДРП отозвала Плеханова из Международного социалистического бюро и назначила вместо него Ленина!

Это известие, передававшееся из уст в уста, было мне немедленно сообщено, как только я приехал в Штутгарт в 1907 году.

Лично я в то время мало знал Ленина, хотя впервые встретился с ним еще за десять лет до Штутгарта, в ссылке. Но я знал Ленина по «Искре», знал по его выступлениям на II съезде партии, знал, какой популярностью он пользовался среди масс.

Отношение к большевикам на конгрессе, и в частности к Владимиру Ильичу, определялось установившейся за ними репутацией «сектантов-раскольников». Против раскольников Международное бюро II Интернационала всегда выступало сомкнутыми рядами, независимо от существа раскола.

Припоминаю такой факт. Бюро должно было решить вопрос о распределении мандатов в связи с расколом в ППС¹, вернее, отколом от ППС шовинистических элементов во главе с Иосифом Пилсудским. Я до сих пор помню высокомерно-гневное выражение лиц деятелей Международного бюро, шокированных самим фактом раскола. Они даже не интересовались, из-за чего произошел раскол. До этого им не было дела. Они были против всякого раскола. Напомним, как Ленин относился к расколу. «Раскол — тяжелая, болезненная история. Но иногда он становится необходимым, и в таких случаях всякая слабость, всякая «сентиментальность»... есть преступление. Вожди рабочих не ангелы, не святые, не герои, а люди, как все. Они делают ошибки. Партия поправляет их. Немецкой рабочей партии случалось поправлять оппортунистические ошибки даже таких великих вождей, как Бебель.

¹ ППС (Polska Partia Socjalistyczna) — Польская социалистическая партия — реформистская националистическая партия, созданная в 1892 г. *Ред.*

Но если на ошибке настаивают, если для защиты ошибки составляется группа, которая топчет ногами все решения партии, всю дисциплину пролетарской армии, тогда раскол необходим»¹.

Такова была всегда позиция Ленина, прямо противоположная позиции лидеров II Интернационала, противников *всякого* раскола.

На конгрессах эти «вожди» торговали «распивочно» и «на вынос». На открытых заседаниях конгресса, в речах «на вынос» царило поразительное «единодушие», и только, присутствуя на комиссиях, можно было составить представление о том буквально вавилонском столпотворении, которое царило во II Интернационале.

В Штутгарте Ленин не выступал ни на пленуме, ни в комиссиях. Он прорабатывал все вопросы с делегатами-единомышленниками, к числу которых принадлежали и польские социал-демократы: Роза Люксембург, Мархлевский-Карский² и кое-кто из иностранцев. Но он не пропускал ни одной комиссии и внимательно слушал всех выступавших.

На Штутгартском конгрессе открытые оппортунисты типа Давида и Ван Коля распоясались вовсю. На этот раз даже на пленуме эти господа отстаивали «право» цивилизованных народов угнетать и эксплуатировать нецивилизованные народы. Резолюция, подтверждающая решения прежних конгрессов по колониальному вопросу, была принята большинством в 127 голосов против 108 при 10 воздержавшихся от голосования. Если бы не участие в этом голосовании русских и поляков, скрытые и явные бернштейнианцы получили бы большинство голосов. О качестве этого большинства можно составить себе представление по прениям по вопросу о милитаризме. Самым «левым» в этих прениях был пресловутый Эрве, одним прыжком перебросившийся в момент, когда вспыхнула империалистическая война, из стана ярых антимилитаристов в лагерь крайних шовинистов.

Им была внесена следующая резолюция: «Принимая во внимание, что для пролетариата совершенно безразлично, каким национальным клеймом отмечена капиталистическая эксплуатация, конгресс отвергает буржуазно-правительственный патриотизм, создающий фикцию тождества интересов жителей одной и той же страны. Конгресс заявляет, что обязанность социалистов всех стран объединиться с целью низвержения капиталистической системы и внедрения и защиты социалистического строя. Что же касается дипломатических переговоров, со всех сторон ставящих под угрозу европейский мир, то кон-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 409. *Ред.*

² Мархлевский Юлиан (Карский) (1866—1925) — видный деятель польского и международного рабочего движения. *Ред.*

гресс призывает всех товарищей, чтобы они ответили военной забастовкой на любое объявление войны, независимо от того, как она будет объявлена».

«Не все то золото, что блестит!» Ленин, всегда проводивший резкую грань между подлинными революционерами и жонглерами революционной фразой, вырабатывая свой проект резолюции, даже не стал разговаривать с Эрве. Ленин сразу раскусил фразера и не пригласил его на созванное по инициативе его и Розы Люксембург частное совещание подлинных революционных марксистов, которых, к слову сказать, оказалось очень немного. На Ленина и Розу Люксембург легла очень трудная задача — поправкой к резолюции парализовать торчащее в ней ядовитое оппортунистическое жало.

В резолюции, предложенной Бебелем, предлагалось: «Если будет угрожать война, рабочие и их представители в парламентах заинтересованных стран обязаны сделать все, чтобы при помощи средств, которые им покажутся самыми действительными, помешать взрыву войны; если бы она все же вспыхнула, — они обязаны добиваться скорейшего ее прекращения».

Ленин совместно с Розой Люксембург добились существенного изменения этой редакции.

Ленин ставил вопрос так: если начнется империалистическая война, — поднять революцию, другими словами, *превратить империалистическую войну в гражданскую*. Но это для оппортунистов II Интернационала было, разумеется, неприемлемо. Бебель настаивал на соблюдении большей осторожности в выражениях...

Пришлось принести форму в жертву, сохранив содержание. Но с этой существенной поправкой резолюция была принята единогласно.

Ее два последних абзаца гласили: «В случае угрозы взрыва войны рабочий класс соответствующих стран и его представители в парламенте обязаны, с помощью объединяющей деятельности Международного бюро, сделать все возможное, чтобы помешать взрыву войны, применив те средства, которые они сочтут наиболее действительными и которые естественно меняются в зависимости от обострения классовой борьбы и от общей политической ситуации. В случае, если война все же разразится, долг рабочих — выступить за ее скорейшее окончание и всеми средствами стремиться к тому, чтобы использовать вызванный войной хозяйственный и политический кризис для возбуждения народа и тем самым ускорить устранение капиталистического классового господства».

Это «единогласие» не вызывало никаких иллюзий насчет действительного социального облика голосовавших. Год спустя Ленин по поводу оппортунистов писал: «Совершенно естествен-

но, что мелкобуржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий. Совершенно естественно, что так должно быть и будет всегда вплоть до перипетий пролетарской революции... То, что теперь мы переживаем, — пророчески предсказывал Ленин в статье «Марксизм и ревизионизм», — зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу, — то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве, — это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу»¹. Это — пророческое предвидение того, что происходит с момента Октябрьской революции.

Но тогда, в Штутгарте, эта ржавчина ревизионизма была очевидна для Ленина, а кроме него, ее вряд ли кто-либо видел с такой ясностью.

Для того чтобы сгладить шероховатости, вытекавшие из идейного разброда, у лидеров II Интернационала были приемы, заимствованные у буржуазного мира. Велись частные «интимные» беседы, устраивались банкеты.

Такой банкет был в Штутгарте устроен за городом. Пиво, вино, всевозможные яства пролагали путь к «сближению»... Центром внимания на этом банкете был Август Бебель.

Как самый авторитетный вождь II Интернационала и блюститель традиций, Бебель на банкете совершал торжественный обход всех делегаций, обращался ко всем со словом «Kinder» («дети»), с одними отечески шутя, других журуя, а иных настаивая на путь истины. Окружавшая Бебеля свита поклонников и поклонниц усиливала величественность этого обхода...

Куда бы Бебель ни направился, все стихало, преклоняясь перед маститым вождем. Я находился среди русских товарищей, когда Бебель приблизился к русской делегации.

Вино и пиво, которыми нас гостеприимно угощали, возымело свое действие... Бебелю преградил дорогу ныне прославившийся на весь мир красный дипломат Максим Максимович Литвинов, в то время один из неугомоннейших большевиков, и оговорил его вопросом: «Warum lieben Sie uns nicht?» («Почему Вы нас не любите?»). Великий Бебель опешил. Он был явно шокирован такой бесцеремонностью, таким несоблюдением уставов повеленных форм...

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 25—26. *Ред.*

Присутствовавшие при этой сцене впились глазами — одни в вопрошавшего, другие в Бебеля... После минутного молчания он не без смущения заявил, что это неверно, что он любит всех и ко всем относится одинаково, но большевизм — это «Kinderkrankheit» («детская болезнь»).

Я оглянулся. У скамейки, вонзив глаза в Бебеля, стоял Ленин. Он улыбался лукавой, но вместе с тем иронической улыбкой, в глазах его горели знакомые искорки, которые всегда загорались в них, когда Ильич видел человека насквозь, обнаруживая то, что тот тщательно скрывал.

На меня эта сцена и тогда произвела большое впечатление и осталась в памяти на всю жизнь, а теперь, когда я ее вновь воскрешаю, я вижу перед собою этих двух вождей рабочего класса: одного — мыслимого лишь на почве капиталистического строя и терявшего свою революционность по мере приближения рокового для капитализма, последнего решительного боя, и другого — великого организатора революционных масс, великого идеолога борьбы за пролетарскую социалистическую диктатуру, борьбы за социализм.

Сосредоточив свое внимание на поразившем меня тогда выражении лица Владимира Ильича, я не заметил, как и чем кончился этот маленький инцидент и как Бебель, по-прежнему величественно, направил свои стопы к меньшевикам, почтительно приветствуемый Мартиновым... Но как бы ни закончил Бебель свое объяснение с Литвиновым, он, если бы даже пожелал быть откровенным, не смог бы ответить на его вопрос, не смог бы объяснить инстинктивной неприязни вождей II Интернационала к большевикам, так как все эти вожди, в том числе и самый выдающийся из них — Бебель, еще не осознали той пропасти, которая отделяла сознательных и несознательных ревизионистов от революционных марксистов¹.

Ленин и международное рабочее движение: Воспоминания. Сборник 1.— М., 1934, с. 5—10

¹ В другом варианте этих воспоминаний автор дополнительно сообщает: «По окончании конгресса я возвращался в одном вагоне с Лениным и, разговаривая с ним о многом, коснулся этой принятой единогласно резолюции (см. настоящий том, с. 68. *Ред.*). Ильич не имел никаких иллюзий насчет проведения ее в жизнь II Интернационалом. Я после этого долго не встречался с Лениным, не знаю, как он отнесся к подтверждению штутгартской резолюции в Копенгагене (1910 г.) и к торжественному, чуть ли не клятвенному, сопровождавшемуся торжественным поднятием рук, обещанию в Базеле, но не сомневаюсь в том, что он несколько не изменил своего отношения к тем, которые не менее торжественно, но зато более действенно перебросились впоследствии на сторону классового врага пролетариата...» (см. Пролетарская революция, 1924, № 5, с. 250). *Ред.*

ЛЕНИН МЕНЯ УЧИЛ
БОЛЬШЕВИЗМУ.

С конца января 1916 года Владимир Ильич и Надежда Константиновна жили в Цюрихе. В то время я работал на заводе «Орион». В первое же воскресенье после приезда Владимира Ильича я отправился к нему со своим четырехлетним сынишкой Робертом. По дороге я читал Роберту длинное наставление о том, что Ленин — человек занятой и много времени отнимать у него нельзя, надо хорошо себя вести и т. д.

Дверь открыл сам Владимир Ильич. Увидев нас, он подхватил на руки Роберта и воскликнул:

— Вот это сюрприз!

Через несколько минут они уже были друзьями, это меня очень удивило, потому что Роберт был застенчив и медленно сближался с незнакомыми. Тут же он не только не чуждался нового человека, но очень оживленно болтал с ним.

Я же стоял в стороне и раздумывал над тем, как быть: не хотелось лишать сына удовольствия, да и для Владимира Ильича такая форма отдыха, видимо, была полезна, а между тем время шло, и я боялся, что не успею обсудить с Лениным накопившиеся у меня вопросы.

Так прошло не менее часа. Чего только они не придумывали! И маршировали, и в ослики играли, и в жмурки. Роберт был счастлив. Не успели мы прийти домой, как он бросился к матери, рассказывая ей о Ленине.

Да, в тот день намеченный мною разговор с Владимиром Ильичем не состоялся. И не только из-за Роберта. Лишь успел я сообщить Владимиру Ильичу, где я работаю, как он начал подробно расспрашивать меня о рабочих завода: откуда они — из деревни или из города, имеют ли огороды, интересуются ли политикой. Я ему сказал, что они в основном жители Цюриха.

— А значит, потомственные рабочие, мастера своих профессий, вряд ли занимающиеся огородничеством. Нельзя ли с

ними поговорить на партийно-политические темы, скажем, о Циммервальде¹ или об их партийных руководителях?

— О Циммервальде и о своей социал-демократической партии цюрихские рабочие уже сами стали меня расспрашивать, — ответил я. — Что же касается их профессионального мастерства, то вы ошибаетесь, Владимир Ильич. Большинство из них — невысокой квалификации и имеют огороды. К моему великому удивлению, хотя они и немцы, но работают хуже французов. Представьте себе, что я, болгарин, оказался более квалифицированным, чем они. Я их учу, а не они меня.

— А чему вы их учите?

— Видите ли, изготовить радиатор — дело, конечно, не простое (в то время не знали штампованного или конвейерного изготовления радиаторов), но еще сложнее устранить погрешности, выявленные при испытании. Радиатор сделаешь за 32 часа, а на его испытание требуется 20—30, а то и 40 часов.

— А вы сколько тратите на испытание?

— Два часа.

— Это же очень хорошо!

На этом закончилось первое свидание с Лениным в Цюрихе, но начались мои систематические встречи с ним. Я еле-еле дождался конца недели, чтобы в воскресенье зайти к нему снова. Бывали недели, когда я к нему приходил даже по два раза. А иногда он и сам заходил ко мне с Надеждой Константиновной.

Однажды я спросил у него:

— Владимир Ильич, как же это могло получиться, что Жюль Гед стал шовинистом и теперь пропагандирует «теорию» о том, что «когда горит дом, то не спрашивают, пролетарский он или буржуазный?» Откуда взялось у Каутского тоже замаскированное шовинистическое утверждение, что «война сама себя изживает»? Каким путем Плеханов пришел к ярому оборончеству и пропаганде того, что «отечество надо защищать от нападающих тевтонов»?

— Что о них говорить, — нахмурился Ленин, — надо прямо сказать: они предатели дела пролетариата.

— Но как же, Владимир Ильич, ведь все трое завоевали авторитет марксистов-революционеров. У нас в Болгарии не так просто освободиться от их влияния. Им необходимо противопоставить настоящие революционные авторитеты!

— Ну что ж, пожалуйста, противопоставьте им авторитет нашей большевистской партии. Посылайте своим болгарским

¹ Имеется в виду первая Международная социалистическая конференция в Циммервальде (5—8 сентября 1915 г.), на которой революционные интернационалисты во главе с Лениным объединились в Циммервальдскую левую, проделавшую позднее большую работу по организации интернационалистских элементов в странах Европы и Америки.
Ред.

товарищам наш центральный орган — «Социал-демократ», наши брошюры по вопросам войны. Вот начали мы выпускать журнал «Коммунист»¹ — тоже пошлите им.

Затем в ходе обстоятельной беседы Владимир Ильич объяснил мне, что социал-патриотизм Геда понять, в сущности, не очень сложно. Жюль Гед, по существу, оказался генералом без армии. Когда грянула война, он, оторванный от масс, повернул круто вправо. Нечто подобное случилось и с Плехановым. Он давно потерял связь с рабочими массами и с революционерами-партийцами, выступающими в России против войны. Владимир Ильич тут же добавил, что ценит Плеханова, ценит высокий уровень его марксистской пропаганды, которую он вел в течение многих лет. Но в годы войны Плеханов стал оборонцем, отошел от марксизма.

Что касается Каутского, который написал «Путь к власти» на основании опыта русской революции 1905 года, рекомендуя массовую политическую забастовку для завоевания власти, который делал реверансы левым на Базельском конгрессе II Интернационала², то сейчас он стал самым настоящим ренегатом, забыл все, что проповедовал до войны.

ПЕРВЫЕ ШАГИ К СОЗДАНИЮ ШВЕЙЦАРСКИМИ РАБОЧИМИ ЦИММЕРВАЛЬДСКИХ ГРУПП

— А как там с рабочими вашего завода? Говорили вы с ними о наших позициях в Циммервальде? — этим вопросом встретил меня Владимир Ильич, когда я явился в очередное воскресенье.

— Да, — ответил я. — И знаете, Владимир Ильич, вы оказались совершенно правы. Вы сказали как-то, что если швейцарские рабочие и не смогут начать революцию, то их политическая и революционная активность может отрезвляюще подействовать на восточных и западных соседей Швейцарии, отравленных шовинистическим угаром. Я беседовал с ними так, как вы мне советовали, и у них стали загораться глаза. Они даже заговорили о политической забастовке, какая, например, была у бельгийцев за избирательное право. А один рабочий вспомнил о всеобщей забастовке русских рабочих в 1905 году.

¹ «Коммунист» — журнал, созданный В. И. Лениным; издавался в Женеве редакцией газеты «Социал-демократ» в 1915 г. Вышел один (двойной) номер в сентябре, в котором были напечатаны три статьи В. И. Ленина (см. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 26. с. 209—265; т. 27, с. 5—13, 14—23). *Ред.*

² Чрезвычайный международный социалистический конгресс в Базеле состоялся 24—25 ноября 1912 г. *Ред.*

— Раз так, то вы им прежде всего скажите, что их руководитель Платтен уже стоит за забастовку. Более молодым рабочим, которые хорошо знают Мюнценберга, сообщите, что он тоже за забастовку. Кроме того, если рабочие охотно откликаются на политические беседы, призовите их поддержать левоциммервальдские позиции. И далее, если вам это удастся, посоветуйте им связаться с французскими и немецкими рабочими, с тем чтобы они вели политическую агитацию среди своих войск. Рабочие воюющих стран должны в конечном результате добиться превращения войны империалистической в войну гражданскую и осуществления лозунга немедленного мира без аннексий и контрибуций. Поскольку швейцарским рабочим теперь ясно видно, к чему привело «примирение» пролетариата с буржуазией в Германии и Франции, они должны остерегаться собственных социал-патриотов. На съезде швейцарской социал-демократической партии необходимо призвать к ориентации на новый, революционный, III Интернационал.

Само собой разумеется, беседы Владимира Ильича со мной были куда более обстоятельными, но даже и по этим коротким записям видно, что Ленин никогда не переставал думать о развитии революционной борьбы пролетариата как в России, так и в любой другой стране.

Помню, как однажды Владимир Ильич пришел к нам с Надеждой Константиновной. Владимир Ильич, поиграв с моим сынишкой, подсел ко мне и продолжил разговор, начатый в нашу предыдущую встречу.

— Знаете, пора уже отказаться от кустарной постановки политической партийной работы на вашем заводе. Во-первых, как видите, Grimm и другие центристы не переходят на революционную интернационалистскую позицию. Во-вторых, сейчас все чаще и чаще слышно о волнениях среди солдат на фронтах. Надо обязательно усилить индивидуальную пропаганду, которую вы начали прежде всего среди рабочих, представляющих для нас особый интерес. Необходимо отыскивать на заводе наиболее влиятельных руководителей, которым масса доверяет. Их надо искать главным образом среди обыкновенных рабочих, но научившихся думать самостоятельно и имеющих представление о марксизме. Эти передовые рабочие на конференциях, созываемых по поводу предстоящего съезда швейцарской социал-демократической партии¹, подымут свои голоса против партийных бона.

— Видите ли, товарищ Гольдштейн,— продолжал Ленин,— когда вы говорите с ними, они вас, может быть, понимают, но прочувствовать и усвоить необычные для них левоциммервальдские установки по вопросам войны и революции им будет зна-

¹ Речь идет о съезде Социал-демократической партии Швейцарии, который состоялся в Цюрихе 4—5 ноября 1916 г. *Ред.*

чительно легче, если они услышат о них из уст своего же швейцарца, которого они знают давно, который стоит с ними рядом за станком, говорит на одинаковом с ними языке и пользуется их доверием. Таких людей никем не заменишь. До сих пор мы старались их заменить, а сейчас наступил уже такой период, когда необходимо привлекать руководителей из их среды. Массу привлечь может лучше всего рабочий-средняка.

Здесь получается двойная выгода. Во-первых, меняется объект вашей работы. Раньше вам приходилось изо всех сил убеждать только случайных, показавшихся вам революционно настроенными рабочих. А теперь вы через этих середняков можете влиять на всю массу рабочих. Во-вторых, середнякам надо напоминать, что их долг — противопоставить бонзам как можно более широкий круг рабочих. Свои выводы, продиктованные изменой вождей II Интернационала, они обязаны довести до сознания всех рабочих цеха или даже завода. Если мы сумеем организовать нашу работу по такой стройной системе, то результаты ее, естественно, будут неизмеримо больше, чем те, которых мы добились до сих пор.

КАК ЛУЧШЕ СВЯЗАТЬСЯ С РОССИЕЙ?

Как-то Владимир Ильич спросил у меня:

— Товарищ Гольдштейн, как вы думаете, мы могли бы устроиться в Варне?

— А почему бы и нет? У нас такая же конституция, как и в Бельгии. И вы могли бы на тех же основаниях жить и вести работу и в Болгарии, разумеется, в рамках буржуазной легальности.

— Часто ли в Болгарию приходят пароходы из России?

— Часто.

Глаза Владимира Ильича сверкнули.

— Как ты думаешь, — обратился он к Надежде Константиновне, — может быть, на этом и остановиться? О Галиции во время войны нечего и помышлять, а вот в Варне, по-моему, будет неплохо. Очевидно, какие-то связи там сохранились. И в Болгарии развал фронта, как рассказывал Роман Аврамов, может случиться скорей, чем в Австрии. Помнишь, как удачно оттуда Литвинов оружие переправлял? Пересылали мы из Варны и некоторые номера «Искры». Вот и товарищ Гольдштейн рассказывал о приезде в этот порт некоторых наших нелегальных товарищей. Да, на Варну ориентироваться реальнее, чем на другой пункт. Товарищ Гольдштейн, вам тоже, если это возможно, надо бы вернуться в Болгарию. В чужих странах, не владея в совершенстве языком, трудно вести работу среди масс.

Ленин очень много думал о том, как бы наладить более надежную связь с Россией. Орыв от родины всегда чрезвычайно волновал Владимира Ильича.

ДОКЛАД ЛЕНИНА О ВОЙНЕ И РЕВОЛЮЦИИ

Во время одной из наших встреч Ленин спросил:

— Как вы думаете, стоит ли сделать доклад о войне и революции для всей эмиграции? Понятно, мы назовем его как-нибудь по-другому.

— По-моему, очень нужно. Люди соскучились по острополитическому правдивому слову о войне и революции. На днях в эмигрантской столовой мне даже какой-то меньшевик сказал: «Хоть бы Ленин выступил у нас с речью, а то задыхаешься от чудовищной гнусности измен во всем Интернационале». Если уже меньшевик стал задыхаться в болоте шовинизма, то что же сказать о товарищах, оставшихся верными интернационализму?

Доклад Ленина был назначен на летний воскресный день в одном из помещений «Айнтрахт» — вблизи Шпигельгассе. Накануне известная в то время в среде политэмигрантов меньшевика Елизавета Петровна («Димка») ¹, желая задеть Владимира Ильича, сказала о нем, сама того не подозревая, очень метко: «Ленин иначе не может, непременно произнесет программную речь».

Не буду останавливаться на самом содержании доклада, поскольку он был построен на базе материалов, использованных в классическом ленинском труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» ². Как известно, эта работа была написана Лениным для легального издания, поэтому ее выводы не могли быть резко сформулированы, но их легко мог сделать сам читатель. Ленин изложил в докладе основные выводы так просто, что присутствовавший в зале неугомонный Д. Б. Рязанов, один из идеологов центризма в вопросах войны и революции, воскликнул:

— Нельзя так упрощать сложные исторические вопросы! Неужели так просто взять банки в свои руки?

— А вы организуйте борьбу пролетариата за овладение политической властью, — спокойно ответил Ленин, — тогда захват банков произойдет легче и проще, чем вам кажется.

— «Упрощенчеством» борьба за власть не кончится, — не сдавался Рязанов. — Посмотрите, как германский пролетариат, не кончив борьбу, вынужден отложить до конца войны привлечение к ответственности своей буржуазии.

¹ Смидович. *Ред.*

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 299—426. *Ред.*

— Когда буржуазия укрепит свое пошатнувшееся во время войны положение,— отвечает Рязанову Ленин,— уже будет поздно. А думать, как Каутский, что «война сама себя изживает»,— вреднейший обман, прямая измена марксизму и революции.

— Каутский — старый революционер,— уже не владея собой, кричит Рязанов.— Он, конечно, не такой сумасшедший, как Либкнехт, чтобы идти в брюссельский рабочий клуб и там подбивать рабочих выступить во время войны за революцию.

— А Каутскому,— по-прежнему спокойно отвечает Ленин,— у Либкнехта надо учиться, как выступать. Выступления Либкнехта на Потсдамерплац в Берлине и в брюссельском рабочем клубе — это образец последовательного марксизма.

Доклад Ленина расшевелил всю эмиграцию и вызвал большую мобилизацию революционных сил.

БУДЕТ И НА НАШЕЙ УЛИЦЕ ПРАЗДНИК!

В начале 1917 года наша маленькая большевистская группа в Цюрихе развернула лихорадочно работу. Назревал новый революционный подъем. Из Москвы писали: «Скоро и на нашей улице будет праздник!». Ободряющие вести шли с Западного фронта — из Франции и Германии. Впоследствии они получили свое художественное отражение в романах «В огне» Барбюса и «На западном фронте без перемен» Ремарка. Ленин всегда был раньше других в курсе важнейших политических событий. Он решил, что ему надо выступить перед рабочей аудиторией.

Приближалось 9 (22) января — годовщина расстрела петербургских рабочих, знаменовавшего начало первой русской революции, и Ленин решил приурочить свой доклад к этой дате.

Доклад Ленин прочитал в цюрихском Народном доме на немецком языке¹.

Выступление Ленина произвело огромное впечатление. Аудитория, состоящая главным образом из молодежи, жадно ловила каждое его слово. Помню, как, затаив дыхание, слушали доклад руководители швейцарских циммервальдских групп Герцог и Мюнценберг, а Паскаль сказал:

— Этот человек — олицетворение чести и славы пролетариата на нашей земле.

В тот вечер Герцог дважды повторил:

— Надо создать в Швейцарии такую же партию, какую Ленин создал в России.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 306—328. *Ред.*

Впрочем, так думал не один Герцог. Многие эмигранты, присутствовавшие на докладе, решили бороться за создание партий по образцу большевиков.

На следующий день я рассказал Владимиру Ильичу об этих настроениях. Внимательно выслушав меня, он сказал:

— Значит, наверняка скоро можно будет организовать III Интернационал.

Идея о создании III Интернационала овладела им всецело.

— Понимаете, товарищ Гольдштейн, — говорил он, — кроме Благоева¹, никто не ставит так решительно вопрос о создании III Интернационала, который должен восстановить традиции I Интернационала. А ведь II Интернационал уже труп, он выродился в интернационал социал-патриотов, в организацию предателей, где верховодят все эти ренодели, тураги, шейдемань, вандервельде, гвоздевы, потресовы и пр.

Большая работа предстоит будущему, III Интернационалу, который должен возродить идеи подлинного пролетарского революционного интернационализма. Если российский пролетариат в баррикадных боях свергнет царский режим, это будет победой трудящихся всего мира и началом перехода к социалистической революции.

Товарищ Гольдштейн, пишите вашим болгарским товарищам почаще и настойчиво убеждайте их принять установки Циммервальдской левой. Когда все прогнило, надо не только говорить о смерти II Интернационала, а строить срочно новый, III Интернационал. Это — единственно верный путь к социализму. Почва взрыхлена основательно, и на ней должно невиданно вырасти политическое сознание масс под нашими знаменами.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Грянула Февральская революция. Ясно было, что теперь никакие силы не удержат Владимира Ильича в Швейцарии, что он во что бы то ни стало найдет способ возвратиться на родину.

Хотя и не хотелось мешать ему в такой момент, но, улучив минуту, я все же спросил его:

— Владимир Ильич, как теперь быть? Очень мне хочется в Россию!

— Пока рано, товарищ Гольдштейн. По-прежнему держите связь с Герцогом, ни в коем случае не ослабляйте работу с вашими балканцами. Не вы один хотите в Россию, был у меня

¹ Благоев Димитр (1856—1924) — видный деятель революционного движения Болгарии, организатор одной из первых с.-д. групп в России. Сыграл большую роль в образовании Болгарской коммунистической партии (см. также настоящий том, с. 281, 286—287). *Ред.*

Паскаль, тоже просится к нам. Но что же получится? Вы все уедете, и дело здесь пойдет насмарку. Этого нельзя допустить. Учтите также, что и вы, и тем более Паскаль недостаточно хорошо знаете русский язык. Значит, вас нельзя использовать ни для выступлений на митинге, ни для руководящей работы. Мы, русские, обязаны в такой момент быть на родине, точно так же, как и вы непременно должны были бы поехать в Болгарию, если бы там вспыхнула революция. А пока работайте здесь. Доведите начатое дело до конца, помогите созданию совместно с Герцогом и другими товарищами революционной швейцарской партии, а потом уж думайте о поездке в Россию. Наши успехи вам помогут. Работайте для революции на Балканах. Давайте условимся, что пока вы остаетесь здесь. Договорились? Вот и прекрасно. На этой неделе я поеду в Шо-де-Фон¹. Я поговорю с Абрамовичем² и свяжу его с Герцогом и остальными циммервальдцами. Таким образом швейцарские рабочие Шо-де-Фона смогут обращаться прямо к Герцогу после отъезда в Россию Абрамовича.

Ленин усиленно готовился к отъезду. Мы, работавшие раньше в Швейцарии под непосредственным ленинским руководством, постепенно приучались вести дело самостоятельно. А дело — большое и серьезное: речь шла о создании революционной швейцарской рабочей партии. Препятствия приходилось преодолевать на каждом шагу. Центристские идеологи, находящиеся в плену II Интернационала, то и дело ставили нам палки в колеса. Зачем, дескать, организовывать новую партию, когда постепенно можно добиться большинства в самой швейцарской социал-демократической партии? К чему идти напролом? Раскол и большевистские методы борьбы — это годится для России, а не для Швейцарии. Лучше действовать не спеша, постепенно: сегодня — идейный разрыв с социал-демократами, завтра — со II Интернационалом, послезавтра — отказ от оппозиционистских методов работы.

Приближался день отъезда В. И. Ленина. Вместе с ним должна была уехать большая группа русских политэмигрантов. Конечно, все мы понимали, что иначе и быть не может, но душа была неспокойна: как же это мы останемся без Ленина? К кому пойти за указаниями и советом в решительный момент? Первое, о чем просил меня Герцог, когда я шел в последнее воскресенье повидаться с Владимиром Ильичем, — это договориться с ним о том, что он будет письменно нами руководить. На это предложение Владимир Ильич ответил:

¹ Один из промышленных городов Швейцарии. *Ред.*

² Абрамович А. Е. (род. в 1888 г.) — член Коммунистической партии с 1908 г.; входил в большевистскую группу в Шо-де-Фоне, принимал активное участие в швейцарском рабочем движении. *Ред.*

— Вы хорошо сами справитесь, а в Россию приезжайте на конгресс III Интернационала как представители новых революционных партий, которые вы создадите.

Проводы Ленина нами были задуманы как смотр революционных сил. Однако Владимир Ильич считал, что проводы устраивать не следует.

Вскоре после отъезда Ленина состоялось собрание руководителей циммервальдских групп при Швейцарской социал-демократической рабочей партии. Собрание приветствовало революцию в России и отметило, что рассматривает русскую революцию как прелюдию к мировой пролетарской революции.

Весной 1918 года состоялись собрания актива циммервальдцев. Эти собрания, происходившие на заводах, на квартирах рабочих, рассматривали вопрос об организации новой партии коммунистов. Они протекали чрезвычайно бурно. Центристы — противники раскола швейцарской социал-демократической партии мобилизовали все свои силы. Долго оставалось неясным, какая же точка зрения в конце концов победит. Но когда были получены сведения, что РСДРП(б) переименована в Российскую коммунистическую партию¹, чаша весов стала явно клониться в нашу сторону. Во второй половине года Герцог, ряд швейцарских и группа болгарских товарищей предложили немедленно приступить к созданию коммунистической партии Швейцарии.

Казалось бы, вопрос можно было считать окончательно решенным, но центристы, составлявшие внушительную часть в циммервальдских группах, тормозили дело. Они стали менее напористыми, но все еще не сдавались.

Со дня на день мы ожидали приезда товарища из России для отправки еще оставшихся в Швейцарии эмигрантов, и мне было поручено посоветоваться с ним, как ускорить организацию швейцарской коммунистической партии. Наконец 1 или 2 ноября 1918 года удалось добиться большинства голосов за создание швейцарской коммунистической партии². Большая подготовительная работа, начавшаяся еще в 1916 году под руководством В. И. Ленина, дала свои результаты.

2 ноября 1918 года из Цюриха выехала в Россию группа в 200 человек, в том числе Дивильковский, Паскаль и я с женой и сыном. В пути мы узнали о Ноябрьской революции в Германии. У некоторых из нас возникла мысль, не остаться ли в Германии, чтобы принять участие в борьбе за создание рабоче-крестьянской власти. Эти сомнения неожиданно разрешило запрещение кому бы то ни было выходить из вагона. Пришлось подчиниться!

¹ РСДРП(б) была переименована в РКП(б) на VII съезде партии (6—8 марта 1918 г.). *Ред.*

² Коммунистическая партия Швейцарии была создана в 1921 г. *Ред.*

Лишь на 15-й день, то есть к 17 ноября, мы оказались наконец в Москве.

На первых порах нас устроили в Покровском монастыре. Мы стали искать себе работу по специальности. Паскаль устроился на табачной фабрике, а я направился на завод АМО, первенец советской автомобильной промышленности.

Там я застал неприглядную картину. Хотя завод был новый, работали на нем плохо. Например, на изготовление радиаторов тратили чуть ли не в десять раз больше времени, чем на швейцарских заводах. Я решил остаться на этом заводе.

Но затем начались сомнения, правильно ли я собираюсь поступить? Очень хотелось бы помочь своим опытом советским рабочим, но имею ли я право забыть о своей родине в момент, когда там уже все начинает кипеть и бурлить? Значит, место мое — в Болгарии, как ни хотелось бы мне остаться в Советской России.

Вернувшись домой, я застал у подъезда автомобиль. Шофер спросил меня, не знаю ли я Гольдштейна.

— Я Гольдштейн.

— Товарищ Ленин послал меня за вами.

Я был потрясен. Я нарочно не звонил Владимиру Ильичу, чтобы не беспокоить его и не отрывать от дел огромной политической важности, которые теперь легли на его плечи, хотя и очень хотел ему рассказать о борьбе за создание швейцарской коммунистической партии. А Владимир Ильич сам узнал о моем приезде и пригласил к себе.

Он встретил меня сердечно и просто, как всегда. Поднявшись навстречу, сказал:

— А, наш болгарин! Как вам не стыдно заставлять себя так долго ждать! Ведь вы уже здесь шесть дней и ни разу не зашли. Как себя чувствуете? Жена и сынишка здоровы?

У Ленина я застал Лию Кашер. Разговор сразу перешел на положение дел в швейцарской компартии.

— Ну, как там? — спросил Владимир Ильич. — Выкладывайте все, без утайки! Герцог здоров? Паскаль тоже здесь? Почему же он не пришел вместе с вами? Как Зирафудис, Яко Шамли, остальные товарищи? Кто из вас будет говорить, вы или Кашер?

Мы не успевали отвечать на вопросы Владимира Ильича.

Условились, что о работе по созданию швейцарской компартии в основном расскажу я, а Кашер, если потребуется, дополнит мою информацию.

Выслушав нас, Ленин сказал:

— Ну что ж, спасибо. Сделано хорошее дело. Пусть маленькое, но для начала пригодится. Сегодня швейцарская коммуни-

стическая партия, завтра, товарищ Гольдштейн, вы приедете из Болгарии и сообщите, что ваш дедушка Благоев добился переименования Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесняков) в Болгарскую коммунистическую партию, а послезавтра появятся и другие коммунистические партии. Если так пойдет, то в 1919 году мы создадим III, Коммунистический Интернационал.

Поговорим теперь о вас, товарищ Гольдштейн. Что вы собираетесь делать? Товарищ Кашер будет работать в Москве, а вы и Паскаль что решили?

— Паскаль пошел работать на табачную фабрику, а я решил возвратиться к себе на родину.

— Хорошо, очень хорошо, как будто лучше и не придумаешь! Ведь вы же всегда рвались домой, а теперь самое время, чтобы поехать туда. Видимо, там тоже начинается революционный подъем. Были у нас в Петрограде члены вашего ЦК Кирков и Коларов, участвовавшие летом прошлого года в Стокгольмской конференции, созванной левыми циммервальдцами и подписавшие воззвание левых циммервальдцев.

— Спасибо, Владимир Ильич, за хорошие вести. Тем более мне надо теперь быть в Болгарии.

— Напишите одну-две статьи для «Правды» о болгарских делах¹ — и в путь-дорогу.

*О Владимире Ильиче Ленине:
Воспоминания. 1900—1922 годы.—
М., 1963, с. 189—199*

¹ Предложение В. И. Ленина было выполнено. Статья С. Гольдштейна «Революционное движение в Болгарии» была опубликована в газете «Правда» № 3 от 4 января 1919 г. *Ред.*

УЧАСТИЕ ЛЕНИНА В ШВЕЙЦАРСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ¹

После Кинтальской конференции Владимир Ильич переехал в Цюрих. Борьба в швейцарской партии шла уже полным ходом. В первую очередь шла борьба из-за признания резолюций Циммервальдской конференции, в которой участвовали из швейцарцев Grimm, Plattner, Nän и Graber.

Как известно, Швейцарская социал-демократическая партия в лице ЦК отказалась от участия в Циммервальдской конференции. И швейцарские товарищи принимали участие в ней как представители отдельных местных организаций. После Циммервальдской конференции правление партии в длинном публичном заявлении, подписанном восемью ее членами во главе с Грейлихом, пробовало объяснить свой отказ от участия в Циммервальдской конференции. Одновременно с этим заявлением «восемью» появилось и заявление меньшинства правления партии, подписанное тремя членами его (Plattner, Fogel и Studer), с критикой заявления восьмерки и приветствующее Циммервальдскую конференцию.

Этими публичными заявлениями началась борьба внутри партии за и против Циммервальда, окончившаяся в первой стадии на съезде в Аарау (20—21 ноября 1915 года) победой, и довольно значительной, циммервальдистов, причем на этом съезде Grimm идет все еще вместе со всеми циммервальдистами. Нужно прибавить, что на этом съезде тов. М. Харитонову удалось настолько заострить резолюцию о признании Циммервальда², что такие явные социал-патриоты, как Грейлих и

¹ Эти строки написаны почти исключительно по памяти, без использования важнейших печатных свидетельств того времени (газет и журналов) и почти без сверки с живыми свидетелями оногo времени. М. Б. Печатается вторая половина статьи, посвященная непосредственно В. И. Ленину. *Ред.*

² Дополнение Харитонова гласило: «Партия добивается мира на основе принципов, принятых на Циммервальдской конференции, и убеждена в том, что такой мир может быть достигнут не продолжением войны, а только революционной деятельностью рабочего класса». (См. «Протокол съезда», с. 99). М. Б.

Иоганн Сигг, готовые уже на словах признать Циммервальд, отказались от этого, когда прошла формулировка Харитоновой о необходимости революционной борьбы рабочего класса.

После того как на конференции в Кинтале вполне выявилось центристское крыло и часть швейцарской делегации перешла к центру во главе с Гриммом, борьба в швейцарской партии значительно обострилась. Вопрос состоял уже не только в том, чтобы декларативно, на словах признать платформу Циммервальда, отвергавшую социал-патриотизм, а чтобы на практике в швейцарской повседневной работе бороться с социал-патриотизмом швейцарских социал-националистов, не только тех из бывших грютлианцев, перешедших в партию вместе со своими организациями¹, которые проводили на практике и в законодательных учреждениях социал-патриотическую линию, но и тех социал-демократов, которые на словах отрекались от германских шейдемановцев, а фактически делали то же самое в швейцарской политике. Борьбу за проведение в жизнь резолюций Циммервальдской и Кинтальской конференций пришлось пачать в самой Швейцарии сразу и против правого крыла и против центра, т. е. Роберта Гримма и его приверженцев, которые прикрывали предательскую работу правого крыла социал-демократии.

Еще на съезде в Аарау в ноябре 1915 года Гримм выступал совместно с Циммервальдской левой не только за признание решений Циммервальда, но и за резолюцию тов. Харитоновой, призывавшую к активной революционной борьбе. Но после Кинтальской конференции Гримм начинает возглавлять центристское направление в швейцарской партии, что особенно проявилось на Цюрихском съезде Социал-демократической партии Швейцарии при обсуждении вопросов о финансовой политике партии, а также вопроса о милитаризме.

Необходимость организации в швейцарской партии на базе так называемой Циммервальдской левой — группы, которая повела бы борьбу и с центристскими элементами, — сделалась насущной. *В организации этой группы Владимир Ильич принял самое активное участие.* В среде членов «Eintracht'a»² и Союза молодежи было достаточно элементов, сознательно стоявших на точке зрения Циммервальдской левой. Правда, «Eintracht» доживал как самостоятельная организация свои последние дни, и в конце 1916 года ей пришлось рассосаться по городским районам. Это в значительной степени содействовало

¹ Часть неуклонных грютлианцев осталась вне объединенной партии при слиянии организаций, образуя чисто социал-национальную партию. *М. Б.*

² «Eintracht» («Ferein Eintracht») — объединение левых социал-демократов, действовавшее в Цюрихе в составе Социал-демократической партии Швейцарии в годы первой мировой войны. *Ред.*

укреплению связи с районными организациями и послужило нам на пользу.

Наша группа левых циммервальдистов через своих товарищей из «Eintracht'a» связывалась, таким образом, со всеми партийными рабочими организациями города, с профсоюзами и организациями молодежи и женщин. В состав этой группы входили и руководители Союза молодежи, и организации женщин, и бывшие «Eintracht'овцы». Из них в моей памяти осталось несколько имен: Платтен, Мюнценберг, Шнепф, Ризгг, Бухер, Элленбоген (из организации женщин), Мощный (руководитель союза кожевников), Тростель, рабочий Кауфман (швейцарец), которому очень обрадовался Владимир Ильич, а из русских товарищей, работавших активно в швейцарском рабочем движении, были гг. Харитонов, Харитонова, Радек и другие.

Собирались мы регулярно один раз в неделю в маленьком рабочем ресторане «Stüssihof», неподалеку от квартирки Владимира Ильича. Там обсуждались актуальные вопросы партийной политики, выступления наши на партийных собраниях, а также не в меньшей мере вопросы организационного характера. Мы провели за короткий сравнительно период времени (с осени 1916 по весну 1917 года) под руководством Владимира Ильича несколько политических крупных кампаний. Первая — это борьба «за власть» в городской организации на общегородском цюрихском партийном собрании, борьба за резолюцию по вопросу о «защите отечества» на кантональном съезде партии в Тёссе (под Винтертуром) и за созыв экстренного всешвейцарского партийного съезда, которому грозил срыв со стороны правых.

Группа наша начала издавать листовки под фирмой левых циммервальдистов. Первая такая листовка к рабочим, написанная популярно и агитационно Шнепфом, вышла и была распространена на гроши, собранные среди нас. Вторая листовка так же, как и первая, детально обсуждавшаяся, написана была тов. Радеком на тему о необходимости борьбы с центристами, к сожалению из-за финансовых соображений не появившаяся в печати¹.

Было несколько собраний, на которых обсуждались тезисы о милитаризме и платформе левых циммервальдистов и т. п.

Во всей работе Циммервальдской левой Швейцарии, как эта организация называлась, Владимир Ильич всегда вместе с Надеждой Константиновной принимали самое деятельное участие. И вообще Владимир Ильич очень внимательно следил за швейцарским рабочим движением. Почти всегда приходил на обще-

¹ Точное заглавие: «Wahrheit und Klarheit über die Lage in der Schweizerischen Sozialdemokratie» («Правда о положении дел в Швейцарской социал-демократии»). Рукопись этой листовки нашлась у меня среди моих швейцарских бумаг. Но напечатанной первой листовки у меня не оказалось. М. Б.

городские партийные собрания как рядовой член швейцарской партии, но никогда не выступал, за одним исключением: в октябре 1916 года на Цюрихском съезде швейцарской социал-демократии Владимир Ильич произнес приветственную речь от имени ЦК РСДРП на немецком языке, читая ее по рукописи. Вероятно, только благодаря этому она целиком попала в протокол съезда¹.

Речь эта в значительной своей части дает политическую оценку террористическому акту Фрица Адлера против австрийского министра Штюргка. Владимир Ильич, выступая на Швейцарском съезде, дает как бы указания австрийским рабочим, как нужно связывать террористические акты с массовым революционным движением, чтобы они не пропали даром.

По вопросу об оборончестве, при выработке резолюции о милитаризме, которую нужно было провести на Цюрихском кантональном съезде в Тёссе, Владимир Ильич написал свои примечания к проекту резолюции, выработанной при участии Платтена. Рукопись этих примечаний нашлась в моих бумагах². Было крайне важно провести нашу резолюцию на этом кантональном съезде, ибо раньше, чем провести ее на общешвейцарском съезде, пришлось бороться еще за созыв такого съезда, на котором должен был обсуждаться вопрос о милитаризме.

8 января 1917 года правление партии опубликовало извещение о том, что ЦК партии постановил временно отложить созыв экстренного съезда для обсуждения вопроса о милитаризме, решение о созыве которого принял Цюрихский съезд в 1916 году. ЦК объяснял свое решение желанием дать высказаться кантональным съездам и обещал опубликовать резолюции по этому вопросу на страницах печати.

В том же номере «*Volksrecht'a*», в котором было напечатано это извещение, помещена заметка рабочего с возмущением по поводу этого постановления. Заметка эта принадлежала перу члена нашей группы тов. Шнепфа, который, сам типограф, узнав о постановлении ЦК партии, тут же принял свои меры — в том же номере постарался поместить и свой протест против постановления.

Этим вопрос не решался: во-первых, нужно было мобилизовать партию на ее кантональных съездах, а во-вторых — на собраниях рабочих. Съезд должен был состояться в феврале, а его откладывают, причем за отсрочку съезда голосовал Гримм. Это-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 180—183. *Ред.*

² Автор, по-видимому, имеет в виду следующие документы: «Исправления, подчеркивания и пометки на проектах резолюции Ф. Платтена» (см. Ленинский сборник XVII, с. 56—65) и письмо М. Г. Бронскому, написанное в начале декабря 1916 г.; в письме В. И. Ленин сформулировал пять основных пунктов, которые, по его мнению, должны были войти в резолюцию левых (см. Полн. собр. соч., т. 49, с. 337). *Ред.*

му вопросу посвящено и открытое письмо Владимира Ильича к Нэну как члену Международной социалистической комиссии в Берне. Не знаю, было ли это письмо где-либо опубликовано¹. Что это письмо подействовало, следует из того, что, когда, после назначения вторично срока созыва экстренного съезда на июнь 1917 года, появились голоса за вторичную отсрочку, выступил уже Гримм с брошюрой против отсрочки, в которой, однако, он уже явно отмежевывался от программы левых циммервальдистов и резолюции, получившей большинство на съезде в Тёссе. Но это ему не помогло, ибо на состоявшемся съезде в Берне в июне 1917 года, на котором Гримм не присутствовал (он был тогда в Стокгольме и дожидался разрешения Милюкова на въезд в Россию), большинством голосов прошла резолюция левых, вызвавшая неслыханную оппозицию со стороны явных и скрытых социал-патриотов.

Это была большая победа группы левых швейцарских циммервальдистов, но крупного политического впечатления вне Швейцарии она уже не произвела. Конец монополии Швейцарии на свободное изъяснение революционных мыслей был положен Февральской революцией в России. Владимира Ильича и значительной части русских большевиков уже тогда в Швейцарии не было. В апреле первая группа активных большевиков уехала в Россию².

Открыто было более широкое и более значительное поле для применения революционной мысли и революционной энергии Владимира Ильича, который и в маленькой Швейцарии, в крохотных проблемах этой страны видел отражение и проявление крупных мировых задач и своим участием содействовал разрешению местных проблем в определенном направлении, в полном соответствии с основными задачами мировой революции.

*Пролетарская революция, 1924,
№ 4, с. 34—39*

¹ Это письмо В. И. Ленина впервые было опубликовано в журнале «Пролетарская революция», 1924, № 4, с. 243—250 (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 286—295). *Ред.*

² Первая группа политэмигрантов во главе с В. И. Лениным выехала из Цюриха 9 апреля (27 марта) 1917 г. *Ред.*

ЦЮРИХ — ТОРНЕО

С переездом Ленина из Берна в Цюрих мои отношения с ним стали более близкими, и по мере нарастания политических событий участились его посещения секретариата швейцарской социал-демократической партии. Политическая деятельность Ленина в Швейцарии заслуживает того, чтобы о ней было написано специальное исследование. Первая международная конференция во время войны, в которой приняли участие так называемые интернационалисты и которая состоялась в горной деревушке Циммервальде, в трех часах езды от столицы Швейцарии, Берна, впервые обнаружила, что даже среди интернационалистов имеются три фракции, ссорящиеся между собой.

Левой руководил Ленин, в ней было всего 8 человек, центром — Троцкий и Гримм, правой — Аксельрод и Мартов.

Все предостережения, все попытки уговорить Ленина и его товарищей по убеждениям оказались бесплодными, он не отступал от своих взглядов.

Противники говорили, что политическая линия Ленина ведет в безвоздушное пространство и т. п. Тремя годами позже это безвоздушное пространство оказалось одной шестой частью земли, а сейчас уже оно не ограничивается и этими пределами. Не приходится сомневаться, что это только вопрос времени и что наступит момент, когда вся земля будет охвачена революцией.

Вторая конференция интернационалистов в Кинтале обнаружила сильный рост левой.

Я сопровождал Ленина из Швейцарии до Торнео (Финляндия), и общение с ним в дороге дало мне возможность ближе разобраться в его политическом мировоззрении, бросить более глубокий взгляд в его политическую психологию. 15 апреля 1917 года мы доехали до Торнео, где тогда проходила русская граница со Швецией. Мне, как иностранцу, не разрешили проехать в Россию.

Беседы с Лениным во время поездки через Германию уже тогда в главных чертах рисовали все будущее развитие русской революции.

Живо помнится мне один разговор с Лениным. Ленин учитывал, что всех 32-х приехавших через Германию революционеров легко могут арестовать, как только они вступят на русскую почву, и что их, возможно, предадут суду. Он рисовал картину того, что произойдет в этом случае, намечал, каков, по его мнению, будет ход событий. Внезапно он остановился и задал мне вопрос, что я думаю об их роли в русской революции. Я ответил, что для меня, само собой разумеется, что борьба, как он ее изображает, должна вестись в интересах пролетариата, но что он и его верные товарищи представляют мне чем-то вроде гладиаторов древнего Рима, которым угрожает опасность, что их разорвут дикие звери. Таково было мое мнение тогда. Сейчас можно о нем судить как угодно, но судьба Либкнехта и Розы Люксембург доказывает, что в Западной Европе такое мнение нельзя отбросить так просто, одним взмахом руки. Каков же был ответ Ленина?

Взрыв искреннего смеха.

Кто — кого? Сколько мудрости в этой лапидарной формуле. Мне кажется, что он уже и тогда разрешал этот вопрос в твердом убеждении: мы — их!

Я считаю эту уверенность в себе, эту веру в собственные силы, убежденность в том, что пролетариат, руководимый умелым, верным рабочему делу вождем и применяющий новые методы революционной борьбы, обладает непобедимой силой, — самой выдающейся чертой характера Ленина.

Ленин всегда казался мне оптимистом, его оптимизм действовал освежающе и ободряюще. Всякий, кто с ним соприкасался, возвращался полным новой силы и бодрости к своей работе. Но его оптимизм был и другого рода. У большинства людей оптимизм и пессимизм являются результатами той или иной оценки, безразлично правильной или неправильной, данного положения или явления. У Ленина это было не так. Его глубоко продуманное мировоззрение, полнота, с которой он владел революционной боевой тактикой и стратегией, находчивость и способность не потеряться в любых обстоятельствах не оставляли места для пессимизма. Все эти элементы были в нем развиты гармонически, как ни у одного другого из наших современников.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ВОСТОКА¹

...Впервые я встретился с Лениным лишь в Циммервальде. Ниже среднего роста, с крутым упрямым лбом, с часто возникшей на лице лукавой улыбкой, просто и скромно появился он в Циммервальде так же, как позже в Кремле. Почти бедно, но всегда опрятно одетый, этот самый значительный человек современности вызывал уважение как тем, что и как отставал, так и своей манерой держать себя. Бедность его костюма казалась мало или вовсе не угнетала Ленина.

В Циммервальде на пленарных заседаниях едва ли был еще такой внимательный слушатель, как Ленин. Беря слово сравнительно редко, всегда стараясь выдвинуть вперед других участников конференции, всегда добиваясь, чтобы решения были революционны по своему содержанию, он с отвращением отвергал, часто тяжело переживая, любую уступку в идейных вопросах. Едва заканчивались длинные утомительные пленарные заседания, как он требовал от своих единомышленников — их было только 8 из почти 45 человек — новых усилий. Заявление меньшинства обсуждалось и выработывалось на отдельных многочасовых заседаниях. Если кто-либо колебался или из каких-то опасений покидал ряды единомышленников, он подвергал его беспощадному осуждению как самого злостного противника. Но также непоколебимо поддерживал он своих сторонников. Когда председатель Циммервальдской конференции товарищ Гримм в самой категорической форме потребовал, чтобы я пожертвовал своими убеждениями, мотивируя это тем, что я-де должен присоединиться к большинству представителей своей страны (Гримму и Нэну) и отречься, таким образом, от заявления меньшинства (Ленин, Зиновьев, Радек, Арманд, Гримлунд, Нёрман, Платтен и Винтер), я решительно сказал, что в таком случае лучше покину конференцию. Ленин тотчас же от имени

¹ Печатается часть статьи, содержащая воспоминания о В. И. Ленине. *Ред.*

восьми заявил о солидарности со мной, угрожая отказаться от участия в конференции, если конфликт не будет улажен. Он признавал только друзей или врагов и был по отношению к врагам так же безгранично тверд, как безгранична была его преданность друзьям.

Сознавая свое значение, он ценил идеи и труд других не меньше, чем собственные. Непоколебимый в своих всемирно-исторических решениях, он во время бесчисленных встреч с народными комиссарами, рабочими и крестьянами вбирал опыт этих людей, уважал и ценил их советы и как «премьер-министр» русского Советского государства чутко прислушивался к запросам широких народных масс. Он чувствовал каждое биение пульса русского народа.

...Сила Ленина в том, что он в феноменально ясной форме видит законы исторического развития, с непоколебимой твердостью способствует развитию неизбежного исторического процесса и всегда воодушевлен верой в революционное творчество рабочих масс, тогда как мы, малодушные, только с удивлением внимаем ему.

...Ленин и тысячи его соратников подчиняют свои личные интересы интересам партии. Заявление малодушных: «Люди и условия еще не созрели для социализма», которым те пытались оправдать любую бездеятельность, они решительно отвергали. Мы дерзнули атаковать оплот капитализма, мы терпим поражение и вынуждены оплачивать своей кровью эту «дерзость» против золотого тельца, сказал мне как-то Ленин в 1919 году¹.

Никогда не забуду встречу с Лениным в его цюрихской квартире на Шпительгассе. Было 7 часов утра. На энергичное «пожалуйста» я вошел в низкую продолговатую комнату. Ленин сидел за столом, читал книгу и не глядя черпал ложкой овсяную кашу. Его жена — Крупская — уже тогда тяжело больная, женщина образованная, чуткая поднялась, чтобы поприветствовать меня. Так как в комнате было всего два стула, она предложила мне свой, а сама села на чемодан с книгами — единственный помимо стульев предмет, на который можно было сесть. Ленин попросил меня помочь получить разрешение на жительство в кантоне Цюрих, и за несколько минут мы обо всем договорились. Последовавшая затем беседа о швейцарском рабочем движении вылилась в конце концов в настоящую дискуссионную баталию. В общей оценке разногласий не было. В вопросах тактики наши мнения часто расходились.

Удивительным для меня было то, с каким живым интересом тов. Крупская следила за нашим спором, не вмешиваясь в разговор. Чувствовалось, что здесь в самом стесненном положении живут два близких человека и внимание, уделяемое ими друг

¹ Очевидно, этот разговор состоялся осенью 1919 г., когда положение Советской России на фронтах было невероятно тяжелым. *Ред.*

другу, облегчало их совместную трудную жизнь. Жена, которая была в курсе всех вопросов жизни и работы партии, которая не только с восхищением, но с глубоким пониманием следовала цели жизни своего мужа, ни единым словом не вмешивалась в дискуссию, хотя имела право и могла выступить против меня с той же решительностью, с какой отстаивал свою точку зрения я. Предметом спора была программа швейцарских левых циммервальдистов.

Это было единственное посещение мною квартиры Ленина в Швейцарии. Он же два-три раза в неделю заходил ко мне в секретариат партии в Народном доме или к Мюнценбергу в секретариат молодежной организации, или к товарищам, с которыми ему необходимо было увидеться. Ясно, что такое живое личное общение с активными партийными работниками сказывалось на том, как часто, или лучше сказать редко, появлялся он на собраниях.

Не поддаться его влиянию и «убийственной» логике было очень трудно. Стоило кому-либо лишь раз пойти неверным путем, как он немедленно терпел неудачу или убеждался в своей ошибке. Располагая чрезвычайно богатым опытом партийной работы в России, а также в международном рабочем движении, отвергая любое умозрение, не опирающееся на факты, Ленин в худшем случае редко ошибался в отношении сроков и никогда в отношении пути...

*Kämpfer (Zürich), 1922, 9 и 10 июня,
№№ 130 и 131*

На русском языке впервые напечатано в 1969 г. (с небольшими сокращениями) в 1-м издании настоящего тома

НА ПЕРЕВАЛЕ

На юге Швеции расположен маленький городок Треллеборг. Он связан паромным сообщением с Германией. Холодным апрельским вечером 1917 года я ожидал в этом городке прибытия парома. Солдат на посту, несколько таможенных служащих — больше никого вокруг не было. Никто не знал, кого ждали.

Но вот паром у пристани. На верхней палубе его показалась рослая фигура с непокрытой головой. Это Фриц Платтен, швейцарский социалист. Ему доверил Ленин организацию этой поездки. Вокруг него несколько десятков человек. Я киваю Платтену, и вскоре все начинают кивать и улыбаться. Спускается трап, я спешу на борт. Сердечные объятия и поцелуи по русской традиции.

Несколько отдельных спальных вагонов, готовых немедленно отправиться в Стокгольм, ждали гостей.

Ленин подошел ко мне, и мы обсудили план дальнейшей поездки. В Мальмё, крупном городе, расположенном в 30 километрах от Треллеборга, поезд должен был задержаться на несколько часов. Там, в гостинице, был заказан обед.

Вскоре мы покинули гостиницу. Проезжие пробудили большой интерес ее обитателей. Они докучали мне своими вопросами: «Кто эти странные люди?». Разумеется, никто из них не мог и предположить, что эти люди станут через полгода хозяевами великой России.

Вернувшись к поезду, мы начали располагаться на ночь. Ленин, я и еще два товарища заняли спальное купе. Женщины заняли другие купе. Всего было одиннадцать женщин, из них две-три с детьми.

Заснуть в эту ночь никому не удалось. Сначала Ленин рассказал о трудностях переезда из Швейцарии, о попытке проехать через страны Антанты, которые отказались предоставить визу, и о переговорах, которые Платтен вел в Германии¹. Потом

¹ В действительности — с германским посланником в Берне. *Ред.*

я услышал красочное описание того, как во время поездки шведско-немецкий социал-шовинист Вильгельм Янсон, представляющий немецкое профсоюзное движение, пытался на одной из станций проникнуть в поезд, чтобы поговорить с Лениным.

А затем градом посыпались на меня вопросы Ленина: Брантинг и его влияние? (Брантинг был лидером шведской правой социал-демократии). Положение нашей партии, ее численность и воля к борьбе, сколько членов партии в риксдаге, что они сделали и т. д.? Профсоюзы, их отношение к политическим течениям, их кассы, кто вожди, как велики стачки? Молодежный союз, как велик, каково его значение, какова тактика? И т. д. и т. п.

Спустя час я попытался взять реванш, достал блокнот и ручку и стал задавать вопросы об отношении к Европе, об общем политическом положении и о революции в России.

Интервью это не было опубликовано. До сих пор оно лежит в одном из ящиков моего письменного стола. Но для меня эти ночные часы, пока поезд грохотал, двигаясь на север, были более чем интервью. Это был урок социализма, полет над полем борьбы, который я никогда не забуду.

Ленин был не из тех, кому обязательно нужна была большая аудитория, чтобы развивать свои мысли. Он считал, что молодому журналисту из маленькой Швеции также нужно изложить свои взгляды на политическое положение в мире.

Он ясно определил отношение своей партии к тогдашней стадии русской революции. Он посмеялся над социалистами Керенского и буржуазными империалистами. Он очертил в эти ночные часы программу действий большевиков, которую несколько дней спустя должен был обнародовать, выйдя из поезда на Финляндском вокзале в Петрограде. Всю власть в руки рабочих Советов! Мир народу! Землю крестьянам!

В Стокгольме, куда мы прибыли утром, русские остановились на один день. Для Ленина было важно встретиться с руководителями шведской партии. И встреча была организована. На ней присутствовали некоторые из членов ЦК, часть партийцев из риксдага. Ленин развил там те же мысли, что и ночью в разговоре со мной.

После обеда нам удалось уговорить Ленина прогуляться по городу. Мы собирались купить ему костюм. Ленин вместе с Крупской пошли в большой универмаг и купили костюм, который теперь демонстрируется в Музее Ленина в Москве. Ленин ворчал, считая, что старый костюм мог бы ему послужить еще некоторое время. Купить ему еще что-нибудь было совершенно невозможно. «Я еду домой, в Россию, не за тем, чтобы открывать там какое-нибудь ателье, а делать революцию!» — шутил он.

Ночью поезд отправился дальше через Хапаранду в Финляндию, а затем в Петроград, в Россию. Я остался в Стокгольме. Встречался я с Лениным и позднее, уже в России.

В январе 1918 года я приехал в Петроград.

Мой приезд совпал с созывом Учредительного собрания. Большинство Учредительного собрания не отражало интересов и желаний народа и было враждебно настроено к большевикам.

В день открытия Учредительного собрания Петроград был взбудоражен уличными демонстрациями. Получив номер в гостинице, я тотчас отправился в Таврический дворец, где должно было заседать Учредительное собрание. Оно открылось под неопикуемый шум, аплодисменты справа и свист слева.

Но вдруг шум затих. Кто-то пробивал себе дорогу через людские массы у боковых входов. Делегаты поднялись, вытянули шеи, чтобы посмотреть, что случилось. От человека к человеку пронеслось: Ленин!.. А через мгновение разразился гром аплодисментов, криков одобрения, приветствий друзей вождю новой России.

Я пытался со своего места увидеть Ленина. Он сидел на лестнице, которая вела к трибуне.

Полчаса просидел он так, в одиночестве, о чем-то размышляя. Никто ему не мешал. Но вдруг Ленин поднял лицо: решение принято. Он что-то сказал близко стоящим друзьям. Когда проходило голосование, большевики уже покинули зал. Весь вечер и всю ночь правые лидеры говорили и говорили. В четыре часа утра охрана дворца решила, что болтовни слишком много. Несколько матросов поднялись к председательствующему и заявили: «Мы хотим спать. Лучше всего прервать заседание!».

Так бесславно закончилось Учредительное собрание свое существование...

Два дня спустя я встретил Ленина поздно вечером, около 12 часов. Это было то небольшое мгновение, которое он мог предоставить самому себе, урывая от своего сна. В другие дни мы лишь кивали друг другу при встрече в маленькой столовой Смольного. Несмотря на все заботы в эти первые тяжелые месяцы, связанные с беспорядками, с тяжелыми переговорами в Брест-Литовске, он был всегда веселым и улыбающимся.

«О, вы увидите, что все будет хорошо. Мы уже сделали это, это и это. Будьте уверены, сделаем!» Это был удивительный оптимизм, который заражал окружающих, придавал им уверенность и мужество в работе.

Мы часто встречались и в 1919 году. Швеция являлась для новой России «отдушиной» в мир. Ленин внимательно относился к шведским товарищам. Я получил от него фотографию с дружеской надписью.

В 1919 году был образован Коммунистический Интернационал. Я был на I конгрессе единственным представителем швед-

ской партии. В эти дни Ленин был, как всегда, прост и общителен.

Однажды вечером несколько человек: французский писатель Анри Гильбо, Фриц Платтен, наш друг — спартаковец Альберт (Гуго Эберлейн) и я — решили посмотреть город. На лестнице мы встретили Ленина.

— Разрешите быть вашим чичероне, — сказал он.

Мы хотели тут же поговорить с ним. Об этом он не хотел и слышать. Было решено: сначала сделаем небольшую прогулку, а потом выпьем кофе.

Итак, мы отправились в путь, побеседовали о бюстах Дантона и Каляева у городской Думы, посмотрели на белое мерцающее луны над Красной площадью, над старыми кремлевскими стенами и главами церквей и пошли домой по пустынному Кремлю. Ленин весело смеялся по пути:

— Разве не «обсудили» бы меня в Центральном Комитете, если бы узнали, что я был на ночной прогулке вместо того, чтобы сидеть и работать...

Несколько дней спустя после конгресса часть делегатов напела короткий визит в Петроград. Приехал сюда и Ленин¹. Случилось так, что я, Платтен и Гильбо встретились с ним в поезде на обратном пути в Москву. После небольшой трапезы Ленин пригласил нас в вагон. Началась оживленная дискуссия. В поезде была сестра Ленина, комиссар железных дорог Невский² и жена Максима Горького — симпатичная артистка Андреева³.

Андреева втянула нас в бурную дискуссию о современном искусстве. Ленин только улыбался. Было видно, что он думал о чем-то другом.

Вскоре он увлекся беседой с комиссаром железных дорог. Проблема транспорта и связанная с ним проблема обеспечения продовольствием городов была очень актуальной. Около четырех утра мы легли немного вздремнуть. А Ленин все еще обсуждал вопросы реорганизации железных дорог...

*Известия, 1963, 13 сентября,
№ 219, с. 4*

¹ В. И. Ленин вместе с сестрой, М. И. Ульяновой, приехал в Петроград 12 марта 1919 г. на похороны М. Т. Елизарова, старого большевика, мужа старшей сестры, А. И. Ульяновой-Елизаровой. В. И. Ленин возвратился в Москву 14 марта. *Ред.*

² Невский В. И. (1876—1937) — член КПСС с 1898 г.; в 1918—1949 гг. — народный комиссар путей сообщения. *Ред.*

³ Андреева М. Ф. (1868—1953) — член КПСС с 1904 г.; в 1918—1921 гг. — комиссар театров и зрелищ в Петрограде. *Ред.*

ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ¹

Ленин прибыл в Стокгольм утром и остановился в существующей и поныне гостинице «Регина». С утра я работал и не мог пойти встречать его на вокзал, но как только освободился, сразу же пошел с товарищами в «Регину». Когда мы пришли, Ленин беседовал с представителями шведских социал-демократов. Мы тепло приветствовали Владимира Ильича. Он живо интересовался нашей работой. Помню, как один товарищ упрашивал Ленина остаться в Стокгольме еще на несколько дней, но мы видели, что он всем сердцем рвался на родину.

— Самое важное, — сказал он, — это как можно быстрее прибыть в Россию. Дорог каждый день.

И вот в семь часов вечера мы провожали Ленина на вокзал². Здесь уже собралось около ста человек, у многих в руках были букеты живых цветов. У всех — и провожающих, и отъезжающих — было радостное, приподнятое настроение. Ленин был в центре внимания. У него были выразительные, быстрые жесты, умные и живые глаза. Отъезжающие о чем-то оживленно беседовали на платформе. Но вот зазвучал «Интернационал», и из окон вагона появились красные флажки. Как только поезд тронулся, шведы провозгласили здравицу в честь грядущей революции на Востоке, и этот возглас с энтузиазмом был подхвачен всеми отъезжающими русскими...

Да, Швеция провожала в путь человека, который возглавил великую революцию, открывшую новую эру в истории человечества.

Второй раз я видел Ленина уже после революции, в июле 1920 года, на II конгрессе Коммунистического Интернационала, куда я прибыл вместе со шведской делегацией. Мне очень запо-

¹ Воспоминания записаны корреспондентом «Известий» в Хельсинки Ю. Голошубовым. *Ред.*

² В. И. Ленин выехал из Стокгольма в Россию через Финляндию в 6 часов 37 минут вечера 13 апреля (н. ст.) 1917 г. *Ред.*

мнилось выступление Ильича. Сила логики буквально разила его противников. Он умел сочетать шутку и сатиру с острой полемикой.

В перерыве между заседаниями мы, группа представителей Скандинавских стран, подошли к Ленину. Он тепло и сердечно поздоровался и побеседовал с нами.

Минуло уже сорок лет со дня моей последней встречи с вождем пролетарской революции, но в моей памяти всегда будут свежи воспоминания о нем...

*Ленинские страницы: Документы.
Воспоминания. Очерки. — М., «Из-
вестия», 1960, с. 199—200*

ЛЕНИН В СТОКГОЛЬМЕ¹

Однажды в начале апреля² я получил телеграмму от одного друга из Швейцарии о том, чтобы быть готовым по телеграфному вызову выехать в Треллеборг и встретить там несколько человек, которые с важным заданием должны проехать через Швецию с согласия шведского правительства. На следующий день я узнал от русского инженера Воровского, который жил в Стокгольме, а возможно от одного польского эмигранта³, что должен приехать Ленин и несколько его друзей. 10 или 11 апреля я получил сообщение, что я должен быть в Треллеборге 12-го утром. У меня в этот день было важное совещание в городском муниципалитете или в подготовительной комиссии, что помешало мне выехать, поэтому я телеграфировал руководителю левой рабочей организации в Мальмё Отто Гримлунду, попросив его встретить и проводить Ленина и его друзей в Стокгольм. Гримлунд согласился, но к его разочарованию Ленин не приехал. Он прибыл лишь вечером этого дня, а уже утром следующего дня вместе со своими товарищами и Гримлундом был в Стокгольме, где его встречали Карл Линдхаген, Туре Нёрман, К. Н. Карльсон, Карл Чильбум и я.

Я снял с десятка комнат в гостинице «Регина» на Дроттнинггата и заказал кофе, яйца, масло, хлеб на несколько десятков человек. Их, кстати, было более двадцати⁴. Они были бедно одеты, тащили большие узлы и потертые чемоданы. Портье не хотел их пускать, решив отослать в одну из гостиниц в квартале Клара. Когда я запротестовал и гарантировал, что гостиница будет оплачена, портье пропустил русских...

Еще на вокзале Ленин заявил, что торопится домой, в Россию... поэтому сможет остаться в Стокгольме только до вечера.

¹ Глава из книги: *Ström Fredrik. I stormig tid: Memoarer. Stockholm, 1942* (В бурное время: Мемуары. Стокгольм). Печатается с небольшими сокращениями. *Ред.*

² 1917 г. *Ред.*

³ По-видимому, речь идет о Я. С. Ганецком. *Ред.*

⁴ Вместе с В. И. Лениным из Швейцарии в Россию возвратились более тридцати эмигрантов (см. *Ленин В. И. Как мы доехали.— Полн. собр. соч., т. 31, с. 119*). *Ред.*

Он почти бежал в гостиницу, так он спешил. Ленин был одет как рабочий, вышедший на воскресную прогулку в неустойчивую погоду: длинное пальто, в котором он почти утопал, зонтик, мягкая фетровая шляпа, очень потертая, ботинки с толстыми подошвами, пригодные и для снега и для дождя. У него были усы, коротко остриженная бородка, выразительные живые глаза, быстрые жесты. Несмотря на небольшой рост, он казался локомотивом. В этом скромном человеке жили удивительные силы. Но это видели не все. «Он похож на школьного учителя из Смоланда¹, который поругался со священником и спешит домой, чтобы поколотить его,— сказал Карльсон, саркастически улыбаясь, но тут же добавил: — Честь и слава такому школьному учителю, ему предстоит очистить авгиевы конюшни истории».

Русские быстро покончили с завтраком, после чего Ленин пригласил меня в свою комнату для разговора. Беседа длилась около часа, затем Ленин встал и сказал: — Нам необходимо провести заседание со шведами и запротоколировать его. Разговор с Лениным велся на немецком языке и касался многих вопросов. Он сказал, например:

— Русская революция только начинается. Она является продолжением революции 1905 года. Это еще буржуазная революция, вызванная войной и недовольством рабочих. Эта буржуазная революция должна перерасти в пролетарскую. Буржуазию поддерживают правые элементы рабочего движения, социал-патриоты, которые хотят продолжать империалистическую войну. Мы выставим требование хлеба, мира и свободы. Кадеты, октябристы и помещики примкнули к настоящей революции в надежде избежать революции пролетарской и крестьянского бунта. Мы должны создать конвент рабочих, солдат и крестьян.

Я спросил:

— А не может ли распыление сил революции привести к ее поражению?

— Напротив! Революция пойдет на убыль, если мы не будем действовать и не возьмем руководство в свои руки. Русская революция послужит сигналом к началу революций в Германии, Австрии и Польше. Они смогут победить, если только это будут революции пролетарские. Если это будут революции мелкобуржуазные, они станут орудием в руках капиталистов и власть слова попадет крупному капиталу и империалистам. Мы должны учиться на уроках французской революции и Парижской Коммуны... Правые социал-демократы этого не понимают. Они будто с завязанными глазами идут через историю и время.

— А не приведут ли мирные акции сейчас к сепаратному миру, который может предать западные демократии и привести к победе императоров?

¹ Провинция в Швеции. *Ред.*

— Ведущаяся война является империалистической и должна быть превращена из войны захватнической в войну между эксплуататорами и эксплуатируемыми; эта новая война принесет мир и свободу всем народам. Русская революция будет продолжаться, пока пролетариат не победит во всех странах.

— Но есть ли гарантии для этого?

— Гарантии — это революция в производстве и обладающий классовым сознанием пролетариат. Мы идем навстречу эпохе великих войн и революций. Совершенно новый общественный порядок не может быть создан за один день или год. Революция — это локомотив истории. И мы его машинисты. Русская революция — это только прелюдия.

— А как будет с демократией и внутренней свободой? Мы, шведы, любим мир, демократию, и мы большие индивидуалисты.

— Шведы очень организованный и культурный народ, но вы — пацифисты. Даже вы, самые крайние левые, — пацифисты. Ваши крупные буржуа видят это яснее, чем вы. Царская, империалистическая Россия была и остается опасностью для скандинавских народов. Вы не можете встретить царскую армию с молитвами, без оружия. Русская революция освобождает вас от военной опасности. Финляндия должна стать свободной, первой из всех стран... Революционная Россия должна освободить завоеванные царизмом и угнетаемые народы. Немецкая революция освободит Польшу, Эльзас-Лотарингию и Шлезвиг, австрийская революция — Богемию и Венгрию и т. д. Эту освободительную миссию не может выполнить буржуазная революция; только пролетариат, свободный от капиталистических интересов, способен на это.

— А не приведет ли непрерывная революция к опасности военной диктатуры?

— Да, разумеется, если рабочие не возьмут в свои руки армию. Иначе буржуазная военщина при поддержке монополистов захватит руководство революцией и контрреволюция победоносно пойдет из одной страны в другую. Такая опасность есть сейчас в России. Керенский будет зависеть от царских генералов.

— А как все же будет с внутренней демократией в этих условиях?

— Товарищ Стрём, а как обстоит дело с Либкнехтом в Германии, с Макдональдом в Англии, с Хёглундом в Швеции? Это демократия? Это свобода слова? Это личная безопасность? Буржуазная демократия гнила и формальна. Как обстоят дела с пролетариатом в Швеции? Имеет он право голоса, социальную безопасность, гарантии от эксплуатации? Нет, вы же сами были вынуждены порвать с Брантингом и правильно сделали. А ведь в Швеции наиболее развитая буржуазная демократия в мире.

Социалистическая революция принесет действительную свободу и демократию. Слова Маркса о коротком переходном периоде диктатуры пролетариата означают только то, что основной производящий класс берет руководство над всеми ранее угнетавшимися. Пролетарская диктатура означает централизацию сил, но не отменяет демократии.

— Но мы критикуем Брантинга за его слишком централистские и недемократические методы в партии. Мы не верим в пользу централизма и придерживаемся старых взглядов на свободу и права.

— Брантинг умнее вас, но его политика ошибочна. Он мелкий буржуа, меньшевик, верит в Антанту вместо того, чтобы верить в пролетариат, но он умнее, чем многие из вас. У вас есть революционный дух, а дух важнее, чем форма и метод. История научит вас правильным методам. История чертовски хорошая мастерица учить.

Затем Ленин добавил:

— Мы должны посетить в тюрьме Хёглунда.

Я позвонил в Ленгхольм, и мы получили разрешение прийти в 4 часа дня. Ленин развивал еще некоторое время свои взгляды на настоящее и будущее. Однако чувствовалось, что его что-то беспокоит.

— Мы взяли в долг, — сказал вдруг Ленин, — несколько тысяч крон на поездку у одного друга по партии, швейцарского фабриканта. Не могли ли бы вы занять у рабочих организаций несколько тысяч крон: дорого стоит поездка через вашу длинную страну и через Финляндию.

Я обещал попытаться и позвонил в несколько профсоюзов, а также директору нашего книжного издательства и Фабиану Монссону, чтобы они провели сбор денег в риксдаге. Фабиан раздобыл несколько сот крон, он, между прочим, подошел и к Линдману, который был министром иностранных дел. «Я подпишусь охотно на сто крон, только бы Ленин уехал сегодня». Несколько буржуазных депутатов риксдага тоже подписались, так как Фабиан сказал: «Они будут править Россией завтра». Сам Фабиан тогда этому не верил, но это помогло, и он оказался прав. Мы получили несколько сот крон, и Ленин был доволен. Только благодаря этому он смог заплатить за гостиницу и купить билеты. Он был бедным человеком.

Затем Ленин попросил организовать встречу с некоторыми левыми шведскими руководителями рабочего движения. В их числе были Карл Линдхаген, Карльсон, Чильбум, Нёрман и Фредрик Стрём. Фабиан Монссон и Ивар Веннерстрём тоже должны были прийти, но им помешало заседание в риксдаге. Из русских в этой встрече участвовали Ленин, Зиновьев, Радек и еще несколько человек, имен которых я сейчас не помню. На собрании председательствовали Линдхаген и Ленин. Линдхаген

произнес речь на тему «Свет с Востока» («Ex oriente lux»). Ленин выступил со специальным сообщением. Он объяснил цель нашего собрания.

— Можно ожидать,— заявил он,— что поездка русских в «пломбированном» вагоне через Германию в Швецию, для того чтобы вернуться домой, будет истолкована как спекуляция со стороны Германской империи и вызовет подозрения революционеров. Естественно, немецкое правительство, давая разрешение на проезд, спекулировало на нашей оппозиции буржуазной революции, по этим надеждам не суждено оправдаться. Большевистское руководство революцией гораздо опаснее для немецкой императорской власти и капитализма, чем руководство Керенского и Милюкова. Мы нуждаемся,— сказал Ленин,— в документе, подписанном высокоуважаемыми в России шведскими партийными товарищами, в котором бы указывалось, что мы поступили правильно, возвращаясь домой через Германию. Мы уже получили аналогичные документы от французских и швейцарских партийных товарищей¹.

Мы заявили о готовности подписать такой документ. Я прочел его по телефону Яльмару Брантингу отчасти для того, чтобы услышать его мнение, отчасти, чтобы уговорить его успокоить министра иностранных дел Линдмана. Это было необходимо на тот случай, если, ссылаясь на формулировки заявления, будут считать, что русские не выполнили обещания не заниматься политикой во время проезда через Швецию, и на этом основании будут чинить Ленину препятствия. В заявлении говорилось: «Русские интернационалисты, которые в течение всей войны самым решительным образом боролись с империализмом вообще и с немецким в особенности, теперь едут в Россию, чтобы служить делу революции. Их поездка явится вкладом в революционную борьбу пролетариев всех стран, и в особенности немецких и австрийских, против своих правительств. Ничто не может действовать более воодушевляюще в этом отношении, чем героическая, самоотверженная борьба русского пролетариата. Поэтому мы, нижеподписавшиеся интернационалисты Франции, Швейцарии, Германии, Польши, Норвегии и Швеции, считаем, что использовать возможность проехать в Россию, которая им представилась, было не только правом, но и долгом наших русских друзей по партии. Мы желаем им наилучших успехов в борьбе против империалистической политики русской буржуазии, в борьбе, которая является частью всеобщей борьбы за освобождение рабочего класса, за социалистическую революцию».

После того как мы подписали это заявление, Ленин пожал

¹ О речи В. И. Ленина на совещании со шведскими левыми социал-демократами 31 марта (13 апреля) 1917 г. в № 86 газеты «Politiken» от 15 апреля 1917 г. был напечатан краткий газетный отчет (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 97). *Ред.*

нам руки. Потом во время ленча мы ели в гостинице шведский бифштекс. Я был поражен количеством соли и перца, которое Ленин сыпал на бифштекс. Я предостерег его, сказав, что он наносит вред не только кровеносным сосудам, но и желудку. Ленин рассмеялся и сказал:

— Нужно съесть много соли и перца, когда едешь домой драться с царскими генералами и оппортунистами-керенскими.

За столом я произнес небольшую речь и приветствие от имени новой левой партии, которая вскоре должна была конституироваться.

— Тогда мы пошлем делегацию с флагами и поздравлениями, — сказал Ленин.

Линдхаген тоже сказал несколько слов: «Я выступаю как за Ленина, так и за Керенского». Ленин рассмеялся.

После ленча русские провели свое совещание, которое заняло много времени, и поездка к Хёглунду в Ленгхольм не могла состояться. Поэтому была послана приветственная телеграмма заключенному в тюрьму борцу за мир, подписанная Лениным и Фредриком Стрёмом¹. Это единственная телеграмма, в которой мое почти неизвестное имя стоит рядом с именем великого революционера.

После совещания русских состоялась беседа, в которой участвовали Ленин, Радек и я. Ленин сообщил мне, что русские решили оставить Радека в Швеции как представителя русской партии и Циммервальда, и просил меня переговорить об этом с министром иностранных дел и Я. Брантингом. Я не сумел найти до отхода вечернего поезда в Хапаранду ни Линдмана, ни Брантинга. Я решил, что Радек может остаться под мою ответственность. Ленин рассмеялся и сказал:

— Вы отличный министр полиции.

На следующий день я сообщил Линдману, что Радек остался, и добавил: «Может быть, и разумно иметь здесь одного из друзей Ленина». «В этом вы, возможно, и правы», — сказал Линдман, засмеявшись.

Проводить Ленина на Центральный вокзал собралось очень много народу. Бесперывно раздавалось «ура». Ленин получил от одной дамы огромный букет цветов, который совершенно скрыл его. Он выглядел смущенным и растерянным.

Поезд с Лениным тронулся в путь на север. Ленин ехал навстречу своей всемирно-исторической миссии.

Печатается с перевода со шведского по книге:

Ström Fredrik. Istormig tid: Memoarer. — Stockholm, 1942, с. 197—203

На русском языке частично опубликовано в газ.: Сельская жизнь, 1967, 13 апреля, № 87, с. 3

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 459. *Ред.*

ЛЕНИН В ФИНЛЯНДИИ¹

Наш дом помещался тогда на Фридриховской улице, 64. Ленин пришел к нам тихо и незаметно и, поздоровавшись, передал привет с Камчатки. Это был пароль. Я отвела гостю одну комнату, в которой он жил под фамилией Иванов. Я не знала тогда, что это был Ленин, но мне сказали, что это самый большой революционер, которого очень надо беречь.

Я заботилась о нем, как могла. Правда, это было трудное время, мясо почти невозможно было достать, но гость был неприхотлив в еде. Помню, как я однажды пожарила ему в масле свеклу. Ленину она так понравилась, что он даже попросил у меня рецепт приготовления этого кушанья. Вообще он был очень обаятельным и скромным человеком. За обедом часто шутил и веселил нас.

Днем финские товарищи приносили Ленину газеты, сообщали ему последние новости, полученные из Петрограда, а по ночам он работал. Однажды я ему сказала: «Когда же вы спите? Вам надо бы и отдохнуть». Ленин улыбнулся и ответил, что отдохнуть он еще успеет, а сейчас надо как можно больше работать.

Позже я получила от Ленина из Петрограда открытку с благодарностью и книгу «Государство и революция» с его автографом. Только тогда я узнала, какого человека мне довелось видеть...

Ленинские страницы: Документы. Воспоминания. Очерки.— М., «Известия», 1960, с. 200

¹ Запись беседы с М. Усениус собственного корреспондента «Известий» в Хельсинки Ю. Голошубова. *Ред.*

ДОБРЫЙ ГОСТЬ¹

Я и мой муж были членами рабочей организации финских шведов. Нас предупредили, что в нашей квартире на несколько недель остановится один товарищ, которого мы должны беречь как зеницу ока. Мы, конечно, и понятия не имели тогда, что это был Ленин. Однако наказ товарищей мы выполняли строго. Чтобы укрыть нашего гостя от «дурного глаза шпииков», было решено привести его в вечернее время. Так и было сделано: мой муж Артур на извозчике поехал за гостем².

Когда мы ближе познакомились с приезжим, то прежде всего почувствовали, что перед нами великой души человек. Ленин был очень отзывчивым, чутким к людям. Он никогда не утруждал и не беспокоил других своим присутствием. Он много работал. Теперь мы знаем, что Ленин, находясь в нашей квартире, работал над своей бессмертной книгой «Государство и революция».

Своим умом и человечностью, острым юмором и шутками Владимир Ильич быстро покорял окружающих его лиц и собеседников.

К нам на несколько дней приехала Надежда Константиновна Крупская. Это были самые радостные дни у Владимира Ильича. Нужно было видеть его сияющие глаза, чтобы представить его настроение.

С питанием в Хельсинки тогда было очень плохо, продукты отпускали только по карточкам. Надежда Константиновна привезла из России баночку черной икры. Перед обедом Владимир Ильич передал эту баночку мне с просьбой открыть ее. Когда я увидела содержимое, мне показалось, что это сапожная вакса (я никогда до этого не видела черной икры). Поэтому я взяла сапожную щетку и вместе с банкой внесла в комнату Ильича. Когда Владимир Ильич увидел это, он пришел в ужас и, как

¹ Запись беседы с Э. Блумквист корреспондента газеты «Труд» в Хельсинки Н. Макеева. *Ред.*

² В семье Блумквистов В. И. Ленин жил в сентябре 1917 г. *Ред.*

сейчас помню, с шаловливой искринкой в глазах по-русски воскликнул: «Нет, нет, это надо кушать!» — и показал мне жестом, что икру кушают, а не чистят ею сапоги. Это было мое первое знакомство с черной икрой.

Владимир Ильич был очень осторожен. Выходя на прогулку (одного мы никогда не отпускали его на улицу), он прежде всего тщательно знакомился с окружающей обстановкой. Да это и понятно. Тогда везде и всюду кишели шпионы и предатели.

Помню, однажды Ленин со свежей русской газетой в руках вышел на кухню и с ироническим видом перевел нам содержание статьи, в которой утверждалось, что сыщики якобы напали на след Ленина, укрывающегося в Петрограде. Статья заканчивалась словами: «Арест Ленина является делом нескольких дней». Многозначительно улыбнувшись, Ленин иронически, лукаво прищурился и сказал: «Жаль, жаль Ленина. Вот, оказывается, какие дела!» — и ушел в свою комнату.

Вскоре после этого мы расстались со своим добрым гостем. Прожив у нас около шести недель¹, он выехал на родину вершить великие дела.

Труд, 1960, 24 февраля, № 46, с. 3

¹ В Гельсингфорсе на нелегальных квартирах у Г. Ровио, А. Усенюса и А. Блумквиста В. И. Ленин прожил всего шесть с половиной недель (см. В. И. Ленин: Биографическая хроника, т. 4.— М., 1973, с. 319).
Ред.

ЛЕНИН В 1917 ГОДУ В ПОДПОЛЬЕ В ФИНЛЯНДИИ

В последние дни сентября 1917 года в среде рабочих Петрограда и Москвы и вообще России большевики имели сильное влияние. Тысячами и десятками тысяч рабочие становились в ряды борющихся. Шансы Временного (второго коалиционного) правительства приостановить революционное движение трудящихся уменьшались изо дня в день.

Ставка Корнилова на контрреволюцию оказалась битой. Призыв «Вся власть Советам!» неся со всех уголков России. Даже из глухой провинции поступали сведения, что и здесь этот призыв спланирует ряды беднейших и малоземельных крестьян, не говоря уже об армии, которая все более и более решительно становилась на революционный путь — солдаты отказывались воевать и массами оставляли фронт.

Владимир Ильич Ленин по постановлению ЦК РСДРП(б) проживал в это время в Гельсингфорсе (Финляндия) у тов. Ровио. Но так как из Гельсингфорса связь с Центральным Комитетом партии, находившимся в Петрограде, оказалась затруднительной, то явилась необходимость устроить Ильича где-нибудь поближе. Обратились ко мне. Я с радостью согласился дать ему приют у себя в Выборге.

В воскресенье, 30 сентября¹, в день, назначенный для приезда Ильича, я, встав рано утром и приведя комнату в надлежащий вид для приема дорогого гостя, пошел в город. Моя квартира находилась в рабочем квартале города, в так называемой Таликкала.

От радости, что мне предстоит принять вождя русского революционного пролетариата, я шагал легко и быстро.

«Привезти» Ильича из Гельсингфорса должен был тогдашний главный редактор местной рабочей газеты Хуттунен, на

¹ По уточненным данным, В. И. Ленин переехал из Гельсингфорса в Выборг позднее: 6 или 7 октября (23 или 24 сентября) 1917 г. (см. В. И. Ленин: Биографическая хроника, т. 4, с. 358—359). *Ред.*

квартиру которого я и направился. Дверь открыли. Меня провели в комнату: «Где же Ильич? Дайте мне посмотреть на него поскорей». В ответ на мои слова Хуттунен сказал: «Пришел за ним? Сейчас увидишь, обожди минуточку» — и вышел.

Немного погодя Хуттунен позвал меня, сказав, что т. Иванов (Ильич получил паспорт на имя рабочего Сестрорецкого оружейного завода Иванова) ждет меня на кухне. Владимир Ильич сидел у стола и завтракал. Я поздоровался. «Меня зовут Ивановым», — потихоньку сказал он мне, причем по его глазам можно было прочесть: «Не спутайте меня, Иванова, с кем-нибудь другим, разыскиваемым по всей России Керенским и его компанией».

Побеседовав немного, мы с Хуттуненом отправились на собрание, а Ильич остался у него до вечера. И только вечером, забрав «багаж» (три кипы газет и кое-какой скарб) и наняв извозчика, мы отправились ко мне на квартиру.

Комната и в особенности книжный шкаф и полка с большим количеством русской подпольной партийной литературы понравились Ильичу. Получив утвердительный ответ на свой вопрос: «Значит, эту квартиру, вы, товарищ, предоставляете мне?» — Ильич пожал мне руку и сказал: «Здесь я смогу хорошо поработать».

И действительно, в своем новом «рабочем кабинете» он работал. Рабочий день был распределен у него точно по часам. Установлены были определенные часы подъема, обеда и ужина, для бесед и дневного отдыха. Только время, когда ложиться спать, не определялось. «Ну, это будет зависеть от продуктивности истекшего дня, чтобы не осталось чего-либо недоделанного», — сказал Ильич, добавив: «Хотя мы и требуем для рабочих восьмичасового рабочего дня и даже шестичасового в некоторых отраслях, мы как партийные работники не считаемся со своим рабочим временем». И этот план Ильичем выполнялся точно. Отступления от него допускались им только тогда, например, когда из Петрограда приезжали товарищи.

Уже в 7 часов утра Ильич сидел у письменного стола. Каждое утро, уходя на работу (я был сотрудником местной рабочей газеты «Тюз» — «Труд»), я заглядывал к нему в комнату, так как Ильич просил никогда не уходить, не предупредив его. Он всегда справлялся, когда вернусь, просил сообщать новости и т. д. «Следите за телеграммами «РОСТА»¹, я боюсь и очень боюсь, как бы мы не прозевали момента. Ведь при вспышке революции мы должны быть на месте», — говорил он мне не раз. И я давал обещание следить за телеграммами, исполняя его поручения.

¹ В 1917 г. существовало «ПТА» (Петроградское телеграфное агентство). «РОСТА» (Российское телеграфное агентство) было создано лишь в сентябре 1918 г. на базе «ПТА». *Ред.*

Дни шли. Мы очень подружились; беседовали, когда Ильич уставал от работы. Шутили иногда. Интересно и поучительно было слушать его рассказы про свою жизнь в эмиграции, при этом Ильич говорил: «Быть может, и вам, товарищи (т. е. финнам), придется еще в жизни своей жить в подполье или эмигрантами». И он, как это показали затем последовавшие в 1918 году события, не ошибся.

В моей памяти осталось несколько интересных эпизодов из жизни Ильича у меня.

По газетам он тщательно следил за событиями в России и в других странах. Почту с утренними петроградскими газетами (их получали в Выборге в 11 часов утра) он ожидал, как годный обед. Интересно было смотреть, как бегали его глаза по столбцам газет: ни одна малейшая заметка не ускользала от его глаз. «Нельзя ли достать газет крайних правых партий?» — спрашивал он, и приходилось доставать.

Особенно набрасывался Ильич на черносотенные газеты. Ведь они критиковали действия Временного правительства и указывали на те силы, группировки, которые способны были на контрреволюцию. А это нужно было Ильичу для его статей, которые он писал и которые мною отправлялись в Петроград.

Событиями местного характера Ильич также интересовался. Узнав, что я в качестве представителя ЦК выборгских рабочих организаций часто бываю в Выборгском Совете рабочих и солдатских депутатов, он дал мне задание выяснить отношение выборгского гарнизона к большевикам на случай захвата последними власти в Петрограде. Эту задачу я легко выполнил благодаря гг. Ракову и Половому, которые имели точные сведения о настроении расквартированных в Выборге полков.

Ильич давал ценные указания, как в дальнейшем вести работу в армии. Впервые он также указал на необходимость тесной связи между русскими войсками и финскими рабочими организациями.

В Выборгский Совет часто приезжали докладчики. Во время пребывания Ильича в Выборге предполагалось, между прочим, выступление с докладом о текущем моменте эсерки Марии Спиридоновой. Узнав об этом, я сообщил Ильичу. Но лучше было бы ему об этом не говорить, ибо Ильич тотчас же начал обсуждать вопрос, как ему поступить, чтобы присутствовать на данном докладе. И несмотря на то что я указал ему на полную недопустимость такого шага, он настаивал на своем: «Прослушать Спиридонову сейчас, в данный момент, политически мне очень важно и полезно». «Этого я не отрицаю, товарищ Ленин,— ответил я,— но по многим причинам это нельзя устроить без риска для вас быть схваченным агентами Временного правительства».

На счастье, у меня мелькнула мысль, с которой Ильич тотчас же согласился. Я обещал сам быть на докладе и взять с со-

бой одного товарища, знающего стенографию. «Полная проверенная стенограмма будет в ваших руках на другой же день после доклада», — сказал я Ильичу. На следующий день было получено известие, что доклад Спиридоновой не состоится. Дома я передал это Ильичу, и он успокоился и, шутя, разбирал вопрос, какая кара была бы мне от партии в том случае, если бы я не удержал Ильича и он на докладе был бы арестован.

Когда стало ясно, что второе коалиционное правительство стоит накануне своего падения, Ильич попросил приносить ему и вечерние газеты.

С этой целью я бывал в городе и по вечерам. Не помню — 6 или 7 октября я получил вечерние газеты, содержавшие официальное сообщение о смене кабинета¹. Ильич, узнав, что в новый состав правительства входят Гвоздев, Ливеровский, Кишкин и пр., глубоко вздохнул и сказал: «*Значит, наконец, последнее правительство Керенского сформировано*». Хотелось мне ему сказать, что, следовательно, следующее будет правительство «тов. Иванова», но все же не сказал, так как прочел это в его глазах.

В те же дни было получено из Москвы сообщение, что на выборах районных дум большевистский список собрал значительное количество голосов. В какой-то газете, хорошо не помню, в какой, было сообщено еще, что из 17 000 солдат московского гарнизона 14 000 отдали свои голоса большевистскому списку. «*Я не понимаю, почему при таких обстоятельствах они не берут власть в свои руки?!*» — вырвалось у Ильича.

Ильич жил революцией и сам бурлил как революция.

Помню, что он два-три раза писал довольно длинные письма в Петроград товарищам, руководившим движением, в которых отмечал, что «история не простит нам, если мы не возьмем власти теперь»².

На одно свое письмо Ильич по каким-то техническим причинам не получил ответа. Тогда он написал новое письмо, где указывал, что он сам, без разрешения ЦК партии, выйдет из подполья и прибудет в Петроград руководить революционным движением пролетариата. И только приезд тов. Шотмана помешал ему исполнить свое решение. Помню, каких трудов стоило тов. Шотману уговорить Ильича остаться еще на неделю.

Ильич согласился, но тов. Шотман должен был написать на клочке бумаги, что он, Шотман, от имени ЦК партии не разрешает самовольного приезда Ильича в Петроград. «А подпись? — заметил Ильич. — Поставь и дату». Эту историческую бумажку я взял от тов. Шотмана и сунул в ящик комода. Там она

¹ Новый кабинет 3-го коалиционного Временного правительства был сформирован 25 сентября (8 октября) 1917 г. *Ред.*

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 241. *Ред.*

осталась после Ильича и после моего бегства. Когда власть в Финляндии взяли белые, мои родственники из опасения репрессий сожгли ее.

В последнюю неделю пребывания Ильича у меня он с раннего утра до поздней ночи работал, готовился к назревающим событиям.

В субботу 20 октября¹ прибыл наконец долгожданный тов. Эйно Рахья с поручением от ЦК партии доставить Ильича в Петроград. Времени не стали терять. Смастерили парик, сделанный нашего Ильича неузнаваемым — финским пастором.

При расставании я пожелал Ильичу счастливого пути и успеха в разрешении политических вопросов, стоявших на повестке дня в России. «Следуйте нашему примеру», — был сердечный ответ Ильича, и они вышли. Сели на трамвай и скоро были на вокзале. Поезд в 2 часа 35 минут дня дал свисток — «Октябрьская революция» была на пути в Россию. На станции Райвола наши путешественники оставили площадку вагона; часа через два Ильич на тендере паровоза, на котором машинистом был тов. Ялава, с тов. Эйно Рахья в первом вагоне поезда переехали границу и на станции Ланская оставили поезд².

Через 2 недели, 7 ноября, Октябрьская революция стала фактом.

* *
*

Мне пришлось, как это предвидел Ильич, после поражения Финляндской революции стать эмигрантом.

В 1918 году я два раза бывал у Ильича в Москве в Кремле. Первый раз, 30 июля — беседовали около полутора часов. «У меня найдется всегда время для друзей», — сказал он, когда я, покончив со своим делом, хотел уйти, зная, что он занят более важными государственными и другими делами. Его интересовали тогда причины поражения финляндских рабочих в гражданской войне. «Посещайте меня, звоните, номер 36-182, вас я всегда приму. Ведь теперь наша очередь помочь вам (финнам)», — говорил мне Владимир Ильич. Еще раз, 19 августа, побывал я у Ильича, когда прибывшие в Петроград беженцы-финны начали сильно голодать. Ильич дал нам несколько вагонов хлеба. Больше мне не приходилось его видеть, так как я был командирован на работу в Петроград.

¹ О дате приезда В. И. Ленина из Выборга в Петроград см.: В. И. Ленин: Биографическая хроника, т. 4, с. 373. *Ред.*

² Возвращаясь нелегально из Выборга в Петроград на паровозе № 293, В. И. Ленин доехал не до станции Ланской (в то время слишком многолюдной), а до станции Удельной (в то время глухой и пустынной), откуда направился на квартиру М. В. Фофановой. *Ред.*

* * *
*
/

Ильича нет... Но он все же жив своими заветами...

«Следуйте нашему примеру», — сказал он нам, финнам, и только этим путем достигнем мы победы финского рабочего класса и беднейшего крестьянства, и Финляндия будет Республикой Советов.

Об Ильиче: Сборник статей, воспоминаний, документов и материалов. 2 изд.— Л., 1926, с. 36—41

10 ДНЕЙ,
КОТОРЫЕ ПОТРЯСЛИ МИР¹

НЕУДЕРЖИМО ВПЕРЕД!

Было ровно 8 часов 40 минут, когда громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума и Ленина — великого Ленина среди них². Невысокая коренастая фигура с большой лысой и выпуклой, крепко посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот, массивный подбородок, бритый, но с уже проступавшей бородкой, столь известной в прошлом и будущем. Потертый костюм, несколько не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный пародный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании пронизательной гибкости и дерзновенной смелости ума.

Каменев читал отчет о действиях Военно-революционного комитета: отмена смертной казни в армии, восстановление свободы агитации, освобождение солдат и офицеров, арестованных за политические преступления, приказы об аресте Керенского и о конфискации запасов продовольствия на частных складах... Бурные аплодисменты.

Снова представитель Бунда. Непримируемая позиция большевиков губит революцию, поэтому делегаты Бунда вынуждены отказаться от дальнейшего участия в съезде.

Выкрики с мест: «Мы думали, что вы ушли еще прошлой ночью? Сколько раз вы будете уходить?»

¹ Печатаются фрагменты из V и XII глав книги. *Ред.*

² Д. Рид рассказывает о втором заседании II Всероссийского съезда Советов, открывшемся 26 октября (8 ноября) 1917 г. в 21 час. *Ред.*

Затем представитель меньшевиков-интернационалистов. Крики: «Как! Вы еще здесь?» Оратор разъясняет, что со съезда ушла только часть меньшевиков-интернационалистов, а часть осталась на съезде.

«Мы считаем передачу власти Советам опасной и, быть может, даже гибельной для революции... (Шум.) Но мы считаем своим долгом оставаться на съезде и голосовать против этой передачи».

Выступили и другие ораторы, по-видимому, получившие слово без предварительной записи. Делегат от донецких углекопов призывал съезд принять меры против Каледина, который мог отрезать столицу от угля и хлеба. Несколько солдат, только что прибывших с фронта, передали собранию восторженное приветствие от своих полков.

Но вот на трибуне Ленин. Он стоял, держась за края трибуны, обводя прищуренными глазами массу делегатов, и ждал, по-видимому, не замечая нараставшую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он коротко и просто сказал:

«Теперь пора приступить к строительству социалистического порядка!»

Новый потрясающий грохот человеческой бури.

«Первым нашим делом должны быть практические шаги к осуществлению мира... Мы должны предложить народам всех воюющих стран мир на основе советских условий: без аннексий, без контрибуций, на основе свободного самоопределения народностей. Одновременно с этим мы, согласно нашему обещанию, обязаны опубликовать тайные договоры и отказаться от их соблюдения... Вопрос о войне и мире настолько ясен, что, кажется, я могу без всяких предисловий огласить проект воззвания к народам всех воюющих стран...»¹

Ленин говорил, широко открывая рот и как будто улыбаясь; голос его был с хрипотцой — не неприятной, а словно бы приобретенной многолетней привычкой к выступлениям — и звучал так ровно, что, казалось, он мог бы звучать без конца... Желая подчеркнуть свою мысль, Ленин слегка наклонился вперед. Никакой жестикуляции. Тысячи простых лиц напряженно смотрели на него, исполненные обожания...

Когда затих гром аплодисментов, Ленин заговорил снова:

«Мы предлагаем съезду принять и утвердить это воззвание. Мы обращаемся не только к народам, но и к правительствам, потому что обращение к одним народам воюющих стран могло бы затянуть заключение мира. Условия мира будут выработаны за время перемирия и ратифицированы Учредительным собранием. Устанавливая срок перемирия в три месяца, мы хотим дать народам возможно долгий отдых от кровавой бойни и

¹ Имеется в виду написанный В. И. Лениным проект декрета о мире (см. Полн. собр. соч., т. 35, с. 13—16). *Ред.*

достаточно времени для выбора представителей. Некоторые империалистические правительства будут сопротивляться нашим мирным предложениям, мы вовсе не обманываем себя на этот счет. Но мы надеемся, что скоро во всех воюющих странах разразится революция, и именно поэтому с особой настойчивостью обращаемся к французским, английским и немецким рабочим...

Революция 24—25 октября, — закончил он, — открывает собою эру социалистической революции... Рабочее движение во имя мира и социализма добьется победы и исполнит свое назначение...»¹

От его слов веяло спокойствием и силой, глубоко проникавшими в людские души. Было совершенно ясно, почему народ всегда верил тому, что говорит Ленин.

Было внесено и открытым голосованием немедленно принято предложение предоставить слово только представителям фракций и ограничить время ораторов 15 минутами.

Первым выступил Карелин от имени левых эсеров: «Наша фракция не имела возможности предложить поправки к тексту обращения, поэтому оно исходит от одних большевиков. Но мы все-таки будем голосовать за него, потому что вполне сочувствуем его общему направлению...»

От социал-демократов интернационалистов говорил Крамаров, длинный, узкоплечий и близорукий человек, которому суждено было стяжать не вполне лестную известность шута оппозиции. Только правительство, составленное из представителей всех социалистических партий, заявил он, может обладать достаточным авторитетом, чтобы решаться на столь важное выступление. Если такая социалистическая коалиция образуется, то наша фракция поддержит всю программу, если же нет, то она поддержит ее только частично. Что до обращения, то интернационалисты всецело присоединяются к его основным пунктам...

После этого в атмосфере растущего воодушевления выступали один за другим ораторы. За обращение высказались представители украинской социал-демократии, литовской социал-демократии, народных социалистов, польской и латышской социал-демократии. Польская социалистическая партия тоже высказалась за воззвание, но оговорила, что она предпочла бы социалистическую коалицию... Что-то пробудилось во всех этих людях. Один говорил о «грядущей мировой революции, авангардом которой мы являемся», другой — о «новом веке братства, который объединит все народы в единую великую семью...». Какой-то делегат заявил от своего собственного имени: «Здесь какое-то противоречие. Сначала вы предлагаете мир без аннексий и контрибуций, а потом говорите, что рассмотрите все мирные предложения. Рассмотреть — значит принять...»

¹ Д. Рид излагает доклад В. И. Ленина о мире (см. Полн. собр. соч., т. 35, с. 13—18). *Ред.*

Ленин сейчас же вскочил с места: «Мы хотим справедливого мира, но не боимся революционной войны... По всей вероятности, империалистические правительства не ответят на наш призыв, но мы не должны ставить им ультиматум, на который слишком легко ответить отказом... Если германский пролетариат увидит, что мы готовы рассмотреть любое мирное предложение, то это, быть может, явится той последней каплей, которая переполняет чашу, и в Германии разразится революция...

Мы согласны рассмотреть любые условия мира, но это вовсе не значит, что мы согласны принять их. За некоторые из наших условий мы будем бороться до конца, но очень возможно, что среди них найдутся и такие, ради которых мы не сочтем необходимым продолжать войну... Но главное — мы хотим закончить с войной...»

Было ровно 10 часов 35 минут, когда Каменев предложил всем, кто голосует за обращение, поднять свои мандаты. Один из делегатов попробовал было поднять руку против, но вокруг него разразился такой взрыв негодования, что он поспешно опустил руку... Принято единогласно.

Неожиданный и стихийный порыв поднял нас на ноги, и наше единодушие вылилось в стройном, волнующем звучании «Интернационала». Какой-то старый, седеющий солдат плакал как ребенок. Александра Коллонтай потихоньку смахнула слезу. Могучий гимн заполнял зал, вырывался сквозь окна и двери и уносился в притихшее небо. «Конец войне! Конец войне!» — радостно улыбаясь, говорил мой сосед, молодой рабочий. А когда кончили петь «Интернационал» и мы стояли в каком-то неловком молчании, чей-то голос крикнул из задних рядов: «Товарищи, вспомним тех, кто погиб за свободу!» И мы запели похоронный марш, медленную и грустную, но победную песню, глубоко русскую и бесконечно трогательную. Ведь «Интернационал» — это все-таки напев, созданный в другой стране. Похоронный марш обнажает всю душу тех забытых масс, делегаты которых заседали в этом зале, строя из своих смутных прозрений новую Россию, а может быть, и нечто большее...

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
В любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.
Настанет пора, и проснется народ,
Великий, могучий, свободный.
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный!

Во имя этого легли в свою холодную братскую могилу на Марсовом поле мученики Мартовской революции, во имя этого тысячи, десятки тысяч погибли в тюрьмах, в ссылке, в сибирских рудниках. Пусть все свершилось не так, как они пред-

ставляли себе, не так, как ожидала интеллигенция. Но все-таки свершилось — буйно, властно, нетерпеливо, отбрасывая формулы, презирая всякую сентиментальность, истинно...

Ленин оглашал декрет о земле...¹

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЪЕЗД²

...На третий день на трибуне неожиданно появился Ленин³. Зал бесновался не меньше десяти минут. «Долой его! — ревел зал. — Не хотим слушать ваших народных комиссаров! Не признаем вашего правительства!»

Ленин стоял совершенно спокойно, охватив пюпитр обеими руками, и вдумчиво оглядывал беснующуюся толпу своими прищуренными глазами. Наконец шум в зале как бы иссяк, за исключением правых скамей, где все еще продолжали кричать и свистеть.

«Я пришел сюда не как член Совета Народных Комиссаров, — сказал Ленин и снова подождал, пока спадет шум, — а как член большевистской фракции, надлежащим образом избранный на настоящий съезд»⁴. И он высоко поднял над головой мандат, так, чтобы все могли его видеть.

«Впрочем, — продолжал он совершенно спокойным голосом, — никто не станет отрицать, что теперешнее русское правительство сформировано большевистской партией... — он подождал еще секунду... — так что, в сущности, это одно и то же...» Тут правые скамьи разразились оглушительным криком, но центр и левые заинтересовались и добились тишины.

Аргументация Ленина была проста. «Скажите откровенно, вы, крестьяне, которым мы отдали помещичьи земли: неужели вы теперь хотите помешать рабочим захватить контроль над производством? Ведь это классовая борьба. Помещики, разумеется, борются с крестьянами, а фабриканты борются с рабочими. Неужели вы хотите довести до раскола в рядах пролетариата? На какой стороне вы хотите быть?»

Мы, большевики, являемся партией пролетариата, — точно так же крестьянского пролетариата, как и пролетариата промышленного. Мы, большевики, стоим за Советы, — точно так же

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 24—26. *Ред.*

² Имеется в виду Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов, состоявшийся 10—25 ноября (23 ноября — 8 декабря) 1917 г. *Ред.*

³ Первый раз В. И. Ленин выступил на этом съезде 14 (27) ноября с речью по аграрному вопросу. *Ред.*

⁴ Это заявление В. И. Ленина было вызвано тем, что по предложению левых эсеров съезд отклонил требование большевистской фракции о предоставлении Ленину слова на съезде как Председателю СНК. *Ред.*

за крестьянские Советы, как и за Советы рабочих и солдат. Современное правительство есть правительство советское, — и мы не только предложили крестьянским Советам принять участие в этом правительстве, но и пригласили представителей левых эсеров войти в Совет Народных Комиссаров...

Советы являются наиболее совершенным представительством народа, — как того, который работает на заводах и в рудниках, так и того, который работает на полях. Всякий, кто пытается подорвать Советы, повинен в антидемократических контрреволюционных действиях. И я позволю себе заметить вам, товарищи правые эсеры, и вам, господа кадеты, что если Учредительное собрание попытается разрушить Советы, то мы этого Учредительному собранию не позволим!»...

27 (14)¹ состоялись прения по земельному вопросу, вскрывшие различие аграрных программ большевиков и левых эсеров.

Качинский, выступавший от имени левых эсеров, сделал краткий обзор истории земельного вопроса за время революции...

После Качинского выступил Ленин, которого на этот раз слушали с огромным вниманием.

«В настоящий момент мы пытаемся разрешить не только вопрос о земле, но и вопрос о социальной революции, — и притом не только здесь, в России, но и во всем мире. Вопрос о земле не может быть разрешен вне зависимости от прочих вопросов социальной революции... Так, например, конфискация крупных имений вызовет сопротивление не только со стороны русских помещиков, но и со стороны иностранного капитала, с которым крупная земельная собственность связана через посредство банков...

В России частная собственность на землю представляет собой основу громадного гнета, и конфискация земли крестьянами есть один из важнейших шагов нашей революции. Но он не может быть отделен от других шагов, что совершенно ясно видно во всех стадиях, через которые прошла наша революция... Ошибка левых эсеров состояла в том, что в то время они не боролись с соглашательской политикой, ибо они придерживались теории, что сознание масс еще недостаточно развито...

Если социализм может быть осуществлен только тогда, когда это позволит умственное развитие народных масс, тогда мы не увидим социализма даже и через пятьсот лет... Социалистическая политическая партия — авангард рабочего класса; она не должна позволить, чтобы ее останавливал низкий уровень развития масс, а должна вести массы за собой, пользуясь Советами, как органами революционной инициативы... Но для того,

¹ ноября 1917 г. *Ред*

чтобы вести за собой колеблющихся, товарищи левые эсеры должны сами перестать колебаться...

Народные массы начали отходить от соглашателей еще в июле, — а теперь, в ноябре, левые эсеры все еще протягивают руку Авксентьеву, цепляющемуся за жалкие остатки своей популярности... Если будет продолжаться соглашательство, то революция погибнет. Не может быть никакого соглашения с буржуазией; ее власть должна быть окончательно свергнута.

Мы, большевики, не меняли своей земельной программы, мы не отказывались и не собираемся отказываться от уничтожения частной собственности на землю. Мы приняли «Правила для земельных комитетов», — которые вовсе *не* основаны на принципе частной собственности, — потому что хотели исполнить волю народа тем самым путем, который избрал для этого сам народ, и, таким образом, еще теснее сплотить союз всех элементов, борющихся за социалистическую революцию.

Мы приглашаем левых эсеров войти в этот союз, но при этом настаиваем, чтобы они перестали оглядываться назад и порвали с соглашательским крылом своей партии...

Что же касается Учредительного собрания, то совершенно верно, что, как сказал предыдущий оратор, работа Учредительного собрания будет определяться революционной решимостью масс. На революционную решимость надейся, — говорю я, — а винтовку из рук не выпускай!»

После этого Ленин огласил резолюцию большевиков...¹

Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. — М., 1957, с. 116—117, 119—123, 233—239, 240, 242—243

¹ Здесь и выше автор излагает мысли В. И. Ленина, содержащиеся в его речи и заключительном слове по аграрному вопросу, а также в написанном им проекте резолюции (см. Полн. собр. соч., т. 35, с. 94—95, 100—101, 96—97). *Ред.*

ЛЕНИН — ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ 1932 г.

Весной 1918 года, готовясь к отъезду из России в Америку, я собрал огромный чемодан брошюр, плакатов, воззваний, листовок, номеров газеты «Правда», «Известия» и даже «Речи». Беседуя в последний раз с Лениным в Кремле, я упомянул о своем чемодане с литературой.

— Прекрасная коллекция, — сказал Владимир Ильич, — но только неужели вы в самом деле думаете, что ваше правительство пропустит вас с этим материалом в Америку?

— Я в этом несколько не сомневаюсь, — ответил я, все еще будучи наивно убежден, что Америка желает узнать правду о России и русской революции.

Ленин покачал головой и, рассмеявшись, сказал:

— Прекрасно. Может быть, я и ошибаюсь. Посмотрим.

Он взял перо и собственной рукой написал обращение ко всем начальникам станций, весовщикам и другим железнодорожным работникам, прося их уделить особое внимание моему чемодану². И чемодан благополучно прибыл со мной во Владивосток. Но в Америку он так и не попал. Он исчез. Каким образом — не знаю...

ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ С ЛЕНИНЫМ

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ЛЕНИНЕ

В то время как ликующие толпы солдат и рабочих, упоенных победой пролетарской революции, наполняли огромный зал в Смольном, а пушки «Авроры» возвещали о гибели старого строя и рождении нового, Ленин спокойно поднимался на трибуну. Председатель объявил:

¹ Печатается с сокращениями. *Ред.*

² Это письмо В. И. Ленина не разыскано. *Ред.*

— Слово предоставляется товарищу Ленину.

Мы напрягли все наше внимание. Сейчас перед нашим взором предстанет человек, которого мы так давно жаждали видеть и слышать. Но с наших мест, отведенных для корреспондентов, вначале его не было видно.

Под громкие приветствия, выкрики, топот ног и аплодисменты он прошел через сцену и поднялся на трибуну, всего метрах в десяти от нас. Шум, крики и приветствия достигли кульминационного пункта.

Теперь мы видели его очень хорошо, и наши сердца упали. Внешность его оказалась почти противоположной той, какую создало наше воображение. Мы ожидали увидеть человека огромного роста, производящего впечатление одной своей внешностью. На самом же деле перед нами стоял человек небольшого роста, коренастый, с лысиной и взъерошенной бородкой.

Выждав, пока стихнут ураганные аплодисменты, он проговорил:

— Товарищи! В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства¹. — И стал без пафоса, по-деловому излагать существо вопроса. Ленин говорил без всякого стремления блеснуть красноречием, скорее, резковато и сухо. Засунув большие пальцы в вырезы жилета, он покачивался взад и вперед. В течение часа вслушивались мы в его речь, стремясь уловить в ней ту скрытую притягательную силу, которая объяснила бы нам его огромное влияние на этих свободных, молодых и сильных людей. Но тщетно.

Мы были разочарованы.

Дерзание и безудержный порыв большевиков зажгли наше воображение, того же мы ждали и от их вождя. Нам представлялось, что в лице лидера их партии мы увидим воплощение всех тех качеств, которые свойственны этой партии, что в нем заключена вся ее сила и мощь, что он, если хотите, сверхбольшевик. Но перед нами стоял усталый, ничем, казалось, особенно не выделяющийся человек, говорящий спокойно и просто, но с глубокой убежденностью и силой.

— Если его одеть немного получше, то можно было бы по внешности принять за среднего мэра или банкира из какого-нибудь небольшого французского городка, — прошептал Джулиус Вест, английский корреспондент.

— Да, совсем небольшой человек для такого большого дела, — проговорил его компаньон.

Мы представляли себе всю трудность задачи, решение которой взяли на себя большевики. Справятся ли они с ней? Их вождь поначалу не произвел на нас впечатления сильного человека.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 2—3. *Ред.*

Таково было первое впечатление. И все же, начав со столь ошибочной оценки, через шесть месяцев я был уже в лагере Воскова, Нейбута, Петерса, Володарского и Янышева¹, для которых первым в Европе человеком и политическим деятелем был Ленин.

ЛЕНИН ВВОДИТ СТРОГИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОРЯДОК В ЖИЗНЬ ГОСУДАРСТВА

9 ноября 1917 года я хотел получить разрешение сопроводить красногвардейцев, чьи колонны шли тогда по всем дорогам на бой с казаками и контрреволюционерами. Я предъявил Ленину свои документы, на которых стояли подписи Хилквита² и Гюисманса³. Я считал их очень внушительными документами. Ленин думал иначе. С лаконичным «нет» он вернул мне бумаги, словно я получил их в какой-нибудь филантропической буржуазной организации.

Инцидент пустячный, но он говорит о серьезном и строгом отношении к делу, которое зарождалось в пролетарских Советах. До того времени массы во вред себе были чрезмерно великодушны и доверчивы. Ленин принялся вводить революционный порядок. Он знал, что только решительными и крутыми мерами можно спасти революцию, которой угрожали голод, иностранная интервенция и реакция. Поэтому большевики проводили свои мероприятия без колебаний, а враги, изощряясь в эпитетах, осыпали большевиков бранью и клеветали на них. По отношению к буржуазии Ленин был суров и беспощаден.

Царивший в те недели хаос требовал от людей железной воли и железных нервов. Во всех государственных учреждениях наводили строгий революционный порядок и дисциплину. Было заметно, как росло чувство ответственности рабочих, как улучшали работу отдельные звенья советского аппарата. Предпринимая какие-нибудь действия, например приступая к национализации банков, Советская власть действовала теперь энергично и эффективно. Ленин знал, в каких случаях нельзя

¹ Восков С. П. (1889—1920), Нейбут А. Е. (1889—1919), Петерс Я. Х. (1886—1942), Володарский В. (Гольдштейн М. М.) (1891—1918) и Янышев М. П. (1873—1920) — большевики-эмигранты, возвращавшиеся из Америки на родину в апреле 1917 г. парохомом, на котором направлялся в Россию А. Р. Вильямс. *Ред.*

² Хилквит Морис — руководитель Социалистической партии США, деятель II Интернационала, реформист. *Ред.*

³ Гюисманс Камиль (1871—1968) — один из старейших деятелей бельгийского рабочего движения. В 1904—1919 гг. — секретарь Международного социалистического бюро II Интернационала. Неоднократно входил в бельгийское правительство. *Ред.*

медлить, но знал и то, когда поспешность недопустима. Однажды его посетила делегация рабочих в связи с возникшим у них вопросом: не может ли он декретировать национализацию их предприятия.

— Конечно, — сказал Ленин и взял со стола чистый бланк, — если бы все зависело от меня, то все решалось бы очень просто. Достаточно было бы мне взять эти бланки и вот тут поставить название вашего предприятия, здесь подписаться, а в этом месте указать фамилию соответствующего комиссара.

Рабочие очень обрадовались и сказали:

— Ну, вот и хорошо.

— Но прежде чем подписать этот бланк, — продолжал Ленин, — я должен задать вам несколько вопросов. Прежде всего, знаете ли вы, где можно получить для вашего предприятия сырье?

Делегаты неохотно согласились, что не знают.

— Умеете ли вы вести бухгалтерию? — продолжал Ленин. — Разработали ли вы способы увеличения выпуска продукции?

Рабочие ответили отрицательно и признали, что они, считая это второстепенным делом, не придавали ему серьезного значения.

— Наконец, товарищи, позвольте узнать у вас, нашли ли вы рынок для сбыта своей продукции?

Опять они ответили «нет».

— Так вот, товарищи, — сказал Председатель Совнаркома, — не кажется ли вам, что вы не готовы еще взять сейчас завод в свои руки? Возвращайтесь домой и начинайте над всем этим работать. Это будет нелегко, вы будете иногда ошибаться, но приобретете знания и опыт. Через несколько месяцев приходите опять, и тогда мы сможем вернуться к вопросу о национализации вашего завода...

ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ

Несмотря на исключительную перегруженность почти круглосуточной напряженной работой, Ленин часто выступал с речами, в которых в живой и выразительной форме делал анализ сложившейся обстановки, ставил диагноз, предписывал лечение и убеждал слушателей применить его. Наблюдатели поражаются энтузиазму, который вызывают речи Ленина у малообразованных людей, хотя говорит он быстро и гладко и приводит множество фактов.

Ленин — мастер диалектики и полемики, чему способствует его удивительное самообладание во время дебатов. И дебаты —

его конек. Ольгин¹ говорил: «Ленин не отвечает оппоненту, а подвергает его вивисекции. Он подобен лезвию бритвы. Его ум работает с паразитической остротой. Он подмечает малейшие оплошности оппонента, отвергает неприемлемые послышки и показывает, насколько абсурдные заключения могут быть выведены из них. В то же время он говорит с иронией, высмеивает своего оппонента. Он его беспощадно разносит, заставляет вас чувствовать, что его жертва — невежда, глупец и самоуверенное ничтожество. Сила его логики увлекает вас. Вами овладевает интеллектуальная страстность».

Временами он оживляет свою мысль шутливым отступлением или язвительной репликой. Например, высмеивая Камкова, без конца задававшего вопросы, Ленин использовал поговорку: Один дурак может задать столько вопросов, что и десять умных не ответят².

Иногда Ленин простым примером иллюстрировал новый порядок. Он как-то привел рассказ старой крестьянки, которая говорила, что если раньше человек с ружьем не позволял ей собирать хворост в лесу, то теперь, наоборот, — он не опасен, он даже охраняет ее³.

Ленин всегда стремился воздействовать в первую очередь на ум, а не на чувства. Тем не менее по реакции его слушателей можно было судить, какой силой эмоционального воздействия обладала ленинская логика.

Мне довелось выступать на митинге после Ленина⁴. Это случилось в Михайловском манеже в январе 1918 года, когда на фронт отправлялся первый отряд защитников Советской страны. Колеблющееся пламя факелов освещало огромное помещение, делая длинные ряды броневиков похожими на каких-то допотопных чудовищ. Вся большая арена и стоявшие на ней броневые автомобили были усеяны темными фигурами новобранцев, плохо вооруженных, но сильных своим революционным пылом. Чтобы согреться, они плясали и притопывали ногами, а чтобы поддержать хорошее настроение, пели революционные песни и частушки.

Громкие крики возвестили о прибытии Ленина. Он поднялся на один из броневых автомобилей и начал говорить. В полумраке слушающие его люди вытягивали шеи и жадно ловили каждое слово. После окончания выступления раздалась бурная аплодисменты.

Когда Ленин, закончив свою речь, спустился с броневика, Подвойский объявил:

¹ Ольгин — псевдоним писателя и критика М. Н. Новомейского. *Ред.*

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 116. *Ред.*

³ См. там же, т. 35, с. 269; т. 37, с. 200. *Ред.*

⁴ Автор имеет в виду «Речь на проводах первых эшелонов социалистической армии 1 (14) января 1918 г.» (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 216—217). *Ред.*

— Сейчас перед вами выступит американский товарищ.

Толпа наострила уши. Я поднялся на автомобиль.

— Прекрасно,— сказал Ленин,— говорите по-английски, а я, с вашего разрешения, буду переводить.

— Нет, я буду говорить по-русски,— отважился я в каком-то безотчетном порыве.

Ленин следил за мной искрящимися глазами, словно предвкушая возможность позабавиться. Ждать ему пришлось недолго. Израсходовав весь имевшийся у меня запас готовых фраз, я запнулся и замолчал. С большим трудом я подыскал еще несколько слов. Что бы ни делал иностранец с их языком, русские остаются благожелательными и снисходительными. Они умеют ценить если не умение, то во всяком случае старание начинающего. Поэтому моя речь прерывалась продолжительными аплодисментами, которые каждый раз позволяли мне перевести дух и найти несколько слов для следующего короткого броска. Мне хотелось сказать им, что, если наступит критический час, я сам с радостью вступлю в ряды создаваемой Красной Армии. Я остановился, мучительно подбирая нужное слово. Ленин поднял голову и спросил:

— Какого слова вам не хватает?

— Enlist,— ответил я.

— Вступить,— подсказал он.

После этого всякий раз, когда я запинался, Ленин тут же подсказывал мне нужное слово, и его тотчас подхватывал и с американским акцентом бросал в зал. Это, а также то, что я представлял собой живой и осязаемый символ интернационализма, о котором все они столько слышали, вызывало веселое оживление и гром аплодисментов. Ленин от всей души смеялся и аплодировал.

— Ну вот, как бы там ни было, начало в освоении русского языка сделано,— сказал он мне.— Но вы должны продолжать заниматься им серьезно. А вы,— сказал он, повернувшись к Бесси Битти,— вы тоже должны изучать русский язык. Дайте в газете объявление, что хотите обменяться уроками. И потом просто читайте, пишите и говорите только по-русски. С американцами не разговаривайте — все равно пользы от этого не будет,— добавил он, улыбаясь.— Когда мы встретимся в следующий раз, я вас проэкзаменую...

НЕОБЫЧАЙНОЕ САМООБЛАДАНИЕ ЛЕНИНА

Во всех случаях жизни он проявлял исключительное самообладание. События, в результате которых другие теряли голову, служили для Ленина лишь поводом продемонстрировать свое спокойствие и душевное равновесие.

Единственное заседание Учредительного собрания проходило бурно¹. На нем в смертельной схватке сцепились две фракции. Боевые выкрики делегатов, стук топнотров, громы и молнии, которыми раздражались ораторы, страстное пение «Интернационала» и революционного марша, звучавших в устах двух тысяч человек,— все это наэлектризовывало атмосферу. С приближением ночи напряжение все нарастало. Мы сидели на балконе, вцепившись руками в барьер и стиснув зубы, наши нервы были напряжены. Ленин сидел в первом ряду ложи, и лицо его выражало полнейшее отсутствие интереса.

Наконец он встал, прошел за трибуну и сел там на покрытые ковром ступеньки. Изредка он поднимал голову и окидывал взглядом огромное скопление народа. Затем подпер голову рукой и закрыл глаза, будто говоря себе: «Так много людей понапрасну растрчивает свои силы, пусть хоть один их побережет». Громкие голоса ораторов и шум собрания прокатывались над его головой, но он продолжал преспокойно сидеть. Раза два он приоткрывал глаза, прищурившись, осматривался вокруг и снова опускал голову.

Затем он поднялся, распрямился и неторопливой походкой направился в ложу. Воспользовавшись случаем, мы с Джоном Ридом сбежали с галерки в зал, чтобы спросить у Ленина, что он думает о ходе заседания Учредительного собрания. Он что-то безразличным тоном ответил. А потом поинтересовался ходом работы в Бюро пропаганды². Лицо его просияло, когда мы сообщили, что материал печатается тоннами и его удастся переправлять через линию фронта в германскую армию. Вместе с тем мы сказали ему, что встречаем большие трудности в работе с немецким языком.

— Ах да,— воскликнул он и внезапно оживился, вспомнив о моих подвигах, когда я выступал с броневика.— Ну, как подвигается дело с изучением русского языка? В состоянии ли вы теперь понимать все эти речи?

— В русском языке так много слов,— ответил я уклончиво.

— В том-то и дело,— заметил Ленин,— им нужно заниматься систематически. С самого начала вы должны овладеть основами языка. Я расскажу вам о своем методе.

Вкратце метод Ленина сводился к следующему: сначала выучить все существительные, выучить все глаголы, выучить все причастия и прилагательные, выучить все остальные слова; вы-

¹ Заседание состоялось 5 (18) января 1918 г. в Таврическом дворце. *Ред.*

² Бюро существовало при Федерации иностранных групп РКП(б), созданной в начале 1918 г. Оно состояло из литераторов и агитаторов иностранцев; занималось подготовкой и распространением печатных изданий, а также агитационно-пропагандистской работой среди войск империалистических держав. *Ред.*

учить всю грамматику — орфографию и синтаксис, а затем непрерывно всюду и со всеми практиковаться. Как нетрудно заметить, метод Ленина был не столько оригинальным, сколько многосторонним. Словом, это был его метод борьбы с буржуазией применительно к овладению языком — браться за дело самым решительным образом. И разговор о нем увлек Ленина.

Он сидел, перегнувшись через барьер ложи, и говорил, подчеркивая слова выразительными жестами. Глаза у него блеснули. Наши коллеги — репортеры сгорали от зависти. Они думали, что Ленин в этот момент разоблачает преступления оппозиции, или выдает нам тайные планы Советов, или, может быть, разжигает в нас революционный пыл. В подобный критический момент, несомненно, такую вспышку энергии у главы великого Русского государства могли вызвать только подобные темы. Но наши коллеги заблуждались. Глава Советского правительства просто-напросто излагал свой взгляд на методику изучения иностранного языка, с удовольствием воспользовавшись возможностью отвлечься за дружеской беседой.

Когда во время дебатов противники подвергали Ленина критике, он обычно сохранял спокойствие и даже умел подмечать смешные стороны в происходящем. Закончив речь на IV съезде Советов, он занял свое место в президиуме, чтобы выслушать нападки пятерых оппонентов. Всякий раз, когда он находил, что оппонент сделал удачный ход, Ленин широко улыбался и вместе со всеми аплодировал. Но если кто-нибудь начинал нести чушь, Ленин иронически усмехался и «аплодировал», постукивая ногтем одного большого пальца о другой...

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДАЛЬНОЗОРКОСТЬ ЛЕНИНА

Не вызывает сомнения, что своей славой государственного деятеля, умеющего предвидеть дальнейший ход событий, Ленин обязан отнюдь не какой-то мистической интуиции или провидению, а способности отбирать и использовать факты. Он продемонстрировал эту свою способность в работе «Развитие капитализма в России». В ней Ленин бросил вызов экономической мысли своего времени, выступив с утверждением, что половина русского крестьянства была пролетаризирована, что, несмотря на владение некоторой земельной собственностью, эти крестьяне являлись, по существу, наемными рабочими с наделом. Смелая и дерзкая мысль Ленина нашла свое подтверждение в исследованиях последующих лет. Это не было одной лишь догадкой. К такому твердому выводу он пришел после тщательного изучения и отбора огромного статистического материала земств и других источников.

Однажды, когда разговор зашел о престиже Ленина, Петерс заметил: «Часто на закрытых заседаниях нашей партии Ленин вносил определенные предложения, основанные на своем анализе положения дел. Мы голосовали против. Позже оказывалось, что Ленин был прав, а мы нет».

По вопросу о тактике одно время между Лениным и другими членами партии развернулась борьба, в процессе которой последующие события обычно подтверждали правильность его суждений.

Известно, что Каменев и Зиновьев считали, что вооруженное восстание, которое готовили большевики, может кончиться неудачей. Ленин говорил, что революция, пролетариат должны победить. Ленин был прав.

Некоторые руководители большевиков утверждали, что хотя они и в состоянии взять власть, но удержать ее не смогут. Ленин говорил, что с каждым днем силы большевиков будут расти. Он был прав. После двух лет борьбы с врагами, зажавшими в огненное кольцо Советскую Россию, Красная Армия успешно продвигается на всех фронтах.

Троцкий в переговорах с немцами следовал политике «затягивания», старался завлечь их в какую-то ловушку, но подписывать договор отказывался. Ленин говорил, что надо подписать мир на тех условиях, какие они предлагают, иначе придется его подписать на гораздо худших условиях.

И опять Ленин оказался прав. Русские были вынуждены подписать «похабный», «разбойничий» Брестский мир.

Весной 1918 года, когда весь мир смеялся над мыслью о возможности революции в Германии и когда кайзеровская армия громила союзнические войска во Франции, Ленин в разговоре со мной заметил, что падения власти кайзера нужно ждать в течение этого года. Так оно и получилось. Девять месяцев спустя кайзер Вильгельм бежал от своего собственного народа.

Когда я посетил Ленина перед отъездом, он написал по-английски и передал мне следующее письмо:

«Через американского товарища Альберта Р. Вильямса я шлю свой привет американским социалистам-интернационалистам. Я твердо верю, что в конце концов социальная революция победит во всех цивилизованных странах. Когда она наступит в Америке, она далеко превзойдет русскую революцию»¹.

Ленин написал это быстро, легко, остановившись лишь один раз. Он не мог подыскать подходящего слова для «в конце концов». Я ему подсказал, и он написал *ultimately*.

— Да,— сказал он,— революция победит. Может быть, скоро, а может быть,— он поднял глаза на меня и улыбнулся.— *ultimately*. Может быть, потребуется и два десятка лет. Во

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 86. *Ред.*

всяком случае мы уже начали. Мир определенно вступил в эпоху пролетарских революций.

Передав мне письмо, Ленин спросил:

— Когда вы собираетесь уезжать в Америку? (Это было в апреле 1918 года.)

— Я еще определенно не решил, — ответил я.

— Если вы думаете ехать через Владивосток, то лучше поспешите, а не то вас в Сибири встретит американская армия.

В ту пору было в высшей степени странно слышать в Москве такое заявление, ибо все мы верили, что Америка проникнута самыми дружескими чувствами по отношению к новой России.

— Этого не может быть! — возразил я. — Знаете ли вы, что, по мнению Раймонда Робинса, есть надежды на признание Америкой Советского правительства в самом ближайшем будущем?

— Да, — сказал Ленин, — но Робинс является представителем американской либеральной буржуазии. А она не определяет политику Америки. Политику Америки направляет финансовый капитал. А ему нужен контроль над Сибирью. И он пошлет американских солдат завоевывать ее.

Такая точка зрения представлялась мне невероятной. Однако позже, 29 июня 1918 года, я видел своими собственными глазами, как во Владивостоке высаживались американские матросы, в то время как монархисты, чехи, англичане, японцы и другие союзники спускали флаг Советской республики и поднимали флаг царской России.

Ленинские предсказания так часто сбывались, что его взгляд на будущее представлял всегда особый интерес... «...Опыт показывает, что каждый народ идет к социализму своим собственным, особым путем. Будет множество переходных форм и разновидностей, но все они будут различными фазами революции, которая ведет к одной и той же цели. В случае установления социалистического строя во Франции или Германии ему будет несравненно легче утвердиться, чем у нас в России. Ибо на Западе социализм найдет формы организации, всевозможные интеллектуальные средства и материалы, которых нет в России».

УРОКИ МАРКСИЗМА

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Из всех моих встреч с Лениным именно тот эпизод, который, думалось мне, представлял наименьший интерес для посторонних, вызвал наибольшее количество вопросов, причем объяснений от меня требовали с возмущением, негодуяюще или — в лучшем случае — с презрительным удивлением. Это не обижало меня — реакция могла быть любой, лишь бы не пустая вежливость, не равнодушные!

Не все мои разговоры или случайные встречи с Лениным нашли отражение в первой книге, создававшейся мною в спешке после возвращения из России. Не вошли они и во вторую книгу¹ и в два десятка первых моих статей. Об этом эпизоде я не упоминал в своих работах до второй мировой войны даже кратко. Он действительно кажется непримечательным. Во всяком случае, так я говорил себе. Ведь не произошло ничего конкретного. А рассказывать о том, чего не было, — значило бы излагать план несостоявшегося сражения, да еще устами простого солдата!

Вот почему об этом эпизоде, вызывавшем такие оживленные толки на протяжении многих лет, в напечатанных моих произведениях вы найдете лишь краткое упоминание в книге «Русские: страна, народ и за что он сражается»:

«Сам постоянно читая и занимаясь, он (Ленин) всегда побуждал других делать то же. Весной 1918 года я сказал ему, что собираюсь уезжать домой. Ведь самое важное сейчас — объяснить Америке, что происходит в России. Так считал я, но не Ленин. «Почему бы вам не остаться еще на некоторое время, — сказал он, — и узнать поглубже нашу историю, принципы и цели». Позже он предложил Борису Рейнштейну (американец русского происхождения, который помогал Джону Риду и мне в работе), чтобы мы организовали небольшую группу для

¹ А. Р. Вильямс говорит о своих книгах: «*Lenin — the man and his work*» (N. Y., 1919) и «*Through the russian revolution*» (N. Y., 1921). *Ред.*

занятий. «Если вас соберется четыре-пять человек, я постараюсь найти время, чтобы раз в неделю заниматься с вами»».

Вот все, что я написал. Но охотно признаю, что эпизод этим не исчерпывается. Линкольн Стеффенс и многие друзья, которые еще живы, настойчиво требовали, чтобы я сообщил неизвестные подробности этой истории. Поэтому я намерен, ничего не утаивая, рассказать здесь все об этом связанном с Лениным эпизоде, которому мои друзья придали столь большое значение.

Вскоре после моего возвращения в США, в 1918 году, друзья, которые не переставали расспрашивать меня о революции, и особенно о Ленине, вывели и тот факт, что Ленин предложил создать группу для изучения марксизма под его руководством, а я (в чем впервые признаюсь печатно) не воспользовался этим предложением. Непосредственная реакция тех, кто слышал об этом впервые, всегда была одна и та же: безмолвное изумление. Затем на меня обрушивалась лавина упреков. Как! Я упустил возможность изучать марксизм под руководством Ленина? Невероятно, необъяснимо! Это сразу ставило меня в ряд глупцов и тупиц — к тому же неблагодарных или по меньшей мере полоумных.

Я пытался объяснять, но все мои доводы с раздражением отменялись. Ума я решил, что ли, упустив такой случай? Какая это была честь для меня! Да ведь это все равно что учиться теории относительности или квантовой теории у Эйнштейна! Равносильно возможности беседовать с Сократом в Афинах!

Это говорилось в те дни, когда меня, как и других корреспондентов, возвратившихся в Америку раньше, как Джона Рида, его жену Луизу Брайант, Бесси Битти и даже некоторых официальных лиц, которые были в России во время революции, например полковника Раймонда Робинса из американского Красного Креста, часто приглашали выступать по всей стране от восточного до западного побережья. И где бы я ни выступал, повсюду находились американцы, хотевшие пожать руку, которая пожимала руку Ленина. Но со временем все большему числу людей становилось известно, какую возможность я упустил из-за необъяснимого упрямства. Ко мне подходили, отзывали меня в сторону и спрашивали, так ли это, и мое «да» производило ошеломляющее впечатление. Как я мог?!

Да, как я мог поступить так? Толстая пачка заметок, часть которых пожелтела от времени, и машинописный вариант моих первоначальных набросков с карандашными поправками, и собранные совсем недавно материалы свидетельствуют о моих усилиях заглушить этот безрассудный голос раскаяния. Безрассудный потому, что ведь и тех встреч, которые я имел с Лениным, было достаточно, чтобы обогатить мою жизнь. Так почему надо жалеть о тех встречах, которых не было? Часть заметок оза-

главлена «Ленин и время», другая — «Учебная группа» и «Группа по изучению марксизма». В наброске «Ленин как учитель» рассматривается более широкий круг проблем, связанных с Лениным, однако он заканчивается словами: «Примечание. Почему я не принял предложения Ленина о занятиях?» — и далее следует изложение первой и второй причин. Другие наброски называются «Социализм как система или теория» и «Отнятое у Ленина время».

Поскольку для меня это единственное (за исключением еще одного) воспоминание о Ленине, которое окрашено сожалением, а также и потому, что я в долгу перед моими критиками, я чувствую, что должен побороть этот преследующий меня призрак. А для этого нужно вернуться ко времени события, о котором в печати я до сих пор упоминал всего один раз и в довольно завуалированной форме.

Хотя в книге «Русские: страна, народ и за что он сражается» я писал, что Ленин предложил создать группу для изучения марксистских идей весной, теперь я в этом не так уверен. Несомненно, это было после 1 января 1918 года, так как в этот день после митинга в Михайловском манеже я в первый раз встретился с Лениным не в официальной обстановке, и между нами состоялся живой и интересный разговор. Скорее всего, это произошло где-то между 1 января и 18 февраля, когда немцы начали наступление в России.

Надо сказать, что в течение сорока с лишним лет, которые прошли со времени моего последнего разговора с Лениным, я постоянно дополнял свои заметки о Ленине, вспоминая то какой-нибудь жест, то обстоятельства, при которых произошел тот или иной случай или были сказаны те или иные слова, то реакцию окружающих в связи с каким-нибудь действием Ленина, совершенным в моем присутствии.

Поэтому мне нет необходимости напрягать память, чтобы слова Ленина, которые я не приводил в своих произведениях, пришли мне на ум. Ленин был таким живым, он говорил так ярко, что каждое его слово было запечатлено не только в моих заметках, но и в моей памяти — значительные слова, которые с годами приобрели еще большее значение. Однако что касается дат, то я их всегда плохо запоминал.

Странно, что человек, почти лишенный способности запоминать ход времени, как это было со мной, умеет с такой безжалостной остротой ощущать его ценность. Вот главная причина, помешавшая мне воспользоваться возможностью стать учеником Ленина. В первую очередь это было бы злоупотреблением временем Ленина.

Я доволен тем, что никогда не отнимал у Ленина лишней минуты. Хотя после нашего разговора в Манеже я мог бы иметь доступ к Ленину почти в любое время, я избегал этим пользо-

ваться. Почти все мои встречи с Лениным, порой даже неожиданные, были связаны с выполнением моих корреспондентских обязанностей, а раз или два — с моими публичными выступлениями. Я никогда не стремился взять интервью просто ради интервью, никогда не заговаривал с ним сам, за исключением одного раза в коридоре Таврического дворца, никогда не начинал разговора просто так, исключая случай, когда он оказался ничем не занятым и скучал на заседании Учредительного собрания.

И не могу сказать, что такая ненавязчивость была присуща только мне. Среди иностранцев, и особенно журналистов, я, пожалуй, был исключением, но многие русские также избегали докучать Ленину. К примеру, Корней Чуковский. Мы, конечно, говорили о Ленине, когда моя жена Люсита и я в 1959 году провели в гостях у этого старейшего советского писателя день на даче в Переделкино, окруженные его юными почитателями.

— Да,— задумчиво сказал Чуковский,— я часто видел Ленина. И имел много возможностей поговорить с ним. О, у меня то время было! Но у Ленина его не было. Так как же я смел искать встречи с ним?

Если бы я стал заниматься в этой группе, то я непрестанно думал бы, с какой стати Ленин должен тратить на меня свое время и энергию? У него на плечах весь земной шар, так какое же право я имею его утруждать?

Кроме того, и у меня времени было мало. Я твердо решил покинуть пределы России к весне. А пока я колебался, не зная, что ответить Рейнштейну на предложение о занятиях, ход событий укрепил мою решимость уехать на родину.

ЛЕНИН И ВРЕМЯ

С тех пор я не раз поражался собственной самоуверенности: у меня не было времени на изучение Маркса, когда Ленин полагал, что он сумеет его найти, чтобы заниматься с нами!

Ленин и время — эта тема всегда привлекала меня и казалась мне непостижимой. Как он мог, словно никогда не торопясь и не уставая, успевать делать так много? Добиться встречи с Лениным было нелегко, но уж если он принимал человека, то отдавал ему все внимание, и время, казалось, останавливалось. Как сказал Боб Майнор, в ту пору более известный как карикатурист и журналист, Ленин умел делать так, что говорил собеседник, а сам он слушал.

Я словно вновь вижу, как Ленин пододвигает свой стул поближе к моему, а затем, задав какой-нибудь вопрос, пододвигается еще ближе! Обмениваясь впечатлениями с другими, знавшими его людьми, я обнаружил, что это была его обычная ма-

нера. Он умел заставить собеседника рассказать все, что тот знал по интересующему его вопросу, — а чем он только не интересовался! И нередко собеседники, к своему удивлению, обнаруживали, что знают больше, чем они сами подозревали. Мы были репортерами-профессионалами, но Ленин был величайшим репортером всех времен.

ЗНАЧЕНИЕ ЗАНЯТИЙ

Теперь я понимаю, что настойчивое желание Ленина создать эту группу меня просто поразило. Впрочем, не в первый и не в последний раз меня поражало, какое огромное значение большевики придавали знаниям. Вместе со снарядами на фронт посылались печатные станки. Это я еще мог понять. Но некоторым вещам я мог только дивиться, настолько они были неопостижимы.

И в нашем доме книги играли очень важную роль и оказали значительное влияние на мое духовное развитие. Мы с братом Говардом, когда еще были школьниками, за мытьем посуды наперебой читали друг другу стихи. Однако мое американское воспитание не подготовило меня к этому, очевидно специфически русскому, стремлению приобретать знания даже в тот момент, когда на собраниях и на полях сражений решались судьбы революции.

Но разве не фантастичным было для страны, прежде искусственно удерживаемой в невежестве, выдвигать на другой же день после революции программу коренных реформ в области просвещения, изложенную Луначарским в его отчете за год, закончившийся 7 ноября 1918 года? Несмотря на саботаж интеллигенции, которая прежде пользовалась неправомерной привилегией на образование и слыла в России народолюбивой, были открыты новые учебные заведения для подготовки учителей. В стране, разрушенной и голодающей, детям предоставляли бесплатное питание и выдавали бесплатно все учебники, отменили плату за обучение, а заработную плату учителям повысили в июле наполовину. И он предупредил, что увеличение бюджета за последние полгода на сумму, равную полумиллиарду долларов, является только началом, ибо только высокий уровень народного просвещения может обеспечить умелое правление народа. Сотни миллионов рабочих и крестьян, которые первые в мире взяли власть в свои руки, не сумеют сохранить ни политической власти, ни экономического управления страной, если, кроме того, народ не овладеет знаниями, говорил Луначарский.

ПОЧЕМУ ЛЕНИН ХОТЕЛ, ЧТОБЫ Я ЗАНИМАЛСЯ В ЭТОЙ ГРУППЕ

На первых порах я не хотел рассказывать друзьям в Америке о предложении Ленина заниматься в группе главным образом потому, что опасался, как бы это не показалось бахвальством. Я даже старательно объяснял, что, как ни лестно было это приглашение, хорошо зная Ленина, мы не должны проникаться слишком высоким мнением о своих персонах. С его любовью к самому процессу обучения, он с охотой стал бы заниматься с любой группой.

Мысль о создании такой группы не была у Ленина случайной: он не раз напоминал о ней Рейнштейну.

Однажды, когда Рейнштейн докладывал Ленину о тех, кого он надеялся увидеть членами группы по изучению марксизма, было названо и мое имя. Очевидно, тогда я еще не сказал Рейнштейну «нет», а возможно, и не говорил этого никогда. Я просто откладывал для себя решение этого вопроса — я собирался вернуться к нему позже. Рейнштейн рассказывал мне потом, что Ленин говорил ему тогда: Вильямсу, возможно, недостает полного понимания большевистских принципов и идей. Очевидно, поэтому я был подходящим кандидатом, и уж во всяком случае это не являлось препятствием для моих занятий в группе; отсюда я делаю вывод, что Ленин с интересом занялся бы обучением не слишком закаленного в политическом отношении американского радикала.

Конечно, он был прав: мне действительно не хватало теоретической подготовки. О марксизме я имел лишь самое поверхностное представление. Если бы я знал основы теории марксизма, я был бы в большей мере гарантирован от проявлений слабости и нерешительности. Ведь свои познания о социализме я получил только из вторых рук.

Ленину нравились небольшие группы. Интересно, что человек, который умел воодушевлять многотысячные митинги, человек, за которым в Советской России пошли миллионы, который стал теперь легендарной личностью для сотен миллионов людей во всем мире, относился к небольшим группам с таким вниманием и заботливостью.

Но почему он хотел, чтобы именно я был в этой группе? Стеффенс, на которого идея организации группы для изучения марксизма произвела особенное впечатление, любил размышлять об этом, так же как и профессор Каун.

Конечно, говорили не они, а другие — Ленин интересовался мной потому, что он хотел, чтобы всякий, кто вступает в ряды воинов революции, был хорошо подготовлен. Я слышал и другие предположения того же порядка. Но я убежден, что это было просто обычное проявление его привычки давать людям имеп-

но то, в чем они нуждались больше всего. И в этом не было ни малейшего оттенка благотворительности. Он не говорил: «Я делаю доброе дело», он просто делал его. Еще раньше он заметил, что мне мешает недостаточное знание русского языка, и посоветовал, как лучше взяться за его изучение. Теперь, видимо обдумывая наши прежние разговоры, он пришел к выводу, что мне не хватает теоретических знаний. Хотя он был вполне доволен моей деятельностью (мы с Джоном Ридом писали тексты к иллюстрированным газетам, которые затем сбрасывались с аэропланов, чтобы ветер разнес их по немецким окопам), он понимал, что марксизм я знаю недостаточно. Как он был прав! В этом отношении меня можно считать типичным американцем, и в частности типичным американским социалистом.

Я, возможно, знал больше среднего члена партии, но это не такая уж большая похвала. О диалектике, о теории, я хватался кое-каких сведений, но не больше. По темпераменту, как и большинство моих соотечественников, я предпочитал практическую деятельность.

Но это еще не значило, что я недооцениваю теорию, по крайней мере так казалось мне. Так почему же я отказался от возможности учиться у этого гения в разгар революции?

Когда в минуты самоанализа я задавал себе этот вопрос, я до подробностей припоминал, как Ленин, пододвигая свой стул поближе, задавая вопросы, казалось, постигал даже те мельчайшие частицы истины, которые еще не открыли его собеседники, словно он обладал способностью видеть их мысли и читать их. И в такие минуты я начинал сомневаться, насколько в действительности мое решение не заниматься в этой группе было порождено благородным нежеланием затруднять Ленина. А может быть, я подсознательно хотел уклониться от этого своеобразного просвечивания мозга и души рентгеновскими лучами! «Человеческий ум — великий мастер самообмана!»

«Без революционной теории, — начинается ленинская фраза, ставшая широко известной в социалистических странах, — не может быть и революционного движения»¹. Это безусловно так. Но американцы не любят теорий. Они чураются всего, что отдает теорией.

Меня покорила гуманизм революции, ее благородная цель. Встречаясь с Лениным и его женой Крупской, я убеждался, что они олицетворяют всю глубину гуманизма революции. С другой стороны, политические доктрины трогали мое сердце не больше, чем церковные догмы. Не доктрины и теория революции, а живая революция, революция, которую я видел своими глазами, пробудившая и встряхнувшая долго дремавшего колосса — народ, — вот что влекло меня. Восстание бедных

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 24. Ред.

и угнетенных, массы в движении, всеобъемлющий дух борьбы. К чему было узнавать еще что-то, полагал я, когда именно об этом я хотел рассказывать народу Америки, который думал, что революция — это насилия и убийства, творимые «красными».

В эти минуты критического самоанализа я признал, что не мог заставить себя принять четкую *систему мышления*. Виной этому я считал свое американское воспитание, прагматизм и леньность ума.

Во искупление я прочел много того, чего иначе не стал бы читать, и нашел много доказательств, что Ленин никогда не стал бы навязывать начинающим марксистам застывшие догмы, и мне стоило лишь оглянуться вокруг, чтобы увидеть, как его теории воплощаются в жизнь.

Когда спустя много лет я вспоминал ленинское предложение и старался понять, какой логикой я руководствовался в своей нерешительности, мои размышления нередко прерывались внезапно нахлынувшими волнами воспоминаний, более властных, чем логика. Мне вспоминался разговор, который во время моего второго приезда в Советский Союз, в 20-х годах, был у меня с сестрой Ленина Анной, уверявшей, что занятия с группой не только не утомляли бы Ленина, а, напротив, стимулировали бы его энергию, так как он очень любил передавать знания другим. Вспоминалось, что в одном из двух пропавших во Владивостоке писем, которые Ленин передал через меня в Америку, шла речь об этой группе по изучению марксизма. Вспоминался и случай, когда Ленин сам говорил мне, что занятия с небольшой группой были бы для него «разрядкой и отдыхом».

Позже я говорил себе: «Если он отдыхает таким способом, то есть и другие, более полезные для революции занятия, которые могут служить ему отдыхом». Но теперь я просто слышу эти слова и вижу Ленина, его чуть откинутую и склоненную набок голову, его улыбающиеся и пытливые глаза.

Еще более живо воспоминание о последней встрече с Лениным в Кремле перед моим отъездом во Владивосток, — он заговорил о том, что я уже не смогу заниматься в группе, и в его голосе я уловил искреннее сожаление. Значит, он так никогда окончательно и не отказался от этой мысли, и сознание этого особенно трогательно и дорого мне.

Даже в то время, когда я со всей самонадеянностью молодости не сомневался в своей правоте и считал, что Ленин проявил большую наивность, полагая, будто идея таких занятий осуществима на практике, я все же был растроган: это еще более подчеркивало человечность Ленина.

Он посоветовал мне поторопиться с отъездом, чтобы не встретить в Сибири американскую армию, и тут же дал понять, как он жалеет, что я не стану его учеником.

Спустя годы, всякий раз, когда я читал воспоминания Горького о том, как Ленин, гостя у него на Капри, спорил с А. А. Богдановым, употребляя «острые и тяжелые слова», а затем, оборвав язвительные нападки, «азартно играл с Богдановым в шахматы и, проигрывая, сердился, даже унывал», я восстанавливал в памяти последнюю встречу с Лениным. Вспоминал его нежелание признать — даже в апреле 1918 года, когда немцы занимали Харьков и Крым, японцы и англичане высадились во Владивостоке, — что создание этой учебной группы придется отложить.

Но тогда в словах Ленина не было и тени упрека в мой адрес. При всех наших встречах он обходился со мной как с равным, давал мне почувствовать, что я играю свою роль, важную роль в революции.

Да, я очень сожалею, что упустил замечательную возможность заниматься у Ленина — пусть бы даже состоялось не больше двух занятий. Но и простые встречи с ним вселили в меня желание служить революции, и я до сих пор считаю, что, уехав тогда на родину, я сослужил революции наилучшую службу, какую только мог. Я надеялся вернуться и вновь увидеть Ленина. То, что я не принял предложения заниматься в этой группе, не изменило наших отношений. Ленин уважал убеждения каждого человека и никого не принуждал идти дальше, чем тот сам того хотел.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

Я встречался с Лениным несколько раз и всегда по делам. Поскольку каждый раз я от него получал важные уроки (все их значение я осознал лишь позднее), я чувствую потребность поделиться своими воспоминаниями о нем и с другими товарищами.

Был 1905 год. В первых числах ноября в Финляндии происходила игра в генеральную забастовку. Эту забастовку, к сожалению, приходится называть игрой, так как она происходила без серьезных столкновений с силами царизма и задержала поэтому революционное развитие финляндского пролетариата и его партии.

После объявления забастовки оконченной мы — некоторые провинциальные деятели рабочего движения — собрались в одной из гостиниц в Гельсингфорсе. Мы обсудили положение и собрались ехать каждый на свое место, когда к нам пришел Виктор Смирнов, лектор университета, говоривший по-шведски¹. Со Смирновым был незнакомый человек, оказавшийся Лениным. Ленина мы тогда мало знали. Я с ним беседовал довольно долго. Говорили о забастовке, о социал-демократической партии и вообще о рабочем движении в Финляндии. Подробности разговора из памяти исчезли, но одно впечатление от беседы с ним осталось навсегда. Я чувствовал, что в разговоре с этим человеком невозможно обойтись одними фразами. Он так ставил вопросы и так смотрел на собеседника, что ему приходилось рассказывать все, как есть.

Он и с другими беседовал. И когда он позже жил пару недель у двух товарищей в Гельсингфорсе, он свои впечатления о них выразил в короткой фразе: «Не настоящие социал-демократы»; это была совершенно правильная характеристика вождей финляндского рабочего движения.

¹ Автор ошибается. Речь идет о Владимире Мартыновиче Смирнове. *Ред.*

К сожалению, мы его критику тогда не вполне усвоили. Ни один из нас не стал большевиком. Было у нас более умеренное и радикальное крыло; мы были готовы к революционным действиям, ожидая, что Питер даст сигнал к выступлению. Но так как этого не было, мы бездействовали и даже в дни Свеаборгского восстания, в июле 1906 года¹, мы остановились на полпути, одобрив всеобщую забастовку в Гельсингфорсе, но не распространив ее по всей Финляндии и, главное, не приняв энергичных мер к тому, чтобы воспрепятствовать прибытию в Гельсингфорс верных царизму войск.

С дискуссиями в РСДРП мы немного ознакомились через газеты. На Стокгольмском съезде² представитель финляндской социал-демократии высказался за большевистское предложение бойкота выборов в Государственную думу (у нас тоже партия бойкотировала выборы в сословный сейм), но вопрос, к кому мы примыкаем — к большевикам или к меньшевикам, в нашей партии не был поставлен. Мы издали в это время перевод «Истории РСДРП» тов. Лядова³, но для «большевизации» нашей партии это особого значения, конечно, не имело.

В 1910 году мы встретились с Лениным в Копенгагене на Международном социалистическом конгрессе⁴. Накануне открытия датская партия устроила для прибывших товарищей ужин в одной пригородной гостинице. Я сидел рядом с тов. Лениным. Когда сосед передал мне графин с водкой, я налил себе и спросил:

— Угодно вам?

— Моя партия не запрещала, — последовал ответ тов. Ленина.

Не помню, выпил он рюмку или нет. Это я забыл, но меня поразил его ответ. Откуда же он знает, думал я, что съезд Финляндской с.-д. партии в 1906 году действительно высказался за полное воздержание партийных деятелей от употребления алкогольных напитков, и почему он об этом напоминает? Только значительно позже я понял смысл замечания тов. Ленина. Он хотел мне сказать: ты должен вспомнить решения своей пар-

¹ Восстание матросов и солдат в крепости Свеаборг (близ Гельсингфорса) началось в ночь с 17 (30) на 18 (31) июля 1906 г. Восставшие выдвинули лозунги свержения самодержавия, свободы народу, передачи земли крестьянам. В поддержку восставших выступил рабочий класс Финляндии. Восстание продолжалось три дня. Общая неподготовленность выступления привела к тому, что 20 июля (2 августа) Свеаборгское восстание было жестоко подавлено. *Ред.*

² Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП состоялся в Стокгольме 10 (23) апреля — 25 апреля (8 мая) 1906 г. *Ред.*

³ Речь идет о первой части книги М. Н. Лядова «Возникновение социал-демократического движения в России (1883—1897)», изданной в Петербурге в 1906 г. *Ред.*

⁴ VIII Международный социалистический конгресс II Интернационала состоялся в Копенгагене 28 августа — 3 сентября 1910 г. *Ред.*

тии и безоговорочно их выполнить. Тогда сознание необходимости строгой дисциплины было только у русских большевиков-ленинцев.

Помню, что во время Копенгагенского же конгресса Ленин однажды задал мне вопрос, интересуюсь ли я философией. Он недавно издал свою книгу «Материализм и эмпириокритицизм»¹ и хотел узнать, какого мы о ней мнения. К сожалению, я не мог вступить в разговор на эту тему, так как «Материализм и эмпириокритицизм» читал только 10 лет спустя. У нас, в финляндской партии, не интересовались философскими вопросами, преобладала «практика». Это пренебрежение теорией отомстило за себя потом, в период революции. Вопрос тов. Ленина вызвал у меня чувство стыда: как будто он меня допрашивал — почему же вы не следите за важнейшими вопросами времени? Его книга против эмпириокритиков имела целью борьбу с идеологическим ядом, который во время реакции отравлял не только умы учащейся молодежи, но частично даже и сознание рабочих. Ленин был глубоко убежден в том, что только неуклонный и последовательный, диалектический материализм должен служить идеологической основой партии пролетариата.

Копенгагенский конгресс был одним из самых слабых конгрессов II Интернационала. У меня сложилось впечатление, что вожди социалистических партий большей частью были противниками марксизма, хоть очень мало кто из них в этом сознавался. На конгрессе не обсуждали вопроса, который тогда был самым жгучим в ряде передовых стран, — вопроса о массовом движении; под этим названием в то время фактически подразумевалась революция, о которой по цензурным соображениям открыто нельзя было говорить. Когда угрожала «опасность», что будет принята резолюция, внесенная Вайяном и Кейр Гарди, об объявлении в случае возникновения войны всеобщей забастовки, Вандервельде поспешил предложить оставить вопрос «для подготовки» Международному социалистическому бюро. Зато на такие вопросы, как кооперация, было затрачено много времени. Высказывался в комиссии по этому вопросу и Ленин².

Я был в другой комиссии и его выступления не слышал, но в личном разговоре со мной он к работе комиссии отнесся критически. Помню, например, как он критиковал выражение из внесенной резолюции: «демократизация и социализация производства и обмена», которое связывалось с ролью кооперации в капиталистических странах.

¹ Первое издание книги вышло в мае 1909 г. в московском издательстве «Звено» (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 7—384). *Ред.*

² См. об этом статью В. И. Ленина «Вопрос о кооперативах на Международном социалистическом конгрессе в Копенгагене» (Полн. собр. соч., т. 19, с. 345—354). *Ред.*

Летом 1917 года мне несколько месяцев пришлось жить в Стокгольме. У меня была задача представлять с.-д. партию Финляндии на международных совещаниях и в то же время пропагандировать идею независимости Финляндии. Представителями большевиков были Радек, Воровский и Ганецкий. Ясно стало, что только у них были определенная линия и сильные аргументы. Иногда мы встречались на совещаниях циммервальдистов.

Помню, что я как-то раз получил нелегальным путем шифрованное письмо из Финляндии, ключ к которому был во втором письме. Когда Радек прочитал небольшую записку, он обрадовался и заскакал по комнате.

— Ленин, он никогда не теряет головы, — сказал он.

Был период, когда после июльских дней Ленин жил в Гельсингфорсе и постоянно посылал руководящие письма товарищам в Россию и на Запад. Эти письма помогали выработать правильную линию в поворотные моменты борьбы и служили для товарищей поддержкой в их тяжелой работе. Я завидовал этим товарищам, имевшим такого вождя.

В середине октября я прибыл в Финляндию. Со мною приехала одна большевичка. На станции купили большевистскую газету, где была помещена статья Ленина «Кризис назрел»¹. И опять я увидел в глазах товарища, что значил Ленин для «своих».

Октябрьская революция произошла в напряженное для Финляндии время. Новый сейм, где мы больше уже не были в большинстве, обсуждал проблему верховной власти в Финляндии (буржуазные партии предлагали директорию, мы предлагали непосредственным носителем верховной власти сделать сейм). Генерал-губернатор Некрасов уехал в Петроград за директивами к Керенскому, но не вернулся. Октябрьская революция смела прочь всякого рода «губернаторов». В Финляндии вспыхнула всеобщая забастовка, которую революционные пролетарии восприняли как начало пролетарской революции.

Меня еще с одним товарищем отправили в Петроград с приветствием правительству. По грязным улицам мы шли в Смольный. Слышно было, как с Гатчинской стороны гремели пушки. Смольный был укреплен орудиями и пулеметами. Тщательно проверялись документы. Зал Совнаркома имел оригинальный вид. Нигде я не встречал такой коллекции различных стульев. Ленин вместе со Сталиным находился в «кабинете» (небольшая комната, где за перегородкой видны были очень скромные постели).

¹ Статья «Кризис назрел» была опубликована в газ. «Рабочий путь» № 30 от 20 (7) октября 1917 г. (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 272—283). *Ред.*

— Нет,— сказал Ленин,— поздравления пока преждевременны: Керенский еще не побежден.

И он начал говорить о делах:

— Как у вас? Будете брать власть?

Мы ответили, что захват власти принципиально решен... (Позже оказалось, что власти мы не захватили — сдрейфили.) Потом говорили о возможности получения продуктов (масла, молока и пр.) из Финляндии. Простились и вернулись домой.

Из книги Линдхагена, бургомистра Стокгольма, о его поездке в Россию я уже позже узнал, что Ленин спустя несколько недель с резкой критикой отозвался о руководителях рабочего движения Финляндии.

Белые писатели утверждают, будто революция в Финляндии (в январе 1918 г.)¹ была «решена» в Петрограде и проведена финскими «большевиками». К сожалению, мы не были большевиками: если бы мы ими были, мы бы лучше руководили революцией. Гражданская война в Финляндии была начата белыми, и рабочий класс очутился в оборонительном положении (по Марксу, это губительно для революции²).

Несколько раз мы во время нашей революции были у Ленина, но времени для обсуждения теоретических вопросов не было. Говорили только о делах. Переговоры о заключении договора между обоими красными правительствами велись товарищем Гюллингом³. Я в них не участвовал. В связи с этим вопросом Ленину приходилось бороться как против великорусского, так и против финского шовинизма.

После поражения, когда мы очутились в Петрограде, тов. Ленин уже был в Москве⁴. «Как дела у финских товарищей, станут ли они коммунистами?» — такие вопросы он задавал финским рабочим. Летом 1918 года мы с тов. Куусиненом могли ему сообщить, что намерены создать коммунистическую партию. Мы обсуждали проблему организации партии, и в дальнейшем он всегда помогал нам советом и делом.

В конце августа у нас был учредительный съезд Коммуни-

¹ Рабочая революция в Финляндии победила 15 (28) января, на следующий день было образовано революционное правительство — Совет народных уполномоченных. В начале мая 1918 г. революция была подавлена. *Ред.*

² См. *Энгельс Ф.* Революция и контрреволюция в Германии (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 8, с. 100). *Ред.*

³ Гюлинг Эдвард (1881—1944) — деятель финского рабочего движения. С 1918 г. — член Коммунистической партии Финляндии, был членом ее ЦК. С 1920 г. — член РКП(б), руководящий советский работник.

«Договор между Российской и Финляндской социалистическими республиками» был подписан 1 марта 1918 г. специальной комиссией во главе с В. И. Лениным (см. Декреты Советской власти, т. 1. — М., 1957, с. 503—510). *Ред.*

⁴ Советское правительство переехало из Петрограда в Москву 11 марта 1918 г. *Ред.*

стической партии Финляндии¹; мы ждали приезда Ленина к нам. Но в тот же день произошло покушение на его жизнь². Когда мы получили известие о происшедшем, мы решили послать ему открытое письмо.

Через несколько дней мы приняли составленный тов. Куусиненом проект документа, в котором после резкой критики наших ошибок был освещен опыт финляндской революции и даны те принципы, которые должны быть положены в основу деятельности нашей партии. Мы признали, что прав был Ленин, когда осенью 1917 года призвал финских товарищей к захвату власти, и выражали желание еще долго видеть его во главе революционного движения пролетариата и трудящихся всего мира³. В. И. Ленин стал для нас дорогим вождем, каждое слово которого открывало нам новые горизонты.

Снова мы встретились на учредительном съезде Коминтерна в 1919 году⁴. Как странно, что еще в 1915 году Циммервальдская левая объединяла только 4—5 групп и кроме большевиков едва ли члены каких-либо других из этих групп были настоящими марксистами и спустя только год с лишним после Октябрьской революции могла быть организована международная конференция единомышленников Ленина. Затруднения по созыву I конгресса были не только технические (хотя и эти затруднения были довольно велики). Главным препятствием являлось то, что на Западе не было достаточного количества товарищей или групп, которые хотя бы немного были подготовлены теоретически и организационно. Тогда, в марте 1919 года, нас собралась небольшая группа, но так как представитель германской партии колебался, Ленин серьезно задумался над вопросом, можно ли уже немедленно поставить вопрос о создании Коммунистического Интернационала. Конференция все-таки объявила себя учредительным съездом Коминтерна, и скоро стало ясно, что это решение было правильным.

Мы жили в каких-то пустых комнатах, говорили, что они принадлежали в прошлом великим князьям. Там разместились прибывшие из-за границы (из Германии, Норвегии, Швеции, Австрии, Голландии) товарищи, которые уже некоторое время жили в России как эмигранты. Все они были левые, на различных стадиях «большевизации». Все они называли себя комму-

¹ Коммунистическая партия Финляндии была создана 29 августа 1918 г. *Ред.*

² 30 августа 1918 г. после выступления на митинге рабочих завода бывш. Михельсона (ныне завод имени Владимира Ильича) В. И. Ленин был тяжело ранен эсеркой-террористкой Ф. Каплан. *Ред.*

³ «Открытое письмо учредительного съезда Коммунистической партии Финляндии к товарищу Ленину» см. Куусинен О. В. Избранные произведения.— М., 1966, с. 13—23. *Ред.*

⁴ I конгресс Коммунистического Интернационала состоялся 2—6 марта 1919 г. в Москве. *Ред.*

нистами. Но вряд ли они давали себе полный отчет в том, что собою коммунизм представляет. Нас посещали многие деятели российской революции, они давали нам объяснения по отдельным вопросам и отвечали на наши вопросы.

В один из вечеров к нам пришел тов. Ленин. Пил чай и разговаривал о разных вещах. Вскоре он ударил по больному для нас месту: как с крестьянским вопросом? Ответы были неопределенные. Стало ясно, что об этом раньше недостаточно думали. Все чувствовали, как это обыкновенно бывало при беседах с ним, что вопросы его поставлены так, что мы должны знать, как на них ответить. Но ответить как следует мы не смогли. Он поручил нам дать ему короткие письменные объяснения, в каком состоянии находится аграрный вопрос в наших странах и какие встают задачи и проблемы в этой области. Каждый из нас решил про себя тщательно изучить этот вопрос.

Один из наших переводчиков пришел однажды вечером домой и с восторгом показал тезисы, которые он получил для перевода. «Старик» их писал в предыдущую ночь. Это были знаменитые тезисы о буржуазной демократии и о пролетарской диктатуре, которые стали одним из основных документов Коминтерна¹.

22 апреля 1920 года Ленину исполнялось пятьдесят лет. За несколько дней перед этим была партконференция, и близкие товарищи решили устроить ему небольшое «чествование»². Заседание приближалось к концу, слово дали тов. Преображенскому, который известил об этом собрание. Но когда Каменев начал свою речь, кто-то из канцелярии принес Ленину бумаги. Несмотря на возгласы: «Просим!», «Просим!», он указал на бумаги и, сказав: «Дела!», ушел. Когда дела требовали, никто и ничто его не могло удержать. Каменеву пришлось заявить:

— Пусть уходит, легче говорить о нем.

Раздался смех. Когда краткие речи были окончены, тов. Ленин возвратился в зал и попросил слова. Его встретили аплодисментами. Но он вносит деловое предложение о переводе одного из кандидатов ЦК в члены. В конце концов чествовать его оказалось невозможно. Он не стеснялся и не отговаривался, но он вел себя так, что «торжества» не получилось.

Весной этого же года из Стокгольма приехал тов. Гюллинг по вопросу о создании Карельской автономной республики. Мы были у Ленина, он нас очень подробно расспрашивал, что мы

¹ Текст тезисов на русском и немецком языках был предварительно роздан делегатам конгресса. «Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта» (1919 г.) см. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 37, с. 491—509. *Ред.*

² Автор ошибается: описываемое им чествование В. И. Ленина происходило 5 апреля 1920 г., после окончания работы IX съезда РКП(б). *Ред.*

знаем о Карелии и что мы предлагаем в отношении нее про- вести.

— Вы верите, что это дело пойдет?

Я признался, что у меня есть сомнения: мало рабочих, национального же пролетариата вообще нет. Мало работников. Но тов. Гюллинг верил и был готов приняться за дело. Он был уверен в том, что автономия будет служить толчком для рабочих и крестьян Карелии, побудит их к усилению борьбы за культуру и укрепление Советской власти.

Тов. Ленин внимательно слушал. Он видел человека, у которого есть положительная идея и который готов работать для ее осуществления. Таким товарищам надо дать возможность себя проявить. И через несколько дней, в течение которых дело всесторонне разбиралось, у тов. Гюллинга было на руках постановление президиума ВЦИК о создании Карельской трудовой коммуны. Он уехал на место работы, и скоро стало ясно, что идея осуществления Карельской автономии была правильна¹.

Я был у тов. Ленина, когда только что было сломлено деникинское наступление. Он получил сведения об этом по телефону. Когда раздался звонок, он взял карту, развернул ее и с интересом принял сообщение о продвижении красной конницы. Показав мне на карте соответствующие места, он кратко сообщил последние новости. Видно было, как зорко он следил за событиями, как тщательно проверял выполнение задания. Потом он стал спрашивать, как идет изучение опыта финляндской революции; хотел знать, что писал о ней шведский полковник Ялмарсон, который служил в белой армии. Я кратко передал.

— А по-немецки имеется что-нибудь?

— Да, написал свои мемуары и граф фон дер Гольц, командующий немецкими войсками в Финляндии.

Ленин высказал пожелание ознакомиться с этой книгой; я ее приобрел для него². Так подробно знакомился он с опытом гражданской войны. Непонятно только, как он находил на все это время.

Очень характерный случай был как-то раз, когда в самое тяжелое время я опять находился в его кабинете. Телефон звонил почти непрерывно — позже звонок был заменен электрической лампочкой. Говорили о топливе, я слышал только ответы тов. Ленина. Черты его лица стали строгими. Он диктовал кратко, как будто это был декрет или приказ.

¹ Декрет ВЦИК «Об образовании Карельской Трудовой Коммуны» от 8 июня 1920 г. см.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства, 1920, № 53, 14 июня, с. 234, ст. 232. *Ред.*

² В личной библиотеке В. И. Ленина в Кремле хранится книга: Goltz R. Meine Sendung in Finland und im Baltikum.— Leipzig, 1920. 312 S. *Ред.*

— Задание должно быть выполнено полностью. Без вознаграждения. Не можем сейчас.

Эти краткие приказания закаляли волю какого-то колеблющегося комиссара. Только Ленин был в состоянии требовать сверхчеловеческого напряжения. Так, и только так, была спасена великая революция.

Последний раз я видел тов. Ленина осенью 1921 года¹: он вызвал меня к себе, чтобы узнать о тех американцах-финнах, которые стояли во главе концессии Кузбасса, и о тех, которые их рекомендовали. Никогда не забуду его взгляда, когда он закрыл один глаз, кажется левый, и другим пронизывал меня. Я чувствовал, что лучше говорить о делах так, как они есть. Кажалось, если не все скажешь, он все-таки то, что ему нужно, узнает. Он подчеркивал, что дело очень важное и что на это потрачено много средств. Необходимо, чтобы люди, которым мы доверяем это дело, были вполне надежные.

Потом мы говорили о высказываниях Маркса и Энгельса по вопросам диктатуры пролетариата и революции. Некоторые из них в его книге «Государство и революция» не освещены. Я хотел узнать его мнение о них. Он наметил ряд высказываний, которые следовало бы еще прокомментировать. На этом и закончилась моя, к сожалению, последняя беседа с тов. Лениным.

*Пролетарская революция, 1930,
№ 1, с. 78—84*

¹ Ю. Сирила был принят В. И. Лениным 12 ноября 1921 г. *Ред.*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ФИНСКОГО МИНИСТРА

Во второй половине декабря 1917 года, помнится, числа 26-го, я получил от сената распоряжение прибыть в Хельсинки. Приехав в Финляндию, я узнал, что вопрос идет о том, чтобы правительство Финляндии обратилось к Совету Народных Комиссаров РСФСР с просьбой признать ее независимость. Прошло уже три недели с момента провозглашения независимости Финляндии, но признания этой независимости ни от одного государства не последовало. Некоторые государства вообще не имели желаний признать независимость нашей страны. По мнению одного из наших представителей за границей, там стали на ту точку зрения, что признанию нашей независимости другими странами должно предшествовать признание этой независимости Россией. Таким образом, признание со стороны России было для нас очень важным.

...Сенат решил, что Энкелю и мне следует встретиться с Лениным и выяснить, как отнесется Совет Народных Комиссаров к просьбе о признании независимости Финляндии, если к нему с этим обратятся.

ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ СМОЛЬНОГО

Смольный институт — бывшее императорское учебное заведение для дочерей дворянства. Это большое каменное здание, к которому примыкают два боковых флигеля. Перед зданием — обширный двор. У главного входа — крытый подъезд. Мы вошли в высокий просторный вестибюль. У входа в длинный коридор стояли два солдата с винтовками, следя за тем, чтобы туда не входили посторонние. При входе в Смольный посетителю полагалось сначала пройти в комнату налево, где выдавался пропуск. В них указывался номер комнаты, в которую получивший разрешение имел право пройти. Но нам пропуска не

понадобились. Смилга¹ имел постоянный пропуск. Он сказал охране, что мы являемся представителями сената Финляндии и следуем с ним.

Широкие коридоры здания представляли необычайное зрелище. Они были заполнены разными людьми. Тут были солдаты, матросы, рабочие, красногвардейцы, женщины и даже дети. В толпе можно было видеть и представителей интеллигенции. Люди приходили в Смольный по самым разнообразным делам... Смольный был в первое время тем местом, где концентрировались и решались все вопросы.

Итак, самые разнообразные дела приводили людей в эту штаб-квартиру красной революции. Мы со своей стороны явились сюда, чтобы получить документ, признающий независимость Финляндии. Прямо в коридоре стояли длинные столы, на которых лежали издаваемые коммунистами книги, журналы, газеты...

Смилга провел нас на второй этаж. Пройдя через несколько комнат, охраняемых красногвардейцами, мы вошли наконец в приемную Ленина. Смилга попросил нас подождать, а сам прошел в кабинет, чтобы доложить о нашем прибытии. В ожидании возвращения Смилги мы наблюдали за тем, что происходит в приемной, за людьми, то и дело проходившими через нее. Ждать пришлось три часа. За это время наш внимательный спутник дважды приходил к нам и просил извинения, что нас не могут принять сразу. Да и сам Ленин выходил в приемную, чтобы переговорить о чем-то с машинисткой и худощавым молодым человеком, оказавшимся секретарем правительства Горбуновым. Ленин, очевидно, уже знал, кто мы такие, — это видно было по взгляду, которым он нас несколько раз окинул. Мы тоже с любопытством его разглядывали, узнав по фотографиям.

Прождав некоторое время и поняв, что нас примут не скоро, мы решили устроиться поудобнее. В правом углу комнаты возле окна стоял потертый диван. На нем дремали два солдата, из которых один исполнял обязанности вахтера. На этом диване устроились и мы. Отсюда была хорошо видна вся приемная. Ошибется тот, кто подумает, что эта комната чем-то напоминала канцелярию. Голые, когда-то побеленные, но потемневшие от времени стены, два простых деревянных стола, несколько стульев, две пишущие машинки, вешалка и диван — вот и вся обстановка этой просторной комнаты.

К постоянным обитателям этого помещения кроме нашего соседа по дивану — солдата относились еще две женщины, юноша и совсем еще молодой парнишка. В приемную вошли две поварихи и попросили машинисток напечатать отчет об использованных ими продуктах. Эта просьба была исполнена, и отчет

¹ Смилга И. Т. (1892—1938) был в то время уполномоченным СНК РСФСР в Финляндии. *Ред.*

поварих печатался с такой тщательностью, как будто речь шла о правительственном документе. Одна из женщин-машинисток вступила в горячий спор с Горбуновым, который потребовал, чтобы она перепечатала заново какую-то бумагу. Женщина грозила пожаловаться на своего начальника в какую-то комиссию. Горбунов все же настаивал, чтобы бумага была отпечатана по форме. Барышня утверждала, что для данного случая никакой формы не предусмотрено. Чем кончился этот спор, я уж не помню. В течение дня в приемную приходили самые разные люди по самым разнообразным делам.

Пусть читатель извинит меня за то, что ему пришлось вместе с нами ждать, пока наконец не пришел Смилга и не проводил нас к Ленину. Причиной столь длительного ожидания явилось, очевидно, то, что сенат еще не обращался по этому вопросу в Совет Народных Комиссаров. Следует упомянуть, что сначала мы несколько растерялись, не зная, снять ли нам верхнюю одежду. Ведь в Смольном все ходили в полной амуниции и даже в калошах. Мы все же решили из вежливости снять пальто. Нас провели в соседнюю комнату, из которой дверь вела в другую. Перед ней стоял часовой, вихрастые кудри которого спускались из-под шапки на лоб. Мы вошли в эту комнату, и нам навстречу поспешил Ленин. Меня охватило какое-то замешательство от того, что этот человек, какого бы мнения мы ни были о его учении, но который оказывает столь большое влияние на судьбы своего обширного отечества, производил столь скромное впечатление. Он был среднего роста, лысый, на висках немного рыжеватых волос, короткая, редкая рыжеватая бородка. По острым и умным глазам было видно, что этот человек обладает большой силой воли. Речь его была проста и естественна, как и все его поведение. Тот, кто его не знал, никак не мог бы предположить, какая это сильная личность...

Ленин принял нас дружелюбно и извинился, что нам пришлось долго ждать.

Комната, в которой мы находились, была разделена дощатой перегородкой на две части. В одной из них за столом сидели два человека. Ленин попросил нас пройти на другую половину, которая, очевидно, считалась «святая святых». Правда, эта комната ничем не отличалась от других комнат Смольного и была такой же простой, как и остальные: побеленные стены, деревянный стол и несколько стульев.

Мы сели, Энкель стал подробнейшим образом докладывать о ходе событий в Финляндии после Ноябрьской революции и о том, как эти события привели к провозглашению независимости. Он объяснил также, почему правительство Финляндии не сразу обратилось к Советскому правительству. Ждали созыва Учредительного собрания. Все предшествующие правительства России утверждали, что только Учредительное собрание имеет

право согласиться с нашим желанием. Но поскольку сейчас не известно, соберется ли вообще Учредительное собрание, а если и соберется, то будет ли оно жизнеспособным, сенат Финляндии решил обратиться к Совету Народных Комиссаров.

Ленин ответил на это, что Учредительное собрание будет, конечно, созвано в ближайшее время, «но сенат должен сам решить, как действовать и к кому обратиться». Если он обратится к Совету Народных Комиссаров, то тот, несомненно, немедленно признает независимость Финляндии. По существующему законодательному порядку решение Совнаркома должно быть утверждено Центральным Исполнительным Комитетом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ленин был уверен, что и здесь не будет никаких препятствий. Посоветовавшись с Лениным по ряду других вопросов, мы простились, обещав, что доведем его ответ до сведения правительства Финляндии.

ПРИЗНАНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ФИНЛЯНДИИ

В следующей поездке в Петроград принял участие вместе со мной и сенатором Энкелем также председатель сената и премьер-министр Свинхувуд.

...На следующий день вечером мы снова отправились в Смольный, но там нам опять пришлось ждать три часа. Несмотря на позднее время, здесь царило большое оживление. Люди приходили и уходили. На этот раз в приемных мы видели не только рабочих, красногвардейцев, солдат и матросов, их жен и других женщин, но и малолетних детей, из чего мы заключили, что некоторые работники живут здесь постоянно. Иначе вряд ли дети находились бы так поздно в Смольном. В некоторых помещениях, через которые мы проходили, мы видели спящих на длинных столах солдат. Ожидание затянулось. В помещении было так холодно, что, несмотря на нашу теплую одежду, нам приходилось постоянно двигаться, чтобы немного согреться.

По нашему календарю это был как раз канун Нового года, русский календарь отставал тогда от нашего на 13 дней. Мы с любопытством ожидали, в каком году — в 1917 или в 1918 — Совнарком вынесет свое решение.

За несколько минут до полуночи дверь отворилась, в комнату вошел Бонч-Бруевич¹ и передал нам документ, подписанный народными комиссарами. В нем было сказано: «...Совет Народных Комиссаров, в полном согласии с принципами права наций на самоопределение, постановляет:

¹ Бонч-Бруевич В. Д. (1873—1955) — член партии с 1895 г. Активный участник Октябрьского восстания в Петрограде, был председателем комиссии по борьбе с погромами, бандитизмом и контрреволюцией, одновременно — управляющий делами Совнаркома (до октября 1920 г.). *Ред.*

Войти в Центральный Исполнительный Комитет с предложением:

а) признать государственную независимость Финляндской Республики

и б) организовать, по соглашению с финляндским правительством, особую комиссию из представителей обеих сторон для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России»¹...

Бывший в то время нарком юстиции РСФСР И. Штейнберг в своих воспоминаниях рассказывает о подписании этого документа членами Совета Народных Комиссаров:

«Мы встали один за другим и с чувством особого удовлетворения подписали признание независимости Финляндии. Мы знали, конечно, что нынешний герой Финляндии Свинхувуд, которого царь в свое время угнал в ссылку, был нашим явным общественным противником. Но поскольку мы освободили Финляндию от гнета России, то в мире стало одной исторической несправедливостью меньше».

Врученное нам решение было отпечатано на четверти листа плотной шелковой бумаги.

Получив документ, мы несколько изумились, так как не ожидали, что признание будет получено так быстро.

Нечего и говорить о том, какое величайшее удовлетворение и радость испытали мы тогда, получив это первое признание независимости Финляндии. Исполнилась заветная мечта всего народа Финляндии. Естественно, что нас охватило чувство благодарности к правительству Ленина, которое без всяких условий признало независимость нашего народа. У нас явилось желание выразить благодарность лично Ленину. Энкель передал нашу просьбу Бонч-Бруевичу, но тот сначала стал возражать. Ленин в этот момент был на заседании Совета². Энкель повторил просьбу, сказав, что, может быть, Ленин найдет пару минут, чтобы выйти к нам.

Спустя минуту Ленин вышел. Улыбаясь, он спросил, довольны ли мы. «Очень даже довольны», — ответил Свинхувуд. Встреча Ленина со Свинхувудом, несомненно, была, если ее сравнить со встречами двух руководителей государств в ином мире, весьма оригинальной. Когда Ленин вышел и мы подошли к нему, вокруг нас собрались присутствовавшие там солдаты, матросы и другие люди, наблюдавшие с любопытством за нашим разговором, из которого они сразу поняли, что Совет Народных Комиссаров только что признал независимость Финляндии и что про-

¹ См. Документы внешней политики СССР, т. 1. — М., 1957, с. 71. *Ред.*

² 18 (31) декабря 1917 г. и в ночь на 19 декабря (1 января 1918 г.) В. И. Ленин председательствовал на заседании Совета Народных Комиссаров. *Ред.*

ведшие здесь несколько часов иностранцы — делегация, представляющая сенат Финляндии.

Все казались довольными. Нам пожимали руки, выражая радость по поводу «мероприятия Ленина».

Возможно, что на признание Россией независимости Финляндии в значительной степени повлиял лично Ленин, отношение которого к Финляндии уже в течение двух десятилетий было весьма благожелательным.

Свинхувуд той же ночью специальным поездом выехал в Хельсинки, захватив с собой заверенную моей и Энкеля подписью копию признания.

В те годы истории были известны лишь редкие случаи, когда какое-либо государство признавало независимость принадлежащей ему страны. Финляндия имела основания быть благодарной Совету Народных Комиссаров и Центральному Исполнительному Комитету за признание ими нашей независимости. Она обязана этим всем русским ученым, юристам, журналистам и другим, которые при старом режиме защищали права Финляндии и признавали незаконным лишение ее независимости.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВСТРЕЧАХ С ЛЕНИНЫМ

В 1917 году я находился в Одессе, где руководил румынским революционным центром и газетой «Лупта» («Борьба»). Сразу же после 25 октября (7 ноября) я решил поехать в Петроград, чтобы согласовать с Советом Народных Комиссаров, возглавляемым Лениным, нашу революционную деятельность на юге.

В начале декабря 1917 года я отправился из Одессы и через три дня приехал в Петроград.

После приезда я немедленно зашел в Народный комиссариат по иностранным делам и передал народному комиссару два экземпляра длинной докладной записки: один для него, другой для Ленина.

Последующие дни я провел в архиве Народного комиссариата по иностранным делам, где просматривал документы и дипломатическую корреспонденцию относительно вступления Румынии в войну в 1916 году.

Однажды утром в моем номере гостиницы «Астория» зазвонил телефон. Телефонистка сообщила, что меня вызывает Ленин, который прислал за мной машину. Через пять минут я был в Смольном. Шофер выполнил некоторые формальности, и мы вошли в большую, светлую канцелярию, где за письменными столами сидели машинистки. Шофер зашел в соседнюю комнату.

...Ленина я до этого не знал и никогда не видел. Сажу в комнате и жду приема. В двери, за которой исчез шофер, появился мужчина средних лет, одетый в обычный черного цвета костюм; у него был круглый большой лоб, маленькая бородка, в руках листок бумаги. Я принял его за секретаря, который должен проводить меня к Ленину. Мы дружелюбно посмотрели друг на друга, тепло пожали друг другу руки и, не говоря ни слова, вошли в комнату Ленина — «секретарь» впереди, я за ним. Но там никого не было. А не Ленин ли это? — подумал я. Видимо, да. Войдя в комнату, он остановился у круглого столика и без излишних формальностей приступил к делу, начав читать некоторые отрывки из того самого листка, который был у него в руке. Очарованный этой простой манерой Ленина знакомиться и за-

вязывать беседу, я по-французски изложил свое мнение по поводу того, что он мне прочел. Ленин принял во внимание сказанное мною и, взяв со стола ручку, зачеркнул две-три строчки в резолюции, которую он мне прочел. Потом мы обменялись мнениями относительно положения в Румынии и на Балкапах.

В этот момент кто-то вошел в кабинет и сразу же доложил, что прошлой ночью какая-то банда напала на итальянское посольство (это было дело рук контрреволюционеров: они организовывали не только беспорядки, но и вызывали трудности вплоть до дипломатических конфликтов в отношениях с иностранными державами). Раздосадованный сообщением, Ленин сел на стул и потребовал, чтобы ему рассказали все подробно; затем он отдал распоряжения.

После этого наше свидание окончилось. В памяти навсегда остались черты лица этого человека, одухотворенные глубокой мыслью и внутренней энергией.

Уходя, я еще раз окинул взглядом обыкновенную комнату в Смольном, разделенную на две части: «кабинет» и «спальню», — в которой Ленин работал и жил в первые недели революции.

Это был наблюдательный и командный пункт высшего командира пролетарских войск, который вел себя непоколебимо и уверенно, несмотря на большие революционные потрясения, и который открыл своей стране и человечеству новую эру.

* *
*

Второй раз я видел Ленина на первом и последнем заседании Учредительного собрания. Ленин присутствовал на заседании вместе с другими членами правительства, но прямого участия в дискуссии не принимал. Тем не менее его руководящая роль была очевидна. Взгляды всех сидящих в зале участников собрания и публики, которая до отказа забила отведенные ей места и напряженно следила за грандиозными спорами, были прикованы к нему. На него же смотрел и я...

* *
*

На заседании III Всероссийского съезда Советов Ленин — этот блестящий оратор, вызвавший у присутствовавших в набитом до отказа зале бурю аплодисментов и возгласы «ура», радостный и возбужденный говорил о причинах победы Советской власти, ее успехах¹; он сказал, что новое пролетарское государство доказало свою жизнеспособность тем, что уже превзошло другое известное в истории пролетарское государство —

¹ III Всероссийский съезд Советов заседал с 10 (23) по 18 (31) января 1918 г. в Таврическом дворце. В. И. Ленин выступил на заседании съезда 11 (24) января с докладом о деятельности Совета Народных Комиссаров (см. Полн. собр. соч., т. 35, с. 261—279). *Ред.*

Парижскую коммуну — на 5 дней. В его ясном предвидении эти 5 дней превращались в многие недели, месяцы, годы, десятилетия и, наконец, в века; они были гарантией непобедимости Советской власти.

Я сидел вблизи трибуны и следил за докладом оратора и за самим оратором; в это время какой-то художник искусно делал наброски карандашом на листке своего блокнота — он рисовал стоявшего на трибуне Ленина в различных положениях и позах.

Во время этого съезда Советов я встречал Ленина несколько раз после заседаний в коридоре, который вел к выходу. Еще издали он улыбался и, здороваясь за руку, обменивался со мной двумя-тремя фразами и направлялся к выходу, где его ожидала машина.

* *

*

Немногим более чем через месяц после этого съезда я увидел Ленина снова. Это было в середине февраля 1918 года. Я был вызван в Смольный как-то вечером. Заседание Совета Народных Комиссаров затянулось и шло уж довольно долго. Около двух часов ночи Ленин вышел из зала заседания; он сообщил мне, что решено создать коллегия по руководству борьбой против контрреволюции на юге и что я избран членом этой коллегии. Владимир Ильич опять заинтересовался положением в Румынии и перспективами борьбы на юге. Затем вручил мне документ о назначении в этот важный орган¹; мы пожали друг другу руки и тепло распрощались. Это был день, когда я последний раз говорил с Лениным и пожал его руку...

Я хранил этот ленинский документ, как сокровище. И всякий раз, когда я читал и перечитывал его, смотрел на подпись Ленина на нем, передо мной вновь и вновь возникал вдохновляющий образ этого великого человека, и мне казалось, что он рядом со мной.

Но когда я скрывался от белогвардейской контрразведки в курортном местечке Балаклава на берегу Черного моря, недалеко от Севастополя, мне пришлось спрятать этот документ, чтобы он не попал в руки врагов. Последовавший затем арест помешал мне взять его из потайного места.

И если в Балаклаве еще сохранился дом, принадлежавший тогда какому-то железнодорожнику, а в этом доме — зеркало, то за ним и поныне, может быть, еще лежит никому не известный, пожелтевший от времени документ, подписанный самым великим человеком нашего времени.

*О Ленине: Воспоминания зарубежных современников. Изд. 2-е.
— М., 1966, с. 230—233*

¹ Удостоверение о назначении СНК Михая Бужора комиссаром-организатором по русско-румынским делам на юге России было подписано В. И. Лениным 16 (29) января 1918 г. *Ред.*

ТРИ ВСТРЕЧИ С В. И. ЛЕНИНЫМ

С 1915 по 1918 год я был на военной службе. В 1917 году меня зачислили в так называемую «Дирекцию хозяйственной охраны» при военном министерстве¹, главная задача которой состояла в заботах о продовольствии для армии и населения. В этом же году меня командировали от дирекции в Стокгольм для закупки разных сельскохозяйственных машин и предметов потребления.

В Стокгольме я встретился с некоторыми старыми товарищами и знакомыми: Воровским, стариком Аксельродом и др. Бывая часто по службе в Берлине, я оказывал мелкие услуги В. В. Воровскому, поддерживавшему через меня связь со спартаковцами (Тышка).

В конце 1917 года во время брестских переговоров меня командировали в Комиссию по обмену военнопленными и Комиссию по экономическим вопросам графа Мирбаха (впоследствии посла Германии в Москве) со специальным заданием — вести переговоры с большевистским правительством об отпуске из южных русских портов зерна и керосина для уже голодавшей Болгарии. Уезжая из Стокгольма, я получил задание от Воровского встретиться с Эдуардом Фуксом², тогда спартаковцем, и сообщить ему о том, что еду в Петроград. Фукс свел меня сначала с группой спартаковцев, а потом устроил мне свидание с Тышкой и Мерингом, которых я знал еще с 1910 г. Меринг был очень сдержан, посылал лишь приветы «русским друзьям». Тышка, наоборот, говорил много о трудностях борьбы для «интернационалистов» в Германии, где разгром России³ приподнял значительно военное настроение, и просил это передать Ленину.

¹ Болгарии. *Ред.*

² Фукс Эдуард (1870—1940) — рабочий по происхождению, затем публицист; был членом КПГ. С 1933 г. находился в эмиграции. *Ред.*

³ Автор, по-видимому, имеет в виду разгром войск Временного правительства летом 1917 г. *Ред.*

Помнится, когда я встретился в первый раз с Владимиром Ильичем в Смольном, рассказ мой о встрече с Тышкой и Мерингом на него произвел довольно кислое впечатление, и он даже не хотел верить и несколько раз спрашивал: «Так и сказал: «интернационалистам» трудно бороться?».

Не помню, Меринг ли мне посоветовал встретиться с Каутским, но я с «независимыми» встречался перед отъездом в Петроград несколько раз, в том числе один раз на квартире у Гаазе, где собрался весь их ЦК. Каутский тогда настаивал на том, что нужно сказать Ленину — не рассчитывать на какую-либо революционную помощь со стороны Германии. «Немецкий народ — не революционный народ. Положение в стране не может стать более плохим, чем в настоящий момент, и тем не менее народ за войну и плетется в хвосте господствующих и военных классов. Пусть русские рассчитывают только на свои силы и не строят себе иллюзии насчет помощи из Германии». Такое решение было принято на этом заседании ЦК «независимых», и меня просили сообщить его «русским товарищам». «Независимые» советовали также не идти на мир с немцами, считая, что мир с Россией еще более укрепит военщину в Германии.

В Петрограде я из Английской гостиницы созвонился с В. И. Лениным, который прислал за мной из Смольного машину. Владимир Ильич в течение более чем двухчасовой беседы страшно интересовался положением в Германии; я был подвергнут буквально ураганному обстрелу. Ленин хотел знать все до мельчайших подробностей. Когда я ему передал «приветы» «независимых» социал-демократов и особенно предупреждения Каутского, Владимир Ильич разразился саркастическим смехом, назвав Каутского «старым ослом», а независимцев старыми трусами, не видящими и не понимающими, что делается в Германии. На мои возражения, что до восстания или бунта в германской и среднеевропейского союза армиях, пожалуй, еще далеко, ибо, по моим наблюдениям, унтер-офицеры в германской армии в огромном большинстве социал-демократы, сознательно выступающие за продолжение войны и поддерживающие веру в конечную победу среди массы солдат, Владимир Ильич отвечал с невероятной силой убеждения, что я поражен тем же дальтонизмом, что и Каутский и «независимые», и что тоже не вижу, что происходит в недрах германского народа.

— Германская революция, восстание армии и голод народа у них на носу, а они, эти старые бабы и трусы, клеветают на немецкий народ и объявляют его неспособным к революции, — повторял Владимир Ильич.

При этом Ленин и меня крепко пристыдил. А когда я хотел было спрятаться за тем, что говорил мне Тышка, то Владимир Ильич совсем рассердился и заявил, что «это» — совсем другое

дело, ибо «трудно бороться» вовсе не значит «нельзя или не нужно бороться» и то, что сегодня «трудно», завтра может стать «легко», как показала Октябрьская революция. Если же Тышка тоже не верит в близкую революцию в Германии, говорил далее Ленин, то это показывает, что спартаковцы не связаны с массами и также не видят, что в их рядах делается, а именно, что Германия накануне революционных событий.

В связи с этим разговором я передал В. И. Ленину, что в среде германских высших военных кругов многие уже не верят в победный конец войны, и цитировал ему мнение квартирмейстера германских войск, потерпевших поражение на Марне, полковника Генча, с которым я познакомился в Бухаресте, где он — в наказание за Марну — находился как бы в ссылке в административно-военном управлении Румынии. Генч говорил, что война была окончательно проиграна на Марне и что ее нужно кончать как можно скорее и любой ценой, ибо иначе ее могут кончить по-своему сами солдаты.

— Вот этот Генч — умница, в тысячу раз умнее всех Каутских и Гаазе! — воскликнул Владимир Ильич, обрадовавшись. — Вот вы и увидите, что он окажется прав, а все «независимые» останутся трусливыми старыми «зайцами»! (По-немецки зац — гаазе.)

Слова вождя оказались пророческими в буквальном смысле слова. Вскоре после этой беседы имели место бунты немецких матросов и забастовки рабочих на военных предприятиях, а через год вспыхнула и немецкая революция. Помню, что, когда в феврале 1918 года я прощался перед отъездом из Петрограда с Владимиром Ильичем, он с особенным удовлетворением указывал на бунт матросов и на забастовки, подтвердившие отрыв немецких социал-демократов от массы солдат. На этом же прощальном свидании В. И. Ленин дал мне некоторые поручения для тов. Тышки, смысл которых состоял в том, что немецкие товарищи не должны забывать, что дальнейшее укрепление Советской власти в России является не только русским, а и международным делом и долгом прежде всего германских рабочих.

Помнится, я предложил Владимиру Ильичу свои услуги — передать письмо тов. Тышке. Однако В. И. Ленин со свойственной ему прямоотой отклонил это предложение (я же ведь был офицером вражеской армии) и, смеясь так, как только он умел смеяться, заставил меня повторить то, что я обещал передать тов. Тышке. Я это сделал, причем должен был повторить отдельные слова по нескольку раз. Позже, при встрече с тов. Тышкой в Берлине, я понял, почему Владимир Ильич заставлял меня повторять эти, казалось бы, простые и обыкновенные фразы: Тышка по ним проверял, не лгу ли я, что виделся с Лениным и передаю ему поручения от Ленина.

Я хочу остановиться еще на нескольких случаях, оставшихся в моей памяти из разговоров с В. И. Лениным в то время.

С Лениным в Смольном я виделся три раза. Не помню, в какое мое посещение я ему сказал, что у меня поручение от болгарского военного министерства переговорить с Советским правительством об отпуске хлеба для Болгарии из южнорусских портов. Вместо ответа Владимир Ильич попросил красногвардейца, принесшего ему в этот момент стакан чаю, кусок какого-то невозможно черного и плохо выпеченного хлеба с кусочком масла, принести чаю и для меня, а меня пригласил остаться «пообедать». Этот «обед» застрял у меня комом в горле, и я не забуду на всю жизнь то чувство стыда, которое я испытывал в тот момент за вопрос об отпуске хлеба для «голодающей» Болгарии.

В первое мое посещение Смольного сейчас же после того, как я был проведен Н. П. Горбуновым из комендатуры через три или четыре караульных поста в кабинет В. И. Ленина, я выразил свое удивление, что Смольный так строго охраняется (перед входом во двор стоял мрачный броневи́к, перед самым подъездом — скорострельные орудия, в разных залах у окон — пулеметы). Ленин, смеясь и картавя, ответил мне:

— Революция, батенька. А вы как себе ее представляли? Когда у вас там будет революция, вы думаете, она будет лучше, благообразнее?

И затем прибавил, как мне помнится, с гордостью указывая на ряд всевозможных моделей железных земледельческих орудий, лежавших на подоконниках:

— Видите, мы думаем не только об оружии, но и вот об этом.

Упомяну еще один эпизод. Одно из моих посещений В. И. Ленина в Смольном совпало с убийством кадетов Шингарева и Когошкина¹. Я не могу припомнить в настоящий момент подробности этого посещения, но помню хорошо, с каким неистовством В. И. Ленин требовал к себе В. Д. Бонч-Бруевича, бывшего тогда каким-то важным лицом в Смольном, настаивал на немедленном принятии мер для выяснения и задержания виновных, телефони́ровал куда-то и вообще находился в каком-то чрезвычайном возбуждении, говорившем о том, что убийство кадетов ему было крайне неприятно. Во время этой суматохи мне было ужасно не по себе. Сообщение об убийстве так непосредственно захватило Владимира Ильича, что он обо мне совсем забыл. Когда же эта буря прошла и он меня снова заметил около окна своего кабинета, то долго, строго и пристально смотрел на меня, точно изучал. Должно быть, поняв, что мне

¹ Министры свергнутого правительства А. И. Шингарев и Ф. Ф. Когошкин были убиты матросами-анархистами в ночь на 7 (20) января 1918 г. *Ред.*

ужасно неловко и что я искренне желаю уверить его, что я ничего не заметил и что никому не скажу о том, чему был невольным свидетелем, он, улыбаясь, проговорил что-то о «наших ребятах» и о революции, вспомнил вслух, что меня-то ведь без пропуска не выпустят из Смольного, написал мне пропуск на клочке бумаги и отпустил меня, сказав, как попросить внизу автомобиль, чтобы вернуться в гостиницу.

Эту записочку я хранил вплоть до Берлина, а затем, когда меня по доносу шефа болгарской делегации в миссии Мирбаха Чапрашикова откомандировали из Стокгольма в Болгарию за «недопустимые сношения» с большевиками без ведома и вопреки запрещению начальства, ее пришлось уничтожить.

ВОСПОМИНАНИЯ
КРАСНОГО КОМАНДИРА

Владимира Ильича Ленина я впервые увидел в 1917 году в Петрограде, после того как меня выпустили из «Круга» — одесской тюрьмы для политзаключенных. Владимир Ильич говорил с нами о крахе II Интернационала, об условиях, созревших для сплочения сил международного пролетариата и для великой борьбы, то есть для социалистической революции. В то время в России находилось более двух с половиной миллионов военнопленных — венгры, хорваты, сербы, далматинцы, босняки, румыны, болгары, чехи, словаки, австрийцы, поляки, немцы, турки, китайцы. Общая судьба, общие страдания и надежды на освобождение сблизили военнопленных различных национальностей. Большая часть из них встала под красное знамя большевиков. Мы задали тов. Ленину вопрос: «Каково ваше мнение о революционной борьбе военнопленных?». Точка зрения Ленина была точкой зрения партии, а партия боролась за привлечение на свою сторону рабочих, крестьян и интеллигенции различных национальностей, находившихся в России. После победы Октябрьской революции взгляды Ленина по этому вопросу нашли свое выражение в декрете Советского правительства от 17 декабря 1917 года. Этим декретом военнопленные были освобождены, иностранные рабочие и крестьяне, находившиеся в России, получили те же права, какие завоевали себе их братья по классу — русские рабочие и крестьяне. Им была обеспечена свобода слова и собраний, предоставлены помещения для ведения пропаганды и культурной деятельности, возможности для выпуска газет. Мы, военнопленные, пользовались большей свободой, чем наши «свободные» братья на родине, изнывавшие под гнетом господствующих классов.

Революционно настроенные военнопленные участвовали в подготовке и осуществлении Октябрьской революции. Созданные ими интернациональные отряды сражались на фронтах гражданской войны. Мне тоже довелось воевать в различных

районах страны: на Волге, в районе Кузнецка, на Урале, возле Симбирска, Оренбурга и в других местах. По поручению Союза военнопленных я часто бывал у Владимира Ильича Ленина. Один раз я был у него вместе с Тибором Самуэли.

Ленин остался в моей памяти как изумительно простой человек. Разговаривая, он неизменно употреблял ясные простые слова. Во время беседы Ленин склонял немного голову, будто смотрел куда-то вдаль, хотя на самом деле внимательно вслушивался в каждую фразу собеседника, взвешивая каждое его слово, сосредоточенно щурился глазами. Подпирая одной рукой подбородок, другой он быстро делал какие-то заметки. Во время разговора Ленин часто вставал и, засунув руки в карманы, быстро ходил по комнате.

Ленин очень любил пересыпать свою речь шутливыми выражениями. И чем труднее было положение, тем больше он шутил, тем бодрее становился. Этим он вселял уверенность в тех, кто его слушал. Мы были убеждены: раз у Ленина хорошее настроение, значит, нет оснований для серьезных опасений, нужно только быть таким же твердым и выдержанным, как он. Но если речь заходила о врагах партии и рабочего класса, Ленин становился серьезным, хотя и тут любил вставлять колкие, иронические замечания.

Владимир Ильич Ленин с редким вниманием относился даже к мелким нуждам простых людей. Он рассматривал все заявления, принимал каждого посетителя, выслушивал каждую жалобу. Мы, венгры, тоже знали, как заботится Ленин обо всех, и поэтому со всеми сложными вопросами, которых сами решить не могли, доверчиво обращались к нему. И Ленин всегда оказывал нам действительную помощь.

В 1918 году я присутствовал на одном совещании, в работе которого принимали участие гг. Ленин и Свердлов. Бывшими военнопленными занимался главным образом тов. Свердлов, и Владимир Ильич Ленин всегда спрашивал его мнение, хотя нередко интересовался и нашими взглядами. Выслушав, он советовался, как лучше решить тот или иной вопрос. При этом он умел так подвести нас к правильному решению, что получалось, будто оно исходило от нас. Ленин никогда ни в чем не подчеркивал своего превосходства, не навязывал своего мнения, а умел убедить человека, подвести его к истине. Он воспитывал в людях способность мыслить и действовать самостоятельно. Кто хоть однажды говорил с ним, никогда его не забудет. Облик живого Ленина и сейчас стоит перед моими глазами. Незабываемые впечатления от встреч с ним помогли мне, и не только мне, выстоять в самые тяжелые минуты. Образ Ленина живет и вечно будет жить в сердцах всех революционеров.

Летом 1918 года Советской России угрожала смертельная опасность: войска интервентов отрезали ее от моря, хлеба, угля,

нефти. В стране свирепствовали тиф и голод. В двадцати трех местах вспыхнули контрреволюционные мятежи. 30 августа на одном из митингов Ленин призвал рабочих и крестьян отдать все силы на поддержку фронта. «У нас один выход: победа или смерть!»¹ — сказал он. После этого митинга одна эсерка совершила злодейское покушение на Ленина, и он был тяжело ранен.

После этого злодейского покушения Тибор Самуэли выступил в органе венгерской группы РКП(б) газете «Риано» («Тревога») с боевым призывом. Самуэли призвал венгерских военнопленных взяться за оружие и помочь ликвидировать угрозу, нависшую над социалистической революцией. В ней Самуэли писал: «Или достигнем намеченной цели или погибнем вместе с русской революцией, с которой мы связали свою жизнь, судьбу, все свое будущее!».

В это время мы в составе интернационального отряда Красной Армии сражались с белогвардейскими офицерскими бандами на Волге. Весть о злодейском покушении на Ленина взбудоражила нас. Будем бороться до последнего патрона, до последнего вдоха, решили мы, во что бы то ни стало уничтожим белые банды, свергнем эсеровское «правительство» Поволжья. С мыслью о тяжело раненном Ленине мы решили немедленно освободить его родной город Симбирск, недалеко от которого тогда находились. Через десять дней после покушения на Ленина мы наголову разгромили части генерала Каппеля, а 12 сентября после ожесточенного сражения взяли Симбирск. В тот же день мы отправили тов. Ленину следующую телеграмму: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!»

Сейчас эта телеграмма экспонируется в десятом зале Музея В. И. Ленина в Москве.

В тот же день на имя комиссара 1-й армии тов. В. В. Куйбышева пришел ответ Ленина: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы»².

Телеграмма Ленина была зачитана на митингах красноармейцев и рабочих в Петрограде. Несколько дней спустя в бюллетене о состоянии здоровья Ленина сообщалось, что «темпера-

¹ Этими словами Владимир Ильич Ленин закончил свою речь на митинге на заводе бывш. Михельсона 30 августа 1918 г. (см. Полн. собр. соч., т. 37, с. 85). *Ред.*

² Ответная телеграмма В. И. Ленина по поводу взятия Симбирска была направлена 22 сентября 1918 г. в адрес Пензенского губисполкома и Реввоенсовета 1-й армии (см. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 95). *Ред.*

тура нормальная. Пульс хороший... Владимиру Ильичу разрешено заниматься делами»¹. Узнав о выздоровлении Ленина, мы были беспредельно счастливы.

Помня об обещании Ленину, мы, красноармейцы, сражавшиеся на Волге, отбили ожесточенные контратаки войск генерала Каппеля. Четыре дня и четыре ночи отважно дрались 150 бойцов венгерской роты, отражая яростный натиск 1500 белогвардейцев, и отстояли Симбирск. А вскоре войска Красной Армии расплатились с врагом и за вторую рану Ленина, освободив Самару. В боях на подступах к Самаре наш интернациональный батальон сражался вместе с легендарными чапаевцами. Окруженные нами эсеровские и белогвардейские части в панике бежали в город. Члены эсеровского «правительства» уже находились в вагонах, но бежать им так и не удалось: разгромленные войска, стремившиеся прорваться в Сибирь, вышвырнули их из вагонов вместе с багажом. Эсеровским «министрам» пришлось удирать пешком, на велосипедах — кто как мог. В городе восстали рабочие. Вскоре они соединились с наступавшими красными войсками.

Таков был ответ Красной Армии на вторую рану Ленина, нанесенную ему предательской пулей эсеровских злодеев. Этим ударом по белогвардейским войскам было прорвано кольцо голодной блокады, в которое враги замкнули Советскую Россию.

Будапешт, 1955 г.

*Венгерские интернационалисты в
Великой Октябрьской социали-
стической революции.— М., 1959,
с. 266—269*

¹ Из бюллетеня о состоянии здоровья В. И. Ленина от 18 сентября 1918 г. (см. Правда, 1918, 19 сентября, № 201, с. 2). *Ред.*

У ЛЕНИНА В СМОЛЬНОМ¹

Времени — два часа ночи. Только что возвратился из Смольного, где встречался с Лениным. Он не казался взволнованным после покушения, которому недавно подвергся². Было произведено четыре выстрела — по крайней мере один из них попал в машину и задел швейцарского товарища Платтена, который сидел вместе с Лениным. «Это покушение показывает, что власть Ленина непрочна», — говорили враги.

Ленин со своей стороны сказал мне, пригласив к чаю в скромной столовой Смольного, что внутреннее положение правительства очень хорошее. Его, наоборот, больше беспокоит позиция немцев. Переговоры продолжаются, и Ленин все время получает сообщения об их ходе.

Мы затронули вопрос о расколе между большевиками и меньшевиками. Я напомнил ему, что на съезде в 1906 году между ними было единство³.

— Да, это верно, — сказал Ленин. — Но единство это было более формальным, чем реальным. На съезде в Лондоне мы разделились на две партии. Если меньшевики считают, что следует ограничиться буржуазной революцией, хотя и утверждают, что эта революция носит не только политический характер, мы говорим, что, когда наступит момент, следует осуществить всю нашу социальную программу. Это мы считаем своим долгом. Мы предали бы дело пролетариата, если бы этого не сделали. Программа, которую мы в настоящее время хотим осуществить при участии или без участия Учредительного собрания, будет изложена 18 января, в день открытия этого собрания.

¹ Отрывок из книги «Жизнь в борьбе» (Egede-Nissen Adam. Ett liv i strid.— Oslo, 1945). *Ред.*

² Имеется в виду обстрел 1 (14) января 1918 г. контрреволюционерами-террористами автомобиля, в котором В. И. Ленин ехал вместе с Ф. Платтеном и сестрой М. И. Ульяновой после выступления на митинге в Михайловском манеже. *Ред.*

³ Речь идет о IV (Объединительном) съезде РСДРП. *Ред.*

Я спросил Ленина, надеется ли он получить большинство. Он ответил:

— Большинство в Учредительном собрании или же нет, теперь безразлично. Сегодня мы имеем большинство в народе. Мы, то есть большевики и левые эсеры. Да и условия сейчас уже не те, что были во время выборов.

Ленин произвел впечатление человека спокойного. В противоположность многим здешним товарищам он говорит сдержанно и без широких жестов, вместе с тем он, несомненно, обладает чувством юмора.

Очень интересно было встретить председателя большой плановой комиссии, испытанного революционера, сильного духом, несмотря на совершенно подорванное здоровье после многолетнего пребывания в тюрьме. По инициативе Ленина комиссии предстояло подготовить предложение о том, где следует расположить новые крупные предприятия. Советская республика должна стать как можно более независимой от импорта. Были вызваны люди из всех крупных губерний русского государства, которые сообщили, что производится в их районах и что можно расширить и изменить.

Планы составлялись и в то время и позднее. Вспомните хотя бы гигантский проект электрификации — также инициативу Ленина. Разрабатывались планы и для тех районов страны, где в то время еще находились враги, например Днепрострой.

После роспуска Учредительного собрания состоялось открытие III съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов всей России. В нем приняли участие свыше семисот делегатов, из них более четырехсот сорока человек составляли большевики¹.

Как величественно после вступительной речи Свердлова лились звуки «Интернационала» в исполнении военного оркестра!

Затем начались приветственные речи. Представители социалистических партий Швейцарии, Америки, Англии, Румынии, Швеции и Норвегии, делегаты Украины и других частей бескрайней России...

Мне бы очень хотелось передать впечатление от великого съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. «Красный конвент», как его называли многие. Парламент русской Советской республики. Но как описать всю эту страсть, бурный поток слов, столь долго подавляемое стремление к освобождению? Я сижу в президиуме и смотрю в зал. Поистине это само море. Никто не остается пассивным. Большие и малые волны... Эти волны хотят теперь властвовать, свободно разливаясь во круг.

¹ В начале работы съезда на нем присутствовали 707 делегатов, а на заключительном заседании — 1587. *Ред.*

Еще немного о Ленине. Как он покоряет людей! Как притягивают его добрые глаза, которые так дружески на вас смотрят! Он говорит:

— Моя мечта — полчаса вздремнуть.

Но все же терпеливо выслушивает все, о чем мы ему рассказываем и просим.

— Я больше не оратор, — говорит он. — Не владею голосом. На полчаса — капут. Хотелось бы мне иметь голос Александры Коллонтай.

Он стремится помочь нашим рыбакам раздобыть сырье для сетей, а также другие нужные Норвегии товары, которые может уступить Россия. Он с нетерпением ожидает, когда наладится организация новой жизни. Но это нелегко.

— Разберите часовой механизм на отдельные части и соберите его снова. Мастер это сделает, но ему потребуется известное время. Однако представьте себе, что часы разобраны и некоторые детали приходится переделывать, и вы поймете, какую гигантскую задачу поставил перед собой Совет Народных Комиссаров России.

Ленин простой, в нем все очень естественно. Так же просто он говорит. Без риторических фраз. Ровно звучат его слова о серьезности положения, организованности и сплочении. Люди его понимают. Они восторженно приветствуют своего вождя, и его словами заканчивает свою работу «Красный конвент»¹. Большая часть ночи ушла на утверждение всех декретов Совнаркома по аграрному вопросу — крестьяне не хотят покидать Петроград, пока это не будет сделано.

В последний раз под сводами Таврического дворца раздаются вдохновляющие звуки «Интернационала» и «Марсельезы».

Новый мир, 1960, № 3, с. 172—174

¹ Автор имеет в виду заключительное слово В. И. Ленина перед закрытием съезда (см. Полн. собр. соч., т. 35, с. 286—290). *Ред.*

ПОМОЩЬ ИЛЬИЧА¹

Трехмесячный период существования финского революционного правительства, гражданская война, в которой реакционная буржуазия проявила всю свойственную ей кровожадность, а рабочий класс бился за свободу с беззаветной отвагой, — все это не может быть описано просто по памяти, без использования документов, да еще к тому же и не специалистом-историком. Я остановлюсь только на некоторых обстоятельствах и эпизодах, связанных с моей собственной работой в Совете народных уполномоченных.

Хорошо запомнилось мне обращение, которое послал Совет уполномоченных в Петроград, Совету Народных Комиссаров. Мы извещали о том, что власть в Финляндии перешла в руки народа, приветствовали братскую Советскую республику, выражали надежду, что дружба между финским и русским народами будет нерушимой.

В марте мы отправили группу наших делегатов в Петроград с просьбой о хлебе². Финская буржуазия использовала голод как средство для удушения революции, она заблаговременно сконцентрировала продовольственные запасы на севере страны, где готовила плацдарм белой гвардии, а юг, с промышленными городами, оставила без хлеба. Нам оставалось только одно: обратиться за помощью к русским товарищам. В самой России, особенно в таких центрах, как Петроград и Москва, ощущалась в то время страшная нужда в хлебе. Но нам не отказали. Хлеб был дан.

Уже с первого дня деятельности Совета на мою долю выпала обязанность заботиться о боевом, продовольственном и веще-

¹ Печатается отрывок из главы XVIII книги А. Тайми «Страницы пережитого» (Петрозаводск, Госиздат Карело-Финской ССР, 1949). *Ред.*

² Встреча и беседа В. И. Ленина с представителями Совета народных уполномоченных О. Токоем, Г. Ровио и В. Лейкасом о продовольственном положении Финляндии состоялась 9 февраля (н. ст.) 1918 г. (см. В. И. Ленин: Биографическая хроника, т. 5. — М., 1974, с. 237). *Ред.*

вом снабжении Красной гвардии. В начале февраля по предложению тов. Куусинена, занимавшего в правительстве должность народного уполномоченного по просвещению, состав Совета народных уполномоченных был несколько расширен. Мы с Хаапалайненем были назначены уполномоченными по военным делам. Он взял на себя оперативное руководство, а я должен был заниматься вопросами формирования, перевозки и снабжения.

С этими обязанностями связана моя поездка в Петроград, к тов. Ленину.

Во второй половине февраля, когда бои на фронте, пересекавшем всю Финляндию с запада на восток, были в полном разгаре, стало ясно, что мы должны значительно увеличить численность Красной гвардии. Вдоль всего фронта наши части были растянуты тонкой ленточкой, а резервов почти не было. Этот вопрос был обсужден на заседании Совета уполномоченных. Я доложил, что речь идет о привлечении новых десятков тысяч бойцов и, следовательно, о такой массе вооружения и боеприпасов, которыми мы в Финляндии не располагаем.

21 февраля Совет народных уполномоченных выдал мне удостоверение на поездку в Петроград, к тов. Ленину. Финляндский революционный народ в трудный час своей борьбы мог рассчитывать только на помощь советского народа.

Железная дорога между Гельсингфорсом и Петроградом была целиком в наших руках и работала исправно. Я сел в поезд и на следующий день был уже в родном Петрограде.

С вокзала я направился пешком через Литейный мост, по Шпалерной, в Смольный. Улицы показались мне по сравнению с маем 1917 года, когда я уезжал в Финляндию, малолюдными. По пути встретились два или три куда-то спешивших воинских отряда. Газет я еще не читал и не знал, что Петроград переживает один из самых тревожных дней своей истории.

В бюро пропусков Смольного я предъявил удостоверение, и дежурный сейчас же по телефону сообщил секретарю В. И. Ленина, что прибыл представитель правительства Финляндии для переговоров с Председателем Совета Народных Комиссаров. Через минуту последовало распоряжение выдать мне пропуск.

Когда я представился секретарю, он попросил меня подождать и ушел в кабинет доложить. Вскоре открылась дверь, и в приемную, обогнав секретаря, быстрой походкой вошел Владимир Ильич. Я поднялся с дивана, на котором сидел, а Владимир Ильич, еще издали протягивая мне руку, приветливо со мной поздоровался.

Я сказал, что мне поручено в первую очередь передать тов. Ленину горячий привет от финляндского рабочего класса.

— Спасибо, спасибо, — сказал Владимир Ильич, — присядемте, вот здесь.

Он усадил меня на диван, а сам присел рядом, чуть боком ко мне, и начал расспрашивать, кто я, долго ли жил в России, почему так свободно говорю по-русски. Я ответил. Тогда Владимир Ильич поинтересовался, когда и где вступил я в большевистскую партию, кого знаю в Петрограде.

Все это, должно быть, нужно было Владимиру Ильичу, чтобы знать, с кем он имеет дело и насколько можно доверять моим словам.

Затем он буквально засыпал меня вопросами о положении дел в Финляндии. Его интересовало все: и положение на фронте, и законы, принятые революционным правительством, и поведение различных групп населения, и силы, которыми располагают белые, и много ли у нас людей, знающих военное дело, и в чем мы ощущаем наиболее острую нужду...

Естественно, что я старался возможно более точно информировать Владимира Ильича. Он спросил, сколько сейчас членов в профессиональных союзах Финляндии. Я сказал, что около ста шестидесяти тысяч.

— Видите, это ж огромный резерв армии, — сказал Владимир Ильич. — Необходимо, чтобы вы провели самую широкую мобилизацию в ряды Красной гвардии, это даст вам возможность не только обороняться, но и перейти в наступление.

В заключение беседы Владимир Ильич вынул из кармана крохотный блокнот и тут же, на диване, написал записку в Комиссариат по военным делам. В записке было сказано: «Просьбу т. Тайми следует удовлетворить полностью».

Когда я пришел с этой запиской в Военный комиссариат, то оказалось, что там уже знают обо мне: Владимир Ильич звонил по телефону. В тот же день мне вручили наряды на получение различного оружия, боеприпасов и амуниции из складов в Петропавловской крепости и в Арсенале.

Эти наряды я отдал одному финскому товарищу, жившему в то время в Петрограде, а сам уехал в Финляндию. Вскоре в Гельсингфорс, один за другим, прибыли два эшелона с винтовками, пулеметами, патронами, сапогами, шинелями и другим вооружением и снаряжением, в которых мы ощущали самую острую нужду.

Все это Владимир Ильич дал от имени русского народа борющемуся за свободу финскому народу. И сделано это было в труднейшую для Советской России пору, когда смертельная опасность грозила самому существованию молодой республики. Ведь только за четыре дня до этого, 18 февраля, германские армии Вильгельма внезапно перешли в наступление по всему фронту. Они уже подходили к Пскову и непосредственно, с двух сторон, угрожали Петрограду. Советская республика в то время не располагала регулярной армией: старая, царская, развалилась, а новая — Красная, еще только формировалась. 21 февра-

ля Владимир Ильич написал свое историческое воззвание к народу: «Социалистическое отечество в опасности!»¹. Отряды, которые я видел по пути от Финляндского вокзала к Смольному, были отрядами петроградских рабочих, откликнувшихся на призыв Ильича. Вождь партии Ленин в эти дни осуществлял титаническую работу по организации обороны отечества от самой сильной в то время империалистической армии. 22 февраля, когда я пришел в Смольный, еще не был получен ответ германского правительства на радиogramму Совнаркома, в которой выражался протест по поводу нарушения перемирия и изъяснялось согласие подписать мир. От этого ответа зависело, получит ли Советская республика передышку.

Нужно представить себе грозную обстановку тех дней, чтобы по достоинству оценить величайшее благородство поступка Владимира Ильича. Это был акт братской солидарности русского народа с финским.

Двумя эшелонами, присланными из Петрограда, дело не ограничилось. Вскоре мне сообщили, что для нас выделено оружие и припасы со складов, находившихся в Эстонии. Это было в марте, навигация уже началась, и мы снарядили в Эстонию два парохода под охраной красногвардейцев. Все было получено и доставлено. Для меня несомненно, что и это было отпущено нам по распоряжению Владимира Ильича.

Тогда же, в марте, мы получили от тов. Ленина еще один весьма ценный подарок. Я сидел у себя в кабинете, когда ко мне явился незнакомый человек в военной форме и с красным крестиком на фуражке. Он доложил, что в мое распоряжение прибыло из Петрограда два санитарных поезда с полным оборудованием и медицинским персоналом. В тот же день они были отправлены на фронт и спасли немало жизней финских рабочих и крестьян, борющихся за свободу.

Вечно живой: Воспоминания современников о Владимире Ильиче Ленине.— М., 1963, с. 161—165

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 357—358. *Ред.*

ЛЕНИН
В ВАРШАВСКОМ КРАСНОМ ПОЛКУ

Лето 1918 года изобиловало грозами.

Черные тучи собирались над всей молодой республикой Советов... не только на небе. Восставшие эшелоны чехословацких военнопленных, превосходно вооруженные на деньги «союзников», стояли у Волги. Армии белых генералов угрожали отрезать Украину и Крым. Все чаще случалось, когда в Москве не выдавали хлеба.

Это были времена большой любви и большой ненависти. Иначе я не могу назвать ту раскаленную атмосферу, в которой мы жили. Победоносная революция воспламенила сердца. Сознание, что мы создаем новый, ранее неизвестный строй (а думали тогда только о революции в мировом масштабе), окрыляло нас. Не было малых дел. Все, что касалось революции, становилось великим. Самым важным. Мир с поражающей ясностью распался на союзников и врагов.

Именно в такой своеобразной обстановке формировался революционный красный Варшавский полк.

Бобинский, комиссар этого полка, окунулся в работу с присущей ему страстью. Целые дни проводил в казармах на Серпуховке, часами был готов беседовать с солдатами, присев на каком-нибудь бревне, вкладывая в эти беседы всю свою фанатичную веру в революцию и тоску по родине...

Некоторые отряды Варшавского полка уже отличились в борьбе во время восстания левых эсеров в Ярославле. В конце июля у нас говорили, что со дня на день Варшавский полк выступит в бой с бандами «зеленых». 2 августа в Коммерческом институте в Замоскворечье должен был состояться прощальный митинг. Митинг назначили на 11 часов¹.

Когда мы сели в стоящий под дождем экипаж и мокрые сивки побежали резвой рысью, Бобинский шепнул мне, что на митинге будет Ленин. Теперь я поняла причину его возбужде-

¹ Митинг состоялся 1 августа и начался в 18 час. 30 мин. *Ред.*

ния. Я знала, что это было горячее желание всех товарищей поляков. В то время Ленину не разрешали делать частые выезды. Боялись за него.

— Я заверил, что ручаюсь за безопасность. Мархлевский меня поддержал. Это большая победа. Но уже поздно,— снова заволновался он.

Свернули на улицу, ведущую к институту.

— Почему здесь так пусто? — удивился Мархлевский.— Дождь уже прошел, а улицу, как метлой, вымело?

Потом на каждом шагу мы встречали группы уланов. Когда проезжали мимо них, Бобинский высунулся из экипажа:

— Ну как там? Все в порядке?

— В порядке, товарищ комиссар! — весело ответил молодой солдат.— Можете на нас положиться. Ни одного человека не пропустим!

— Как так,— забеспокоился Бобинский,— должны же быть делегации с заводов?

— Делегации со знаменами мы пропустили, но в одиночку никто не пройдет, товарищ комиссар!

— Мы роздали приглашения, а вы людей не пропускаете? — набросился на него Бобинский.

Но улан не смутился.

— Всякая контрреволюционная сволочь сумеет себе бумажку выписать (Мархлевский засмеялся), а мы здесь отвечаем за жизнь.

Бобинский прервал его:

— Проехал уже?

— Проехал! Только что...— зарделся улан.

— Снимите посты! Езжайте в институт.

— Есть, товарищ комиссар!

Лошади рванули с места. До нас еще долетел веселый, молодой голос:

— Ребята! Снимайте посты!

— Как вам это нравится! — злился Бобинский.— «Всякая контрреволюционная сволочь сумеет выписать себе такую бумажку». — И неожиданно рассмеялся.

— И что я должен теперь делать с этими хлопцами?

— Это результаты нашей пропаганды,— весело шутил Мархлевский.— Хотим, чтобы солдат-революционер думал, вот он и думает. Раз он отвечает за жизнь Ленина, то что ему какие-то там бумажки?

* *
*

Ленина мы застали в кабинете, рядом с большим залом. Он только что приехал и разговаривал, окруженный группой товарищей. Там были Жбиковский, Будзинский, Прухняк и Сцибор.

Мы присоединились к ним. Когда Ленин снимал пальто, Мархлевский воспользовался моментом, чтобы что-то сказать ему. Ленин громко рассмеялся. Бобинский подозрительно посмотрел в их сторону.

* *
*

Огромный зал был заполнен до отказа. Появление Ленина было встречено бурей аплодисментов. Оркестр заиграл «Интернационал». Знамена переливались пурпуром и золотом. От дверей до сцены уланы образовали шпалеры. Едва Ленин сделал первый шаг, как блеснули сабли, скрещиваясь над его головой. Ленин вздрогнул, мельком посмотрел вверх и спокойно пошел дальше.

Дойдя до сцены, повернулся и сказал с шутливым упреком: — Эх, товарищи поляки, без эффекта никак не можете...

Провел ладонью по голове и посмотрел на лица смеющимися глазами.

— Хоть бы предупредили! А то, ей-богу, испугался!

Улыбка пробежала по сотням молодых лиц. Восхищение, удивление, радость вылились в стихийный возглас:

— Да здравствует Ленин!

Он поднялся на трибуну и начал говорить.

Слова Ленина били метко, как снаряды.

— Мы знаем, что война подходит к концу. Но им, империалистам, не удастся закончить войну. Войну закончат рабочие массы, которые уже достаточно пролили крови. Хищный империализм окружает нас все более плотным кольцом. Хочет нас задушить. Но мы знаем, у нас есть надежные союзники: рабочие массы всего мира. Мы должны теперь напрячь все силы: или власть кулаков, капиталистов и царя, или власть пролетариата. От нас зависит победа, товарищи!¹

В огромном, переполненном зале никто уже не сомневался в этой победе.

* *
*

Бобинский вернулся поздно вечером, охрипший от разговоров и взволнованный проводами Варшавского полка. Разумеется, он проводил их на вокзал и там ходил еще от вагона к вагону.

— Если бы ты знала, как меня благодарили хлопцы за эту встречу с Лениным! Не могли успокоиться. Без конца повторяли его слова: «А то, ей-богу, испугался!» «Но как он это сказал,

¹ Текст речи В. И. Ленина на митинге Варшавского революционного полка см. Полн. собр. соч., т. 37, с. 24—26. *Ред.*

товарищ Бобинский!» Золотые парни! — вздохнул Бобинский, а через минуту добавил: — А сколько их не вернется!

Снял сапоги и лег на кровать. Но сразу же поднялся.

— А Мархлевский, «изменник», не выдержал: рассказал Ленину ту историю с уланом.

— А Ленин что? — спросила я.

— Не слышала, как смеялся? А потом сказал Мархлевскому: «Правильно! Бумажка — это вещь вероломная».

Славяне, 1958, № 4, с. 15—18

О ЛЕНИНЕ¹

Когда 10 лет назад представители авангарда мирового пролетариата съехались в Москве, чтобы основать Коммунистический Интернационал, союз «Спартак» повел свои первые героические бои против ноябрьской республики Носке. Ему не удалось завершить превращение империалистической войны в гражданскую победой революции. Молодая партия, основанная 30 декабря 1918 года, еще болела всеми «детскими болезнями» коммунизма². Союз «Спартак», идеологически и организационно порвавший с реформизмом во время войны, стал на сторону русской революции со всем своим огромным революционным пылом. Он готов был идти путями большевизма, но он видел в нем *только* действие, вооруженное восстание, борьбу на жизнь и смерть против реформизма, против его правительственной власти и наемных белогвардейских войск. Самая же *сердцевина* большевизма, учение Ленина о роли революционной партии и ее отношение к массам, стратегия и тактика, ведущие к вооруженному восстанию, были поняты только некоторыми членами союза «Спартак», но широкая масса самоотверженных революционных рабочих, принадлежавших к союзу, не была твердым организационно-связанным целым, которое опиралось бы на ленинскую теорию революции и партии. Коммунистическая партия в начале 1919 года не была еще партией в большевистском смысле, в смысле того революционного понятия о партии, которое теперь, 10 лет спустя, стало общим достоянием коммунистов. История не оставила ей времени для изучения опыта русской революции. Через несколько дней после ее основания угроза превращения революции в контрреволюцию заставила партию вступить в решающий бой. Без той

¹ Печатается часть статьи «Основание Коминтерна и Спартаковский союз», посвященная В. И. Ленину. *Ред.*

² Речь идет о Коммунистической партии Германии, созданной на учредительном съезде в Берлине 30 декабря 1918 г.—1 января 1919 г. *Ред.*

кровавой дани, которую «Спартак» в 1919 году уплатил германскому пролетариату, Коммунистическая партия Германии была бы невозможна, без уроков борьбы «Спартака» революционные массы в Германии никогда не поняли бы необходимости большевистской партии. Слова Ленина, что рабочие *прежде всего* учатся на своем собственном опыте, оправдались и в час рождения германской коммунистической партии.

Настоящего центра, который мог бы спаять в одно целое все разрозненные части союза и направлять его выступления, в начале 1919 года не существовало. Связь с провинциальными организациями была плохо налажена. Вследствие сильного притока революционных рабочих в организацию «Спартака» не было возможности в огне борьбы справиться с организационными задачами. На плечи каждого отдельного работника ложилось колоссальное бремя работы и ответственности, которое еще отягчалось тем, что не было налицо конкретного политического плана борьбы. И вот когда в начале января из Москвы пришло приглашение послать делегатов на подготовительную конференцию для обсуждения положения в Интернационале, то не было возможности опросить провинциальные организации и, таким образом, в соответствии со значением конференции обеспечить делегатам определенную базу в самой организации. Документов этой эпохи не осталось, по крайней мере мне они не знакомы. Поэтому для восстановления событий, в результате которых я был делегирован на конференцию, мне остается только обратиться к собственной памяти.

* *
*

Приглашение КПГ к участию в предварительной конференции по вопросу о создании Интернационала было получено в Берлине в начале января 1919 года. Приглашение, насколько я помню, было направлено в Центральный Комитет на имя Розы и Карла. Однажды ночью, когда я, возвращаясь из редакции «Роте Фане», провожал Розу, жившую в южной части города, она сообщила мне о приглашении, и мы обсуждали вопрос о делегате. О ней и о Карле Либкнехте говорить не приходилось, их некем было заменить в Берлине. Кроме того, по мнению Розы, именно на этой конференции германская коммунистическая партия должна была быть представлена *германским* товарищем, политические суждения которого были бы свободны от влияния предыдущей полемики с русскими товарищами (Роза намекала на свои и Лео Йогихеса разногласия с большевиками). Роза *предложила поехать мне*.

О значении конференции она во время этой беседы выразилась приблизительно так: большевики, вероятно, предложат немедленно учредить Интернационал, даже в том случае, если

делегатов съедется немного. *Основание Коммунистического Интернационала является безусловной необходимостью, но сейчас оно несколько преждевременно. Коммунистический Интернационал следовало бы окончательно создать лишь тогда, когда в потоке революционного движения масс, охватившего почти все страны Европы, возникнут коммунистические партии. В особенности необходимо, чтобы для этого был выбран такой момент, который ускорил бы процесс отхода революционных масс от НСПГ¹. Поэтому Роза находила нужным, чтобы я на подготовительной конференции внес предложение о назначении комиссии из представителей различных стран, учредительный же конгресс, по ее мнению, должен был состояться между апрелем и июнем 1919 года.*

Через 3 дня после этой беседы Роза и Карл были уже мертвы². Мы все переживали жгучую боль этой невознаградимой утраты. Серьезных политических совещаний в эти дни устроить не пришлось. Затем состоялось заседание на Кохштрассе, в котором приняли участие Иогихес, Карский, Пик, Леви и Эберлейн (Майер был арестован). Я сообщил товарищам о моей последней беседе с Розой. Лео Иогихес, стоявший на той же точке зрения, что и Роза, еще ее уточнил. Было решено, что делегирован буду я и что я буду *связан мандатом* в духе взглядов Розы и Лео. Через несколько дней состоялось еще одно совещание, на котором я не присутствовал. Здесь уже был и Эрнст Майер. Через несколько дней я уехал в Москву. Со мною был Левине, который был затем арестован в Эйдкунене. На Александровской площади — пулеметный огонь. «Спартак» посылал Коммунистическому Интернационалу свой революционный привет.

По прибытии в Москву я прежде всего имел личную беседу с Лениным. Я подробно рассказал о положении в Европе. С бесконечной тщательностью Ленин пытался составить себе картину положения на основании моих слов. Он поставил целый ряд конкретных вопросов об идеологии и организационной жизни «Спартака», о его численности на предприятиях, о его влиянии в профсоюзах, об организации вооруженного восстания в Берлине и т. д. Он очень пессимистически высказался по поводу антипарламентских и антипрофсоюзных решений учредительного съезда, которые он считал абсолютно ложными.

Когда я сообщил ему мнение Розы Люксембург и спартаковского ЦК по вопросу об основании Коминтерна, он был не особенно удивлен и сказал, что предвидел такую позицию. Смысл его слов был приблизительно следующий: в этих аргументах с точки зрения тактики есть много верного, и все-таки необходимо немедленно приступить к основанию Интернационала.

¹ НСПГ — Независимая с.-д. партия Германии. *Ред.*

² Роза Люксембург и Карл Либкнехт были убиты 15 января 1919 г. *Ред.*

Рвущееся вперед революционное движение, действие русской революции на наиболее передовые части пролетариата, осознание полного банкротства II Интернационала рабочими массами и прежде всего *необходимость вести и координировать революционные выступления пролетариата* повелительно этого требуют. И он прибавил: «Но я считаю в высшей степени трудным учреждать Интернационал без согласия КПГ». Он предложил начать дискуссию об учреждении Коммунистического Интернационала лишь в конце конференции.

В дни, предшествовавшие открытию конференции, которая лишь на третий день сконституировалась в конгресс, было еще много заседаний с русской делегацией... Трудно было, конечно, добиться положительных результатов, так как решающее значение имело не столько мое личное мнение, сколько мой *мандат*, а возможности снестись с Берлином не было. Но Ленин все время ни на минуту не сомневался, что «Спартак» будет считать себя членом нового Интернационала и что после его учреждения разногласия будут носить лишь *эпизодический* характер. Ленин и вся русская делегация смотрели на «Спартак», как на самую важную и передовую революционную партию Западной Европы. Это было ясно сказано в резолюции «Отношение к «социалистическим» течениям и к Бернской конференции». В ней говорилось:

«3) *Коммунисты*. Во II Интернационале, где направление это защищало коммунистическо-марксистские взгляды на войну и на задачи пролетариата (в Штутгарте в 1907 г.: резолюция Ленина — Люксембург), оно оставалось в меньшинстве.

«Леворадикальная» группа (позднейшие спартаковцы) в Германии, партия большевиков в России, «трибунисты» в Голландии, группа молодых в Швеции и левое крыло Интернационала молодежи в целом ряде стран *образовали первое ядро нового Интернационала*.

Оставаясь верным интересам пролетариата, направление это провозгласило с начала войны лозунг: «Превращение империалистской войны в войну гражданскую».

*Это направление ныне организовалось в III Интернационал*¹. (Курсив мой.— Г. Э.)

Соответственно взглядам Ленина на значение союза «Спартак» я был избран во все комиссии и в президиум конференции. На конференции по предложению Ленина в первые дни пленарных заседаний не был поставлен вопрос об учреждении Интернационала. Во всех вопросах — роль III Интернационала, его организационная структура, тактика сближения с западноевропейскими рабочими — на конференции господствовало такое единодушное — и я в этом отношении не вносил диссонан-

¹ Текст п. 3 резолюции уточнен по книге: Коммунистический Интернационал в документах.— М., 1933, с. 75. *Ред.*

са,— что коротенькая «дискуссия с «Спартаком»» имела скорее *формальное*, чем политическое значение. Я, разумеется, обязан был сообщить точку зрения ЦК. В единственном печатном отчете о конференции («Учреждение III Интернационала. Первая конференция Коммунистического Интернационала в Москве, 2—6 марта 1919 года». Вена, 1919), моя речь передается следующим образом:

«Когда был поставлен вопрос, следует ли провозгласить настоящее собрание конференцией Интернационала, то против этого высказался лишь один-единственный голос. Это был представитель союза «Спартак», который выразил сомнение, настало ли уже время для создания III Интернационала. Он указал на предостерегающий пример Циммервальда и Кинталя: вместо единства там получилась картина распада, и организация разложилась. Германский товарищ высказался в том смысле, что один лишь факт создания желтого бернского Интернационала еще не является мотивом для основания Коммунистического Интернационала. Последний может оказаться жизнеспособным только в том случае, если он будет опираться на пролетариат всех стран. Но когда при голосовании было единогласно (при 1 воздержавшемся) постановлено, что настоящая конференция должна быть признана конференцией Коммунистического Интернационала, то и германский товарищ не мог не приветствовать ее и не присоединиться к ней от имени германского революционного пролетариата».

Это изложение моей речи не может претендовать на полную точность. Стенографических протоколов, к сожалению, не существует¹. Но здесь отсутствует прежде всего мое личное заявление, что ничто не отделяет меня от взглядов конференции и что если бы я не был связан, то голосовал бы за немедленное учреждение Коммунистического Интернационала. Аргументы Ленина меня убедили. Расхождение между моим личным мнением и моим мандатом было причиной того, что я не голосовал *против* немедленного учреждения Интернационала, а *воздержался от голосования*. Кроме того, уже в полном согласии с моим мандатом, я подчеркнул, что создание Коммунистического Интернационала есть историческая необходимость и что момент признан «Спартаком» неблагоприятным только по *тактическим* соображениям.

¹ Протоколы I конгресса Коминтерна были изданы в 1920 г. на немецком языке (Der I. Kongress der Kommunistischen Internationale: Protokoll der Verhandlungen in Moskau vom 2. bis zum 6. März 1919. Pg., 1920. 311 S.), в 1921 г.— на русском языке. Г. Эберлейн приводит изложение своей речи, с которой он выступил на заседании конгресса 4 марта 1919 г. (см. Первый конгресс Коммунистического Интернационала: Протоколы заседаний в Москве со 2 по 6 марта 1919 года.— Пг., 1921, с. 125—127). *Ред.*

Сравнения с Циммервальдом и Кинталем я, безусловно, в этом смысле не проводил, оно противоречило бы моей точке зрения. О «жизнеспособности» я также не говорил. Это неправильное изложение моей речи, без сомнения, объясняется тогдашними техническими условиями, а также тем обстоятельством, что речи не стенографировались, приходилось восстанавливать их содержание. Когда я закончил мою речь выражением твердой уверенности, что «Спартак» присоединится к решениям конгресса¹, Ленин заявил мне: «В этом мы были твердо убеждены, иначе мы не вынесли бы постановления о немедленном учреждении Интернационала».

Коммунистический Интернационал, 1929, № 9—10, с. 193—196

¹ Это было высказано Г. Эберлейном в форме заявления на том же заседании конгресса, 4 марта (см. Первый конгресс Коммунистического Интернационала, с. 138). *Ред.*

ВСТРЕЧИ С ВЕЛИКИМ ЛЕНИНЫМ

Впервые я увидел и услышал В. И. Ленина в середине февраля 1910 года. Это было в Лондоне¹, куда я в начале 1909 года был приглашен секретариатом Лондонского просветительного общества немецких рабочих (в деятельности которого в свое время принимали участие Карл Маркс и Фридрих Энгельс), чтобы взять на себя редактирование начавшего вновь выходить органа этого общества — газеты «Londoner Volkszeitung»². В те времена я еще был убежденным приверженцем «марксизма» оттобауэровского толка. Социалистов всех стран особенно сильно волновали тогда вопросы, связанные с предстоявшим вскоре Копенгагенским конгрессом II Интернационала³, и прежде всего вопрос об отношении к войне и милитаризму. Поэтому секретариат нашего клуба решил пригласить представителей ряда социалистических партий Европы, чтобы обменяться мнениями по этому животрепещущему вопросу. В дискуссии за «круглым столом» приняли участие, в частности, Ледебур, Эрве, Макдональд, Гайндман, Бернард Шоу, Чичерин и Штейнгардт. Русские товарищи обещали, что Ленин прибудет на один день в Лондон. Ленин действительно приехал, хотя и немного запоздав. Он извинился за опоздание, вызванное туманом в Ла-Манше.

Итак, каждый из присутствовавших на дискуссии высказывал свое мнение о грозившей войне. Всем было ясно, что война уже стоит на пороге. Но в вопросе о том, какую позицию должен занять в случае войны пролетариат воюющих стран, единства не было. Представители социалистов стран Запада неразрывно связывали интересы пролетариата этих стран с интересами «своей» буржуазии.

¹ Указанную дату пребывания В. И. Ленина в Лондоне документально подтвердить не удалось. *Ред.*

² Газета выходила в Лондоне в 1909—1910 гг. *Ред.*

³ См. настоящий том, с. 141, прим. 4. *Ред.*

— Если победит Германия, Лондонский порт замрет,— сказал Макдональд.

— Если победит Англия, замрет Гамбургский порт,— возразил Ледебур.

— Мы будем голосовать против войны обеими руками,— заявил Эрве,— но нам нужна Эльзас-Лотарингия.

Я высказал свои опасения на тот случай, если победит Россия: тогда, считал я, восторжествует панславизм.

Последним высказался Ленин. Во время предыдущих выступлений он быстро набрасывал заметки в небольшом блокноте и, подперев голову рукой, иногда улыбаясь, иногда прищуривая глаза, внимательно прислушивался к спору. В своем выступлении он прежде всего остановился на принципиальной стороне вопроса: каков будет характер предстоящей войны? В скупых, но выразительных словах он осветил тенденцию капитализма ведущих стран Запада к расширению своей власти в мировом масштабе. Затем он показал разницу между высокоразвитыми и слаборазвитыми странами и охарактеризовал важнейшие черты империализма, стремящегося свергнуть народы в пучину войны за передел мира. Независимо от победы или поражения той или иной страны пролетариат в любом случае окажется побежденным, если даст увлечь себя шовинистическими лозунгами. Есть два типа войн. Один — это война за интересы капиталистов, против нее пролетариат должен бороться всеми силами. Но есть и война справедливая, когда народ, угнетенные классы стремятся освободиться от ига. Эту войну, войну революционную, пролетариат всего мира должен поддерживать. После этого общего вступления Ленин обратился к высказываниям отдельных ораторов, убедительно показав всю их ошибочность.

Ленинские неопровержимые доказательства дали мне чрезвычайно ясно понять, что те взгляды, которых я придерживался под влиянием Отто Бауэра, были не чем иным, как псевдомарксизмом. Нелегко было мне отказаться от того, что я долгое время считал единственно правильным. Я снова привялся за изучение трудов Маркса и Энгельса, на этот раз в тесной связи с принципами партии большевиков — партии Ленина. Ленинская диалектика обезоружила меня и моих товарищей, мы не могли противопоставить ей ничего, кроме собственной политической близорукости. Ленин распознал смысл так называемого «австромарксизма» — «цвета» II Интернационала — как учения о словах, а не о делах. Ленин разоблачил половинчатость и противоречивость II Интернационала. История доказала правоту Ленина, в том числе и в оценке «марксизма» Отто Бауэра.

Когда в 1913 году я вернулся в Вену (меня выслали туда из Германии), я уже воспринимал политическое поведение лидеров социал-демократии и профсоюзов критически. Чем сильнее

становилась угрозой мировой войны, тем больше росло мое недоверие к искренности заявлений социал-демократических вождей об их готовности выполнить свой интернациональный долг. Несколько обоснованным оказалось мое недоверие, подтвердила и измена австрийской социал-демократии в августе 1914 года. Опубликованием в газете «*Arbeiterzeitung*» статей «Великий день германского народа» и «На Париж!» австрийская социал-демократия и ее пресса стали на позиции самого безудержного шовинизма. От этой болезни и скончался бесславно II Интернационал. Необходимо было повести решительную и принципиальную борьбу против позорной измены лидеров II Интернационала, против дезорганизации, внесенной ими в ряды мирового пролетариата.

Став к тому времени убежденным марксистом, я вместе с другими товарищами, сначала в полной изоляции, стремился пробить в Австрии единый фронт национализма, шовинизма и вульгарной ограниченности. Силы мне давало учение марксизма-ленинизма.

Четыре года войны — четыре года борьбы против войны, за революционный выход Австрии из нее. Ожесточенная борьба внутри партии, в профсоюзах, на предприятиях. Медленно, даже против своей воли освобождались рабочие от внушенной им оппортунистической идеологии и иллюзий. Лишь постепенно разжимался железный обруч охватившей рабочих политической депрессии.

В 1916 году, после того как я был исключен из социал-демократической партии¹, мне как организатору леворадикальной группы удалось через одного товарища установить связь с Лениным, находившимся в Цюрихе. Мы горячо поддерживали позицию Ленина, возглавившего Циммервальдскую левую. Нашей целью был выход Австрии из войны. Нашей целью было создание Коммунистического Интернационала.

В ходе войны в Австрии возникло также несколько различных политических групп, которые объединялись для борьбы под общим лозунгом «Долой войну!». Среди них были «левые социалисты», «воинствующие социалисты», синдикалисты, анархисты и др. Их политическая позиция была смутна и неопределенна. Часть из них была исключена из социал-демократической партии; другая сама вышла из нее, так как там не было возможности вести политическую борьбу. Многие, особенно молодежь, вообще не были политически организованы. Естественно, что именно наша революционная группа взяла на себя руководство борьбой против империалистической войны, за создание III Интернационала.

¹ Социал-демократическая партия Австрии, основанная на съезде 31 декабря 1888 г. — 1 января 1889 г. *Ред.*

16 января 1918 года в Австрии началась стачка. Январская забастовка 1918 года сплотила рабочий класс страны для мощной борьбы. По русскому образцу были созданы рабочие Советы. Под лозунгами «Мы хотим действовать по-русски!», «Вся власть рабочим Советам!» трудящиеся массы вышли на улицу.

Три дня бастующие владели улицей. Но тогда принялись за дело социал-демократические и профсоюзные лидеры. Лживыми обещаниями и посулами они добились прекращения стачки, и уже проигранная война продолжалась дальше.

Но лед был сломан. Несмотря на волну репрессий, арестов, отправки на фронт, несмотря на полицейский надзор и запрещение всех политических собраний, антивоенное движение ширилось и крепло. Ленинский призыв к миру нашел мощный отклик у австрийских рабочих масс.

В период с января по октябрь 1918 года наиболее последовательные, марксистские группы возглавили революционное движение в Австрии. 3 ноября 1918 года руководители всех этих групп, собравшись на совещание, решили объединиться в единую марксистскую революционную партию. По моему предложению ей было дано наименование — Коммунистическая партия Австрии. Был избран Исполнительный комитет, которому поручили подготовить съезд партии.

9 февраля 1919 года состоялся I съезд КПА. Он принял временную программу партии и избрал меня председателем КПА. Мною было получено от Ленина приглашение послать в Москву делегата на международную коммунистическую конференцию. Я выступил за принятие этого приглашения, с тем чтобы наш делегат внес предложение считать эту конференцию учредительным конгрессом Коммунистического Интернационала. Съезд принял это предложение и направил меня в Москву.

Для нас, австрийских коммунистов, создание III Интернационала после позорного краха II Интернационала было вполне назревшим делом. Как только до нас дошла весть о Великой Октябрьской социалистической революции, совершенной под руководством Ленина, пропаганда идеи создания нового, Коммунистического Интернационала заняла решающее место в нашей работе. В связи с нелегальным празднованием 1 Мая 1918 года мы подготовили первый номер коммунистической газеты «*Werktag*». Я написал для нее передовую под заголовком «III (Коммунистический) Интернационал», в которой поддерживал требование ввиду полной недееспособности псевдомарксистского II Интернационала создать новый, подлинно марксистский.

Я сообщил Ленину о решении нашего партийного съезда и о моем делегировании в Москву. Поскольку открытие конференции было назначено на 2 марта 1919 года, мне казалось, что у меня достаточно времени добраться из Вены в Москву. Но путь в Москву был тогда тяжел и полон препятствий и неужи-

данностей. Мне приходилось ехать на ступеньках вагонов, на крышах, буферах и даже на тендере и на площадке локомотива. Там было хотя и грязно, но по крайней мере тепло, а ведь стоял мороз в 20—27 градусов. Когда мне удавалось сесть в вагон для скота, это было уже большой удачей, потому что значительную часть долгого, 17-дневного пути мне пришлось проделать пешком. Фронтальная полоса проходила тогда в районе Киева. Здесь шли только военные эшелоны. Я маскировался под оборванного солдата, возвращающегося из плена, и мне все время грозила опасность быть схваченным и расстрелянным белыми. К тому же я не знал ни слова по-русски. Не раз я едва не попадал в руки белых.

Однажды случилось так, что я уж думал, что настал мой последний час. Меня арестовали и доставили в штаб (как мне потом стало ясно, в штаб дивизии). Это могли быть только белые, думалось мне, потому что последняя деревня, которую я покинул вечером, была занята ими. В полутемной комнате меня стал допрашивать начальник. Я старался как мог уберечь свою рваную военную форму от тщательного обыска — ведь там под подкладкой был зашит мой мандат! И вот, считая себя уже погибшим, я при тусклом свете керосиновой лампы вдруг заметил на его лежавшей на столе фуражке маленькую красную звездочку! Велико было удивление красных командиров, когда я совершенно откровенно заявил им, что добираюсь в Москву на созываемую Лениным конференцию. В доказательство я предъявил им свой «мандат» — кусок холста величиной с тарелку, с текстом, написанным черпильным карандашом.

Теперь путь мой уже стал легок. Утром командир дивизии проводил меня на станцию Фастов и посадил на паровоз, шедший в Киев. Там меня передали на попечение товарищей из партийного комитета, которые усадили меня в классный вагон поезда, отправлявшегося в Москву. На дорогу меня снабдили целым мешком продуктов: в Москве с продовольствием неважно, сказали мне киевские товарищи. Они просили меня передать Ленину самый горячий боевой привет.

Итак, на этот раз без всяких приключений 3 марта 1919 года, на другой день после открытия исторической конференции, которой суждено было стать I (учредительным) конгрессом Коммунистического Интернационала, я прибыл в Москву. С вокзала я отправился в гостиницу «Метрополь», а оттуда — прямо в Кремль. В Кремль я проник, но вот в зал заседаний охрана меня не пустила. Несшим охрану курсантам показался недостаточным написанный на куске материи мандат. Наконец с помощью одного из делегатов мне удалось получить от Ленина пропуск, действительный на этот день.

Мое появление в небольшом зале заседаний привлекло всеобщее внимание. Тяжелый мешок с провиантом я положил на

возвышение, где находился стол президиума. Ленин поднялся, широко улыбаясь, пошел мне навстречу, протянул мне обе руки и расцеловал.

— Товарищ Грубер, мы сейчас же дадим вам слово,— сказал он.

Я пытался возражать, что в таком виде не могу выступить перед собравшимися, но Ленин ответил:

— Вот именно это и хорошо.

Ленин объявил присутствовавшим, что слово для доклада об австрийском рабочем движении имеет только что прибывший делегат из Австрии, которого все уже считали погибшим. Меня встретили аплодисментами. Когда я кончил свое сообщение¹, Ленин крепко пожал мне руку и сказал:

— Отлично, отлично, товарищ Грубер!

— Моя фамилия — Штейнгардт, — поправил я.

— Для нас вы — товарищ Грубер, — ответил Ленин.

После заседания Ленин сам распорядился обо всем, что касалось моего устройства, и потом лично проверил, как выполнены его распоряжения.

Вскоре мне сообщили, что Владимир Ильич хочет побеседовать со мной сегодня вечером и просит зайти к нему в кабинет. И вот мы сидим за его письменным столом и обсуждаем ход работы конференции. Ленин знакомит меня с результатами первых заседаний. Русская делегация внесла предложение об учреждении Коммунистического Интернационала, и он, Ленин, защищал это предложение. Но немецкий делегат Г. Эберлейн высказался против немедленного основания Коминтерна, мотивируя это тем, что не уполномочен на то своей партией. Ввиду этого русской делегации пришлось временно взять свое предложение назад. С моим же прибытием, сказал Ленин, положение изменилось, поскольку я прямо уполномочен голосовать за немедленное создание Коминтерна. Поэтому Ленин рекомендовал на утреннем заседании 4 марта поступить так. Он, Ленин, сообщит, что австрийский делегат по не зависящим от него обстоятельствам не смог принять участие в первых заседаниях конференции, а тем самым и выступить в поддержку предложения о немедленном основании Коммунистического Интернационала. Ввиду этого австрийский делегат в своем заявлении совместно с другими делегатами просит конференцию вновь включить вопрос о создании Коминтерна в повестку дня. Заявление это должно быть подписано четырьмя делегатами. Если конференция согласится рассмотреть его, мне предоставят слово для обоснования. Он, Ленин, убежден в том, что австрийское предложение о создании Коминтерна будет поддержано всеми делегатами.

¹ См. Первый конгресс Коминтерна.— М., 1933, с. 89—94. *Ред.*

Так и произошло 4 марта 1919 года. Ленин открыл заседание, и после выступлений нескольких делегатов мне дали слово для обоснования решения о том, что конференция постановляет конституироваться в качестве учредительного конгресса Коммунистического Интернационала¹. В ответ на это предложение раздались громкие аплодисменты. Затем перешли к голосованию. Предложение было принято единогласно². Результаты голосования вызвали всеобщее воодушевление, все делегаты стоя запели «Интернационал». Ленин, сияя от радости, жал мне руки и, улыбаясь, повторял:

— Отлично вы это сделали, великолепно!

На этом же заседании Ленин заслушаны тезисы и доклад Ленина о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата, которые вошли в историю международного коммунистического движения как его важнейший программный документ³.

Для подготовки ряда вопросов и решений пришлось создать несколько комиссий, но тут возникли трудности персонального характера. В конгрессе смогли принять участие представители не всех стран, так как гражданская война и иностранная интервенция помешали им прибыть в Москву. Мне повезло, но делегаты из ряда других стран, заявившие о своем согласии принять участие в конгрессе, не смогли попасть на него. Поэтому одним и тем же делегатам пришлось работать в нескольких комиссиях. Меня включили в состав комиссии по политическим и организационным вопросам, а также в редакцию печатного органа Исполкома Коминтерна — журнала «Коммунистический Интернационал».

Днем 4 марта 1919 года мне пришлось вместе с Эберлейном участвовать в работе над окончательным текстом Манифеста конгресса. Мы с Эберлейном должны были не только перевести его на немецкий язык, но и отредактировать. Вечером пришел Ленин и вместе с нами работал над Манифестом с 10 часов вечера до 6 часов утра. Ленин был неутомим и закончил работу только тогда, когда мы прочли абзац за абзацем, фразу за фразой и отшлифовали не только содержание, но и стиль Манифеста. Не раз мы спорили насчет той или иной формулировки, и каждый раз Ленин выходил победителем. Тогда он с удовлетворением улыбался нам своей подкупающей улыбкой и весело подмигивал левым глазом. Видя, что мы с Эберлейном уже порядком устали, он время от времени прерывал работу и начинал шутить. Ленин любил шутку и умел смеяться от всего сердца. Такую жизнерадостность мне приходилось наблюдать только у Фридриха Энгельса.

¹ См. Первый конгресс Коминтерна, с. 129—130. *Ред.*

² Делегат Коммунистической партии Германии от голосования воздержался. *Ред.*

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 491—509. *Ред.*

Когда в 6 часов утра 5 марта 1919 года мы закончили работу, Ленин сказал нам:

— Послушайте моего испытанного совета. Не ложитесь спать, а примите-ка хорошую горячую ванну, потом холодный душ, позавтракайте как следует и пройдите до начала заседания.

Так мы и сделали. Совет Ленина вполне оправдал себя.

Работа конгресса в основном подходила к концу. Его секретариату было поручено руководить деятельностью Коминтерна до следующего конгресса, который решено было созвать по возможности в следующем году. В период конгресса делегаты не раз выступали на многочисленных собраниях трудящихся Москвы. Мне лично довелось выступить на огромном митинге в Большом театре, где произнес речь и Ленин¹. По окончании конгресса мы, иностранные делегаты, разъехались по домам. Не всем удалось добраться благополучно. Я воспользовался самолетом, чтобы долететь до Будапешта, где только что произошла революция, но самолет был сбит румынскими войсками. Меня арестовали и приговорили к смертной казни по обвинению в шпионаже, а затем направили в лагерь смертников, откуда мне через 11 месяцев удалось бежать.

В июле 1920 года я вновь побывал в Советской России — на II конгрессе Коминтерна и был сердечно встречен товарищами, которые уже вновь мысленно похоронили меня. Открытие конгресса происходило в Петрограде — городе Великого Октября — в Таврическом дворце², где обычно заседал Петроградский Совет. Незадолго до открытия зал переполнен. В проходе перед сценой масса народу. Я сижу в президиуме рядом с Горьким. Горький говорит:

— Смотрите, Ленин!

Мы видим, как Ленин пробирается к трибуне. Его приветствуют с обеих сторон. Наконец Ленин высвобождается и быстрыми, мелкими шагами идет по проходу. Лица вокруг него светлеют, когда люди видят его улыбку. Слышатся приветственные возгласы, царит приподнятое настроение. В зале жарко. Ленин вытирает платком вспотевший лоб. Он пожимает мне руку и говорит:

— Нелегко войти в Петроградский Совет!

Заседание открывается. Ленин выступает с докладом о международном положении и основных задачах Коммунистиче-

¹ Речь В. И. Ленина «Об основании Коммунистического Интернационала» на торжественном заседании ВЦИК, Московского Совета, МК РКП(б), ВЦСПС, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы 6 марта 1919 г. см. Полн. собр. соч., т. 37, с. 515—520. *Ред.*

² II конгресс Коммунистического Интернационала проходил с 19 июля по 7 августа 1920 г. Торжественное открытие состоялось 19 июля в Петрограде. С 23 июля работа конгресса проходила в Москве. *Ред.*

ского Интернационала¹. Впечатление такое, будто это разговор с товарищами с глазу на глаз. В конце доклада — бурная овация. Ленин старается занять незаметное место позади трибуны, словно ему как-то неловко. Он не любил оваций.

Вспоминается мне и III конгресс Коминтерна в 1921 году. Я сижу сбоку на возвышении, к которому ведут три ступеньки. Неожиданно в зале возникает какое-то волнение. Оглядываюсь и вижу Ленина, который собирается сесть на ступеньке. Я встаю и уступаю ему место, но он, энергично надавив мне на плечо, заставляет меня сесть и шепчет:

— Сидите спокойно.

Затем Ленин располагается рядом со мной на ступеньках и быстро делает какие-то записи в блокноте. Вдруг он спрашивает меня:

— Что сказал сейчас оратор?

Я рассказываю, но самому мне кажется, что в выступлении этого оратора нет ничего особенного.

После нескольких ораторов объявляют, что сейчас выступит Ленин. Зал замирает. Ленин говорит, и я замечаю, что основным моментом, подвергшимся его критике, явились как раз те слова оратора, о которых меня спрашивал Ленин и которые мне показались малозначащими. Таково было искусство Ленина проникать глубоко в смысл каждого высказывания.

* *
*

В заключение мне хочется сказать еще несколько слов о Ленине как человеке.

«В своей простоте величайший человек», — написал я в альбоме, который был преподнесен В. И. Ленину к его 50-летию делегатами II конгресса Коминтерна². Незабываемыми остались для меня его сердечный смех, его любовь к шутке, его непринужденная жизнерадостность. Поразительна была ленинская работоспособность и неутомимость. Я никогда не видел Ленина усталым.

Не раз я убеждался в исключительной заботливости Ленина о товарищах. Вспоминается, какое исключительное внимание проявил он к заболевшему тифом Джону Риду, как старался сделать все возможное, чтобы спасти его от смерти.

Когда после окончания I конгресса Коминтерна я уезжал домой через Венгрию, где была провозглашена Советская рес-

¹ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 215—235. *Ред.*

² Альбом с отзывами делегатов II конгресса Коминтерна о В. И. Ленине хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В 1957 г. альбом был опубликован в журнале «Исторический архив», № 2, с. 7—23. *Ред.*

публика, Ленин передал мне несколько писем Бела Куны. Кроме того, Ленин вручил мне бумагу и сказал:

— Этим вы воспользуетесь, если у вас будут затруднения при возвращении на родину.

Прощаясь, он положил мне руки на плечи и сказал:

— Будьте осторожны, товарищ Грубер, вы еще понадобитесь.

Но Ленин умел быть и резким, когда речь шла об ошибочных политических решениях. Во время III конгресса Коминтерна был такой случай. В некоторых местах Северной Франции в это время возникли стачки, для подавления которых полиция применяла оружие. В связи с этими выступлениями рабочих французские делегаты предлагали объявить всеобщую стачку по всей Франции. Когда Ленин узнал об этом непродуманном намерении, он резко указал товарищам на ошибочность их требования, которое не отвечало тогдашним реальным политическим условиям во Франции.

Встречи с великим вождем пролетариата навсегда остались в моей памяти, и сейчас, будучи уже в преклонном возрасте, я все еще помню их как самые яркие события моей жизни, мысленно воскрешая бессмертный ленинский образ.

*Новая и новейшая история, 1960,
№ 2, с. 102—107*

НА ПУТИ
К I КОНГРЕССУ КОМИНТЕРНА¹

Наконец настало время приступить к осуществлению того, о чем все думали, чего все ждали, — к основанию Коммунистического Интернационала.

Около Нового года состоялось небольшое совещание представителей ЦК РКП(б) и некоторых товарищей, непосредственно работавших по этой линии². Было выработано обращение к революционным пролетарским организациям всех стран с приглашением прислать конспиративно в Москву к 2 марта 1919 года представителей для обсуждения вопроса об основании Коммунистического Интернационала. Я был, конечно, рад подписать это обращение инициативной группы от имени Американской социалистической рабочей партии, так как это было осуществлением того, чего я в течение двух лет ждал и искал. Отрезанный блокадой от американской партии, я не имел основания сомневаться в том, выполнял ли я ее желание, участвуя в основании Коминтерна.

Первый конгресс проходил под непосредственным руководством Владимира Ильича. Вследствие блокады, интервенции и по условиям конспирации в Москву из-за границы могло приехать на этот конгресс только несколько человек из Германии, Швеции, Норвегии, Австрии, Швейцарии, Латвии и пр. Большинство товарищей, участвовавших в этом конгрессе с решающими или совещательными голосами, состояло из представителей РКП(б) или проживающих в РСФСР коммунистов-эмигрантов из прибалтийских и иных стран.

Наибольшим престижем и почтением, после РКП(б), пользовалась Коммунистическая партия Германии, незадолго до

¹ Печатается третий раздел статьи, содержащий воспоминания о В. И. Ленине. *Ред.*

² Автор имеет в виду совещание представителей коммунистических и левосоциалистических партий и групп ряда стран, на котором было принято отредактированное В. И. Лениным воззвание «К первому съезду Коммунистического Интернационала». Совещание состоялось в январе (ранее 24) 1919 г. *Ред.*

конгресса реорганизовавшаяся из «Союза Спартака». Всего за шесть недель до конгресса были убиты при участии шейдемановцев Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Германский пролетариат, в лице его авангарда, руководимого спартаковцами, боролся на баррикадах Берлина и других центров Германии за социалистическую республику Советов, за замену буржуазной демократии диктатурой пролетариата. Социал-демократический палач Носке расстреливал этот цвет германского рабочего класса тысячами на улицах, площадях, в тюрьмах и казармах. Трудно описать ту любовь и то почтение, которыми сотня товарищей, собравшихся во главе с Лениным в 5 часов вечера 2 марта 1919 года¹ в этом небольшом историческом Митрофаньевском зале в Кремле, окружили геройскую, самоотверженную германскую компартию. Это чувство перенеслось и на прибывшего ее представителя тов. Альберта (Эберлейна). Кроме тов. Ленина, открывшего заседание от имени ЦК РКП(б), вряд ли был в этом зале кто-либо, с мнением которого так считались бы все делегаты, как тов. Альберт, из-за партии, которую он там представлял.

Но уже почти с момента открытия первого заседания выяснилось, что это чувство всех собравшихся будет подвергнуто самому сильному испытанию. Выяснилось, что спартаковцы были против того, к чему так страстно рвались все остальные присутствующие, начиная с Ленина: они были против того, чтобы безотлагательно прокламировать — тут же, в Москве, еще до того, как собравшиеся разъедутся, — что III, Коммунистический Интернационал основан, что его знамя поднято и что I конгресс Коминтерна состоялся. Тов. Альберт настаивал от имени и в соответствии с директивами своей партии, чтобы наши заседания рассматривать не как заседания I конгресса III Интернационала, а как заседания предварительной конференции, которая должна обсудить, целесообразно ли основание, созрели ли условия для основания Коминтерна, и если да, то принять меры для созыва, в будущем, I конгресса для основания Коммунистического Интернационала, но лишь после того, как будут выработаны основные начала и руководящие линии такого Интернационала и будет выяснено, что революционные кадры пролетариата в различных странах реагируют на них достаточно одобрительно и в достаточно больших массах... Если учесть блокаду РСФСР, военные фронты, полицейские притеснения и преследования всего, что было живого в пролетариате, в особенности тогда, когда дело шло о сношениях с Москвой (и так несколько товарищей были арестованы, не добравшись до конгресса), то надо было признать, что принять предложение

¹ В I конгрессе Коминтерна приняли участие 52 делегата от 35 организаций 21 страны. Первое заседание конгресса открылось в 6 час. 10 мин. вечера. *Ред.*

тов. Альберта — значило бы отложить основание Коминтерна на неопределенное время.

Все были ошеломлены этим предложением. Возглавляемые и вдохновляемые Лениным, все мы пришли на конгресс с твердым намерением тут же положить начало Коминтерну. Мы никак не могли согласиться с аргументами тов. Альберта о том, что революционные кадры пролетариата в различных странах могут оказаться слишком робкими и скептически настроенными, могут не откликнуться в достаточном количестве и что такое фиаско может оказаться очень вредным и т. п.

Во время перерыва удивленные и разочарованные товарищи оживленно обсуждали создавшееся положение. Были товарищи, которые видели в аргументах тов. Альберта отражение робости и скептицизма самих спартаковцев по вопросу о целесообразности основания нового Интернационала. Некоторые говорили, что еще Роза Люксембург была против немедленного основания особого Коммунистического Интернационала. Другие шли дальше и комментировали позицию тов. Альберта так, что спартаковцы и люксембургянцы еще не перестали, мол, смотреть на социал-демократов как на своих заблуждающихся товарищей по партии, еще не перестали надеяться, что они когда-нибудь будут опять вместе, и стремились отсрочить основание Коминтерна как мешающего этому объединению фактора...

Как бы то ни было, вес германской компартии был так велик, что на первом заседании никто не решался энергично бороться против предложения тов. Альберта. Даже Ленин и делегация РКП(б) решили скрепя сердце временно уступить. Представитель русской делегации заявил: «Наша партия стоит на той точке зрения, что момент формального основания III Интернационала вполне назрел, и мы бы предложили основать его уже на этом первом съезде. Но так как наши друзья из Германии, Германская коммунистическая партия, настаивают на том, что съезд должен конституироваться лишь в качестве конференции, то мы считаем необходимым пока присоединиться к этому предложению германских коммунистов. При этом мы все же заявляем, что и в дальнейшем будем агитировать за то, чтобы возможно скорей был основан III Интернационал как официально существующая организация»¹.

Тов. Куусинен тоже заявил от имени финской делегации (Сирола, Маннер, Куусинен, И. Рахья и Э. Рахья): «Мы, финские делегаты, также присоединяемся к той точке зрения, что III Интернационал должен быть теперь же сконституирован». Принимая во внимание обстоятельства, только что указанные представителем РКП(б), «мы пока не вносим этого предложе-

¹ Первый конгресс Коминтерна, с. 5. *Ред.*

ния. Но, по нашему мнению, было бы весьма отрадным результатом, если бы эта конференция закончилась решением, что она приступает, в качестве конгресса, к основанию нового Интернационала»¹.

Собрание постановило: «Заседать в качестве международной коммунистической конференции»². Таким образом, вопрос был, казалось, решен: знамя Коминтерна будет поднято не сейчас, а когда-нибудь в будущем. Тов. Альберт временно торжествовал победу, но только временно — в течение одних суток.

Никто из голосовавших за постановление не был им доволен. Все ждали удобного момента, чтоб исправить дело. Момент этот наступил на следующий день на вечернем заседании. В настроении почти всех делегатов произошел перелом в сторону решительной борьбы за отмену уступки, сделанной накануне тов. Альберту. Помог разрядить атмосферу своим горячим выступлением на вечернем заседании второго дня только что прибывший из Вены делегат Грубер (Штейнгардт). Это был очень темпераментный и способный агитатор масс. Наэлектризованный до крайности еще до отъезда из Вены страстной борьбой немногочисленных кадров австрийских коммунистов с предательской социал-демократией, клерикализмом, буржуазией и военщиной, Грубер со своим товарищем, пробираясь в Москву на конгресс, ехали на паровозах и тендерах, на буферах и в вагонах для скота, бродяжничали и пробирались тайком через фронт петлюровских и польских банд, и вот они наконец в красной Москве и, едва успев умыться, мчатся в Кремль, чтобы поскорее попасть на конгресс.

Речь Грубера, совпавшая с формальным предложением ряда товарищей приступить немедленно к основанию III Интернационала, повернула ход работ конгресса по этому вопросу. Всем стало ясно, что основание Коминтерна должно быть проklamировано тут же.

Предложение гласило:

«Представители Коммунистической партии Немецкой Австрии, левой социал-демократической партии Швеции, Балканской революционной социал-демократической федерации, Коммунистической партии Венгрии предлагают основать Коммунистический Интернационал.

I. Необходимость борьбы за диктатуру пролетариата требует существования единой, сплоченной международной организации всех коммунистических элементов, стоящих на этой платформе.

II. Основание III Интернационала тем более становится делом, что в данный момент в Берне, а затем, быть может, и в

¹ Первый конгресс Коминтерна, с. 5. *Ред.*

² Там же. *Ред.*

других местах предпринимаются попытки восстановления старого, оппортунистического Интернационала и собирания воедино всех нерешительных, неопределившихся элементов пролетариата. Поэтому-то необходимо провести резкую грань между революционными пролетарскими и социал-предательскими элементами.

III. Если III Интернационал не будет основан заседающей в Москве конференцией, то может получиться впечатление, будто среди коммунистических партий нет единства; это, конечно, ослабило бы наше положение и увеличило бы замешательство среди колеблющихся элементов пролетариата всех стран.

IV. Конституирование III Интернационала является поэтому безусловным историческим требованием и должно быть осуществлено заседающей в Москве международной коммунистической конференцией»¹.

Снова начались прения, но уже всем, не исключая и самого тов. Альберта, было ясно, что прокламирование Коммунистического Интернационала на этом его первом конгрессе предрешиено. Тов. Альберт добросовестно выполнил директивы своей партии. Он пустил в ход всю силу своего красноречия и способности убеждать, но никого не убедил. Он оказался недурным адвокатом плохого клиента. Все понимали, что он напрасно тратит порох или говорит только для стенограммы. Одни слушали его с добродушной улыбкой сожаления. Другие зевали от скуки. Ему отвечал ряд делегатов конгресса.

Наконец приступили к голосованию. Голосовали поименно, опросив и делегатов с совещательным голосом. Компартия Германии воздержалась от голосования. Все остальные единогласно голосовали за резолюцию.

Коммунистический Интернационал... родился среди восторженных возгласов и под пение «Интернационала», с небывалым подъемом 5 марта 1919 года в 9 часов вечера².

Ленин и международное рабочее движение: Воспоминания. Сборник 1. — М., 1934, с. 38—45

¹ Первый конгресс Коминтерна, с. 118—119. *Ред.*

² Автор ошибается: заключительное заседание I конгресса состоялось 6 марта; оно открылось в 11 час. 30 мин. утра и было непродолжительным. *Ред.*

ВЕЛИКИЙ ВОЖДЬ¹

1

Что бы ни думали о Владимире Ильиче Ульянове-Ленине его враги, но даже и они не отрицают, что он — один из величайших людей своего времени. Стоит ли объяснять, почему я записал тот мой краткий разговор с ним, который, как мне кажется, позволяет судить о складе его ума.

Разговаривая со мной о том, что английскому рабочему движению не хватает теоретиков, он вспомнил, как на одном собрании слышал выступление Бернарда Шоу.

— Шоу, — сказал Ленин, — честный человек, попавший в компанию фабианцев. Он куда левее всех тех, кто его окружает.

Ленин ничего не знал о книге Шоу «Совершенный вагнерианец» и очень заинтересовался ею, когда я рассказал ему содержание. Кто-то из присутствовавших вмешался в разговор и назвал Шоу клоуном, Ленин сердито отрезал:

— Он, может быть, и клоун для буржуазии в буржуазном государстве, но в революции его не сочли бы за клоуна.

Он спросил меня:

— Сознательно ли работает Сидней Вебб на капиталистов?

И когда я ответил, что это, по моему глубокому убеждению, не так, Ленин заметил:

— Тогда у него больше трудолюбия, чем ума. У него безусловно огромные знания.

...О Советах Ленин сказал:

— Вначале я думал, что они есть и останутся чисто русской формой, но теперь совершенно очевидно, что под разными названиями они должны стать орудием революции повсюду.

Он выразил мнение, что в Англии не допустят, чтобы я говорил правду о России, и в качестве примера рассказал, как в Америке заставили молчать полковника Робинса. О Робинсе он спросил:

¹ Печатается с небольшим сокращением. *Ред.*

— В самом ли деле он относился к Советскому правительству дружелюбно?

Я ответил:

— Да, но только как спортсмен, восхищавшийся его мужеством и смелостью в борьбе с трудностями.

Я привел слова Робинса, говорившего:

— Я не могу воевать с ребенком, у колыбели которого провел шесть месяцев. Но если бы большевистское движение началось в Америке, я взял бы в руки винтовку, чтобы в любой момент выступить против него.

Ленин заметил:

— Вот это человек честный и гораздо дальновиднее многих. Мне он всегда нравился.

Представив себе образ ребенка, Ленин весело рассмеялся:

— У колыбели этого ребенка сидят еще несколько миллионов человек.

...Говоря о клевете, которую распространяют о России, Ленин заметил, что это главным образом извращенные факты, а не голые выдумки, и в качестве примера рассказал о недавно опровергнутом им слухе.

— Вы знаете, откуда пошел этот слух? — спросил он. — Я, разговаривая по телефону с одним знакомым, пожелал ему счастливого Нового года и сказал: «Будем надеяться, что в новом году мы совершим меньше глупостей, чем в старом». Кто-то услышал об этом и рассказал кому-то еще. Одна же из газет объявила: «Ленин говорит: мы совершаем глупости». С этого все и началось.

Больше, чем когда-либо раньше, Ленин произвел на меня впечатление счастливого человека.

Возвращаясь из Кремля, я думал: видел ли я когда-нибудь человека его калибра, который обладал бы таким же жизнерадостным темпераментом? Мне никто не приходил на ум. Этот невысокий, лысоватый, с морщинками на лице человек, который, покачиваясь на стуле, смеется то по одному, то по другому поводу, в то же время всегда готов каждому дать обстоятельный совет; при этом совет настолько хорошо аргументирован, что делается для его сторонников убедительнее любого приказа. Его морщины — морщины смеха, а не горя. Я думаю, что это именно так, ибо он первый великий вождь, который полностью отрицает значение своей собственной личности. Ему совершенно несвойственно честолюбие. Более того, как марксист, он верит в народное движение, которое с ним или без него все равно будет поступательным... Поэтому он свободен, как не был свободен ни один выдающийся человек до него. Доверие к нему рождает не столько то, что он говорит, сколько эта ощущаемая в нем внутренняя свобода и это его бросающееся в глаза самоотречение. Исходя из своей философской концеп-

ции, он ни на минуту не допускает, чтобы ошибка одного человека могла испортить все дело. Сам он, по его мнению, только участник, а не причина событий, которые навеки будут связаны с его именем.

2

Я отправился к Ленину на следующий день после парада на Красной площади и праздника в честь III Интернационала¹.

Первым делом он сказал мне:

— Боюсь, джингоисты² в Англии и во Франции используют вчерашние события в качестве предлога для новых выступлений против нас.

Он заговорил о последней чичеринской ноте³ и сказал, что в России возлагают на нее большие надежды. Бальфур⁴ где-то сказал: «Пускай огонь потаснет сам». Так не выйдет. Но самый быстрый путь восстановить в России нормальные условия состоит, конечно, в заключении мира и соглашения с союзниками. «Я уверен, мы могли бы договориться, если бы они вообще хотели договориться. Англия и Америка, возможно, пошли бы на это, не будь их руки связаны Францией. А интервенция в широком смысле сейчас едва ли возможна. Они, должно быть, поняли, что с Россией никогда нельзя расправиться так, как расправляются с Индией, и что отправка сюда войск равноценна их отправке в коммунистический университет».

Я сказал что-то про общую обстановку враждебности, с какой встречают пропаганду большевиков в зарубежных странах.

Ленин заметил:

— Скажите им, пусть построят вокруг каждой из своих стран китайскую стену. У них же есть таможенники, границы и береговая охрана. Они же могут убрать любых большевиков, каких только захотят. Революция не зависит от пропаганды. Если нет условий для революции, никакая пропаганда не сможет ни ускорить, ни задержать ее. Война создала эти условия

¹ Торжественное соединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, МК РКП(б), ВЦСПС, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы в ознаменование создания III, Коммунистического Интернационала, в котором принимали участие и делегаты I конгресса Коминтерна, состоялось в Большом театре 6 марта 1919 г.

Парад на Красной площади в Москве в честь создания III Интернационала состоялся 7 марта 1919 г. А. Рансом был принят В. И. Лениным в тот же день. *Ред.*

² Джингоисты — кличка английских воинствующих шовинистов. *Ред.*

³ По-видимому, имеется в виду нота народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина министру иностранных дел Франции Стефану Пишону от 6 марта 1919 г. (см. Документы внешней политики СССР, т. 2. — М., 1958, с. 89—90). *Ред.*

⁴ Бальфур Артур Джеймс (1848—1930) — английский государственный деятель, дипломат, один из лидеров консерваторов. *Ред.*

во всех странах, и я убежден, что, поглоти сегодня Россию море или же исчезни она совсем с лица земли, революция в остальной Европе будет развиваться своим чередом. Спрячьте Россию на двадцать лет под воду, но и этим вы ни на шиллинг, ни на час в неделю не удовлетворите требований цеховых старост Англии.

Я заявил ему, как неоднократно заявлял большинству людей в России, что не верю в возможность революции в Англии.

Ленин ответил:

— У нас говорят, что человек может ходить и не знать, что болен тифом. Лет двадцать, а может быть, и тридцать тому назад у меня был тиф, а я об этом и не подозревал, пока он не свалил меня. Так вот, и Англия, и Франция, и Италия уже заразились. Англия, возможно, кажется вам незатронутой, но микроб уже проник в нее.

Я рассказал ему о том, что забастовки у нас носят неопределенный и разобщенный характер, и что либеральный, в противовес социалистическому, характер этого движения, если только оно вообще носило политическую окраску, напоминает мне картину России 1905 года, а вовсе не Россию 1917 года, и что я уверен, что все утихнет.

— Да, очень возможно, — сказал Ленин. — Это, может быть, период воспитательный, во время которого английские рабочие все же осознают свои политические потребности и повернут от либерализма к социализму. Конечно, социализм в Англии слаб. Ваши социалистические движения... ваши социалистические партии... Когда я был в Англии, я старался побывать всюду, где только мог, и для страны с таким большим индустриальным пролетариатом они ничтожны, ничтожны... горсточка на углу улицы... собрание в гостинной... в школьном классе... все это ничтожно. Но вы должны не забывать об одном значительном различии между Россией 1905 года и сегодняшней Англией. Наш первый Совет был создан во время революции, ваши комитеты цеховых старост существуют уже давно. У них нет программы, нет направления, но та оппозиция, с которой они столкнутся, заставит их выработать программу.

Говоря об ожидавшемся приезде бернской делегации, он спросил меня, знаю ли я Макдональда, чье имя фигурировало вместо имени Гендерсона в последующих телеграммах, в которых сообщалось об их приезде. Ленин сказал:

— Я очень рад, что вместо Гендерсона едет Макдональд. Конечно, Макдональд в любом смысле слова не марксист, но он по крайней мере интересуется теорией, а поэтому можно полагать, что он постарается понять, что здесь происходит. Большого мы не просим.

Затем мы немного поговорили о вопросе, который очень меня интересует, а именно о том, как незаметно, совершенно

независимо от войны претерпевает изменение коммунистическая теория в трудном процессе ее претворения в жизнь. Мы говорили об изменениях в рабочем контроле, который теперь совсем не похож на те стихийные комитеты, которые поначалу затрудняли работу. Затем мы разговорились об антипатии крестьянства к военному коммунизму и о том, как развивалась дальше эта идея. Я спросил, как будут выглядеть отношения между коммунистами городов и проникнутыми духом собственности крестьянами и нет ли опасности того, что между ними возникнет антипатия; я сказал при этом, что мне жаль так скоро уезжать, потому что не смогу увидеть, как выдержит эластичность коммунистической теории неизбежный нажим крестьянства.

Ленин заметил, что в России наблюдается довольно резкое различие между богатыми и бедными крестьянами.

Единственная оппозиция, сказал он, с которой мы сталкиваемся в России, прямо или косвенно связана с богатым крестьянством. Беднота, как только она освобождается от политического господства богатеев, становится на нашу сторону; она сейчас составляет огромное большинство.

Он спросил меня, не собираюсь ли я вернуться, сказав, что я смог бы поехать в Киев понаблюдать революцию так, как я наблюдал ее в Москве. Я сказал, что мне очень не хотелось бы думать, что я в последний раз приехал в страну, которую люблю почти так же, как свою собственную. Он рассмеялся и ответил мне комплиментом, заметив, что хотя я и «англичанин», но более или менее сумел разобраться в том, чего добиваются большевики, и что он был бы очень рад видеть меня еще раз.

ЗАМЕТКИ О ВСТРЕЧАХ С ЛЕНИНЫМ

I

Я имел счастье присутствовать на собрании, которое вынесло решение принять меры для создания III, Коммунистического Интернационала. В январе 1919 года я получил извещение о том, что совещание состоится вечером; я был приглашен принять в нем участие.

В назначенный час я явился в Кремль. Меня провели в обширную комнату, погруженную в полумрак. В одном углу, освещенном электрической лампочкой, стоял стол и несколько стульев, отделенных от остальной части комнаты богатой ширмой. Из любопытства я заглянул за ширму и, к моему изумлению, увидел роскошнейшую кровать с балдахином. Совещание, на котором было принято решение о создании Коммунистического Интернационала, происходило в царской спальне Николая последнего...

На совещании присутствовало всего несколько человек. Мы уселись за стол в углу комнаты. Свет единственной лампочки, казалось, лишь сгущал тени и мрак вокруг нас. Вся обстановка создавала атмосферу таинственности и мрачной торжественности.

На деле ничего особо секретного в этом совещании не было — два дня спустя весь мир был оповещен по радио о принятом решении. Полумрак объяснялся просто-напросто тем, что Москва в те дни принуждена была экономить электрическую энергию. Но я приехал в Россию лишь за несколько месяцев до этого, был еще полон первых впечатлений от революции и до известной степени склонен к романтике.

Обсуждавшийся вопрос имел исключительное историческое значение. Русский пролетариат боролся за укрепление своей власти в окружении тесно сомкнувшихся контрреволюционных сил. За пределами этого кольца, в других странах, пролетариат восставал против буржуазии, мощь которой уже пошатнулась. Партии II Интернационала, предавшие пролетариат в мировой войне, теперь открыто выступили в качестве спасителей капи-

талистического общества и собственноручно душили и убивали рабочих, чтобы остановить напор революции стеной трупов рабочих. В Германии «Союз Спартака» мужественно боролся против мясника Шейдемана. В Австрии происходило восстание пролетариата. И даже в Лондоне солдаты открыто возмущались, демонстрировали в правительственном квартале Уайтхолл. Те социал-демократические партии и их секции, которые пытались остаться верными принципам международной пролетарской солидарности, беспомощно барахтались в этом водовороте, потеряв всякий контроль над движением.

В этих условиях тов. Ленин пришел к заключению, что настало время завершить работу, начатую в Циммервальде и Кинтале. II Интернационал был полностью разоблачен. У международного пролетариата уже не оставалось никаких сомнений в том, что II Интернационал вместе с международной буржуазией общими силами старается сокрушить пролетарскую революцию. Необходимо было призвать пролетариат к решительному разрыву с этой предательской организацией и сплочению под знаменем новой, революционной международной организации, которая поведет рабочих всего мира на борьбу, столь успешно начатую русским пролетариатом,— борьбу за свержение буржуазии.

В этом духе тов. Ленин объяснил причины созыва упомянутого мною совещания. Он представил проект манифеста, который должен был быть передан по радио рабочим всего мира, и подчеркнул, что воззвание подписано представителями РКП(б) и всех сочувствующих зарубежных партий, бывших тогда в Москве.

После некоторой дискуссии предложение тов. Ленина было принято. Одновременно был принят проект приглашения, которое должно было быть разослано всем партиям, стоявшим в оппозиции ко II Интернационалу. Им было послано приглашение прислать своих представителей на учредительный конгресс III Интернационала, созывавшийся, согласно решению совещания, в Москве в марте того же года.

Хотя я не был уполномочен моей партией, Британской социалистической партией, участвовать в образовании нового Интернационала, я тем не менее подписал Манифест в твердом убеждении, что партия одобрит мои действия. После исключения ура-патриота Гайндмана и его последователей, Британской социалистической партии пришлось бороться с военной лихорадкой, привитой рабочему классу буржуазией при помощи ее социал-демократических лакеев. Партия откликнулась на призыв революционного крыла Циммервальдской и Кинтальской конференций, и только физическая невозможность послать делегатов помешала ей личным представительством на конференциях поддержать революционное крыло. Когда я уезжал в

Россию, партия дала мне инструкцию выразить полную солидарность партии с РКП(б). Я был убежден поэтому, что партия должна одобрить мою линию, и я от ее имени подписался под актом, положившим начало образованию III Интернационала.

Манифест и приглашение были переданы по радио, и в Москве началась подготовка учредительного конгресса Коминтерна.

II

Не в пример последующим конгрессам учредительный конгресс Коминтерна действительно состоялся в назначенный срок или почти в назначенный срок. Но также не в пример последующим конгрессам на этот конгресс прибыло из-за границы лишь очень немного делегатов, как мы, впрочем, и ожидали. Фактически из прибывших непосредственно из-за границы делегатов я могу назвать тов. Эберлейна (Альберта), представителя «Союза Спартака», тов. Рутгерса, представителя Американской лиги пропаганды и одной секции Социал-демократической партии Голландии, и нескольких финских товарищей. От имени других зарубежных партий, представленных на конгрессе, присутствовали большей частью члены этих партий, бывшие тогда в Москве.

По тем же причинам, которые побудили меня подписать приглашение на конгресс, я взял на себя представительство Британской социалистической партии на конгрессе¹, и последующие события показали, что я был совершенно прав, действуя таким образом. После I конгресса по инициативе Британской социалистической партии состоялась конференция революционных партий и группировок в Англии с целью образования коммунистической партии. В результате этой конференции была создана Компартия Великобритании, примкнувшая к Коммунистическому Интернационалу².

Центральным вопросом дискуссии на мартовском конгрессе был вопрос о том, быть ли этому конгрессу действительно учредительным конгрессом Коммунистического Интернационала, то есть образовать ли Коммунистический Интернационал на этом конгрессе, который должен считаться его первым конгрессом, или же рассматривать его как предварительную конференцию для обсуждения вопроса об образовании Коммунистического Интернационала.

¹ Д. Файнберг представлял на I конгрессе Английскую коммунистическую группу (см. Первый конгресс Коминтерна, с. 251). *Ред.*

² Коммунистическая партия Великобритании основана на учредительном съезде в Лондоне 31 июля — 1 августа 1920 г. и в этом же году вошла в Коминтерн. *Ред.*

РКП(б) во главе с Лениным и подавляющее большинство присутствующих делегатов стояли за немедленное образование Интернационала. К общему разочарованию представитель «Союза Спартака» колебался голосовать за это предложение, не имея на то инструкций своей организации, и настаивал на том, чтобы отложить решение до следующей конференции. Это было серьезное препятствие, поскольку «Союз Спартака» был крупнейшей после РКП(б) пролетарской организацией, активно участвовавшей в революционной борьбе. Новообразованный Коммунистический Интернационал без боевой организации германского пролетариата имел бы гораздо меньше влияния, чем при условии присоединения «Союза Спартака».

Долго и настойчиво убеждали другие делегаты тов. Эберлейна изменить его позицию. Но, как он заявил, из чувства ответственности перед своей организацией он не может отступить от занятой позиции. Однако логика Ленина оказалась более здоровой и дальновидной, чем логика Эберлейна. Ленин убежденно заявил, что «Союз Спартака» не может не присоединиться к Коммунистическому Интернационалу, если последний будет образован. Он предложил поэтому, несмотря на оговорки тов. Эберлейна, объявить формально III Интернационал образованным в твердом убеждении, что «Союз Спартака» и все другие революционные организации пролетариата сплотятся под его знаменем.

Собравшиеся бурно приветствовали это предложение. III Интернационал был объявлен учрежденным, а настоящее собрание — его I конгрессом.

Предсказание тов. Ленина о позиции революционных пролетарских организаций других стран по отношению к Коммунистическому Интернационалу очень скоро оправдалось. Спустя год с лишним состоялся II конгресс Коммунистического Интернационала, на который прибыли делегаты из всех стран¹. Чтобы добраться до Москвы, делегатам пришлось пробиться сквозь густую сеть проволочных заграждений, блокаду, объявленную Советской России буржуазными правительствами. Более того, нарастающая волна революции, с которой эти революционные организации пришли в ряды Коммунистического Интернационала, — эта волна несла с собой и обломки разложившегося II Интернационала. Но II конгресс поставил заградительное укрепление в форме 21 условия, направленного против нежелательных элементов. А на последующих конгрессах была произведена основательная очистка Коминтерна от всех тех элементов, которым удалось проникнуть даже через заградительную решетку.

¹ На II конгрессе Коминтерна присутствовали 217 делегатов от 67 организаций из 37 стран. *Ред.*

Со времени своего образования, пятнадцать лет назад, Коммунистический Интернационал был свидетелем прихода и ухода многих с каждым приливом и отливом революционной волны. Но его ядро, революционный авангард пролетариата, стоит непоколебимо, как скала, на твердой базе, заложенной Лениным.

III

С Лениным я встречался не только на I конгрессе. Во время всех этих встреч меня поражало то чрезвычайное внимание, с каким Ленин вникал во все подробности каждого дела, при той огромной работе, которая лежала на его плечах.

В 1918—1919 годах я был занят изданием листовок и небольшой газеты «The Call»¹ для распространения среди британских и американских интервенционистских войск в Мурманске, Архангельске и других местах. Тов. Ленин читал каждый из этих листовок и предлагал изменения, если находил их целесообразными. В этой работе мне некоторое время помогали известный американский революционер-карикатурист Роберт Майнор, ныне один из руководителей Коммунистической партии США, и Филипс Прайс, известный английский либеральный журналист, весьма сочувственно относившийся к Советскому правительству. Впоследствии он вступил в Коммунистическую партию Великобритании, но затем отрекся от нее и сделался членом Рабочей партии.

Однажды тов. Ленин пригласил нас троих к себе в Кремль, чтобы обсудить дело, которым мы были заняты. Очевидно, он придавал большое значение этому делу, и это подтверждается тем, что он говорил о нем в своей речи на I Всероссийском съезде трудовых казаков в 1920 году².

Во время этой встречи тов. Ленин давал нам советы относительно линии поведения, которой мы должны были держаться в будущем. От этого вопроса беседа перешла к положению в каждой из наших стран и к тем способам, какими рабочие там могли бы быть осведомлены о том, что происходит в Советской России. В то время, как известно, Советская Россия была в тесном кольце блокады и остальные страны мира были крепко забаррикадированы от проникновения подлинных известий и идей из Страны Советов. Тов. Ленин всячески старался объяснить нам до мельчайших подробностей, как нужно печатать, запаковывать и отправлять литературу, чтобы она могла пройти через самые прочные заграждения. Он, по-видимому, горел желанием передать нам, воспитанным в условиях исключительно

¹ «Призыв». *Ред.*

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 170—173. *Ред.*

легальной работы, свой огромный революционный опыт подпольной работы.

Всякий, кто встречался с Лениным, бывал, конечно, очарован скромным и товарищеским обращением его с посетителями; и с каким бы благовоением и уважением вы ни относились к нему, вы сразу же чувствовали себя свободно в его присутствии. Но однажды я был свидетелем того, как он без труда одержал верх над человеком, который, будучи обманут его скромностью, попытался отнестись к нему снисходительно.

В 1919 году Джордж Ленсбери, тогда считавшийся «левым», а теперь лидер Рабочей партии, приехав в Советскую Россию, добивался и добился свидания с Лениным¹. Я сопровождал Ленсбери при его посещении Ленина.

После обычного обмена приветствиями тов. Ленин спросил Ленсбери о положении дел в Англии, об отношении британских рабочих к Советской России и т. д. Ленсбери со своим обычным видом благодетельного отца, сердце которого переполнено человеколюбием, начал милостиво разъяснять Ленину, что в Англии дело обстоит иначе, что британские рабочие действовали бы иначе, более благопристойно, не теперь, может быть, но в будущем и т. д. И он говорил и говорил, как всегда, громко и пространно, изливая свою филистерскую мудрость. Тем временем Ленин сидел, облокотившись на ручку своего кресла, выдвинув голову и плечи вперед по направлению к посетителю; опершись подбородком на сжатый кулак, слегка прищуриль правый глаз, он внимательно слушал, что говорил его собеседник.

Ленсбери продолжал говорить со свойственным ему самодовольным видом; но постепенно взгляд Ленина начал, по-видимому, смущать его. Он понизил голос, начал говорить медленнее, стал запинаться и наконец умолк с каким-то покорным выражением лица. И тогда тов. Ленин начал говорить: он привел Ленсбери в изумление своим глубоким знанием английских дел и сообщил ему напрямик свое мнение о лидерах Британской рабочей партии, как правых, так и «левых».

Когда мы ушли, Ленсбери сказал мне: «Никогда в течение моей жизни ни один человек не произвел на меня такого сильного впечатления». А Ленсбери встречал многих великих людей в течение своей жизни.

В другом случае я имел возможность наблюдать, как Ленин судил о людях не по внешнему виду, а по действительному их характеру и политической позиции.

В 1920 году, как раз перед II конгрессом Коммунистического Интернационала, в Советскую Россию приехала первая британская рабочая делегация. В состав этой делегации входил Роберт Вильямс, тогда генеральный секретарь федерации трай-

¹ Автор ошибается: Ленсбери приезжал в Россию не в 1919, а в 1920 г. (см. настоящий том, с. 245). *Ред.*

спортивных рабочих, железнодорожников и горняков, которая как раз перед этим успешно отразила нападение на горняков¹. Вильямс считал себя коммунистом и сторонником Коммунистического Интернационала. Гордясь недавней победой тройственного союза, Вильямс разыгрывал роль «страшного революционера» и, вероятно, при своем самомнении воображал себя будущим диктатором Англии.

Узнав, что Вильямс коммунист, тов. Ленин пожелал встретиться с ним. Я сопровождал его к Ленину.

Представьте себе картину: толстый, крикливый Боб Вильямс, развалившийся в низком кожаном кресле, протяжным голосом рассказывает Ленину о своих подвигах и о том, что он думает о непосредственных целях революционного движения в Англии. Это было явное хвастовство. Ленин сидел в своей обычной позе, находясь, казалось, под впечатлением того, что говорил Вильямс. В данном случае Ленин говорил очень мало, ставя только время от времени отдельные вопросы. Я был глубоко огорчен тем, что этому пошлому хвастуну удалось как будто произвести впечатление на нашего вождя. Тов. Ленин хорошо понимал английский язык (и говорил по-английски), поэтому он только изредка обращался ко мне за помощью. Все-таки я предположил, что впечатление, которое Вильямс, по-видимому, произвел на Ленина, объясняется тем, что Ленин не понял всего, что тот говорил. Поэтому, когда мы прощались с Лениным, я рискнул спросить его по-русски:

— Вы поняли все, что он говорил?

Ответ последовал без замедления:

— У него полная каша в голове.

Год спустя тройственный союз², и Роберт Вильямс в том числе, предал горняков во время второго нападения владельцев угольных копей, и «черная пятница» 1921 года знаменовала конец «революционной» карьеры Роберта Вильямса.

Ленин и международное рабочее движение: Воспоминания. Сборник 1.— М., 1934, с. 46—55

¹ Р. Вильямс был генеральным секретарем Национальной Федерации транспортных рабочих; нападение владельцев угольных копей на горняков федерация отразила вместе с профсоюзами железнодорожников и горняков. *Ред.*

² Руководство тройственного союза. *Ред.*

ВСТРЕЧА С ЛЕНИНЫМ

В середине февраля 1919 года я с тремя товарищами по поручению Коммунистической партии Венгрии выехал в Москву, чтобы представлять партию на I конгрессе III Интернационала. В ту пору такая поездка была не из легких. Путь в Москву лежал через два фронта. Поляки и украинцы сражались за Львов, а отступавшие под ударами Красной Армии контрреволюционные банды Петлюры тоже преграждали нам дорогу.

Два члена делегации не решились пойти на риск и вернулись назад, поэтому со мной поехал только Габор Месарош, который позже погиб мученической смертью. Железнодорожного сообщения с Советской Россией не было, и поэтому большую часть пути нам пришлось проделать пешком или на подводе. В Тарнополе меня заподозрили как «большевистского агента» и только благодаря счастливой случайности мне удалось спастись. В Винницу я прибыл как раз в тот момент, когда в город входили части Красной Армии. С их помощью мне уже не так трудно было продолжать свое «путешествие». На сей раз я отправился в путь один, так как Габор Месарош, находившийся прежде в русском плену и лучше меня разбиравшийся в обстановке, уехал раньше. 23 марта я прибыл в Киев, где были получены вести о провозглашении в Венгрии диктатуры пролетариата¹. Там же я узнал и о том, что конгресс III Интернационала уже закончил свою работу. По приезде в Москву мне довелось сразу же попасть на заседание Всероссийского съезда Советов².

Когда я вошел в зал, выступал как раз тов. Ленин³. Он внес предложение избрать Михаила Ивановича Калинина председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. После выступления Владимира Ильича тогдашний народный комиссар по иностранным делам Чичерин повел меня в президиум, прямо к Ленину. Узнав, кто я такой, Ленин обра-

¹ Венгерская Советская Республика была провозглашена 21 марта 1919 г. *Ред.*

² Ласло Рудаш присутствовал не на съезде Советов, а на заседании ВЦИК, состоявшемся 30 марта 1919 г. *Ред.*

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 223—226. *Ред.*

довался моему счастливому приезду (от Месароша он уже знал о моих злключениях в Тарнополе) и предложил, чтобы я, если считаю нужным, сказал несколько слов делегатам съезда. Но я, ссылаясь на усталость после дороги, уклонился от почетного предложения и не воспользовался возможностью обратиться к делегатам съезда от имени венгерских трудящихся. Я считаю, что это моя оплошность. Объяснить ее можно тем, что мне тогда было всего лишь тридцать четыре года и я не обладал еще достаточным революционным опытом, да к тому же, впервые так близко увидев Ленина, невольно растерялся...

Через неделю после моего приезда в Москву Владимир Ильич пригласил меня к себе. Я отправился в Кремль в сопровождении тогдашнего секретаря Коминтерна товарища Клингера¹. Кабинет Ленина находился в ту пору в здании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Часовой пропустил моего спутника, который имел пропуск, а мне пришлось несколько минут подождать. Вскоре вышел Владимир Ильич. Он взял меня под руку и повел к себе.

Разумеется, в первую минуту я очень волновался. Ведь на мою долю выпала честь разговаривать с великим человеком, рядом с которым я чувствовал себя незаметным, маленьким. Я больше всего боялся, что не сумею с исчерпывающей полнотой ответить на все его вопросы.

Прежде всего Владимир Ильич, кажется по-немецки, спросил, на каком языке я хотел бы с ним беседовать.

— Можем говорить на немецком, французском или английском, — сказал он. — Мне все равно, ибо я одинаково плохо владею любым из них.

Я выбрал немецкий и уже после первых фраз почувствовал, что Ленин не только лучше меня говорит по-немецки, но и владеет этим языком в совершенстве.

Скромность Ленина меня поразила.

Владимир Ильич, когда разговор зашел о пролетарской диктатуре в Венгрии, в упор спросил меня:

— Какая же это диктатура, если вы национализуете прежде всего театры и кабаре? Разве у вас нет других, более важных дел?

Я заверил Владимира Ильича, что у нас в Венгрии не ограничиваются только этими мероприятиями. Вполне возможно, что буржуазная пресса Европы в данный момент поднимает шумиху лишь об этих второстепенных начинаниях, но она, несомненно, скоро начнет писать о более существенном, когда мы приступим к национализации крупных предприятий.

Выслушав мой ответ, Ленин тут же заговорил о нашем слиянии с социал-демократической партией.

¹ Клингер Г. К. (род. в 1876 г.) — член партии с 1917 г.; делегат I, II и III конгрессов Коминтерна; в 1919 г. — управляющий делами Коминтерна. *Ред.*

— Я считаю это объединение опасным, — сказал он. — Лучше было бы создать блок, в котором обе партии сохраняли бы свою самостоятельность. В таком случае коммунисты остались бы в глазах трудящихся масс самостоятельной партией, изо дня в день наращивали бы силы и в нужный момент могли бы все порвать с ними, если бы социал-демократы изменили делу революции.

Мне ничего не оставалось, как ответить, что я, дескать, не знаю, почему у нас в Венгрии поступили именно так.

— Я спрашивал у венгерских товарищей, — продолжал В. И. Ленин, — чем гарантирована прочность этого союза. Они ответили мне, чтобы я не беспокоился, так как руководители коммунистической партии, мол, ученики Маркса и Ленина. Но это, возразил я им, еще не достаточная гарантия, так как бьют ученики, которые плохо усваивают урок...

Затем Владимир Ильич поинтересовался, пользуется ли диктатура венгерского пролетариата достаточно прочной поддержкой крестьянской бедноты.

— Сколько сельскохозяйственных рабочих и крестьян-бедняков имеется в Венгрии? — спросил он вдруг у меня.

Исходя из данных довоенной Венгрии, я назвал цифру: примерно четыре миллиона человек.

— Так много? — удивившись, спросил Ленин, и по голосу его можно было заметить, что он сомневается. — Смотрите, — сказал он очень серьезно, — к таким вещам нужно подходить со всей ответственностью. Вчера у меня был один из руководителей коммунистической партии соседней с вами страны, и, когда я задал ему этот же вопрос, он не смог ответить. Какой же это коммунист, если он не знает соотношения классовых сил у себя на родине и, главное, не знает, сколько у него в стране сельскохозяйственных пролетариев и полупролетариев.

— Не думаете ли вы, что достаточно назвать любую цифру и что не обязательно быть совершенно уверенным в ее достоверности? Лучше признайтесь, что вы не знаете. — И он пристально посмотрел на меня.

Я заверил Владимира Ильича, что эта цифра, хоть и не совсем точна, все же близка к действительности. Ленин сказал, что он проверит, насколько точны мои данные.

— Берегитесь, — добавил он добродушным тоном, — если я обнаружу ошибку.

Между прочим, позже тов. Ленин действительно проверил названную мною цифру и, когда Тибор Самуэли был в Москве, просил передать мне, что я в его глазах полностью реабилитирован.

Затем он спросил у меня, угрожает ли пролетарской диктатуре в Венгрии опасность контрреволюции или мятежа. Я ответил, что бывшие господствующие классы, проиграв войну,

подавлены и не располагают достаточными силами для оказания серьезного сопротивления. Иное положение, высказал я свое мнение, сложилось на востоке страны, в Трансильвании, где сохранились еще сильные феодальные пережитки и классовое расслоение крестьянства выражено резко. Можно опасаться, что зажиточное крестьянство примкнет к какому-нибудь контрреволюционному выступлению.

— Стало быть, это Вандея Венгрии,— заметил Владимир Ильич и задумался.

Затем я попросил Владимира Ильича написать письмо венгерскому рабочему классу и призвать его силой своего авторитета к революционной выдержке.

— Этого сделать я не могу,— ответил Ленин.— Я не вправе вмешиваться во внутренние дела других стран. Тем более в дела таких стран, внутреннюю обстановку в которых я недостаточно хорошо знаю.

Спустя несколько месяцев Ленин все же написал такое письмо, и Тибор Самуэли привез его в Будапешт¹.

В конце нашей встречи разговор зашел о международном революционном движении, о роли Каутского и ему подобных. На этом наша беседа с Лениным закончилась. Когда в 1922 году я снова приехал в Москву, Владимир Ильич был тяжело болен. Но тем не менее на IV конгрессе Коминтерна он, еще не совсем окрепнув после болезни, выступил со своим историческим докладом о новой экономической политике².

Пожалуй, нет нужды подчеркивать, что встреча с Лениным была одним из важнейших событий в моей жизни и я бережно храню воспоминание о ней. Ленин сумел с самого начала нашего разговора рассеять во мне, рядовом члене партии, ту робость, которую я испытывал в первые минуты встречи с ним. Действительно, уже через несколько минут я чувствовал только, что разговариваю со старшим товарищем, обладающим неизмеримо большим опытом, чем я. Громадное впечатление произвели на меня его проявляющаяся во всем скромность и вместе с тем строгий, пристальный взгляд, когда ему казалось, что я неискренен с ним и не нахожу в себе мужества признаться в своей неосведомленности. Впечатления о встрече с В. И. Лениным навсегда останутся в моей памяти. Он стоит передо мной, как живой, то улыбающийся, то строгий, но всегда чуткий и отзывчивый.

1919 год в Венгрии: Сборник материалов к 40-летию Венгерской Советской Республики.— М., 1959, с. 46—50

¹ См. Ленин В. И. Привет венгерским рабочим. 27 мая 1919 г. (Полн. собр. соч., т. 38, с. 384—388). *Ред.*

² См. Ленин В. И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. (Полн. собр. соч., т. 45, с. 278—294). *Ред.*

«ВЫ, СОБСТВЕННО,
КТО ПО ПРОФЕССИИ, ТОВАРИЩ?»

Многим людям в мире известна эта картина: большое белое здание с зеленым куполом, над которым развевается красный флаг, угловое окно, еще не так давно светившееся до поздней ночи, полированный гранит Мавзолея, ряд темных пихт, а между Мавзолеем и куполом — старая кирпичная стена с высокими зубцами, напоминающими хвост ласточки.

На этой стене, между двумя высокими зубцами, 1 мая 1919 года стоял молодой немецкий коммунист и смотрел вниз, на Красную площадь.

Тогда все у подножия стены выглядело совершенно иначе, чем сегодня. Там, где стоит сейчас Мавзолей, была еще свежая могила. Здесь недавно был похоронен председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Яков Свердлов. Он был первым из великих руководителей социалистической революции, кого похоронили у Кремлевской стены.

Перед могилой была установлена довольно высокая, грубо сколоченная трибуна. На ней стоял человек. Вернее, он не стоял, а все время ходил взад и вперед. Он то энергично простирал руку вперед, то делал широкие, как бы спрашивающие и успокаивающие жесты. По этим жестам, по быстро меняющемуся положению головы оратора, что как бы придавало отдельным словам особое звучание, можно было определить, о чем он говорил.

Оратор как бы очаровал толпу. Голос его звучал в такой тишине, что даже здесь, наверху, были слышны все интонации его речи, ее ритм. Только что состоялся небольшой парад войск. Солдаты в далеко не парадной, пестрой форме стояли, выстроившись в каре, справа от оригинального по своей архитектуре собора Василия Блаженного. Другая часть солдат образовала цепь на Красной площади. За ними виднелась большая толпа людей. Все стояли, тесно прижавшись друг к другу. Вся Москва пришла сюда на майский праздник. И к этим людям был обра-

цен голос оратора, на которого смотрели тысячи нар глаз со всех сторон площади.

И вот речь окончена. Двумя энергичными жестами подкрепил оратор последние слова, встреченные громкими криками медленно колыхавшейся толпы.

Человек на трибуне собирался сойти по ступенькам лестницы. Из широко раскрытых ворот башни с большими часами выехал скромный автомобиль. Возгласы несколько затихли, и стали слышны звуки «Интернационала», исполнявшегося небольшим оркестром.

И вдруг произошло нечто непредвиденное. Когда этот среднего роста человек сошел с трибуны, к которой подъехал автомобиль, толпа прорвала слабый кордон.

Увлекая за собой солдат, которые были охвачены тем же желанием, что и их братья в рабочих блузах, толпа, запрудившая всю площадь, устремилась к человеку, подходившему к автомобилю. Человеческий поток все теснее и плотнее, концентрическими кругами, как от брошенного в воду камня, обступал этого человека.

Человек в медленно продвигавшейся вперед машине встал. Держа в руке кепку, он приветствовал людей. В ответ поднялся лес рук. Все отчетливее и громче доносилось из окружившей его массы людей: «Ленин!.. Ленин!.. Ленин!..»

Все стоявшие на площади — старые и молодые, военные и гражданские — слились в пестрой толпе в одно целое. Масса людей медленно перемещалась к башне с часами, продолжая крутиться вокруг одной точки, ставшей центром этого водоворота. Затем большие ворота пропустили серый автомобиль, и народом сразу же овладело спокойствие. Толпа, лишенная центра притяжения, рассыпалась, постепенно раскололась на небольшие группы. Вновь вставшие в строй солдаты уже покидали площадь вместе с расходившимися штатскими людьми.

Навсегда, неизгладимо, со всеми подробностями осталась в моей памяти эта картина, которую в тот день видел, вероятно, только один я, молодой немецкий коммунист, чья заветная мечта побывать в столице революции исполнилась лишь десять дней тому назад. И как бесконечно много пережил я за эти дни!

Да, я жил в Москве, в Кремле, я сразу же очутился в центре преобразующего мир движения. Ежедневно в столовой Совета Народных Комиссаров я встречался с людьми, которых знал по газетам как руководителей этого движения. Всего лишь несколько дней назад я сидел в комнате у вождя революции Ленина и больше часа разговаривал с ним один на один. И все это происходило после продолжавшейся несколько недель полной приключений поездки через границы, в обход занятых деревень и, наконец, через фронты, когда не раз жизнь была в опасности. Все это было достаточным основанием для того,

чтобы заставить молодого человека смотреть на мир новыми глазами.

Предшествующие месяцы были месяцами тяжелых боев. На первый взгляд они окончились для нас поражением. Но из этих боев вышла Коммунистическая партия Германии¹. Мы знали, что это означало для германского и международного рабочего движения, и понимали, что этой победой, возместившей все поражения последних месяцев, мы в не малой степени обязаны Ленину, так как он дал нам лозунг, который позволил вести борьбу не только путем агитации и пропаганды, но и с оружием в руках. Этим лозунгом был лозунг диктатуры пролетариата.

Надо перенестись в то время, чтобы уяснить, что тогда значила постановка на обсуждение такого «абстрактного» и «чисто теоретического» понятия, как диктатура пролетариата, которая к тому же находилась в резком противоречии с господствовавшими в то время не только в прогрессивных кругах, но и в рабочем движении либеральными взглядами. «Диктатура пролетариата!» Нужно было не только превратить этот лозунг в объект споров, но и сделать его целью борьбы. Это действительно так и произошло. Весь горячий спор внутри рабочего класса о направлении и целях революции был определен этими двумя словами. Нашим арсеналом, из которого мы брали оружие для борьбы за диктатуру пролетариата, стала ленинская работа «Государство и революция».

Эта маленькая, но богатая по содержанию работа была нелегально привезена летом 1918 года из Швейцарии в Германию. В группах и кружках подпольного молодежного движения мы тогда много читали, изучали и думали, что уже кое-что понимаем в учении Маркса, но эта книга была для нас чем-то новым. Я хорошо помню первое впечатление от нее. Откровенно говоря, я был несколько обескуражен: чего, собственно, хочет этот человек? (Думаю, что меня простят за это выражение, но так мы тогда думали. Ленин был для нас видным революционером, но как теоретик он был одним из многих авторов, к которым мы должны были определить свое отношение.) Почему он, Ленин, считает, что читателю надо повторять одно и то же два, три, а то и большее количество раз? К чему это топтание на одном и том же месте? Но я продолжал читать: перечитал книгу второй раз. И вдруг понял, что эта книга дала мне аргументы для ответа на все важнейшие вопросы, которые ставила современность. Ход истории и борьба трудящихся масс превратили вопрос о государственной власти в Германии в жгучую практическую проблему повседневной политики.

Старое руководство государством было свергнуто, что же теперь надо делать? Что представляло из себя это государство,

¹ См. настоящий том, с. 178, прим. 2. *Ред.*

чем была «государственная машина»? Что должно было произойти с ней? И обязательно каждое размышление, каждый диспут по всем этим актуальным вопросам приводили к диктатуре пролетариата. Здесь проходила линия размежевания. От положительного или отрицательного ответа на вопрос — действительно ли был нужен целый период революционного преобразования капиталистического общества в социалистическое и в связи с этим также и соответствующая форма государства — зависело каждое дальнейшее решение. В бурных спорах по этому вопросу, в оживленных дискуссиях, которые охватили самую широкую рабочую общественность, проявилось все внутреннее богатство ленинского решения этой проблемы. Мы научились тогда, даже сами этого не замечая, совершенно по-иному мыслить.

Кроме этого первого введения в материалистическую диалектику творческое изучение ленинской работы «Государство и революция» дало нам и нечто другое: эта книга по-настоящему познакомила нас с Марксом. Это не значит, что мы ранее не читали Маркса и Энгельса. Но картина, создававшаяся у нас после чтения, была отрывочной и неполной. Отдельные части их учения в нашем представлении не имели никакой внутренней связи, и прежде всего было трудно взять из марксизма, каким мы его раньше знали, прямые указания и аргументы для решения практических проблем, которые ставила перед нами история. То, что Ленин показал международному рабочему движению Маркса и Энгельса во всей полноте их гениальной мысли, то, что он открыл для нас марксизм как большую всеобъемлющую систему теоретических и практических знаний, было одной из его величайших заслуг перед историей человечества.

Первая встреча и знакомство с миром мыслей Ленина были уже позади, когда весной 1919 года мне выпало счастье поехать с партийным поручением в Москву. Сразу же по приезде я познакомился с Лениным и быстро включился в работу, которая на долгое время ввела меня непосредственно в сферу деятельности Ленина, вождя Коммунистического Интернационала.

В Москву я прибыл 20 апреля 1919 года. Через несколько дней мне сообщили, что со мной желает говорить Ленин. Это приглашение было для меня несколько неожиданным, но я догадывался, что послужило поводом к нему. В то время когда я находился в пути (а мое тяжелое путешествие продолжалось целый месяц), в Баварии была создана Советская Республика¹. Связь Москвы с внешним миром в то время была слабой. Очевидно, Ленину сообщили, что прибыл курьер Центрального Комитета Коммунистической партии Германии. Этот человек из Мюнхена, где он руководил организацией коммунистической

¹ Баварская Советская Республика была провозглашена 13 апреля 1919 г. *Ред.*

молодежи, был живым источником дополнительной информации для лучшего понимания того, что там произошло. И действительно, эта первая продолжавшаяся более часа беседа заключалась в основном в том, что Ленин пытался почерпнуть из этого «источника» все, что было возможно. Но, как оказалось, от меня нельзя было получить слишком много.

Я жил в Кремле, и поэтому, когда за мной зашли, далеко идти не пришлось. Ленин встал из-за письменного стола, когда я вошел в небольшую, но очень светлую комнату правительственного здания, которая позже стала широко известной по многочисленным фотографиям и картинам. Мы сели за маленький столик в углу комнаты, Ленин — на стоявший у стены диван. Стол стоял так, что мы могли хорошо видеть друг друга. Ленин то откидывался в угол дивана, положив левую руку на спинку, то нагибался вперед, опустив руки на колени и держа голову несколько набок. Когда он задавал важный вопрос, то садился прямо на край дивана, опустив слегка плечи и искоса поглядывая на меня, пока я долго отвечал на вопрос. И вообще я постоянно чувствовал его взгляд на себе, внимательный, испытующий, которым он, кажется, мог прочесть мысли, так как часто дополнительные вопросы Ленина касались того, о чем я только еще собирался сказать.

Что же касается меня, то наивная самоуверенность, с которой я пришел к Ленину, стала все больше и больше сменяться смущением. Не потому, что Ленин как-то хотел дать мне почувствовать свой авторитет; наоборот, он сразу заметил мое смущение и подчеркнул равноправный характер нашего разговора. Но это делало меня только еще более неуверенным. То, что сам Ленин знал о Мюнхене, о событиях в Баварии и о политическом положении в Германии, то, что он надеялся дополнительно узнать от меня, далеко выходило за пределы моих знаний и моего опыта.

Особенно удивлен я был уже в начале нашего разговора, когда Ленин спросил меня о специфических мюнхенских вещах. Ему были известны не только Английский сад с Моноптерусом и Китайской башней, но и Аумейстер и Унгерербад. (Тогда я еще не знал, что Ленин ранее был в Мюнхене.) Он очень хорошо знал крупные предприятия этого города, из которых мне были известны только важнейшие; он знал о положении дел с кадрами в баварской социал-демократии, о чем я был осведомлен только в самых общих чертах. Ответы, которые я давал, были далеко не полными, а говоря о влиянии коммунистической партии среди молодежи, я несколько преувеличивал его. Это Ленин сразу же почувствовал и с добродушной иронией поправил меня. Во время разговора мне все яснее и яснее становилось, сколько должен знать настоящий коммунист и партийный вождь и как мало мы (я судил по большинству моих

тогдашних мюнхенских коллег по партии) знали о принципиальных и важных вещах.

Однако мне казалось, что все, о чем я мог сообщить, — характеристики различных деятелей мюнхенских левых, короткие рассказы о них — имело значение для Ленина. Он слушал, то одобрительно улыбаясь, то серьезно кивая головой. Но я был совершенно беспомощен в вопросе, который, очевидно, очень интересовал Ленина, — в вопросе о политических настроениях среди баварских крестьян и о влиянии нашей партии на них. Ленин затронул его, когда я уже успел о многом сообщить. При первых моих словах о «левых течениях» и «растущем влиянии» он удивленно посмотрел на меня. Его брови поднимались все выше и выше, когда я начал рассказывать о «крестьянских советах», а когда же я упомянул один крестьянский совет в Розенгейме, он прервал мой рассказ:

«Розенгейм? Это не у железной дороги на Куфштейн? Но это же город!..»

Я попытался несколько исправить мою информацию, но Ленин сразу же задал мне вопрос: «Вы, собственно, кто по профессии, товарищ?», и сразу же после моего, правда не совсем соответствовавшего истине, ответа — «студент» он возгласом «Ах, так!» прервал расспросы о положении баварских крестьян. Ленин расспросил меня, где я остановился, как я обеспечен, какие у меня планы и могу ли я, если вскоре мне придется выехать, захватить с собой письмо в Баварию. Наша беседа имела своей целью дать дополнительный материал к тому, что Ленин уже собрал для «Письма к баварским рабочим»¹. Я очень лаконично ответил на все эти вопросы и вскоре же распростился с Лениным.

Этот не очень славный конец моей первой беседы с Лениным долго не выходил у меня из головы. Вначале я не видел связи между моим знанием крестьянского вопроса в Баварии и моей профессией и социальным происхождением. Только позднее, в течение многих лет приобретая опыт, я понял, как сильно социальное происхождение человека влияет на кругозор и тем самым на субъективные предпосылки для его умозаключений. Ведь речь идет о комплексе собственных переживаний, наблюдений и суждений в социально определенной и ограниченной среде, под влиянием которой в юношеские годы вырабатываются рефлексы и ассоциации индивидуума, та социально определенная «окраска», которую получает образ мышления человека в детские и юношеские годы и которая дает о себе знать до глубокой старости. Жизненный опыт помог мне позднее понять, почему в Российской коммунистической партии, а затем и во всем Советском Союзе обращали внимание не только на об-

¹ Автор, вероятно, имеет в виду «Приветствие Баварской Советской Республике» (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 321—322). *Ред.*

пественное положение и профессиональную деятельность в настоящее время, но и на социальное происхождение человека, о взглядах и характере которого хотели знать как можно больше. Когда Ленин дал мне понять, что от немецкого студента он не ожидал хорошего знания аграрного вопроса в Баварии, я не сразу разобрался в том, что этим самым совершенно не было высказано принципиального суждения о «студентах», что ни в коей мере не шла речь о том уврнеризме¹, о той интеллектуальной вражде, которая, как типичный спутник тред-юнионизма, продолжительное время делала в германском рабочем движении свое дело. Сомнение, зародившееся во мне после ленинского возгласа «Ах, так!», заставляло меня постоянно возвращаться к вопросу о «рабочем движении и интеллигенции» до тех пор, пока я не нашел в гениальной работе Ленина «Что делать?» ключ для его правильного решения².

За первой встречей с Лениным последовала в том же 1919 году вторая встреча, которая, однако, носила совершенно иной характер.

Еще в мае по инициативе Ленина была создана комиссия, которая должна была изучить положение в международном социалистическом молодежном движении и проверить возможность воссоздания молодежного Интернационала. Я был избран членом этой комиссии. Документы, которые появились в результате нашей работы, несколько раз докладывались Ленину и вернулись к нам с его замечаниями. В конце мая Исполнительный Комитет незадолго перед этим созданного III, Коммунистического Интернационала издал воззвание, в основе которого лежало важнейшее ленинское указание по вопросу о международном социалистическом движении молодежи. В воззвании предлагалось объединить все существующие социалистические организации и организации рабочей молодежи, стоявшие в своем подавляющем большинстве в период войны на революционных позициях, в один Коммунистический Интернационал Молодежи. Венгерский союз, представители которого в это время также были в Москве, взял на себя приглашение всех организаций на назначенную в середине августа встречу. Российский коммунистический союз молодежи согласился послать на нее двух своих делегатов. Наш отъезд был назначен на конец июля. Направлялись мы различными путями, так чтобы хоть один из нас смог доехать. Перед этим мы были еще раз приглашены к Ленину³.

И на этот раз разговор начался с многочисленных вопросов. То обстоятельство, что Ленин хорошо разбирался в этой

¹ Воспитание у рабочего класса враждебного отношения к интеллигенции. *Ред.*

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 1—192. *Ред.*

³ Беседа состоялась 24 июля 1919 г. *Ред.*

области, не очень удивило меня. Я знал, насколько обстоятельно в Швейцарии в годы эмиграции он занимался проблемами молодежного движения. Мы должны были рассказать, как представляем себе нашу задачу. Ленин внес много поправок. Мы очень просто смотрели на вещи из-за своей юношеской наивности и надежды на то, что в документах комиссии есть замечательные тезисы по всем вопросам. На прощание мы получили еще один небольшой урок по политической тактике.

Самой существенной стратегической задачей, как и прежде, была мобилизация возможно больших сил вокруг ясной, бескомпромиссной революционной программы, основой которой было признание диктатуры пролетариата. И здесь, в молодежном движении, признание классовой борьбы было тем принципиальным вопросом, на который можно было ответить только «да» или «нет». Но Ленин сразу же предупредил нас, что одно лишь признание этого теоретического пункта программы участниками движения не является решающим критерием для определения действительной политической позиции. Он особенно обратил наше внимание на ту позицию, которую, вероятно, займут австромарксисты. В молодежном движении они были представлены организацией австрийской социалистической молодежи. Они будут готовы идти на всевозможные уступки по чисто теоретическим вопросам, с тем чтобы избежать решения практических вопросов движения и сохранить за собой свободу действия.

Ленин предложил нам включить в проект программы не только признание III, Коммунистического Интернационала, но и положение о том, что новый Интернационал молодежи должен вступить на правах секции в Коминтерн. Во время предварительных переговоров, состоявшихся сразу же после этого, в августе 1919 года, в Вене, стало ясно, насколько важным было это указание. Действительно, «венцы» во главе с Даннебергом были готовы, как говорят, «проглотить» диктатуру пролетариата, но они упорно сопротивлялись признанию III Интернационала, предпочитая лучше идти на раскол, что и привело их в ходе дальнейших событий в болото социал-демократического оппортунизма.

На учредительном конгрессе Коммунистического Интернационала Молодежи¹ нам пришлось много сделать, чтобы выполнить поручение Ленина. Даже среди некоторых коммунистических молодежных союзов были мнения и настроения против руководства коммунистической молодежью со стороны коммунистической партии.

Через полтора года я вновь увидел Ленина. В конце февраля 1921 года я как член комиссии находившегося в Берлине

¹ Первый, учредительный, конгресс КИМа состоялся 20—26 ноября 1919 г. в Берлине. *Ред.*

Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала Молодежи выехал в Москву для ведения политических переговоров. Речь вновь шла о той же проблеме, на которую обратил наше внимание Ленин еще летом 1919 года. Обсуждался вопрос о том, должен ли был руководящий состав Интернационала молодежи переехать из Берлина в Москву, где находился Исполнительный Комитет Коминтерна. Ленин не участвовал в переговорах. Но мне представилась возможность в качестве гостя присутствовать на X съезде РКП(б), проходившем в Свердловском зале в Кремле, где я слушал отчет Ленина о деятельности ЦК¹ и часть прений, во время которых обсуждались важнейшие решения съезда (о продовольственном палате, о единстве партии).

Летом 1921 года II конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи в Москве после продолжительных и бурных дебатов принял решение о переводе Исполнительного Комитета в Москву.

Уже на III конгрессе Коминтерна, который предшествовал нашему конгрессу и в котором мы приняли участие, но чаще всего в последующие годы, когда я, являясь секретарем Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала Молодежи, с небольшим перерывом жил в Москве, я неоднократно имел личный контакт с Лениным. Это происходило прежде всего на заседаниях комиссий, где я переводил несколько раз выступления Ленина на немецкий и французский языки, или на заседаниях Президиума Исполкома Коминтерна, в которых принимал участие Ленин. Подробности этих встреч не сохранились в моей памяти. Но каждая дискуссия, во время которой я слышал, как Ленин излагает свою точку зрения, давала очень много для моего политического развития.

Незабываемый Ленин: Сборник воспоминаний (Перевод с немецкого). — М., 1958, с. 58—68

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 7—33. Ред.

ВСТРЕЧА В КРЕМЛЕ

В Москве я находился в качестве гостя правительства. Там я встретился с прибывшим туда ранее премьер-министром моего правительства¹ моуланой² Баракатуллой. Он тоже являлся гостем правительства³, был хорошо устроен и находился в курсе местных дел. Нас поместили вместе в бывшем дворце какого-то сахарного короля⁴.

Был назначен точный день для встречи в Кремле с главой правительства и высшим руководителем тов. Лениным. Накануне мне позвонили из министерства иностранных дел и прислали оттуда сотрудника, которому я передал изданные мною брошюры. Я тогда не знал, что они предназначались для Ленина.

Профессор Вознесенский⁵ из Министерства иностранных дел ввел нас в Кремль. Вместе со мной были моулана Баракатулла, моулви⁶ Абдур Рабб, Ачария, Далип Сингх Гилл и Ибрагим, слуга моуланы. Ныне все они — моулана, Рабб, Ачария и Гилл — уже умерли. В живых остался только я...

Нас ввели тогда в просторную комнату на верхнем этаже. Ленин сидел к нам лицом⁷. Увидев нас, он встал, быстро про-

¹ Имеется в виду созданное М. Пратапом в Кабуле Временное правительство Свободной Индии, президентом которого был Пратап. *Ред.*

² Моулана — почетный мусульманский титул. *Ред.*

³ Деятель индийского национально-освободительного движения профессор Мухаммед Баракатулла был принят В. И. Лениным 7 мая 1919 г. (см. В. И. Ленин: Биографическая хроника, т. 7.— М., 1976, с. 174). *Ред.*

⁴ Речь идет, видимо, о бывших апартаментах сахарозаводчика Харитоненко на Софийской набережной (ныне набережная Морриса Тореза). *Ред.*

⁵ Вознесенский А. Н. (род. в 1881 г.) работал в то время заведующим Восточным отделом Народного комиссариата иностранных дел; с 1922 г.— в Народном комиссариате внешней торговли. Член Коммунистической партии с 1925 г. *Ред.*

⁶ Моулви (господин) — уважительная мусульманская приставка к личному имени. *Ред.*

⁷ В. И. Ленин принял делегацию деятелей индийского национально-освободительного движения в июле (позднее 20) 1919 г. *Ред.*

шел в угол комнаты, взял оттуда легкий стул и поставил его рядом со своим креслом. Тем временем мы приблизились к Ленину. Он попросил нас садиться. Я колебался: сесть ли мне рядом с ним или на стоявшие неподалеку стулья. Оказавшись несколько впереди, я, в конце концов, опустился на предложенное Лениным место. Мои друзья разместились на остальных стульях и на диване. Вознесенский не стал садиться. Ибрагим тоже остался стоять.

Ленин спросил меня по-английски, на каком языке мы предпочитаем вести беседу: на английском, немецком, французском или русском. Я ответил, что раз он так хорошо говорит по-английски, то можно воспользоваться этим языком.

Я подарил ему свою «Книгу религии любви». Он сказал:

— Я прочел ее. Это толстовство.

Тут я понял, что Ленину передали мои брошюры, которые днем ранее я отправил в Министерство иностранных дел, и, возможно, он успел их ночью просмотреть.

Я все же настаивал на своем и сказал ему, что высшее духовное начало, по моему мнению, действует через его личность на благо рабочего народа. Он ответил:

— Ну, знаете ли, это всего лишь ваше частное суждение...

Затем я познакомил его с моим планом распределения товаров по талонам. Властям следовало бы выпускать талоны на хлеб, рис, масло, уголь и так далее, отменив расчетные операции с золотом и серебром¹. Ленин сказал, что уделит внимание этому вопросу.

Ленин обернулся к моим друзьям. Он сказал, что хотел бы знать, кто они и каковы их взгляды. Профессор Вознесенский кратко объяснил ему что-то по-русски. Потом Ленин задал каждому из нас по одному или два вопроса. Когда он обратился к Ибрагиму, тот ответил ему на ломаном русском языке. Тов. Ленин был приятно удивлен и воскликнул:

— Вот как! Вы говорите по-русски!

Мы беседовали с тов. Лениным в общем около двадцати минут. Когда мы уходили, он всем нам пожал руку.

Ленинское правительство попросило меня сопровождать посла Сурица². Я так и сделал. Абдур Рабб и Ачария отправились вместе со мной в Кабул. Обстановка сложилась таким образом, что из-за нападения казаков на части Красной Армии в Средней Азии мы задержались с отъездом из Москвы. Затем поездом мы доехали до Самары. По пути мы встретились с президентом Калишшим, который инспектировал перешедших на

¹ Такую систему М. Пратап предлагал ввести во всем мире. *Ред.*

² Суриц Я. З. (1882—1952) в 1919 г. был назначен советским послом в Афганистане. *Ред.*

сторону Советской власти казаков¹. Мне довелось позавтракать вместе с президентом. Далее мы с поезда пересели в автомашины, потому что железная дорога в тех местах была разрушена во время боев. Потом нам предоставили специальный поезд, и мы двинулись дальше.

Заместитель министра товарищ Карахан предварительно обсудил со мной во всех деталях мою поездку с Сурицем, советским послом в Кабуле. Так как король Аманулла² очень хорошо относился ко мне еще с той поры, когда он был принцем, меня попросили представить Сурица королю. Я выполнил это, а позднее содействовал заключению договора о дружбе между Афганистаном и Советской Россией³.

Новое время, 1967, № 10, с. 7

¹ Описываемые события относятся к лету 1919 г., когда Красная Армия разбила на Восточном фронте белогвардейцев и белоказачков Колчака. *Ред.*

² Аманулла-хан вступил на афганский трон в феврале 1919 г. *Ред.*

³ Советско-афганский договор о дружбе был заключен 28 февраля 1921 г. *Ред.*

ИЗ РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ
БУДАПЕШТСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ
ДЕПУТАТОВ
31 МАЯ 1919 ГОДА¹

(Выписка из протокола)

...Я привез еще привет от товарища Ленина. (Продолжительная овация.) Полностью с текстом этого приветствия² вы, товарищи, сможете скоро ознакомиться. Здесь же я коротко сообщу из него только главное: тов. Ленин ничего не просит и не требует, ничего не желает, кроме того, чтобы все как один не щадя своей жизни защищали интересы революции и освобождения пролетариата. (Продолжительная бурная овация.) Никакого компромисса! Никакой капитуляции! (Возгласы одобрения и аплодисменты.) Кто стал солдатом революции, тот должен до конца вести революционную борьбу. (Возгласы: «Правильно!»)...

Разрешите мне поделиться своими личными впечатлениями... (Возгласы: «Просим! Говорите!») Все виденное мной в России, как, например, демонстрация 30 тысяч вооруженных рабочих в Москве в воскресенье, осваивающих теперь военное дело³, затем мероприятия в области организации экономической жизни, налаживания производства и потребления, когда я сравнил все это с тем, что наблюдал в прошлом году, укрепило у меня уверенность в том, что советский строй и диктатура пролетариата — единственный путь, следуя по которому можно выйти из того невероятного политического и экономического хаоса, который царит в мире. Я теперь еще больше уверен, что русский пролетариат — а его мы считаем своим братом и союзником — не может быть сломлен и побежден никакими внутрен-

¹ Эта речь произнесена Тибором Самуэли по возвращении из Москвы, куда он выезжал для встречи с В. И. Лениным. *Ред.*

² См. Ленин В. И. Привет венгерским рабочим. 27 мая 1919 г. (Полн. собр. соч., т. 38, с. 384—388). *Ред.*

³ Тибор Самуэли говорит о празднике Всеобщего Всеобуча (Всеобщего военного обучения), проходившем в Москве 25 мая 1919 г. На параде, состоявшемся на Красной площади, В. И. Ленин после своей речи представил слово Тибору Самуэли, который приветствовал участников парада от имени Красной Армии Венгерской Советской Республики. *Ред.*

ними, никакими внешними враждебными силами (бурные аплодисменты) и что на помощь русского пролетариата мы можем рассчитывать. (Бурные овации.)...

Мы должны быть достойны, товарищи, протянутой нам руки помощи, революционной братской поддержки, и я уверен в том, что венгерский пролетариат будет ее достоин...

Да здравствует международная пролетарская солидарность!

Да здравствует Советская Российская Республика! (Продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию.)

1919 год в Венгрии: Сборник материалов к 40-летию Венгерской Советской Республики. — М., 1959, с. 84—85

ЛЕНИН

В сравнении с тем блестящим светом, которым близкие друзья Ленина могут осветить его жизнь, моя дань ему будет подобна огоньку спички. Но как и спичка, поднесенная к картине, открывает внезапно то тут, то там какую-нибудь черту, так и мои несколько слов могут, быть может, бросить слабый луч на какую-нибудь особенную черточку Ленина, которой могли не заметить другие.

Ведь я был чужой, иностранец, и только два раза столкнулся с ним. Это было летом 1919 года, когда положение России было очень трудное. Работая над своей книгой о России, которую я готовил для «The Manchester Guardian»¹, я встретил великодушную помощь со стороны официальных лиц нового правительства, но я сильно желал свидания с самим Лениным как ввиду его положения, так и ввиду тех фантастических историй, которые распространялись о нем на Западе.

Свидание было дано. Но прежде чем оно произошло, я уже увидел В. И. Ленина на московской учительской конференции². Странно теперь вспомнить впечатление, какое он произвел тогда на меня. Как спокойно, просто, без всяких ораторских приемов он подчинил и завладел этой огромной, незнакомой аудиторией. Как неуклонной логикой он заставил их понять его точку зрения. Казалось, что он интуитивно понимает мысли своих слушателей. Я сразу почувствовал, что это необыкновенный человек. Но больше, чем когда-либо, я почувствовал это при свидании с ним в Кремле.

¹ «Страж Манчестера» (изд. с 1821 г.) — английская буржуазно-либеральная газета. *Ред.*

² По-видимому, В. Гуд присутствовал на I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры, где В. И. Ленин выступил с речью 31 июля 1919 г. (см. Полн. собр. соч., т. 39, с. 131—138). *Ред.*

Я поднялся по лестнице, прошел переднюю, комнату сотрудников, зал заседаний и очутился в кабинете Лешна — простой рабочей комнате. Она была пуста. Но на письменном столе лежала раскрытая книга «Clarté»¹ Анри Барбюса, которую читал Ленин и на которой он делал пометки карандашом. Пока я ожидал, я прочел в книге первую главу, которую он только что окончил. Дверь открылась. Он вошел быстрыми шагами и поздоровался со мной. Слово приветствия, теплое рукопожатие, и я начал говорить, употребляя невольно язык книги, которую только что читал, — французский.

«Если вам все равно, то я предпочел бы разговаривать по-английски», — сказал он. Я был так изумлен, что воскликнул: «О небо! Я не знал, что вы понимаете по-английски». Он возразил: «Если вы будете говорить медленно и ясно, я не сделаю ни одной ошибки». И он не сделал. Разговор продолжался, я задавал вопросы, на которые получал ответы, разбирались важные дела, — все это на английском языке, и ни разу Ленин не сбился. Он обещал и ни разу не сделал ни одной ошибки.

Я не вхожу в сущность этой беседы, она теперь является достоянием истории. Но то, о чем я хочу вспомнить, — это сам человек. Во время разговора я отметил замечательную форму его головы, спокойную, ироническую улыбку, которая играла на его лице, искры юмора в его глазах. Его выражение в этот день было довольное, хотя я мог представить себе, что временами он мог хмуриться холодно и строго. Легко понять, как жадно я всматривался в него, как старательно я замечал выражения, менявшиеся на его лице. Ведь я смотрел на человека, о котором больше всего говорилось на земле, на неведомого гения революции, которая потрясла мир.

Впечатление мощи, исходившей от него, углублялось непосредственной силой его речи. Что ему нужно было сказать, он говорил прямо, ясно, без всяких туманных слов. В разговоре с Лениным не могло быть никаких недоразумений; никто не мог уйти под ложным впечатлением. Слишком ясен, слишком прям был он для этого.

У обыкновенного дипломата речь скрывает мысль. У Ленина она выражала мысль. В этом — целый мир различия.

Сила его речи, энергия, которая, казалось, исходила от него, живость выражения его лица помогли мне составить, раньше чем окончилась беседа, некоторое представление о том, что люди называли магнетизмом Ленина. И я понял — слабо, сознаюсь в этом, — источник той силы, благодаря которой он владел умами людей.

На меня же он произвел впечатление, которое не изгладится никогда.

¹ «Ясность». *Ред.*

Перед тем как расстаться, он надписал для меня по-русски и по-английски свою фотографическую карточку, изображавшую его стоящим во дворе Кремля, — чудесную фотографию, которую я первый привез в Западную Европу. А затем несколько слов пожелания мне всего хорошего в пути, прощальное рукопожатие. Я оставил Владимира Ильича Ленина, которого мне не суждено было более увидеть живым.

В течение своей жизни я встречался в разных странах с людьми, которых называли великими. Ни об одном я не сказал бы того, что с полной убежденностью могу сказать про Ленина: «Он человек был, человек во всем; ему подобных мне уже не встретить»¹.

Известия, 1928, 22 апреля, № 94,
с. 5

¹ Шекспир Уильям. Полн. собр. соч. В 8-ми томах. Т. 6.— М., «Искусство», 1960, с. 20. *Ред.*

ИНТЕРВЬЮ С ЛЕНИНЫМ¹

Получить интервью у Ленина было не так-то просто, и не потому, что он недоступен — он скромен и непосредственен в общении с людьми, — а потому, что его время очень дорого. Ленин постоянно за работой, он трудится даже больше остальных комиссаров.

Однако я наконец улучил момент и направился из моего жилища через весь город к одним из ворот Кремля. В самом начале моего пребывания я заранее побеспокоился о пропуске, что освобождало меня от формальных процедур с официальными лицами и охраной, и это дало мне допуск в Кремль. Вход в Кремль, естественно, охранялся — здесь находится правительство, но формальностей здесь не больше, чем в Букингемском дворце или в Палате общин. Небольшое деревянное помещение перед мостом, где проходят гражданские посетители, несколько солдат, простых русских солдат, один из которых проверяет пропуск, — вот и все, что можно было увидеть у этого входа. Всегда говорили, будто бы Ленина охраняют китайцы. Китайцев здесь не было.

Я прошел, поднялся в гору и направился к зданию, где живет Ленин, мимо большого постамента, на котором раньше стояла статуя царя Александра, теперь убранный. Внизу у лестницы стояли еще два солдата, русские юноши, и опять не китайцы. Я поднялся в лифте на верхний этаж. Здесь я увидел еще двух молодых русских солдат, не китайцев; три раза я посетил Кремль, но китайцев не видел ни разу.

Повесив в прихожей шляпу и пальто, я прошел через комнату, в которой работали служащие, и вошел в зал, где проводит свои заседания Совет Народных Комиссаров, другими словами, зал заседаний правительства Советской республики.

¹ Глава из книги В. Гуда «Bolshevism at work» («Большевизм в действии»), изданной в Лондоне в 1920 г. (печатается с сокращениями). *Ред.*

Я пришел точно минута в минуту, и бывший со мной товарищ пошел вперед через ряд смежных комнат доложить Ленину о моем приходе. Затем меня провели в комнату, где работает Ленин, и я с минуту ждал его появления. Позвольте мне здесь отметить, что ни о какой пышности всех этих комнат не приходится и говорить. Комнаты обставлены удобно и просто. Зал для заседаний восхитительно удобен, в нем все просто, и во всем чувствуется атмосфера напряженной работы. Здесь нет и следа той мишурной роскоши, о которой я так много слышал.

Едва я успел отметить это про себя, как в кабинет вошел Ленин¹. Он человек среднего роста, лет примерно пятидесяти, подвижный, хорошей пропорции. Черты его лица на первый взгляд кажутся немного китайскими, волосы и заостренная бородка имеют рыжевато-коричневый оттенок. Голова хорошей формы, лоб широкий и высокий.

Во время разговора у него приветливое выражение лица, да и держится Ленин явно располагающе. Он произносит слова отчетливо, его голос отличается ровностью тона, в течение всего интервью он ни разу не запнулся, не обнаружил ни тени замешательства. Я действительно вынес вполне определенное убеждение, что передо мной человек уравновешенного ясного ума, абсолютно владеющий собой и предметом, о котором говорит, выражающийся с четкостью, столь же поразительной, сколь и отрезвляющей.

Мой сопровождающий сел по другую сторону стола, чтобы быть, если потребуется, переводчиком, но он не понадобился. Представившись, я спросил, на каком языке мне говорить: по-французски или по-немецки. Ленин ответил, что если я не возражаю, то он предпочел бы говорить по-английски и что если я буду говорить отчетливо и неторопливо, то он все поймет. Я согласился, и все было так, как сказал Ленин, и только один раз за три четверти часа он не понял какое-то слово, да и то на мгновение, потому что тут же уловил, что я имел в виду.

Я должен здесь сказать, что тема интервью отвлекла меня от того, с чем я прибыл в Россию. Мне хотелось узнать многое. Десятки вопросов были у меня в голове, и, чтобы получить на них ответы, потребовалась бы многочасовая беседа, если бы я начал с них свое интервью. На многие мои вопросы я получил ответы позже, в конце моей месячной работы... Значит, следовало как можно лучше использовать отведенное мне время, выкроенное Лениным между двумя важными встречами. Поэтому все свое любопытство я ограничил тремя вопросами, авторитетные ответы на которые мог дать только сам Ленин, глава правительства Советской республики. Он хорошо знал, кто я. Он

¹ В. Гуд был принят В. И. Лениным 20 августа 1919 г. *Ред.*

только не знал, что я хочу. Ему предварительно не было известно, по каким вопросам будет беседа.

О своих вопросах я рассказал только одному человеку — комиссару, который сопровождал меня. Он очень огорчился и высказал предположение, что Ленин не станет на них отвечать. К его неподдельному изумлению, Ленин ответил на мои вопросы быстро, просто и решительно, и, когда интервью окончилось, мой спутник наивно выразил мне свое удивление.

Ведение интервью было предоставлено мне. Я начал сразу. Мне хотелось узнать, остаются ли еще приемлемыми предложения, представленные мистером Буллитом на Парижской конференции. Ленин ответил, что они все еще приемлемы — с учетом тех изменений, которые может привести военная обстановка. Позже он добавил, что в соглашении с Буллитом оговаривалось, что изменения, связанные с обстановкой на фронтах, могут повлечь за собой изменения в соглашении...

Затем я снова взял инициативу в свои руки, спросив, каково отношение Советской республики к малым народам, отколовшимся от Российской империи и провозгласившим свою независимость.

Ленин ответил, что независимость Финляндии была признана в декабре 1917 года, что он, Ленин, лично вручил Свинхувуду, тогдашнему главе Финляндской республики, документ, в котором официально признавалась эта независимость; что Советская республика еще несколько раньше объявила, что ее солдаты не перейдут границу с оружием в руках; что Советская республика решила создать нейтральную полосу или зону между своей территорией и Эстонией и объявит об этом официально; что одним из ее принципов является признание независимости всех малых народов и что, наконец, она только что признала автономию Башкирской республики, а башкиры, добавил он, являются малым и отсталым народом.

В третий раз я возобновил свои вопросы, поинтересовавшись, какие могут быть гарантии, что среди западных народов, в том случае, если так или иначе будут установлены дипломатические отношения с Советской республикой, не будет вестись официальная пропаганда. Ленин ответил, что Буллиту было заявлено о готовности Советской республики подписать соглашение о неведении официальной пропаганды... Что же касается свободы печати во Франции, то он заявил, что только что прочитал роман Анри Барбюса «Ясность», где были две цензурские купюры. «В свободной демократической Франции цензуруют романы!»

Я спросил, не сделает ли он какого-либо заявления общего характера. На это Ленин ответил, что самое главное, что он должен сказать, — это то, что советская система — самая лучшая система и что английские рабочие и труженники-земле-

дельцы восприняли бы ее, если бы только с ней ознакомились. Он выразил надежду, что после заключения мира английское правительство не будет препятствовать опубликованию текста Советской Конституции, что морально советская система победила уже даже сейчас и что доказательством правильности этого утверждения являются гонения на советскую литературу в «свободных демократических» странах.

Мое время истекло, и, зная, что Ленина ожидают в другом месте, я встал и поблагодарил его. Я прошел через зал заседаний, комнату служащих, спустился по лестнице во двор, где стояли молодые русские часовые, сел в дрожки и направился через всю Москву к себе домой, чтобы обдумать встречу с Владимиром Ульяновым.

Печатается по тексту книги: Ленинские страницы: Документы. Воспоминания. Очерки.— М., «Известия», 1960, с. 112—115, сверенному и дополненному по книге: Goode Wm. T. Bolshevism at work. — London, 1920, p. 17—22

У ЛЕНИНА В КРЕМЛЕ

Минут за пятнадцать до того часа, на который была назначена моя встреча с Лениным, я быстро подошел к Кремлю — хорошо охраняемой резиденции правительства¹. Два русских солдата проверили мои документы и проводили меня через мост, где человек в штатском выдал мне пропуск на вход и на выход.

Я взошел на холм и направился к зданию, где живет Ленин и где находится его рабочий кабинет. В большой комнате много служащих, мужчин и женщин, сидели за письменными столами и за пишущими машинками. В следующей комнате я увидел секретаря Ленина, и он мне сообщил:

— Товарищ Ленин освободится через несколько минут.

Было без пяти три. Один из служащих дал мне лондонскую «Таймс» от 2 сентября 1919 года и предложил сесть.

Когда я читал передовую, секретарь попросил меня пройти в соседнюю комнату. Я увидел Ленина. Он ждал меня и улыбался. Было двенадцать минут четвертого.

— Рад вас видеть. Простите, что задержал, — сказал Ленин.

Ленин среднего роста, ему лет под пятьдесят. Он хорошо сложен, очень подвижен, несмотря на то что в теле у него остались две пули с тех пор, как в него стреляли в августе 1918 года. У него большая голова, крепко сидящая на плечах. Лоб высокий, рот большой, глаза широко расставлены, и в них часто вспыхивает искорка заразительного смеха. Волосы, остроконечная бородка и усы — русые. На лице морщины: некоторые говорят, что от смеха, но я склонен думать, что это следы больших трудов и тяжелых лет ссылки и преследований. Я при этом не хочу умалять его чувства юмора — человек без юмора не смог бы преодолеть те трудности, какие преодолел он.

¹ В корреспонденции об интервью Макбрайда с Лениным, напечатанной в американской газете «Christian Science Monitor» от 17 декабря 1919 г., сообщалось, что Макбрайд был принят Лениным в Кремле в конце сентября 1919 г. Как установлено теперь, беседа состоялась не позднее 23 сентября (см. В. И. Ленин: Биографическая хроника, т. 7, с. 514). *Ред.*

За всю нашу беседу он ни разу не отвел взгляда в сторону. Это не был пристальный взгляд человека, который постоянно настороже,— его глаза выражали искренний интерес и, казалось, говорили мне: «Мы скажем друг другу много интересного. Я верю, что вы друг. Как бы то ни было, мы хорошо побеседуем».

Он придвинул кресло к самому столу и повернулся ко мне так, что его колени почти касались моих. Сразу же он стал спрашивать меня о рабочем движении в Америке, потом коснулся положения рабочих в других странах. Он был прекрасно осведомлен даже о самых недавних событиях. Вскоре я заметил, что я спрашиваю его, а не он меня. Я рассказал ему, что газеты многих стран пишут, будто в Советской России диктатура меньшинства. Он ответил:

— Пусть те, кто верит этой глупой басне, придут к нам, смешаются с толпой и узнают правду. Подавляющее большинство промышленных рабочих и по меньшей мере половина крестьян — за Советскую власть и готовы отдать за нее жизнь.

— Вы говорите,— продолжал он,— что были на Западном фронте. Вы сами сказали, что никто не мешал вам говорить с солдатами Советской России и делать свои наблюдения. У вас были прекрасные возможности изучить настроения масс. Вы видели тысячи людей, которые день за днем живут впроголодь на одном чае и на черном хлебе. Я думаю, вы увидели в Советской России больше страданий, чем вы раньше могли себе представить. И все эти страдания порождены несправедливой войной, которую ведут против нас, экономической блокадой, в которой ваша страна играет не последнюю роль. Как, по-вашему, это диктатура меньшинства?

Я мог ответить только, что, основываясь на виденном и слышанном мною, я не могу поверить, что эти люди, нашедшие в себе достаточно сил, чтобы свергнуть деспота-царя, пошли бы на такие страдания и лишения, если бы не верили в правительство и не были бы готовы защищать его.

— Что вы скажете о мире и об иностранных концессиях? — спросил я.

— Меня часто спрашивают,— ответил он,— правы ли те представители американской буржуазии, противники войны с Россией, которые ждут от нас после заключения мира не только расширения торговых связей, но и предоставления концессий. Я повторяю еще раз, что они правы. Прочный мир был бы таким облегчением для трудящихся масс нашей страны, что массы эти несомненно пошли бы ради него на некоторые уступки. Предоставление концессий на разумных условиях желательно и нам как один из способов получения технической помощи от стран, более развитых экономически, в условиях сосуществования социалистического государства с государствами капиталистическими.

В ответ на следующий мой вопрос — о Советской власти — он ответил:

— Что касается Советской власти, она стала близкой уму и сердцу трудящихся масс всего мира, и мир ясно понял ее значение. Массы повсюду вышли из-под влияния прежних вождей, шовинистов и оппортунистов, признали гнилость буржуазной парламентской системы и необходимость Советской власти, власти трудящихся масс, диктатуры пролетариата во имя освобождения человечества от ига капитализма. И Советская власть победит во всем мире, как бы яростно ни бесновалась и ни злобствовала всемирная буржуазия.

Буржуазия хочет утопить Россию в крови, разжигая войну против нас и натравливая на нас контрреволюционеров, которые стремятся восстановить иго капитала. Буржуазия причиняет рабочим массам России небывалые страдания, поддерживая экономическую блокаду и помогая контрреволюции, но мы уже разбили Колчака и ведем борьбу с Деникиным, твердо веря в близкую победу.

Он ответил на все мои вопросы, и, когда вместо предполагавшихся пятнадцати минут прошло больше часа, я встал. Хотелось спросить его о «национализации женщин». Я и раньше не верил этому и уже убедился сам, что это ложь, но хотел узнать у него, откуда появилась эта басня. Однако, когда я увидел Ленина и началась наша беседа, что-то в его лице остановило меня, и вопрос этот так и не был задан.

Я видел сам, что уважение к женщине в Советской России гораздо глубже, чем та поверхностная вежливость, которая в других странах часто маскирует политический, экономический и домашний гнет. Женщины в России во всем равны мужчинам и пользуются большей свободой и безопасностью, чем в других странах.

Мы сердечно пожали друг другу руки, и я ушел, стараясь припомнить какого-нибудь государственного деятеля, которого мог бы поставить рядом с ним. Сравнить с Лениным можно только нашего Линкольна, может быть, о нем напомнила мне простота ленинского костюма. Ботинки рабочего, поношенные брюки, рубашка с черным галстуком, дешевый пиджак и строгая доброта, отличавшая лицо и весь его облик, — таковы мои впечатления от этого человека.

Он работает от пятнадцати до восемнадцати часов в день, принимает посетителей, посещает собрания, произносит речи, всегда готов помочь, посоветовать.

Они с женой живут в том же доме, где находится его приемная, в двух скромно обставленных комнатах¹.

¹ В. И. Ленин, Н. К. Крупская и М. И. Ульянова занимали в Кремле квартиру из четырех небольших комнат. *Ред.*

Советская власть завладела не только воображением, но и умом большинства простых людей России. Ленин для них — высшее ее воплощение, они верят ему и любят его. Мне говорили, что столько людей — мужчин, женщин и детей — приходит к нему из дальних мест, что он не в состоянии всех их принять. Они несут ему хлеб, яйца, масло, фрукты, а он все отдает в общий фонд.

Когда-нибудь — что бы ни было с Советской Россией — будет написана полная биография Ленина и он станет в один ряд с величайшими деятелями истории человечества.

*Дружба народов, 1959, № 4,
с. 178—179*

ВСТРЕЧИ С ВЕЛИКИМ ЛЕНИНЫМ¹

На мою долю выпало огромное счастье не раз видеться с великим Лениным. Первый раз я представился ему, когда удостоился чести быть участником I конгресса Коминтерна в марте 1919 года. Я очень волновался перед этой первой встречей. Но Владимир Ильич принял меня необыкновенно приветливо, сердечно. Он был чрезвычайно занят, и я не смел задерживать его. Беседа была очень краткой, но во мне она оставила глубокое впечатление.

Второй раз Владимир Ильич принял меня в том же 1919 году в связи с моей работой в должности председателя Центрального комитета² Союза китайских рабочих в России. Союз этот был организован в 1917 году, первоначально под названием Союза китайских граждан в России, главным образом с целью защиты интересов почти 60 тысяч китайских рабочих, ввезенных после начала первой мировой войны в Россию. Они прибыли по контрактам, заключенным русскими учреждениями и предприятиями с китайскими подрядчиками.

Рабочие эти, отданные всецело во власть подрядчиков, подвергались ужасающей эксплуатации и жили в неопишимо тяжелых условиях. После Февральской революции рабочие начали тысячами разбегаться с мест, где они работали, и искать пропитания, пристанища, защиты и путей возвращения на родину. Первой заботой организованного тогда Союза была эвакуация китайских граждан на родину. Но вскоре нормальное сообщение с Востоком было прервано, и репатриация столкнулась с огромными затруднениями.

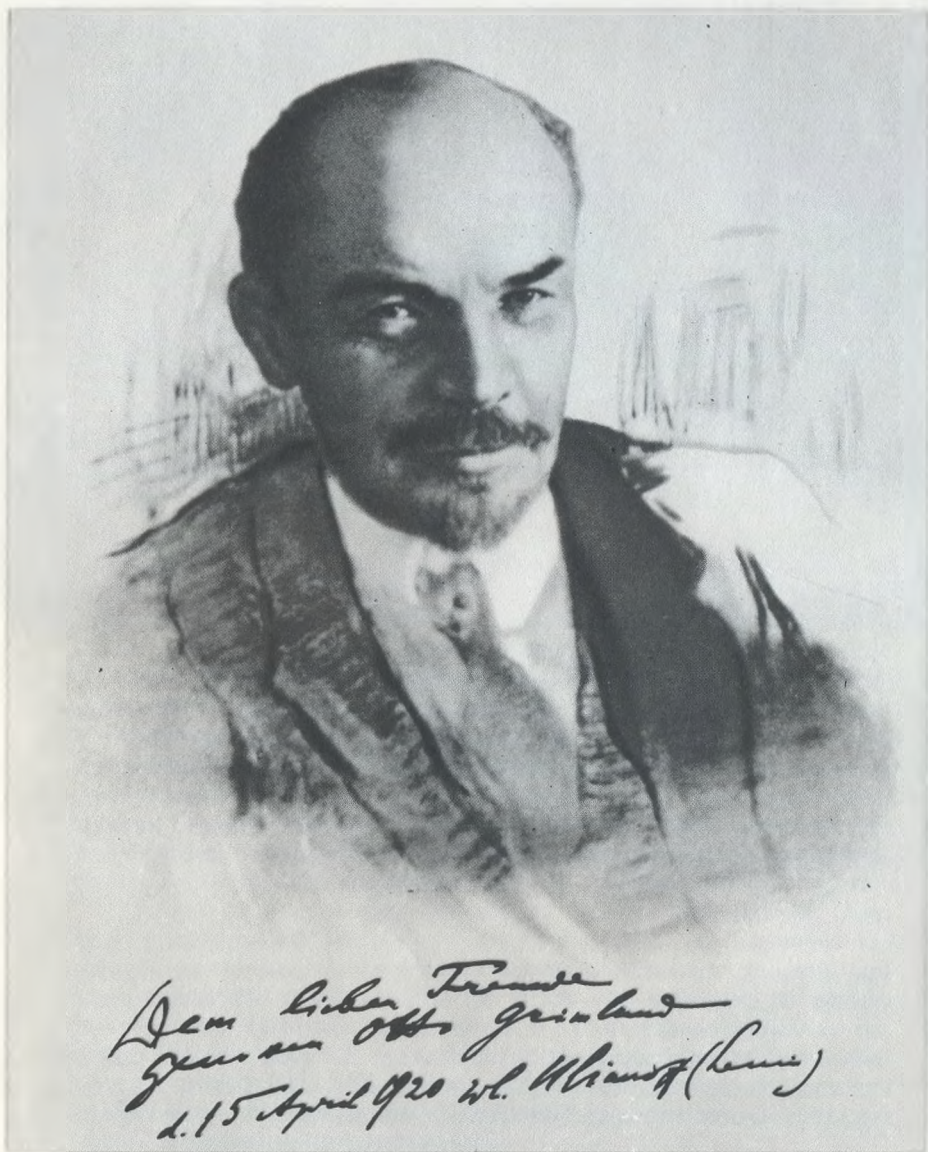
Советская власть с первого же дня после Великой Октябрьской социалистической революции проявляла большое внимание к китайским рабочим и, в частности, к вопросу об урегулировании их правового положения, оказывая Союзу, преобразованному в Союз китайских рабочих в России, исключительную

¹ Воспоминания печатаются с небольшим сокращением. *Ред.*

² Центрального исполнительного комитета. *Ред.*

В. И. Ленин в Стокгольме
с группой русских политэмигрантов
по пути из Швейцарии в Россию.
31 марта (13 апреля) 1917 г.

Dem lieben Freunde
Genossen Otto Grimlund
d. 15 April 1920 v. W. Ulyanow (Lenin)

В. И. Ленин. Портрет. Январь 1918 г. Петроград.

С автографом:

«Дорогому другу товарищу Отто Гримлунду.

15 апреля 1920 г. Вл. Ульянов (Ленин)».

В. И. Ленин в президиуме
I конгресса Коминтерна в Кремле.
2—6 марта 1919 г. Москва.

В. И. Ленин и Тибор Самуэли на Красной площади
во время парада войск Всевобуча.
25 мая 1919 г. Москва.

В. И. Ленин, Ф. Я. Кон, Е. Д. Стасова
на IX съезде РКП(б).
29 марта — 5 апреля 1920 г. Москва.

**В. И. Ленин выступает с докладом о международном положении
и основных задачах
Коммунистического Интернационала
на заседании II конгресса Коминтерна
во дворце Урицкого (Таврический дворец).
19 июля 1920 г. Петроград.**

В. И. Ленин с делегатами
II конгресса Коминтерна
у дворца Урицкого (Таврический дворец).
19 июля 1920 г. Петроград.

В. И. Ленин с делегатами II конгресса Коминтерна
на площади Жертв Революции (Марсово поле).
19 июля 1920 г. Петроград.

В. И. Ленин произносит речь на митинге,
посвященном закладке памятника
К. Либкнехту и Р. Люксембург на Дворцовой площади.
19 июля 1920 г. Петроград.

В. И. Ленин в Кремле
беседует с итальянскими делегатами
II конгресса Коминтерна.
23 июля — 6 августа 1920 г. Москва.

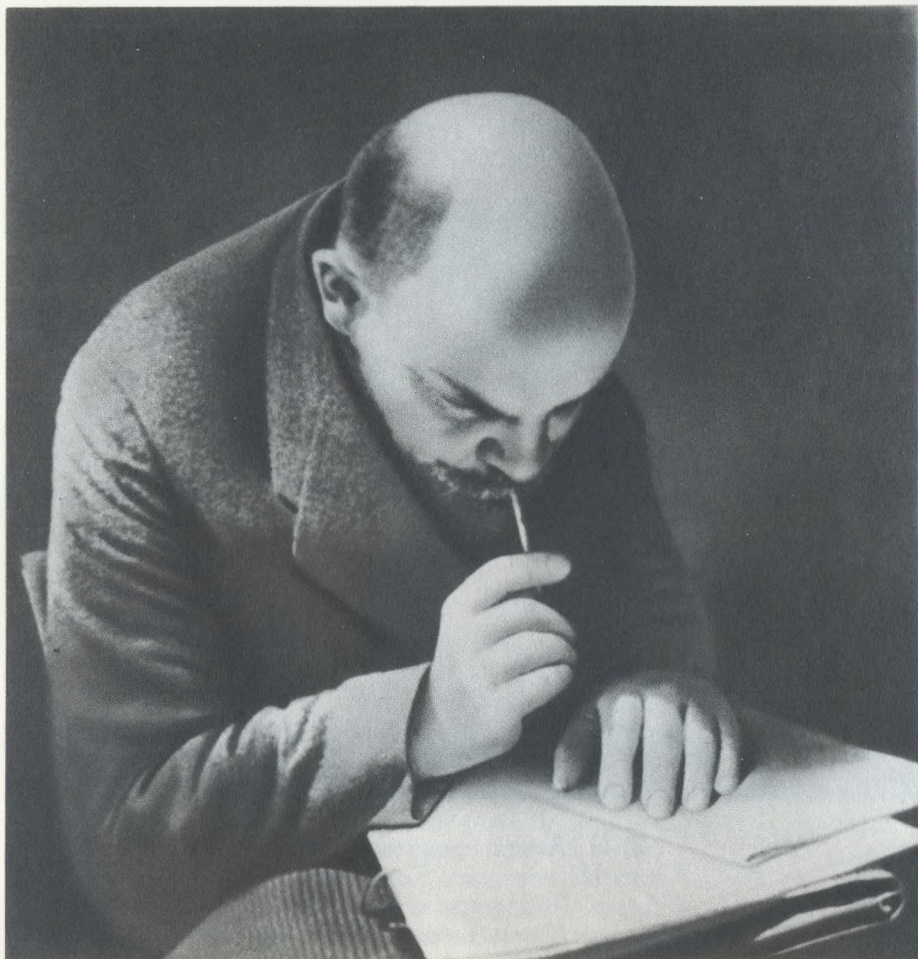
В. И. Ленин в Кремле
на заседании одной из комиссий
II конгресса Коминтерна.
23 июля — 6 августа 1920 г. Москва.

В. И. Ленин в своем кабинете в Кремле
беседует с английским писателем Гербертом Уэллсом.
6 октября 1920 г. Москва.

В. И. Ленин произносит речь
на III конгрессе Коминтерна
в бывш. Андреевском зале Кремля.
28 июня или 1 или 5 июля 1921 г. Москва.

В. И. Ленин на ступеньках трибуны
во время заседания III конгресса Коминтерна
в бывш. Андреевском зале Кремля.
28 июня или 1 или 5 июля 1921 г. Москва.

В. И. Ленин на заседании III конгресса Коминтерна
в бывш. Андреевском зале Кремля.
28 июня или 1 или 5 июля 1921 г. Москва.

В. И. Ленин с группой делегатов в дни работы
IV конгресса Коминтерна в Кремле.
13 ноября 1922 г. Москва.

поддержку и всестороннее содействие. Одним из самых трудных вопросов продолжал оставаться вопрос о репатриации, и в этом отношении Советское правительство охотно шло навстречу.

В связи с работой Союза я и был принят Владимиром Ильичем во второй раз — 19 ноября 1919 года, в его кабинете в Кремле. Он встретил меня с такой же большой приветливостью, как и в первый раз. На протяжении всей беседы меня не оставляло чувство покоряющего обаяния, исходившего от этого великого человека. Ленин расспрашивал меня о Китае, о китайской революции. Я был молод и еще далек от должного понимания международной политики, да и знал о событиях в Китае слишком мало, чтобы рассказать ему что-то для него новое или интересное.

Сам же я кочерпнул много ценного для меня из беседы с Владимиром Ильичем, услышав от него ряд глубоких мыслей по вопросам о судьбах Китая, о борьбе китайского народа с империализмом, о важности сближения между народами Китая и Советской России...

Владимир Ильич подробно расспрашивал о положении китайских рабочих, о работе нашего Союза. Он поинтересовался, достаточно ли Союзу оказывается содействия со стороны властей. В подтверждение того, что Союзу оказывается большое внимание и широкое содействие, я показал выданное мне Народным комиссариатом иностранных дел удостоверение, где говорилось, что я являюсь «единственным уполномоченным китайских граждан и рабочих в России по охране их интересов...». В удостоверении содержались обращение и просьба ко всем учреждениям оказывать мне всяческое содействие. Неожиданно для меня Владимир Ильич тут же на этом удостоверении сделал красными чернилами следующую надпись:

«С своей стороны очень прошу все советские учреждения и власти оказывать всяческое содействие тов. Лау Сиу-джау.

Пр. Сов. Нар. Ком. *В. Ульянов (Ленин)*
19/XI.1919»¹

Этим исключительным вниманием к китайским рабочим, теплой дружбой к Китаю и в то же время большим доверием, оказанным мне лично, я был тронут до глубины души. Удостоверение, подтвержденное высоким авторитетом Ленина, было неопределимо для нашего Союза. Впоследствии в связи с рядом обстоятельств, в особенности в связи с нашествием японских захватчиков в Китай, мне пришлось уничтожить много важных документов, но это удостоверение с собственноручной подписью Ленина я сохранил как бесценную память о нем.

¹ В ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС хранится автограф этой ленинской надписи. *Ред.*

Следующий раз я был принят Владимиром Ильичем в дни II конгресса Коминтерна в 1920 году¹.

Незадолго до конгресса в Москве было получено известие о том, что китайская миссия во главе с генералом Чжан Сы-линем, направлявшаяся в Москву, перешла читинский фронт. Тогдашнее правительство Китая, несмотря на всю свою реакционность, после победы Советской власти в Сибири решило послать миссию в Советскую Россию, по возможности в Москву, чтобы «поговорить». Однако, опасаясь вмешательства со стороны империалистических держав, оно не решилось придать миссии официальный характер, а отправило ее под флагом продовольственной помощи китайским гражданам в Сибири. Причем китайское правительство не только не испросило согласия на отправку миссии, но даже не послало никакого уведомления Советскому правительству об этом, поручив миссии самой получить согласие на приезд в Москву по прибытии на территорию тогдашней Дальневосточной Республики.

Все это, разумеется, никак не соответствовало международным обычаям. Тем не менее народный комиссар иностранных дел Чичерин, направляя китайскому министерству иностранных дел запрос о целях и характере миссии, выражал готовность принять ее в Москве, а также желание послать в свою очередь миссию в Пекин. По предложению Наркоминдела я от имени нашего Союза тоже телеграфировал в Пекин с настоятельной просьбой: во избежание возможных недоразумений сообщить Советскому правительству о характере миссии. Однако из Пекина никакого ответа не последовало, и находившаяся в поезде миссия продолжала пребывать в ожидании сначала в Чите, а затем в Верхнеудинске. Становилось ясным, что китайское правительство не решалось обратиться к Советскому правительству с официальной просьбой принять миссию.

Между тем с приездом миссии открывалась возможность установления непосредственного контакта между представителями двух правительств, и поэтому приезд ее в Москву, независимо от пределов полномочий, был очень желателен, тем более что Советское правительство неоднократно предлагало правительству Китая вступить в переговоры и установить нормальные отношения. Для членов нашего Союза приезд миссии представлялся желательным также и потому, что появилась надежда сдвинуть с мертвой точки вопрос о репатриации, разрешение которого китайское правительство очень затягивало. Я и решил тогда обратиться непосредственно к Владимиру Ильичу с просьбой, не найдет ли он возможным дать распоряжение о пропуске миссии в Москву, не дожидаясь ответа из Пекина.

¹ Лю Цзе-жун был принят В. И. Лениным после окончания работы II конгресса Коминтерна, 11 августа 1920 г. *Ред.*

Таким образом, я в третий раз был принят Владимиром Ильичем. Это было в дни II конгресса Коминтерна¹. Я представил свои соображения Владимиру Ильичу. Он считал возможным приезд миссии в Москву без официального извещения из Пекина и тут же написал записку в Наркоминдел с предложением распорядиться о пропуске миссии в Москву². Решение Владимира Ильича еще раз показывало его отношения к Китаю и то значение, которое он придавал возможности завязать отношения с китайским правительством.

Миссия прибыла в Москву 5 сентября. Ее радушно встретили и устроили со всем возможным в те времена комфортом в хорошем особняке. Очень тепло принял ее Владимир Ильич, имевший с ней продолжительную беседу³.

Японские и другие империалисты, встревоженные появлением миссии в Москве, оказали давление на китайское правительство. Последнее поспешило объявить о неофициальном характере миссии и предложило ей скорее вернуться в Китай. Однако это нисколько не отразилось на отношении Советского правительства к миссии и на том большом внимании, которым она была окружена во время всего своего пребывания на территории РСФСР.

Помимо проведения ряда встреч и деловых бесед миссии была предоставлена полная возможность ознакомиться с Москвой и Петроградом.

В заключение генералу Чжан Сы-линю вручили письмо народного комиссара иностранных дел на имя министра иностранных дел Китая, где Советское правительство выражало желание установить дружественные отношения с Китаем⁴. Развивая принципы, провозглашенные в обращении к китайскому народу от 25 июля 1919 года⁵, письмо излагало основные

¹ См. примечание на с. 242. *Ред.*

² Такой записки нет в числе опубликованных произведений В. И. Ленина, а также среди неопубликованных документов, хранящихся в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС. Известно, что во время приема Лю Цзэ-жуна 11 августа 1920 г. В. И. Ленин написал записку Н. Н. Крестинскому с просьбой принять Лю Цзэ-жуна (см. Полн. собр. соч., т. 51, с. 256). *Ред.*

³ Сообщаемый Лю Цзэ-жуном факт беседы В. И. Ленина с членами китайской военно-дипломатической миссии другими источниками не подтверждается. Известно лишь, что 2 ноября 1920 г. Ленин принял главу этой миссии генерала Чжан Сы-линя накануне его отъезда из Москвы и имел с ним беседу. *Ред.*

⁴ Здесь допущены некоторые неточности. В действительности дело обстоит так: 27 сентября 1920 г. заместитель народного комиссара иностранных дел Л. Карахан направил генералу Чжан Сы-линю «Обращение Правительства РСФСР к Правительству Китайской Республики», в котором имеются перечисленные автором ниже пункты (см. Документы внешней политики СССР, т. 3.— М., 1959, с. 213—216). *Ред.*

⁵ См. Документы внешней политики СССР, т. 2.— М., 1958, с. 221—223. *Ред.*

пункты предлагавшегося соглашения (в том числе такие, как аннулирование всех старых неравноправных договоров, отказ от консульской юрисдикции, от концессий, от «боксерской» контрибуции и т. д.). Как и первое обращение Советского правительства к китайскому народу, это письмо, получившее вскоре широкую известность в Китае как «вторая советская декларация», конкретно излагало мудрую ленинскую политику в отношении Китая. Оно было радостно встречено прогрессивными кругами Китая и сыграло большую роль в движении за установление дружественных отношений с Советской Россией.

* *
*

Много лет прошло с того времени, когда я встречался с великим Лениным, но светлая память о необыкновенном обаянии этого великого человека, об его исключительно теплом отношении к моей родине и к моему народу неугасимо живет во мне.

*Вопросы истории КПСС, 1960,
№ 2, с. 192—194*

ЛЕНИН¹

Я встретился с Лениным 21 февраля 1920 года в день своего рождения, когда мне исполнился шестьдесят один год. Больше я его уже не видел, и лишь летом 1926 года мы с женой посетили Мавзолей, где он покоится. Это не было то самое здание из черного и красного гранита, которое сейчас находится возле Кремлевской стены. Это было временное сооружение, но к нему уже тогда стекался нескончаемый поток людей, почитавших Ленина. Ленин умер десять лет назад², и, насколько я знаю, поток посетителей с тех пор течет непрерывно.

Я глядел на усопшего Ленина и не мог найти каких-либо изменений в его лице. Он выглядел спящим. Мне казалось, что, если бы глаза его открылись, он посмотрел бы на меня точно так же, как смотрел тем февральским утром шесть лет назад. Он был среднего роста, и, когда мы впервые встретились, я не заметил на его лице следов изможденности и истощения, как у Красина и некоторых других из тех, с кем я встречался в то же время. Должно быть, это было следствием более крепкого сложения. Ведь Ленин полностью разделял все лишения тех дней, когда не хватало топлива, жилищ и даже продовольствия. Точно так же поступали в те дни и другие большевистские руководители. Не имелось никаких особых привилегий или лучших условий для руководителей и представителей власти: быть революционным вождем означало тогда только получать наибольшую долю тяжелого труда и неудобств.

Моя беседа с Лениным была довольно продолжительной: он говорил о революции и международном положении. Хотя Ленин отлично знал, что я не был большевиком и исповедую христианство, он обращался со мной очень учтиво и доброжелательно,

¹ Глава из книги Джорджа Ленсбери «Looking backwards — and forwards» («Взгляд в прошлое и будущее»), изданной в Англии в 1935 г. (печатается с сокращениями). *Ред.*

² Воспоминания написаны в 1934 г. *Ред.*

что позволило нам в течение всей беседы чувствовать себя легко и непринужденно. Меня увлекла его речь, его здравый смысл и идейная убежденность. Я не заметил в нем ни малейших признаков самомнения или ограниченности мышления...

Я могу описать Ленина лишь таким, каким он представился мне. Его главная мысль заключалась в том, что теории и принципы, которые он и его товарищи осуществляли в России, принесли бы мир и счастье всему миру, если бы только трудящиеся их восприняли. Когда он увидел, что мой ум не воспринимает его теорию о победе социализма насильственным путем в Англии или где-нибудь в другом месте и что я слепо полагаюсь на изменение интеллектуальных и моральных представлений у отдельных людей путем осуществления христианских принципов любви и братства, он не оборвал меня с презрением или сарказмом, а с веселым смехом сказал:

— Неважно, каким путем придет социализм. Возвращайтесь в Англию и попробуйте ваш путь любви и мирного убеждения. Вы считаете, что можете победить таким путем. Я полагаю, что вы потерпите неудачу, но я был бы рад, если бы вы оказались правы.

Прошло немало времени, и я не могу ручаться, что это были его точные слова, но суть их была такова.

Ленин много говорил о большевистской теории, но большую часть времени мы посвятили обсуждению отношений, существующих между Россией и остальным миром. Вождь великого народа, сидевший в скромно обставленной комнате Кремлевского дворца, разговаривал со мной с глазу на глаз. Не было ни личных секретарей, ни руководителей ведомств, которые могли бы помогать ему. Контраст был разительным, если вспомнить об английских министрах, которые совершенно беспомощны в подобных интервью без такой поддержки.

Когда я говорил о христианстве, Ленин спросил меня, что я думаю о христианских государствах, которые окружили Россию таким плотным «санитарным кордоном», что запрещен ввоз даже медикаментов, и которые затягивают переговоры между сэром Джеймсом О'Греди и Максимом Литвиновым в надежде, что лишения принудят большевиков изменить управление в России так, как это угодно правительствам других стран. Он повторил, что он реалист и что, если бы Ллойд Джордж или Вильсон, или оба они приехали в Москву, все вопросы, которые вызывали вражду и озлобление между Россией и Англией или Америкой, могли бы легко быть устранены. Незадолго до этого интервью, с его разрешения, я послал телеграмму Ллойд Джорджу с приглашением в Москву, чтобы предпринять шаги в направлении мирного урегулирования. Но Ллойд Джордж был либо не склонен ехать, либо «слишком занят». Конечно, я не получил ответа на телеграмму.

Вспоминая слова Ленина о позиции других держав и о вооружениях, я убеждаюсь, что мир с каждым днем приближается к новой мировой войне и одна из главных причин этого заключается в том, что Ленин не был понят. Он настойчиво подчеркивал, что он и его друзья не хотят создавать большую военную машину, что Россия навсегда покончила с какими бы то ни было империалистическими целями и что хотя они и верят в мировую революцию, которая осуществит переход от капитализма к социализму, но в каждой стране массы должны сами решать вопрос о своем освобождении.

Он совершенно не скрывал и не отрицал намерения III Интернационала создать всемирный рабочий интернационал для объединенных действий и пропаганды. Но несмотря на это, я совершенно убежден, что, если бы Англия, Франция и Америка признали Советское правительство в то время, когда я интервьюировал Ленина, история прошедших двенадцати лет¹ была бы во многом иной и гораздо более мирной. Лига наций была бы сильнее, так как русские не считали бы ее империалистическим трюком, разоружение было бы гораздо более легкой проблемой, а вопрос о долгах мог бы быть давно решен.

Ленин не питал никаких иллюзий. Он не ожидал признания. Он был вполне подготовлен к тому, что царские генералы будут получать все больше английских денег для своих контрреволюционных усилий. Но он сохранял спокойную уверенность, что Россия тем не менее одолеет всех марионеток, которых мы выставляем против нее.

Мы обсуждали финансовый вопрос, и он сказал мне, что, если нам, социалистам, даже удастся прийти к власти посредством выборов, банкиры и другие финансовые воротилы погубят нас с помощью различных финансовых махинаций. Ленин сказал, что, если бы русские банкиры приняли социалистическую революцию так же, как они с готовностью приняли смену паризма буржуазной республикой Керенского, они могли бы остаться на своих местах и служить народу. Но они все единодушно взялись за саботаж.

Ленин был абсолютно уверен, что, несмотря на серьезные трудности, вызванные этим саботажем, большевики одержат победу. Он вынашивал пятилетний план и перспективные планы на многие годы. Мне казалось, что в его мозгу разработаны все планы и что он не нуждался в специалистах, которые подсказывали бы ему, что следует делать. Он обращался к ним лишь для выяснения деталей.

Я слышал, как некоторые говорили, что Ленин был эгоистом и фанатиком. Думаю, что многие из встречавшихся с ним сами в некоторой степени страдали большим самолюбием, но обвиня-

¹ Так в тексте. *Ред.*

ли в этом его. Я же не нашел таких признаков во время беседы с ним.

— Главы церкви, что и банкиры,— сказал он.— Даже сейчас, во время нашей беседы, они тайно с английскими и царскими генералами замышляют свергнуть наше правительство. Люди хотят молиться и могут молиться, если они хотят, но нельзя использовать молитвы и религию как покрывало для того, чтобы прикрывать контрреволюционную деятельность.

Этот человек был одновременно и реалистом, и идеалистом, и он был подлинным революционером... Ленин твердо верил в энтузиазм, дисциплину и просвещение. Он не обещал легких путей в обетованную землю, которая, по его мнению, могла быть достигнута только путем труда и жертв.

По этому поводу он сказал мне на прощание несколько слов, которые следовало бы запомнить всем руководителям масс. Обращаясь ко мне, когда я говорил о положении рабочих, Ленин сказал:

— Ленсбери, вы хотите легкой жизни?

Я ответил:

— Нет.

— Это хорошо,— сказал он,— мы никогда не должны позволять рабочим думать, что социальная революция означает легкую жизнь. Напротив, она может означать еще больший труд, потому что нужно будет сделать очень многое для исправления мерзостей капитализма. Но мы должны учить рабочих, что они будут работать на себя и каждый час труда будет приближать их к благосостоянию.

Покидая Ленина, я чувствовал, что встретил наиболее ненавидимого и наиболее любимого человека в мире. Лучше всего я могу подвести итог, сказав, что думаю о нем как о мудрейшем и наиболее преданном своему делу человеке, которого я когда-либо встречал.

Печатается по тексту журнала «Новое время», 1963, № 16, с. 9—10, сверенному и дополненному по книге: Lansbury George. Looking backwards — and forwards. — London and Glasgow, 1935, p. 161—168.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН¹

Впервые я увидел его 16 марта², вскоре после моего приезда в Страну Советов, в московском Большом театре. Там происходило траурное заседание, посвященное годовщине со дня смерти Якова Михайловича Свердлова, одного из вождей русской революции и основателей первого государства Советов рабочих депутатов.

Этого впечатления я не забуду никогда. Театр — один из крупнейших в Европе — весь в золоте и пурпуре. Балконы и ложи выступают золотыми полукольцами на красном фоне обивки и шелковых занавесей. Расположенная против сцены просторная царская ложа с балдахином, занимающая в высоту три яруса, — тоже сплошь золото и пурпур. Все заполнено рабочими. Они пришли в кожанках и полушубках, в фуражках, красноармейских шлемах и высоких белых папахах, в шерстяных платках, меховых девичьих шапочках и косынках, пришли как в собственный дом, просто и сердечно, заняли все до единого места в партере и пурпурно-золотых ярусах, включая царскую ложу, расселись на стульях, в глубине открытой сцены, задник которой представляет собой какой-то синеvато-серый готический дворец, украшенный колоннами. Между ними натянута широкое кумачовое полотнище с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». А несколько ниже висит обрамленный хвоей портрет Свердлова.

Впереди, за покрытым красной материей длинным столом, занимающим всю сцену, — вожди революции, руководители Коммунистической партии, те, кто заложил фундамент истории новой эры.

До открытия заседания на сцену из боковой кулисы выходит Ленин. Небольшой, широкоплечий, с рыжеватой бородкой,

¹ Печатаются фрагменты из книги И. Ольбрахта «Путешествие за познанием». — М., «Мысль», 1967. *Ред.*

² 1920 г. *Ред.*

лысиной и очень крутым лбом, устремленным вперед, и словно готовым протаранить все, что только встанет на пути. Владимиру Ильичу через несколько дней исполнится пятьдесят¹. Его встречают аплодисментами. Не слишком шумными, скорее дружескими, чем восторженными. Ленин садится на один из свободных стульев за столом президиума — третий или четвертый от края; место совершенно неприметное. Да и почему оно должно чем-то выделяться? Ведь он здесь среди товарищей, с которыми уже двадцать пять лет работает вместе, которых хорошо знает и которые также хорошо знают его.

Председатель открывает собрание краткой речью. Ленин смотрит на часы, проводит ладонью по лысине, затем трогает рукой полные губы, оборачивается к кому-то сзади и что-то говорит. Я гляжу на этого могущественнейшего в мире человека. Все его портреты неудачны. Они придают прищуренным глазам Ленина какое-то демоническое или саркастическое выражение, которое отсутствует в его лице, и не говорят, что у него светлые волосы. От уголков глаз Ильича веером расходятся морщинки.

Товарищ Ленин! Не больше, но и не меньше. Человек, которого эпоха вывела из чердачных каморок и музейных библиотек эмиграции и поставила в центр событий мировой истории. Он, которого из недр своих подняла на плечи окровавленная масса людей, чтобы в его ясных, твердых, как удар колокола, словах выразить свой нестройный крик, чтобы из хаоса разрозненных помыслов он смог выковать идею, чтобы он руководил ими, сплотил их и вместе с ними завоевал мир.

И вот он встает и выходит на авансцену. Одет Ленин как рабочий с какого-нибудь чистого производства: застегнутый коричневый пиджак, порывевшие, собравшиеся в складки брюки. Он берет слово и весь как-то становится тверже. Голос у него сильный и звучный, но несколько приглушенный. Так бывает у людей, которые слишком часто напрягают голосовые связки, выступая на митингах. Но возможно также, что это последствие ранения в легкое, которое нанесла ему в позапрошлом году на заводе Михельсона эсерка Каплан.

Ленин говорит о покойном Свердлове². Его фразы уверенны, выразительны, все одинаково четки и ясны, ибо все, что он произносит, важно: не нужно ничего особенно подчеркивать и нет ничего лишнего. Таковы же и его жесты: категорические, не допускающие сомнений. Сжатые кулаки в такт речи медленно поднимаются и медленно опускаются; несколько плавных, широких движений указательным пальцем; решительный взмах руки — страсть, выкристаллизовавшаяся в закон. Ее выграницила тюрьма, она отвердела в изгнании, была отточена под висели-

¹ 50 лет В. И. Ленину исполнилось 22 апреля 1920 г. *Ред.*

² См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 225. *Ред.*

цей брата и под виселицами друзей, закалилась в кровавых кошмарах контрреволюции.

Но только ли о Свердлове говорит Ленин?

Да, имя этого замечательного человека оратор называет несколько раз; вот и теперь Владимир Ильич вспоминает о том, каким блестящим организатором был Яков Михайлович. Но произнося эту фразу, Ленин тут же переходит к вопросу о значении организации и дисциплины. Только они могут привести русский пролетариат к победе. Без организации и дисциплины, без их постоянного укрепления невозможно завершить строительство Советского государства и обеспечить победу рабочего класса во всем мире!

Ведь кем был Свердлов, соратник и друг Ленина? Детищем эпохи, одним из многих, точно таким же, как и сам Ленин. Солдат революции, он был рожден ею и ей принадлежал.

Оратор рассказывает, что с людьми, которых Яков Михайлович умел так хорошо подбирать и расставлять по местам, он знакомился не в салонах и не на банкетах, как это принято на Западе, а в тюрьмах и на этапах, в Сибири и в подполье. А подобное упоминание необходимо лишь для того, чтобы подчеркнуть различие между Россией с ее старыми революционными традициями и остальной Европой, поскольку вообще необходимо сказать о Западе, о политике Антанты, исполненной ненависти к пролетарской революции, об агентах буржуазии в среде европейских лжесоциалистов, о попытке переворота в Германии, о сообщениях, полученных в этой связи сегодня вечером Советским правительством, о надеждах и реальных возможностях немецкой корниловщины. Ленин живет только настоящим и будущим. Революция для него все — только к ней прикованы его мысли, только о ней он говорит, только ее духом он живет...

Он напоминает массам о необходимости организации труда, и его спокойные выразительные слова, его категорические жесты говорят: так, так и так! Речь его убедительна, ничто ей так не чуждо, как лесть: это язык элементарнейших истин и опыта. Он не терпит фразерства. Революции не оставляют непроверенной ни одной «фразы», и в этом — одна из самых прекрасных их особенностей... И массы слушают Ленина. Кажется, что перед тобой огромный бронзовый барельеф застывших в неподвижности голов и бюстов. Тысячи взглядов, устремленных из партера, балконов и лож, скрещиваются в одной точке, и эта точка — рот Ильича. На губах у всех застыла одинаковая улыбка, тихая, едва заметная, нежная улыбка великой любви. Ведь Ленин — плоть от плоти и кровь от крови этих масс, и уста его ни разу не произнесли слова, которое одновременно не было бы их словом. Он — прекраснейшее подтверждение их силы.

...Ленин говорит о замыслах Антанты, об английских и американских капиталистах, о буржуазии Запада, о событиях в Германии.

— Никто из наших врагов не знает, чего он хочет. Мы — знаем, — говорит он.

И это так. Владимир Ильич знает, чего он хочет, всегда знал, и в этом — огромная сила его и коммунизма. Значительная часть работы, требующей нечеловеческого напряжения, уже сделана. Первые два этапа — привлечение на свою сторону большинства и завоевание политической власти — уже пройдены и отошли в область истории; последний этап на три четверти завершен. Недалеко то время, когда в золотой полдень засверкает на земле новый город, законченный и прочный. И то, что будет построено, никто уже не сможет разрушить. Никто на свете!

Владимир Ильич кончил свою речь и уходит со сцены. Взоры всех любовно провожают его до кулис.

И оцепеневшая во время его выступления толпа снова охвачена прибоем повседневной жизни. Зрительный зал волнуется и приходит в движение.

Выступают и другие ораторы, они тоже говорят о покойном Якове Михайловиче Свердлове. Потом место для оркестра занимают музыканты, очевидно, те же, которые играли здесь три года назад штабным офицерам, статским генералам и богатым купцам. Начинается концерт. Исполняют «Девятую симфонию»¹, произведения Римского-Корсакова и Чайковского.

Концерт оканчивается пением «Интернационала». Все встают; шапки и папахи, которые до сих пор оставались на головах, сняты, и в московском Большом театре, в пурпурно-золотом театре с пятью ярусами и просторной царской ложей, тысячеголовая толпа рабочих, крестьян и солдат единым могучим хором подхватывает строфы «Интернационала».

Это есть наш последний
И решительный бой...

Западноевропейский пролетариат пока еще поет: «*Это будет последний и решительный бой*». Всего три года назад и здесь так пели.

ЕЩЕ ДВА НЕБОЛЬШИХ ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

За время своего девятимесячного пребывания в Стране Советов я несколько раз видел и слышал тов. Ленина.

Второй конгресс III Интернационала, на котором мне повезло присутствовать, открылся в Москве. Затем он

¹ Людвиг ван Бетховена. *Ред.*

продолжал свою работу в Петрограде¹. От этого конгресса у меня сохранилось одно дорогое воспоминание — о Ленине, великом деятеле, навсегда оставшемся простым и человечным.

Когда члены Исполнительного Комитета партии заняли свои места в президиуме², на сцену вышел и тов. Ленин. Он обвел взглядом огромный зал собрания, потом почему-то вдруг спустился в партер и направился вверх по проходу амфитеатра. Все оборачивались и не сводили с него глаз. Где-то в задних рядах сидел старый друг Ленина, ослепший питерский рабочий и революционер Шелгунов. Это один из самых старых друзей Владимира Ильича, оставшихся еще в живых. Он работал вместе с Лениным в подпольных кружках, принимал участие в большевистстве проводившихся тогда политических кампаний, распространял листовки, был в 1895 году в числе первых членов «Союза борьбы», а когда в 1900 году под редакцией Ленина начала выходить «Искра», Шелгунов, работавший в ту пору на электростанции близ Баку, стал ревностным распространителем газеты³. Он принял участие в Октябрьской революции, но дождался ее уже слепым.

Когда Ленин подходил к его креслу, ослепшего большевика предупредили об этом. Шелгунов встал, сделал два шага навстречу Владимиру Ильичу, и оба борца крепко расцеловались.

Вот и все. Мне кажется, что они не сказали друг другу ни слова.

И все же их встреча была прекрасна своей яркой человечностью. Потом Ленин вернулся на сцену, и вскоре заседание началось.

О Владимире Ильиче у меня осталось еще одно, внешне незначительное, но приятное личное воспоминание.

Я написал пространную статью о положении в Чехословакии для большого сборника «Интернационал», издававшегося на нескольких языках⁴. По-моему, это было первое обстоятельное сообщение с моей родины. Статья, написанная по поруче-

¹ Конгресс открылся в Петрограде (см. настоящий том, с. 191, прим. 2). *Ред.*

² Автор имеет в виду Исполком Коминтерна.

На II конгрессе Коминтерна в президиум были избраны по предложению ИККИ 5 человек — представители от Германии, Франции, Италии и России. *Ред.*

³ Шелгунов В. А. (1867—1939) в 1902 г. был членом Бакинского комитета РСДРП, участвовал в создании подпольной искровской типографии в Баку. *Ред.*

⁴ В 1920 г. в № 10 журнала «Коммунистический Интернационал» было напечатано «Письмо из Чехословакии» за подписью «И.О.», в котором освещалось положение в Чехословацкой республике за время с 28 октября 1918 г. до начала 1920 г. Журнал издавался на русском, английском, французском, немецком, испанском и китайском языках. *Ред.*

нию Чешского совета¹, помещавшегося на Кудринской улице, очевидно, была направлена в ЦК партии. Я об этом, впрочем, ничего не знал. Позднее до меня дошло, что ее читал Ленин. Я был очень удивлен, найдя свою статью целиком напечатанной в сборнике «Интернационал». Так Ленин узнал о моем существовании.

В конце весны из Чехословакии прибыла делегация чешских коммунистов, возглавлявшаяся товарищем Шмералем. Вскоре он был приглашен к Ленину. В книге Шмерала «Правда о Советской России» под датой: пятница, 21 мая — имеется только следующая запись: «Сегодня вечером был у Ленина на его квартире в Кремле». И ни слова больше, хотя остальные главы этой книги весьма обстоятельны. О чем Ленин разговаривал с тов. Шмералем, так и осталось неизвестным. Но об одной подробности Шмералу все-таки пришлось рассказать мне.

— Как нравится вашему товарищу Советская Россия? — спросил Ленин. — Жалуется он на что-нибудь?

— Ну, он, разумеется, восхищен Страной Советов, — отвечал Шмераль. Но потом, вспомнив о чем-то, добавил: — Только никак не может достать спичек.

Ленин улыбнулся шутке, опустил руку в карман и вынул спичечный коробок:

— Вот ему от меня.

Ленинский коробок, конечно, уже пустой, я хранил некоторое время в ящике своего письменного стола. В ту пору в Москве действительно была большая нехватка спичек, и нам с пятого этажа второго дома Советов² приходилось спускаться вниз, где на кухне всегда бурлила горячая вода, и прикуривать свои папирсы-самокрутки от пламени плиты.

Коробок. Мертвый деревянный предмет. Но все же это подарок Ленина. И он был мне очень дорог. Позднее, перед самым отъездом из Москвы, я его уничтожил. Теперь, по правде говоря, не время для сентиментов.

*Ольбрахт Иван. Путешествие за
познаком: Страна Советов 1920
года (Перевод с чешского).— М.,
1967, с. 99—102, 120, 123—126*

¹ В первые годы Советской власти при Наркомате иностранных дел был организован Чехословацкий национальный совет для работы среди военнопленных. *Ред.*

² Гостиница «Метрополь». *Ред.*

ИЗ ДНЕВНИКА

Первый раз я имел счастье лично встретиться с Лениным весной 1920 года, когда я посетил РСФСР еще социал-демократом. Коммунистической партии Чехословакии тогда еще не существовало. Я был представителем левой¹ в социал-демократии. Вместе с группой вернувшихся из русского плена товарищей мы подготавливали присоединение левой к III Интернационалу и создание компартии.

Мне было тогда сорок лет. Я не знал ни слова по-русски, не читал почти ничего из большевистской литературы. Октябрьская революция оказала на меня мощное влияние. Я пришел к убеждению, что путь реформизма — путь ложный, но обремененный двадцатью двумя годами социал-демократического прошлого, был еще далек от большевистской ясности и твердости. Посещение Москвы решило судьбу второй половины моей сознательной жизни.

Пробраться в Москву через кордоны границ было тогда трудно. Я выехал из Праги 3 марта и только 31-го через Германию, Литву, Латвию, Ревель, Нарву, Ямбург и Петроград прибыл в Москву. 3 апреля я впервые встретился с Лениным.

Это было в Кремле на заседании IX съезда РКП(б)². Я получил постоянный гостевой билет на трибуну.

Входит Ленин. Короткое приветствие. По-немецки спрашивает, как меня поместили, оказывает ли мне секретариат Коминтерна необходимую помощь, обещает в близком будущем свидание. И вот он уже стоит на трибуне и говорит³.

Какое впечатление произвела на меня, западного социал-демократа, форма выступления Ленина? Я привык в то время к западноевропейским «парламентским» ораторам, слышал

¹ Марксистской левой (левое крыло Чехословацкой с.-д. рабочей партии). *Ред.*

² IX съезд РКП(б) состоялся 29 марта — 5 апреля 1920 г. *Ред.*

³ 3 апреля В. И. Ленин выступил на съезде с речью о кооперации (см. Полн. собр. соч., т. 40, с. 276—280). *Ред.*

многих из них, в том числе Вильгельма Либкнехта, Бебеля, Виктора Адлера, Жореса. После первых же сказанных Лениным фраз я почувствовал: говорит совершенно другой человек, чем все те, кого я раньше слышал. Отсутствие внешней театральности и эффекта, пафоса, подчеркивающего сознание собственной важности, простой, не бросающийся в глаза, скромный — таково было первое представление, вызванное формой ленинской речи. Не понимая по-русски, без помощи переводчика я не мог следить за содержанием его доклада. Но на лицах и в глазах слушателей я видел огромное влияние слов Ленина. И в тот же вечер я писал в своем путевом дневнике:

«Когда Ленин выступал, я видел его сзади с трибуны. Короткий грубой шерсти пиджак, фигура не большая, не маленькая, не полная, не худая. Ничего бросающегося в глаза. В его паспорте должно было бы стоять «особых примет не имеет», потому что и лысины я сзади не видел. Вижу совсем близко его слегка согнутую спину и невольно спрашиваю себя: «Ленин это или нет?» Мне кажется, что в Ленине именно то ленинское, что он ничем внешне не обращает на себя внимания. Один из многих, мог бы быть одинаково принят и за городского труженика и за деревенского интеллигента. Такова его наружность, такова и речь. Ничего театрального, патетического.

Трибун масс говорил на съезде негромко, не напрягая голоса. Быстро льется слово за словом, почти монотонно следует фраза за фразой. Особенно характерно произносит он ту часть речи, на которую хочет обратить особенное внимание: тогда голос его становится еще спокойнее, тон повышается, но скорость речи растет.

Когда я закрыл глаза и, не понимая содержания, только слушал его голос, мне казалось, что оживленно беседуют о чем-нибудь два простых человека. Ленин обычно поставит вопрос, а потом несколько повышенным голосом на него отвечает. Действие его речи отражается в зале, наполненном делегатами съезда.

Здесь самые различные люди со всей России — от Сибири до западной границы. Высокие белые меховые шапки, военные гимнастерки, черные кожаные куртки, твердые с резкими чертами лица городских рабочих, головки девушек, кажущиеся еще полудетскими. Все лица недвижно устремлены к Ленину, к его глазам — один большой скульптурный, отлитый из металла барельеф.

Чем дальше говорит Ленин, тем напряженнее масса слушателей. Руки поднимаются для рукоплесканий и словно застывают раньше, чем встретятся: напряженность, вызванная новой фразой, не оставляет им времени для того, чтобы сомкнуться. Только с трудом сдерживаемый кашель показывает признаки жизни этого как бы окаменелого напряжения. Так

овладевает в совершенстве Ленин не только своими мыслями, но и своим народом. По лицам делегатов видишь: его мысли — их мысли, его жизнь — их жизнь. Кончил неожиданно очень краткой непатетической фразой».

Позднее, 23 апреля, я выступал в Народном доме в Петрограде на митинге в честь пятидесятилетия со дня рождения Ленина. Для тогдашнего уровня моей мысли характерно, что, сравнивая настоящую эпоху с распадом античного строя, я сравнил коммунистическое движение с ранним христианством, а Ленина — с Иисусом Христом. Внешняя форма моей речи, произнесенной на чешском языке, петроградским пролетариям, по всей вероятности, понравилась, но, выслушав ее перевод, они возражали против содержания. В президиум поступила записка со следующим замечанием: «Против сравнения с Иисусом имеем возражения!»

Первая политическая беседа моя с Лениным состоялась раньше, чем я ожидал, случайно, 5 мая. В Большом театре был назначен митинг в связи с только что произошедшим нападением Польши на Советскую Россию¹.

Иду на митинг. Площадь перед театром оцеплена, по моему документу меня не пропускают. Напрасно провожавший меня товарищ объясняет, что я иностранец, указывает на фразу в моем документе: «Владелец этого документа имеет право прохода всюду».

Красноармеец отвечает спокойно, но категорически:

— Да, товарищ, так там написано, но все равно. Мы — военные, нам ничего не сказано об исключениях, для нас существует только приказ. Нельзя!

Вдруг слышу, что мой спутник за моей спиной обменивается с кем-то какими-то словами.

А теперь снова цитирую то, что написано в моем путевом дневнике:

«— Ах, товарищ Шмераль! — Кто-то подает мне руку, сжимает мою руку легко, сердечно и, не отпуская ее, шагает передо мной, ведет меня вперед. Красноармеец, сперва не хотевший меня пропустить, поднимает голову, показывает в улыбке белые зубы и дает нам пройти всем трем. В этот момент я еще не сознаю, кто меня ведет. Сквозь запотевшие очки вижу перед собой только слегка согнутую спину, пиджак грубой шерсти, сильно стоптанные ботинки, шапку, какую носят у нас рабочие. Прежде чем я могу выговорить слово, мы уже в здании театра. На узкой темной лестнице после дневного света ничего не могу разглядеть.

¹ Автор имеет в виду соединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, представителей профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов г. Москвы 5 мая 1920 г. Речь В. И. Ленина на этом заседании см. Полн. собр. соч., т. 41, с. 112—118. *Ред.*

— Наконец я вас вижу! — говорит товарищ, взяв теперь меня под руку, и ведет дальше.

Он это или не он? Простота и непринужденная естественность поражают в тех, чье великое имя мы привыкли слышать лишь издали.

Открылась дверь, мы вошли в малый салон дирекции театра. Он бросил шапку на ближайший стул, открыв свою характерную лысину. Так я стоял лицом к лицу с великим вождем мирового пролетариата.

И сейчас же он начал говорить по существу. Я хотел рассказать свою биографию. Ленин меня прерывает:

— Знаю ваше прошлое, ваше развитие. Об этом говорить не нужно. — Я почувствовал в этом тактичность по отношению к моему социал-демократическому прошлому. — Как вы представляете себе теперешнее положение в Европе?»

С этого началась беседа, которая в дальнейшем так сосредоточила его мысли, что он продолжал ее более трех четвертей часа, хотя сейчас ему предстояло крайне важное политическое выступление. Его интересовал каждый самый маленький факт, который я мог ему сообщить о положении и настроениях в Чехословакии и в Средней Европе.

Я чувствовал, что такое внимание проявлялось ко мне не только как к одному из немногих иностранцев, приехавших в РСФСР еще во время частичной блокады, но и потому, что я был социал-демократом. Это вызывало у меня замешательство. Больше всего вопросов задавал мне Ленин о том, какое отражение имеет в Чехословакии национальный вопрос.

Из замечаний, которые он делал, я записал на другой день в свой дневник по памяти, как сумел, следующие мысли:

«В эпоху финансового капитала, в эпоху империализма нельзя сказать, что каждая нация, имеющая формальную политическую независимость, является уже независимой. В настоящее время существуют совершенно особенные формы колониального и финансового порабощения огромного большинства населения земного шара небольшим меньшинством самых богатых капиталистических стран. Борьба за национальное самоопределение будет теперь все больше приобретать характер борьбы против этого гнета. Это — типичная формула национального вопроса для настоящего и будущего времени. Империалистическая мировая война вскрыла лживость только формальной буржуазной демократии тем, что она ускорила показала на практике трудящимся ее последствия. Практика жизни после этой войны укажет и целым нациям обманчивость только формального осуществления принципа «национального самоопределения», которое ставит себе в заслугу «западная демократия», породившая Версальский мир. Во всех вновь созданных малых государствах и в колониях трудящиеся уви-

дят на практике, как недостаточно и для нации в целом освобождение только политическое. Настоящий пролетарский интернационализм требует, чтобы интересы пролетарской борьбы в одной стране были подчинены интересам этой борьбы в международном масштабе и чтобы народ, победивший буржуазию, был способен, решился принести самые большие национальные жертвы для поражения мирового капитализма».

Эти и другие мысли Ленин не излагал с видом абсолютного авторитета. Отнюдь нет! Он интересовался мнением собеседника. Часто он прямо вытягивал из меня слова, желая узнать, как я на это реагирую. Один его глаз зажмурился, другой словно связан с моим взглядом. Он в настоящем смысле слова словно размалывает своим мозгом каждый новый факт, который я ему сообщаю.

— Вы приходите из среды очень чувствительных национальных отношений, — говорил Ленин. — Ваши мысли являются отражением действительности, поэтому высказывайте их не стесняясь. Да, да, положение у вас очень сложное. Путь к боевому объединению чешского и немецкого пролетариата крайне затрудняется у вас всем предшествующим. А все-таки вы должны добиться того, чтобы чешский и немецкий пролетариат как можно скорее очутился у вас в одном фронте. Если это не случится, классовая борьба будет проходить у вас в более болезненных формах. Что касается предрассудков мелкой буржуазии, ее национального эгоизма, ее национальной ограниченности, с ними придется считаться вам и тогда, когда национальные недоразумения между чешским и немецким пролетариатом будут уже преодолены. Эти предрассудки исчезнут только тогда, когда исчезнут империализм и капитализм.

Так как мне предстояло возвращение за границу, то из осторожности я не записал в дневнике того, что говорил Ленин о происходившей тогда войне с Польшей, напавшей на Советскую республику.

Вскоре из зала сообщили, что митинг начинается. Мы прошли на трибуну. Слово предоставили Ленину. Когда он окончил, к нему подошел товарищ, сказавший ему, как я узнал потом, что получены важные известия. Ленин должен был сейчас же отправиться в Совнарком.

Я сидел на другой стороне трибуны. Ленин, занятый заботами исторического значения, перед уходом не забыл, что до того беседовал с малым человеком малой нации. Он вынимает блокнот, вырывает лист, пишет на нем что-то карандашом, складывает его, и листок переходит из рук в руки ко мне. Записка написана по-немецки, отдельные слова один или два раза подчеркнуты. Воспроизвожу ее в переводе:

«Товарищу Шмералу. Если бы Вам что-нибудь было нужно и Вы, несмотря на все усилия, не могли бы получить ответ или

не добились бы результата (что, к сожалению, у нас часто случается), *обратитесь*, пожалуйста, прямо ко мне (телефонограмма: *Кремль*, коммутатор, третий этаж), или письменно, с обозначением на конверте: лично *от такого-то* и *такого-то*. С наилучшим приветом. *Ленин*»¹.

21 мая я был вызван по телефону гостиницы «Савой», где я жил, с просьбой прийти вечером к Ленину на его квартиру в Кремле. На этот раз Ленин говорил со мной уже подробно о создании коммунистической партии в Чехословакии. Я получил советы, как работать для того, чтобы по возможности бóльшая часть массовой организации левой социал-демократической партии была завоевана для III Интернационала, как, не теряя связи с основной массой рабочих, организованных в социал-демократической партии, создать компартию.

Я возвращался из Москвы другим человеком. Искренно и честно я вступил на путь своего дальнейшего развития к коммунизму, к большевизму.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Ч. 2.— М., 1957, с. 614—619

¹ В ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС автограф этой записки отсутствует.
Ред.

ВСТРЕЧИ С В. И. ЛЕНИНЫМ

В феврале 1920 года Французская социалистическая партия (Объединенная социалистическая партия) на своем Страсбургском съезде огромным большинством (4330 мандатов против 337) приняла решение о выходе из II Интернационала, тактика которого не соответствовала международной революционной ситуации. Съезд поручил секретарю партии Фроссару¹ и мне, главному редактору «Юманите», «немедленно начать переговоры с руководящими органами Коммунистического Интернационала» с целью сплочения всех рабочих партий, готовых к революционному действию.

Для выполнения этого поручения я и Фроссар поехали 1 июня 1920 года в страну пролетарской революции. Так как это было в разгар войны Польши против Советской России, мы вынуждены были добираться окружным путем через Балтику и приехали в Москву только 15 июня.

Во время нашего пребывания в Москве мы имели постоянную связь с пролетарской массой города, с руководством Коминтерна и с прибывшими уже на II конгресс Коммунистического Интернационала делегатами из разных капиталистических стран. После наших неоднократных бесед с руководителями III Интернационала члены Исполкома, и особенно Ленин, энергично настаивали на том, чтобы мы в качестве гостей остались на конгресс. Мы сообщили об этом нашей партии в Париж 23 июля и, получив разрешение, направились в Кремль, где в великолепном зале, в котором ранее происходила коронация императоров и императриц царской России, собрался II конгресс Коммунистического Интернационала².

¹ Фроссар Людовик Оскар (1889—1946) — французский социалист; принимал участие в основании Французской коммунистической партии. В 1923 г. порвал с коммунистами и перешел на сторону реформизма. Выступал против коммунистического движения и Советского государства. *Ред.*

² См. настоящий том, с. 191, прим. 2. Заседания II, III, IV конгрессов Коминтерна проходили в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца. Коронация на царство совершалась в Успенском соборе Кремля. *Ред.*

Прежде чем говорить об этом конгрессе, который так запечатлелся в памяти, надо вспомнить наши длительные переговоры в Москве об условиях вступления Французской социалистической партии в III Интернационал.

Наша первая беседа с руководящими товарищами состоялась 16 июня 1920 года. После этой беседы мы условились, что мы сделаем наш доклад о положении во Французской социалистической партии на заседании Исполкома Коминтерна, которое было назначено на 19 июня.

На этом заседании присутствовали все руководители III Интернационала во главе с Лениным.

В своем выступлении Владимир Ильич Ленин прежде всего выразил благодарность Французской социалистической партии и ее двум представителям за их инициативу в установлении связи с III Интернационалом. Он придавал приезду французской делегации очень большое значение, так как высоко ценил замечательные революционные традиции французского народа.

Далее, насколько я помню, Ленин говорил о том, что между оппортунистической тактикой нашей социалистической партии в тот период и между лозунгом диктатуры пролетариата Коммунистического Интернационала целая пропасть и необходимо, чтобы Французская социалистическая партия отдала себе в этом полный отчет.

Это вовсе не означает, продолжал Ленин, что мы требуем от вас немедленно совершить революцию. Не может быть и речи о подобной постановке вопроса ни для французов, ни для итальянцев, ни для германских «независимцев» (последние тогда тоже вели переговоры о вхождении в Коммунистический Интернационал). Но что является самым существеннейшим и важнейшим условием совместных действий и постоянного сотрудничества с Коммунистическим Интернационалом — это разрыв с определенными порочными методами работы. Вот, говорил Ленин, «Юманите», которую мы здесь читаем с величайшим вниманием (он держал в руках газету в развернутом виде). Читая эту газету, нельзя обнаружить никакого единства. Наоборот, противоречивые утверждения сталкиваются на ее страницах, а зачастую на одной и той же странице. Одни, подобно вам, обращаясь к нам, сказал Владимир Ильич, берут пролетарскую революцию в России под свою защиту; другие открыто выступают против нее и всячески помогают империалистам своей страны уничтожить нашу революцию. Одни исповедуют самый открытый оппортунизм, другие пытаются бороться против этой вредной позиции. Как же вы хотите, чтобы рабочие легко разобрались в этих противоречивых утверждениях? Партийная газета должна вести работу по воспитанию,

разъяснению, популяризации тех идей, которые поведут трудящихся к их освобождению. Но эти задачи должны быть ясно и четко сформулированы, и пропаганда их может быть доверена лишь честным, преданным и передовым сынам рабочего класса.

Читая «Юманите», сказал Ленин, я всегда смотрю с радостью на ваши подписные листы в пользу забастовщиков или по сбору средств на партийную работу. Вдохновляйтесь же этой волей к борьбе великолепного французского народа. Ваш первый долг — дать ему ясную, сплачивающую его силы программу, правильно анализирующую факты нашей эпохи, когда капиталистический строй с каждым днем все больше и больше разлагается. Не доверяйте пропаганды в газете, а также и устной пропаганды никому, кроме товарищей, вооруженных марксистской теорией, проверенных, преданных делу пролетариата. Одним словом, если «Юманите» хочет выполнить свою задачу, она должна стать логичной и свободной от внутренних противоречий!

В партиях Коммунистического Интернационала все члены партии должны подчиняться строжайшей дисциплине. Руководство партиями должно быть построено по принципу демократического централизма. Постановления центральных органов должны выполняться выборными и руководящими работниками во всех звеньях организации.

Империалистическая война и ее последствия потрясли экономические основы во всех странах, вызвали крайнее обострение классовой борьбы и нарастание революционных событий на всем земном шаре. И нужно подготовить пролетариат встретить во всеоружии эту новую эпоху.

Было бы праздным делом задавать вопрос: придет ли революция сейчас или позже? Наша единственная задача — воспитать пролетариат во всех странах так, чтобы события не застали его врасплох и чтобы он мог, когда наступит время, взять в свои руки руководство этими событиями. Вы нам говорите, что вам не хватает людей! Нам тоже не хватает людей. Но мы идем вперед, и люди вырастают из-под земли. Нужно только иметь безграничное доверие и веру в неисчерпаемые силы пролетариата. Не переносите же на массы слабости, недостатки или трусость оппортунистических руководителей, отступающих перед борьбой.

Вы, французы, должны хорошо понимать, говорил Ленин, нашу тактику, которая вдохновляется революциями, совершенными вашим народом в прошлом. Пусть же французские пролетарии следуют революционным традициям своих предшественников и своих предков, пусть они не останавливаются ни перед какими препятствиями. И пусть они верят в будущее!

«Независимцы» в Германии уже заявили о своем выходе из II Интернационала и желании начать переговоры о вхождении в наш Интернационал. Мы им ответили, что их признание

диктатуры пролетариата и Советской власти остается словесным и что Российская коммунистическая партия находит единственно правильным не соединяться с ними, «а *выждать*, пока революционные массы французских и немецких рабочих *исправят* слабость, ошибки, предрассудки, непоследовательность таких партий, как независимцы и лонгетисты»¹. Сделайте наш ответ популярным в вашей стране. Опубликуйте его во всех ваших газетах, сообщите об этом ответе всем вашим местным организациям, всем трудящимся Франции и трудящимся других стран. Затем созовите съезд для того, чтобы изложить ему нашу концепцию. Вы можете нам сказать: это будет трудно. И нам было трудно! Но мы боролись — и мы победили. В памяти у меня запечатлелись эти слова заключительной части исторического выступления Ленина².

Это заседание Исполкома Коммунистического Интернационала продолжалось более 5 часов, затем прения по вопросу об условиях приема в Коминтерн были продолжены 25, 28 и 29 июня, а также 14, 18 и 22 июля. Это свидетельствует о том, насколько серьезно и глубоко обсуждался вопрос.

С первого дня нашего приезда в Советскую Россию нам было ясно, что наши русские товарищи рассматривали инициативу Французской социалистической партии и других социалистических партий западных стран о присоединении к Коммунистическому Интернационалу как знаменательное событие. Единодушно было признано, что ответственные руководители Французской социалистической партии с самого начала оказывали постоянное содействие и принесли большую пользу в деле защиты Октябрьской социалистической революции.

После целого ряда заседаний, зачастую затягивавшихся до поздней ночи, перед нашим отъездом из России было принято решение, что делегаты Франции будут всеми силами бороться за вступление их партии в Коммунистический Интернационал. Со своей стороны русские товарищи, настаивая на необходимости точного и решительного выполнения условий приема в Коммунистический Интернационал, заверили нас в своей полной поддержке и солидарности Коммунистического Интернационала, который в дальнейшем неизменно оказывал эту поддержку коммунистической партии Франции.

* *
*

Хочется еще сказать несколько слов о нашем коротком участии в работе II конгресса Коммунистического Интернационала, где были продолжены прения об условиях приема в III Интернационал.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 61. *Ред.*

² См. там же, т. 41, с. 152. *Ред.*

На первом заседании II конгресса Коминтерна 19 июля, которое происходило в Петрограде во Дворце имени Урицкого, Ленин сделал большой доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала¹. В своей речи Ленин говорил о неизбежном крахе капитализма и о роли пролетарской партии в победоносной революции. Пусть капитализм забрасывает грязью страну пролетарской революции, пусть он пытается истерзать ее муками блокады, заставить ее голодать и мерзнуть, — капитализм не может победить большевизма, капитализм будет побежден. До империалистической войны II Интернационал объединял только пролетариат Европы и Америки. Но в Азии и Африке обреченные на рабство и нищету сотни миллионов мужчин и женщин тоже угнетаются империализмом. Коммунистический Интернационал должен прийти на помощь угнетенным народам и странам, и эта помощь нанесет окончательный удар империализму — последнему этапу капитализма. Коммунистический Интернационал должен охватить весь мир. Он должен быть свободным от беспринципности, от анархии и разброда, свойственных II Интернационалу.

Открытие II конгресса Коммунистического Интернационала состоялось в Петрограде, в последующие дни конгресс продолжал свою работу в Москве, в Кремле, и закончил свою работу 7 августа. Наши русские товарищи пригласили на конгресс всех, кто с самого начала империалистической войны и в ходе войны пытались в своих странах вести решительную борьбу против войны и наступления капитала. Русские товарищи предлагали нам проанализировать, изучить и принять те методы борьбы, благодаря которым в Советском Союзе были разгромлены капиталисты и помещики.

Как известно, в решениях II конгресса весьма тщательно определены конкретные условия приема в Коммунистический Интернационал.

Результаты работы II конгресса Коммунистического Интернационала были весьма значительными, ибо они позволили пролетариату четырех стран: Германии, Италии, Франции и Чехословакии — выковать свои коммунистические партии, играющие большую роль в европейской и мировой политике.

Конгресс исправил ошибки некоторых коммунистов, которые «...отрицали необходимость работать в буржуазных парламентах, в реакционных профсоюзах, всюду, где есть миллионы рабочих, которых еще одурачивают капиталисты и их лакеи из рабочей среды...»².

Под давлением революционных рабочих масс крупнейшие партии II Интернационала вышли из него, пролетарские массы

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 215—235. *Ред.*

² Там же, с. 275. *Ред.*

повернулись лицом к Советской России и к русской революции. Во всех капиталистических странах трудящиеся с восхищением следили за героической борьбой народов Советской России. Они видели, что ни блокада, ни агрессия армии и флота интервентов не могли сломить героическое мужество русских большевиков. Власть, завоеванная рабочими и крестьянами, осталась неизблемой, интервенты были разбиты. Большевики показали всему миру, что рабочий класс является отныне самым могучим рычагом прогресса. Так самим фактом своего существования Советская власть укрепляла в пролетариях всех стран чувство их собственной силы. Это величайшая услуга, оказанная и оказываемая русским пролетариатом мировому пролетариату! И потому пролетарии всех стран протягивали свою руку Советской России, шли к III, Коммунистическому Интернационалу.

Во время нашего пребывания в Советской России мы лучше поняли все значение этого громадного исторического события. В июле 1920 года мы заявили Национальному совету Французской социалистической партии, собравшемуся в Булони, что мы без колебаний и искренно стоим за присоединение к новому, Коммунистическому Интернационалу.

* *
*

Накануне нашего отъезда во Францию мы попросили у Ленина свидания для того, чтобы попрощаться и поделиться с ним нашими впечатлениями. Он принял нас 28 июля чрезвычайно приветливо в своем маленьком, невзрачном и простом кабинете в Кремле. Беседа наша продолжалась полтора часа.

Он прежде всего нас спросил о положении во Франции, которую он очень хорошо знал. Он повторил нам, что восторженно относится к прошлому нашей страны, к французскому, и в частности к парижскому, пролетариату. Он характеризовал коммунистов как современных якобинцев. Он был убежден, что методы Коммунистического Интернационала будут иметь во Франции большое будущее, поскольку они являются продолжением ее подлинно революционных традиций.

К тому времени, когда состоялась наша беседа с Лениным, победоносная Красная Армия заканчивала разгром польских банд, вторгшихся в пределы Украины. Тогда французские и английские империалисты, организовавшие польскую агрессию, приняли меры к тому, чтобы остановить победоносное наступление красных войск и спасти белую Польшу от разгрома. Империалисты обеих стран послали в Варшаву тщательно отобранные части, массу вооружения и самые последние образцы смертоносного оружия.

Во Франции портовые рабочие Дюнкерка отказались гру-

зять пушки и пулеметы для Польши, и Ленин просил нас передать горячую благодарность французским рабочим. Между прочим, Ленин сказал, что если рабочие и крестьяне Польши сами захотят социализма и рады будут Красной Армии, то в этом случае можно будет осуществить наступление. Если нет, то надо будет предложить Польше мир на самых приемлемых условиях, более приемлемых, чем те, которые требовали для нее дипломаты английского империализма.

Ленин в конце своей беседы с нами сказал, что капиталистическая Европа, которая в течение трех лет принимала все меры для того, чтобы уничтожить Советскую республику, не добилась успехов. Теперь мы будем иметь относительный мир; мы используем его для перестройки нашей истощенной страны и для того, чтобы сделать ее непобедимой.

Он спросил нас о наших впечатлениях. Мы ответили ему, что воспоминание о Советской России, которое мы сохраним, будет неизгладимым. Мы сказали ему, что, несмотря на страшную разруху, причиненную войной, мы наблюдали по всей стране энтузиазм, веру в будущее и мужество, которые являются прочным залогом победы.

Ленин был чрезвычайно доволен нашим ответом. Он сказал нам о том, как он желает, чтобы Франция быстро создала свою большую коммунистическую партию, за жизнью которой он будет следить с самым напряженным вниманием. И в заключение нашей беседы он выразил сожаление, что не мог беседовать с нами раньше и более продолжительное время.

Назавтра мы уехали в Париж, куда прибыли 11 августа.

* *
*

Мы решили немедленно отчитаться перед пролетариатом Парижа о выполнении порученного нам задания, и секретариат партии организовал собрание в парижском цирке, самом большом в то время помещении столицы. На наше собрание пришло более 40 тысяч трудящихся. Мы с трудом пробившись к трибуне, и надо сказать, что никогда в этом громадном городе не было такого потрясающего, такого горячего, такого волнующего собрания французского народа, который в течение многих часов выражал свое восхищение Октябрьской социалистической революцией, о которой мы привезли ему самые свежие и самые радостные вести.

Нужно ли напоминать, как в соответствии с нашими обещаниями мы начали на страницах «Юманите», по всей Франции вести пропаганду за вступление в Коммунистический Интернационал? С 15 августа до 25 сентября 1920 года мы объехали всю страну; мы информировали наш народ о всех документах, о всех решениях II конгресса Коммунистического Интернационала.

Решения конгресса обсуждались в течение более 4 месяцев по всей стране, вплоть до самых отдаленных деревень. Никогда еще обсуждение не было столь активным и всесторонним. И когда на съезде Французской социалистической партии в Туре (декабрь 1920 г.) стал вопрос о вступлении в Коммунистический Интернационал, большинством в две трети голосов съезд высказался за полное и безоговорочное присоединение к тезисам Ленина об основных задачах II конгресса Коминтерна и к тактике, которые привели на территории бывшей царской России к победе Советов, самой могущественной и самой прогрессивной власти всех времен и народов.

Коммунистический Интернационал, 1939, № 1, с. 34—38

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОЦИАЛИЗМ
В ШОТЛАНДИИ
И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ¹

В 1920 году главной проблемой английского рабочего движения стал вопрос об объединении революционных социалистов и создании коммунистической партии. В Лондоне этот вопрос обсуждали лидеры Британской социалистической партии и представители других социалистических группировок. В это же время Маклин² и другие представители рабочего движения Шотландии решили создать шотландскую коммунистическую партию. Хотя комитет рабочих Клайда и не принимал непосредственного участия в решении этого вопроса, он явно симпатизировал шотландской группе.

Летом 1920 года я получил приглашение прибыть на II конгресс Коммунистического Интернационала в качестве представителя шоп-стюардов Клайда. В начале июля я собрался в путь, но у меня не было паспорта, и в Ньюкасле мне пришлось потерять много времени, пока удалось пробраться на пароход, направлявшийся в Берген. Оттуда я отправился на остров Вардё, где сел на рыболовное судно, шедшее в Мурманск. Когда я наконец приехал в Петроград, то оказалось, что конгресс уже открылся в Москве³.

Меня провели в Смольный, где мне должны были выписать мандат. В комнате ожидания я увидел книгу на английском языке. Это была только что опубликованная «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленина. Просмотрев то, что касалось Германии, я начал читать раздел, где говорилось об Англии. К моему ужасу оказалось, что и я фигурировал здесь, олицетворяя дурной пример! Я уехал из Великобритании с довольно преувеличенным мнением о своих достоинствах как политического деятеля. То, что я теперь прочел в книге Ленина, подействовало на меня как ледяной душ.

¹ Печатается глава 4 статьи. *Ред.*

² Маклин Джон (1879—1923) — видный деятель английского рабочего движения. *Ред.*

³ См. настоящий том, с. 191, прим. 2. *Ред.*

И вот я в Москве, в Кремле. Разговаривая с делегатами в ожидании начала заседания конгресса, я стоял в боковой комнате главной залы, когда кто-то сказал: «Товарищ Галлахер, познакомьтесь с товарищем Лениным». Я повернулся и увидел Ленина. Улыбаясь, он протянул мне руку и сказал: «Добро пожаловать в нашу страну, товарищ Галлахер». Я ответил, что счастлив находиться в Москве. Разговор перешел на общие темы. Простота и сердечность Ленина произвели на меня неизгладимое впечатление.

В политической комиссии конгресса я выступал от группы «левых». В своей речи я заявил (имея в виду «Детскую болезнь «левизны» в коммунизме»), что тов. Ленину легко считать меня «ребенком», но что однако же я не ребенок в революционной борьбе. С крайней самоуверенностью я добавил: «Я знаток этого дела».

Несколько месяцев спустя после конгресса, когда Уильям Пол приехал в Москву, Ленин, беседуя с ним, шутя воспроизвел мою фразу, сохранив шотландский акцент: «Am an auld haum at the game».

В ходе заседания политической комиссии германский делегат Пауль Леви, впоследствии исключенный из компартии, выступил с грубыми личными нападками на меня. Ленин дал ему резкую отповедь и сказал: «Товарищ Галлахер может делать ошибки, но он всегда останется верным революции». Эти слова, выражавшие глубокое доверие ко мне, я запомнил на всю жизнь. Они часто поддерживали меня в тяжелые минуты.

На одном из заседаний конгресса председателю во время моего выступления подали телеграмму. Он прервал мою речь и огласил ее. В телеграмме говорилось: «В Англии основана коммунистическая партия. Она решает присоединиться к лейбористской партии и протягивает руку Третьему Интернационалу». Кто-то сидевший у трибуны иронически заметил: «Это понравится Галлахеру». Я посмотрел на него вниз с трибуны и отпарировал: «Надеюсь, что это скорее понравится тем делегатам, которые хотят превратить нас в парламентских деятелей. Ведь телеграмма говорит: одну свою руку новая партия протягивает Третьему Интернационалу, другую — через лейбористскую партию — Второму».

Продолжая свое выступление, я отметил, что английская буржуазия разворачивает всех лейбористских лидеров, попадающих в парламент, и что именно с этими разложившимися изменниками нам предлагают объединиться. Затем я сделал несколько замечаний относительно того, как именно делегация Британской социалистической партии разъяснила эту проблему нашим советским товарищам. Мои замечания вызвали оживление в зале, особенно среди «левых» сектантов. Как только я кончил, Ленин попросил слова. Он начал свою речь так: Това-

риц Галлахер шутит, однако эта тема слишком серьезна для шуток. Он подчеркнул, что английские делегаты прибегают к оппортунистическим аргументам в вопросе о присоединении к лейбористской партии и парламентской деятельности. Далее он объяснил, что именно надо понимать под революционным использованием парламента и почему он считает парламентскую деятельность и вхождение в лейбористскую партию серьезнейшей задачей подлинно революционной партии в Англии.

Через два дня, вечером, меня вызвали из гостиницы к Ленину. Мы уселись за маленьким столиком. Разговор сначала пошел о моих впечатлениях о Советской стране и о проблемах, которые стояли перед советскими товарищами. Я рассказал Ленину о болезни Джона Маклина. Он просил меня убедить Маклина приехать для лечения в Советскую республику. «Многие из наших товарищей, — сказал Ленин, — точно так же заболели в результате тюремного заключения, и мы умеем лечить их». Я обещал сделать все возможное, но, к сожалению, мои старания не увенчались успехом.

Наша беседа продолжалась. Ленин прикрыл рукой один глаз и пристально поглядел на меня. Улыбаясь, он сказал: «Товарищ Галлахер, я хочу задать Вам один вопрос. Вы утверждаете, что буржуазии удастся подкупать всех людей, попадающих в парламент. Если бы английские рабочие послали Вас в парламент представлять их интересы, разложились ли бы Вы?». Я с удивлением посмотрел на него и пробормотал: «Странный вопрос». «Товарищ Галлахер, — продолжал Ленин, — это очень важный вопрос. Позволили ли бы Вы буржуазии подкупить Вас?». «Нет, — ответил я. — Не могу допустить, чтобы кто-либо или что-либо разложило меня».

Наклонившись вперед, Ленин смотрел на меня. Услышав мой ответ, он выпрямился и, широко улыбаясь, сказал: «Товарищ Галлахер, Вы должны добиться того, чтобы рабочие послали Вас в парламент. Тогда Вы покажете им, как ведет себя там неподкупный революционер. Покажете, как надо по-революционному использовать парламент».

В ходе беседы мне пришлось согласиться, что мы совершили очень серьезную ошибку, оставив рабочий класс Англии на милость оппортунистов типа Макдональда, Гендерсона и К^о.

Затем Ленин спросил меня, собираюсь ли я по возвращении в Англию вступить во вновь созданную коммунистическую партию и посоветую ли я моим шотландским товарищам сделать то же, вместо того чтобы создавать отдельную партию. Я сказал, что решил вступить в компартию. Мы расстались после крепкого, дружеского рукопожатия.

Следующая наша беседа происходила в те дни, когда английское правительство отдало приказ о посылке флота против молодой Советской республики. Английские рабочие приступили к

созданию «Комитетов действия» для борьбы с безумной затеей интервентов.

Я собирался покинуть Москву и отправиться в Баку на конференцию народов Востока, делегатом которой был избран. Когда я готовился к отъезду, меня вновь пригласили к Ленину. Через несколько минут автомобиль привез меня в Кремль, и я опять увидел его. Пожав мне руку, Ленин спросил: «Когда Вы можете выехать на родину?». «Но я еду в Баку»,— ответил я. Ленин рассказал мне о создавшемся в Англии положении, объяснил мне огромное значение развернувшейся там борьбы против интервенции. «Делегатом в Баку может быть каждый, но никто не сможет заменить Вас сейчас в Англии. Когда Вы будете готовы к отъезду?»,— спросил Ленин. «Завтра»,— ответил я. Пристально глядя на меня, Ленин спросил: «Почему же не сегодня вечером?». Я сказал: «Но ведь уже слишком поздно!». «Если Вы согласны, все будет сделано для того, чтобы Вы успели выехать сейчас же»,— ответил Ленин. Мы попрощались, и я заверил Ленина, что выполню мой долг революционера-интернационалиста, как только вернусь на родину. Уходя, я обещал приехать еще раз.

Таков был мой последний разговор с великим вождем трудящихся мира и, позволю себе сказать, с моим сердечным другом и товарищем.

ПАМЯТЬ О ЛЕНИНЕ

О товарище Владимире Ильиче Ленине я знал задолго до того, как впервые встретился с ним лично. На исходе 1917 года имя Ленина стало широко известным, о нем повсюду говорили, писали, думали, ибо нельзя было не говорить, не писать, не думать о Великой Октябрьской социалистической революции.

Октябрьская революция в России была событием, которое буквально «потрясло мир». Она взволновала и лишила покоя всех — и тех, кто ее поносил и проклинал, и тех, кто, несмотря на искаженную и враждебную информацию, все-таки симпатизировал ей.

Разные слои населения приняли ее по-разному: с чувствами ярости, страха и — надежды.

Но свет Октябрьской революции нельзя было погасить. Он рассеял сумерки и вызвал бурю. По всему миру гремели слова: «Революция, Ленин». Они действовали как лакмус: вызывали классовое размежевание, ставили по разные стороны баррикад эксплуатируемых и эксплуататоров — пролетариат и буржуазию.

Неумолимый ход событий поставил рабочий класс и трудящиеся массы всего мира перед историческим решением: что делать?

Идти с революцией и Лениным или со старым капиталистическим миром и предателями, которые ему прислуживали?

Фронты войны дрогнули. Солдаты бросали оружие, прекращали взаимное убийство, начинали брататься. Мировая империалистическая война завершилась хаосом. Рушились государства, распадались многовековые империи и державы.

Распалась и Австро-Венгерская империя. На ее развалинах возникли новые государства и земли. Наш народ тоже сбросил вековое рабство, родилась независимая Чехословацкая республика.

Но ее рождение еще не означало, что процесс революции завершен. Остались эксплуатируемые, остались эксплуататоры.

Рабочие массы сразу же сплотились в крепкую организацию, и оказалось, что в новом чехословацком государстве социал-демократия стала решающим фактором.

И перед ней встал роковой вопрос: что делать? Идти с социалистической революцией и Лениным или со старым режимом? Повести рабочих и трудовые массы на революционную борьбу за власть, за устранение эксплуатации человека человеком, за строительство социализма или изменчески отказаться от революционной боевой классовой линии и оппортунистически прислуживать буржуазии новорожденной Чехословацкой республики, помогать ей строить капиталистическое государство? Среди чехословацкой социал-демократии разгорелась борьба по этому вопросу. Возникла оппозиция оппортунистическому руководству. В 1920 году эта оппозиция направила делегатов на II конгресс III, Коммунистического Интернационала в Москве.

В составе делегации был и я — делегат кладненских шахтеров и металлургов.

Так я впервые попал в Советский Союз. Я получил возможность познакомиться с практическими результатами Великой Октябрьской социалистической революции и первыми шагами страны по пути строительства социализма. Я получил возможность встретиться и лично познакомиться с Владимиром Ильичем Лениным.

Об этой первой поездке в Советский Союз и встрече с тов. Лениным я написал ряд статей и воспоминаний.

Лучше всего мои впечатления выражены в первом письме, посланном из Москвы кладненским шахтерам и металлургам в июле 1920 года. Привожу его.

«Незабываемое впечатление произвела на меня послевоенная, пооктябрьская Москва. Разрушения, упадок, запущенность, заколоченные досками разбитые витрины, транспорт и связь в расстройстве, зачастую нет даже света и отопления.

Но эта трудовая Москва живет. Подобно незаметным терпеливым муравьям, люди копошатся на развалинах домов, выискивая кто куски дерева для топки печи, кто доску для полочки, старые гвозди и прочее. В этих поисках чувствуется огромная жажда жизни, стремление снова жить после всех бед, катастроф и отчаяния, пережитых людьми в военные и послереволюционные годы.

Не знаю почему, но, шагая по московским улицам, спотыкаясь на разбитом асфальте, я верю, твердо верю, что эти люди будут жить. И главное, что они будут жить не по-старому, а новой жизнью, при новом строе.

Эта твердая вера, что жизнь еще впереди, что жить нужно, если даже сейчас живется очень плохо, это, по-моему, первооснова всего социалистического строительства.

Никогда не забуду своей первой встречи с товарищем Лениным. В тронном зале царского Кремля, где происходят заседания конгресса, на ступеньке трибуны сидел незаметный, простой человек, делая заметки в блокноте, положенном на колени. Это был товарищ Ленин. Обыкновенный человек. В нем нет ничего особенного. Но этот обыкновенный человек по-новому направляет историю человечества. Рядом с ним и за ним стоят шеренги и целые легионы обыкновенных людей. Как могут «необыкновенные» люди Запада верить, что эти простые труженики дали новое направление историческому развитию человечества? История не останавливается. На плечи обыкновенных людей она возлагает необычные задачи. А «необыкновенные» люди очень охотно и очень часто не замечают обычных вещей. Они хотят быть выше толпы и ее будничных интересов. Их «высокая культура» не позволяет им запачкать себя работой на уборке развалин. А обыкновенные люди не брезгуют этим. Когда нужно поднять трудовую сознательность и дисциплину, Ленин идет на субботник и вместе с бригадами других добровольцев убирает мусор на московских заводах¹. Все мы, делегаты конгресса, ходим с ним вместе».

Таковы были мои первые впечатления от социалистической революции, Советского Союза и Ленина.

За несколько десятилетий эти впечатления не изменились. Все позднейшие события лишь подтвердили их правильность.

Также подтвердилось и мое мнение о Ленине, сложившееся при первом взгляде на него и во время его выступлений на II конгрессе.

Это мнение укрепилось после встречи с Лениным и разговора с ним в его кабинете в московском Кремле².

«Обыкновенный человек. Но этот обыкновенный человек по-новому направляет историю человечества. Рядом с ним и за ним стоят шеренги и целые легионы обыкновенных людей»...

Ленин расспрашивает, он задает вопросы и тотчас же отвечает на них. Отвечает просто и понятно. Выводы, которые он делает, четко и ясно сформулированы.

Никогда не забуду, как он рассеял мои иллюзии о моих тогдашних друзьях, лидерах социал-демократии: я тогда еще верил, что эти люди сумеют подчиниться воле партийных масс, решениям съезда, что они не покатаются дальше по наклонной плоскости реформизма и оппортунизма.

Ленин говорит. Говорит коротко, лаконично, и каждое его слово — удар молота.

¹ В. И. Ленин принимал участие в субботнике по очистке территории Кремля 1 мая 1920 г. *Ред.*

² По имеющимся в нашем распоряжении данным В. И. Ленин принял А. Запотоцкого вместе с членом редакции газеты «Právo lidu» М. Ванеком 18 августа 1920 г. *Ред.*

— А как партийный съезд? Скоро он у вас будет? Стало быть, в сентябре? На что рассчитывает левое крыло? Получите большинство?.. Не знаю, не знаю, не радуйтесь преждевременно, вы еще не знаете, как поступят правые и на что они способны. Вы говорите, что явное большинство членов партии идет за вами. Все это очень хорошо, но ведь руководство-то в руках правых! Пока это так, они еще многое могут предпринять. Они могут отменить съезд. Вы считаете, что это вызвало бы раскол партии? По-вашему, правые не пойдут на раскол? Не будьте наивны! Правые пошли на раскол в других партиях, не остаются перед ним и у вас. Вы еще увидите, на что они способны, когда им надо удержать свою власть в партии. У нас есть опыт на этот счет, мы тоже прошли через фракционную борьбу.

Потом мы перешли к вопросу о профсоюзах.

— А как с профсоюзами? — спросил Ленин. — На Западе они большая сила. А у вас? Они едины? Нет! Какие же профсоюзы самые сильные? Ваши, социал-демократические! А руководство ими в чьих руках? В большинстве у правых. Это большой промах и ваше слабое место. Профсоюзы будут играть у вас видную роль, их нельзя недооценивать. Без поддержки со стороны профсоюзного движения невозможно никакое революционное выступление. Надо работать в профсоюзах. Вам бы следовало выдвинуть лозунг единства профсоюзов.

У вас есть тенденция организовать самостоятельные левые профсоюзы? Не делайте этого! Революционная политическая партия — совсем другое дело: в ней необходимо беречь чистоту партии и исключать оппортунистов. Иное в профсоюзах — они должны быть едины. Правильную революционную тактику отстаивайте внутри них. А профсоюзное единство надо беречь, а не разрушать.

Я навсегда запомнил эти ленинские слова о единстве профсоюзного движения. В ходе строительства Чехословацкой коммунистической партии по поводу этого лозунга были большие споры и борьба. Было много ошибок и отклонений от правильного ленинского принципа сохранения единства профсоюзов. Но в конце концов этот принцип оказался правильным и победил.

Так же было и с вопросом о единстве в лагере социалистов. На конгрессе Коминтерна этот вопрос широко обсуждался. Были выработаны условия для создания такого единства¹.

У нас в Чехословацкой республике вопрос о вступлении в социалистический лагерь, объединившийся тогда под знаменем III Интернационала, был особенно жгучим.

¹ Имеются в виду принятые II конгрессом «Условия приема в Коммунистический Интернационал (21 условие)». *Ред.*

Правые и оппортунисты всех мастей, пользуясь угрозами и демагогией о «диктате Москвы» — это были их главные аргументы,— сопротивлялись созданию подлинно единого лагеря социалистов и тем самым принятию обязательства проводить настоящую социалистическую политику.

После разговора с тов. Лениным я в августе 1920 года написал об этом своим кладненским товарищам следующее:

«...И в заключение о III Интернационале. Революционный социалистический III Интернационал, создающий международную организацию пролетариата, зовет в свои ряды и пролетариат Чехословацкой республики. На все панические сообщения, распространяемые у нас, нужно отвечать так:

Московский Интернационал никого не заманивает и не принуждает. Решительно и напрямик укрепляя свои принципы и условия приема, Интернационал заявляет: такой, по нашему убеждению, должна быть организация революционного пролетариата для того, чтобы он победил в борьбе с международным капитализмом. Любая рабочая партия, которая чувствует, что классовое сознание и убеждения ее членов достаточно четки для того, чтобы отвергнуть оппортунизм и социал-шовинизм, отказаться от союза с буржуазией и вступить в союз с революционным пролетариатом, пусть по-товарищески протянет нам рабочую руку и присоединится к нашему пролетарскому лагерю».

По-моему, и сейчас не вредно вспомнить эти ленинские принципы и взгляды Ленина на необходимость и полезность единства в лагере социалистов.

Еще и сейчас есть споры по этому вопросу.

Многие высказывают и провозглашают разные взгляды, считая их истинной.

Опыт, однако, учит, что высказанная истина только тогда становится настоящей истиной, когда она подтверждена ходом событий. Ленинские истины были и есть именно такими: ход событий полностью подтвердил их.

Поэтому после смерти Ленина остался ленинизм — практическое подтверждение правильности марксова учения о научном социализме, практическое пособие и руководство для строителей социализма.

Наша Чехословацкая коммунистическая партия, верная принципам ленинизма, строя социализм в своей стране, высоко ценит международную солидарность и пролетарский интернационализм и стоит за единство социалистического лагеря.

Верные лозунгу Маркса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», мы сохраняем верность и ленинизму. Поэтому мы верны и своему нерушимому союзу и дружбе с Советским Союзом. Коммунистическую партию Советского Союза, ее марксистско-ленинские принципы и десятилетиями накопленный опыт со-

диалистического строительства мы считаем основным образцом строительства социализма. При этом мы отнюдь не упускаем из виду условия и нужды нашей страны, а также вопрос мирного сосуществования всех стран, вне зависимости от их внутреннего строя.

Никто не подчеркивал с такой силой, как Ленин, необходимость применять научные основы марксизма с учетом конкретной обстановки и разнообразия складывающихся условий.

Вот почему Ленин и его учение, его принципы и высказанные им истины навсегда остаются для нас верной и незаменимой опорой; мы не только вспоминаем их, но и учимся им.

Когда я вспоминаю о встречах с Владимиром Ильичем, для меня и сейчас, через несколько десятилетий, звучит, словно ясный и повсюду разносящийся голос колокола, неопровержимая ленинская правда.

Ленин умер, ленинизм жив!

БЕСЕДЫ С ЛЕНИНЫМ

С Лениным я встретился и познакомился в 1920 году, во время II конгресса Коминтерна, когда у меня были с ним две беседы в его рабочем кабинете в Кремле. Во второй раз я встретился с Лениным в 1922 году, во время IV конгресса Коминтерна, но тогда я успел только приветствовать его. Ленин был уже болен. На конгрессе он произнес, несмотря на свое болезненное состояние, замечательную речь «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции»¹ — это была его последняя речь перед Коминтерном. В заседаниях конгресса Ленин не принимал участия, но он очень активно участвовал в подготовке всех более или менее важных вопросов, поставленных и обсужденных на конгрессе. Вследствие болезни Ленина во время работ IV конгресса Коминтерна свидания делегатов с ним были в очень значительной степени ограничены...

На II конгрессе Коммунистического Интернационала Болгарская коммунистическая партия была представлена тремя делегатами: мною, тов. Шаблиным (Иваном Недялковым)², который в 1925 году был убит болгарскими фашистами, и доктором Н. Максимовым, исключенным из партии после Сентябрьского восстания 1923 года³.

Какое большое значение наша партия придавала своему участию в этом конгрессе, с каким восторгом она относилась к Коммунистическому Интернационалу и к Советской России, — об этом свидетельствует, между прочим, и то, как мы, делегаты II конгресса, прибыли в «обетованную землю» революции и со-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 278—294. IV конгресс Коминтерна состоялся 5 ноября — 5 декабря 1922 г. *Ред.*

² Недялков Иван (Н. Шаблин) — видный болгарский коммунист, делегат II конгресса Коминтерна; после конгресса — член Исполкома Коминтерна от БКП. *Ред.*

³ Н. Максимов был исключен из БКП за отступничество от революционных марксистских позиций, выразившееся в публичном осуждении Сентябрьского восстания 1923 г. в Болгарии — первого в истории антифашистского восстания под руководством коммунистов. *Ред.*

циализма. Так как надежда добраться до Советской России легальным путем через Западную Европу (Германию) тогда была очень мала, то мы предприняли смелое путешествие на рыбацкой парусной лодке через Черное море из Варны в Одессу. Это путешествие было связано с большими опасностями и риском как вследствие самого его характера — переезда в маленькой лодке через бурное Черное море, так и вследствие того, что эта область Черного моря находилась тогда под наблюдением, с одной стороны, румынской морской охраны, а с другой — флота Врангеля, державшего в своих руках берега Крыма. Из пяти делегатов на конгресс, одновременно отправившихся нелегальным путем на двух лодках из Болгарии в Одессу, прибыли только двое: я и Максимов; тов. Шаблин успешно пробрался в Советскую Россию раньше, тоже на рыбацкой лодке. Товарищи Коларов и Димитров были захвачены в открытом море румынской охраной и арестованы. Я и мой спутник после первой неудачной попытки, когда морская буря разбила нашу лодку и выбросила нас обратно на болгарский берег, отправились вторично и успешно добрались до Одессы после шестидневного плавания на нашей маленькой парусной лодочке.

Самым горячим моим желанием было встретиться и познакомиться с Лениным. При нашем отъезде на II конгресс нам, делегатам партии «тесных» социалистов, ЦК нашей партии дал специальное поручение повидаться с Лениным и спросить у него совета по основным вопросам, стоявшим в тот момент перед партией. Октябрьская революция совершенно изменила отношение «тесных» социалистов к большевикам, а победы большевиков в гражданской войне окончательно укрепили веру «тесняков» в большевизм и Советскую власть. Но «тесняки» еще не заняли ясно определенных и твердых позиций относительно конкретных революционных задач партии, которые все резче и повелительнее ставил перед ними обостряющийся революционный кризис в Болгарии и на Балканах.

С Лениным я познакомился в комиссии по национальному и колониальному вопросам, в которой он участвовал и которой руководил. Национальный вопрос стоял в центре внимания болгарских коммунистов, бывших «тесняков». От болгарской делегации я участвовал в комиссии по национальному и колониальному вопросам. Я уже прочитал до созыва комиссии проекты тезисов ИККИ по национальному и колониальному вопросам, и они произвели на меня громадное впечатление. Там, в комиссии, я узнал, что эти тезисы написаны Лениным¹.

Партия «тесных» социалистов уже вскоре после 1908 года, когда переворот младотурок в Турции обострил национальный вопрос на Балканах и создал опасность Балканской войны, вы-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 161—168. *Ред.*

двинула национальный вопрос на первое место. Благоев, основатель и вождь партии «тесных» социалистов, разработал и сформулировал в ту эпоху программу партии по национальному вопросу, в которой был теоретически обоснован и связан с общими задачами партии лозунг Балканской демократической федеративной республики. Этот лозунг «тесняки» провозглашали и раньше, но не придавали ему актуального политического значения. Его восприняли и другие балканские социал-демократические партии на I Балканской социал-демократической конференции, состоявшейся в Белграде в январе 1910 года, перед Балканской войной, и снова подтвердили и провозгласили на III Балканской социал-демократической конференции в июле 1915 года в Бухаресте, непосредственно перед вовлечением Болгарии и Румынии в империалистическую войну. Этот лозунг балканские социал-демократические партии, и прежде всего партия «тесных» социалистов, поддерживали в течение всего периода Балканской и империалистической войн.

Из статей Ленина, написанных во время и по поводу Балканской войны, я уже знал, что он поддерживает борьбу балканских социалистов за Балканскую демократическую федеративную республику¹. Но после империалистической войны, уже в 1919 году, партия «тесных» социалистов одновременно со своим превращением в коммунистическую партию и присоединением к Коминтерну, восприняв лозунг о рабочих и крестьянских Советах, в то же время заменила и лозунг Балканской демократической федеративной республики лозунгом Балканской социалистической советской федеративной республики. В этом смысле я и говорил в комиссии конгресса по национальному и колониальному вопросам. Ленин во время моей речи прервал меня, чтобы подчеркнуть правильность этого взгляда, и заявил, что в этот момент (после Октябрьской революции) балканские коммунисты должны бороться именно не за демократическую, а за социалистическую советскую федеративную республику.

Мы, болгарские делегаты, встретили с особенной радостью это одобрение Лениным программного лозунга нашей партии. Но в тот момент и в течение долгого времени после этого мы не понимали, что недостаточно выдвинуть правильный революционный лозунг, необходимо еще и умение вести действительно революционную борьбу за его осуществление. Но не такова была наша борьба в области национальной политики, которая играла и играет такую громадную роль на Балканах, ни до нашего вступления в Коминтерн, ни долгие годы спустя после этого...

Я принимал участие также и в аграрной комиссии конгресса, хотя представителем в этой комиссии от нашей делегации был тов. Шаблин, который выступал по аграрному вопросу и на плен-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 135—139, 142—143, 146—150, 151—152, 155—156, 186—188 и др. *Ред.*

нуме конгресса и (если не ошибаюсь) в самой комиссии. Аграрной комиссией руководил Ленин. Как по национальному вопросу, так и в особенности по аграрному вопросу среди делегатов — членов комиссий конгресса — господствовали очень неясные и неверные взгляды, унаследованные от II Интернационала.

Разумеется, я не помню точно и не могу воспроизвести те обширные дискуссии, которые велись в этих двух самых важных и самых крупных комиссиях конгресса. Ленин принимал живейшее участие в этих дискуссиях и по большинству вопросов, особенно при обсуждении тезисов по аграрному вопросу, тоже написанных Лениным¹, он был вынужден очень часто вмешиваться и исправлять ошибочные установки, высказанные делегатами в комиссиях.

Для нас, делегатов Болгарской коммунистической партии, тезисы Ленина по национальному и колониальному вопросам и его тезисы по аграрному вопросу были настоящим откровением — мы с жадностью изучали и воспринимали их. В этих тезисах, как и в тезисах по национальному вопросу, мы нашли ответ на ряд основных принципиальных тактических вопросов, которые были так остро поставлены перед БКП в период после империалистической войны. Но впоследствии оказалось, что и по аграрному вопросу, как и по национальному, мы все еще, даже и после II конгресса Коминтерна, не успели достаточно глубоко вникнуть в ленинские тезисы, усвоить и проводить не только на словах, но и на деле ленинские, большевистские установки по национальному и аграрному вопросам, имевшим и имеющим такое колоссальное значение для нашей практической деятельности в Болгарии и на Балканах.

* *
*

Во время перерывов между заседаниями в комиссиях я попросил лично у Ленина, который был крайне общителен и чрезвычайно любезен со всеми делегатами, стремившимися лично поговорить с ним, назначить мне свидание после окончания работ конгресса, для того чтобы я мог изложить ему положение в Болгарии и на Балканах и услышать его мнение. Ленин тотчас с готовностью дал свое согласие и сказал мне, чтобы после конгресса я попросил пропустить меня к нему в Кремль.

Так я и сделал.

Не помню, через сколько дней после окончания работ конгресса я попросил свидания с Лениным; оно тотчас же было мне разрешено.

В Кремле, в приемной у кабинета Ленина, я застал нескольких иностранцев — дипломатических представителей или жур-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 169—182. *Ред.*

налистов, в самых безукоризненных официальных костюмах, которые ожидали очереди и вошли к Ленину раньше меня. После них тотчас же позвали меня, и я вошел к Ленину¹.

На меня произвели сильное впечатление скромность и простота всей обстановки: кабинет Ленина представлял собой небольшую, просто обставленную комнату, в которой, кроме широкого стола, загроможденного книгами и бумагами, нескольких стульев и одной-двух картин, не было ничего другого. Сам Ленин был одет очень скромно и просто, что представляло полный контраст с блестящими костюмами только что принятых им иностранцев.

Ленин встретил меня очень тепло и дружески и тотчас же попросил рассказать, что происходит в Болгарии. Уже в самом начале нашего разговора он попросил меня объяснить ему, что это было за восстание, вспыхнувшее в Болгарии в конце империалистической войны. Я еще не знал, что Ленин уже во время этого восстания в 1918 году, известного под именем Владайского восстания, в одной из своих речей на VI съезде Советов дал оценку этому восстанию и подчеркнул его значение, как симптома начинающейся эпохи международной пролетарской революции². В тот момент я был еще убежден в правильности тактики партии «тесных» социалистов по отношению к этому восстанию и описал развитие событий так, как их понимала и объясняла партия, стараясь объяснить и оправдать ее позицию по отношению к этому восстанию. Ленин, однако, отнесся к моим объяснениям скептически. Я старался ему доказать, что наша партия не вмешалась в восстание, потому что была очень слаба в конце войны, и самое восстание вспыхнуло стихийно среди отступающих с фронта разбитых войск, которые подходили тогда к столице Софии, чтобы наказать виновников войны и заставить их заключить мир. Ленин молчаливо выслушал меня, но тотчас же после этого спросил:

— Значит, вы не вмешались в восстание потому, что были очень слабы?

Я ответил утвердительно; но видно было, что мой ответ не удовлетворил Ленина.

Но Ленин больше интересовался новым положением, создавшимся в Болгарии и на Балканах после войны. Я послал ему незадолго перед тем мою статью об этом положении. Ленин вспомнил о ней в нашем разговоре и сказал, что он ее прочел и послал в редакцию журнала «Коммунистический Интернационал» для напечатания,— эта статья действительно была опубликована³.

¹ Христо Кабакчиев был принят В. И. Лениным 14 августа 1920 г. *Ред.*

² См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 158, 160, 161. *Ред.*

³ См. *Коммунистический Интернационал*, 1920, № 14, стб. 2821—2830. *Ред.*

В беседе с Лениным больше говорил я, стараясь осветить положение в Болгарии. Теперь я уже не помню и не могу точно воспроизвести весь свой разговор с Лениным, но хорошо помню, что, излагая положение в Болгарии и на Балканах, придерживался тех основных линий, которые я проводил незадолго до этого в упомянутой своей статье. Я задал Ленину вопрос:

— Может ли коммунистическая партия Болгарии рассчитывать на непосредственную политическую и военную помощь со стороны Советской России, если обостряющийся революционный кризис в Болгарии и на Балканах приведет к революции?

Ленин не ответил мне прямо на этот вопрос. Сначала он сказал, что в последние дни международное положение Советской России изменилось и ухудшилось после поражения Красной Армии под Варшавой (мое свидание с Лениным состоялось в августе 1920 года, как раз в первые дни после начавшегося отступления Красной Армии). Ленин не проявлял никакого волнения ввиду этого резкого и неожиданного оборота в ходе войны с Польшей, который вызвал большое смущение среди делегатов конгресса. С обычной своей улыбкой Ленин сказал:

— Ведь вот мы были убеждены, что одержим победу до конца и тогда положение было бы совершенно иное для вас на Балканах. Но мы потерпели поражение, положение изменилось, нужно будет с ним считаться.

Затем Ленин прибавил:

— С точки зрения «международной революционной стратегии», как вы выражаетесь (я употреблял эти слова.— *Х. К.*), положение теперь не так благоприятно для революционного выступления, как это было раньше; но если речь действительно идет о революции в Болгарии и на Балканах и вы хотите знать, на какую помощь вы можете рассчитывать, то лучше всего обратитесь к военным товарищам, поговорите с ними,— у нас есть еще не ликвидированный фронт на юге.

Прощаясь со мной, Ленин повторил:

— Вы работайте и сообщайте нам почаще о положении у вас.

Между прочим, я сообщил ему, что после войны мы проводим массовую коммунистическую агитацию не только посредством собраний, демонстраций и газет, но также и путем издания целого ряда переводных и оригинальных брошюр и книг, проводящих принципы и лозунги Октябрьской революции. Ленин тотчас же очень заинтересовался этой нашей массовой литературой, и я обещал прислать ему все новые большевистские брошюры, которые мы успели привезти с собой из Болгарии. Этим и закончилось мое первое свидание с Лениным.

Я действительно собрал и послал Ленину все (болгарские) изданные партией после войны брошюры и книги, какие я разыскал в Москве, в том числе несколько переводов произведений Ленина и несколько оригинальных болгарских книжек¹, например «Лозунги социал-демократии». Это была первая, далеко еще не удачная попытка включить лозунги Октябрьской революции в программу БКП. Брошюра была отпечатана в 100 тысячах экземпляров и почти целиком разошлась.

Несколько дней спустя после того, как я послал Ленину наши болгарские брошюры (числом около пятнадцати), мне сообщили, что Ленин приглашает меня к себе в Кремль. Я не догадался, зачем меня мог звать Ленин, но, разумеется, с радостью принял приглашение и тотчас же отправился в Кремль, в тот же кабинет. Ленин встретил меня радостный и улыбающийся.

Перед ним на столе лежала кipa брошюр и книг, которые я ему прислал.

— Да вы успели за короткое время создать прекрасную агитационную литературу! Мало таких партий, которые сумели бы это сделать. У вас в этом отношении дело обстоит очень хорошо.

И он начал перелистывать некоторые из оригинальных брошюр и спрашивал у меня объяснений относительно их содержания. Этот теплый и сердечный прием Ленина меня и обрадовал и смутил: столь живой интерес, проявленный им к нашей агитационной большевистской литературе, меня взволновал и польстил моему партийному самолюбию.

— Издание и массовое распространение таких книжек является в настоящее время одной из важнейших задач коммунистов, — повторял Ленин и допытывался, какие вопросы затрагиваются и развиваются в наших оригинальных брошюрах.

— А трудно ли выучиться болгарскому языку? — внезапно спросил Ленин.

Я ответил, что это совсем не трудно, потому что русский и болгарский — родственные языки, в основе обоих лежит старославянский литературный язык. Тогда Ленин попросил меня, если возможно, прислать ему поскорее болгарско-русский словарь.

Я охотно обещал, но мне удалось выполнить свое обещание только долгое время спустя. В Москве такого словаря не оказалось, и лишь через полгода мне удалось прислать ему через товарища из Болгарии такой словарь. Несколько лет тому назад в «Правде» было опубликовано короткое письмо Владимира Ильича его библиотекарше, в котором Ленин просит достать

¹ См. Библиотека В. И. Ленина в Кремле: Каталог.— М., 1961, с. 104 (№№ 390, 391), 599—600. *Ред.*

ему болгарско-русский словарь¹. Очевидно, Ленин с нетерпением ждал возможности при помощи болгарско-русского словаря самому просмотреть переданные ему мною брошюры и книги, а может быть, и следить за некоторыми другими нашими изданиями. Большой интерес, проявленный Лениным к усиливающемуся коммунистическому движению во всех странах, в том числе и в Болгарии, напомнил мне такой же интерес, с которым Маркс и Энгельс в их эпоху следили за социалистическим движением и за распространением марксизма во всех странах и для этой цели изучали языки многих из этих стран².

На этот раз я недолго оставался у Ленина, потому что в приемной ждало много делегатов конгресса, спешивших перед отъездом еще раз пожать руку великому вождю Октябрьской и мировой пролетарской революции и услышать из его уст необходимые указания. Я поспешил распрощаться с Лениным, попросившим меня передать привет Благоеву и всем товарищам в Болгарии. Это была моя вторая и последняя беседа с Лениным.

Возвратившись в Болгарию, я проинформировал товарищей из ЦК партии не только относительно общих решений II конгресса и участия в нем нашей делегации, но и о моих встречах с Лениным. Особенно живой интерес и большое внимание ко всему, что я сообщил о конгрессе, о Советской республике и о Ленине, проявил старый вождь и основатель партии «тесных» социалистов Благоев.

Благоев, имя которого связано с первой социал-демократической организацией в Петербурге, который всегда следил с живейшим интересом за революционным движением в России, с пламенным энтузиазмом встретил сначала Февральскую, а потом особенно Октябрьскую революцию. Правда, он, как и партия «тесных» социалистов вообще, не сумел тотчас же после Октябрьской окончательно порвать с социал-демократическими традициями, так глубоко вкоренившимися и в партии «тесных» социалистов. Благоев разделял общие ошибки Болгарской компартии как во Владайском восстании в 1918 году, так и во время июньского фашистского переворота 1923 года. Но Благоев после Октябрьской революции все больше и больше приближался к большевизму.

Когда мы, делегаты на II конгресс Коммунистического Интернационала, отправлялись в путь, Благоев сказал нам: «Дер-

¹ Записка В. И. Ленина Ш. М. Манучарьянц (сентябрь 1920 г.) была опубликована в газете «Правда» № 17 от 21 января 1927 г. *Ред.*

² В 1893 г. Энгельс прислал в редакцию нашего сборника «Социал-демократ» письмо, в котором, приветствуя появление социалистического движения в Болгарии, на пороге Малой Азии, сообщал, что он начал изучать болгарский язык, чтобы иметь возможность следить за социалистическим движением в Болгарии, и в подтверждение этого сам написал совершенно правильно несколько слов на болгарском языке в своем письме. *Х. К. (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 22, с. 424. Ред.)*

житесь за большевиков, за Ленина — с победой революции в России победило и их дело».

Благоев с большим интересом и вниманием выслушал мой обширный доклад о конгрессе и о Ленине и взволнованно поблагодарил.

Я понял, что его взволновало в этот момент. Когда мы ему предлагали отправиться вместе с делегацией на конгресс, Благоев с большим сожалением отказался, потому что был уже тяжело болен и знал, что не выдержит долгого и трудного пути.

— Что я там буду делать? Работать — не смогу, болен, а стоять в стороне — не желаю, не могу.

Благоев вскоре (в 1924 году) умер, признав июньские ошибки партии и одобряв Сентябрьское революционное пролетарское восстание (1923 года), и этим указал молодому и старому поколениям бывшей партии «тесных» социалистов, новой коммунистической партии Болгарии и болгарскому пролетариату путь большевистской партии, путь Ленина.

Воспоминания болгарских товарищей о Ленине (Перевод с болгарского).— М., 1958, с. 41—51

ЗАПИСКИ ДЕЛЕГАТА II КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА

1. НА СОВМЕСТНОМ ЗАСЕДАНИИ С ПОЛИТБЮРО РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Как делегат II конгресса Коммунистического Интернационала, я должен был в июле 1920 года нелегально приехать в Советскую Россию. Путешествие было связано со многими препятствиями. Открытие конгресса в Петрограде уже состоялось, когда я прибыл. В Москве мне пришлось пережить неприятную неожиданность. Случайно, у входа в гостиницу, я встретил товарища Мейера Эрнста¹, члена делегации Коммунистической партии Германии. После короткого приветствия он мне сказал: «Лучше, если ты здесь вообще не поселишься: возможно, что наша делегация сегодня же уедет». Можно себе представить, как испортилось мое настроение после этих слов. С ноября 1917 года, после победы Октябрьской социалистической революции, Москва была для меня, как и для многих других революционеров, заветной целью стремлений. После путешествия, продолжавшегося свыше недели, я наконец прибыл в Москву и первое, что здесь услышал, было совершенно непостижимое сообщение, что делегация, к которой я принадлежал, может быть, сегодня же покинет Москву. Совершенно ошеломленный, я спросил: «Почему же так? Что случилось?» В ответ на мой вопрос мне сообщили, что между нашей делегацией и ЦК Российской коммунистической партии возникли разногласия по вопросу, может ли быть допущена на конгресс Коммунистическая рабочая партия Германии (КРПГ), которая состояла из коммунистов, отделившихся от Коммунистической партии Германии на партийном съезде в Гейдельберге в октябре 1919 года и основавших собственную партию. С момента организации эта партия

¹ Доктор Эрнст Мейер вскоре после начала войны был единственным из редакторов «Vorwärts» (центрального органа германской социал-демократии), кто решительно поддерживал спартаковцев, за что был исключен из редакции. Много лет был членом ЦК КПП. В 20-х гг. умер от туберкулеза. Я. В.

придерживалась полусиндикалистских «левых» взглядов и вела ожесточенную борьбу против КРПГ. Вопрос о ее допуске на конгресс, и притом с решающим голосом, привел к серьезным разногласиям.

Не прошло и четверти часа с момента моего прибытия в гостиницу, как наша делегация собралась на совещание, где я был официально информирован о возникших разногласиях. Выяснилось, что советские товарищи стояли за то, чтобы кроме представителей американских индустриальных рабочих мира (IWW) и представителей английских «Shop Stewards»¹ на конгресс были допущены также представители КРПГ, и притом с решающим голосом. Наши товарищи считали это недопустимым, опасаясь, что равноправный допуск синдикалистских, более или менее антикоммунистических организаций, приведет к нежелательным изменениям характера Коммунистического Интернационала.

С допуском представителей американских IWW и английских «Shop Stewards» можно было бы еще примириться. Что же касается КРПГ, то она отреклась от коммунистических позиций, отошла от существующей Коммунистической партии Германии и вела против нее ожесточенную борьбу. Если эта партия все же была бы допущена на конгресс с решающим голосом, это повело бы к усилению ее престижа и, следовательно, затруднило тяжелую борьбу, которую мы вели против идеологии КРПГ, и не только в Берлине. Наша делегация не могла примириться с тем, чтобы представители указанной партии на равных правах были допущены на конгресс.

Ввиду того что немецким товарищам не была предоставлена возможность высказаться по этому вопросу до того, как вопрос о допуске представителей КРПГ с решающим голосом был передан для утверждения Исполкому, немецкая делегация выступила с предложением, чтобы Исполнительный Комитет принял решение только после приезда в Москву Вальхера. Приезд Вальхера ожидался через один-два дня, и делегация желала в полном составе обсудить вопрос, имеющий такое важное значение. Так как это предложение не было принято во внимание, делегация специальным письмом уведомила ЦК Российской коммунистической партии, что в случае, если представители КРПГ будут допущены на конгресс с решающим голосом, она будет вынуждена уехать.

Советские товарищи сообщили, что в оценке политики КРПГ у них нет разногласий с Коммунистической партией Германии, однако, по их мнению, опасения наших товарищей относительно равноправного допуска представителей КРПГ на конгресс необоснованны. Советские товарищи были уверены, что наша

¹ «Shop Stewards Committees» — Комитеты фабричных старост. *Ред.*

борьба с КРПГ облегчилась бы, если бы представителям КРПГ было дано право голоса на конгрессе на равных основаниях с КПГ, а затем с трибуны конгресса было бы указано на несостоятельность и неправильность их теоретической концепции и практической деятельности.

По моему мнению, которое я сообщил собравшимся, разногласия не имеют такого большого значения, чтобы из-за них, если не будет достигнуто соглашения, отказываться от участия в работе конгресса и уезжать из Москвы. Вернувшись в Германию, мы окажемся в очень неприятном положении и предоставим поле действия представителям КРПГ. Советские товарищи совершенно правы, доказывая, что для нас, для нашего дела, будет лучше, если представителям КРПГ будет предоставлена возможность высказать на конгрессе свои запутанные взгляды, которые мы подвергнем открытой и резкой критике.

Так как приближалось время встречи с советскими товарищами с целью договориться по спорному вопросу, дискуссия была закончена. Мы приехали, когда все уже были в сборе и председательствовал на совещании Ленин. Я видел Ленина в первый раз и был несколько удивлен, что в наружности его не было ничего необыкновенного; в общем он походил на многих русских. Но уже на этом сравнительно коротком заседании я узнал и оценил величие Ленина. После обмена приветствиями началось совещание по спорному вопросу. Ленин изложил точку зрения советских товарищей и стал критически разбирать аргументы нашей делегации.

Насколько я помню, Пауль Леви, хотя и с меньшим жаром, чем раньше, повторил, что допуск на конгресс представителей КРПГ будет иметь роковые последствия для коммунистического движения в Германии.

Я ни в какой мере не был связан решением, принятым до моего приезда в Москву, и считал это решение совершенно неприемлемым и неправильным. Поэтому, когда мне было предоставлено слово, я повторил то, что мною было сказано на заседании нашей делегации. Ленин, внимательно слушавший меня, слегка наклонив голову, заплодировал, когда я кончил. Царившее до этого момента напряжение улеглось. Наша делегация, которая после дискуссии в гостинице уже не настаивала так упрямо на своей точке зрения, была, по-видимому, довольна, что нашелся выход из тупика, в который она загнала себя сама. Теперь она не возражала против допуска представителей КРПГ на конгресс.

Если кому-то требовалось доказательство того, что советские товарищи тактически поступили правильно, когда решительно высказались за свободный вход представителей КРПГ в Андреевский зал, где должны были происходить заседания II конгресса Коммунистического Интернационала, то этим доказатель-

ством оказалась позиция представителей КРПГ. Они, не встретив поддержки со стороны Коминтерна, предпочли держаться в стороне от конгресса и вернуться в Германию¹.

2. НА II КОНГРЕССЕ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Участникам II конгресса Коммунистического Интернационала была предоставлена возможность воочию увидеть то, к чему они стремились со времени Октябрьской революции: Советскую Россию, Москву, Кремль и Ленина. Часть Советской России все узнали по пути от границ до Москвы. О Москве они могли составить представление во время пребывания в городе. Ворота Кремля открылись перед делегатами в первый раз 23 июля 1920 года, в день, когда конгресс, открывшийся в Петрограде, вернулся в Москву продолжить свои заседания в Кремлевском дворце.

Им посчастливилось присутствовать на открытии конгресса в Петрограде 19 июля. Они в тот день имели счастье видеть Ленина и слушать его доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала². Опоздавшие — а их было немало — впервые встретились с Лениным 23 июля в Москве. Ленин взял слово в первый же день, во время дискуссии по докладу «Роль и структура коммунистической партии до и после завоевания власти пролетариатом» и сделал принципиальные замечания по тактическим вопросам³.

На заседании 26 июля Ленин выступил как докладчик комиссии, которой предстояло заниматься национальным и колониальными вопросами. Он говорил по-немецки. Ниже трибуны для ораторов сидел Радек, в случае надобности он подсказывал Ленину надлежащее немецкое слово. В первый момент речь Ленина показалась мне слишком простой, слишком скромной. Однако вскоре его изложение увлекло меня и всех слушателей. Манеру Ленина говорить можно исчерпывающе характеризовать тремя словами: просто, правдиво и ясно. Он стремился изложить суть дела так, чтобы его могли понять самые простые люди.

¹ О разногласиях по вопросу о допуске представителей КРПГ на II конгресс Коммунистического Интернационала Эрнст Мейер и Пауль Леви подробно высказались на 5-м партийном съезде. В связи с этим Эрнст Мейер заявил:

«Делегация, как вы знаете, не выехала из Москвы не только потому, что КРПГ отказалась принять участие в заседаниях конгресса, но и потому, что приехавший на конгресс с опозданием товарищ Вальхер решительно заявил, что он не одобряет такого шага со стороны германской делегации». Я. В.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 215—235. *Ред.*

³ См. «Речь о роли коммунистической партии 23 июля» (там же, с. 236—240). *Ред.*

Когда он чувствовал, что его не все поняли, он не раздражался, а повторял свои мысли снова, но иначе, однако так же просто. Если ему казалось нужным, он повторял и в третий раз. В этом заключался секрет того, что Ленина так хорошо понимали рабочие и крестьяне, что они видели в нем своего защитника, доверенное лицо, почитали и любили его, как никого другого. Все слушали Ленина с величайшей сосредоточенностью, так как он умел придать своим простым словам редкую проникновенность. Со мною происходило то же, что и с другими слушателями. Мгновенное удивление уступило место чувству полной солидарности.

Ленин принимал участие в работах комиссий конгресса и нередко выступал в дискуссиях. Он выступал, когда разбирался вопрос об условиях приема в Коммунистический Интернационал, по вопросу о парламентаризме и во время дебатов о том, должны ли коммунисты в Англии войти в лейбористскую партию¹.

Необходимо подчеркнуть, что на II конгрессе Коминтерна немецкая делегация ни по одному вопросу не стояла в оппозиции и что с ее стороны советские товарищи, и в особенности Ленин, находили полную поддержку при обсуждении вопросов о профсоюзах, о парламентаризме, а также по вопросу о роли партии.

3. БЕСЕДА С В. И. ЛЕНИНЫМ В ЕГО РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ

Заседания II конгресса Коммунистического Интернационала проходили несколько месяцев спустя после капповского путча, происшедшего в Германии в марте 1920 года. Спорные вопросы, возникшие в связи с путчем в руководстве Коммунистической партии Германии, не были еще вполне выяснены, хотя на партийной комиссии и на съезде партии по этому поводу было принято специальное решение. Меньшинство, к которому принадлежал и я, не было согласно с этим решением и считало его в основных пунктах неправильным и недостаточным.

Речь шла главным образом о том, правильно ли, что, когда на заседании берлинского Стаечного комитета был неожиданно поставлен вопрос об образовании нового правительства, представители компартии высказались за его образование из представителей профсоюзов и Независимой социал-демократической партии и обещали, что, если таковое будет создано, проявлять к нему «лояльную оппозицию».

Тов. Ленину сообщили о наличии этих разногласий, и, по видимому, кто-то сказал ему, что я очень хотел бы узнать его

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 248—254, 255—259, 260—267. *Ред.*

мнение о спорных вопросах, возникших в связи с капповским путчем. На одном из заседаний конгресса мне сообщили, что Ленин будет ожидать меня в назначенный час в своем рабочем кабинете. Кроме меня Ленин пригласил также Розы Вольфштейн¹.

Я был очень доволен, что еще один товарищ нашей делегации примет участие в беседе с Лениным, тем более что Р. Вольфштейн была не согласна со мною по вопросу о правительстве.

Мы прибыли в Кремль точно в назначенный час. Нас приняла секретарша В. И. Ленина и сейчас же провела в его скромную рабочую комнату, так часто описываемую. Ленин встал из-за письменного стола, подошел к нам, подал нам руку, осведомился, как нас разместили и нет ли у нас каких-либо пожеланий. Мы сказали, что превосходно размещены, обеспечены и у нас нет никаких пожеланий.

Ленин сделал вводное замечание, свидетельствовавшее о том, что он очень хорошо знаком с событиями капповского путча и со всем к нему относящимся. Его интересовали подробности заседания Стаечного комитета и дискуссии в Центральном Комитете КПГ. Я довольно подробно рассказал ему о ходе заседания Стаечного комитета и объяснил, почему там вообще был поднят вопрос о правительстве. Я постарался также дать ему объективное представление о последующих заседаниях Центрального Комитета партии. Ленин внимательно слушал меня и время от времени задавал вопросы. После того как я закончил свое сообщение, Ленин сказал:

— Представители коммунистической партии в берлинском Стаечном комитете нарушили бы свой революционный долг, если бы они, когда перед ними был поставлен вопрос об образовании правительства, на данном этапе борьбы и при имеющемся соотношении сил в рабочем классе не сделали бы всего, что было в их силах, чтобы образовать так называемое «социалистическое правительство».

Далее Ленин заметил, что действия такого правительства научили бы широкие массы большему, чем наша пресса, наши брошюры и листовки, чем наши собрания и вся наша агитация и пропаганда, потому что широкие массы многое познают не из печатного и живого слова, а из школы жизни, на основе собственного, определенного, осязаемого опыта.

Розы Вольфштейн, которая не была информирована о том, что происходило в берлинском Стаечном комитете и на заседаниях Центрального Комитета КПГ, высказалась, насколько я могу припомнить, только по принципиальному вопросу — о пра-

¹ Розы Вольфштейн была единственной женщиной в нашей делегации. В 1929 г. она была исключена из Коммунистической партии Германии. В настоящее время является членом социал-демократической партии в Западной Германии. *Я. В.*

вительстве. Она снова затронула старый вопрос о том, можем ли мы, как принципиальные сторонники диктатуры пролетариата и правительства Советов, выступить за образование правительства, несостоятельность которого очевидна. Ленин попытался популярно разъяснить Р. Вольфштейн то, что им было уже сказано.

Ленин изложил свое мнение об острых проблемах, возникших в период капповского путча, в двух статьях¹, причем он так же, как и в нашей беседе, указал на принципиальную допустимость и правильность позиции, занятой нашими представителями в Стачечном комитете. Но он критиковал заявление ЦК об образовании правительства. Я показал тов. Ленину проект заявления ЦК, составленный мною. Ленин заметил, что ничего нельзя возразить против его содержания и что было бы хорошо, если бы этот проект был принят Центральным Комитетом².

Когда после 45-минутного обсуждения тема была исчерпана, Роза Вольфштейн задала вопрос, относившийся к еще не оконченной польско-советской войне. Как известно, Польша Пилсудского напала на Советскую Россию в апреле 1920 года по указке и при поддержке западных держав. Войска Пилсудского проникли в глубь Украины и заняли Киев в начале мая. Мощным контрударом, при решающей роли кавалерии Буденного, молодая Красная Армия отбросила поляков и устремилась к Варшаве. Эта ситуация побудила тогдашнего английского министра иностранных дел Керзона 12 июля 1920 года направить Советскому правительству от имени Лиги наций телеграмму с предложением прекратить войну против поляков и прибыть в Лондон для переговоров с представителями польского правительства. Керзон предлагал провести пограничную линию через Гродно — Белосток — Брест-Литовск и по реке Сан в Восточной Галиции.

Эта линия приблизительно соответствовала теперешней польско-советской границе. Для изнуренной и истощенной Советской России в то время это было заманчивое предложение. С другой стороны, было ясно, что дальнейшее победоносное продвижение Красной Армии, ее братание с польским пролетариатом, взятие Варшавы, ее появление у немецкой границы должны были прорвать кольцо блокады вокруг Советской России и в корне изменить международное положение. Именно эта перспектива и побудила Лигу наций выступить с таким предложением через

¹ Я. Вальхер имеет в виду первый и второй разделы «Добавления» к книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 93—97). *Ред.*

² Проект «Декларации Центрального Комитета КПГ (Союза Спартака)», написанный Я. Вальхером, опубликован в его статье «Центральный Комитет КПГ (Союз Спартака) и «капповский путч»» (см. Коммунистический Интернационал, 1926, № 4, с. 96). *Ред.*

лорда Керзона. В эти июльские дни 1920 года Советское правительство должно было решить трудный вопрос: принять предложение или отказаться от него.

Именно по этому вопросу во время беседы со мной и с Р. Вольфштейн тов. Ленин говорил откровенно. Он сказал, что, будучи уверенным в том, что Красной Армии удастся продвигаться до сосредоточенного главным образом по ту сторону Вислы, в Варшаве, промышленного пролетариата Польши и устранив последний оплот против Советской России, находившийся всецело в руках Антанты, он выступил за то, чтобы отклонить сделанное лордом Керзоном предложение. Хотя и существовало чрезвычайно затруднительное положение со снабжением Красной Армии боеприпасами и продуктами, Советское правительство не могло пойти на предложения, содержащиеся в ноте Керзона. Благодаря настойчивой позиции, занятой Лениным, предложение западных держав было отклонено и было решено продолжать наступление. Вскоре после этого произошел внезапный перелом на фронте, и Красная Армия отступила более чем на 100 километров. Советская Россия была вынуждена при заключении мирного договора с Польшей согласиться на проведение границы значительно дальше на восток.

Беседа с Лениным продолжалась больше часа. Мы простились с ним, унося глубокие впечатления от этой встречи. Долгое время меня занимали два вопроса. Во-первых, что тов. Ленин, обремененный изо дня в день решением ответственных партийных и государственных вопросов, пожертвовал целый час своего драгоценного времени на подробный и внимательный разговор с двумя, в общем мало известными немецкими коммунистами. Во-вторых, очень сильное впечатление произвело на меня то, как ясно и уверенно Ленин оценил ситуацию, создавшуюся во время капповского путча в Германии, где ввиду подавляющего перевеса социал-демократов и «независимых»¹ в имеющих решающее значение индустриальных и рабочих центрах Германии в то время не могло возникнуть советское государство.

Непоколебимая вера Ленина в массы побуждала его в критических ситуациях всегда вскрывать серьезность и глубину имеющихся трудностей и открыто говорить об этом. Поэтому никогда его обращение к массам за помощью, призыв к работе не оставались неуслышанными. Доверие, оказываемое им массам, всегда вознаграждалось с их стороны неограниченным доверием к нему и непобедимой активностью.

*О Владимире Ильиче Ленине:
Воспоминания. 1900—1922 годы.—
М., 1963, с. 540—548*

¹ Имеется в виду Независимая с.-д. партия Германии — центристская партия (1917—1922 гг.). *Ред.*

КРЕМЛЕВСКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ¹

...Я ожидал встретить марксистского начетчика, с которым мне придется вступить в схватку, но ничего подобного не произошло. Мне говорили, что Ленин любит поучать людей, но он, безусловно, не занимался этим во время нашей беседы. Когда описывают Ленина, уделяют много внимания его смеху, будто бы приятному вначале, но затем принимающему оттенок цинизма; я не слышал такого смеха. Линии его лба напомнили мне кого-то, я никак не мог вспомнить, кого именно, пока на днях не увидел г. Артура Бальфура, сидевшего возле затененной лампы. У него в точности такой же высокий, покатый, слегка асимметричный лоб.

У Ленина приятное смугловатое лицо с быстро меняющимся выражением, живая улыбка; слушая собеседника, он щурит один глаз (возможно, эта привычка вызвана каким-то дефектом зрения). Он не очень похож на свои фотографии, потому что он один из тех людей, у которых смена выражения гораздо существеннее, чем самые черты лица; во время разговора он слегка жестикулировал, протягивая руки над лежавшими на его столе бумагами; говорил быстро, с увлечением, совершенно откровенно и прямо, без всякой позы, как разговаривают настоящие ученые.

Через весь наш разговор проходили две — как бы их назвать — основные темы. Одну тему вел я: «Как вы представляете себе будущую Россию? Какое государство вы стремитесь построить?» Вторую тему вел он: «Почему в Англии не начинается социальная революция? Почему вы ничего не делаете, чтоб подготовить ее? Почему вы не уничтожаете капитализм и не создаете коммунистическое государство?» Эти темы переплетались, сталкивались, разъясняли одна другую. Вторая тема возвращала нас к первой: «Что вам дала социальная революция?

¹ Глава из книги Герберта Уэллса «Россия во мгле». Печатается с сокращениями. *Ред.*

Успешна ли она?» А это в свою очередь приводило ко второй теме: «Чтобы она стала успешной, в нее должен включиться западный мир. Почему это не происходит?»...

Мы начали беседу¹ с обсуждения будущего больших городов при коммунизме. Мне хотелось узнать, как далеко пойдет, по мнению Ленина, процесс отмирания городов в России. Разоренный Петроград навеял мысль, которая раньше не приходила мне в голову, что весь внешний облик и планировка города определяются торговлей и что уничтожение ее, прямо или косвенно, делает бессмысленным и бесполезным существование девяти десятых всех зданий обычного города. «Города станут значительно меньше», — подтвердил Ленин. «И они станут иными, да, совершенно иными». Я сказал, что это означает снос существующих городов и возведение новых и потребует грандиозной работы. Соборы и величественные здания Петрограда превратятся в исторические памятники, как церкви и старинные здания Великого Новгорода и храмы Пестума². Огромная часть современного города исчезнет. Ленин охотно согласился с этим. Я думаю, что ему было приятно беседовать с человеком, понимавшим неизбежные последствия коллективизма, которых не могли полностью осознать даже многие его сторонники. Россию надо коренным образом перестроить, воссоздать заново...

А как промышленность? Она тоже должна быть реконструирована коренным образом?

Имею ли я представление о том, что уже делается в России? Об электрификации России?

Дело в том, что Ленин, который, как подлинный марксист, отвергает всех «утопистов», в конце концов сам впал в утопию, утопию электрификации. Он делает все, что от него зависит, чтобы создать в России крупные электростанции, которые будут давать целым губерниям энергию для освещения, транспорта и промышленности. Он сказал, что в порядке опыта уже электрифицированы два района. Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной равнинной, покрытой лесами стране, населенной неграмотными крестьянами, лишенной источников водной энергии, не имеющей технически грамотных людей, в которой почти угасли торговля и промышленность? Такие проекты электрификации осуществляются сейчас в Голландии, они обсуждаются в Англии, и можно легко представить себе, что в этих густонаселенных странах с высококоразвитой промышленностью электрификация окажется успешной, рентабельной и вообще благотворной. Но осуществление таких проектов в России можно представить себе только с

¹ Герберт Уэллс был на приеме у В. И. Ленина 6 октября 1920 г. Ред.

² Древний город на юго-западе Италии, основан около 600 г. до н. э. Ред.

помощью сверхфантазии. В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные, он видит, как новые шоссе прорезают всю страну, как подымается обновленная и счастливая, индустриализованная коммунистическая держава. И во время разговора со мной ему почти удалось убедить меня в реальности своего провидения.

— И вы возьметесь за все это с вашими мужиками, крепко сидящими на земле?

Будут перестроены не только города; деревня тоже изменится до неузнаваемости.

— Уже и сейчас,— сказал Ленин,— у нас не всю сельскохозяйственную продукцию дает крестьянин. Кое-где существует крупное сельскохозяйственное производство. Там, где позволяют условия, правительство уже взяло в свои руки крупные поместья, в которых работают не крестьяне, а рабочие. Такая практика может расширяться, внедряясь сначала в одной губернии, потом в другой. Крестьяне других губерний, неграмотные и эгоистичные, не будут знать, что происходит, пока не придет их черед...

Может быть и трудно перестроить крестьянство в целом, но с отдельными группами крестьян справиться очень легко. Говоря о крестьянах, Ленин наклонился ко мне и перешел на конфиденциальный тон, как будто крестьяне могли его услышать.

Я спорил с ним, доказывая, что большевикам придется перестроить не только материальную организацию общества, но и образ мышления целого народа. По традициям и привычкам русские — индивидуалисты и любители поторговать; чтобы построить новый мир, нужно сперва изменить всю их психологию. Ленин спросил, что мне удалось повидать из сделанного в области просвещения. Я с похвалой отзывался о некоторых вещах. Он улыбнулся, довольный. Он безграбично верит в свое дело.

— Но все это только наброски, первые шаги,— сказал я.

— Приезжайте снова через десять лет и посмотрите, что сделано в России за это время,— ответил он.

Разговаривая с Лениным, я понял, что коммунизм... может быть огромной творческой силой. После всех тех утомительных фанатиков классовой борьбы, которые попадались мне среди коммунистов, схоластов, бесплодных, как камень, после того, как я насмотрелся на необоснованную самоуверенность многочисленных марксистских начетчиков, встреча с этим изумительным человеком, который откровенно признает колоссальные трудности и сложность построения коммунизма и безраздельно

посвящает все свои силы его осуществлению, подействовала на меня живительным образом. Он во всяком случае видит мир будущего, преобразенный и построенный заново.

Ему хотелось услышать от меня побольше о моих впечатлениях от России. Я сказал, что, по-моему, во многих вопросах коммунисты проводят свою линию слишком быстро и жестко, разрушая раньше, чем они сами готовы строить; особенно это ощущается в Петроградской коммуне. Коммунисты уничтожили торговлю раньше, чем они были готовы ввести нормированную выдачу продуктов; они ликвидировали кооперативную систему вместо того, чтобы использовать ее, и т. д. Эта тема привела нас к нашему основному разногласию — разногласию между эволюционным коллективистом и марксистом, к вопросу о том, нужна ли социальная революция со всеми ее крайностями, нужно ли полностью уничтожить одну экономическую систему до того, как может быть приведена в действие другая. Я верю в то, что в результате большой и упорной воспитательной работы теперешняя капиталистическая система может стать «цивилизованной» и превратиться во всемирную коллективистскую систему, в то время как мировоззрение Ленина издавна неотделимо связано с положениями марксизма о неизбежности классовой войны, необходимости свержения капиталистического строя в качестве предварительного условия перестройки общества, о диктатуре пролетариата и т. д. Он вынужден был поэтому доказывать, что современный капитализм неисправимо алчен, расточителен и глух к голосу рассудка, и пока его не уничтожат, он будет бессмысленно и беспечно эксплуатировать все, созданное руками человека, что капитализм всегда будет сопротивляться использованию природных богатств ради общего блага и что он будет неизбежно порождать войны, так как борьба за наживу лежит в самой основе его.

Должен признаться, что в споре мне пришлось очень трудно. Ленин внезапно вынул новую книгу Кюиоца Монеи «Триумф национализации», с которой он, очевидно, был хорошо знаком.

— Вот видите, как только у вас появляется хорошая, действенная коллективистская организация, имеющая хоть какое-нибудь значение для общества, капиталисты сразу же уничтожают ее. Они уничтожили ваши государственные верфи, они не позволяют вам разумно эксплуатировать угольные шахты.

Он постучал пальцем по книге.

— Здесь обо всем этом сказано.

И в ответ на мои слова, что войны порождаются националистическим империализмом, а не капиталистической формой организации общества, он внезапно спросил:

— А что вы скажете об этом новом республиканском империализме, идущем к нам из Америки?

Здесь в разговор вмешался г. Ротштейн, сказал что-то по-русски, чему Ленин не придал значения.

Незвизрая на напоминания г. Ротштейна о необходимости большей дипломатической сдержанности, Ленин стал рассказывать мне о проекте, которым один американец собирался поразить Москву¹. Проект предусматривал оказание экономической помощи России и признание большевистского правительства, заключение оборонительного союза против японской агрессии в Сибири, создание американской военно-морской базы на Дальнем Востоке и концессию сроком на пятьдесят — шестьдесят лет на разработку естественных богатств Камчатки и, возможно, других обширных районов Азии. Поможет это укрепить мир? А не явится ли это началом новой всемирной драки? Понравится ли такой проект английским империалистам?

Капитализм, утверждал Ленин, — это вечная конкуренция и борьба за наживу. Он — прямая противоположность коллективным действиям. Капитализм не может перерасти в социальное единство или всемирное единство.

«Но какая-нибудь промышленная страна должна прийти на помощь России», — сказал я. Она не может сейчас начать восстановительную работу без такой помощи...

Во время нашего спора, касавшегося множества вопросов, мы не пришли к единому мнению. Мы тепло распрощались с Лениным; на обратном пути у меня и моего спутника снова неоднократно проверяли пропуск, как и при входе в Кремль.

— Изумительный человек, — сказал г. Ротштейн. — Но было неосторожно с его стороны...

У меня не было настроения разговаривать; мы шли в наш особняк вдоль старинного кремлевского рва, мимо деревьев, листва которых золотилась по-осеннему; мне хотелось думать о Ленине, пока память моя хранила каждую черточку его облика, и мне не нужны были комментарии моего спутника. Но г. Ротштейн не умолкал.

Он все уговаривал меня не упоминать г. Вандерлипу об этом проекте русско-американского сближения, хотя я с самого начала заверил его, что достаточно уважаю сдержанность г. Вандерлипа, чтобы нарушить ее каким-нибудь неосторожным словом.

И вот снова дом на Софийской набережной, поздний завтрак с г. Вандерлипом и молодым скульптором² из Лондона. Подавая на стол, старик слуга грустно глядел на наше скудное

¹ Речь идет о Вашингтоне Вандерлипе — представителе американских промышленных кругов, приехавшем в Советскую Россию в 1920 г. с предложением заключить договор о нефтяных и угольных концессиях на Камчатке. *Ред.*

² Клар Шеридан (см. настоящий том, с. 304—312). *Ред.*

меня, вспоминая о тех великолепных днях, когда в этом доме останавливался Карузо и пел в одной из зал второго этажа перед самым избранным обществом Москвы. Г-н Вандерлип предлагал нам днем познакомиться с московским рынком, а вечером посмотреть балет, но мы с сыном решили в тот же вечер уехать обратно в Петроград, а оттуда — в Ревель, чтобы не опоздать на пароход, уходивший на Стокгольм.

*Уэллс Герберт. Россия во мле. —
М., 1958, с. 69—77*

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК¹

...Я ездил в Россию, о чем рассказал в своей книге «Россия во мгле», и имел там длительную беседу с Лениным, а также много слышал о нем. До тех пор мне не приходилось встречать столь оригинального мыслителя, к тому же занимающего такое важное положение, какого нельзя было даже представить себе до войны. Казалось, что все ресурсы, какие еще сохранились в России, находятся в его руках... Его авторитет был огромным.

Основой его личного престижа были трезвость суждений и дальновидность, проявленные им в дни революционного перелома. К нему обращались тогда все: и с опасениями и с сомнениями. Силу его составляла ясность цели в сочетании с тонкостью мысли...

Как и все, он принадлежал своему времени и своей эпохе. Когда мы встретились с ним и беседовали, каждый из нас придерживался собственного предвзятого мнения. Мы говорили преимущественно о необходимости заменить мелкое крестьянское хозяйство крупным сельским хозяйством — дело происходило за восемь лет до первого пятилетнего плана, — а также об электрификации России, которая в то время была лишь мечтой, зародившейся в его мозгу. Я скептически относился к идее электрификации, так как не имел представления о запасах водной энергии в России. «Приезжайте снова через десять лет», — говорил Ленин в ответ на мои сомнения.

Когда я разговаривал с Лениным, меня гораздо больше интересовала сама беседа, чем собеседники. Я забыл, большие мы люди или маленькие, старые или молодые. Я был только поражен небольшим ростом Ленина, а также его исключительной живостью и простотой. Но теперь, просматривая свою написанную четырнадцать лет назад книгу, восстанавливая в памяти события того времени и сравнивая Ленина с другими знамени-

¹ Фрагменты из главы IX книги: *Wells H. G. Experiment in Autobiography. Vol. 2.* — London, 1934 (*Уэллс Г. Д. Опыт автобиографии, т. 2.* — Лондон). *Ред.*

тыми людьми, которых я знал, я начинаю понимать, какой выдающейся и значительной исторической фигурой он был. Я не сторонник теории об исключительной роли «великих людей» в жизни человечества, но уж если вообще говорить о великих представителях нашего рода, то я должен признать, что Ленин был по меньшей мере действительно великим человеком...

Когда я встретился с Лениным, он был уже болен. Ему приходилось часто прерывать свою работу. В начале 1922 года врачи вообще запретили Ленину работать, а летом того же года его частично разбил паралич, и в начале 1924 года Ленин умер. Следовательно, он полностью руководил страной меньше чем пять полных событиями лет. Тем не менее за это время он зажег в русском народе такой непоколебимый созидательный энтузиазм для решения всех вставших перед ним задач, что этот энтузиазм живет в нем и по сей день. Только благодаря Ленину и созданной им организованной Коммунистической партии русская революция не выродилась в жестокую военную автократию и не закончилась полным социальным крахом. Руководимая им Коммунистическая партия, не имея опыта, тем не менее сумела создать необходимые условия для успеха проводимого эксперимента, обеспечила достаточное количество дисциплинированных кадров для наскоро созданного, но преданного государственного аппарата, без которого революция в современном государстве обречена на полный провал.

Деятельный ум Ленина с удивительной быстротой переключился сразу после революции на осуществление социальных преобразований. В 1920 году, когда я с ним виделся, он с юношеской энергией изучал возможности электрификации России. Идея пятилетнего плана, представлявшегося ему в виде ряда успешно осуществляемых по всей стране местных планов, Днепрогэс — все это уже занимало его мозг. Плодотворные идеи Ленина продолжают оказывать воздействие и после того, как перестал творить их создатель. И в настоящее время их воздействие, видимо, так же сильно, как и раньше.

Во время моего последнего визита в Москву в июле 1934 года я посетил Мавзолей Ленина и снова увидел небольшого человека. Он казался еще меньше, лицо выглядело восковым и бледным, а беспокойные руки лежали спокойно. Борода как будто стала совсем рыжей. Выражение лица было полно достоинства и простоты, немного патетично; на нем отражались искренность и смелость — высшие качества человека. Он уснул слишком рано, особенно для России.

НЕПРИКРАШЕННАЯ ПРАВДА

К намечающейся выставке нужно было завершить одну работу, и мне пришлось отказаться от удовольствия провести август с детьми в Бреде и остаться в опустевшем Лондоне. Работа, которую я хотела закончить, — статуя Победы. Я задумала ее, охваченная страстным протестом, после того как однажды в моей студии побывал слепой солдат. Это была не хорошо знакомая, традиционная Победа. Нет, мою Победу не каждый захотел бы выставить в общественном месте. Но этой статуей я выразила чувства, которые не могла облечь в слова...

Решение поехать в Россию исключало мое присутствие на выставке. Я сомневалась, сможет ли выставка вообще быть открыта без меня. Однако перспектива создать скульптурный портрет Ленина заслонила все соображения. Выставки еще будут у меня в течение всей дальнейшей жизни, а здесь предстояло нечто такое, что никогда, по всей вероятности, больше не повторится...

В сентябрьское утро 1920 года в 10 часов 30 минут паровоз выпустил пары на московском вокзале... Вскоре мы с фантастической быстротой под вой автомобильной сирены мчались по малолюдным улицам... И вот уже показался перед нами Кремль с его высокими прямоугольными башнями над воротами... Какое потрясающее зрелище! Наша машина сбавила ход, чтобы можно было показать часовому пропуск, и мы въехали на площадь, со всех сторон окруженную златоглавыми большими и маленькими зданиями своеобразной архитектуры...

Стоял великолепный сентябрьский день. В воздухе чувствовалась легкая прохлада. Листья на деревьях в саду под Кремлевской стеной были ярко-желтые и медленно опадали, как бы предупреждая о приближающейся зиме.

Комната, которую предоставили мне для работы, находилась в большом круглом здании, где когда-то помещался суд. Сейчас здесь проходят съезды Советов, и над зданием развевается красный флаг...

Почти каждый вечер мы проводили в оперном театре. Для нас заказывали места через Министерство иностранных дел. Зал примерно таких размеров, как Ковент-гарден, с лепными золотыми украшениями и алой бархатной обивкой. Театр был переполнен до отказа рабочими, среди которых профсоюзы бесплатно распределяли билеты. Здесь можно было увидеть лица русских совсем в ином свете. Люди, облокотившись на барьеры лож, устремившись вперед, были целиком поглощены зрелищем балета. Я не слышала ни кашля, ни шепота. Это были усталые люди, пришедшие сюда после тяжелого трудового дня, — они заслужили это удовольствие и в полной мере им наслаждались. Напряженное внимание, с которым они смотрели балет или слушали оперу, производило огромное впечатление. Впервые в своей жизни эти люди, так долго находившиеся под гнетом, работавшие на других, люди, с которыми обходились как с рабами, получили право на удовольствия, до сих пор принадлежавшее только богатым. Лица русских, а не пропаганда коммунистов начали оказывать влияние на мои взгляды...

Через один-два дня мне сказали, что ко мне пойдет Дзержинский — председатель Чрезвычайной комиссии... Невысокого роста бледный человек в форме вошел и несколько застенчиво посмотрел на меня, затем на мою работу. Я не обратила на него особенного внимания, думая, что это один из случайных посетителей, и ждала, когда он уйдет. Тогда он сказал, что фамилия его Дзержинский.

Вид этого скромного, без каких бы то ни было претензий человека глубоко поразил меня... У него было узкое лицо и как бы вылепленный из алебаstra нос. Время от времени глубокий кашель сотрясал его тело, и тогда вся кровь прилиwała к лицу...

Мне хотелось поговорить с Дзержинским, но, к несчастью, я могла объясняться с ним только на немецком языке, а мои познания в нем были ограничены. Все-таки я сумела сказать ему, что, когда люди сидят так спокойно, как он, это значительно облегчает работу художника.

— Терпению и спокойствию учишься в тюрьме, — ответил Дзержинский.

Я спросила его, сколько времени он провел там.

— Одиннадцать лет, четверть моей жизни, — сказал Дзержинский.

Его голос, хотя и спокойный, был глубок, и в нем звучала сила... Тюрьма надломилa здоровье этого человека, но дух его остался несломленным. Он жил для России и страдал за Россию... Друзья Дзержинского глубоко и, можно даже сказать, трепетно обожали его...

Как странно жить в большом городе, где окна постоянно плотно затворены, а витрины затемнены, словно после воздушного налета. Все лавки в городе закрыты. Только в витринах

цветочных магазинов полно больших искусственных хризантем... Помещения гостиниц заняли государственные учреждения...

В городе масса художественных галерей. Остались в неприкосновенности все старые и созданы новые галереи, в которых собраны произведения искусства из частных коллекций; некоторые дома, бывшие прежде частной собственностью, превращены в пролетарские художественные школы. Здесь солдаты и моряки рисуют и лепят с натуры. Дворец великого князя в Кремле, что против царь-колокола, стал рабочим клубом...

Я мало знала и еще меньше понимала как в коммунизме, так и в условиях, вызвавших его к жизни (если не считать того, что я прочла в романах). Законы собственности и теория капитализма были для меня ничего не значащими словами. У меня не было ни собственности, ни капитала. Хотя мой отец и был экономистом, я абсолютно ничего не понимала в экономике. (Г. Уэллс сказал мне однажды: «Какая жалость, Клэр, что вы необразованны».) Но тем не менее подсознательно я была революционеркой. Я пришла к этому не путем логических рассуждений...

Я хотела остаться в России, чтобы принять участие в ее реконструкции. Россия отвечала моему чувству пацифизма... Даже если бы я не желала ничего другого, мне хотелось бы, чтобы мои дети получили здесь образование. Я была убеждена (как убеждена и до сих пор)... что новая Россия никогда не пойдет ни на какие военные агрессии. Красная Армия существует для обороны. В необходимости иметь армию для обороны страны новая Россия убедилась на опыте, но каждый красный русский солдат и все родные этого солдата знали и знают, что их никогда не пошлют поддерживать агрессивные действия за пределами родины.

Мое сердце постоянно, с тех пор как родился Дик¹, полно ужаса и страха перед войной. Что, если в один прекрасный день его заберут, чтобы сделать из него пушечное мясо, или заклеят как труса? Что, если на его долю выпадет худшее, чем смерть? Слепота, отравление газом, уродство?.. Когда я слышу, как маршируют солдаты, я всегда думаю о Дике и об Уилфриде², который был так ужасно обманут и отдал свою жизнь в тщетной надежде, что это была последняя война, «война за то, чтобы положить конец войнам»...

Таковы были мои весьма неопределенные, несвязные мысли, день ото дня окрашивавшиеся в новые цвета и приобретающие новые очертания, чтобы в конце концов отлиться в более отчетливые формы...

¹ Сын Клэр Шеридан. *Ред.*

² Муж Шеридан, погибший в первую мировую войну. *Ред.*

На следующий день после отъезда Г. Уэллса комендант Кремля сказал мне, что завтра с одиннадцати часов утра до четырех я смогу работать в кабинете Ленина. Всю ночь я не сомкнула глаз.

Утром Бородин¹ проводил меня в Кремль. Я была взволнована так, как никогда в жизни. По дороге он сказал мне:

— Помните одно: сейчас вам предстоит создать самое лучшее из всего, что было создано вами за всю жизнь.

Мы вошли в Кремль через боковые ворота, охраняемые часовым. Мне было известно, что Ленин живет где-то в этой части Кремля, и я часто пыталась отгадать, за каким из этих окон, за какой дверью живет и работает великий человек. А этих окон и дверей было так много!

Поднявшись на третий этаж, мы миновали несколько дверей и коридоров и наконец оказались в двух смежных комнатах, где работали женщины-секретари. Михаил Бородин поручил меня девушке — личному секретарю Ленина. Затем он пожал мне руку и пожелал успеха в работе.

У меня было такое ощущение, как будто я вновь попадаю в школу. Меня охватил страх и глубокое волнение, потому что это была самая ответственная работа из всех, за которые мне когда-либо предстояло еще взяться.

Секретарь указала мне обитую белым войлоком дверь и предложила войти. Дверь не была заперта, она легко отворилась.

Ленин сидел в очень светлой комнате перед огромным письменным столом, заваленным какими-то книгами и бумагами. Когда я вошла, он взглянул на меня, улыбнулся и через всю комнату пошел мне навстречу. Его манера обращения быстро успокоила меня. Я попросила прощения за то, что вынуждена беспокоить его. Он рассмеялся и по-английски сказал мне, что еще до меня другой скульптор обосновался у него в кабинете и провел здесь несколько недель²...

Пока три солдата втаскивали в кабинет подставку и глину, Ленин объяснил мне, что я могу работать здесь столько времени, сколько мне понадобится, при условии, что он будет сидеть за своим письменным столом и читать.

В комнате все дышало покоем, и Ленин углубился в книги... Даже когда я кружила около него, пытаюсь измерить расстояние от уха до носа, он, казалось, совсем не замечал моего присутствия. Он сразу же как бы совершенно выключился, сосредоточился на своей работе и был уже целиком поглощен ею.

Я работала до без четверти четыре. Еще никогда я не рабо-

¹ Бородин (Грузенберг) М. М. (1884—1951) работал в то время в Наркомате иностранных дел. *Ред.*

² Имеется в виду Альтман Н. И. (1889—1968), работавший над скульптурным портретом В. И. Ленина в течение полутора месяцев (апрель — май 1920 г.). *Ред.*

тала так долго без перерыва. В течение всего этого времени Ленин не ел, не пил и не выкурил ни одной папиросы. Входили секретари с письмами. Он распечатывал их, клал письмо перед собой, а на конверте, не глядя, механически делал пометку и возвращал его обратно. Его лицо несколько оживлялось, лишь когда раздавалось тихое жужжание телефона и над столом одновременно загоралась маленькая электрическая лампочка.

Мои попытки завязать с Лениным разговор не встретили одобрения, и, сознавая, что своим присутствием я и так докучаю ему, я не посмела настаивать. Сидя на подоконнике и отдыхая, я не переставала твердить себе, что все это происходит на самом деле, что я действительно нахожусь в кабинете Ленина и выполняю свою миссию... Я без конца повторяла про себя: «Ленин! Ленин!» — как будто никак не могла поверить, что окружающее меня не сон.

Вот он сидит здесь, передо мной, спокойный, молчаливый, небольшого роста человек с огромным лбом. Ленин, гений величайшей революции в истории человечества, — если бы он только захотел поговорить со мной! Но... он ненавидел буржуазию, а я была ее представительницей. Он ненавидел Уинстона Черчилля, а я была его племянницей... Он разрешил мне работать у себя в кабинете, и я должна была выполнять то, зачем пришла, а не отнимать у него попусту время: ему не о чем было говорить со мной. Когда я, собравшись с духом, спросила, какие новости из Англии, он протянул мне несколько номеров «Дейли геральд».

В четыре часа я оставила его кабинет, после шести часов работы без отдыха.

Обед я пропустила, а ужина нужно было ждать до девяти часов. Михаил Бородин пришел ко мне, и мы пили чай. Он спросил, как идет у меня дела, и посоветовал пораньше лечь в постель, чтобы завтра быть полной сил...

На следующий день Ленин принял меня так же дружелюбно, как и в первый раз... но по-прежнему часы проходили в молчании. И вдруг он оторвался от лежащей перед ним книги и взглянул на меня так, как будто видел в первый раз. Он посмотрел на свой скульптурный портрет, над которым я работала, и снисходительно улыбнулся мне. Так улыбаются ребенку, строящему карточный домик. Затем Ленин спросил:

— Как относится муж к вашей поездке в Россию?..

— Мой муж убит на войне, — ответила я.

— На какой войне?

— Во Франции.

— Ах да, конечно, — он понимающе кивнул. — Я все забываю, что у вас была только одна война. У нас ведь кроме империалистической была и гражданская война, и еще мы воевали, защищая страну от интервентов.

Ленин заговорил о бесплодном духе самопожертвования, которым были одержимы англичане, вступая в войну 1914 года, и посоветовал прочесть «Огонь» или «Ясность» Барбюса. Затем, изменив тему разговора, он спросил меня, систематически ли я работаю в Лондоне и по сколько часов в день.

— В среднем по семь часов.

Мой ответ, кажется, удовлетворил его...

Нашу беседу прервал приход президента Калинина, и Ленин повернулся к нему. Впервые за все это время его лицо оказалось обращенным к окну. Я увидела его в совершенно ином освещении. Ленин продолжал разговаривать с Калининым, и это было мне очень на руку. Его лицо в состоянии покоя — совсем не то, что я хотела запечатлеть. А разговаривая оживленно с Калининым, он высоко поднимал и хмурил брови. Казалось, что Ленин погрузился в глубокие размышления, выражение его лица было одновременно суровым и полным юмора. Он устремил на Калинина пронзительный взор, словно читал его мысли и знал наперед все, что Калинин может сказать ему, и даже больше.

Калинин — крестьянин, избранный крестьянами. У него доброе простое лицо сына земли. Крестьяне любят его. Доступ к нему совершенно свободен. Люди приходят сюда толпами со своими просьбами и жалобами, и он занимается делами каждого, не зная усталости. В любом слове и жесте Калинина ощущаешь любовь и уважение к Ленину.

Когда они кончили разговаривать, Калинин взглянул на бюст и сказал: «Хорошо». Потом спросил у Ленина, что думает он. Ленин засмеялся, сказал, что в этом ничего не понимает и потому судить не может, но убедился в том, что я работаю быстро.

Когда мы снова остались одни, я набралась храбрости и попросила его сесть на вращающийся стул. Он согласился, хотя, вероятно, это показалось ему забавным, и сказал, что никогда еще не сидел так высоко...

Я увидела, что Ленин стал со мной приветливее, и показала ему несколько фотографий своих работ. Хотя он и говорил, что ничего не смыслит в искусстве, однако весьма определенно охарактеризовал «буржуазное искусство», которое, как он сказал, всегда стремится к красоте. Он относится отрицательно к красоте как к абстрактному идеалу. Он заявил, что считает неоправданной красоту, которой я наделила свою Победу.

— Милитаризм и война безобразны и могут вызвать только ненависть, — сказал он, — и даже самопожертвование и героизм не могут придать им красоты. Порок буржуазного искусства в том, что оно всегда приукрашивает.

Затем Ленин взглянул на фотографию скульптуры «Головка Дика», и выражение нежности промелькнуло на его лице.

Я спросила:

— Это тоже очень приукрашено?

Он покачал головой и улыбнулся. Затем торопливо вернулся к своему огромному письменному столу, как человек, потерявший слишком много времени, уселся в кресло, и мгновенно я и моя работа перестали для него существовать.

Ленинская способность сосредоточиваться впечатляла, пожалуй, больше всего. Такое же сильное впечатление производил и его огромный лоб...

Лицо его выражало скорее глубокую думу, чем властность. Мне он представлялся живым воплощением мыслителя (но не роденовского)...

Он выглядел очень больным... Пуля, пущенная рукой женщины, покушавшейся на жизнь Ленина, все еще оставалась в его теле¹.

Один раз я увидела его с рукой на перевязи. Он сказал, что это «ничего», но был желт, как слоновая кость. Он совершенно не гулял и довольствовался лишь тем небольшим количеством свежего воздуха, которое проникало в его кабинет через маленький вентилятор в верхней части окна. Изредка, кажется, Ленин все-таки уезжал на один день за город. Несколько раз пропосился слух, что Ленин на охоте. Но это, очевидно, случалось весьма редко, поскольку об этом говорили как о чем-то особенном.

Когда бюст был готов настолько, насколько он мог считаться готовым в этих сложных условиях, Ленин тепло пожал мне руку, сказав, что я хорошо выполнила свою работу и что она должна понравиться его друзьям. Затем, по моей просьбе, он подписал фотографию...

* *
*

Утром 6 ноября мне сказали, что поезд уходит сегодня... В тот морозный вечер ярко светила луна, сверкали звезды... Я окинула взором мой любимый Кремль. Он казался еще более красивым и величественным, чем когда-либо... Часы на Спасской башне печально пробили без четверти семь... Мне было очень грустно расставаться... Россия глубоко проникла в мою душу. Я возвращалась в мир, которому мне еще долго суждено было оставаться чужой...

По прибытии в Стокгольм я была удивлена и смущена, неожиданно подвергшись осаде газетных репортеров. Какие-то незнакомые люди увезли меня на машине в киностудию и засняли на пленку. Позже я увидела себя на экране...

¹ Эсерка-террористка Ф. Каплан выстрелила в Ленина несколько раз, нанеся ему две тяжелые раны. *Ред.*

Я никак не могла понять, чем все это вызвано, пыталась отгадать, ждет ли меня такой же прием в Англии...

В полночь, как только корабль прибыл в Ньюкасл, репортеры привялись с боем брать у меня интервью. Они приехали из Лондона и ждали меня здесь два дня. Они особенно торопились, так как должны были вовремя передать свои сообщения в Лондон для утренних газет...

Между тем таможенный чиновник был по отношению ко мне крайне резок, обращался со мной так, будто я была нежелательной иностранкой. Он настоял на том, чтобы я открыла большие, похожие на гробы ящики, хотя я и уверяла его, что там нет ничего, кроме скульптур. Он по локоть запустил руку в солону и стружки...

— У меня нет ни духов, ни табака — в России мы не имеем таких вещей.

— Не это мы ищем, — ответил он свирепо.

Мне тогда не могло прийти в голову, что они искали пропагандистские брошюры, я поняла это лишь позднее...

Пока я разрывалась между таможенниками и репортерами, так как и те и другие требовали моего внимания, приближался час отхода поезда. Наконец ящики были вновь заколочены, и один из репортеров предложил довести меня до вокзала. Другой, с «кодаком» в руках, встретил меня там вспышкой магния.

— Неужели я в самом деле совершила что-то заслуживающее такого интереса? — спросила я у корреспондента «Дейли мейл».

— Еще бы! — ответил он улыбаясь...

Трудно описать как по-разному встретили меня в Лондоне: похвалы, упреки, поздравления, брань, панегирики и критика... Я узнала, в какое бешенство пришла моя семья после моего отъезда... Уинстон¹ заявил, что никогда больше не будет разговаривать со мной...

На следующий день мой дневник занял целую колонку в «Таймс». С афиш на углах улиц глядели пурпурные буквы — «Дневник миссис Шеридан»...

Моя частная жизнь стала адом. Выражение молчаливого страдания и негодования, появлявшееся на лице моего отца, как только он видел меня, приводило всех окружающих в уныние. Мои тетки ругали и осыпали меня упреками при каждом удобном случае и без конца досаждали мне замечаниями о моих «кровавых друзьях-большевиках». Мне постоянно приходилось выступать в защиту людей, так гостеприимно делившихся со мной тем немногим, что они имели. Лишь истощив все свое негодование и гнев, я научилась сохранять спокойствие и оставаться глухой к невежественной болтовне, которую мне прихо-

¹ Черчилль. Ред.

дилось слышать со всех сторон. К концу недели Лондон сделал меня «большевичкой» в гораздо большей степени, чем даже Москва.

Этот период был поворотным в моей жизни. Так называемые «друзья» пропали один за другим — точно так же, как опадают листья при первых морозах. Верными остались лишь несколько старых друзей, и их дружба стала вдвойне дороже...

Но у меня появилось много новых друзей. Однажды, когда я была в студии одна, раздался стук. Я открыла входную дверь. На пороге стоял высокий мужчина, одетый в поношенный костюм, в матерчатой кепке, надвинутой на глаза... Он говорил с каким-то неопределенным — не то ирландским, не то шотландским — акцентом. Он сказал, что у нас есть общие знакомые в Москве... Это был Уильям Галлахер, английский коммунист, скрывавшийся от полиции...

Телеграфно мне предложили турне по Соединенным Штатам... Я никогда в своей жизни не выступала публично, но... Но, если нужно, надо суметь...

Чтобы попробовать силы, я припяла сперва предложение выступить в Браунинг-клубе, где-то в Ист-энде, перед рабочей аудиторией... Председатель представил меня и сделал маленькое вступление. Затем он сел, раздались аплодисменты, и наступила тишина. Я вынуждена была встать... Дыхание у меня прервалось. Сердце забилося.

Но эти люди были ко мне добры. Они слушали внимательно, не кашляли, не вертелись. Иногда они смеялись. Это придавало мне уверенности. Я даже заметила раз слезы на глазах у некоторых из моих слушателей. Тогда я перестала прислушиваться к звуку собственного голоса. Я была целиком увлечена тем, о чем рассказывала. Время шло очень быстро. Сорок минут пролетели совершенно незаметно. Когда я кончила, они не только аплодировали, но поднялись на трибуну, крепко жали мне руки, и, прежде чем я успела опомниться, весь зал окружил меня...

Оставалось всего лишь две недели до того срока, когда скульптуры советских руководителей надо было отправить отлитыми в Москву. Бюст Ленина я по собственной инициативе высекла из мрамора ¹...

*Иностранная литература, 1961,
№ 4, с. 179—184*

¹ Этот бюст находится в Центральном музее В. И. Ленина. *Ред.*

САМЫЙ ЧЕЛОВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я помню Ильича именно таким, каким он изображен на этом портрете¹: высокий лоб мыслителя, добрая, лучистая улыбка, энергичные движения и быстрая речь. Во время разговора он имел обыкновение слегка прищуриваться...

Имя Ленина я, как и все иранцы, узнал сразу же после нашей революции. Заявление возглавляемого Лениным Советского правительства об аннулировании неравноправных русско-персидских соглашений вызвало в Иране бурю восторга и радости². Имя Ленина было у всех на устах...

В первых числах декабря 1920 года мы приехали в Москву. На следующий день нас принял Чичерин. Он сразу же сказал, что Советское правительство согласно обсудить отношения с Ираном. Мы попросили встречи с Лениным.

Мне трудно рассказать о тех чувствах, которые я испытывал, подъезжая к подъезду дома в Кремле, где жил и работал вождь революции. У меня то и дело мелькали мысли о том, что вот я очень скоро увижу человека, который бросил всему старому миру смелый вызов, человека, который строит новые отношения между людьми и народами, человека, который протянул руку братской дружбы моей родине — Персии. Я очень волновался.

Войдя в кабинет Ленина, я был страшно поражен скромностью обстановки: простой стол, кресло и стул, маленькая этажерка с книгами и никаких украшений и роскоши. Я нигде не видел более скромного рабочего кабинета.

В. И. Ленин быстро, энергично встал. Поздоровался и спросил, на каком языке мы предпочитаем беседовать³. Наш посол

¹ О встрече с В. И. Лениным Хамид Саях рассказал корреспонденту ТАСС в Иране В. Высоцкому; беседа состоялась в апреле 1963 г. в кабинете советского посла, где висел портрет В. И. Ленина. *Ред.*

² Имеется в виду «Нота Народного Комиссара Иностранных Дел Посланнику Персии» от 14 (27) января 1918 г. (см. Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 91—92). *Ред.*

³ В. И. Ленин принял правительственную делегацию Персии (Ирана) во главе с послом Али Голи-ханом Мошавер-оль-Мемалеком 10 декабря 1920 г. *Ред.*

выбрал французский язык. Увидев, что нас трое, Ленин быстро прошел в секретариат и сам принес оттуда два стула. Представляете себе, сам Ленин принес для нас стулья! Мы, естественно, смутились. Я сел рядом с Ильичем, напротив него занял место мой посол. Ленин удивил нас прекрасным знанием французского языка. Просто, по-деловому он обсудил с нами ряд важных вопросов об ирано-советских отношениях.

Я дословно помню и никогда не забуду следующие пророческие слова Ленина:

— Вы увидите, что буржуазия допустила величайшую ошибку, заключив Версальский договор. Он приведет к новым конфликтам. Вы увидите, что некоторые буржуазные государства будут искать у нас помощи против других буржуазных государств. И это будет продолжаться до тех пор, пока полностью не победит коммунизм!

Ленин нам сказал:

— Вся восточная политика России останется диаметрально противоположной восточной политике империалистических держав. Наша позиция — бескорыстная дружба и невмешательство во внутреннюю жизнь вашей страны в противовес захватнической, грабительской политике империалистов.

Я сидел, слушал Ленина, стараясь глубоко запомнить каждое слово. В ходе беседы с Лениным произошел такой случай, который я точно запомнил. Наш посол Мемалек обратился к Ленину с прямым, далеко не дипломатическим вопросом:

— Как вы сами, господин Ленин, находите свое политическое положение, верите ли вы в его прочность?

С огромной убежденностью Ленин сразу же ответил:

— Господин посол, не беспокойтесь, мы сейчас тверже, чем когда-либо!

Эти слова Ленина произвели на всех нас большое впечатление: какое мужество нужно иметь, какая уверенность в правоте своего дела требовалась, какую гениальную способность предвидения событий нужно было проявить, чтобы так сказать в обстановке, когда все силы внутренней и мировой реакции объединились против молодой, истекающей кровью Советской России.

Я не знаю, как другие, но я лично после этой пятнадцатиминутной беседы вышел из кабинета Ленина убежденным в том, что Советская власть не может не победить хотя бы потому, что ее возглавляет такой гениальный и человеческий человек, как Ленин.

С тех пор прошло много лет, и Советский Союз превратился из отсталой страны в передовую державу мира. Это только потому, что Советское правительство следует заветам Ленина...

МОЯ ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ЛЕНИНЫМ

Моя первая встреча с Владимиром Ильичем состоялась в конце февраля 1921 года в Москве, куда я приехал по решению Центрального Комитета партии¹. Меня поместили в общежитии Коминтерна (бывшая гостиница «Люкс»), где обычно останавливались приезжавшие в Москву представители коммунистических партий. Уже на другой день после моего приезда секретарь Ленина позвонила мне по телефону и сказала, что Владимир Ильич хочет сегодня вечером видеть меня в своем кабинете в Кремле. В то время Ленин обычно приглашал к себе многих представителей разных коммунистических партий, чтобы познакомиться с ними лично и получить непосредственную информацию об их партиях и странах.

Вместе с одним русским товарищем точно в назначенное время я был уже в приемной Владимира Ильича, охваченный, понятно, чрезвычайным волнением и невыразимой радостью.

Не прошло и несколько минут, как Ленин открыл дверь кабинета и пригласил меня войти, радушно поздоровался со мной и, как обычно он умел это делать, смерил меня с головы до пят своим острым пронзительным взглядом. Когда я передал ему горячие поздравления от нашей партии и от трудящихся нашей страны, Ленин со своей обычной доброй улыбкой пожал мне руку и сказал: «Знаю, ваш народ хороший, храбрый народ». Завязалась беседа, очень важная для нашей партии, которая продолжалась больше часа. Только сейчас я в состоянии восстановить основную часть этой беседы не по памяти, которая, как известно, не всегда надежный источник, а на основании моих тогдашних кратких заметок, которые в последнее время нашлись в части моего личного архива, считавшейся бесследно исчезнувшей.

¹ Болгарской коммунистической партии. Т. Колева, болгарский историк, установила, что Г. Димитров с 24 по 28 февраля 1921 г. находился в Вене, а в Москву приехал в начале марта (см. Третий конгресс Коминтерна.— М., 1975, с. 133).— *Ред.*

Владимир Ильич забросал меня многочисленными вопросами о политическом положении у нас, о роли монархии и буржуазных партий, об иностранном влиянии в нашей стране, о количестве и роли иностранного капитала, о взаимоотношениях Болгарии с соседними балканскими государствами, о врангелевской армии, находившейся на болгарской территории, и др. Особенно большой интерес проявил он к нашей партии, к Земледельческому союзу¹, к настроениям среди рабочего класса и крестьянских масс и отношению к Советской социалистической республике.

Я постарался, насколько мог, ответить на все поставленные вопросы, а по некоторым более трудным вопросам я обещал, что наша партия даст необходимые дополнительные сведения. Ленин все время слушал внимательно и иногда делал кое-какие заметки...

В заключение В. И. Ленин сказал приблизительно следующее:

...Сосредоточьте свое главное внимание на укреплении коммунистической партии как авангарда рабочего класса и займитесь серьезнейшим образом организацией самого рабочего класса, тем более что он еще сравнительно слаб в количественном и качественном отношении (у вас почти нет еще потомственных рабочих). Одновременно создавайте союз рабочих и крестьян (прежде всего с крестьянской беднотой и середняками). Расширяйте влияние коммунистических идей в армии (главным образом среди солдатских масс).

Особенно важна подготовка опытных и преданных коммунистических кадров. Подготовка опытных, преданных и авторитетных руководителей партии — долгое и трудное дело. У нас подготовка звена партийных руководителей продолжалась 15 лет (1903—1917). Целых 15 лет борьбы с меньшевизмом, 15 лет жестоких преследований со стороны царизма, целых 15 лет, на которые приходится годы могучей революции 1905 года. И вопреки всему этому, у нас были печальные случаи, когда даже очень хорошие товарищи «теряли головы». Если вы, и вообще западноевропейские товарищи, воображаете, что застрахованы от подобных случаев, то это такое детство, с которым нужно вести беспощадную борьбу. Да. Подготовка партийных руководителей и кадров — дело очень трудное. И успех в этом деле возможен только в результате постоянной работы, борьбы и правильного коммунистического подбора кадров со стороны наших партий. Это сейчас самое важное и, я бы сказал, решающее и для вашей коммунистической партии. Итак, остерегайтесь увлечений, действуйте трезво, неутомимо готовьтесь для обеспечения победы революции и в вашей стране.

¹ Болгарский земледельческий народный союз. *Ред.*

Я поблагодарил его самым сердечным образом за эти ценные мудрые советы. Владимир Ильич проводил меня до приемной, пожал мою руку двумя руками и сказал на прощание: «Желаю вашей партии и вам лично самых лучших успехов. Мы не сомневаемся, что ваша партия и болгарский народ являются верными друзьями нашей Советской социалистической республики. Мы переживаем сейчас очень большие трудности и в связи с этим обсуждаем сейчас вопрос о введении продовольственного налога, но мы глубоко убеждены, что наша партия и Советская власть успешно справятся со всеми этими трудностями».

*Правда, 1966, 12 ноября, № 316,
с. 1*

МОИ ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

В период революционных боев за власть и послеоктябрьских дней 1917 года сообщение между Советской Россией и внешним капиталистическим миром было почти совершенно прервано. В начале 1921 года связь все еще была очень слаба. Как раз в это время я получил предписание отправиться в Москву, в Исполком Коминтерна, в качестве первого официального представителя английской компартии.

В то время для английского рабочего получить паспорт на выезд за границу было чрезвычайно трудным делом. Но раздобыв наконец после длительной волокиты паспорт, я наткнулся на другое серьезное препятствие: как получить визу для проезда через другие капиталистические страны? Трудности, которыми обставлялось получение виз, убедили меня в том, что между консульствами, видимо, существует сговор или соглашение относительно известных ограничений в выдаче виз для едущих в Страну Советов. В результате я решил попытаться проехать без бумаг и без всякого багажа. Так я и сделал и добрался в Москву в марте 1921 года, после путешествия, длившегося несколько недель.

Аппарат Коминтерна в то время занимал небольшой дом в Денежном переулке на Арбате. Аппарат этот был очень невелик. В перерывах между заседаниями его работники занимались изучением революционных событий, интернациональной пропагандой и, разумеется, посещением всяких партийных и советских собраний и заседаний.

На одном из таких партийных собраний я впервые увидел и услышал Ленина. Мне кажется, что это было собрание актива после X съезда партии, состоявшееся в Свердловском зале в Кремле в мае 1921 года, на котором Ленин высказался по поводу замены продрозверстки продналогом¹. Я немного опоздал, хотя и не по своей вине, но меня тотчас же подвели к вхо-

¹ По-видимому, автор имеет в виду X Всероссийскую конференцию РКП(б) (26—28 мая 1921 г.), на которой В. И. Ленин выступил с докладом о продовольственном налоге и заключительным словом по докладу (см. Полн. собр. соч., т. 43, с. 299—332). *Ред.*

ду на трибуну. Трибуна, как и весь зал, была переполнена до отказа. Стоявшие справа, слева на трибуне вытягивали шеи, чтобы не терять из виду оратора и не проронить ни слова. Этот оратор был Ленин. Все слушатели были так увлечены речью, что буквально столпились вокруг трибуны, а некоторые даже облокотились на нее.

Когда происходит такого рода собрание, то переводчик всегда оказывается в очень затруднительном положении. Внимание переводчика так поглощено всем происходящим, что он зачастую забывает свои прямые обязанности. Боюсь, что это случилось и на сей раз. Редко случалось мне бывать на политическом собрании, протекавшем в атмосфере такого товарищеского юмора. Как раз только что был введен нэп. Время было трудное. Еще накануне съезда в партии обнаружились уклоны. Точка зрения Ленина одержала полную победу на X съезде. Теперь главной задачей всей партии было приступить к делу, но предварительно надо было устранить сопротивление этой политике со стороны оппозиционеров. И вот Ленин в своей речи подверг такой сокрушительной большевистской критике политическую ошибочность и вредность утверждений оппозиции, что в зале неоднократно раздавались взрывы хохота по ее адресу.

Накануне III конгресса Коминтерна несколько заседаний расширенного пленума ИККИ состоялось в помещении против Дома союзов, на углу площади Свердлова. На этих заседаниях развернулась серьезная дискуссия по вопросу о положении в Италии, о мартовском восстании в Германии и о ряде проблем в связи с центризмом, представители которого тогда стучались в двери Коминтерна.

Следя за этими дискуссиями, я с величайшим интересом наблюдал, как в своих выступлениях Владимир Ильич умел гениально сочетать непримиримую принципиальность и твердость с удивительной гибкостью и тактом. Он умел протягивать по-товарищески руку и выправлять ошибки тех колеблющихся итальянцев, которые шли в то время за Сerratи¹, и одновременно сдерживать напор тех ультралевых (бордигианцев), которые пытались использовать оппортунистические ошибки Итальянской компартии для протаскивания в нее своих сектантских установок.

Всякий, кто знаком с жизнью и деятельностью Ленина, знает, как он любил беседовать с простыми рабочими и подробно расспрашивать их обо всем. Он неизменно пользовался этим способом для учета настроений масс, посещая в свое время рабочие кружки в Петербурге и руководя ими. После завоевания власти

¹ Сerratи Джачинто (1872—1926) — видный деятель итальянского рабочего движения, один из руководителей Итальянской социалистической партии. На II конгрессе Коминтерна возглавлял итальянскую делегацию. В 1924 г. вступил в ИКП, в которой активно работал до конца жизни. *Ред.*

пролетариатом для Ленина не было большего удовольствия, чем беседы с приезжающими из-за границы, которым он задавал вопросы и внимательно прислушивался ко всякой мелочи, говорящей об условиях труда и быта рабочих масс и об их настроениях. Это был один из каналов, связывавших жизнь и политику Ленина с жизнью и борьбой трудящихся масс. Это давало ему возможность лучше чувствовать все настроения рабочих и правильно формулировать тактику и лозунги партии, которые в конце концов привели к победе.

Ленин хорошо знал Англию и английское рабочее движение. В своем труде об империализме он дал глубокий анализ роли английской буржуазии в период паразитического загнивающего, умирающего капитализма¹. Неоднократно Ленин в своих статьях и речах возвращался к вопросу о стратегии и тактике английской буржуазии, подкупающей верхний слой рабочего класса — рабочую аристократию — и через него оказывающей влияние на широкие пролетарские массы.

Ленинские статьи никогда не носили — и не могли носить — характера формально-теоретической постановки вопроса; они всегда ориентировали революционных рабочих на политические задачи текущей революционной борьбы. Ленин любил во время своего пребывания в Лондоне бывать в рабочих кварталах, посещать социалистические митинги, изучая английское рабочее движение на практике.

И это свое обыкновение беседовать с рядовыми рабочими, прислушиваться к их словам Ленин сохранил на всю жизнь.

В 1921 году Ленин, выполняя громадную работу Председателя Совнаркома, вождя партии и революции, все-таки, когда приезжал рабочий — делегат братской партии из-за границы, всегда находил время для личной беседы с ним.

Будучи по профессии литейщиком, я с 1900 года активно участвовал в рабочем движении Шотландии в качестве пропагандиста, инструктора рабочих кружков, руководителя стачек, был активным профсоюзным работником и партработником, участвовал в основании английской компартии, встречался с большинством рабочих вождей, но в то же время оставался рабочим от станка. Привожу эти подробности потому, что в моей беседе с Лениным я имел возможность говорить не только о нашей партии, о рабочих вождях, о различных течениях в рабочем движении, но и об условиях труда и быта и о настроениях рабочих. Это и составляло главным образом содержание нашей беседы.

Такую дружескую беседу я имел с Лениным примерно 3 августа 1921 года. При этом присутствовали тов. Фриис, представитель Норвежской компартии, и Борис Рейнштейн.

¹ Автор имеет в виду работу В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (см. Полн. собр. соч., т. 27, с. 299—426). *Ред.*

Наша беседа происходила в кабинете Ленина, в одном из помещений бывшего Верховного суда в Кремле.

Поднявшись по узкой, невзрачной лестнице, мы пришли в комнату, где помещались стенографистки и машинистки. Затем было доложено о нашем приходе, и нас пригласили в кабинет Ленина без всяких бюрократических формальностей, без всякой проволочки, точно, минута в минуту, в назначенное время. Вся обстановка кабинета состояла из большого письменного стола, нескольких кожаных кресел и двух книжных полок у стены, причем одна стояла прямо за рабочим креслом Ленина, так что ему достаточно было повернуться, чтобы достать нужную книгу.

Ленин поднялся, приветствуя нас сердечным рукопожатием. Он помог придвинуть несколько кресел поближе к своему столу, пригласил нас расположиться поудобнее, и между нами началась настоящая товарищеская, дружеская беседа.

Прежде всего он справился о нашем здоровье, о том, где мы остановились, хорошее ли нам предоставлено помещение, хорошо ли нас кормят и т. д. Мы сообщили ему, что в этом отношении все обстоит хорошо.

Его очень заинтересовал вопрос, как я пробрался: легальным или нелегальным путем. Некоторые рассказанные мною инциденты и детали моего путешествия чрезвычайно позабавили его. После этого Ленин как бы извинился, что не мог со времени болезни уделять много внимания английскому движению. Придвинув свое кресло поближе, он, опираясь правым локтем на письменный стол и прикрыв правой рукой правый глаз, стал так внимательно меня слушать, будто боялся проронить хотя бы слово из рассказа нового товарища.

Разговор коснулся положения в Англии, в частности лейбористских вождей, их личности, их влияния среди рабочих. Говорили также о белогвардейцах и их контрреволюционной роли.

И хотя Ленин уверял, что не мог внимательно следить за событиями в Англии, но тут же поразил нас, достав с книжной полки несколько последних английских изданий, которые он, несомненно, уже прочел, например книгу Бертрана Рассела «Практика и теория большевизма» и книги Р. В. Постгейта «Революция» и «Большевистская теория».

Ленин стал расспрашивать о том, кто такой Постгейт, член ли он партии и т. д. (Постгейт тогда был членом нашей партии и заместителем редактора нашего центрального органа «Коммунист». Впоследствии, в 1923 году, он вышел из компартии и стал сотрудничать со своим тестем Джорджем Ленсбери в новом журнале «Ленсберис уикли»).

О книге Постгейта «Революция» Ленин сказал, что это просто сборник документов, которые сами по себе являются важными.

— Было бы лучше,— заметил он,— если бы автор дал нам фактические данные по соответствующим периодам, трактуя каждый период с точки зрения классовой борьбы и связывая все документы между собой.

Мы говорили о тред-юнионах и о лейбористской партии, об их относительной силе и влиянии в рабочем движении Англии, о нашей коммунистической партии, ее составе и влиянии среди рабочих. Ленин чрезвычайно интересовался движением горняков, особенно в Южном Уэльсе, и я обещал ему время от времени давать более подробную информацию.

Вернувшись к себе, я подробно записал все, что было затронуто в нашей беседе. Тов. Фриис попросил у меня эти заметки, чтобы написать в центральный орган Норвежской компартии, и с тех пор я так больше и не увидел моих записей.

Через несколько дней после этой беседы (7 августа) я послал Ленину письмо¹, исполняя свое обещание насчет информации. В этом письме я сообщал ему об очередном съезде федерации горняков Южного Уэльса и об их решении присоединиться к III Интернационалу и, кроме того, еще некоторые сведения, которые я получил от товарищей, приехавших на I конгресс Профинтерна.

В этой информации приводились интересные детали об устройстве общественных кухонь в Файфшире среди горняков, о распределении денежных фондов, о помощи местной кооперации стачечникам и о роли морской пехоты, посланной в угольные районы для подавления стачек. Я сообщал много подробностей о братании рабочих с матросами и выражал надежду, что Ленина это заинтересует.

И действительно, он настолько этим заинтересовался, что почти тотчас же дал мне письменный ответ. Я на это послал ему свои соображения и сообщил новые полученные мною сведения. Почти тотчас же после этого письма я уехал в Англию, и наша переписка прервалась. А когда я вернулся в 1922 году, Ленин был уже болен.

Вот полный текст письма, полученного мною:

«Дорогой товарищ!

Большое спасибо за Ваше письмо от 7 августа. Вследствие болезни и перегруженности работой я в последние месяцы ничего не читал об английском движении.

Ваше сообщение чрезвычайно интересно. Может быть, это начало настоящего массового пролетарского движения в Великобритании в коммунистическом смысле. Боюсь, что до сих пор в Англии имелись лишь несколько слабых обществ пропаганды коммунизма (считая в том числе и Английскую компартию), но нет действительно массового коммунистического движения.

¹ См. Письма В. И. Ленину из-за рубежа. Изд. 2-е, доп.— М., 1969, с. 191—194. *Ред.*

Если федерация горняков Южного Уэльса решила 24 июля большинством 120 голосов против 63 примкнуть к III Интернационалу, то возможно, что это — начало новой эры. (Сколько горняков в Англии? Больше 500 000? Сколько в Южном Уэльсе? 25 000? Сколько горняков было действительно представлено в Кардиффе 24 июля 1921 г.?)

Если эти горняки представляют не слишком уже незначительное меньшинство, если они братаются с солдатами и начинают *действительную* «классовую войну», — мы должны сделать все возможное для *развития* и укрепления этого движения.

Экономические мероприятия (вроде общественных кухонь) хороши, но они не особенно важны *теперь*, до победы пролетарской революции в Англии. *Теперь* важнее всего *политическая* борьба.

Английские капиталисты хитры, умны, коварны. Они *поддержат* (прямо или косвенно) общественные кухни для того, чтобы отвлечь внимание от *политических* целей.

Важно (если я не ошибаюсь) следующее:

1) Создать в этой части Англии очень хорошую, настоящую пролетарскую, настоящую массовую *компартию*, т. е. такую партию, которая в *действительности* была бы *руководящей* силой во *всем* рабочем движении этой части Англии (применить в этой части вашей страны принятую III конгрессом резолюцию об организации и работе партии).

2) Начать издавать ежедневную рабочую газету для рабочего класса этой части Англии.

Начать это дело не как коммерческое предприятие (как обыкновенно бывает в газетном деле в капиталистических странах), не с большим капиталом, не обычным общепринятым манером, а как *экономическое и политическое* орудие *масс* в их борьбе.

Или горняки этого района способны платить *полпенса* в день (вначале, если хотите, *раз в неделю*) за свою *собственную* ежедневную (или еженедельную) газету, — пусть она даже будет очень и очень мала — это не существенно, — или же *подлинное массовое коммунистическое движение* не началось в этой части Англии.

Если компартия в этом районе не в состоянии собрать несколько фунтов для издания ежедневно *маленьких листков*, из которых могла бы развиться настоящая *пролетарская* коммунистическая газета, — если дело обстоит так и не *каждый* горняк заплатит за этот листок свой пенс, то значит там нет *серьезного*, подлинного присоединения к III Интернационалу.

Английское правительство пустит в ход самые хитроумные средства, чтобы задушить всякое начинание этого рода. Поэтому мы должны быть (вначале) очень осторожны. Газета не должна быть вначале *слишком революционной*. Если вы хотите иметь

трех редакторов, то по меньшей мере один из них должен быть *не коммунистом*. По меньшей мере двое должны быть настоящими рабочими. Если $\frac{9}{10}$ рабочих не будут покупать газеты и $\frac{2}{3} \left(\frac{120}{120 + 63} \right)$ не будут вносить специальных взносов (например, один пенс в *неделю*) для *своей* газеты, то эта газета не будет рабочей газетой.

Я был бы очень рад, если бы вы мне черкнули по этому вопросу пару строк, и прошу извинения за мой плохой английский язык.

С коммунистическим приветом

Ленин ¹.

И действительно, влияние компартии было чрезвычайно слабо тогда в Южном Уэльсе. Среди горняков существовало левое движение. Многие рабочие, состоявшие в тред-юнионах, относились к русской революции с величайшим пролетарским сочувствием, но не были еще коммунистически настроены. Ленин это понимал. Вот почему он предложил начать с элементарного, но крайне важного для всей работы компартии — с выпуска небольшой газеты при поддержке тех, которые стоят за III Интернационал. Невыполнение этого указания Ленина объясняется прежде всего тем, что голосование на конференции не было результатом укоренившегося коммунистического влияния, а также слабостью компартии и ее неспособностью понять все политическое значение такого начинания. И действительно, лишь 9 лет спустя, в 1930 году, английская компартия оказалась в состоянии издавать свою *ежедневную* газету ².

Что же касается организационных тезисов III конгресса Коминтерна ³, то только с осени 1922 года было положено начало применению этих тезисов. Работа эта все еще требует своего завершения.

Недавно вышедший сборник ленинских работ об Англии ⁴ — крупнейший вклад в английское рабочее движение. Ленин оставил нам богатейшее наследство в области экономических и политических наук и революционной литературы.

Английские рабочие, в особенности коммунисты, должны изучать теперь эти труды — и это принесет величайшую пользу революционному движению...

Коммунистический Интернационал, 1935, № 3, с. 51—54

¹ Ленин В. И. Полп. собр. соч., т. 44, с. 85—87. *Ред.*

² Газета выходила под названием «The Daily worker». *Ред.*

³ Автор имеет в виду тезисы «Организационное строительство коммунистических партий, методы и содержание их работы» (см. Коммунистический Интернационал в документах, с. 201—225). *Ред.*

⁴ Lenin on Britain.— London, Martin Lawrence, January 1934. XVI, 316 p. *Ред.*

РОССИЯ ПОШЛА
ПО ПУТИ ПРОГРЕССА ¹

В то время когда в Москве организовывалось афганское посольство, по всей Советской стране бушевало пламя революции...

С одной стороны, польские войска подошли к городу Смоленску, с другой — генерал Деникин, Врангель, Махно, Петлюра и атаман Семенов вели боевые действия против Красной Армии, и страна находилась в тяжелом положении. Но в результате стойкости и благоразумных действий великого вождя Советского государства Ленина, несмотря на голод и холод, отсутствие необходимых средств и напряженность общего положения, борьба закончилась успешно. Жизнь страны вошла в нормальное русло. Россия пошла по пути прогресса.

Поскольку я имел письмо от афганского правительства на имя г-на Ленина, я был принят им в Кремле весной 1921 года. Встреча с г-ном Лениным оставила в моей памяти замечательные воспоминания. Я очень хорошо помню, что Ленин тогда высказался о необходимости улучшения положения народов Востока. Он говорил, что нужно оказывать помощь и поддержку угнетенным народам Востока. Высказывания г-на Ленина ясно свидетельствовали о его желании, чтобы народы Востока освободились от колониального ига и обрели независимость. Часть нашей беседы касалась вопросов укрепления недавно установившихся отношений между Афганистаном и Советским Союзом.

Словом, мысли г-на Ленина в отношении народов Востока были благородными. И хотя с того времени прошли долгие годы, яркие впечатления от встречи с г-ном Лениным живы в моей памяти...

Международная жизнь. 1957,
№ 11, с. 74—75

¹ Воспоминания написаны в ответ на просьбу редакций журналов «Международная жизнь» и «Современный Восток». *Ред.*

КАК ЛЕНИН В КОМИНТЕРНЕ
ЛЕЧИЛ
ДЕТСКУЮ БОЛЕЗНЬ «ЛЕВИЗНЫ»

Создание Коммунистического Интернационала завершилось в самом разгаре того бурного революционного волнения, которое вслед за Великой Октябрьской социалистической революцией распространилось в Европе и привело в ряде стран даже к временному захвату власти рабочими (в Финляндии, Венгрии, Баварии, Литве, Латвии).

В рядах только что созданных коммунистических партий бил ключом революционный энтузиазм. Во многих странах большинство членов и руководителей молодых компартий были до этого левыми социал-демократами. Многие из нас уже годами изучали Маркса и Энгельса и считали себя марксистами. Но это был, по сути дела, книжный, неживой марксизм. Теперь же под влиянием великой победы русского пролетариата и революционного кризиса в своих странах мы, вчерашние левые социал-демократы, пережили в себе глубокий (конечно, кто более, кто менее глубокий) идеологический переворот: мы стали целеустремленными революционерами, борющимися под знаменем диктатуры пролетариата. Это был решающий шаг в нашем переходе в лагерь коммунизма.

Однако это еще не означало, что мы уже дошли до настоящей позиции *ленинизма*. Далеко нет. В первые годы Коминтерна кроме недостаточного понимания крестьянского вопроса и ленинского учения о партии многие из нас проявляли явную тенденцию к преувеличиванию революционности и неспособность на основе трезвой оценки объективных возможностей правильно определить необходимые задачи и методы работы партии.

Такая политическая тенденция рассматривалась Лениным как болезнь «левизны».

Владимир Ильич своим пронизательным взором удивительно ясно видел опасность революционного увлечения.

«Для настоящего революционера,— писал он,— самой большой опасностью,— может быть, даже единственной опасностью,— является преувеличение революционности, забвение гра-

ней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому».

Говоря здесь об умении перейти к «реформистскому» действию, Ленин, разумеется, имел в виду не отказ от принципиальной позиции марксизма, а умение применять, когда обстоятельства требуют, необходимые реформы или другие действия, которые носят не революционный характер. Заключение, которое Владимир Ильич сделал из предыдущего, было столь же важно и категорично:

«Настоящие революционеры погибнут (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае,— но погибнут наверняка в том случае,— если потеряют трезвость и вздумают, будто «великая, победоносная, мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному»¹.

В 1920 году вышла гениальная книга Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»². Это было для нас откровением. Если два года раньше ленинский труд «Государство и революция»³ служил для нас путеводителем при проникновении в революционное ядро марксизма, то теперь изучение «Детской болезни» раскрыло ленинскую тактическую мудрость, раскрыло то искусство реальной политики, которое обеспечивает успех в борьбе коммунистической партии.

По этому труду Ленина могли и русские товарищи учиться правильно понимать проблемы тактики международного коммунистического движения. Но исключительно важна и необходима эта ленинская учеба была и есть для всех иностранных коммунистов.

Ко времени III конгресса Коммунистического Интернационала (летом 1921 г.) многие делегаты конгресса оказались в этом отношении еще на уровне малоуспевающих. Сам Ленин говорил, что на этом конгрессе «весьма многочисленная (и «влиятельная») группа делегатов, со многими немецкими, венгерскими и итальянскими товарищами во главе, занимала неумеренно «левую» и неправильно левую позицию, слишком

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 223. *Ред.*

² См. там же, т. 41, с. 1—104. *Ред.*

³ См. там же, т. 33, с. 1—120. *Ред.*

часто заменяя трезвый учет не очень благоприятной для немедленного и непосредственного революционного действия обстановки усиленным маханьем красными флажками»¹.

Замечательно меткие эти слова Ленина: «заменяя трезвый учет... обстановки усиленным маханьем красными флажками». Вот именно это так характерно для левацких фразеров среди коммунистов! Так было и так есть.

В чем было дело на III конгрессе Коминтерна? В тезисах о тактике конгресс должен был определить основную линию Коммунистического Интернационала. Проект тезисов был разработан русской делегацией по указаниям Ленина, а затем все стороны обсуждался с различными делегациями конгресса, после чего этот проект уже считали в основном согласованным компромиссом. Однако до окончательного принятия тезисов на конгрессе представители трех делегаций — немецкой, итальянской и австрийской — опубликовали в печати целый ряд поправок, направленных на изменение политической линии тезисов в сторону левизны. Наиболее существенные из этих поправок касались двух вопросов.

Первый вопрос. Тезисы ставили как важнейшую задачу момента завоевание компартиями капиталистических стран влияния на *большинство* рабочего класса. Это не понравилось тем, кто хотел быть левее Ленина. Они требовали снятия слова «большинство», так как падеялись на более легкий путь социалистической революции (с помощью меньшинства рабочего класса).

От имени этих левых на пленарном заседании конгресса выступил итальянский товарищ Террачини. Он говорил, что, по их мнению, например, такая компартия, как германская, имеет перед собой не только задачу увеличить свое влияние на широкие массы, но и «более важную задачу — быть во главе этих масс во время будущих битв германского пролетариата». «Мы... наблюдали и слышали, — говорил представитель левых, — что русская революция... победила в момент, когда русская коммунистическая партия представляла собой... меньшинство...»²

Владимир Ильич взял слово и резко возражал против такой постановки вопроса. Он говорил: «Тот, кто не понимает, что в Европе, — где почти все пролетарии организованы, — мы должны завоевать большинство рабочего класса, тот потерял для коммунистического движения...» Теперь, когда выполнена задача создания коммунистических партий в разных странах, указывал Ленин, их очередная задача состоит в том, чтобы «научиться готовить революцию». «Без основательной подготовки вы ни в одной стране не добьетесь победы». «Но надо

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 419. *Ред.*

² Третий Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала: Стенографический отчет. — Пг., 1922, с. 239, 238. *Ред.*

знать, какими методами привлекать на свою сторону массы», и Ленин приводил пример обращения ЦК немецкой компартии к социал-демократическим партиям и профсоюзам Германии с призывом к борьбе единым фронтом за актуальные конкретные требования. Ленин считал это «Открытое письмо» немецких товарищей образцовым политическим шагом, как «первый акт практического метода привлечения большинства рабочего класса».

Относительно России Ленин сказал: «Мы были в России маленькой партией, но с нами было, помимо того, и большинство Советов рабочих и крестьянских депутатов всей страны... Где это у вас? С нами была почти что половина армии, в которой тогда числилось, по меньшей мере, 10 миллионов человек. Разве за вами большинство армии? Укажите мне такую страну!»¹

Второй вопрос. От имени трех делегаций² было внесено предложение исключить из тезисов все то, что слишком резко направлено против тенденций, проводимых «нетерпеливыми и политически неопытными революционными элементами». Внутри коммунистических партий следовало, мол, «не столько бороться против левых тенденций, сколько начать решительную борьбу против правых», против центристских и полуцентристских элементов. И представители левых призывали Исполком Коминтерна строго следить за партийными руководителями, которые «под давлением масс» присоединились к Коминтерну, и «всеми силами стараться предотвратить появление нового Серрати или нового Леви» (Серрати — итальянский оппортунист, Леви — немецкий)³.

Владимир Ильич в своем ответе напомнил, что лозунгом I и II конгрессов Коминтерна было «Долой центристов!». II конгресс даже принял жесткие правила приема в Коммунистический Интернационал, чтобы закрыть двери организациям, руководимым центристскими оппортунистами. И только путем решительной борьбы против центристских лидеров были отвоеваны революционно настроенные части Независимой социал-демократической партии Германии, Социалистической партии Франции и некоторых других социалистических партий на сторону принятия условий Коминтерна и создания коммунистических партий в этих странах.

Поэтому Ленин и говорил: «Мы не только осудили наши правые элементы, — мы их изгнали». Террачини же «твердит по-прежнему, что задача... заключается в том, чтобы гнать, пресле-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 25—26, 30, 32, 25, 26. *Ред.*

² Автор говорит о германской, австрийской и итальянской делегациях на конгрессе. *Ред.*

³ См. Третий Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, с. 237 (речь У. Террачини). *Ред.*

довать и разоблачать центристов и полуцентристов» («которых мы в России называем меньшевиками»). «Но если,— продолжал Ленин,— из борьбы против правых устраивают спорт... то мы должны сказать: «Довольно! Иначе опасность станет слишком серьезной!» «Нам, русским, эти левые фразы уже до тошноты надоели». «Если конгресс не будет вести решительного наступления против таких ошибок, против таких «левых» глупостей, то все движение осуждено на гибель»¹.

Конгресс стал на сторону Ленина. Насколько я помню, даже инициаторы левых поправок не решились голосовать за свои неправильные предложения.

Во время III конгресса Владимир Ильич выступил еще на совещании членов немецкой, польской, чехословадской, венгерской и итальянской делегаций. В этом выступлении он давал иностранным товарищам исключительно интересные и мудрые советы. Он говорил:

«Теперь вы все вернетесь домой и скажете рабочим, что мы стали благоразумнее, чем были перед III конгрессом. Вы не должны смущаться, вы скажете, что мы допустили ошибки и хотим теперь действовать осторожнее; тем самым мы привлечем на свою сторону массы от социал-демократической и независимой социал-демократической партий, массы, которые объективно всем ходом вещей подталкиваются к нам, но которые боятся нас»².

Ленин на ярких примерах из практики большевистской партии показал, как и в каких условиях нужно действовать осторожнее. Ленин говорил, что наша единственная стратегия теперь — это стать сильнее, а потому умнее, благоразумнее, и это мы должны сказать массам. Но после того как мы завоюем массы благодаря нашему благоразумию, мы затем применим тактику наступления и именно в самом строгом смысле слова.

Это было сказано в условиях 1921 года, когда в капиталистической Европе, особенно в Германии, имелось так много горючего материала, что и Ленин считал возможность наступления революционных сил в этих странах не отдаленной перспективой.

Те делегации, которые на III конгрессе Коминтерна выдвинули неправильные левые поправки, не принадлежали к ультралевым фракционерам³. Нет, члены этих делегаций, если не считать некоторых исключений, были настоящие революционеры и принадлежали, по сути дела, к лучшим частям Комму-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 27, 30, 27, 23. *Ред.*

² Там же, с. 57. *Ред.*

³ Ультралевые были беспринципные мелкобуржуазные крикуны, которые в ряде стран совместно с троцкистами распространяли злостную антипартийную и антисоветскую клевету, пытались подорвать единство международного коммунистического движения. *О. К.*

нистического Интернационала. Они только неправильно поняли предстоящую главную задачу своих партий. Они только из революционного усердия и по неопытности допустили левые ошибки. Но ленинская критика подействовала на них, и вскоре большинство из них перешло на правильную линию ленинской политики. Тов. Террачини, став на ленинские позиции, и по сей день как один из руководящих деятелей Итальянской коммунистической партии активно борется в рядах международного коммунистического движения.

После III конгресса Владимир Ильич в своем знаменитом письме немецкой компартии писал об этих коммунистах, что они «*чутьочку преувеличили «борьбу с центризмом», чутьочку перешли ту грань, за которой эта борьба превращается в спорт, за которой начинается компрометация (подчеркнуто мною.— К.) революционного марксизма.*

В этом был «гвоздь» III конгресса,— заявил Ленин и добавил:

Преувеличение было небольшое. Но опасность его была громадная»¹.

Угрожала внутри компартий необоснованная «поголя за правыми», то есть за руководителями, которые только в глазах нетерпеливых леваков могли казаться центристами или полуцентристами. Ленин указал как пример на статью Радека, опубликованную в центральном органе германской компартии, где без основания обвинялась в оппортунизме такая почтенная революционерка, как *Клара Цеткин*, которая десятилетиями боролась против оппортунистических лидеров германской социал-демократии. Поэтому Ленин в своем письме подчеркивал, как особенно важное для дальнейшей работы, требование:

«Довольно внутрипартийной борьбы! Долой всякого, кто пожелает еще прямо или косвенно затягивать ее».

В этом же письме Владимир Ильич сделал и следующее интересное и поучительное заключение:

«Вести победоносную борьбу с центризмом мы, в интернациональном масштабе, научились за период с II до III конгресса. Это доказано делом. Эту борьбу мы продолжим (исключение Леви и партии Серрати) до конца.

Но вести борьбу против неправильных преувеличений в борьбе с центризмом мы *еще не* научились в интернациональном масштабе. Но мы этот свой недостаток поняли, как доказал ход и исход III конгресса. И именно потому, что мы свой недостаток сознали, *мы от него избавимся.*

А тогда мы будем непобедимы...»² — добавил Ильич.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 96—97. *Ред.*

² Там же, с. 99, 97—98. *Ред.*

В. И. ЛЕНИН НА III КОНГРЕССЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Несмотря на то что В. И. Ленин был всецело поглощен государственными делами, великий вождь мировой революции внимательно следил за тем, что происходило в Интернационале. Он нашел однажды время заглянуть и в зал заседаний Исполкома. И этого оказалось достаточно, чтобы внести ясность в дискуссию, чтобы разбить в пух и прах намерения «левых». Это случилось 17 июня 1921 года. Тогда как раз говорил Бела Кун. Конечно, это не было случайным совпадением. Кун был самым откровенным сторонником «теории наступления», и Ленин решил прослушать именно его.

Кун сравнял с землей Французскую коммунистическую партию. Выяснилось, что «революционная ярость» Бела Куна была вызвана статьей в «Юманите» под заголовком «Хладнокровие и дисциплина»¹. Статья была написана по поводу отправки войск для оккупации Рейнской области. В этой статье Французская коммунистическая партия протестовала против отправки войск и ввиду серьезности момента рекомендовала «хладнокровие и дисциплину», а Кун считал такое поведение «оппортунистическим» и требовал от французской партии «революционных действий».

Именно в этот момент в зал вошел Ленин и услышал, как Кун требовал от французов во что бы то ни стало «действовать революционно». Он услышал, как Кун издевался над «хладнокровием и дисциплиной», о которых писал орган Французской коммунистической партии.

Неожиданное появление Ленина присутствующие делегаты встретили бурными аплодисментами. Большая часть делегатов видела его впервые. В зале наступило оживление. Лица прояснились. Делегаты расступились и дали дорогу Ленину.

¹ «Sang-froid et discipline».— L'Humanité, 1921, 5 mai, № 6250. *Ред.*

Присутствующие заметили, что появление Ленина смутило Куна, он потерял самоуверенность, смешался и скоро закончил свою речь. Сейчас же слово было дано Ленину.

Ленин произнес недлинную, но ярко полемическую речь, в которой по-товарищески разделался с «левыми» и в первую очередь с Бела Куном.

— Я пришел сюда,— начал Ленин свою речь,— чтобы выступить против взглядов Куна, потому что определенно знаю, что, как только Кун откроет рот, он непременно будет защищать «левых». Кун думает, что коммунизм — это защита «левых», что существуют только оппортунистические ошибки. Нет, существуют и «левые» ошибки. Если Коммунистический Интернационал послушается советов Куна и его друзей по французскому вопросу, то коммунистическое движение во Франции может быть на долгие годы просто уничтожено. Французскую партию следует критиковать, но критика должна касаться определенных неверных, оппортунистических действий партии; не следует, однако, нападать на партию без разбору, раскалывать ее, не следует предлагать другие — «левые» глупости в противовес оппортунистическим действиям.

Наблюдая великолепную работу коммунистической партии, видя созданные ею ячейки и фракции в профсоюзах и других организациях, я говорю: «Победа революции во Франции обеспечена, если «левые» не наделают глупостей». Когда же, как Кун, говорят, что «хладнокровие и дисциплина» не нужны, то это глупость со стороны «левых».

Может быть, поведение французской партии во время оккупации Рейнской области не вполне коммунистическое — я готов поверить этому. Однако укорять партию за то, что она призывала к «хладнокровию и дисциплине», а не призывала солдат к «революционным действиям», что она не саботировала оккупации Люксембурга и т. д., — такая глупость может сегодня погубить коммунистическое движение во Франции.

Когда массы все больше приближаются к нам, необходимо прежде всего завоевать профессиональные союзы. В большей части профессиональных союзов проводится великолепная подготовительная работа. Если мы завоюем профсоюзы, то это будет нашей величайшей победой. И только после этого мы начнем революцию, не с помощью армии девятнадцатилетних и другими подобными глупостями, специалистом по которым является Бела Кун, а путем борьбы против оппортунизма и «левых» глупостей.

Блестящую и страстную речь Ленина, которую все в переполненном зале выслушали затаив дыхание, встретили бурными аплодисментами и возгласами «Да здравствует Ленин — вождь мировой революции!».

Речь Ленина внесла полную ясность в головы делегатов.

Они почувствовали, что говорит великий вожьд мировой революции, твердо уверенный в ее победе и крепко держащий в своих руках руль Коммунистического Интернационала. «Левадкие» тезисы были взяты обратно, а вместо них выработаны другие, в ленинском духе, и внесены в виде проекта на конгрессе.

22 июня 1921 года в 7 часов вечера в огромном зрительном зале Большого театра открылся конгресс Коминтерна.

Первое появление Ленина в зале Кремлевского дворца, где позднее заседал конгресс, было незабываемым событием. Я сидел в президиуме и мог наблюдать впечатление, произведенное им на массы делегатов, прибывших со всех концов света не только чтобы принять участие в работе конгресса, но и чтобы увидеть своими глазами эту чудесную страну, где пролетарская революция в жестокой и бесстрашной борьбе победила объединенные силы внутренней контрреволюции и империалистической интервенции и теперь, изолированная от капиталистического мира, при неслыханно тяжелых условиях делает первые шаги к построению социалистического общества; видеть великих революционных вождей, видеть и услышать самого Ленина, воплощающего гений, силу и величие русского пролетариата и мировой революции.

Ленин вошел в зал заседаний через главные двери и быстрыми, мелкими шагами, глядя перед собой, как будто хотел остаться незамеченным, направился к президиуму. Но как мог он остаться незамеченным! Все делегаты с нетерпением ожидали его прибытия на конгресс. Они вскочили со своих мест, как будто пронизанные электрическим током. Многие влезли на стулья. По всему залу забушевала долго не стихавшая буря аплодисментов и восторженных возгласов, перешедших постепенно в не совсем стройное, но мощное и величественное пение «Интернационала» одновременно на всех языках мира!

Улыбаясь, Ленин поздоровался с товарищами из президиума, а также пожал руки итальянским социалистам Лаццари¹, Маффи² и другим, приехавшим защищаться и требовать, чтобы их партия осталась в Коминтерне. Он слушал с большим вниманием дискуссию по итальянскому вопросу. Во время перерыва он присел на одну из ступенек за трибуной и, склонившись над листком бумаги, сосредоточенно готовил свою речь. Один

¹ Лаццари Константино (1857—1927) — видный деятель рабочего движения Италии, один из основателей Итальянской социалистической партии. После Октябрьской революции выступал в поддержку Советской России. *Ред.*

² Маффи Фабрицио (1868—1955) — видный деятель итальянского рабочего движения, профессор медицины. С 1888 г. — член Социалистической партии Италии. В 1922 г. вступил в Итальянскую коммунистическую партию, с 1924 г. — член ЦК ИКП. *Ред.*

вездесущий фотограф незаметно его подстерег в его уединении и в замечательном снимке увековечил для грядущих поколений.

В большинстве секций Коминтерна, сложившихся в обстановке массового возмущения рабочих после войны и в борьбе против предательства социал-патриотов, существовало упрощенное представление о революционном процессе. Коммунисты шли в бой без серьезной подготовки и не всегда сообразуясь с конкретными условиями борьбы; они часто поддавались провокациям буржуазии и маневрам социал-демократических вождей. Под страхом тягчайших поражений нужно было изменить это положение.

И Ленин уверенно повернул руль.

В своем докладе 5 июля 1921 года он сказал равным образом в бой коммунистическим партиям, «что революционное движение, правда, подвинулось вперед, но что развитие международной революции в этом году не пошло так прямолинейно, как мы этого ожидали». «...*Сейчас необходима основательная подготовка революции и глубокое изучение конкретного ее развития в передовых капиталистических странах*»¹.

Ленин подчеркивал главным образом и в первую очередь необходимость *подготовительной работы коммунистических партий, рассчитывал на мудрость коммунистов*. «Если делегаты спросят меня, каковы перспективы революции, что должен я им ответить?» — спросил он в тесном кругу президиума конгресса. И сам себе ответил, немного прищурив глаза: «Я им отвечу: если коммунисты ведут себя умно, перспективы хорошие, если же делают глупости, перспективы плохие».

Ход событий последующих лет полностью подтвердил ленинский прогноз. Недостаточная подготовка коммунистических партий была причиной серьезных поражений.

В чем же Ленин видел главное условие победы революции?

Главное условие — *завоевание большинства пролетариата*. Поставив в центре внимания коммунистических партий работу по завоеванию большинства рабочего класса и всех трудящихся, указав в первую очередь на работу коммунистов в профессиональных союзах, подчеркнув необходимость удвоить усилия для отрыва рабочих от влияния социал-демократии, превратившейся в опору международной буржуазии, Ленин решительно разделался со всеми «левацкими глупостями» куновцев, гемпелевцев² и др., а также подверг уничтожающей критике «левацкие» поправки германской, австрийской, итальянской делегаций к русскому проекту тезисов о тактике.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 36, 37 (курсив В. Коларова). *Ред.*

² Гемпель (Аппель И.) — один из представителей Коммунистической рабочей партии Германии на III конгрессе Коминтерна. *Ред.*

Эти поправки представляли последнюю организованную попытку «левых» провести свою точку зрения.

Наконец в ответ на «левацкие» попытки повернуть Коминтерн назад, к пройденному уже этапу расправы с центристами в качестве главной задачи, Ленин дал ясную и точную характеристику этапов развития Коминтерна и сделал ударение на борьбе против «левой» опасности, серьезно мешавшей выполнению *новых* задач коммунистических партий.

Речи Ленина рассеяли весь туман пустых фраз, пущенный «левыми», уничтожили все сомнения и колебания делегатов и сплотили весь конгресс вокруг Ленина, на почве линии Ленина. Стратегия «левых» потерпела крах. Через единодушно принятые тезисы о тактике, об организации, как и другие решения конгресса, красной нитью проходит ленинская установка: *борьба коммунистов за массы, за завоевание большинства рабочего класса и трудящихся как первое и главное условие победы революции.*

* *
*

Заседая вместе с В. И. Лениным в комиссии, рассматривавшей тезисы о тактике, мне удалось видеть, с какой серьезностью, глубиной и знанием конкретных условий он рассматривал тактические проблемы. Он не признавал никаких догм и был врагом пустых фраз. Он вслушивался в каждое обоснованное мнение и принимал каждое разумное предложение. Он согласился и с одним моим предложением о революционном характере¹.

Тезисы об *организации* коммунистических партий² были безукоризненны. Они предусматривали создание образцовых коммунистических партий. Я не имею никаких возражений против них, сказал Ленин, но беда в том, что они неприменимы для коммунистических партий в капиталистических странах, которым необходима простая и легко осуществимая организация. Он был против всякого рода схематизма в организационных вопросах и настаивал на том, чтобы исходить исключительно из действительных нужд партий и учитывать то, что они в состоянии осуществить.

Тезисы были переработаны согласно указаниям Ленина.

Все решения конгресса были приняты с полным единодушием, и он закончил свою работу с большим энтузиазмом.

¹ В тезисах «О тактике», принятых III конгрессом Коминтерна (раздел IV. Положение в Коммунистическом Интернационале), говорится о значении «чисто революционного характера коммунистической партии» для успешной борьбы французского пролетариата (см. Коммунистический Интернационал в документах, с. 187). *Ред.*

² См. там же, с. 201—225. *Ред.*

Центром дебатов на нем были тактические вопросы. И это понятно: ведь конгресс был созван в переходный период, когда темп мировой революции замедлялся и трудности на ее пути возрастали. Условия в капиталистических странах обязывали коммунистические партии к большей осмотрительности и осторожности и к самой серьезной подготовке классовых битв. Главный лозунг, выдвинутый на III конгрессе, гласил: «В массы! На работу за завоевание масс!»

*Вопросы истории КПСС, 1960,
№ 2, с. 189—191*

НА III КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА¹

Во время III конгресса Коммунистического Интернационала, в один из первых дней июля 1921 года, во всяком случае уже после большой своей речи, произнесенной им на конгрессе 1 июля², Ленин разговаривал с одним из руководителей Мартовского восстания в Средней Германии и авторов «теории наступления»³. Гораздо более мягко, чем в своей речи на конгрессе, но ничуть не менее определенно и решительно он во время этого разговора старался преодолеть сопротивление против правильной, единственно правильной, большевистской тактики, победы которой на III конгрессе даже Ленину удалось добиться лишь ценой больших усилий. С большой определенностью Ленин говорил о том, насколько необходим тщательный анализ положения, основательная оценка соотношения классовых сил и хорошая техническая подготовка к вооруженному восстанию. В особенности он подчеркивал, что нельзя поддаваться на провокацию классового врага и нельзя приносить авангард пролетариата в жертву в борьбе, которую классовый враг стремится спровоцировать в благоприятный для него момент.

— Воспитать хорошего коммуниста в борьбе, пропагандой, — говорил Ленин, — это не маленькое дело. А тем более воспитать целый авангард. Заменить авангард трудно. Поэтому необходимо беречь его и без причины нельзя рисковать им.

Защитник «теории наступления», принужденный к обороне, старался уклониться от тяжелых ударов ленинского «молота» тем, что перевел разговор с «левых» уклонов на вопрос об опасности центристских уклонов.

¹ Это воспоминание — введение автора к его статье «Коминтерн в борьбе с уклонами». *Ред.*

² Имеется в виду речь В. И. Ленина в защиту тактики Коммунистического Интернационала (см. Полн. собр. соч., т. 44, с. 23—33). *Ред.*

³ По-видимому, имеется в виду А. Тальгеймер (1884—1948). *Ред.*

Ленин вновь повторил то, что он уже в политической комиссии конгресса, на пленуме его и также в письме к германским коммунистам сказал об ошибке, которую совершило «левое крыло» III конгресса, превращая борьбу с центризмом в спорт, в охоту¹. Бросив взгляд назад, на момент основания Коминтерна и также на внутреннюю борьбу, происходившую с тех пор в пределах его, он начал говорить тихо, обдуманно, особо подчеркивая каждое слово. Видно было, что ни мысль, ни высказанная им метафора для него не новы, но все же формулировку они, должно быть, получили в этот момент.

— Когда мы основали Коминтерн, — говорил Ленин, — Коммунистический Интернационал, РКП, победоносная революция, пролетарская диктатура и в особенности идея Советов играли в международном рабочем движении роль магнита. Идея Советов притянула к себе все, что в международном рабочем движении было революционного или мнящего себя революционным.

— Даже те, кто не был революционером, а только выставлял себя таковым, — ответил собеседник, — делали вид, что тянутся к идее Советов.

— Совершенно верно, — ответил Ленин, — и именно поэтому мы выработали 21 условие², учитывая именно и ваши ошибки, ваш опыт. Ведь, неправда ли, — склонился Ленин близко к собеседнику, — разве все то, что льнет к магниту, такая же магнитная сталь?

Нет, — продолжал он возбужденно, — чаще всего и больше всего это, а может быть, даже все, что притягивается к магниту, не чистая сталь, а полно шлама. Необходим больше чем один процесс очистки, пока получится чистая сталь. Да, нужна длительная очистка. Многие, может быть, никогда не очистятся. 21 условие для того и существует, чтобы мы освободились от центристского и анархического шлама.

Наша партия тоже не сразу стала сталью, как бы вы ее теперь ни хвалили. Необходимы были три революции, чтобы она закалилась, и все еще в ней много шлама. Необходимо испытать все, необходимо исчерпать все возможности, чтобы очистить от шлама все, что льнуло к магниту Коммунистического Интернационала. Вы, может быть, правы в вашем суждении о Леви, я вам верю, что вы лучшие революционеры, чем Леви, я уверен, что вы скорей сделаете революцию, чем Леви. Но по целому

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 27, 96—98. *Ред.*

² «Условия» приема в Коммунистический Интернационал, принятые II конгрессом Коминтерна, сыграли важную роль в упорочении коммунистических партий на основе революционной программы, в ограждении Коминтерна от пропихивания в него оппортунистических и центристских партий и групп (см. Коммунистический Интернационал в документах, с. 100—104). *Ред.*

ряду вопросов он прав в том, что он пишет о ваших ошибках. Исключением Леви работа по очищению от шлака отнюдь еще не кончилась. Вы, «левые», также должны очищать себя от шлака, если хотите с успехом бороться с центризмом в массах.

Вот что говорил Ленин о возникновении Коммунистического Интернационала и о необходимости и условиях борьбы с уклонами.

Большевик, 1929, № 5, с. 15—16

СИЛА ЛЕНИНСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ¹

...Наша партия, которая незадолго до этого называлась Интернациональной социалистической партией, приняла участие в работе III конгресса Коминтерна. Созданная в январе 1918 г. в ходе интернационалистской борьбы, которую вели марксисты в социалистической партии в годы первой мировой войны, она приняла на своем I чрезвычайном съезде в декабре 1920 г. «21 условие» приема в Коминтерн и с тех пор стала называться Коммунистической партией Аргентины. Участие в работе III конгресса и вообще тесные связи с Коминтерном имели огромное значение для нашей партии, которая, хотя с самого своего возникновения стояла на интернационалистских позициях, тем не менее была еще далека от полного усвоения уроков большевизма. Массовое движение в стране, возросшее под воздействием Октября, приобрело очень большой размах: значительных размеров достигли забастовки рабочих, произошли серьезные выступления крестьян, была осуществлена «университетская реформа» (1918 г.), начался процесс борьбы за демократию, против олигархии, подвергся испытанию союз рабочего класса с крестьянством, что выразилось, например, в Соглашении о единстве между Региональной федерацией рабочих Аргентины (X съезд) и Аграрной федерацией Аргентины.

Зарождающееся на латиноамериканском континенте коммунистическое движение сталкивалось с лозунгами национальной буржуазии, с идеями реформизма и течениями, которые, как, например, апристское, вели борьбу за руководство массами, уводя их от марксизма-ленинизма. Сама партия боролась против двух уклонов внутри своих рядов: против ликвидаторов, мечтавших о возвращении в лоно социалистической партии, и против рыцарей революционной фразы, которые оставили в стороне массовое движение и потонули в чистом субъективизме.

¹ Печатается часть статьи, содержащая воспоминания о В. И. Ленине на III конгрессе Коминтерна. *Ред.*

В повестку дня III конгресса было включено несколько важных вопросов, в том числе оценка восстания в Средней Германии¹ и доклад В. И. Ленина о тактике РКП(б)². Оба эти вопроса привлекли внимание делегатов, с одной стороны, ввиду роли Компартии Германии и разногласий, возникших внутри нее, а с другой — ввиду международного и внутреннего положения Советской власти.

На этом конгрессе я впервые увидел и услышал В. И. Ленина. До того времени я знал только его имя и был знаком с некоторыми его работами. На меня, как и на других участников конгресса, сильное впечатление произвели ленинские выступления, его умение прежде всего остановиться на принципиальной стороне вопроса, в немногих словах точно выразить основную тенденцию будущего развития, дать четкую революционную перспективу.

В своем докладе В. И. Ленин подчеркнул, что империалистическая война 1914—1918 гг. и Советская власть в России окончательно превращают массы колониальных и полуколониальных стран «в активный фактор всемирной политики...». Он также напомнил зарубежным делегатам о том, что «главной задачей момента является правильное определение и осуществление тех мер, которые необходимы для руководства крестьянством, для прочного союза с ним, для долгого ряда постепенных переходов к крупному обобщественному машинному земледелию»³. Крупная промышленность, способная реорганизовать и земледелие, базирующаяся на электроэнергии, является материальной основой социализма, подчеркнул В. И. Ленин.

Центральным моментом в работе III конгресса была дискуссия вокруг проекта тезисов о тактике Коминтерна. Против этого проекта выступали некоторые европейские делегаты. Суть указанных тезисов сводилась к тому, что необходимо было взять курс на работу с массами и завоевание большинства рабочего класса, против чего возражали левацкие группы. Обдуманное и вместе с тем резкое выступление В. И. Ленина решило этот вопрос. Его речь не была спокойной. Он коснулся «левых» глупостей и сказал, что «нам, русским, эти левые фразы уже до тошноты надоели»⁴. В существовавших тогда условиях нельзя было оставлять в стороне борьбу за завоевание большинства. И В. И. Ленин, опровергая тех, кто отрицал целесообразность такого завоевания, заявил, что тот, кто не понимает, что «мы должны завоевать большинство рабочего класса, тот потерян для коммунистического движения, тот никогда ничему не

¹ См. настоящий том, с. 20, прим. 1. *Ред.*

² См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 34—54. *Ред.*

³ Там же, с. 5, 6 («Тезисы доклада о тактике РКП»). *Ред.*

⁴ Там же, с. 23. *Ред.*

научится, если он в течение трех лет великой революции этому еще не научился»¹.

К этой мысли — о завоевании большинства пролетариата — В. И. Ленин неоднократно возвращался в своем выступлении. Он сказал, что компартии нигде не взяли «в свои руки фактического руководства большинством рабочего класса в их действительной революционной борьбе»² и что даже одна из лучших — германская компартия не имеет на своей стороне такого большинства. «Левые» выдвигали «теорию революционного наступления». В. И. Ленин указал на бессмысленность такой постановки вопроса. Опровергая тех, кто оправдывал свои позиции ссылкой на то, что большевики, являясь небольшой партией, завоевали власть, он сказал: «Мы были в России маленькой партией, но с нами было, помимо того, и большинство Советов рабочих и крестьянских депутатов всей страны... Где это у вас? С нами была почти что половина армии, в которой тогда числилось, по меньшей мере, 10 миллионов человек. Разве за вами большинство армии?»³ Победа революции в России, добавил В. И. Ленин, обязана тому, что первым шагом было «создание настоящей коммунистической партии», которая имела на своей стороне «бесспорное большинство рабочего класса». Он признал, что небольшая партия может победить, «но для победы надо иметь сочувствие масс»⁴, имея в виду большинство рабочего класса, большинство эксплуатируемых и трудящихся сельского населения. Эти мысли он обобщил в «Письме к немецким коммунистам» от 14 августа 1921 г.: наша главнейшая задача — завоевать на нашу сторону большинство пролетариата⁵.

Мысли, высказанные В. И. Лениным на III конгрессе и совпадающие с теми, которые содержатся в классической книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», и поныне сохраняют свою ценность и актуальность.

То же самое следует сказать о позиции III конгресса относительно механического копирования своеобразных форм Октября. Некоторые деятели обвиняли большевиков в том, что они якобы хотят, чтобы им подражали. Отвечая Сerratи, принадлежавшему к группе тех, кто высказывал подобные утверждения, В. И. Ленин сказал, что мы требуем как раз противоположного... Революция в Италии будет протекать иначе, чем в России. Коминтерн никогда не потребует от итальянских рабочих, чтобы они рабски подражали русским⁶.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 26. *Ред.*

² Там же, с. 25. Здесь В. И. Ленин цитирует проект тезисов о тактике, внесенный на конгрессе русской делегацией. Этот проект был им отредактирован. *Ред.*

³ Там же, т. 44, с. 26. *Ред.*

⁴ Там же, с. 30, 32. *Ред.*

⁵ См. там же, с. 98. *Ред.*

⁶ См. там же, с. 20, 21. *Ред.*

Подобные обвинения в адрес РКП(б) были очень далеки от истины, так как то, что отличает ленинизм,— это его постоянное требование подходить к действительности конкретно. Оно было изложено В. И. Лениным в 1916 г. следующим образом: «Такое же разнообразие проявится и на том пути, который преобразует человечество от нынешнего империализма к социалистической революции завтрашнего дня. Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни»¹.

Это же самое он советовал принять во внимание в своем послании Бела Куну в 1919 г. В. И. Ленин отмечал, что венгерская революция имеет свои особенности². Он рекомендовал коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики: «Не копировать нашей тактики, а самостоятельно продумывать причины ее своеобразия, условия и итоги ее, применять у себя не букву, а дух, смысл, уроки опыта 1917—1921 годов»³.

Лаццари, заявлявшему, что большевики не учитывают особенностей Италии, В. И. Ленин ответил, что ссылка на своеобразие в данном случае нужна лишь для того, чтобы прикрыть меньшевизм. Чрезмерное преувеличение местных особенностей не может не привести к отступлению от основ марксизма-ленинизма, общих для всех компартий и применимых ко всем странам. Законно и необходимо учитывать специфичность страны или условий работы партии для того, чтобы применять в конкретной исторической обстановке общие законы марксизма-ленинизма. Противопоставление специфики условий этим законам ведет к нарушению или игнорированию последних. Как говорил В. И. Ленин, «основные революционные принципы должны быть приспособлены к особенностям разных стран»⁴.

Под предлогом верности национальным особенностям ревизионисты отвергают марксизм-ленинизм как общую концепцию. Когда они утверждают, что существует столько моделей социализма, сколько имеется стран, то они стремятся доказать бесполезность марксистско-ленинского критерия, действительного для всех партий и стран. Ревизионизм извращает диалектическую связь национального и интернационального.

Международное значение большевизма состоит в том, что он, по существу, исследовал явления империалистической фазы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 123. *Ред.*

² См. там же, т. 38, с. 217. *Ред.*

³ Там же, т. 43, с. 200. *Ред.*

⁴ Там же, т. 44, с. 19. *Ред.*

капитализма и разработал положения, которые и сегодня являются достоянием всех марксистов-ленинцев. Исторически большевистская партия была первой, которая решительно порвала со II Интернационалом. Она разработала концепцию союза рабочего класса с крестьянством и гегемонии пролетариата, поставила практические вопросы перехода от капитализма к социализму и разрешила их, установила основные принципы диктатуры пролетариата. В. И. Ленин объясняет, что книга «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» ставит своей целью применить к Западной Европе то, что история и современная тактика большевизма считают применимым, важным и обязательным во всех частях света. Всегда заботясь о том, чтобы не игнорировать национальные особенности, В. И. Ленин неоднократно объяснял мировое значение большевизма. На II конгрессе Коминтерна он заявил, что «тезисы по вопросам об основных задачах Коммунистического Интернационала опубликованы на всех языках и (в особенности для русских товарищей) они не представляют из себя существенно нового, потому что в значительной мере распространяют некоторые основные черты нашего революционного опыта и уроки нашего революционного движения на целый ряд западных стран, на Западную Европу»¹. И в другой работе: «Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение... Но в данный исторический момент дело обстоит именно так, что русский образец показывает *всем* странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего... Опыт доказал, что в некоторых весьма существенных вопросах пролетарской революции *всем* странам неизбежно предстоит проделать то, что проделала Россия»².

Бесспорно, что Коминтерн, и в частности III конгресс, сыграл выдающуюся роль в интернационализации большевизма. Таков, безусловно, один из источников мощного распространения марксизма-ленинизма...

В работе III конгресса Коминтерна принимали участие мексиканские и аргентинские коммунисты. С тех пор прошло 48 лет³, и совсем другой предстает перед нами Латинская Америка. Компартии имеются во всех странах, все они опытные и закаленные, все ведут широкую антиимпериалистическую борьбу, многие из них имеют мощные организации и глубокие корни в массах. Самое главное событие в истории Латинской Америки

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 215. *Ред.*

² Там же, с. 3, 4, 13. *Ред.*

³ Статья написана в 1969 г. *Ред.*

последнего времени — это славная кубинская революция, создавшая рядом с оплотом мирового империализма социалистическое государство.

В различных условиях и различными путями латиноамериканские компартии вносят свой вклад в дело мира во всем мире, в дело демократии, национальной независимости и социализма, выполняя тем самым заветы великого Ленина.

Гиольди Родольфо. Избранные статьи и речи (Перевод с испанского). — М., 1974, с. 646—652

МОИ ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ¹

Осенью 1920 года произошел раскол Независимой социал-демократической партии Германии. Левое крыло, за которым шли широкие рабочие массы, перешло в коммунистическую партию, и в результате мы превратились в массовую партию. Это обязывало нас выступать соответствующим образом. К тому же среди многих левых независимцев все еще господствовало мнение, что для настоящей революции вовсе необязательно завоевание большинства решающих слоев пролетариата, а достаточно решившегося на все меньшинства. Неудивительно поэтому, что и в Объединенной коммунистической партии широко распространен был взгляд, что пришло время отомстить буржуазии и социал-демократам за все удары прошлого.

Такое настроение учли и наши буржуазные противники и спровоцировали нас на прямое столкновение в Средней Германии, в Лейне и в Мансфельде. Как известно, мы потерпели жестокое поражение, которое немедленно привело к отколу значительного числа тех, кто только недавно вошел в нашу партию.

Во главе отколовшихся стоял Пауль Леви, который уже после итальянского раскола отвернулся от КПГ². Леви в своем органе «Unser Weg»³, в котором он яростно атаковал Объединенную коммунистическую партию, писал, что мы пашей авантюристской политикой в Лейне и в Мансфельде повели партию прямо к гибели. И тут же, стремясь дискредитировать нашу партию, он присовокуплял насмешливый стишок: «Fähnlein auf Fähnlein ging in den Tod, wie es die Zentrale gebot»⁴. Мы же

¹ Печатаются фрагменты статьи «Мои встречи с Лениным, Люксембург и Либкнехтом». *Ред.*

² См. настоящий том, с. 20, прим. 2. *Ред.*

³ С 1919 г. до 1 июля 1921 г. в Берлине под редакцией П. Леви выходил ежемесячный журнал «Sowiet». После исключения П. Леви из ОКПГ журнал, изменив направление, стал выходить (с 1 июля 1921 г. по конец 1922 г.) под названием «Unser Weg» («Наш путь»). *Ред.*

⁴ «Отряд за отрядом пошел на смерть, как повелел ЦК». *Ред.*

совершенно недостаточно оценили все значение этого провала и его последствий.

Наоборот, вначале мы думали, что поражение в Средней Германии играет второстепенную роль и в конечном счете приведет даже к усилению нашей партии. Этот свой взгляд мы обосновывали в сборнике под названием «Теория наступления»¹: поскольку наша партия теперь является подлинно массовой партией германского пролетариата, мы, мол, обязаны сами «всюду находить врага и наносить ему удары».

Так как я снова очутился на нелегальном положении и полиция всюду разыскивала меня, партия отправила меня в Москву. По пути я встретился с венгерским товарищем Ракоши. Он обещал мне тотчас же после приезда познакомить меня с Лениным и поддержать мои взгляды. Я был как будто хорошо вооружен. С моей верой в нашу партию, в ее правильную в основном тактику да к тому же с «теорией наступления» в запасе я был убежден, что произведу хорошее впечатление на Ленина.

* *
*

Хотя я ежедневно добивался свидания с Лениным, мне пришлось ждать восемь дней, пока он меня принял. Но наконец-то меня вызвали, и я отправился в Кремль все в том же хорошем настроении.

Я поднялся на второй этаж в квартиру Ленина и как-то сразу очутился перед ним. Он сидел в своем кабинете в тростниковом кресле². Обратившись ко мне на немецком языке, он пригласил меня сесть. Потом с легким оттенком иронии в голосе сказал:

— Ну-ка, товарищ Геккерт, расскажите о своих героических подвигах в Средней Германии.

Я не заставил себя долго просить и выложил ему все, что у меня накопилось. Тогда Ленин сказал:

— Но говорят, что вас побили.

Я стал возражать, пытаюсь доказать, что это вовсе не так и что наша партия после среднегерманских событий продолжает расти и укрепляться.

— Вот как, — сказал Ленин, — интересно, как вы это сможете доказать.

Ракоши попытался было поддержать меня, но Ленин ему резко возразил. Потом он обратился ко мне:

¹ Имеется в виду брошюра ЦК ОКПГ: *Taktik und Organisation der revolutionären Offensive. Die Lehren der März-Aktion.* Leipzig — Berlin, 1921 (Тактика и организация революционного наступления. Уроки мартовского выступления). *Ред.*

² Квартира и рабочий кабинет В. И. Ленина находились на третьем этаже. *Ред.*

— Вы попались на провокацию, вас хорошенько поколотили, и партия за это будет горько расплачиваться.

Совершенно уничтоженные, мы вышли из кабинета Ленина. Тут-то я понял: наша германская делегация со своей «теорией наступления» если и произведет какое-нибудь впечатление, то плохое...

Вскоре из Германии приехали другие делегаты на III конгресс Коминтерна. Снова мы все вместе отправились к Ленину. Он принял нас там же. Мы еще раз привели ему все наши доводы, хотя уже без прежней уверенности. У некоторых из авторов «теории наступления» уже появились возражения против той или другой формулировки. И снова Ленин разнес нас в пух и прах, на сей раз выражаясь еще резче.

Когда Ленин спросил:

— Как же вы себе представляли, что подумают рабочие, если вы их поведете на бой и они получают такие удары, как это было в Мансфельде?

Вильгельм Кёнен ответил:

— Рабочие учатся на ударах, которые они получают.

— Учатся даже теперь, когда они остались безработными? — спросил Ленин, а Кёнен в ответ:

— Тогда желудок электрифицирует их мозг революционной энергией.

За это словечко Ленин ухватился, чтобы высмеять всю нашу позицию в этих вопросах. Всякий раз, когда он доказывал нам в каком-либо вопросе всю беспочвенность, неверность и опасность наших установок, он неизменно прибавлял:

— Ну да, все это у вас происходит от электрификации мозга желудком...

Позже, на одном заседании в Малом зале Кремля¹, Ленин снова разъяснял всей германской делегации, в составе которой находились и товарищи, которые не были согласны с выступлением в Средней Германии, всю нелепость того, что мы натворили. Он разъяснял, как примазались к нам такие элементы, как шпик Ферри, пытавшийся взорвать обелиск Победы, и другие, бросавшие бомбы в уборную. Ленин говорил:

— Ведь провокация была ясна, как на ладони. И вместо того чтобы в целях защиты мобилизовать рабочие массы для отпора атакам буржуазии и таким образом показать массам, что вы правы, вы выдумали бессмысленную «теорию наступления», которая всем полицейским, всем реакционным властям дает возможность изображать вас как зачинщиков нападения, от которых-де надо защитить народ!

¹ Речь идет о встрече делегации Объединенной коммунистической партии Германии с членами Политбюро ЦК РКП(б) 15 июня 1921 г. (см. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 434, прим. 411). *Ред.*

В результате такой головомойки мы немедленно прекратили пропаганду «теории наступления».

Но Ленин намылил нам голову не только за события в Средней Германии, а вообще за неповоротливость, негибкость, догматическую прямолинейность, которую мы проявляли в нашей политике. Он клеймил наше поведение на Гейдельбергском съезде¹, которое оттолкнуло столько честных рабочих от Коминтерна. Он клеймил нашу пассивность, отказ от работы снутри реформистских профсоюзов.

Разумеется, при этом получили хорошую трепку и делегаты коммунистической рабочей партии, которая тогда примыкала к Коминтерну на правах сочувствующей.

На заседаниях, которые в порядке подготовки конгресса происходили в зале гостиницы «Континенталь» на Театральной площади, Ленин опять разоблачал все наши слабости и ошибки. Это нас очень злило, потому что тут же присутствовали представители и других компартий.

— Уж если надо задать нам трепку, то зачем же делать это в присутствии многочисленных иностранных товарищей? — так думали мы и далеко не ставили Ленину это в плюс.

Пауль Фрелих говорил:

— Не думал я, что Ленин — такой мелочный человек.

Фрелих явно был разочарован и недоволен таким способом большевистской самокритики. Это настроение укрепилось у него, когда Ленин снова разнес нас перед пленумом конгресса. И это недовольство совершенно ясно можно увидеть на лице Фрелиха в фильме, где заснято было выступление Ленина на III конгрессе Коминтерна по поводу политики германской партии.

Не только немцам досталось на конгрессе от Ленина, досталось и представителям других партий, особенно некоторым итальянцам и даже французам.

Все это побудило нас выдумать новую политическую глупость против Ленина, а именно: мы стали собирать подписи для некоторых формулировок, которые мы хотели противопоставить ленинским формулировкам и в которых надеялись отстоять некоторые элементы нашей «теории наступления». Мне тоже удалось собрать несколько голосов «недовольных». И за это нам всем сообща и каждой группе порознь влетело еще раз как следует. И это побудило нас капитулировать перед Лениным.

Тут произошел случай, весьма показательный для характеристики Ленина как человека. Клара Цеткин яростно напала на нас и почти стала на позиции Ленина. Мы тоже в свою очередь резко атаковали Клару, особенно я в своей речи. Как раз на следующий день после этих нападков был день рождения

¹ Имеется в виду 2-й съезд КПГ, состоявшийся 20—24 октября 1919 г. *Ред.*

Клары: ей исполнилось 60 лет¹. Разумеется, падо было на конгрессе приветствовать нашу старую революционерку, шедшую в авангарде нашей борьбы. Раздобыли большой букет роз. Но тут встал вопрос: кому сказать приветственное слово? Выбрали меня. Я, конечно, хотел от этого как-нибудь увильнуть и приводил десятки всяческих отговорок. Тогда Ленин взял меня за руку и сказал:

— Товарищ Геккерт, вы вели в Германии неверную политику, на это можно злиться. Клара сказала вам, что ваша политика была плоха. Быть может, не каждое из ее слов было уместно. Но и вы вчера очень резко и несправедливо выступали против Клары. Так загладьте же это сегодня букетом роз.

Я сделал все, что мог. Клара тоже поблагодарила меня, принимая из моих рук букет, но при этом смотрела на меня так, как будто проглотить хотела. Когда я сошел с трибуны, Ленин шутливо сказал:

— Ну вот, все сошло хорошо...

* *
*

В гостинице «Континенталь» была устроена маленькая выставка так называемых «революционных» художников. Там фигурировало на фоне пестрой мазни всякое старое тряпье, черепки, кусок печной трубы и т. п., прибитые к полотнам,— и вся эта ерунда должна была представлять новое искусство. Я был просто возмущен. Когда я спорил с товарищем, пытавшимся доказать, что в этих «художествах» есть какой-то смысл (кажется, это был художник Уитц), то Ленин, стоя сзади меня и покачивая головой, сказал мне:

— Вот видите, товарищ Геккерт, и у нас такое бывает!

* *
*

В 1921 году (кажется, это было за несколько недель до начала III конгресса Коминтерна) несколько товарищей взяли меня с собой на доклад Ленина в Колонном зале Дома союзов.

Зал был битком набит. Все с нетерпением ожидали докладчика. Ленин говорил о необходимости новой экономической политики и вытекающих отсюда последствиях². В этом вопросе

¹ На заседании конгресса 5 июля 1921 г. отмечалось 65-летие Клары Цеткин (годом ее рождения ошибочно считали 1856 г.). *Ред.*

² Ф. Геккерт, по-видимому, ошибается, говоря, что доклад, на котором он присутствовал, состоялся до III конгресса Коминтерна. В. И. Ленин выступил с докладом о новой экономической политике и заключительным словом 29 октября 1921 г. на VII Московской губпартконференции (см. Полн. собр. соч., т. 44, с. 193—220). Как видно из последующего текста воспоминаний Ф. Геккерта, он в это время также находился в Москве. *Ред.*

мы, коммунисты Запада, тоже не сразу разобрались. В зале были товарищи, которые считали нэп чуждым для революции делом. Ленин говорил о том, что мы, коммунисты, должны теперь научиться торговать, что методами военного коммунизма дальше нельзя уже двигаться вперед. Он сказал также, что большевики хотя и не умеют еще сейчас торговать, но, безусловно, научатся этому.

Это очень оскорбило некоторых из слушателей. Они, видите ли, вовсе не хотят, чтобы их «унижали» до роли «торгашей». Один русский товарищ, с которым я познакомился, когда он занимался делами освобождения русских военнопленных в Германии, был ярым противником нэпа. Он специально приехал на это собрание из Свердловска, где работал в качестве руководителя оружейного завода. Он никак не мог стерпеть требования Ленина научиться торговать и тотчас же взял слово, чтобы чисто по-партизански обрушиться на «оппортунизм» Ленина. Еще один такой же «герой» выступил против Ленина. Но как беспощадно и жестоко были они разбиты Лениным!

Спустя несколько дней после этого заседания я опять имел возможность лично беседовать с Лениным о вопросах германской партии.

После III Всемирного конгресса, в особенности после нашего Иенского съезда¹, вокруг Фрисланда, который первоначально в качестве левого вел борьбу против Леви, собралась группа правых элементов, пытавшихся ревизовать решения нашей партии и Всемирного конгресса в духе Леви. Чтобы получить в Центральном Комитете большинство в пользу этого «государственного переворота», Вильгельма Пика и меня после Иенского съезда отослали в Москву. В начале ноября мы узнали о замыслах Фрисланда, который был тогда генеральным секретарем нашей партии. Поэтому мы с Пиком старались повидать Ленина, чтобы спросить у него, как нам быть.

10 ноября мы посетили Ленина в его кремлевском кабинете и сообщили ему детали этого оппортунистического покушения на партию. Ленин очень внимательно выслушал нас и сказал, что нам надо немедленно вернуться в Германию, чтобы вырвать партию из рук Фрисланда и К^о. Он рассказал нам о таких же затруднительных ситуациях в РКП(б) и о том, как он с ними справлялся. Затем он сказал, что нашей партии придется преодолевать еще более сложные ситуации. Обнадеженные этими дружескими советами Ленина, мы в тот же вечер выехали в Берлин. К величайшему изумлению фрисландских заговорщиков мы появились на заседании ЦК, и в результате были выброшены из партии не элементы, хранившие верность Коминтерну, а Фрисланд и его присные.

¹ Иенский съезд Коммунистической партии Германии состоялся 22—26 августа 1921 г. *Ред.*

В последний раз я видел Ленина после первого его заболевания, на IV конгрессе Коминтерна, и тогда я почувствовал всю ту громадную любовь, которую не только большевики, но и иностранные товарищи питали к основателю Коминтерна.

Неоднократно по вечерам, когда Ленин уже не мог приезжать на конгресс, мы по окончании заседания шли к его квартире и там пели «Бандьера росса»¹. В этих вечерних серенадах всегда участвовали итальянцы, и их мелодичные голоса покрывали все остальные. И когда за окном мелькала тень Ленина, мы бывали совершенно счастливы и никак не хотели понять, что этим шумом только нарушаем покой тяжелого Ленина...

Как и все товарищи, я, конечно, надеялся, что Ленин скоро выздоровеет совсем и снова возьмется за руководство нашей мировой коммунистической партией. Уже давно у меня не оставалось никакого сомнения, что он самый замечательный революционный вождь, которого я когда-либо встречал, и уже давно я знал, что во всех спорных вопросах прав был Ленин, а не Роза Люксембург. Но только после поражения германской партии в октябре 1923 года² я понял окончательно, что во всех решительно вопросах прав Ленин, а не Люксембург и что надо изжить все ее ошибочные установки, чтобы наша партия действительно в состоянии была выполнить свою великую революционную задачу.

Известие о смерти Ленина как громом поразило меня. И долго еще я никак не мог примириться с тем, что Ленин действительно ушел от нас. Сколько раз наши враги писали: «Ленин умер». Может быть, и на этот раз неправда. Но, увы, печальная весть не была опровергнута!

Когда я впервые после смерти Ленина снова смотрел с высоты его Мавзолея на первомайскую демонстрацию на Красной площади, то всеми фибрами своей души почувствовал:

Ленин не умер, он живет и будет жить в нашей борьбе за победу коммунизма на всем земном шаре. Он живет в грандиозной социалистической стройке Страны Советов, он живет в революционной борьбе коммунистов всех стран...

Коммунистический Интернационал, 1935, № 3, с. 39—42

¹ «Красное знамя» — итальянский революционный гимн. *Ред.*

² Имеется в виду закончившаяся поражением революционная борьба рабочего класса Германии осенью 1923 г. Несмотря на укрепление позиций Коммунистической партии Германии в важнейших профсоюзах и фабзавкомах на крупнейших предприятиях, КПП к этому времени еще не осуществляла руководства большинством рабочего класса; основную массу германского пролетариата продолжала еще удерживать под своим влиянием социал-демократия, опиравшаяся при этом на профсоюзы. *Ред.*

КАК Я ВСТРЕЧАЛСЯ С ЛЕНИНЫМ НА III КОНГРЕССЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

С 22 июня по 12 июля 1921 года в Москве заседал III конгресс Коммунистического Интернационала. Я был избран от округа Средняя Германия одним из 25 делегатов Объединенной коммунистической партии Германии (ОКПГ). С 7 ноября 1918 года до выступления в марте 1921 года я был председателем рабочего совета на химическом предприятии Лейнаверк. С 1907 года я являюсь членом партии¹, активно участвую в партийной и профсоюзной работе. Поэтому Великая Октябрьская социалистическая революция и установление власти рабочего класса в России были для меня событиями громадного значения и величия.

Возможность через несколько недель самому увидеть, услышать и познакомиться с Лениным, которого друзья и враги считали гениальным вождем победоносной большевистской партии и первого в мире социалистического государства, наполняла меня в майские и июньские дни 1921 года восторгом, радостным ожиданием. Я должен был познакомиться с Лениным, а также с рабочими, крестьянами, с первой страной народной Советской власти.

Мы ехали через старую столицу России Петроград. (Столицей Советской власти теперь была Москва.) В Петрограде еще зияли многочисленные воронки от снарядов, между булыжниками мостовой на многих, даже на главных, улицах Петрограда росла трава. Движение транспорта было еще почти полностью парализовано.

Мы слышали разговоры о подвигах курсантов военного училища Красной Армии, которые совсем недавно, в феврале 1921 года, с полным презрением к смерти штурмовали Кронштадт, перейдя через Неву², и успешно подавили восстание,

¹ Социал-демократической партии Германии. *Ред.*

² При штурме Кронштадта красноармейцы переходили по льду через Финский залив. Мятеж был полностью ликвидирован 18 марта. *Ред.*

спровоцированное социалистами-революционерами. На Украине еще до лета 1921 года бесчинствовал Махно — главарь анархистских банд.

В Москву в течение мая и июня прибывали делегаты из 48 стран на III конгресс Коминтерна¹. В Москве были также многочисленные делегации рабочих и крестьян, представители Красной Армии и Красного Флота. Они стекались в центр из всех уголков громадной Советской страны и возвращались на места с новыми познаниями, директивами и инструкциями, чтобы строить новую жизнь после того, как в героических боях враг был разбит.

Большое впечатление произвели на нас делегации из засушливых областей на Волге, где десятки тысяч людей умирали тогда от голода, тифа и туберкулеза. Мы прощались с руководителями делегаций, которые почти ничего не могли получить от центра, так как в центре тоже ничего не было. Они увозили с собой решение партии: коммунисты в охваченных голодом и тифом областях на Волге остаются с массами! Они знали, что ехали, может быть, на смерть. Так мы познакомились со страпой и рабочим классом, проявившими беспримерный революционный героизм.

Директор энергохозяйства города Москвы и Московской губернии попросил металлостов и электриков, приехавших в числе иностранных делегатов на III конгресс Коминтерна, посетить его. Мы собрались в запыленном и заставленном множеством деталей машин и электроматериалами рабочем кабинете единственной крупной электростанции, работавшей тогда в Москве. Директор выразил нам свое удовлетворение тем, что может один-два часа поговорить со специалистами, которые работают на производстве с новейшей техникой, в то время как он вынужден, имея дело только с развалинами электростанций и машин, изыскивать всевозможные пути, чтобы давать хоть немного электроэнергии для столицы Советского государства. Однако он с гордостью рассказывал нам, что группа товарищей занимается составлением плана электрификации Советской страны — от Петрограда до Владивостока².

Это был великий план смелого и гениального Ленина! И мы, рабочие и коммунисты капиталистических стран, чтобы помочь его осуществлению, в последующие месяцы и годы собирали гвозди, болты, напильники, щипцы, металллом, резцы, измерительные и другие инструменты, запаковывали их в ящики и

¹ В работе III конгресса Коминтерна принимали участие посланцы коммунистических партий 48 стран, 28 союзов молодежи и ряда других пролетарских организаций — всего на конгрессе присутствовали 605 делегатов от 103 организаций из 52 стран. *Ред.*

² Автор имеет в виду план ГОЭЛРО, принятый VIII Всероссийским съездом Советов (22—29 декабря 1920 г.). *Ред.*

отправляли через организацию Международной рабочей помощи (Межрабпом) нашим братьям в молодом Советском государстве, которые с непреклонной решимостью и революционным подъемом буквально из ничего начали строить новый, социалистический мир.

КАК ЛЕНИН РАЗВИВАЛ СВОЕ ВЕЛИКОЕ УЧЕНИЕ О НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

На заседаниях Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, на заседаниях комиссий и пленарных заседаниях конгресса представители братских партий 48 стран обсуждали вопрос о наступлении мирового империализма против рабочего класса, в результате которого первая волна мировой революции в западноевропейских капиталистических странах была остановлена. Они высказали свое мнение по вопросу о мобилизации масс на защиту своих насущных интересов, о подготовке к нанесению новых ударов по крепости капитализма.

Победоносная партия большевиков познакомила зарубежных делегатов со своей новой экономической политикой. После разгрома и изгнания интервенционистских армий Советская страна смогла покончить с политикой военного коммунизма, навязанной ей интервенцией и гражданской войной. Из уст Ленина мы должны были услышать и узнать, какой будет новая тактика большевистской партии, которую правящий рабочий класс должен применять, чтобы вовлечь все население города и деревни в хозяйственное строительство, с тем чтобы создать предпосылки для построения социализма. Нужно было по-новому, без принуждения военного времени укрепить союз крестьян — середняков и бедняков — с рабочим классом, подготовить массы к защите и укреплению диктатуры пролетариата, сплотить их для борьбы против поднимающих голову классовых врагов, с тем чтобы окончательно сломить сопротивление противников Советской власти.

В обстановке напряженного ожидания начал Ленин свой доклад о новой экономической политике молодого Советского государства¹. В его распоряжении был час для изложения своего великого учения, которое имело такое огромное значение для дальнейшего развития Советской власти и социалистического строительства и которое еще сегодня в основном сохраняет свою силу в странах народной демократии, строящих социализм.

Видеть Ленина и слышать, как он говорит, уже само по себе было незабываемым событием, тем большим событием должен был стать этот доклад. Ленин делал его на немецком

¹ «Доклад о тактике РКП 5 июля» (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 34—54). Ред.

языке лишь по кратким заметкам, стоя не на трибуне, а у рампы сцены. Ленин развивал свои идеи ясно, концентрированно, глядя далеко вперед. Уже через полчаса мне казалось, что он настолько убедительно доказал правильность, раскрыл содержание и существо новой экономической политики по отношению к крестьянам, что не могло быть больше никаких сомнений в необходимости перехода от продрозверстки времени военного коммунизма к продовольственному налогу.

Но Ленин продолжал говорить. Он рассматривал вопрос все с новых точек зрения. Я был поражен многообразием проблем, которые он в этой связи ставил и сразу же разъяснял как составные части одного и того же дела, а именно перехода к новой экономической политике.

Несравненная сила убеждения Ленина произвела на меня незабываемое впечатление. Не только я, но и другие слушатели удивлялись тому, как Ленин самыми простыми, обычными словами разъяснял смысл своего доклада. Он как бы вбивал нам в головы суть дела непрерывными и точными ударами, так что не могло остаться какого-либо недопонимания или ложных толкований.

Я почти осязаемо представил себе, как нэп повлиял на широкие массы крестьян, как укрепился союз рабочих и крестьян, как он приобрел еще большее значение и стал еще более прочной основой молодой Советской власти. Обычно доклады лишь закладывают основу для обмена мнениями и дискуссии. Но сообщение Ленина было иным. Еще прежде чем он закончил его, у слушателей уже складывалось впечатление, что в нем будет наверняка освещено буквально все и не останется открытым ни один вопрос. Слушатели были полностью согласны с докладом и с тем, что его можно заканчивать.

Ленин взглянул на часы, сказал вполголоса, больше для себя, но так, что было слышно: «У меня еще две минуты времени, но я кончил». Ленин всегда придерживался установленного конгрессом регламента, о чем часто забывали другие докладчики.

СЛЕДОВАТЬ ЛИ ПРОСЬБЕ ЛЕНИНА ИЛИ СОБСТВЕННОЙ, ВПОЛНЕ ОПРАВДАНОЙ ВОСТОРЖЕННОСТИ?

Конгресс выслушал речь Ленина с огромным вниманием. Когда Ленин закончил ее, одну секунду длилась тишина, а затем вспыхнула овация. Нескончаемые крики «ура», аплодисменты и все новые и новые выражения восторга. Ленин сразу же после доклада вернулся за стол президиума. Все участники конгресса вместе с членами президиума встали и непрерывно

аплодировали. Ленин стоял у левого края стола президиума, я — совсем рядом с ним. (Исполнительный Комитет постоянно привлекал меня к переводу, так как я страствовал по Западной Швейцарии, работал во Франции и Бельгии и научился говорить по-французски.) Аплодисменты все еще продолжались. Тогда Ленин повернулся в мою сторону и обратился ко мне. Вначале я почти не мог расслышать его, но потом понял: товарищи должны прекратить аплодисменты, пора уже перестать хлопать и кричать «ура». Я аплодировал от радости и в знак благодарности за то, что Ленин так концентрированно и четко изложил нам великое историческое учение о важной, принципиальной и мудрой политике правящего рабочего класса по отношению к крестьянам, как гарантии диктатуры пролетариата и победы коммунизма. Я аплодировал от восторга за нашего великого Ленина, а сам Ленин требовал от меня рассудительности и деловитости!

Как я должен был преодолеть свое внутреннее противоречие? Авторитет Ленина, его высказанное непосредственно мне требование, с одной стороны, а с другой — страстное желание все снова и снова выражать свой восторг. Так я и стоял в раздвоенности чувств: то бурно аплодируя, то спокойно, не хлопая. Я испытывал невыразимую радость от того, что я, молодой рабочий, стоял совсем рядом с Лениным, но в то же время испытывал и огорчение, что не мог, как другие, горячо выразить свой вполне оправданный восторг великому гению и вождю пролетарской революции, первой рабоче-крестьянской власти.

ОБЯЗАТЕЛЬНО ЗАВОЕВЫВАТЬ НА СВОЮ СТОРОНУ РАБОЧИХ ИЗ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ВМЕСТЕ С ЕЕ ВОЖДЯМИ ИЛИ БЕЗ НИХ!

Ленин особенно интенсивно занимался вопросами деятельности Коммунистической партии Германии. III конгресс должен был, в частности, решить вопрос, может ли и каким образом может Коммунистическая рабочая партия (КРП)¹ стать членом III Интернационала. По уставу только одна партия от каждой страны могла быть членом III Интернационала.

Пять делегатов руководства КРП присутствовали на конгрессе с правом совещательного голоса.

Ленин знал, что беспредельная ненависть к правым лидерам социал-демократической партии, которые совершили по отношению к рабочему классу предательство, вызвавшее крово-

¹ КРПГ — Коммунистическая рабочая партия Германии образовалась в апреле 1920 г. из «левых» коммунистов, исключенных из КПГ на Гейдельбергском съезде (1919). Впоследствии КРПГ выродилась в сектантскую группу, враждебную рабочему классу Германии. *Ред.*

пролитие, привела некоторых честных революционных рабочих к ультрарадикализму и тем самым в ряды КРП.

В основном у большевистской партии, а также у Исполкома Коммунистического Интернационала уже существовало определенное мнение о том, что руководство КРП было не в состоянии поддержать марксистско-ленинскую линию и политику Коминтерна, так как оно придерживалось псевдорадикальных мелкобуржуазных представлений и чуждых марксизму псевдотеорий.

Ленин явно придавал большое значение тому, чтобы судить о руководстве КРП не по брошюрам и статьям, не только на основании докладов партийных организаций и Коминтерна, а по личному знакомству. Поэтому он решил послушать речь представителя руководства КРП.

Когда последний получил слово для выступления на пленуме по вопросам тактики Коминтерна и КРП, мы неожиданно увидели Ленина, который почти бесшумно прошел между рядами столов и быстро направился по центральному проходу к президиуму. Ленин, как всегда, старался не бросаться в глаза. Перед ступенями, ведущими в президиум, он единственный раз обернулся, быстро нагнулся и присел на ступеньку. Я сидел за одним из передних столов, теперь совсем близко к Ленину. Вместе с другими товарищами я немедленно встал, чтобы, по возможности не производя шума, предложить ему свой стул. Но Ленин уже сидел и делал нам знак рукой, чтобы мы оставались на своих местах. Его жесты были так выразительны и настолько ясно требовали повиновения, что мы сразу подчинились. Мы почувствовали его желание и его волю: «Оставьте меня поскорей в покое — ведь совсем неважно, где я сижу, важно, чтобы я без помех мог слушать этого оратора, ради чего я и пришел!»

В следующую секунду у него на коленях уже был блокнот, в руке — карандаш, глаза обращены к выступающему, которого он слушал. Нам ничего не оставалось делать, как смириться с тем, что мы удобно сидели на стульях и за столами, а Ленину, нашему великому учителю, предоставили возможность вести свою работу так, как он счел нужным.

Ленин внимательно наблюдал за оратором. Он не только следил за мыслями представителя руководства КРП по его словам, но и читал их по его жестам, по голосу и по нему самому, определяя, каким был оратор на самом деле и каким хотел казаться.

В течение нескольких минут Ленин был весь погружен в это исследование. Затем, так казалось со стороны, все его знания о КРП и дискуссии с коммунистами в Германии, его опыт в своей партии и опыт партий других стран, взгляды оратора, а также то, как он излагал их конгрессу, очевидно, дали ему необходимую отправную точку, и он начал быстро делать по-

метки. Время от времени он переставал писать, чтобы понаблюдать за оратором, а затем снова быстро продолжал запись.

Примерно через двадцать минут Ленин вдруг прервал свою запись. Вставая, он бросил еще один быстрый взгляд на выступавшего. Так же быстро и бесшумно, как пришел, он покинул зал. Отношение Ленина к высказываниям представителя КРП было изложено позднее, не им самим, а оратором от большевистской партии, которому было поручено выступить по вопросу о КРП на III конгрессе.

Разногласия с КРП проявились на конгрессе так ярко и открыто, что больше не могло быть и речи о слиянии Коммунистической рабочей партии с Объединенной коммунистической партией Германии и о ее включении в Коминтерн. Через два-три года в Германии уже почти ничего не было слышно о КРП. Все из ее и без того немногочисленных членов, еще связанных со своим классом, уже давно поодиночке или небольшими группами перешли в ОКПГ.

Для нас было большой радостью, когда мы позднее узнали, что один из делегатов — хороший портретист — сумел зарисовать рассказанное выше о Ленине. Так возник известный выразительный эскиз — погруженный в работу, сидящий на ступенях лестницы Ленин¹.

ДАЖЕ САМЫЙ СЕРЬЕЗНЫЙ ОТВЕТ ЛЕНИН МОГ ДАТЬ ОПЕРАТИВНО, «НА ХОДУ»

Меня уже давно мучил один вопрос, с которым я во время многолетней работы в качестве председателя рабочего совета на предприятии Лейнаверк практически сталкивался каждый день, а именно вопрос о взаимоотношениях между рабочими и интеллигентами, особенно технической интеллигенцией, в процессе борьбы против поджигателей войны и эксплуататоров. На предприятии Лейнаверк тогда на 20 тысяч рабочих приходилось более 500 специалистов с законченным высшим образованием. Как в больших стачечных боях, так и в перерывы между ними, во время ежедневных споров с дирекцией, техническими директорами, инженерами, химиками и архитекторами, а также более чем с тысячей мастеров и техников мы постоянно боролись против некоторых из них, как против явных врагов. Но большую часть из них мы могли и должны были завоевать на свою сторону.

Могу ли я расспросить об этом Ленина? Или, может быть, эта область борьбы была очень далека от великих проблем под-

¹ По-видимому, автор имеет в виду известные пять фотографий В. И. Ленина на III конгрессе Коминтерна, на которых он заснят сидящим на ступеньках, ведущих на трибуну. Автор четырех фотографий — В. К. Булла. *Ред.*

готовки второго шага мировой революции? Но этот вопрос не давал мне покоя. Нам в Лейпе удавалось иногда охватывать своим влиянием значительную часть трудящейся интеллигенции в профсоюзах служащих, с которыми наши рабочие профсоюзы тесно взаимодействовали. То же самое было мне известно по другим предприятиям. Мы добились того, что дирекцией или техническими директорами не могли быть приняты никакие решения, касающиеся рабочих или служащих, если производственный совет или коллектив доверенных лиц отвергают их.

Во время мартовских событий 1921 года руководство предприятия покинуло комбинат, надеясь таким образом остановить его работу, чтобы затем уволить всех коммунистов. Комитет, руководивший нашими действиями, поручил мне поддерживать работу предприятия. Для этого важно было мобилизовать самое необходимое число технических директоров и обер-мастеров, что нам и удавалось до тех пор, пока дирекция не приказала обстрелять предприятие из артиллерийских орудий.

Когда в перерыве после доклада Ленина о напе случилось так, что я на одну минуту остался в президиуме один рядом с ним, я воспользовался этим и задал свой вопрос.

Я кратко изложил Ленину свои мысли о том, что при высоко развитом индустриальном производстве в Германии политическая позиция трудящейся интеллигенции играет особую роль. Хотя мы уже успешно оказываем на нее некоторое влияние в духе требований и целей рабочего класса, но в этом деле встретятся еще очень большие трудности. Мы еще не выяснили, какое значение мы должны придавать этому вопросу, и в еще меньшей степени подошли к его разрешению. Большое и принципиальное значение обеспечения союза рабочих и крестьян в результате проведения соответствующей политики сегодня стало для нас понятным, как никогда прежде. Я считаю, что мы теперь в Германии должны также выяснить вопрос о трудящейся интеллигенции. Но это потребует еще серьезной работы и дискуссий.

Ленин очень спешил. Несмотря на это, он выслушал меня и несколько мгновений обдумывал ответ. Затем он согласился: «Да, это важный вопрос». Еще немного подумал и очень энергично подчеркнул: «Но и это также пойдет на лад, дорогой товарищ!» И повторил еще раз: «Это тоже пойдет на лад!» При этом Ленин сердечно пожал мне руку, затем быстро провнес: «Извините меня, товарищ, но мне пора!»

Он дал ответ мне, молодому коммунисту. Он не мог давать длинных объяснений — для этого у него не было времени. Но из его нескольких слов можно было заключить, что он сразу же заинтересовался заданным ему вопросом, одобрил стремление собеседника решить эту задачу и постарался воодушевить его.

Я очень сожалел, что не было времени более подробно поговорить с Лениным по этому вопросу, но был удовлетворен тем, что он подчеркнул его важность и дал понять, что задача остается в силе на будущее, что мы должны ее решить и решим. Учение Ленина о стратегии и тактике, его личный пример и пример его партии указывали нам путь.

УПОРНАЯ БОРЬБА ЛЕНИНА ЗА ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ И ЯСНОСТЬ РЕШЕНИЙ КОНГРЕССА

Ленин принимал самое активное участие в подготовке тезисов по организации, а также методам и содержанию работы партий III Интернационала¹. Он фактически руководил этой работой. Ведь речь шла о подготовке к грядущим боям. В соответствующих комиссиях конгресса гг. Куусинен и Вильгельм Кёнен были назначены ответственными за подготовку и переработку проектов решений, за рассмотрение предложений и ходатайств. Тов. Куусинен вел необходимые переговоры с Лениным, если определенные абзацы подвергались переработке или имелись новые важные предложения и ходатайства об изменениях текста.

Ленин уделял главное внимание тому, чтобы взятые из опыта большевиков основные принципы организации, методов и содержания работы были так сформулированы в тезисах и резолюциях конгресса, чтобы было обеспечено их правильное применение в братских коммунистических партиях.

Я, правда, не входил в названные комиссии, но тов. Куусинен старался чаще привлекать других коммунистов, в том числе и меня, к работе по уточнению формулировок, с тем чтобы они были правильно поняты партийными функционерами на предприятых.

Передаваемые тов. Куусиненом мнения Ленина, его указания, как лучше сформулировать отдельные разделы, не искажая при этом сути дела, были для нас чрезвычайно ценными. Они показывали нам, с какой интенсивностью и упорством Ленин работал над тем, чтобы добиться наибольшего единства теории и практики. Он хотел, чтобы тезисы об организации и работе партий были правильно поняты не только центральным руководством, не только самыми широкими кругами функционеров, активных членов партии, но и каждым мыслящим беспартийным рабочим.

Неделю за неделей работали мы по вечерам, а иногда и ночью, чтобы включить новые предложения и изменения, вно-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 13—15 и 56. *Ред.*

симые Лениным в проекты решений. По примеру Ленина тов. Куусинен пытался обобщить опыт промышленных рабочих, приехавших на конгресс делегатами. Для понимания ленинских организационных принципов, вопросов тактики единого фронта и работы коммунистов в массовых организациях эти вечера и ночи, когда мы работали по инициативе и под руководством Ленина, явились для нас подлинной высшей школой политической работы в духе лозунга Ленина «Ближе к массам».

ЛЕНИН НЕ ЖАЛЕЛ УСИЛИЙ, ЧТОБЫ ПОМОЧЬ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ

Большинство членов делегации ОКПГ несколько раз получало приглашение в рабочий кабинет Ленина в Кремле на беседу. При этом речь постоянно шла о выяснении важных вопросов, связанных с мартовскими событиями и так называемой «теорией наступления». На заседаниях комиссий и Исполкома развернулись долгие и жаркие споры по этим вопросам. Почти невозможно описать, как безответственно, не поддаваясь убеждениям, и упрямо некоторые представители центрального руководства нашей партии все снова и снова отстаивали ошибочные тактические и организационные мероприятия и еще более ошибочную «теорию наступления», которая должна была оправдать их ошибки.

Представители большевистской партии еще и еще раз пытались добиться признания правильности критики как от немецких, так и от поддерживавших их итальянских, венгерских и австрийских товарищей. Представители партии Ленина боролись за достижение полного понимания и прочного единства всего конгресса во всех важных вопросах, которые следовало отразить в решениях.

Беседы с Лениным служили выяснению спорных проблем, по которым не удалось достигнуть единодушия на заседаниях комиссий и Исполкома.

После первой беседы с Лениным у меня осталось впечатление, что он был убежден в том, что ему удастся в результате терпеливых и иногда жарких споров разъяснить в корне неправильные взгляды, которые защищали представители руководства нашей партии. Но во время последующих бесед дело дошло до чрезвычайно резких высказываний Ленина. Они были прямым обвинением как против соответствующих ораторов, так и против некоторых руководящих товарищей из Объединенной коммунистической партии Германии, которые, как например, Брандлер, Тальгеймер, Маслов, Рут Фишер и другие, изобрели и отстаивали «теорию наступления» и навязывали свою волю

другим товарищам в центральном руководстве ОКПГ, в действительности связанным с массами. Во время бесед Ленин снова и еще более подробно разобрал грубейшие ошибки руководства ОКПГ во время мартовского выступления, а также их ошибки в оценке положения после мартовских событий.

Ленин резко выступал против неоднократных заявлений представителей ЦК ОКПГ, которые пытались свалить вину за поражение в марте на массы, заявляя, что массы подвели, что они вообще не были готовы к борьбе. Ленин назвал такое поведение невиданным бесстыдством, сказал, что эти люди недостойны занимать руководящие посты в партии. На основании только что полученного сообщения о забастовке железнодорожников в Баварии он практически доказал им готовность масс к бою при наличии должной подготовки.

Наконец, Ленин неоднократно заявлял, что нельзя допустить, чтобы рабочее движение Германии и в дальнейшем было отдано во власть людей, которые были готовы повторять такие же грубые ошибки, попадаться на провокации противника и в «наступлениях», без малейшей подготовки, вести массы к новым поражениям. Это руководство, говорил Ленин, нанесло громадный вред и могло погубить партию и революционное рабочее движение. Безответственность этих людей неопишима, против них нужно принимать самые крутые меры. Нужно освободить рабочее движение Германии от таких людей, необходимо перед лицом немецких рабочих вести против них открытую борьбу, так как они не хотят признавать своих ошибок и не отказываются от своей неправильной позиции.

Мы, остальные члены делегации, уже во время мартовских событий увидевшие тяжелые ошибки ответственных представителей ЦК и их противоречивые указания, поняли позицию Ленина и были согласны с его линией. Мы ничего не могли добавить к критике, высказанной Лениным, и защищали в делегации эту точку зрения. В конце концов после этих бесед и после заключительных пленарных дискуссий вся наша делегация вместе со всеми другими делегациями, прибывшими на конгресс, единодушно поддержала линию, которую защищал Ленин.

Для меня было огромным событием увидеть Ленина на заседаниях более узкого состава, в неразрывной связи с массами, с их борьбой за свободу и за победу социализма, к которой он указывал им путь. Жизнь и деятельность Ленина являются примером безграничного чувства ответственности перед партией, рабочим классом и массами трудящихся, примером огромной трудоспособности и полного самопожертвования в борьбе и работе для дела социализма, которому он посвятил всю свою жизнь.

Все черты самого лучшего вождя рабочего класса и всего человечества сосредоточились в Ленине. Он был одинаково бес-

попаден в борьбе с врагами социализма и народа и непримирим по отношению к ошибкам и раскольникам внутри партии. Только помощь Ленина Объединенной коммунистической партии Германии на III конгрессе действительно позволила ей начать борьбу и создала предпосылки для подготовки руководящих кадров для партии нового типа.

ПРИМЕР ЛЕНИНСКОГО СТИЛЯ РАБОТЫ

После того как во время продолжавшихся целые недели споров, особенно по германскому вопросу, была достигнута полная ясность во всех подробностях, необходимости в отдельном заседании немецкой делегации не было. Но все же такое совещание было созвано по требованию некоторых членов делегации. На него были приглашены также немецкие делегаты, прибывшие на конгресс Интернационала Красных Профсоюзов, который проходил в Москве в это же время¹. Большинство товарищей были очень рады возможности приветствовать и слышать Ленина в нашей среде.

В качестве постоянных рабочих помещений нашей делегации были отведены некоторые бывшие царские покои. Они находились совсем рядом с залом заседаний конгресса. Мы уже довольно долго ждали прихода Ленина. Наконец Ленину все же удалось освободиться, и он пришел к нам с другими членами делегации и членами Политбюро большевистской партии. Они были встречены сердечными приветственными аплодисментами подавляющего большинства наших товарищей.

Заседание проходило в ленинском, большевистском стиле работы, в соответствии с достигнутыми соглашениями и принятыми на конгрессе решениями. Это, конечно, ни в какой степени не соответствовало антиленинским взглядам и ожиданиям некоторых членов нашей делегации, которые надеялись, что им удастся смазать в своих речах значение совместно принятых решений комиссий и Исполкома Коммунистического Интернационала.

Ленин в самом начале поставил вопрос, пужно ли вообще еще что-либо обсуждать. Ведь все ясно. В связи с желанием многих товарищей, чтобы советские друзья, особенно Ленин, присутствовали до конца заседания, Ленин предложил избрать председателя. Без долгих разговоров был утвержден предложенный Лениным товарищ из Политбюро большевистской партии. Ленин сразу же попросил установить ограниченный регламент для выступлений. Когда он после ряда замечаний пошел на уступки и согласился рекомендовать как максимум десять минут, некоторые товарищи резко возражали ему. Показательно, что в

¹ I Международный конгресс революционных профессиональных и производственных союзов (Профинтерн) проходил в Москве 3—19 июля 1921 г. *Ред.*

результате непосредственного участия Ленина и его быстрых предложений все было проделано стоя.

После несколько взволнованной дискуссии в результате голосования большинство установило для выступлений десять минут. Резкие возражения еще раздавались со стороны тех участников, которые надеялись возобновить дискуссию с советскими товарищами на этом заседании.

Когда, наконец, первый оратор проговорил около пяти минут, Ленин заметил, что было бы хорошо, если бы теперь он перешел к делу. Вскоре председатель предупредил выступавшего, что у него остается три минуты. Но тот только забирался еще дальше в дебри, и, когда десять минут истекли, возникла оживленная дискуссия — продлить ему время для выступления или нет.

Ленин отметил, что уже первый, очень усердный оратор доказал, что ничего нового нельзя больше сказать. Он предложил сократить время для выступлений до пяти минут, что снова вызвало резкие протесты.

После нового отклонения от регламента Ленин еще раз очень настойчиво попросил поддержать его предложение о сокращении времени до пяти минут. Некоторые товарищи, преследовавшие свои цели в этой дискуссии, упрямо возражали, хотя уже и сами почти не надеялись на успех. После того как было установлено пять минут для выступлений, очень скоро выяснилось, что Ленин был прав, так как никто не мог сказать ничего нового, и дискуссия была прекращена.

Ленин кратко выразил свое удовлетворение правильной позицией, занятой большинством товарищей из немецкой делегации, указав, что долгие и горячие дискуссии должны были в конце концов привести к этому. Он вместе с другими руководителями товарищами из большевистской партии простился с нами, пожелав успехов в работе товарищам из Объединенной коммунистической партии Германии.

В кругу наших товарищей после этого еще довольно горячо высказывались «за» и «против», но в конце концов поняли, что от советских товарищей мы не могли ожидать иного совета, что необходимо изучать их гигантский опыт и учиться их упорству, с которым они отстаивают согласованные решения и берутся за их осуществление.

Во всяком случае это особое заседание было важным уроком для всех его участников. Все, что мы, доверенные лица немецких рабочих, пережили вместе с Лениным, и то, чему научились у него, делает его для нас незабываемым, так же как титанический труд Ленина делает его вечно живым для всего человечества.

Незабываемый Ленин: Сборник воспоминаний (Перевод с немецкого). — М., 1958, с. 102—117

МОИ ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ¹

В ГОСТЯХ У ЛЕНИНА

Ни до нашего отъезда из Германии, ни во время путешествия по бурному Балтийскому морю мы не представляли себе, что ожидает нас в Петрограде. Мы не знали, что, когда мы приближались к берегу, часть делегатов проходившего в Москве X съезда РКП (б) стала во главе лучших и доблестнейших сынов русского рабочего класса, которые двинулись ускоренным маршем на север, где прижатые к стене остатки контрреволюционеров снова готовили наступление на молодую республику из морской крепости близ Петрограда. Мы не знали, что, когда мы спускались на берег, поглощенные мыслями о судьбе нашей родины и партии, рабочие, крестьяне и матросы первого в мире социалистического государства готовились к решающему удару против контрреволюционеров и их империалистических покровителей. Когда мы ехали в поезде из Ревеля в Петроград, мост через Нарву, почти полностью разрушенный, напомнил о тяжелых боях и событиях тех дней.

Мы приехали в Петроград, не зная ничего о последнем контрреволюционном восстании. Наша делегация была первой делегацией, которую Центральный Комитет Компартии Германии послал в Москву в Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала в марте 1921 года после объединительного съезда. Нам довелось присутствовать в тот торжественный момент, когда члены Центрального Комитета РКП (б) принимали в отеле «Астория» рапорт командиров о взятии красными частями под руководством тов. Ворошилова мятежного Кронштадта. Двести лет считалась эта крепость неприступной. Рабочие, крестьяне и матросы, среди которых были делегаты X съезда партии, взяли ее штурмом. Эта операция потребовала многих жертв и незаурядной храбрости. Атакующие прошли через тающий лед залива и завершили победу революции. Через несколько дней после этого вооруженного выступления против контр-

¹ Печатаются четыре главы из книги воспоминаний. *Ред.*

революции мы получили приглашение посетить Ленина в его рабочем кабинете в Кремле.

Мы направились туда с чувством напряженного ожидания, подобного которому не испытывали никогда прежде. А когда вошли в кабинет, нас дружески приветствовал выдающийся организатор, теоретик, практик и вождь величайшей в истории человечества революции Ленин, оказавшийся таким простым, таким открытым человеком.

Взволнованные этой встречей, мы выразили Ленину наше восхищение освободителями Кронштадта и соболезнование в связи с жертвами. Он разъяснил нам закулисную историю этих событий. После трехлетней борьбы был положен конец интервенции иностранных государств и от польской границы до Владивостока¹ разбиты белогвардейские армии генералов. И все же меньшевикам и эсерам удалось предательски захватить морскую крепость Кронштадт. Предатели договорились с крупной буржуазией и выдвинули для обмана масс демагогические лозунги вроде «За Советы, но без коммунистов». Поэтому белогвардейцы и силы международного финансового капитала поддерживали мятежный Кронштадт. Учитывая концентрацию в Кронштадте сил внешней и внутренней контрреволюции, необходимо было немедленно освободить эту морскую крепость и очистить ее от контрреволюционной заразы, чтобы сорвать подготовленное выступление войск западных интервентов.

Ленин говорил о чрезвычайно тяжелом положении крестьянства, об эпидемиях и неурожае, о том, что голод на Волге угрожает миллионам людей,— и все это после семи трудных военных лет. Он говорил о том, что только сейчас, после военного подавления упорно сопротивлявшейся контрреволюции, помещиков и банкиров, можно приступить к восстановлению хозяйства. До сего времени был необходим «военный коммунизм», своеобразие которого состояло в том, что он брал у крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого крестьянину продовольствия, чтобы покрыть расходы на армию и на снабжение рабочих. Только теперь можно было осуществить поворот к тому, чтобы привести в движение хозяйственную жизнь, особенно в деревне. Для этого нужно было сконцентрировать все средства и проявить максимум инициативы.

Только что был введен продовольственный налог в стране, и Ленин рассказал о своей новой работе «О продовольственном налоге»². По этому налогу крестьяне должны были сдавать определенное количество зерна в соответствии с размером и качеством имевшейся у них земли. Но другую (это нас тогда очень

¹ Владивосток был освобожден от японских интервентов 25 октября 1922 г.; он являлся последним участком советской земли, находившимся до этого времени в руках интервентов. *Ред.*

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 205—245. *Ред.*

удивляло) — часто даже большую часть они могли свободно продавать или же обменивать на промышленные товары.

Это было началом перехода к новой экономической политике, с помощью которой Советский Союз в течение последующих лет достиг довоенного уровня производства. Как известно, лишь после этого начали проводиться в жизнь пятилетние планы социалистического строительства. Совершенно ясно, что Ленин уже в 1921 году указал путь к планомерному и практическому построению социализма. Он показал, что новая экономическая политика создает для этого все предпосылки. Он с воодушевлением говорил об электрификации страны, которую Советское государство должно было немедленно начать.

Ленин был в те напряженные мартовские дни чрезвычайно перегружен работой, о чем он нам откровенно сказал. Несмотря на это, он с большим вниманием выслушал наши сообщения о разногласиях в Коммунистической партии Германии. Я и Брасс придерживались различных мнений, и нам хотелось именно у Ленина выяснить наши сомнения. Через три месяца после создания Объединенной коммунистической партии Германии произошел глубокий раскол в ее Центральном Комитете. Из ЦК в феврале 1921 года вышли Пауль Леви, Клара Цеткин, Эрнст Деймиг, Адольф Гофман, Отто Брасс. Они представляли меньшинство по так называемому итальянскому вопросу.

Для того чтобы Социалистическая партия Италии, возглавляемая Серрати и Лаццари, стала последовательной ленинской партией нового типа, из нее нужно было исключить группу правых во главе с Модильяни. Это сделало бы ее массовой революционной партией, обладающей большой ударной силой. Серрати одобрил такое решение, но практически его не выполнил. Большинство Коммунистической партии Германии резко выступило против политики Серрати, а Пауль Леви придерживался неопределенной позиции.

Я последовательно и решительно выступил против линии Серрати — Леви и был поэтому послан в Москву представлять эту точку зрения. Отто Брасс представлял другую тактику. Ленин внимательно выслушал нас, задал нам несколько интересовавших его вопросов, но окончательного мнения о расколе в Центральном Комитете Коммунистической партии Германии не высказал. Однако он не оставил никакого сомнения в том, что необходимо по-деловому выступать против политики Серрати.

Ленин начал нас расспрашивать обо всем, что имело какое-либо значение для рабочего движения и культурной жизни Германии. Особенно его интересовали наши общие знакомые, выдающиеся личности, новые течения, но прежде всего положение в стране.

Во время нашей беседы с Лениным была сделана попытка дать трезвый анализ обстановки, выяснить соотношение сил и

определить уровень сознания масс. Ленин своими вопросами хотел выяснить в первую очередь, что думают массы, какой степени зрелости и организованности они достигли, как реагируют на события, каким вождям они доверяют и каким не доверяют, какие силы растут в Германии для нового революционного подъема. Во время этого разговора Ленин не делал никаких выводов. Он хотел выслушать нас и все обдумать. Нам предстояло участвовать в больших международных заседаниях, которые должны были внести ясность в понимание многих вопросов. Позже я вновь встречался с Лениным, правда уже при несколько иных обстоятельствах, и беседовал с ним.

ВСТРЕЧИ В ПРЕЗИДИУМЕ

Мне довелось встретиться с Лениным еще раз в несколько иных обстоятельствах и снова говорить с ним.

Вместе с русскими, французскими, итальянскими и болгарскими представителями соответствующих партий я был избран от Объединенной КПГ в президиум III конгресса Коминтерна, руководивший работой конгресса. Кроме того, был избран почетный президиум во главе с Лениным.

В дни жарких дебатов по поводу ошибок в период мартовских событий 1921 года в Германии подошла моя очередь председательствовать. Русская делегация снова хотела высказаться по поводу специальных заявлений нескольких делегаций, которые не признавали своих ошибок. В этот день, 1 июля 1921 года, на конгрессе царила напряженная атмосфера. Никем не замеченный, через боковую дверь, в президиум прошел Ленин, который хотел записаться для выступления. Он присел, стараясь не привлекать к себе внимания, на верхнюю ступеньку около президиума, где его в какой-то мере укрывали от взоров кулисы. Оттуда он мог видеть ораторов и лучше их слышать. Появившийся позже снимок, изображающий Ленина на ступеньках лестницы с записной книжкой, очень реалистичен.

Ленин получил слово после тов. Террачини, который выступал с обоснованием заявления своей делегации. Ленин отверг пункт за пунктом поправки к тезисам русской делегации по вопросам тактики, содержащиеся в выступлениях, и резко отмет «левые глупости»¹. Ленин говорил по-немецки, так как немецкий язык раньше был общепринятым в международном рабочем движении на конгрессах. Ленин закончил свои классические выступления по вопросам тактики следующими программными положениями: «Если же во время самой борьбы на нашей стороне окажется большинство трудящихся, — не только большинство рабочих, но большинство всех эксплуатируемых и угнетен-

¹ См. «Речь в защиту тактики Коммунистического Интернационала 1 июля» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 23—33). *Ред.*

ных,— тогда мы действительно победим»¹. Продолжительные аплодисменты, горячие овации последовали за этими словами, и гнетущее ощущение напряженности покинуло конгресс. Правые теоретики и ультралевые демагоги, которые пытались ввести конгресс в заблуждение, были окончательно побеждены этой широкой поддержкой ленинских тезисов подавляющим большинством конгресса.

Затем, когда Ленин сделал свой большой доклад о тактике Российской коммунистической партии (большевиков)² и многодневная оживленная дискуссия закончилась, мне выпала честь зачитать от имени президиума следующую резолюцию, в которой содержалось одобрение ленинских положений и вместе с ними политики Российской коммунистической партии (большевиков):

«III конгресс Коминтерна, выслушав отчет тов. Ленина о тактике РКП и ознакомившись с приложенными к нему тезисами, заявляет:

III конгресс Коминтерна взирает с восхищением на почти 4-летнюю борьбу русского пролетариата за овладение и удержание политической власти. Конгресс единодушно одобряет политику РКП, которая с самого начала, при всяком положении, правильно усматривала грозящие опасности и всегда находила средства предотвращать их, оставаясь верной принципам революционного марксизма. И теперь, по окончании открытой гражданской войны, РКП своей политикой по отношению к крестьянам и в вопросе о концессиях и о восстановлении промышленности сосредоточивает все силы пролетариата, чтобы удержать его диктатуру в России до того момента, пока западноевропейские рабочие не придут на помощь своим братьям.

Выражая свое убеждение, что только благодаря этой последовательной и сознательной политике РКП Советская Россия остается первой и важнейшей твердыней мировой революции, конгресс одновременно осуждает предательское поведение меньшевистских партий, которые во всех странах ведут кампанию против Советской России и политики РКП, укрепляя этим капиталистическую реакцию против России и пытаются отсрочить всемирную социальную революцию.

Конгресс призывает пролетариат всех стран стать на сторону русских рабочих и крестьян и осуществить Октябрьские дни во всем мире.

Да здравствует борьба за диктатуру пролетариата!

Да здравствует социальная революция!»³

Продолжительными овациями, рукоплесканиями и криками «ура» делегаты конгресса благодарили Ленина за его всемирно-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 33. *Ред.*

² См. там же, с. 34—54. *Ред.*

³ Третий Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, с. 382—383. *Ред.*

историческую работу во главе советского народа. Но чем восторженнее его приветствовали, тем больше Ленин старался отойти на задний план, подталкивая вперед других членов президиума. Чувствовалось, что такое чествование его явно тяготило.

Постоянная и тесная связь Ленина с широкими рабочими массами стала для меня особенно очевидной, когда я по поручению президиума посетил рабочих бывшего завода Михельсона, где на Ленина было совершено покушение. На этом предприятии Ленин выступал 30 августа 1918 года перед рабочими, которые являлись застрельщиками хозяйственного восстановления. После окончания собрания вражеские пули настигли его, когда он выходил со двора завода¹. Тяжело раненный в плечо, Ленин был вынужден на время отказаться от публичной руководящей работы. Но не прошло и трех недель, как Ленин снова председательствовал на заседании Совета Народных Комиссаров. Однако, как ни старался он со свойственной ему энергией держать себя в руках, покушение и его последствия все же отрицательно сказались на состоянии его здоровья, уже значительно подорванного. Об этом взволнованно говорили со мной рабочие завода Михельсона, после того как я сделал им доклад о значении III конгресса Коминтерна.

ЛЕНИН ПОДНИМАЕТ ВОПРОС О ЕДИНСТВЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

В ленинских логически ясных выступлениях слушателя всегда захватывали его простые положения и точные формулировки. Это были новые выводы, сделанные на основе глубокого анализа обстановки. Так было и с постановкой им вопроса о единстве, которая глубоко взволновала каждого участника дискуссии.

Когда Ленин после III конгресса Коммунистического Интернационала в качестве вывода из работы конгресса со всей ясностью поставил вопрос о настоятельной необходимости восстановления единства рабочего класса, это было не только историческим событием, но и по-человечески волнующим моментом. Это произошло после окончания III конгресса, на совещании руководителей делегаций, на котором выступал Ленин². Неделями велись там горячие споры, в ходе которых обсуждались все революционные возможности, чтобы совершенно ясно определить задачи партии. Вопрос о завоевании большинства рабочего класса как о самой необходимой предпосылке для революцион-

¹ В. И. Ленин был ранен, когда подходил к своему автомобилю, стоявшему во дворе завода. *Ред.*

² Совещание членов немецкой, польской, чехословацкой, венгерской и итальянской делегаций, на котором В. И. Ленин выступил с речами трижды, состоялось 11 июля 1921 г. (см. Полн. собр. соч., т. 44, с. 57—61). *Ред.*

ных выступлений подробно обсуждался на конгрессе. Подчеркивалось, что мы сначала должны завоевать массы, если мы хотим победить. В качестве наиболее сложной проблемы обсуждался также вопрос о завоевании большинства в профсоюзах. И всегда говорилось только о коммунистической партии, перед которой ставилась эта задача завоевания большинства. Тактика привлечения к совместной борьбе социал-демократов не была разработана. Одобрительное замечание было сделано лишь по поводу обращения Объединенной КПП к Социал-демократической партии Германии от 7 января 1924 года — обращения, явно имевшего целью только разоблачение лидеров СДПГ, но ни для Германии, ни для Интернационала не было сделано из этого никаких выводов. Вопрос о завоевании большинства для использования революционных возможностей, которые, особенно в Западной Европе, все еще были налицо, обсуждался неоднократно и с самых различных точек зрения.

Конечным выводом из всех дискуссий на конгрессе явилось ленинское положение, согласно которому в этот революционный период партия сможет выполнить свою ведущую роль только в том случае, если ей удастся обеспечить единство рабочего класса и повести сплоченные массы на решающую борьбу.

Кое-кто стал возражать. Я спросил, почему об этом говорится с такой ясностью только после окончания конгресса. На это товарищи из русской делегации спокойно ответили, что было необходимо именно такое широкое обсуждение, чтобы разработать основную политическую линию для нового этапа революционной активности. А ее можно было разработать во всех подробностях только на основании большого опыта прошедшего конгресса. Так родилась идея пролетарского единого фронта, которая позже была разработана на IV конгрессе Коминтерна.

Никогда не забуду прощального рукопожатия, которым закончилась эта беседа. Ведь это была моя последняя встреча с Лениным.

ПРОЩАНИЕ С ЛЕНИНЫМ

В конце 1923 года я снова был в Москве на одном международном совещании, где мы узнали, что В. И. Ленин тяжело болен и лежит у себя в Горках. В январе 1924 года мы закончили нашу работу и ожидали отъезда в Германию — страну, где компартия тогда была запрещена, где революционный авангард пролетариата был вынужден работать на полулегальном положении. Мы были убеждены в том, что нашей партии удастся привести рабочий класс Германии к новому подъему после тяжелого поражения. В самый разгар наших приготовлений к отъезду, 21 января 1924 года, мы услышали потрясшее нас известие: умер Владимир Ильич Ленин!

Мы все застыли в немом оцепенении. Долго, очень долго мы не могли произнести ни слова. В этот день ни у кого не нашлось достаточно сил, чтобы словами выразить скорбь, охватившую нас, людей, понимавших, кого мы потеряли. Уже в течение нескольких месяцев было известно, что тяжелое заболевание оставляет мало надежды на полное выздоровление Ленина, и все же мучительно трудно было примириться с известием о его смерти. Мы были обеспокоены тем, как будут нами решаться дальше политические проблемы Германии без советов Ленина.

В жестокую стужу, четыре дня и четыре ночи шли сотни тысяч мужчин и женщин Советской России, чтобы навсегда проститься со своим родным Ильичем. Никогда не было более потрясающей картины безмолвного, безутешного горя многих тысяч людей.

Мы стояли у гроба того, кто в тяжелые и критические минуты, во время самого решительного поворота в истории человечества, сказал свое решающее слово, кто совершил всемирно-исторический революционный подвиг в освободительной борьбе человечества, кто был живым воплощением идей марксизма.

В. И. Ленин был человеком, который открыто и сознательно сделал величайший исторический шаг, решающий шаг к действительному освобождению человечества. Когда будет положен конец системе эксплуатации человека человеком, только тогда начнется настоящая история человечества. И Ленин предпринял революционные шаги к тому, чтобы уничтожить помещичью и капиталистическую эксплуатацию в своей родной стране, занимающей шестую часть земного шара. Суть его победного революционного подвига состояла в уничтожении эксплуатации человека человеком. Ленин первый переступил границу между предысторией человечества, в которой мы страдали и боролись, и эрой освобождения человечества, эрой становления подлинного Человека, эрой настоящей истории человечества, которая началась только теперь, после победы социализма.

Гений Ленина продолжает жить! Он не оставил нас одних, когда ушел от нас. Нам остались в качестве источника силы и знаний его труды, которые все больше множат его бессмертную славу. Он оставил нам стойкую, закаленную в боях ленинскую партию большевиков — передовой отряд в борьбе за освобождение все еще угнетаемой и поработенной части человечества, в борьбе за построение коммунизма.

Владимир Ильич Ленин был гением, положившим начало движению человечества по пути социализма и предопределившим дальнейший победоносный ход этого движения.

Кёнен Вильгельм. Мои встречи с Лениным. — М., 1960, с. 19—23.

ВПЕРВЫЕ
НА МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ¹

...В это время в Москве, в Большом Кремлевском дворце, проходил III конгресс Коммунистического Интернационала. Те из нас, кто состоял в коммунистической партии, были кооптированы в состав английской делегации.

Перед открытием конгресса нашу группу провели по Кремлю. Во время прогулки произошло много забавных случаев, связанных с предметами, о которых мы помнили еще со школьных времен из прочитанного о Москве и Кремле.

Но когда наконец открылся конгресс и мы вошли в большой зал, я был буквально потрясен великолепием и роскошью. Позолота и блеск, колонны, золотые украшения, какой-то предмет над столом президиума, напоминавший огромный золотой глаз. Я впервые видел нечто подобное. Помню, что у меня мелькнула мысль: «У нас пытаются внушать рабочим, будто хозяева позволяют нам путем голосования лишить их права на такую роскошь». Я мысленно представил себе оргии, свидетелем которых, должно быть, являлся этот зал, великолепие дамских нарядов и мужских мундиров. Чтобы щекотать нервы пресыщенных паразитов, пировавших в этом зале до революции, вероятно, расходовались огромные суммы денег. И как контраст, в памяти моей возникло все, что я когда-либо читал о России: бедность, нищета и угнетение, черные сотни, колонны ссыльных на пути в Сибирь, казацкие нагайки, Кровавое воскресенье 1905 года, вооруженная интервенция Черчилля и Ллойд Джорджа, голод и блокада.

Теперь в этом зале, который когда-то занимали тираны и угнетатели, сидели революционные рабочие со всей земли. Я воспринимал это как предзнаменование всемирной победы рабочих. В Ланкашире я много раз думал, что нельзя ненавидеть правящий класс больше, чем ненавидел я, но когда я смотрел на

¹ Фрагмент из главы VIII книги «Годы политического ученичества».
Ред.

этот зал и думал, что подобное великоление, основанное на эксплуатации и нищете рабочего класса, все еще существует в Букингемском дворце и в любой другой капиталистической столице, эта ненависть усилилась во сто крат. Я дал себе обет и надеюсь никогда его не нарушить, сделать все, что в моих силах, чтобы вместе с товарищами по коммунистической партии бороться за окончательное уничтожение господства эксплуататоров.

Теперь, вспоминая прошлое, я сознаю, что во время моей первой поездки в Москву эти впечатления от контраста между страной, где блага жизни принадлежат народу, и страной, где мизерный класс пользуется ими для порабощения масс, оказали на меня большее влияние, чем речи и резолюции.

Однажды днем мы все ожидали приезда на конгресс тов. Ленина, который должен был сделать доклад о новой экономической политике Советского государства¹. Представьте охватившее меня волнение! Мне предстояло собственными глазами увидеть величайшего из когда-либо живших революционных деятелей. Мы с Томом прохаживались по фойе главного зала, когда внезапно почувствовали, что атмосфера стала напряженной, и услышали шепот: «Ленин идет». Появился тов. Ленин. С бумагами в руке он быстро шел по коридору, отвечая на раздававшиеся со всех сторон теплые приветствия.

Том Манн сказал мне, что должен с ним поговорить, и, когда Ленин приблизился, пошел ему навстречу. Ленин радостно приветствовал Тома Манна. Когда он рассказывал, как внимательно следит за деятельностью Тома, лицо Ленина освещалось улыбкой. Мне удалось только пожать ему руку. Мое имя ничего не говорило Ленину, но его рукопожатие очень много значило для меня. Направляясь к своему месту в зале заседаний, я буквально летел по воздуху.

Я не собираюсь даже в кратком изложении приводить речь, которую произнес тогда Ленин. Ее можно найти в английском издании «Избранных произведений». Хочу только отметить, что, слушая перевод, я был поражен простотой и непринужденностью, с какой говорил Ленин, делая кристально ясными самые трудные вопросы.

Этот день, когда я встретился с тов. Лениным, был самым значительным днем в моей жизни.

Я должен упомянуть еще об одном впечатлении, сохранившемся у меня о Москве и о III конгрессе. Шло последнее вечернее заседание. Выступления кончились. Каждая делегация стала петь свои революционные песни. Первыми начали рус-

¹ По вопросу о новой экономической политике В. И. Ленин говорил на III конгрессе Коминтерна в «Докладе о тактике РКП 5 июля» (см. Полн. собр. соч., т. 44, с. 44—49). Заседания конгресса проходили в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца. *Ред.*

ские, спевшие гимн в память о тех, кто боролся и погиб во имя революции. Никогда не забуду этот постоянно возрождающийся в памяти мотив. Казалось, что в этой песне отражалась вся славная история большевиков. Я оглянулся, чтобы посмотреть, есть ли слезы в глазах других участников конгресса, а когда увидел, что и другие так же тронуты, то понял, что ничто не может разорвать узы товарищества, которые связывают всех коммунистов. За первой песней последовали другие. Затем пели немецкие, французские, балканские, итальянские и испанские товарищи. Англичане и американцы выглядели бледно, потому что ни в той, ни в другой стране еще не появилось достойной такого торжественного случая революционной песни.

В заключение запели «Интернационал», и тут-то мы постарались изо всех сил! III конгресс закончился...

Поллит Гарри. Годы политического ученичества.— М., 1960, с. 125—127

НА КОНГРЕССАХ КОМИНТЕРНА¹

Когда в 1919 году Ленин выступил инициатором создания Коммунистического Интернационала, он называл его «генеральным штабом мировой революции». В процессе борьбы против мирового капитализма, который наблюдается и в настоящее время, Коммунистический Интернационал столкнулся с комплексом сложных проблем в развитии революционной стратегии международного рабочего класса, с комплексом промышленных кризисов, с волной забастовок, колониальными переворотами, необъявленными войнами и пр. Пока II Интернационал, пораженный этим калейдоскопом событий, искал выхода, Коминтерн продвигался вперед, давая глубокий марксистский анализ загнивающего капитализма и вырабатывая политику, которая все больше и больше становилась программой миллионов эксплуатируемых мира.

Мне посчастливилось присутствовать на некоторых всемирных конгрессах Коминтерна и расширенных пленумах Исполнительного Комитета Коминтерна, а также участвовать в ряде совещаний Красного Интернационала профсоюзов, в ходе которых был внесен значительный вклад в развитие мирового анализа эпохи и в выработку соответствующей политики. В этих конгрессах и пленумах участвовали славные революционные борцы, которые в течение целого поколения находились в гуще всех больших стачечных движений и революционных выступлений во всем мире — от Лондона до Шанхая и от Торонто до Буэнос-Айреса. Эти конгрессы были самыми ягучими и поучительными событиями во всей моей политической деятельности.

Впервые мне довелось видеть Ленина на III Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала в Москве в 1921 году. Когда я его увидел, он скромно стоял у прохода, который вел к трибуне в бывшем царском дворце, и вслушивался в речь

¹ Отрывок из книги У. Фостера «Pages from a workers life» («Страницы из жизни рабочего»), изданной в Нью-Йорке в 1939 г. *Ред.*

одного из делегатов. Это был один из самых волнующих моментов моей жизни. Вот он — великий вождь угнетенных всего мира; вот тот человек, одно имя которого бросает в жар эксплуататоров в самых отдаленных углах земного шара. Я так внимательно рассматривал его, шагающего по залу, что его личность и жесты глубоко запали в мою память.

Я был проникнут глубоким интересом к личности Ленина, ибо он оказывал в тот момент сильное влияние на мои идеологические взгляды и деятельность. Привлеченный вначале к коммунистической партии позицией Ленина в вопросе о профессиональных союзах, я в период III конгресса усиленно изучал его произведения.

За многие годы я прочел сочинения чуть ли не всех социалистов, анархистов и синдикалистов. Имел я также немалый опыт практической работы в массовых движениях этих направлений, но совершенное учение Ленина поражало своей новизной и глубокой убедительностью. Нельзя было не согласиться с его блестящим анализом капитализма эпохи империализма, с его уничтожающей критикой ревизионизма, синдикализма и анархизма. Мне было нетрудно принять его учение о диктатуре пролетариата, его генеральную программу коммунизма. Ведь эти его положения опирались на живую действительность Октябрьской революции. Больше 20 лет я брел в темноте, пробираясь ощупью и, наконец, благодаря Ленину стал на твердую революционную почву.

Когда Ленин выступал на конгрессе, он производил впечатление человека здорового и очень активного в борьбе. Он был оратор особого свойства. Когда Ленин говорил, весь конгресс с затаенным дыханием следил за развитием его мысли. Ленин был столь глубоким мыслителем и в то же время высказывался со столь исчерпывающей ясностью, что, когда он говорил или писал, он как бы на ладони держал обнаженную сердцевину разбираемой проблемы.

*Печатается по тексту газ.: Вечерняя Москва, 1940, 22 апреля, № 93, с. 3, сверенному и дополненному по книге:
Foster William Z. Pages from a workers life. — N. Y., 1939, p. 294 —
295*

ВЫДАЮЩИЙСЯ УМ И УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК¹

Это было в 1921 году в Москве. Ехал я на III конгресс более или менее нелегально. В то время было довольно не просто добраться от Бельгии до Москвы.

Чтобы понять, что происходило тогда, надо вспомнить то время. Социалистическая революция победила в России, но в других странах Европы она находилась в «отступлении», ибо революционное движение рабочих и солдат там было жестоко подавлено или подавлялось империалистами не без помощи правых вождей социал-демократии. Однако в коммунистическом движении находились люди, которые, не считаясь с исторической и политической ситуацией, утверждали, что, несмотря на это, нужно повсюду переходить в наступление, вести наступательные бои.

На конгресс собралось много «левых». Я тогда тоже ходил в «леваках». Мы спорили в комиссиях и на пленарных заседаниях. «Левые» вели словесные атаки против сторонников ленинской тактики.

Ленин в то время был чрезвычайно занят. Он работал 24 часа в сутки. Надо иметь в виду, что Советская Россия в то время испытывала чрезвычайные трудности: последствия иностранной интервенции, голод, проблемы промышленного развития и т. д. Это было время начала нэпа. Естественно, что Ленин, как глава Советского государства, был очень занят и утомлен. Тем не менее он много работал на конгрессе.

Я помню, как Ленин выступал на одном из заседаний конгресса. Он говорил по-французски. Речь его не была броской по форме, как у ряда популярных ораторов, наоборот, она была очень простой, но поражала своей аргументированностью. Это был блестящий ум, проникавший в сущность политической ситуации в целом и видевший перспективы мирового революционного движения. Он был и выдающийся теоретик, и реалист.

¹ Запись беседы с Ф. Куненом корреспондента АПН в Брюсселе В. Недбаева. *Ред.*

Помню, как на конгрессе выступил бывший тогда тоже «левым» итальянец Террачини. Он яростно нападал на взгляды сторонников Ленина. В своем выступлении Владимир Ильич подверг беспощадной, но убедительной критике выступление Террачини. Он разобрал его тезис за тезисом так, что под конец Террачини был буквально раздавлен ленинской аргументацией¹. Но будучи нетерпимым в политическом и идеологическом плане, Ленин был прост и откровенен в отношениях с товарищами. И если он резко полемизировал с кем-нибудь из делегатов конгресса во время выступления, то в кулуарах конгресса он был очень дружелюбен со всеми участниками. Он говорил, что надо абсолютно непримиримо вести идеологическую и политическую борьбу, но что в этой борьбе не должно быть никакой личной враждебности по отношению к товарищам.

Безусловно, III конгресс Коминтерна явился поворотным пунктом в международном революционном движении. В отличие от «левых» Ленин призывал всех участников конгресса к тщательной подготовке революции; это не имело ничего общего с левацкими лозунгами. Подготовка революции означала на деле призыв к созданию и развитию повсюду крепких коммунистических партий, авангарда революционного движения, к укреплению и расширению их связей с рабочим классом. Только такая кропотливая работа гарантирует успех мировому революционному движению.

Сила ленинской мысли была настолько велика, что, несмотря на разногласия, участники конгресса одобрили ленинские тезисы, и многие из них впоследствии отошли от «левачества» и сами активно боролись против него.

Да, безусловно, это был выдающийся ум и удивительный человек.

*Воспоминания о В. И. Ленине.
В пяти томах. Т. 5.— М., 1969,
с. 390—391*

¹ Левосектантские ошибки У. Террачини В. И. Ленин подверг критике в «Речи в защиту тактики Коммунистического Интернационала 1 июля» (см. Полн. собр. соч., т. 44, с. 23—33). Вскоре У. Террачини сумел по-партийному преодолеть свои ошибки (см. настоящий том, с. 399).
Ред.

ЧЕРЕЗ КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ¹

«Входите, товарищи!» — услышал я вежливое приглашение на хорошем английском языке.

Только я ступил на подножку вагона-ресторана, бережно нащупывая в кармане делегатский мандат, как в сумерках со стороны Ревельского вокзала послышался топот подкованных сапог и бранные крики.

«Гуд бай!» — во всю глотку крикнул я своим преследователям и захлопнул вагонную дверь, не забыв повернуть за собой ключ. В сопровождении юноши, ответившего на мой стук, возбужденно смеясь, я прошел в глубь вагона. Закопченная лампа высветила лица трех товарищей, сидевших за столом. Все они оказались работниками Народного комиссариата иностранных дел в Москве. Узнав, что я прибыл как делегат Лиги японских социалистов в США², дипломаты сразу почувствовали себя принужденно и принялись приветствовать меня — японца, которого они видели впервые в жизни.

Поезд, давший мне приют, привез в Ревель народного комиссара внешней торговли Красина и дожидался на станции зарубежных делегатов III конгресса Коминтерна, чтобы отвезти их в Москву. Поезд был готов тронуться, как только соберутся все делегаты.

— Сколько товарищей уже прибыло?

— Шестнадцать делегатов: из Испании, Франции, Голландии, Германии, других стран. Из Америки пока никого. На предыдущем поезде уехал товарищ Хейвуд из «Промышленных рабочих мира».

Вошел, улыбаясь из-под густых усов, проводник в унылого цвета рубашке. «Товарищ Ундзо Тагути», — представили меня.

¹ Фрагменты из книги «Через Красную площадь». — Токио, «Тайсю коронса», 1930. *Ред.*

² На III конгрессе Коминтерна У. Тагути (Такегучи) выступал от имени японской коммунистической группы в США (см. Третий Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, с. 11, 25). *Ред.*

«Добро пожаловать! Небось, нелегко пришлось, пока добрались до нас. Но теперь все позади,— добродушно проговорил проводник, поставил фонарь на стол и пожал мне руку.— Устали? Я провожу вас в купе».

Отведенное мне купе с туалетной комнатой поражало своим великолепием. Меня предупредили: «Ни в коем случае не покидайте вагона — на станции хозяйничают эстонские власти. В поезде можете быть спокойны — здесь советская территория».

Поздно вечером в поезд пробрался эстонский товарищ. Он сообщил нам неприятную новость: власти арестовали двух венгерских делегатов. Эстонец произнес перед нами страстную речь: «Эстонские рабочие не примирятся с репрессиями и белым террором. Верьте, товарищи, скоро наступит день, когда мы снова будем в одних рядах с вами! Мы ждем помощи от конгресса Коминтерна».

ПЕТРОГРАД

Взволнованные горячими словами эстонского коммуниста, мы ответили ему громкими аплодисментами, от которых задрожали стекла. Больше оставаться на станции было нельзя. На следующее утро в 10 часов поезд, медленно набирая скорость, двинулся по широкой колее навстречу рабоче-крестьянской России.

«Товарищи! — Этот возглас заставил меня вздрогнуть и перевести взгляд с зеленеющего рожью поля на стоящего у вагона проводника.— Мы только что пересекли эстонскую границу», — сообщил нам проводник. Стоя у залитых солнцем окон, мы выслушали его приветственную речь: «Я счастлив, что мы успешно выполнили важную задачу — благополучно привезли на советскую территорию вас, представителей мирового пролетариата».

Да, наконец мы в России, в революционной России.

На следующее утро в 10 часов, с небольшим опозданием, поезд прибыл в Петроград. На платформе нас встретили депутаты Петроградского Совета. Речи, приветствия... Станционные пути заняты разбитыми вагонами, заржавевшими паровозами и котлами. Казалось, что здесь недавно был пожар. Россия испытывала острую нужду в паровозах, не было возможностей для их ремонта.

Нас рассадили по трем грузовикам, и они помчались со своим оживленно беседующими пассажирами по ровным петроградским улицам. На Невском проспекте бросились в глаза плакаты: «От гражданской войны — к советскому строительству!», «Кто не работает, тот не ест!».

В МОСКВЕ

Сделав несколько поворотов, мы выехали к густо заросшему парку, посреди которого блестел золотом купол собора. Напротив собора возвышался отель «Националь». Колонны из белого мрамора поддерживали трехэтажное солидное здание. Огромные витражи, мрамор, тропические растения в кадках, широкая длинная лестница и просемы, завешанные полотнищами с красными надписями «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

«Просто глазам не верится!» — тихо произнес смущенный радушным приемом английский делегат. «Так и должно быть. Ведь мы в России — стране рабочих и крестьян!» — ответил ему француз.

Нам предложили на выбор: остаться на один день в Петрограде или сразу же продолжить свой путь в Москву. Я сказал: «Я — за остановку; Петроград — колыбель русской революции, именно здесь в результате Октябрьской революции была установлена гегемония пролетариата». «Никаких возражений. Быть в Петрограде — и не видеть Зимнего дворца, рavelинов Петропавловской крепости, кто с этим согласится!» — поддержал меня кто-то из делегатов.

Все единодушно согласились отсрочить выезд в Москву до вечера следующего дня. Утром, когда я спустился по мраморной лестнице и вышел из гостиницы, мой взор поразила широкая озерная гладь полноводной Невы. «Там в ноябре крейсер «Аврора» угрожал Зимнему», — указывает в сторону моста мой сопровождающий — депутат городского Совета. Мы направляемся к мосту...

Утро в Москве наступает необычно рано. На рассвете загремели колокола многочисленных храмов. С раннего утра на Тверской улице мимо гостиницы «Люкс», в которой остановились делегаты конгресса, течет лавина людей, направляющихся к Красной площади. А над их головой гудят колокола. Мои знакомые объясняют мне, что это демонстрация и что демонстранты призывают поскорее покончить с махновцами на Украине. Проходя мимо гостиницы, демонстранты кричат: «Да здравствуют делегаты Коминтерна!» Идет колонна знаменосцев. Слово по черному людскому морю проплывают удивительные корабли с красными парусами. От одного берега моря к другому яростной волной несутся звуки «Интернационала».

Один американский товарищ, восхищаясь характером Лепина, говорил о нем как о человеке мягком и добродушном. Американцу возразил старый большевик С., лично знавший Ленина. Весной 1917 года вместе с Лениным он возвращался в Россию из эмиграции. «Я не могу с вами согласиться, — сказал старый

большевик, — нет человека более решительного и твердого, чем Ленин. Во всех своих поступках Ленин исходит из классовых интересов».

О КОМПРОМИССАХ И НЕПРИМИРИМОСТИ

Я не мог не согласиться со старым большевиком. Ленин написал тогда свою работу «Крах II Интернационала», в которой вел бескомпромиссную теоретическую борьбу с лидерами II Интернационала¹.

В 1920 году соглашательская позиция, занятая тогдашним вождем тред-юнионов Смайли, оказалась причиной того, что крупная забастовка английских шахтеров не дала желаемых результатов. В соответствующем заявлении Смайли говорилось: «Даже правительство Советской республики, считающееся передовым отрядом боевого пролетариата, пошло на компромисс с германским империализмом (кайзером), заключив Брест-Литовский мирный договор». Между строк следовало читать: «Поэтому, если мы и пошли на компромисс с шахтовладельцами, то в этом мы никак не изменили своей цели». Вскрывая ошибки таких людей, как Смайли, и стремясь помочь английскому рабочему движению, Ленин говорил, что есть отвратительные компромиссы, которые означают предательство, и есть компромиссы вынужденные, навязанные силой. К первым относится случай с «вождями» английских тред-юнионов, к последним — позиция Советского правительства на мирных переговорах в Бресте.

Предположим, говорил Ленин, к вам в дом ворвались вооруженные бандиты. Если вы будете драться с пустыми руками и погибнете бесцельно, это будет глупейшей непримиримостью. Если вы отдадите бандитам все, что они потребуют, а потом другим способом вы сможете поймать их самих, такой компромисс никогда не будет недопустимым. Именно к такой тактике мы прибегли на мирной конференции в Брест-Литовске.

Но вот кто заодно с бандитами грабит других, чтобы участвовать в дележе добычи, тот идет на самый отвратительный компромисс. Разве примерно не так действуют «вожди» тред-юнионов? Они умышленно искажают позицию Советского правительства на мирных переговорах в Брест-Литовске, чтобы замаскировать и оправдать свои постыдные поступки...

¹ Работа «Крах II Интернационала» написана В. И. Лениным в 1915 г. (см. Полн. собр. соч., т. 26, с. 209—265). *Ред.*

ЛЕНИНСКИЕ ЧЕРТЫ

Однажды вечером в отеле «Люкс» я познакомился с товарищем Рутгерсом. Он только что вернулся из инспекционной поездки по шахтам Кузбасса. Рутгерс не только революционер. Он прекрасный инженер. Будучи в Америке, Рутгерс создал в качестве вывески для своей революционной работы фирму по торговле с Явой, приносящую средства для его деятельности. Рутгерс издавал также пропагандистский журнал левого крыла американских социалистов «Новое общество». Он оказывал материальную помощь многим революционерам, среди которых был и Сэн Катаяма. Побывав несколько раз в Японии, Рутгерс прекрасно разбирался в ее делах. Когда в 1918 году, вскоре после революции, Рутгерс оказался в Японии, по пути из США в Россию, он встретился с группой старых социалистов. «Хорошие товарищи у вас в Японии,— сказал он мне и рассказал один эпизод, связанный с этой встречей.— Они тогда вручили мне 16 иен и попросили отвезти в Россию в качестве подарка русской революции. Во время учредительного конгресса Коминтерна в 1919 году я внес эти деньги на организационные расходы Коминтерна. Так они значатся в бухгалтерских отчетах Коминтерна, как средства, внесенные Социалистической партией Японии. Видите, какая удивительная вещь. Оказывается, между Японией и Коминтерном существует органическая связь со времен его основания».

Прощаясь с Рутгерсом, я попросил его представить меня Ленину, чтобы передать ему послание от Сэн Катаямы. Рутгерс сказал, что до конгресса Ленин будет очень занят, и обещал познакомить меня с ним через несколько дней после начала конгресса.

Владимир Ильич Ленин! Уже много лет мы с восхищением прислушиваемся к этому звонкому русскому имени.

Ленин! Для пролетариата всего мира это имя звучит призывом к революции (далее несколько слов вычеркнуто японской цензурой). Уже почти три месяца я живу в России, и не было ни одного дня, когда б я не слышал в разговоре простых людей с любовью произносимые слова «товарищ Ленин». Встретились двое где-нибудь в гостинице, на улице, в трамвае, в театре, в любом уголке Москвы, и непременно услышишь в их беседе слова «товарищ Ленин». Словно о близком друге, советские люди говорят о Ленине, произносят его имя, пожимая друг другу руки. «Вы встречались с Лениным?» На этот вопрос многие с гордостью отвечают: «Да, я знаю Ленина. Ленин — наш отец!» Однако большинство из них видели Ленина лишь издали. А я видел Ленина, видел хорошо, своими глазами после открытия конгресса Коминтерна. Я слышал его сильный голос!

Ленин появился на заседании конгресса, когда разгорелись

споры по итальянскому вопросу. Проницательный, лучистый взгляд, идущий из глубины глаз, округлое лицо, наполовину заросшее рыжеватой бородкой, — я видел Ленина! В этот день он произвел на меня потрясающее впечатление. Когда группа Серрати предложила свои поправки к 21 условию вступления в Коминтерн, Ленин сердито взбежал на трибуну. «Группа Серрати — настоящие оппортунисты! Мы благодарны ей за сочувственное отношение к России после революции, но мы должны разгромить ее оппортунистические тенденции в Италии».

СЛОВО, БЬЮЩЕЕ В ЦЕЛЬ

Речь Ленина острая, каждое слово бьет в цель. Ленин не щадит своих оппонентов, не говорит обиняками. Он не знает компромиссов и колебаний. В его движениях чувствуется сила и гибкость. Не давая себе передышки, Ленин страстно опровергает доводы противников. Он сражает их своей иронией, острой и холодной, как бритва.

Группа Серрати — Лаццари требовала внесения поправки к одному из условий приема в Коминтерн, из которого следовало, что от одной страны в Коминтерн следует принимать не больше одной партии. Ответ Ленина на это требование был суровым: Ленин говорил об опасности усиления фашизма в Италии и доказывал необходимость размежевания с оппортунистами.

Прения по итальянскому вопросу были закончены в три часа дня. У выхода из зала заседаний, в коридоре, покрытом красным ковром, меня нагнал Рутгерс. Удержав меня за руку, Рутгерс сказал: «Сегодня как раз удобный случай представить вас товарищу Ленину».

Я буквально подпрыгнул от радости. В том, как Рутгерс произносил имя Ленина, чувствовалось его глубокое уважение и кипящая, словно горячий источник, любовь к вождю.

Для заседаний конгресса Коминтерна был отведен большой зал Кремлевского дворца. Он знаменит тем, что в царское время здесь собирались сановники для принятия решений по государственной политике. Теперь же сюда собираются делегаты пролетариата, чтобы обсуждать проблемы и тактику мирового революционного движения.

Беломраморные колонны обвиты красной тканью, пол в коридоре выстлан красным ковром. С потолка на стену у президиума свисают полотнища, на которых красными буквами на четырех языках — русском, немецком, английском, французском — написан лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Когда-то отсюда, наверное, важно смотрели в зал портреты русских царей.

Мы с Рутгерсом долго пробирались по бесконечному лабиринту залов и коридоров, пока не остановились перед одной из комнат. На наш стук послышался тихий, но отчетливый ответ на русском языке: «Входите, пожалуйста!»

Большой прочный стол. На его отполированной поверхности лежит одна книга, прижатая на раскрытой странице ножом для бумаги. Ленин, оторвавшись от чтения, поднимается нам навстречу.

Глаза! Сузившись в тонкую ниточку, они ласково улыбаются нам из-под бровей. Рыжеватая борода, густые усы, широкие плечи... Неожиданный для меня Ленин. Теперь передо мной был совершенно иной человек в сравнении с тем, которого я видел на трибуне конгресса III Интернационала.

Комната обставлена очень скромно, без всяких украшений. Прежде всего в глаза бросаются книжные шкафы, занявшие под прямым углом две стены довольно просторной комнаты. Они набиты книгами.

«ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»

Как только Рутгерс закончил свою рекомендательную речь, Ленин неожиданно повернулся ко мне и протянул руку: «Добро пожаловать, товарищ!» Я не ожидал столь быстрой реакции и смутился, как деревенский парень.

«Я слышал, что у вас много хороших коммунистов. Теперь они с большой энергией возьмутся за дело. Многие русские товарищи возлагают большие надежды на ваше движение. И я радуюсь от всего сердца».

Всего лишь три дня назад журнал «Коммунистический Интернационал» напечатал присланный мне манифест о создании Коммунистической партии Японии¹. Английский текст манифеста был безупречен. Когда, прежде чем представить манифест в секретариат Коминтерна, я показал его Коллонтай, она восхищенно воскликнула: «Никогда не думала, что среди японцев есть такие знатоки английского языка!»

С образованием Коммунистической партии Японии я и мой товарищ Симабара получили из страны делегатские мандаты. Изумление, радость, неописуемая радость охватили меня. Я испытывал такое чувство, как будто чья-то невидимая рука вытолкнула меня из тьмы на свет.

Приехав в Россию с мандатом Лиги японских социалистов в США, я чувствовал себя как-то пеловко среди делегатов из разных стран, имеющих за собой мощные партии и десятки,

¹ Коммунистическая партия Японии была организационно оформлена в июле 1922 г. *Ред.*

сотни тысяч пролетарских масс. И только я мог по-настоящему ощутить всю эту радость признания.

Когда Рутгерс попрощался с Лениным и поднялся со своего места, Ленин сказал мне: «В ближайшее время в Москве будет создан университет для обучения трудящихся Востока. Присылайте и вы из Японии надежных товарищей, борцов».

Крепко пожав мне руку, Ленин продолжал с какой-то огромной внутренней силой: «Россия, наконец, избавилась от мировой и гражданской войн, позади осталось время контрреволюционных мятежей, создан фундамент для укрепления пролетарской власти. В этом смысле III конгресс можно назвать первым конгрессом Коминтерна в условиях мира. Вам предстоит еще много и крепко поработать, товарищ!»

НЕИЗГЛАДИМОЕ¹

Я уже старый человек, много на моем веку было интересно, важного, но самым дорогим и светлым в памяти осталось воспоминание о встречах с Лениным².

Вот тогда я впервые увидел и услышал Ленина. Ленин говорил тогда об ультралевоопасности в коммунистических партиях, которая грозила изоляцией партий от масс. В нашей чехословацкой делегации тоже был ряд товарищей, грешивших «левизной», в том числе и я сам. Прежде всего поразило нас в Ленине удивительно естественное сочетание величия и мудрости с простотой и скромностью... Тем более это бросалось в глаза нам, молодым деятелям партии, привыкшим к барскому высокомерию и чванливости старых социал-демократических лидеров.

Мы слушали его как зачарованные. Мы знали многих знаменитых ораторов, но никого из них нельзя было сравнить с Лениным. Ленин — это было абсолютно новое, ни с чем не сравнимое явление. Его устами говорили с нами новая эпоха, новый мир, Страна Советов, большевики. Иногда казалось, будто хорошо разбираешься в том или ином вопросе. А послушаешь Ленина, почувствуешь — только теперь начал понимать, что к чему...

Однако несмотря на всю простоту и скромность этого великого человека, я испытывал глубокое волнение и даже робость, когда меня пригласили на личную беседу с Владимиром Ильичем о чехословацких делах. Он встретил меня, держа в руках номер либерецкой газеты «Форвертс», в которой я опубликовал тогда доклад одного из основателей КПЧ Б. Шмерала на учредительном съезде нашей партии со своими критическими комментариями. Ленин спросил, мой ли это перевод доклада Шмерала и

¹ Воспоминания печатаются в записи, сделанной корреспондентом ТАСС М. Никиточкиным в 1963 г. *Ред.*

² Встречи К. Крейбиха с В. И. Лениным происходили во время работы III конгресса Коминтерна. *Ред.*

хорошо ли я знаю чешский язык. Я ответил утвердительно. А потом, наклонив слегка голову и прищурился, он с типичной лукавой ленинской усмешкой деликатно спросил меня, а насколько точно перевел я доклад Шмерала. И прежде чем я собрался ответить ему, он указал мне на то место моего комментария, где я высмеивал призыв Шмерала к осторожности в политике. Он говорил, что неправильно упрекать революционера, политического деятеля за проявление осторожности. Ленин сказал о своем намерении пзучить чешский язык, чтобы иметь возможность самому непосредственно следить за делами чехословацких коммунистов. В этой связи он подчеркнул исключительно большую роль нашей коммунистической партии ввиду ее положения в Центральной Европе и ввиду того, что она массовая партия.

Потом мы группой беседовали с Лениным. И всех нас изумило, что человек, руководивший огромной страной, где было столько сложнейших проблем, говорил с нами без спешки, спокойно, как если бы у него не было никаких других дел. Как он терпеливо, внимательно выслушивал нас, новичков в коммунизме, со всеми нашими наивностями и ошибками!

На всю жизнь запомнился мне случай в комиссии, которая должна была окончательно отредактировать тезисы о тактике. Ленин уже до этого убедительно показал несостоятельность наших поправок к тезисам, но мы, раззадоренные, все еще продолжали петушиться. И Ленин, отвечая нам, не произнес ни одного слова, которое звучало бы как личный выпад. Отвечая мне, например, он немилосердно разбил все мои «аргументы», но таким образом, что даже легко уязвимый человек не почувствовал бы личной обиды. Ни в словах, ни в тоне Владимира Ильича не было намека, что перед ним не совсем искушенные в жизни и политике новички.

А мы, «левые», несмотря на то что все наши «аргументы» были опровергнуты, закусив удила, продолжали настаивать на своем. Когда тезисы поставили на голосование, каждый член комиссии должен был голосовать устно, говоря «за» или «против». Один страстный защитник тезисов, голосуя, сказал: «Я — за Ленина». По комнате пробежало веселое оживление, улыбнулся и Ленин. Затем должен был голосовать я. И у меня, озябшего упрямством, под общий смех сорвалось с языка: «Я — против Ленина». Испуганно смотрю на Ленина, а он тоже улыбается. Мне стало стыдно.

В комиссии по тактическим вопросам обсуждался вопрос о нашей партии. Ленин принимал самое живое участие в дискуссии, сам вел ее. Мы со Шмералем выступали друг против друга. Ленин и здесь напомнил мне о моей критике осторожности Шмерала. Очень убедительно он рассказал о том, с какой осторожностью поступали большевики в период между Февральской и

Октябрьской революциями. Обращаясь ко мне и Шмералю, он посоветовал: «Шмераль должен сделать два шага влево, а Крейбих — один шаг вправо»¹. Ленин говорил о необходимости быстрого объединения чехословацкой коммунистической партии с немецкими коммунистами в Чехословакии. Это было условием ее принятия в Коминтерн.

Много ценных советов дал нам на дороге Ленин. Мы поняли, сколько еще мы не знаем и как много нам нужно учиться. И потом запала в душу еще одна ленинская заповедь: коль допустил ошибку, сделай из нее вывод, чтобы не повторять глупости.

И вспоминая все это снова и снова, испытываешь гордость от того, что великий вождь трудящихся стоял непосредственно у колыбели нашей Коммунистической партии Чехословакии.

Прага

*Известия, 1963, 20 апреля, № 95,
с. 4*

¹ Во второй речи В. И. Ленина на совещании членов немецкой, польской, чехословацкой, венгерской и итальянской делегаций 11 июля 1921 г. об этом сказано так: «В комиссии я говорил, что для того, чтобы найти правильную линию, Шмераль должен сделать три шага налево, а Крейбих — шаг направо» (см. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 44, с. 60). *Ред.*

ТРИ ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ¹

1. В ЗАГОРОДНОМ ДОМЕ

Трижды мне довелось встретиться с Лениным в период между июлем 1921 года и январем 1924 года. До этого я знал лишь о его имени и трудах. Он был известен мне больше как революционер, чем теоретик марксизма. И то совсем немного времени. Действительно, если сегодня, оглядываясь назад на свою жизнь, я могу охватить памятью и моим непосредственным свидетельством целые полвека итальянского и международного рабочего движения, то тогда по своей молодости и после долгой службы в армии я не мог еще знать о событиях в социалистическом движении за пределами моей страны. Я не знал о конгрессах II Интернационала, об истории различных партий, примыкавших к нему, о фракционной борьбе, о различных позициях руководителей и т. д.

Только в сентябре 1915 года, когда мне едва исполнилось двадцать лет, я впервые услышал о Ленине и его значении в мировом социалистическом движении. Точнее, это случилось тогда, когда в «Аванти!» — органе Итальянской социалистической партии — появились корреспонденции о Циммервальдской конференции². На этой конференции, как известно, Итальянская социалистическая партия объединилась с так называемыми центристами против предложений Ленина, которые подчеркивали необходимость борьбы за превращение империалистической войны в войну гражданскую. Но цензура сильно исказила текст этих корреспонденций, а сопровождавшие их редакционные статьи выступили с резкой критикой позиции Ленина, все еще превознося лозунг «Война войне». При помощи этого лозунга Итальянская социалистическая партия вела борьбу против вступления в войну.

Будучи солдатом, я поплатился за это тем, что был осужден за поражение. Это помешало мне сразу же хорошо понять

¹ Воспоминания печатаются с небольшими сокращениями. *Ред.*

² Международная социалистическая конференция в Циммервальде состоялась 5—8 сентября 1915 г. *Ред.*

марксистские принципы и революционное значение позиций, занятых Лениным в Циммервальде. Но два года спустя они предстали передо мной во всей своей ясности, во всем величии их опыта — опыта борьбы большевиков в период между мартом и ноябрем 1917 года за превращение буржуазной революции в революцию социалистическую, за переход от империалистической к гражданской войне под лозунгом мира.

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ЛЕГЕНДА

У Итальянской социалистической партии в то время не было никаких колебаний в справедливой оценке борьбы, которая на следующий день после свержения царизма поставила лицом к лицу различные политические силы, обращавшиеся с различными программами к народным массам России. «Аванти!», поддерживая большевиков и их борьбу за социалистическую власть, знакомила с именами и личностями их руководителей, до того времени неизвестных и ставших популярными в Италии, как никто другой.

Одновременно с этим передовые деятели рабочего класса с жаром принялись отыскивать и читать их произведения, начиная от самых давних, написанных на заре русской социал-демократии, и кончая самыми последними работами, которые теоретически определяли и разъясняли тактику связанных между собой решений. Эти решения привели к Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества.

Но большинство народных масс Италии, которые скорее представляли собой отсталый и неразвитый плебс, чем политически зрелый рабочий класс, восприняло революцию Советов как своего рода героическую легенду, превратив ее главных действующих лиц в героев, портреты которых развешивались на стенах убогих жилищ рядом с традиционными лубочными картинками.

ДВЕНАДЦАТИДНЕВНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Именно такими настроениями и такими мыслями были охвачены члены делегации Итальянской коммунистической партии, направленной в июне 1921 года в Москву на III конгресс Коминтерна. В составе делегации не было ни одного известного деятеля международного рабочего движения. Это объяснялось, в частности, тем, что во время раскола Итальянской социалистической партии в Ливорно почти ни один деятель этой партии, то есть ни один из крупных политических руководителей профсоюзного и кооперативного движения итальянского пролетариата, не перешел в коммунистическую партию...

В связи с этим делегация интересовалась не столько предстоящим конгрессом, который позже имел огромное значение в силу принятых на нем тактических директив для пролетарской борьбы во всем мире, сколько была охвачена страстным по своей наивности желанием побольше увидеть в столице Советов. Ведь там же встретишься с вождями революции, с людьми из Смольного и Кремля, с Лениным!

Но удастся ли действительно встретить Ленина, поговорить с ним? За время бесконечной поездки из Италии в Москву — она продолжалась двенадцать дней — этот вопрос то и дело задавали советскому товарищу, который нас сопровождал. Его псевдоним был Никколини¹. Он жил в Италии нелегально, как представитель Коммунистического Интернационала. Мне так никогда и не удалось узнать ни его настоящее имя, ни что с ним случилось в дальнейшем. Особенно его осаждали расспросами: один сапожник из Неаполя, который ревниво прятал в сундуке и отказывался кому-либо показывать две пары ботинок, изготовленных им самим, — одна пара мужская, другая женская, которые он хотел подарить Ленину и Крупской; парикмахер из Казерты, который имел свои определенные взгляды на бородку Ленина и желал дать ему на этот счет некоторые советы; и, наконец, один батрак из Тосканы, который, узнав от Никколини, что Ленину будто бы нравится вино «кьянти», купил в итальянской лавке в Берлине бутылку этого вина.

Приехав в Москву и остановившись в гостинице «Люкс» на Тверской, я и Дженнари² вместе с группой рабочих из Турина и двумя рабочими из Милана сразу же окунулись в напряженную работу по подготовке к конгрессу, участвуя в комиссиях и встречах с другими делегатами.

Но однажды в мою комнату стремительно ворвался наш товарищ — сапожник. Под мышкой он держал аккуратно завернутые в черную материю две пары обуви. Так обычно сапожники носят обувь своим клиентам. Волнуясь, он сказал мне, чтобы я собирался. Через час Никколини должен был отвезти итальянцев к Ленину.

Признаюсь, я удивился, узнав, что в это время напряженной работы и забот — приближался конгресс, внутренняя и международная обстановка ставила перед партией большевиков и Советским правительством огромные задачи — Ленин сумел посвятить нам пусть лишь крупицу своего времени, идя навстречу трогательному, но наивному желанию моих неграмотных и политически неопытных товарищей по делегации.

¹ Никколини — Любарский Н. М. (1887—1938). *Ред.*

² Дженнари Эджидио (1876—1942) — один из основателей Итальянской коммунистической партии, член ее ЦК, неоднократно избирался в состав руководящих органов Коминтерна. *Ред.*

Но когда я увидел его, увидел, как легко он поднялся из-за своего письменного стола и направился к нам, едва мы вошли в просторную комнату на первом этаже загородного дома, куда мы быстро примчались на автомашине (возможно, это были Горки), когда я увидел, как осветилось его лицо искренней радостью от бурных приветственных восклицаний гостей, как его охватило радостное волнение, когда парикмахер, разразившись слезами, бросился к нему, чтобы сжать в восхищении ему руки, когда я услышал его чуть захлебывающийся смех при виде сапожника, преподнесшего ему туфли — одни на высоченных каблучках, а другие балетные люстриновые туфли на тончайшей подошве, и его замечание «хорошо» при виде красного тосканского вина в традиционной бутылке, оплетенной соломой, — вот тогда я понял, что до этого момента я еще не знал Ленина.

Да, мое заочное знакомство с Лениным открыло мне его возвышенный ум пронизательного исследователя наиболее сложных процессов человеческой общественной жизни, его несравненную способность развивать из данных предпосылок последовательные перспективы в сопоставлении с поставленными целями, его негибкую волю в достижении целей и отыскании соответствующей тактики. И то, что я понял и узнал о его жизни, говорило мне о преданности идеалу социализма, ради которого он готов был принести всего себя без остатка в жертву при любом испытании. Но что стало бы с этими величайшими способностями, если бы они не подкреплялись, не сочетались и не усиливались в сотни раз тем чувством человеческого восприятия, которым обладал Ленин и которое, прорвавшись на одно мгновение из самых глубин, как бы оттесняло на этот миг непосредственную действительность, его безмерные обязанности главы государства и руководителя великой партии, для того чтобы воспользоваться минутой общения с простыми людьми?

Моя первая встреча с Лениным — это встреча с его великим сердцем.

Пожав мне руку с необычайной приветливостью, он коротко остановился на речи, которую я произнес в Ливорно и с которой он был знаком. Он знал, что через несколько дней мы снова встретимся в открытой политической борьбе. Но по этому поводу он не сказал ни слова.

2. НА КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА

Вторая встреча произошла в Кремле, в пышном тронном зале бывшего императорского дворца. Под белым балдахином, расписанным золотом, стоял большой стол президиума III конгресса Коммунистического Интернационала. Рядом — трибуна для ораторов. Как раз напротив, чуть влево, в первых трех рядах

сидели итальянские делегаты. Делегация большевиков находилась в последних рядах справа, в глубине зала. Нам отвели почетные места. За бурными событиями, в гуще которых в Италии шло формирование коммунистической партии, следило с неослабевающим вниманием все мировое коммунистическое движение.

Кроме того, на этом же самом конгрессе присутствовала направленная Итальянской социалистической партией небольшая делегация, которая должна была выступить против исключения этой партии из Коммунистического Интернационала и против признания коммунистической партии как его единственной секции в Италии. В предвидении оживленных споров этот факт вызывал братское сочувствие к нам со стороны всех делегаций. Но была еще и другая причина, которая на внушительной встрече достойных представителей передовых трудящихся всего мира придавала значение нашей делегации, хотя в ней и не было известных деятелей международного социалистического движения. Дело в том, что наша делегация вместе с германской, австрийской и венгерской делегациями внесла ряд поправок к тезисам о тактике, предложенным конгрессу делегацией большевиков и отредактированным, как известно, лично Лениным.

От имени всех внесших эти поправки я должен был защищать их с трибуны конгресса. И было любопытно, что новичок осмелился выступить с оружием марксистской диалектики против того, кто мастерски владел этим оружием.

ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ

Любой коммунист, который хотя бы немного изучал историю коммунистического движения, знает, что тезисы III конгресса Коминтерна о тактике явились решающим поворотным пунктом. В них вместо абстрактной пропаганды и агитации, которой до сих пор занималось большинство коммунистических партий, брался курс на последовательную борьбу, уходившую своими политическими корнями в конкретную обстановку каждой страны, с целью завоевания большинства пролетариата — непеременимого условия победоносной борьбы за власть. Но мы в Италии были еще слишком увлечены страстными спорами против центризма Серрати, чтобы сразу же понять решающее значение этой новой постановки вопроса. И как после выражался Ленин, говоря о поправках, мы несколько перешли границу, за которой борьба против центризма превращается в спорт, границу, за которой начинается компрометация революционного марксизма.

Ленин поднялся на трибуну. Я помню, это было 1 июля 1921 года. Я помню это потому, что не раз перечитывал его

речь¹. Он говорил по-французски для того, чтобы мы его сразу же понимали и реагировали на его речь. Произношение его было ясным, и до нас доходил каждый оттенок его формулировок. Но мое имя, которое всякий раз появлялось в его речи, словно ударное междометие, он выговаривал на итальянский лад, не делая ударения на последнем слоге и произнося мягкое «ч».

ЭНЕРГИЧНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Внося поправки, я говорил спокойно, не избегая все же некоторого волнения, которое овладело мной. Ведь я впервые говорил с трибуны международного конгресса, выступая перед деятелями с огромным авторитетом марксистов и выдающимися заслугами в революционной борьбе. И сознаюсь, меня уже совсем на какой-то миг охватили честолюбивые мысли, когда Ленин со своей простотой, которая людям, не знавшим его, могла показаться покорностью, произнес первые слова своей речи в ответ на мое выступление: «Товарищи! К моему большому сожалению, я должен ограничиться самообороной».

Но сразу же за этим в его устах зазвучала, нарастая с каждой минутой, резкая атакующая речь. Она все перевернула вверх дном, разнесла в пух и прах наши недолговечные построения из формул и концепций. Самооборона? Нет! Наоборот, энергичное наступление, потому что «если конгресс не будет вести решительного наступления против таких ошибок, против таких «левых» глупостей, то все движение осуждено на гибель... Нам, русским, эти левые фразы уже до тошноты надоели»².

Я сидел в первом ряду, как раз перед трибуной, среди своих товарищей по делегации, которые в большинстве своем не знали французского языка, не понимали речи Ленина, за исключением того, что он десяток раз повторил мое имя. Они, пожалуй, думали, что он подбадривает и хвалит меня. Однако немного позади сидели три представителя Итальянской социалистической партии — Маффи, Лаццари и Рибольди. Они-то понимали французскую речь. Блаженно ухмыляясь, они с надеждой ждали, что эта сокрушительная обвинительная речь закончится осуждением Итальянской коммунистической партии и принятием их требований.

Продолжая говорить, Ленин, по своему обыкновению, не стоял на трибуне, а ходил взад-вперед, обращая свой живой взор в сторону огромного зала. Но всякий раз, когда его взгляд на мгновение останавливался на мне, он узнавал меня среди присутствующих. И на какой-то миг мне даже пришла в голову

¹ См. Ленин В. И. Речь в защиту тактики Коммунистического Интернационала 1 июля.— Полн. собр. соч., т. 44, с. 23—33. *Ред.*

² Там же, с. 23. *Ред.*

мысль, что было бы лучше, если бы я не ездил за несколько дней до этого в Горки. Но, откровенно говоря, это был всего один лишь миг, потому что сразу же после этого до меня дошло, что вот этот его взгляд, обращенный ко мне, вместо горечи и унижения зажег во мне мужество и бодрость. И мне казалось понятным, что этот взгляд искал меня затем, чтобы сказать, что то суровое осуждение, которое слышалось в его словах, бьющих, словно молот, было произнесено им во имя высшего долга, который выпал на его долю. Этот долг заключался в том, чтобы спасти меня, спасти всех нас от ошибки, которая могла бы оказаться непоправимой и губительной не только для нас, но и для самого великого и светлого дела социального освобождения — дела, общего для всех нас.

Этот долг мучителен, но благороден. Так бывает и с хирургом. Чтобы вылечить больного, ему приходится иногда рассекать его тело. И тогда мне удалось подавить то внутреннее возбуждение, которое овладело мной, и, не обращая больше внимания на то, что по поводу наших поправок говорились резкие слова, я смог сосредоточенно и внимательно следить за блестяще аргументированным и предельно ясным уроком марксизма на практике, повод и материал для которого я Ленину предоставил своим выступлением. И я думаю, что позже этот урок с пользой послужил мне в моей дальнейшей сорокалетней борьбе коммуниста.

В конце заседания я оказался лицом к лицу с Лениным. «Товарищ Террачини, — обратился он ко мне по-французски с дружеской спокойной улыбкой, — нужно быть гибким и мудрым!» И уже удаляясь в толпе людей по лестнице, он повторил, подняв руку: «Гибким и мудрым!»

3. НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

В последний раз я видел Ленина, прощаясь с ним навсегда, в январе 1924 года на Красной площади. У красных кремлевских стен еще не было большого Мавзолея из темного полированного мрамора. Как раз у въезда на площадь на низком деревянном помосте стоял темно-красный гроб. Он еще был открыт и наклонен немного вперед. Голова Ленина покоилась на красной подушке.

Казалось, сквозь закрытые веки он смотрит на нескончаемую толпу людей. В огромной ледяной тишине раздавалось лишь потрескивание гигантских костров. Около них грелись многие тысячи людей, пришедших из городов и сел, чтобы выплакать свое горе и склониться перед гробом.

Каждые десять минут с четырех сторон у гроба сменялся почетный караул: старые большевики, ученые из Академии

наук, рабочие и работницы, члены Центрального Комитета партии, руководители профсоюзов, крестьяне с заиндедевшими бородами. Настала очередь и членов Президиума Исполкома Коммунистического Интернационала, находившихся в Москве. К 4 часам дня, когда над огромной площадью начали спускаться тени зимних сумерек, вместе с Кларой Цеткин, Фостером и Катаямой поднялся и я по нескольким ступеням, покрытым снегом, и застыл у гроба, справа от лица Ленина.

Его великий диалог с миром, с историей, с будущим закончился. Отныне всем, кто любил его и кого он учил и воспитывал, в сознании и мыслях, всем коммунистам любой страны надлежало продолжить его дело в будущем, отдавая этому все свои способности и всю свою энергию.

Направляясь вместе с Катаямой, Цеткин, Фостером к небольшой лестнице, чтобы сойти вниз, я взглянул на его большой белый лоб. «Да,— сказал я себе,— и ты тоже коммунист».

*Правда, 1960, 12 февраля, № 43,
с. 3*

ВСТРЕЧИ С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ¹

Писать о Ленине — трудная и ответственная задача. Тысячи людей, десятки, сотни тысяч посвятили ему бесчисленное множество строк. В России, Англии, Италии, Франции, Америке, Уругвае, Конго — во всех углах мира миллионы людей думают о нем, изучают его мысли, его жизнь, живут великой надеждой, зажженной его словом, учением.

Что можно прибавить к тому, что уже написано и сказано о Ленине? Никого так не хвалят и не ругают, как Ленина, ни о ком не говорят так много хорошего и так много плохого, как о Ленине. В отношении Ленина не знают середины, он — либо воплощение всех добродетелей, либо — всех пороков. В определении одних — он безгранично добр, а в определении других — до крайности жесток.

В этих определениях отразилась та четкая, резкая, отрубленная, непримиримая классовая грань, которую устанавливал Ленин. Не знали середины в отношении к нему потому, что и он сам не знал ее. Никаких соглашений, компромиссов, открытая, ожесточенная, неумолимая классовая борьба с наступлениями, натисками, траншейными боями, обходами, отступлениями, но не сдачей. Ленин не знал внеклассовых чувств, про него нельзя сказать, что он был просто добр или зол. По отношению к нему нельзя обобщать этих и других понятий. Добр, когда интересы его класса это разрешали, зол, когда они этого требовали. И так во всем остальном.

Помню Ленина еще по Цюриху. Я тогда часто захаживал в ресторан Народного дома. Там подавались обеды трех категорий: за 1 фр. 25 сант. — «аристократический», за 75 сант. — «буржуазный» и за 50 сант. — «пролетарский». Последний состоял из 2-х блюд: супа, куска хлеба и картошки. Ленин неизменно пользовался обедом третьей категории, тратил на обед 50 сант., то есть 1/2 франка (по тогдашнему курсу около 18 коп.).

¹ Воспоминания печатаются с небольшим сокращением. *Ред.*

Товарищи обратили мое внимание на этого странного человека с видом мыслителя и конспиратора. Он всегда садился в угол залы, читал, думал, делал заметки на папке, лежавшей у него на коленях и служившей ему в этих случаях столом.

Бросал всегда быстрый взгляд на вновь пришедших. Узнав товарища, весь оживал и звал к себе указательным пальцем правой руки. В это время окружающие еще обращали мало внимания на него. Скромный и замкнутый, он точно накоплял в себе энергию. Высиживал, если можно так выразиться, свою великую мечту. Проходили мимо него, не замечая скрытого в нем бесценного клада социальной и революционной мудрости. Ленин тогда еще не был в глазах окружающих Лениным в сегодняшнем смысле этого слова.

Вновь встретился я с ним на III конгрессе Коминтерна. Я приехал из Италии, когда конгресс был уже в полном разгаре. Вхожу в Андреевский зал и сейчас же осведомляюсь о Ленине. «Он скоро будет», — отвечают мне. Усаживаюсь за столом, отведенным нашей делегации, принимаю участие в работах конгресса. Вдруг весь зал поднимается — Ленин. Он появляется в задней двери, поднимается на 5 ступенек к трибуне, занимает место в президиуме. Не спускаю с него глаз. Тот же скромный дюринский Ленин, потребитель 18-копеечного пролетарского обеда. Ни одной черты, навязанной новым положением...

Перерыв. Подхожу к Ленину. Принимает меня с улыбкой и сразу засыпает вопросами:

— Что происходит в Италии? Каковы последние вести? Что делают товарищи? Как протекает работа?

Разговариваем стоя у стола президиума. Стою спиной к залу и опираюсь о стол. Ленин дает мне ряд указаний относительно работы в Италии; смотрю ему прямо в глаза. Их нельзя назвать маленькими, отдают бархатным блеском, полны ума, жизни и движения. Какой контраст с крупной, малоподвижной головой, суровой линией рта. Ленин говорит с всевозрастающей быстротой:

— Передайте итальянским товарищам, что революция не везде так легко делается, как в России. В России мы имели половину армии с нами и слабую буржуазию. Скажите им, чтобы они не строили воздушных замков и считались бы с действительностью. Передайте Бордиге¹ и другим, чтобы они хранили себя. Необходимо сделать все возможное, чтобы не дать вождям попасть в руки к нашим врагам. Посмотрите, что случилось в Германии. Карл Либкнехт, Роза Люксембург и другие лучшие

¹ Бордига Амадео (род. в 1889 г.) — итальянский политический деятель. С 1910 г. — член Итальянской социалистической партии. В 1921 г. участвовал в основании Итальянской коммунистической партии; делегат II, IV и V конгрессов Коминтерна. Проводил левосектантскую политику. В 1930 г. исключен из рядов ИКП за фракционную деятельность. *Ред.*

пали. Германская партия, оставшись без вождей, не способна к действию. Сохраняйте вождей, — повторил он. — Не обращайтесь на мнение врагов. Часто нужно иметь больше мужества, чтобы прослыть трусом в глазах врага и даже товарищей, чем бесцельно жертвовать собой.

Разговаривая, Ленин все больше и больше приближал ко мне свое лицо. Подаюсь чуточку назад, стол мешает мне. Увлеченный разговором, он продолжает все больше и больше наклоняться ко мне. 20—15 сантиметров, отделяющие меня от него, сокращаются до 10, 9, 8. Его глаза на таком расстоянии приняли более тусклый оттенок. Мой взор тонет в его расширенных зрачках. В них уже нет больше ни блеска, ни лукавства — напряженная мысль застыла в них. Он спешит ее мне передать, и чем ближе к развязке, тем более сужается у него взгляд, напряжение падает, появляется блеск, улыбка, опускаются медленно веки, заостряются скулы, и вновь лукаво и умно смотрит на меня этот исполни мысли и воли, любимый вождь, учитель и товарищ, смотрит ласково, ободряюще и протягивает мне руку...

Гудок, 1925, 23 апреля, № 91, с. 2

ВСЕ В НЕМ ПРИВЛЕКАЛО

С энтузиазмом и восторгом итальянский рабочий класс встретил сообщение о свержении царизма в России и о победе Октябрьской революции. И это понятно. Ведь итальянские трудящиеся выступали в знак солидарности с русским пролетариатом за много лет до 1917 года. В Италию приходили вести об ужасах, которые переживали узники Петропавловской крепости, о народных восстаниях против царского самодержавия, о ссылке на сибирскую каторгу лучших борцов-революционеров, и все это оставляло в сознании авангарда итальянских трудящихся неизгладимый след. В поддержку русского пролетариата устраивались многочисленные, порой очень бурные, митинги и демонстрации.

Потрясая весь мир Великая Октябрьская социалистическая революция нашла в нас самых решительных сторонников. Стены домов в городах и отдаленных деревушках Италии были испещрены изображениями серпа и молота, всюду сверкали слова «Да здравствует Ленин!».

В 1921 году, как известно, состоялся III конгресс Коминтерна. Товарищи Грамши¹ и Монтаньяна, составляя делегацию из сотрудников коммунистической газеты «Ордине нуово», сказали мне:

— Как жаль, что ты не можешь получить паспорт, а то поехал бы делегатом в Москву.

Я сперва растерялся, а потом воскликнул:

— Что за шутки! Да в Москву я и без паспорта доберусь, только пошлите!

Все это я пишу для того, чтобы читатели лучше поняли охватившие меня чувства, когда я вступил на советскую землю.

...Естественно, что уже с первого заседания конгресса я взволнованно оглядывал зал, отыскивая глазами Ленина. Но

¹ Грамши Антонио (1891—1937) — основатель и руководитель Итальянской коммунистической партии, теоретик-марксист. *Ред.*

первый день принес разочарование: Владимир Ильич не пришел. В ответ на настойчивые расспросы нам сказали, что он плохо себя чувствует, но обязательно выступит во время дискуссии о положении в Италии.

Так оно и было¹. Когда произносил речь Константино Лаццари, бывший в то время генеральным секретарем Итальянской социалистической партии, мы заметили человека, сидевшего на ступеньках, которые вели к столу президиума. Держа бумагу на коленях, он сосредоточенно и быстро писал. Но Владимир Ильич недолго оставался неузнанным. Участники конгресса заметили Ленина, вскочили с мест и устроили продолжительную овацию, вложив в нее все свои чувства. Стоявший на трибуне Лаццари (мы тогда были в оппозиции к нему) так разволновался, что с трудом закончил выступление.

Ленин не хотел беспокоить оратора и участников конгресса, поэтому пристроился на ступеньках в неудобной позе.

Все в Ленине привлекало наше внимание, даже то, как он заводил свои карманные часы. На протяжении всех дней работы конгресса Ленин был в одном и том же простом костюме. Появляясь у входа в зал, он, как и все делегаты, предъявлял дежурному красноармейцу свой пропуск с фотокарточкой. На нас, молодых, все это производило сильнейшее впечатление, все для нас было исполнено смысла.

Конечно, наиболее глубоко мы смогли оценить исключительные свойства Ленина во время его выступлений. Необычайно ясно и четко излагал он любые сложные вопросы, связанные с политической линией, тактикой или революционной стратегией. Его теоретические положения отличались точностью формулировок, оригинальностью аргументации.

Участвуя в работе расширенной политической комиссии, я не раз видел и слышал Ленина. Его удивительно яркие выступления давали людям верную ориентировку, помогали занять правильные позиции. Оживленный, полный полемического задора, он никогда не шел на компромиссы в принципиальных вопросах. Ленин всегда подробно останавливался на требованиях трудящихся, и мы видели, как хорошо известна ему тяжелая жизнь рабочих и крестьян-бедняков, как непреклонен он в стремлении изменить ее.

Никогда не забуду, как я растерялся, когда однажды Ленин прямо ко мне обратился с вопросом. Дело было так. Мы ждали открытия заседания политической комиссии. Владимир Ильич, придя, как всегда, вовремя, заметил нашу группу: ведь известно, где итальянцы, там и шум. Я оказался ближе других к нему, вот он и спросил меня:

¹ С речью по итальянскому вопросу В. И. Ленин выступил на заседании конгресса 28 июня 1921 г. (см. Полн. собр. соч., т. 44, с. 16—22). *Ред.*

— Рабочий?

Я покраснел, что-то пролепетал в ответ и кивнул головой.

— А из какого же города?

Тут я совсем растерялся, так как знал только пьемонтский диалект итальянского языка. Мне на помощь пришел один из швейцарских товарищей и стал переводить.

Узнав, что я туринский рабочий, связанный с группой «Ордине нуово», Ленин начал расспрашивать меня о том, как трудящиеся занимали предприятия, о связях партии с рабочими и народными массами, о влиянии на них социалистов и анархосиндикалистов. Под конец он шутливо спросил:

— Как же это вы забыли занять банки?

— Мы, рабочие, знаем только свои заводы,— ответил я,— дорога к банкам нам, к сожалению, неизвестна!

Когда мой ответ перевели, Ленин и все присутствующие рассмеялись.

Вообще-то я был не из робких молодых людей, но разговор с Лениным, его вопросы меня очень смутили и разволновали. Ведь не кто-нибудь, а вождь великой пролетарской революции обращался ко мне, скромному рабочему парню, готовому скорее к схваткам с полицейскими и хозяевами, чем к такой неожиданной беседе.

Воспоминания о великом Ленине на всю жизнь остались в моей памяти. А его учение всегда было путеводной звездой на моем долгом пути партийного работника и революционера.

Турин

*Советская женщина, 1967, № 8,
с. 1*

БЕСЕДА С В. И. ЛЕНИНЫМ
В 1921 ГОДУ¹

Помимо дискуссий, развернувшихся на III конгрессе Коминтерна, между делегатами или делегациями возникали споры и после заседаний. Эти дискуссии часто длились до самого рассвета. Именно в ходе подобных дискуссий среди некоторых делегаций возникла мысль обменяться мнениями по вопросу, волновавшему тогда определенные рабочие и профсоюзные круги европейских стран. Речь шла о некоторых анархистах из банд Махно или его заместителя и идейного советника Волина, пойманных с оружием в руках на Украине и содержавшихся под стражей в Москве. Все анархисты мира, как и все враги Октябрьской революции, сделали их своим знаменем.

В Мексике мы вели весьма активную борьбу против анархистов и анархизирующих элементов, пытавшихся помешать нашей работе по марксистскому воспитанию рабочих и разрыванию среди них нашего движения. Рабочие профсоюзы были здесь созданы «Домами рабочих мира»², в которых господствовали анархистские или анархо-синдикалистские идеи. Поэтому, испытывая необходимость разобраться в этом вопросе, мы приняли участие в ряде собраний, результатом которых было решение обратиться к Ленину с просьбой вмешаться в дело арестованных анархистов, с тем чтобы положить ему конец, предав суду и строго покарвав причастных к мятежу и освободив невиновных. Это, по нашему мнению, нужно было сделать для того, чтобы русские анархисты не были превращены анархистами и анархо-синдикалистами других стран, а также различными буржуазными слоями, враждебными русской революции, в знамя борьбы против коммунистических партий и революционного движения.

¹ Воспоминания печатаются с небольшими сокращениями. *Ред.*

² «Дома рабочих мира» — профсоюзная организация рабочих Мексика, возникшая в Мехико в июне 1912 г. и сосредоточившая в своих руках руководство рабочим движением страны. Будучи по своему характеру анархо-синдикалистской, организация проповедовала саботаж и всеобщую стачку, отрицала политическую борьбу. *Ред.*

Делегации семи стран, будучи заинтересованы в этом вопросе, обратились к Ленину с просьбой встретиться с ними в удобное для него время там, где он укажет. Ответа не пришлось долго ждать. Ленин пригласил нас к двум часам ночи, приурочив прием, вероятно, к окончанию очередного заседания конгресса Коминтерна.

В любом другом месте время, на которое была назначена встреча, показалось бы странным, но в то время в Москве... ничего особенного не было в том, что работали ночью... Точно в назначенное время мы явились на место встречи. Это была одна из столовых Кремля, знакомая нам потому, что там иногда приходилось питаться. Ровно в два часа ночи пришел Ленин. После взаимных приветствий он попросил извинить его за такой поздний час встречи, обусловленный большой его занятостью многочисленными делами и нашей перегруженностью работой.

Ленин сразу выразил готовность выслушать мнение присутствовавших на встрече делегаций и обратил внимание на то, что наша делегация была единственной латиноамериканской, а остальные представляли романские страны Европы.

В состав семи делегаций входило в общей сложности немногим более 30 человек. Когда было объявлено, что от имени всех делегаций по интересующему нас вопросу выступит один из членов французской делегации, профсоюзный работник, Ленин улыбнулся и быстро оглядел всех нас, подумав, вероятно, что латинский темперамент сыграл большую роль в постановке этого вопроса, чем соображения политического характера. Однако даже если Ленин так и подумал, то после выступлений некоторых делегатов он, несомненно, понял, что это было не так. Наши аргументы в определенной мере опирались на факты действительной обстановки во многих странах.

Выслушав с величайшим вниманием докладчика и по крайней мере по одному товарищу от каждой делегации, Ленин ответил нам так: «Я с большим удовлетворением выслушал товарищей. Многие соображения, высказанные выступавшими, мне кажутся справедливыми. Нас просят, чтобы мы разрешили вопрос, последствия которого вредят революционному движению в ваших странах в силу неправильного подхода к нему анархистов и, естественно, буржуазных и нанимаемых буржуазией для борьбы против нас элементов.

Так вот, товарищи, хотя это и не мое личное мнение и вместе с тем это не является ни полным, ни частичным решением данного вопроса, скажу вам следующее: мы просим вас помочь нам разрешить его.

Дела арестованных анархистов, как «теоретиков», подобных Волину (говорят, что он являлся «теоретическим» руководителем Махно — главаря террористических банд, которые пуска-

ли под откос поезда, опустошали украинские селения, грабили и насиловали женщин), так и тех, которые были пойманы с оружием в руках, будут вновь расследованы, как вы этого желаете. И все те, кто не представляет какой-либо опасности для революции и ее строя, будут освобождены»¹.

Беседа на этом не закончилась. Как Ленин, так и каждая из делегаций хотели использовать благоприятный момент: Ленин — чтобы поближе ознакомиться с некоторыми проблемами наших стран, мы — чтобы выслушать его авторитетное мнение и мудрые советы по данным проблемам.

Прежде чем перейти к изложению того, что, наверно, явилось наиболее важным для нашей делегации на этой встрече с Лениным, я хочу подчеркнуть один факт, имевший место в самом начале нашей беседы и свидетельствующий о чуткости великого вождя. Ленин знал, что мы пришли прямо с заседания конгресса, так поздно закончившегося, и еще не ужинали. Поэтому он сразу распорядился, чтобы нам подали бутерброды и чай, сказав при этом, что мы поедим во время беседы.

После разговора с отдельными членами делегаций Ленин обратился ко всем нам по-английски, поскольку мы раньше пользовались этим языком (Ленин владел в совершенстве кроме родного языка английским, французским и немецким — на этих языках нам довелось слышать его выступления). Он спросил наше мнение по вопросу об антипарламентаризме, обсуждение которого шло тогда в Европе и было вызвано негативным отношением к парламенту Коммунистической рабочей партии Германии. Делегация этой партии присутствовала на встрече и высказала по данному вопросу свою точку зрения, которая подверглась резкой критике со стороны Ленина. Столь же резко ранее была раскритикована рабочая канадская делегация, представлявшая «One Big Union»², который полностью соответствовал канадскому IWW³, также занимавшему антипарламентскую позицию.

Когда очередь дошла до нашей делегации, мы рассказали тов. Ленину в общих чертах об истории нашей еще молодой

¹ Из документов, сохранившихся в советских архивах, видно, что В. М. Волин был в сентябре 1921 г. освобожден из-под стражи. В октябре 1922 г. было прекращено дело против девяти других членов анархистской организации «Набат». *Ред.*

² «One Big Union» («Единый большой союз») — профсоюзное объединение рабочих Канады, основанное в 1919 г. в результате всеобщей стачки в г. Виннипеге, проходившей под лозунгами национализации промышленности, рабочего контроля и создания «Единого большого союза». Первое время он пользовался большим влиянием среди рабочих, объединяя более 40 тысяч членов, но из-за сектантской политики анархистских руководителей утратил влияние и в 1921 г. насчитывал только 5 тысяч членов. *Ред.*

³ «Industrial Workers of the World» (Индустриальные рабочие мира) — профсоюзная организация США, основанная в 1905 г. *Ред.*

коммунистической партии Мексики¹, ее деятельности и борьбе в тот период. Мы сделали краткий исторический обзор тридцатилетнего периода, предшествовавшего революции 1910 года и протекавшего в условиях диктатуры Порфирио Диаса, которая лишила народ всякого рода свобод, особенно политических. В этой связи мы и объяснили Ленину антипарламентскую позицию КПМ, учитывавшую политическую неграмотность масс (в Мексике даже не существовало традиционных социалистических партий, между тем как в других латиноамериканских странах они были). С другой стороны, нам также приходилось учитывать еще одно неблагоприятное обстоятельство: единственным социальным течением, сильно распространенным в массах, было анархистское или анархо-синдикалистское. Сначала оно оказывало влияние через анархистскую литературу, поступавшую к нам с Кубы и из Испании, а также через отдельных испанских рабочих — анархистов, прибывавших в Мексику; затем через пропаганду, которую вели «Дома рабочих мира» в профсоюзах, сильно зараженных ошибочными теориями.

Против подобного влияния на трудящихся КПМ должна была начать борьбу почти сразу же после своего возникновения. И хотя партия тогда не выступала открыто и официально против участия в парламенте, ее антипарламентская позиция была ясна рабочим как по направленности ее газетных статей, так и по тому, что она воздерживалась от участия в предвыборных кампаниях. Но большинство членов ЦК КПМ считало, что эта позиция партии носит временный характер, является тактикой на период, пока партия укрепляется и ее ряды растут за счет рабочих, освобождающихся от анархо-синдикалистской идеологии, на которую их ориентируют руководители «Домов рабочих мира».

Ленин в свою очередь засыпал нас целым рядом вопросов — как он обыкновенно делал, — чтобы всесторонне рассмотреть обсуждаемые проблемы. И тогда, после широкого обмена взаимными вопросами и ответами на них, Ленин с присущей ему скромностью заявил: *Относительно Мексики я знаю немного. Но, принимая во внимание ее положение как страны зависимой, слабо развитой в промышленном отношении и имеющей немногочисленный пролетариат, и его идеологическую слабость, вероятно, можно принять, однако только в качестве временной тактической меры, данную, переходящую антипарламентскую позицию. Но эта позиция была бы неприемлемой, недопустимой в таких странах, как Германия, Канада и другие.*

Взглянув на товарищей из Коммунистической рабочей партии Германии и канадского «One Big Union» и как бы обращаясь к ним, Ленин подчеркнул, что если для Мексики такая антипарламентская позиция допустима вследствие особенностей

¹ Мексиканская коммунистическая партия (МКП) основана в ноябре 1919 г. *Ред.*

ее внутреннего положения, то эта же позиция в Германии и Канаде совершенно нетерпима. Она является преступлением по отношению к пролетариату и революции, и мы не можем не осуждать товарищей, группы и партии, занимающие такую позицию. Мы ждем, что в максимально короткий срок они ее изменят.

Велики были скромность Ленина, его человечность и вместе с тем необычайная способность понимать людей!

Считая, что высказываем мнение большинства товарищей из руководства нашей партии, мы там же заявили, что указанная временная тактическая позиция вскоре будет пересмотрена. Так и произошло. Второй съезд КПМ в апреле 1923 года отверг эту неправильную позицию.

* *
*

Занимался рассвет нового дня. Уже было около шести часов утра, когда мы прощались с великим Лениным. Выходя из Кремля, обнесенного стеною, шли все вместе: старый и опытный английский профсоюзный работник Том Манн, руководитель многих крупных забастовок в Англии (некоторые из них прошли незадолго до этого), тов. Каскеден¹ и другие. Тов. Каскеден отстаивал перед Лениным антипарламентскую позицию канадского «Опе Big Union», лидером которого он был.

Однако Каскеден казался очень веселым и довольным. Вдохнув свежий утренний воздух, он запел. Том Манн спросил его: «Что с тобой, Каскеден, что тебя так радует, может быть, нагоняй, который дал тебе Ленин?»

Каскеден посмотрел на Тома Манна и ответил: «Да, я очень рад. Вы взволнованно раздумываете над всем тем, что сказал нам Ленин. Я же хочу мою радость, мое громадное удовлетворение высказать в песне, потому что сегодня исполнились три большие мечты в моей жизни. Мне хотелось посмотреть на дело революции, познакомиться с Лениным и поговорить с ним и увидеть московский колокол». Мы действительно только что прошли мимо этого, когда-то упавшего, колокола и обратили внимание на то, с каким любопытством рассматривал его Каскеден.

Каскеден был простым рабочим и тогда еще не был членом партии. Он позже вступил в ее ряды. Его состояние было вполне естественным: ведь в тот знаменательный для него и для всех нас день он беседовал с гениальным руководителем революции и Коммунистической партии Советской России...

Печатается по тексту журн.: Вопросы истории КПСС, 1961, № 1, с. 163—166, сверенному и дополненному по рукописи

¹ Каскеден Гордон — делегат от Индустриального союза деревообделочников Канады. *Ред.*

ЛЕНИН

Коротки неизгладимые минуты, проведенные мною с Лениным. С тех пор как его нет с нами, я жадно роюсь в своей памяти, чтобы восстановить мельчайшие подробности этих драгоценных мгновений. И когда открываю его книги, погружаюсь в его учение, идеи, слова, — я сразу вновь вижу живого Ильича, с его глазами, улыбкой и жестами...

Это было в 1921 году¹. На следующий год после вступления французской партии в Коминтерн. Через развалины Европы мы пришли к созидающему пролетариату Советской страны.

Ямбург, Кронштадт, Ленинград² зияли еще тысячами открытых ран. Уже тогда мы были поражены до глубины души встречей с этими легионами людей, пионерами новой жизни, солдатами разрушения и возрождения, войны и строительства.

Поставили ногу на советскую землю и сразу почувствовали себя физически освобожденными от западноевропейского капитализма. Почувствовали себя перерожденными и до крайности идеологически слабыми и беспомощными. Русская партия! Вот это партия. А мы, французы, мы все еще возимся с фроссарами (ренегаты). Под тяжестью этих мелких буржуа нашей партии до последнего времени некогда было заняться воспитанием масс, партия погрязла в мелкобуржуазной тине.

Не скрываю, что некоторые из нас, и я лично, увлекаемые нашей ненавистью к правым, часто делали и говорили глупости...

Помню, как во время заседания французской секции я подошел к Ленину.

¹ Поль Вайян-Кутюрье встретался с В. И. Лениным на III конгрессе Коминтерна. *Ред.*

² До 26 января 1924 г. — Петроград. *Ред.*

— Вы левый? Ну-ну, не так страшно!

Он сразу же увидел меня насквозь и любящей рукой поставил на место. Никогда я не встречал такого человека. Мы с ним после этого говорили о многих вещах при случайных встречах: о крестьянах, о французской революции, о Парижской коммуне.

Владимир Ильич был и остался олицетворением непрерывного действия и в то же время марксистом с головы до ног. Соприкосновение с ним производило на сознание впечатление вихря, ворвавшегося в душную комнату: оно освежало загруженный предрассудками и формальными доктринами мозг. Нарисовать Ленина до сего времени не удалось; черты его лица были до того насыщены внутренним содержанием его образа, что передать это карандашом почти невозможно.

Внешне широколицый, скуластый, с редкой бородкой, крупным носом, постоянно лукавой улыбкой на губах и в глазах, с руками в карманах. Несравненное добродушие, прямота, спокойствие, железная логика, культура и знания энциклопедиста.

У этого гиганта мысли и воли не могло быть места душевным драмам. Железная логика революционной мысли, твердая уверенность в правоте своего дела, ни одного колебания, отклонения от раз намеченной цели.

Ленин-интеллигент умел мыслить как рабочий. Ленин-оратор говорил без пустых фраз и трескотни. Человек, потрясший весь мир, в чьем сознании непрерывно переваривалось все, чем жил и дышал этот мир, этот человек сохранил в себе до конца сознательной жизни удивительную способность чувствовать и мыслить как китайский кули, как носильщик-негр. Угнетенный аннамит, индус были ему так же понятны, были такой же открытой книгой, как ленинградский металлист, как парижский текстильщик, как шахтер Новой Виргинии. Ленин — это законченный тип нового человека, он являлся для нас прообразом будущего. Таким предстал передо мной Владимир Ильич с первых дней моей встречи с ним.

Ленин уже больше года умер. Но мы — его ученики и все его современники, друзья и враги — исчезнем бесследно, на его же имя не ляжет и пылинка забвения. Его отсутствие больше, чем когда бы то ни было, требует от нас прочного и незыблемого единства, дисциплины, культурности, знаний, учебы, постоянного труда над усвоением его учения. Опасности растут, увеличиваются. Весь старый мир встает, вооружается, объединяется для борьбы с ленинской партией, с Коммунистическим Интернационалом. Временное укрепление капитализма и связанные с этим кризисы — упадок духа, уклоны и шатание не должны иметь места в партии, пропитанной его непоколебимым, стойким духом.

Рушится вера в парламентаризм среди мирового пролетариата, близится время великих потрясений. Мы теперь находимся в состоянии накопления сил и энергии для грядущих тяжелых боев. Силы эти будут действительными, энергия — непоколебимой, если наше сознание, наш дух будут ленинскими, если мы научимся жить, бороться, работать, как он — наш великий, наш бессмертный вождь.

Будем помнить — в ленинизме наша победа...

Гудок, 1925, 23 апреля, № 91, с. 1

Я ВИДЕЛА ЛЕНИНА

Впервые имя Ленина я услышала после Великой Октябрьской революции в Надьбаньском поселке художников. Позднее я часто слышала о нем от учащихся художественной школы Кароя Кернштока, многие из которых регулярно посещали одно из отделений коммунистической партии на улице Вишегради и помогали в той или иной степени работе партии. В 1919 году мне довелось познакомиться с работой Ленина «Очередные задачи Советской власти»¹.

Но больше всего я слышала о Ленине от своего мужа². Будучи военнопленным в России, он благодаря помощи Ленина и Свердлова стал одним из организаторов международного коммунистического движения, а позднее как представитель Венгерской Советской Республики неоднократно встречался с Лениным, часто беседовал с ним и полюбил его до самозабвения. Помню, как я была счастлива и горда, когда мой муж — это было в 1919 году — привез мне из Москвы плитку шоколада и сказал: «Это тебе прислал товарищ Ленин».

После падения Венгерской Советской Республики я вынуждена была покинуть Венгрию, уехала сначала в Вену, затем в Италию, а потом почти 10 лет жила в Берлине. Но где бы я ни была, наиболее честные и мужественные люди, патриоты своей страны, с восторгом произносили имя Ленина. В Италии на стенах домов и церквей я видела лозунги: «Да здравствует Ленин!» — и рядом: «Долой королей!». В Германии мне как художнице поручали писать к многочисленным собраниям и праздникам портреты Владимира Ильича.

В 1921 году я была в Москве и участвовала в работе III конгресса Коминтерна. В период своей работы конгресс издавал временную газету³, где я сотрудничала в качестве художницы.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 165—208. *Ред.*

² Речь идет о Тиборе Самуэли (см. настоящий том, с. 227—228). *Ред.*

³ Газета «Москва» — орган III конгресса Коминтерна, издавалась на немецком, французском и английском языках в мае — июле 1921 г. *Ред.*

На открытии конгресса делегаты пели песни разных народов, в том числе наш венгерский марш Ракоци. Это было очень трогательно. В волнении я села на ступеньку лестницы, которая вела к председательской трибуне. Оттуда я могла видеть весь зал и начала рисовать. Когда я подняла глаза, то увидела рядом с собою Ленина. Я была настолько взволнована, что не могла продолжать своего дела. А Ленин, повернувшись вполборота к залу, что-то быстро записывал. Затем он повернулся ко мне и увидел мой эскиз. Он кивнул мне, но не сказал ни слова и продолжал напряженно следить за дискуссией.

В президиуме заметили, что многие товарищи в зале стоят, и начали их рассаживать, но тов. Ленин сделал знак, чтобы не мешали работе конгресса, и сам до перерыва оставался на лестнице.

Во время перерыва многие подходили ко мне и спрашивали, о чем мы говорили с Владимиром Ильичем. Я с грустью отвечала, что была настолько взволнована, что не сказала ему ни слова. Во время перерыва делегаты беседовали друг с другом. В эти минуты я особенно ясно увидела и почувствовала, как все любят Ленина. Едва он только появлялся, как люди устремлялись к нему, чтобы увидеть его поближе, услышать ответы на вопросы, узнать, что он думает. Я заметила, что лишь немногие говорили сами, все старались больше слушать Ильича. Между тем Ленин часто шутил и заразительно смеялся.

Мне никогда не забыть того момента, когда на конгресс пришла Клара Цеткин — выдающийся представитель немецкого рабочего движения. Как только Ленин увидел входящую в зал одетую в черное пожилую женщину, он тотчас же спустился с трибуны, поспешил к ней и обнял. Делегаты встали, вспыхнули громовые овации, потом кто-то запел «Интернационал», и весь зал подхватил гимн. Клара Цеткин плакала от волнения.

Конгресс продолжал свою работу, и я почти ежедневно могла видеть Ленина. Какие пламенные чувства бушевали в нем! Я ясно видела это глазами художника. Каждое движение его души отражалось в мимике его лица. Какой необычайно интенсивной внутренней жизнью жил он! Ленин обладал огромной выдержкой и самодисциплиной. И его темперамент, быстрые движения нисколько не противоречили его внутреннему достоинству. Это было достоинство огромной духовной силы!

После конгресса мне довелось еще раз встретиться с Лениным. Я училась в то время в художественной школе Вхутемас, которая находилась в Москве, в Строгановском училище.

Однажды наше общежитие посетил Ленин¹. В то время шла большая дискуссия среди московских художников. Партия на-

¹ Автор, видимо, ошибается. В. И. Ленин посетил общежитие Всероссийских художественно-театральных мастерских (до 1918 г. — Строгановское училище) 25 февраля 1921 г. *Ред.*

чала борьбу против формализма, абстракционизма и других порочных течений в изобразительном искусстве. Мы ждали тов. Ленина с большой, невыразимой радостью. Он приветливо поздоровался со всеми, потом беседовал с нами. В то время я еще плохо владела русским языком и поэтому не могла уловить все, что он говорил. Но все же отдельные его высказывания я поняла, а остальное рассказали мне потом мои коллеги по школе. Тов. Ленин сказал, что знает: среди нас имеются такие, которые считают себя революционерами в искусстве. Он добавил, что все мы «славные ребята», но он не одобряет нашего увлечения формализмом.

Память о Ленине, встречи с ним навсегда останутся в моем сердце.

Работница, 1960, № 4, с. 11

ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ¹

I

В первый раз я встретился с Лениным в 1918 году. 25 сентября 1918 года я прибыл из Америки в Москву через Японию с Б. Я. Рутгерс и двумя русскими товарищами после полного приключений путешествия через Сибирь.

Молодая республика Советов тогда была отрезана от внешнего мира, и прибытие иностранного товарища, да еще через Сибирь, которая в то время перешла в руки белых, было незаурядным событием. Нас очень сердечно приняли, и мы беседовали с Караханом и Чичериным², а также с Радеком, который тогда работал в Комиссариате иностранных дел, затем с одним товарищем из штаба Красной Армии и с некоторыми русскими товарищами, которых мы знали уже в Америке.

На одном заседании ЦИК в Метрополе я сделал доклад об Америке, Японии и Голландии.

Несколько позднее — точной даты я не помню, знаю только, что Ленин еще не вполне оправился от последствий покушения на него, — Владимир Ильич пригласил меня к себе в Кремль³.

С бьющимся от волнения сердцем вошел я к великому вождю первой победоносной пролетарской революции. Но уже после первых приветственных слов я почувствовал себя с ним, как с давно знакомым товарищем.

Ленин задал мне несколько вопросов о моих сибирских впечатлениях, а затем заговорил об Америке. Он обнаружил изумительное знакомство с положением дел в Соединенных Штатах и

¹ Печатаются фрагменты статьи, посвященные непосредственно встречам с В. И. Лениным. *Ред.*

² Карахан Л. М. (1889—1937) — советский дипломат; в Коммунистическую партию вступил после июльских дней 1917 г. В 1918—1920 гг. — член коллегии, заместитель наркома иностранных дел.

Чичерин Г. В. (1872—1936) — советский государственный деятель, выдающийся дипломат; член Коммунистической партии с 1918 г. В 1918—1930 гг. — народный комиссар иностранных дел. *Ред.*

³ Себальд Рутгерс был принят В. И. Лениным в Кремле 4 ноября 1918 г. *Ред.*

с тамошними деятелями, так что я даже не был в состоянии ответить на все его вопросы. Замечая, что я затрудняюсь ответить на тот или иной вопрос, он незаметно переходил к другому и сумел выудить из меня много конкретных сведений и фактов. Инициатива в беседе, само собой разумеется, принадлежала исключительно Ленину, и я только старался с максимальной точностью отвечать на вопросы, поскольку я был в состоянии это сделать.

Теперь я уже не помню всех отдельных вопросов, так как я тогда их, к сожалению, не записывал. Ленин расспрашивал меня об Америке, Японии и Голландии.

Относительно Америки речь шла о позиции Американской социалистической партии, возглавляемой Морисом Хилквитом и Элджерноном Ли, об оппозиционных группах в АСП (Американская социалистическая партия) и о роли IWW (Индустриальные рабочие мира). Особенно интересовался Ленин тем, какое впечатление произвела русская революция на массы в Америке.

Моя деятельность в Америке относилась к периоду от июня 1915 года до апреля 1918 года...

Благодаря нашей совместной работе со многими русскими товарищами мы были довольно хорошо информированы о событиях в России, а так как в США русская революция вызывала огромный интерес, то мы решили вместе с некоторыми русскими товарищами основать «Бюро большевистской информации». Задачей этого бюро было собирать материал из Советской России и делать доступным пользование им для печати, включая и буржуазную печать. Была также при нашем посредстве издана одним буржуазным издательством книга «Речи Ленина»...

Вскоре я получил мандат от «Лиги социалистической пропаганды», поручившей мне представлять ее на конгрессах, которые могут состояться в Европе; мне было также дано поручение разузнать, насколько возможно и полезно было бы организовать американский отряд Красной Армии. Тов. Катаяма снабдил меня связями в Японии. Там у меня было несколько бесед с товарищами в Токио и Иокогаме, а при отъезде во Владивосток японские товарищи поручили мне отвезти в Москву принятое ими постановление об отношении к Октябрьской революции (этот текст резолюции опубликован в протоколах I конгресса Коминтерна)¹.

Путешествие через Сибирь было очень трудным, так как в то время чехословацкий легион, подстрекаемый Антантой, поднял восстание военнопленных чехословаков, и в Сибири бушевала гражданская война; однако резолюция наших японских товарищей благополучно проскользнула через все эти три фронта,

¹ См. Первый конгресс Коминтерна, с. 165—166. *Ред.*

и ко времени посещения мною Ленина она уже была напечатана в «Правде»¹.

Ленин задал мне несколько вопросов относительно Японии; движение там было, правда, тогда еще слабо, но восторг, вызванный русской революцией, дал ему новый толчок.

Наконец заговорили о Голландии. Ленин знал лично многих товарищей из группы «Трибуна» и с живым интересом расспрашивал о работе Гортера и Паннекука, Роланд-Гольст и Вайнкопа. Ленин был хорошо знаком с историей голландской партии² — ведь он оказал на последнюю немалое влияние. Как известно, в 1909 году в Голландии произошел раскол вследствие борьбы оппозиционной группы «Трибуна» (названной так по ее органу «De Tribune»), который и теперь является органом КПГ) против реформистской политики вождей, известнейшие из которых Трульстра и Ван Коль... Необходимо, однако, подчеркнуть, что «трибунисты» были еще весьма далеки от большевизма. Внутри руководства СДПГ в ряде вопросов имели место очень большие колебания; так, например, член ЦК Ван Равестейн в ЦО явно защищал... политику Антанты.

...Ко времени моей беседы с Лениным в Кремле ошибки «трибунистов», явившиеся следствием сектантских и механистических взглядов «голландской школы», как назвал эту группу Ленин, еще не достигли тех размеров, каких они достигли впоследствии. Ленин еще возлагал тогда большие надежды на дальнейшую теоретическую и практическую работу этой группы, Гортера и Паннекука в особенности.

При прощании с Владимиром Ильичем меня немало удивило то, что он еще особо осведомился о том, хорошее ли помещение отведено нам, обеспечены ли мы всем необходимым и вообще не нуждаемся ли мы еще в чем-нибудь. Я тогда еще не знал, что Ленин, при всех своих государственных и партийных заботах, постоянно заботился и о повседневных материальных и прочих потребностях своих товарищей.

II

...Когда я осенью 1919 года после тяжелой болезни возвратился в Москву, Советская Россия была со всех сторон отрезана от мира. Вследствие блокады Советской России непосредственные сношения Коминтерна с отдельными входящими в него партиями были чрезвычайно затруднены и оказалось необходимым основать Бюро Коминтерна в Западной Европе с особыми пол-

¹ «Правда» № 208 от 27 сентября 1918 г. Описание моего путешествия через Сибирь помещено в ЦО КП Голландии «De Tribune» от 1 октября 1929 г. С. Р.

² Имеется в виду Социал-демократическая партия Голландии (СДПГ). Ред.

помочиями. Это Бюро должно было объединять деятельность различных коммунистических партий и групп во всех странах, развернуть повсюду пропаганду и подготовить конференцию или, если окажется возможным, II конгресс.

Согласно мнению Ленина, Голландию считали в то время самым подходящим местом для местопребывания Бюро. Мне было поручено передать западным товарищам инструкции на счет Бюро и принять участие в его работе.

14 октября 1919 года, в день моего отъезда, в 3 часа ночи меня пригласили к Ленину для последних переговоров. Это был момент, когда Деникин угрожал Орлу, и Ленин во время нашей беседы был соединен по прямому проводу с фронтом; его то и дело вызывали к телефону. Положение в эту ночь было очень серьезное и тревожное, и Ленин заявил мне, что если Тула будет взята, то и Москвы не удержат. Он сказал мне:

— Если вы в пути услышите, что Тула взята, то вы можете сообщить нашим зарубежным товарищам, что мы, быть может, вынуждены будем перебраться на Урал.

Во время разговора он дал мне различные указания и снабдил меня различными адресами за границей, которые могли бы мне пригодиться. Я припоминаю, что он дал мне адреса Пауля Леви, Фукса и Бронского-Варшавского в Берлине, Франца Коричонера и покойного проф. Карла Грюнберга в Австрии, Любарского в Италии и т. д. При этом он, несмотря на серьезность положения, был в самом бодром расположении духа и даже несколько раз шутил...

Серьезность момента не помешала Ленину подробно справиться о том, все ли было сделано во время подготовки к моей поездке для того, чтобы она была сопряжена с возможно меньшими опасностями для меня. Только после того, как я ему сказал, что удалось пойти очень благоприятный случай для переезда через латвийскую границу, он успокоился на этот счет. Потом он еще говорил о своих голландских друзьях, от которых он ожидал энергичной и успешной пропаганды наших идей. Он напомнил о том, как в прежнее время русские революционеры из-за границы наводняли Россию статьями и брошюрами для пропаганды среди масс, хотя количество работников было относительно очень невелико.

Был принят ряд мер для поддержания связи с Голландией, но если бы все-таки связь оказалась прерванной, то Бюро должно было по своей инициативе подготовить и созвать международную конференцию.

Напоследок я еще попросил тов. Ленина написать несколько приветственных слов голландским товарищам. Это приветствие я доставил в Голландию. В этом письме Ленин писал (по-немецки) о тяжелом положении Страны Советов из-за наступления 14 государств и о величайших усилиях, прилагаемых пар-

тий. Ленин писал дальше, что коммунистическое движение великолепно растет во всех странах, что советский строй — огромный шаг вперед в мировой истории — сделался всюду практическим лозунгом для рабочих масс. Ленин заканчивал письмо словами о том, что торжество международной пролетарской революции неизбежно, несмотря ни на что¹.

Излишне подчеркивать, что на этот раз я прощался с Ильичем с совершенно особым чувством...

III

Весной 1921 года я возвратился в Москву, чтобы продолжать свою работу в социалистическом строительстве. Работая в 1918 году в качестве главного инспектора водных путей сообщений, я пришел к убеждению, что практическое сотрудничество иностранных рабочих и специалистов будет успешнее, если им поручить как организованной группе выполнение какой-либо отдельной задачи. Я по роду своих занятий, между прочим, познакомился также со старыми проектами Кузнецко-Уральского комбината, причем в план входило соединение обеих экономических областей водным путем сообщения. Вообще можно было удивляться тому, как много широких, никогда не осуществленных планов, частью даже разработанных до мельчайших подробностей во многих вариантах, накопилось в архивах царских министерств. Никто не интересовался выполнением этих планов, пока устарелые проекты не заменялись новыми, и т. д. до бесконечности.

Когда я приехал в Москву, в 1921 году, как раз был в связи с введением нэпа разработан проект сдачи концессий иностранному капиталу... Была создана главная концессионная комиссия и издана большая карта, на которой был обозначен ряд возможных концессий². Среди этих концессий находился и угольный район Кузбасса, фантастические богатства которого дали пищу моему воображению как инженера...

В 1921 году в Москве кроме III конгресса Коминтерна состоялся I конгресс Профинтерна; в последнем участвовали многие рабочие из Америки, в том числе группа ИРМ, которая тогда хотела работать вместе с Коминтерном. Среди них были Билль Хейвуд и некто Кальверт³, который также приехал в Москву

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 57. *Ред.*

² См. О концессиях: Декрет Совета Народных Комиссаров от 23 ноября 1920 г. Текст декрета. Объекты концессий. Карты.— М., 1920. *Ред.*

³ Хейвуд Уильям (Билль) (1869—1928) — деятель рабочего движения США. Вскоре после основания в США Коммунистической партии (сентябрь 1919 г.) вступил в ее ряды.

Кальверт Герберт — американский рабочий, член организации Индустриальные рабочие мира. *Ред.*

с намерением наладить совместную работу американских и русских рабочих. Хейвуд свел меня с ним, и мы решили действовать сообща на основе моих тезисов.

Ленина мы познакомили с этим планом сначала при посредстве Бухарина. Ленин поручил инженеру Л. Мартенсу (в настоящее время главный редактор Технической энциклопедии)¹ разработать с нами эти планы дальше и обсудить это дело с тов. Горбуновым, который был тогда секретарем Совета Труда и Оборона². Тов. Мартенс предложил нам ограничиться Уралом, а предприятие должно было носить кооперативный характер, с участием в прибылях, что мы решительно отклонили. Мы настаивали на том, чтобы предприятие было советским государственным предприятием, с известной свободой внутренней организации. Так как мы при тогдашних условиях опасались бюрократического вмешательства при основании и в дальнейшем ходе строительства предприятия, то требовали непосредственного подчинения новой организации Совету Труда и Оборона (главным образом потому, что Председателем СТО был Ленин) без вмешательства Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ).

Вопрос этот несколько раз стоял в порядке дня СТО, и меня вместе с моей переводчицей и сотрудницей тов. Бронкой Корнблит всякий раз приглашали на эти заседания, проходившие под председательством Ленина. Тогдашний руководитель ВСНХ, тов. Богданов, был решительным противником этого плана.

У профессионального союза металлистов также были сомнения по поводу нашего плана, зато профессиональный союз горнорабочих, которым руководил тов. Артем³, очень нас поддерживал. В конце концов проведен был проект Лениным: он позаботился о том, чтобы соглашение удовлетворило также иностранных рабочих. Ленин ценит при этом план не только как попытку социалистического строительства, но и как практическое проявление международной солидарности. Сначала СТО, по предложению Ленина, постановил 22 июня 1921 года, чтобы была организована под моим руководством экспедиция в Сибирь и на Урал, которая ознакомилась бы на месте с условиями и выработала бы конкретный план. Эта экспедиция состоялась в июле и августе 1921 года. В сентябре проекты были представлены в

¹ Мартенс Л. К. (1875—1948) — видный советский хозяйственный работник, ученый в области машиностроения и теплотехники. Член партии с 1893 г. В 1927—1941 гг. — главный редактор Технической энциклопедии. *Ред.*

² Горбунов Н. П. (1892—1938) — с 1920 г. — управляющий делами Совнаркома и СТО. *Ред.*

³ Артем (Сергеев Ф. А.) (1883—1921) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства; член партии с 1901 г. *Ред.*

СТО, и на заседании 21 октября план был одобрен, после чего 22 ноября 1921 года был подписан договор.

Я вспоминаю одно заседание СТО, на котором еще не могло быть принято решения, так как Ленин хотел выслушать мнение тов. Мартенса, бывшего в то время на Урале. Так как и без того до весны 1922 года времени для подготовки оставалось мало, то я с некоторой нервозностью протестовал против этой отсрочки. Ленин послал мне тогда одну записочку приблизительно такого содержания: «Дорогой т. Рутгерс! Не волнуйся, дело обстоит хорошо, я тебе гарантирую не только некоторую свободу, но и полную свободу» (речь шла о внутренней организации и о бюрократическом вмешательстве, которого мы пуще всего опасались при организации предприятия).

Ленин даже особо поручил тов. Аниксту успокоить нас и разъяснить нам, что подготовка такого рода постановлений требует некоторого времени. Конечно, наше нетерпение было недопустимой переоценкой важности наших планов по сравнению с другими гигантскими задачами СТО, но Ленин умел чутко подходить к иностранным рабочим и по-товарищески направлять их на верный путь.

Кроме этих встреч с Лениным в СТО один раз имело место официальное обсуждение наших планов непосредственно у Ленина, который пригласил к себе гг. Хейвуда, Кальверта и меня¹. Ленин в этом случае говорил мало и дал возможность особенно подробно высказаться Хейвуду и Кальверту. Я немного трусил, так как опасался, что они оба своими фантастическими преувеличениями в духе ИРМ повредят плану. Но Ленин был очень хорошо знаком с идеологией ИРМ и, само собой разумеется, не для того, чтобы говорить о ней, организовал это обсуждение. Даже очень словоохотливому Кальверту не удалось развить свои «теории». Ленин хотел узнать конкретно, как и в каких слоях будут рекрутироваться участники предприятия? Есть ли у нас связи с солидными инженерами и техниками? Представители каких массовых организаций в Соединенных Штатах будут привлечены к этому делу? Располагают ли американские рабочие и специалисты, которых мы рассчитывали привлечь, хотя бы небольшими средствами, чтобы оплатить путешествие, а также оборудование и машины?

Ответы на эти конкретные вопросы его более или менее удовлетворили, так как после мировой войны в США были слои рабочих, располагавших некоторыми денежными средствами, и

¹ Обсуждение состоялось 19 сентября 1921 г. Сохранилась запись этой беседы, сделанная В. И. Лениным (см. Ленинский сборник XXIII, с. 39).

Подробности беседы с представителями американской рабочей колонии В. И. Ленин в тот же день сообщил члену президиума ВСНХ В. В. Куйбышеву (см. Полн. собр. соч., т. 53, с. 203—205). *Ред.*

я имел возможность лично убедиться в том, как велика была среди американских рабочих любовь к Советской России и интерес к ней; кроме того, тогда еще казалось, что возможна совместная работа значительной части ИРМ с коммунистами.

Но что Ленин не разделял преувеличенных надежд Хейвуда и особенно Кальверта, ясно было из его несколько лаконичского замечания о том, что привлечение нескольких тысяч квалифицированных и имеющих достаточный производственный опыт американских рабочих и специалистов при всяких обстоятельствах должно быть полезно для Советской России...

Ленин не удовлетворился устным указанием на необходимость того, чтобы участники были достаточно квалифицированы. Было поставлено требование, чтобы к выбору сотрудников в Нью-Йорке были привлечены представители массовых организаций, и Ленин сам выставил четыре условия, которые должен был подписать каждый кандидат в отдельности¹...

Начатая при участии Ленина пионерская работа иностранных рабочих внесла свою долю в это строительство в один из труднейших периодов его, на его самой ранней стадии².

Оправдалось мнение Ленина, что привлечение группы технически грамотных и классово сознательных рабочих принесет пользу, и теперь еще во всех частях Советской республики можно встретить старых кузбассовцев, занимающих почетное место в мощной системе социалистического строительства.

Ленина я встретил еще раз, когда он произнес свою известную речь на IV конгрессе Коминтерна. Когда он, явно усталый, уходил с конгресса, он пожал мне руку в коридоре Большого Кремлевского дворца. Это было в последний раз.

*Историк-марксист, 1935, № 2—3,
с. 85—98*

¹ См. Ленин В. И. Письмо В. В. Куйбышеву и проект обязательства рабочих, едущих из Америки в Россию. 22 сентября 1921 г.— Полн. собр. соч., т. 44, с. 125—126. *Ред.*

² Автор имеет в виду Кузнецкстрой. *Ред.*

ЛЕНИН И ПЕРВАЯ КОНЦЕССИЯ

Я приехал в Россию осенью 1921 года вопреки словам американских друзей, уверявших меня, что в Стране Советов ожидает меня гибель и смерть. Газеты были тогда полны описаниями «зверств большевиков» и изображениями «ужасного» вождя Ленина.

При отъезде из Нью-Йорка я взял с собой частное письмо к Владимиру Ильичу от моего отца д-ра Ю. Я. Хаммера, старого партийного работника Соединенных Штатов, который встречался с Лениным в 1907 году на Международном социалистическом конгрессе в Штутгарте.

По прибытии в Москву это письмо я послал Ленину. К великому моему удивлению и радости, Владимир Ильич сообщил мне, что хотел бы лично повидаться со мной. Мы пошли в Кремль, где по телефону уже соответственно распорядились, чтобы нас пропустили без всяких задержек¹.

— На каком языке будем с вами говорить, — спросил меня Владимир Ильич, — на русском или английском?

— Так как вы говорите лучше по-английски, чем я по-русски, — ответил я ему, — будем по-английски.

Он добродушно засмеялся и согласился.

Мы беседовали в течение полутора часов. Вопросы личного характера (о моем отце, о пребывании в России) сменились вопросами политического значения. Особенно он интересовался признанием Советской России Соединенными Штатами. Хотя Ленин никогда не бывал в Америке, но был осведомлен о ней более, чем американцы.

Временами Ленин делал юмористические замечания, и кабинет оглашался взрывами веселого смеха.

— ...Из всех стран мира, — сказал мне товарищ Ленин, — мы считаем Америку той страной, где капитализм достиг своего

¹ В. И. Ленин принял А. Хаммера 22 октября 1921 г. *Ред.*

наибольшего развития. Конечно, мы надеемся достигнуть в России такой же производительности, с той только разницей, что средства производства будут в руках государства и, таким образом, весь продукт национального труда попадет в руки народа вместо того, чтобы сделаться добычей небольшого количества частных предпринимателей...

— ...Мы приглашаем американцев приехать к нам в Россию, чтобы научить нас их приемам производства и поднять нашу промышленность на достойную высоту. Мы готовы платить за такую помощь и обещаем американскому капиталу полную неприкосновенность и гарантируем возможность заработать деньги на концессиях в промышленности и торговле на определенный период времени...

Перед окончанием нашего свидания Ленин убедил меня, что мы окажем большую услугу России, если сумеем убедить своих друзей и коммерсантов в Соединенных Штатах взять первую концессию в России. Он предложил личное содействие и помощь. Что он сдержал свое обещание, свидетельствуют несколько писем, публикуемых «Красной газетой»¹, и через некоторое время я в качестве представителя американской фирмы подписал договор на первую концессию в Советской России².

Красная газета (Л.), 1926, 21 января, № 17, с. 5

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 324; т. 54, с. 252. *Ред.*

² Первая концессия на территории РСФСР (Урал) была предоставлена «Американской объединенной компании медикаментов и химических препаратов» по договору, подписанному 29 октября и утвержденному Совнаркомом 1 ноября 1921 г. *Ред.*

СВЯЩЕННАЯ ПАМЯТЬ

Осенью 1921 года в Москву для заключения первого договора о дружбе между Советским Союзом и народной Монголией приехала монгольская делегация во главе с Сухэ-Батором. Мне посчастливилось быть одним из ее членов. После того как 5 ноября того года договор был подписан, нашу делегацию принял Владимир Ильич Ленин и сердечно беседовал с нами¹.

Хорошо помню, как он сказал, что очень рад еще раз услышать о том, что Монгольское народное государство, изгнав всех врагов со своей земли, налаживает новую жизнь. От имени трудящихся Советской России он пожелал монгольскому народу успеха в великом деле, начатом народной партией и правительством Монголии.

— Для того чтобы навсегда закрепить завоевания народной Монголии,— подчеркнул Ильич,— необходимо расширять связи с Советским правительством.

Ленин долго беседовал с членами делегации. Он внимательно слушал наши рассказы, живо интересовался самыми разными вопросами жизни народной Монголии, давал полезные советы. В частности, Владимир Ильич обратил наше внимание на необходимость поднять уровень просвещения и культуры монгольского народа, одновременно подчеркнув, что нужно всемерно развивать собственную экономику с целью удовлетворения всех потребностей народа. Когда вы выполните эти задачи, сказал он, то подниметесь до уровня развитых европейских государств.

¹ «Соглашение между Правительством РСФСР и Народным Правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией» от 5 ноября 1921 г. см. Документы внешней политики СССР, т. 4.— М., 1960, с. 476—480.

Беседа В. И. Ленина с делегацией Монгольской Народной Республики состоялась 5 ноября 1921 г. В состав делегации входили: Данзан, Сухэ-Батор, Церендорж, Чжон-Ван-Ширин-Дандин, Батухан. Запись беседы см. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 232—233. *Ред.*

Владимир Ильич заявил, что Советское государство поможет Монголии всеми средствами, ибо заключенный договор — это договор дружбы, равенства и братства.

— Надо идти вперед, как братья, всегда помогая друг другу, — добавил Ленин.

Эта встреча с великим вождем первой в мире пролетарской революции навсегда запечатлелась в моем сердце. Она ярко показала, как мудрый и простой Ильич заботился об интересах всех трудовых людей Земли.

*Известия, 1960, 22 апреля, № 96,
с. 5*

I ЛЕНИН

...Красный свет, бьющий во все стороны из Андреевского зала, озаряет вселенную; речи представителей трудящихся разных стран, их голоса сотрясают земной шар — это Коммунистический Интернационал на своем III конгрессе. Сегодня Кремль стал поистине символом поразительного сочетания различных культур человечества.

Ленин несколько раз выступал на конгрессе. Он совершенно свободно говорит по-немецки и по-французски, спокойно обдумывая и взвешивая каждое слово. В том, как Ленин держится во время выступлений, нет ничего от университетского профессора. И в этой простоте, с которой он держит себя, виден прямой и непреклонный политический деятель. Как-то я встретился с Лениным в коридоре, и мы разговаривали несколько минут. Он указал мне на некоторые материалы по вопросам Востока, а потом, занятый государственными делами, извинился и ушел.

Всякий раз, когда в Андреевском зале выступает Ленин, протиснуться к трибуне невозможно. На стульях и столах — всюду стоят люди, так что яблоку негде упасть. Когда в зале зажигаются огни, большая тень Ленина, образуя удивительную картину, падает на плакаты и лозунги: «Коммунистический Интернационал», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика». Этот силуэт на кумаче рождает необыкновенные чувства и становится особым символом... Последние слова речи Ленина утопают в громе аплодисментов...

6 июля 1921 года

II КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ

Завод «Электросила» № 3, бывшие мастерские «Динамо»¹. Годовщина Октябрьской революции. В торжественный вечер на заводе собралось много народу²... Рабочим — этим честным труженикам — пришлось немало повидать и перенести на своем веку: и разгоны рабочих сходок озверелыми казаками, и подобные урагану стачки, и упорные, не на жизнь, а на смерть, бои с врагами. А сегодня, в годовщину Октябрьской революции, их чувствует столько людей! Служащие, рабочие, их семьи, группа за группой, все идут и идут к заводу.

...Все встают, чтобы почтить память павших в боях за революцию. После того как стихают звуки траурной мелодии, на трибуну один за другим поднимаются ораторы, которые горячо поздравляют присутствующих.

Все, на кого ни глянь, в необычайно приподнятом настроении. Но вот совершенно неожиданно они видят, что на трибуну поднимается Ленин. Все, кто был в зале, толпой устремляются вперед. В течение нескольких минут кажется, что изумлению не будет конца. Однако тишина длится недолго: ее вдруг раскалывают крики «ура», аплодисменты, от которых сотрясаются небо и земля...

Взоры рабочих устремлены в одну точку — они прикованы к Ленину. Напрягая до предела слух, они внимательно слушают его речь, стараясь не упустить ни единого слова. На самых простых и понятных примерах Ленин убедительно показывает, что Советская власть есть власть самих трудящихся, и сознание этой истины у трудящихся масс растет день ото дня, и с каждым днем она становится для них все более понятной.

«Человек с ружьем — страшный в прошлом в сознании трудящихся масс — не страшен теперь, как представитель Красной Армии, и является их же защитником»³.

Последние слова Ленина утопают в бурной овации. Кажется, не выдержат заводские стены грома аплодисментов, возгласов «ура» и торжественных звуков «Интернационала» — это пробуждается к жизни и растет великая, могучая энергия...

Собрание окончено. Большинство присутствующих уходят в столовую на праздничный ужин...

Заводской вечер, посвященный празднованию годовщины Красного Октября, был по-настоящему торжествен...

8 ноября 1921 года

Иностранная литература, 1955,
№ 5, с. 14—15

¹ Ныне электромашиностроительный завод «Динамо» им. С. М. Кирова. *Ред.*

² Вечер состоялся 7 ноября 1921 г. *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 238. *Ред.*

НАША ВСТРЕЧА С ИЛЬИЧЕМ

Это случилось в один из ноябрьских вечеров. Тогда я находился в Москве, будучи секретарем корейской делегации, прибывшей в Исполком Коминтерна. Разрешив все вопросы, относящиеся к дальнейшей деятельности нашей коммунистической партии, мы собирались выехать на Восток.

Но прежде чем покинуть Москву, мы твердо решили встретиться с любимым нашим вождем — Владимиром Ильичем.

Это сделать удалось. На наш запрос по телефону нам вскоре ответили, что тов. Ленин будет очень рад встретиться с корейским революционером Ли Дон Хы — представителем нашей делегации.

Свидание было назначено на 5 часов вечера¹. Чтобы не опоздать на прием, мы за час раньше двинулись к Кремлю.

Нас было четверо. Как только мы вошли в большую комнату, нас ввели в приемную знаменитого кабинета Ленина.

Волновался тов. Ли Дон Хы, переваливший за пятый десяток своей жизни и поседевший в беспощадных боях против классовых врагов, волновался и я (на мою долю выпала большая задача быть переводчиком). Но вот открылась дверь... Показалась дорогая, знакомая фигура Ильича. Мы сорвались со своих мест и, словно во сне, пожимали протянутую руку вождя. Голосом, полным теплоты, Владимир Ильич произнес:

— Очень рад увидиться с корейскими коммунистами.

Затем, опустившись в плетеное кресло, он предложил нам сесть напротив себя.

Внешне Владимир Ильич выглядел вполне бодрим. Ростом он — невысокий, плотный. Немного сутуловатый. Большая голова со знакомой лысиной. Чистое, с мягким выражением лицо. Маленькие, живые, пронзительные глаза. Нас сильно обрадовало отсутствие у Ильича седых волос, будто старость не кос-

¹ Делегацию корейских коммунистов В. И. Ленин принял 28 ноября 1921 г. В состав делегации входили: Ли Дон Хы, Хон До, Пак Ден Шун и А. Ким. *Ред.*

нулась его. Я старался, насколько возможно, изучить черты его лица, всего Ленина... Ильич похож, как это писали некоторые, побывавшие у него, на рязанского середняка-мужичка. Одет он был в очень простой костюм.

Боясь потерять драгоценное время (нам дали 30 мин.), мы сейчас же начали беседу. Говорил на корейском языке тов. Ли Дон Хы. Прежде всего мы заявили, что пришли к Ильичу как его ученики, поэтому будем весьма откровенны с ним. Ильичу, очевидно, очень понравилось наше заявление, он с улыбкой сказал, что с удовольствием принимает наше предложение. Затем, со свойственной ему прямотой, заявил нам, что он «ничего не знает о дальневосточных делах». Ильич просил подробно информировать его о положении в Корее и соседних странах.

Мы, как могли, сжато обрисовали экономическое и политическое состояние нашей страны. Наша информация временами прерывалась неожиданными вопросами Ильича. В процессе беседы создались самые непринужденные, теплые взаимоотношения с Ильичем. Ленин с большим вниманием слушал о той колонизаторской политике, которую самым хищническим образом проводит Япония в Корее.

Раскрыв лежавший на столе атлас, мы показали Ильичу расположение и протяженность железных дорог в Корее. Рассказали ему о постройке трамваев, открытии фабрик и заводов японскими капиталистами.

Ленин произнес весьма пророческие слова о роли железнодорожников и трамвайных рабочих в предстоящих революционных событиях. Он назвал их авангардом масс в борьбе против империализма на Востоке. Через два года, в 1923 году, эти слова сбылись¹.

Ильич интересовался состоянием молодой корейской коммунистической партии, ее количественным и качественным составом². Внимательно выслушал наш рассказ о причинах мартовского поражения в Корее³.

Ильич подробно расспрашивал тов. Ли Дон Хы об условиях борьбы корейских революционеров. Ильич сказал:

— Мы жили в культурных центрах в то время, как вам приходится скитаться по сопкам и лесам, скрываясь от преследований империалистов. Надо организовать вам международную помощь.

¹ По-видимому, речь идет о стачечном движении корейских рабочих летом 1923 г. *Ред.*

² Речь идет о подпольных коммунистических кружках и группах, из которых в апреле 1925 г. в глубоком подполье была создана Коммунистическая партия Кореи. *Ред.*

³ Имеется в виду народное восстание в Корее против японского империализма в марте — апреле 1919 г. (Мартовское восстание). Восстание было жестоко подавлено. *Ред.*

В середине нашей беседы вошла женщина и сообщила Ильичу, что время беседы истекло. Ильич разрешил еще 25 минут.

На письменном столе лежала груда бумаг. Среди них были копии наших докладов, посланные ему. Владимир Ильич извинился, что не успел ознакомиться с ними. В его кабинете стоял огромный шкаф, наполненный массой книг на иностранных языках. При виде их я невольно почувствовал всю глубину своего невежества, ибо среди этих книг я не нашел ни одной знакомой.

Говорили мы на различные темы. Многие уже забыто, ибо прошло уже 8 лет. В конце беседы Ильич задал мне неожиданный вопрос:

— Сколько среди корейцев таких, как вы, хорошо владеющих русским языком?

Этот вопрос застигнул меня врасплох. Машинально я ответил:

— Больше тысячи.

Ильич, качая головой, укорял меня, что до сих пор никто из этих товарищей, в совершенстве владеющих русским языком, не написал ни одной книги о революции на Востоке.

— Пишите о вашей борьбе. Мы переведем с русского на все европейские языки. Пусть весь мир знает о революционных событиях на Дальнем Востоке. Если вы еще раз придете сюда, принесите обязательно такую книгу. Без нее не являйтесь.

Мы стали прощаться. Ильич долго пожимал руку старого Ли Дон Хы. Прощаясь с ним, мы чувствовали в наших сердцах новый приток энергии, твердой решимости и готовности умереть за победу знамени Коминтерна.

С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

С тов. Лениным я встречался трижды; следовательно, мои воспоминания о тов. Ленине очень скудны и ограничены. Эти три встречи следующие: первая — на заседании Всероссийского съезда Советов, происходившем в Большом театре вечером 23 декабря 1921 года, когда тов. Ленин делал свой доклад съезду¹; вторая — в январе 1922 года в его рабочем кабинете в Кремле и в последний раз — 13 ноября 1922 года в Андреевском зале Кремля, на IV конгрессе Коммунистического Интернационала.

Теперь я сообщу свои впечатления о тов. Ленине, которые я получил от этих различных встреч.

I

Прежде чем сообщить свои впечатления о товарище Ленине, я должен сказать, как я был подготовлен к встрече с тов. Лениным. Я слышал о том, с какой силой он умел убеждать свою аудиторию во время Брест-Литовска, а также и в других случаях, когда он своими речами одерживал верх над противниками. Но самым лучшим средством познакомиться с тов. Лениным было для меня чтение его «Государства и революции». Эта книга дала мне настоящую программу Октябрьской революции — программу «перехода от капитализма к коммунизму».

То было чрезвычайно серьезное и трудное время после экономической блокады, гражданской войны и голода. Прогнав всех внешних врагов и только что приняв новую экономическую

¹ Автор имеет в виду IX Всероссийский съезд Советов (23—28 декабря 1921 г.) и доклад В. И. Ленина «О внутренней и внешней политике республики» на первом заседании съезда (см. Полн. собр. соч., т. 44, с. 291—329). *Ред.*

политику, Советская Россия посылала делегацию в Геную с директивами тов. Ленина. На заседании съезда тов. Ленин говорил о внутренней и внешней политике и дал ясную перспективу. Мировые империалистические державы боролись за то, чтобы выйти из послевоенного кризиса путем Вашингтонской конференции, а затем путем конференции в Генуе, на которую они были вынуждены пригласить Советскую Россию. Советская Россия теперь была в гораздо более благоприятном положении, чем когда-либо прежде.

Будет уместно здесь сказать, почему я очутился на этом заседании съезда. С 1916 года я принимал участие в движении левого крыла в Америке и в издании еженедельника «Революционный век» и ежемесячника «Классовая борьба», задача которых заключалась в истолковании американским рабочим русского революционного движения... Я приехал из Мексики, где тогда работал, для того, чтобы участвовать в съезде трудящихся Дальнего Востока.

До прихода тов. Ленина я сказал несколько приветственных слов. Большой театр был переполнен. Я видел, что все присутствующие крайне взволнованы и напряжены ввиду предстоящего выступления тов. Ленина.

Когда тов. Ленин вошел в зал, все встали и аплодировали в течение нескольких минут. После того как председатель назвал оратора и тов. Ленин взошел на трибуну, все присутствующие опять встали и приветствовали его продолжительными овациями.

Так как я не знал русского языка, мои наблюдения в тот вечер были ограничены. Тов. Ленин держался перед аудиторией непринужденно. Все слушали его с чрезвычайным вниманием, соблюдая полный порядок и глубокую тишину.

Тов. Ленин говорил приблизительно три часа, не обнаруживая никаких признаков усталости, почти не меняя интонации, неуклонно развивая свою мысль, излагая аргумент за аргументом, и вся аудитория, казалось, ловила, затаив дыхание, каждое сказанное им слово. Тов. Ленин не прибегал ни к риторической напыщенности, ни к каким-либо жестам, но он обладал чрезвычайным обаянием; когда он начал говорить, наступила гробовая тишина, все глаза были устремлены на него. Тов. Ленин окидывал взглядом всю аудиторию, как будто гипнотизировал ее. Я наблюдал многочисленную толпу и не видел ни одного человека, который бы двигался или кашлял в продолжение этих долгих трех часов. Он увлек всю аудиторию. Слушателям время казалось очень кратким. Тов. Ленин — величайший оратор, которого я когда-либо слышал в моей жизни. Когда он кончил свою речь, все встали, начали аплодировать и спели «Интернационал»; таким образом закончилось это заседание IX Всероссийского съезда Советов.

После этого заседания я был принят тов. Лениным, который протянул мне руку и сердечно пожал мою, произнося мое имя так правильно и уверенно, как будто он меня уже давно знал.

II

Вторично я встретился с тов. Лениным во время I съезда революционных организаций Дальнего Востока в январе 1922 года.

Съезд был созван, чтобы организовать революционные силы дальневосточных стран и показать империалистическим державам, которые заключили договор девяти держав на Вашингтонской конференции, революционную мощь стран Дальнего Востока. Октябрьская революция пробудила трудящихся Дальнего Востока; они вскоре показали свою силу японскому империализму, который пытался поработить китайцев посредством оскорбительного «21 требования»¹; японские рабочие демонстрировали свою возросшую силу в так называемых «рисовых бунтах» (1918), а Корея — в своем движении за независимость (1919).

Вышеупомянутый съезд состоялся в Москве в январе — феврале 1922 года — съезд представителей Китая, Японии, Индонезии и Монголии. Всего было около 125 делегатов². Съезд просил тов. Ленина присутствовать и дать свои указания. Тов. Ленин, не имевший возможности из-за состояния здоровья исполнить просьбу съезда, пригласил к себе представителей съезда.

В тот вечер мы, выбранные съездом делегаты, отправились к нему в Кремль. Нас ввели в его рабочий кабинет. Это была большая комната, просто, но хорошо обставленная. Когда мы вошли в комнату, мы увидели на правой стене несколько картин и среди них портрет русского революционного деятеля³, которого тов. Ленин очень любил; с левой стороны стояли два больших книжных шкафа с лучшими книгами. Посреди комнаты стоял большой стол с удобным большим креслом, в котором сидел Ленин. Вокруг большого стола стояло много стульев для посетителей.

Несколько минут мы ждали прихода тов. Ленина. Никто из делегатов, кроме меня, никогда не видел тов. Ленина. Войдя в

¹ Империалистические требования Японии о предоставлении ей особых экономических и политических прав в Китае, предъявленные 18 января 1915 г. китайскому правительству, во главе которого стоял президент Юань Ши-кай. *Ред.*

² I съезд революционных организаций Дальнего Востока состоялся 21 января — 2 февраля 1922 г. в Москве, заключительное заседание — в Петрограде. В съезде приняли участие 144 делегата из Японии, Китая, Кореи, Монголии, Индии, Индонезии и народов Сибири. *Ред.*

³ Автор говорит о барельефе С. Н. Халтурина (1856—1882) — работа скульптора Н. П. Альтмана. *Ред.*

комнату, он пожал руку каждому из нас, глубоко уселся в кресле и начал разговаривать с делегатами разных стран поочередно; конечно, все слышали их вопросы и полезные и интересные ответы тов. Ленина.

Тов. Ленин с каждой делегацией обсуждал специальные вопросы ее страны, а также вопросы, касающиеся всего Дальнего Востока. Больше всего он подчеркивал необходимость объединить революционные силы всех стран, представленных на съезде. Конечно, в разговоре фигурировал и вопрос о едином фронте; тов. Ленин убеждал в необходимости объединения революционных рабочих дальневосточных стран и сказал, глядя на меня:

— Вы защищали единый фронт в дальневосточных странах.

Должно быть, он читал мою статью, где я утверждал, что корейские и японские рабочие должны образовать единый фронт против японского империализма, который одинаково угнетает и эксплуатирует рабочих обеих стран¹.

В этот вечер тов. Ленин был в очень хорошем настроении и выглядел хорошо. Он совершенно свободно говорил по-английски и был очень внимателен к каждому, кто с ним говорил, а также очень, очень хорошо умел слушать. Он умел каждого удовлетворить и ободрить. Мы все чувствовали себя хорошо и совершенно как дома. Он — настоящий мастер беседы и заинтересовал всех нас тем, о чем он говорил. Тов. Ленин дал много полезных указаний и советов каждой делегации в этой краткой, но очень важной беседе с участниками съезда.

Когда мы собирались прощаться с тов. Лениным, он сделал один или два шага вперед и пожал руку каждому из нас. Я был самым последним из тех, кто с ним сердечно прощался, и благодаря этому мне удалось обменяться несколькими словами с тов. Лениным.

— Я слышал, что вы покидаете Москву и уезжаете в деревню, чтобы отдохнуть?

Тов. Ленин сказал:

— Да.

— Я бы хотел, чтобы вы спокойно отдохнули и вернулись в лучшем состоянии здоровья! — сказал я.

Товарищ Ленин ответил:

— Я должен хорошо отдохнуть, я должен работать, — мы все должны работать.

Он говорил в дружеском тоне. Мы сердечно пожали друг другу руки, и я ушел.

¹ С. Катаяма имеет в виду свою статью «Япония и грядущая социальная революция», опубликованную в журнале «Коммунистический Интернационал», 1921, № 18, стб. 4711—4722. *Ред.*

В третий и последний раз я пожал руку тов. Ленину во время IV конгресса Коминтерна, точнее, 13 ноября 1922 года. Как известно, темой его доклада было «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции»¹.

Большой Андреевский зал переполнен. Появление Ленина ожидается с напряженным вниманием. Когда вождь русской революции и мирового пролетариата появился в зале, его встретили восторженными овациями и нескончаемыми криками. Все присутствующие встали, чтобы приветствовать тов. Ленина. Делегаты пропели «Интернационал».

Когда тов. Ленин взошел на трибуну, он пожал руку каждому из членов президиума. Я почувствовал, что его рука не такая, какой она была прежде; я вспомнил, что он долго болел и с большими усилиями пришел приветствовать конгресс.

Когда он начал свою речь, он казался вполне здоровым, его речь была почти такой же, как и в прошлом декабре в Большом театре. Он говорил по-немецки, несколько раз смотрел на часы, стараясь закончить свою речь в течение часа. Излишне говорить здесь о содержании его речи. Я только скажу, что все присутствующие слушали его с чрезвычайным вниманием и при полной тишине.

Когда он кончил, весь зал стал громко аплодировать. Он сел среди руководящих товарищей и в течение нескольких минут вел с ними обычный разговор. Затем покинул зал. Вся аудитория стояла, пока он не вышел из зала.

* *

*

В заключение я хочу сказать несколько слов о том, что мой контакт с тов. Лениным был очень слабым, так как я встречался с ним только три раза, но для меня было величайшим счастьем встретиться с ним и пожать ему руку. Есть много товарищей, которые учились и даже работали под его руководством, мой опыт — капля в море, но даже в Советском Союзе есть миллионы, которые хотели видеть его, слышать его, говорить с ним, но им это не удалось. Каждый, кто встречался с тов. Лениным в своей повседневной жизни, должен рассказать об этом другим — это настоящий долг перед партией и революцией. С этой точки зрения я и написал свои воспоминания о тов. Ленине.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Ч. 2. — М., 1957, с. 745—749

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 278—294. *Ред.*

ЛЕНИН — ДРУГ НЕМЕЦКОГО НАРОДА

Великая Октябрьская социалистическая революция, сорокалетие которой отметили в 1957 году трудящиеся всего мира, по своему громадному воздействию на развитие человеческого общества является самым выдающимся событием в многовековой всемирной истории. Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало освобождению трудящихся масс и угнетенных народов от эксплуатации и колониального гнета, открыла эру подлинной социальной, политической и национальной свободы. Первой социалистической революцией, как и предсказывал Фридрих Энгельс, была завершена предыстория человеческого общества. Началась новая эпоха.

С этим всемирно-историческим событием неразрывно связана жизнь и борьба великого революционера и ученого — Владимира Ильича Ленина.

Вряд ли на земном шаре найдется такой уголок, где бы люди ничего не слышали о Ленине. Его имя стало символом борьбы за свободу и счастье сотен миллионов простых людей. Все новые и новые поколения смелых борцов за дело рабочего класса, за социализм воспитываются в духе Ленина.

История знает немало великих людей. Но только рабочий класс, самый прогрессивный класс современного общества, помог полностью раскрыть свой гений такому гиганту революционной мысли и революционного действия, каким был Ленин.

Ленин развил учение Карла Маркса и Фридриха Энгельса и показал рабочему классу и угнетенным народам, как они в условиях империализма могут добиться победы в своей освободительной борьбе.

Первым историческим достижением Ленина была разработка учения о партии нового типа. Эта партия, руководствующаяся

марксистской теорией, должна быть партией единой, боеспособной и закаленной, партией, способной выполнить историческую задачу пролетариата: довести освободительную борьбу трудящихся до победы. Под руководством Ленина русские большевики и выковали к началу XX столетия свою революционную, боевую партию.

Основным звеном в создании такой партии Ленин считал организацию издания марксистской газеты «Искра», первый номер которой появился в декабре 1900 года в городе Лейпциге. С гордостью мы отмечаем, что именно немецкие рабочие помогли Ленину в печатании и успешном распространении первых номеров «Искры». Издание газеты стало в действительности той искрой, которая зажгла пламя революционной борьбы в России, а позже и в других капиталистических странах.

Пламя «Искры» подняло на борьбу пролетариат и трудящихся крестьян России, которые под руководством своей большевистской партии, осуществив Великую Октябрьскую социалистическую революцию, совершили коренной поворот в истории человечества. Пролетариат и все миролюбивые прогрессивные люди земного шара обязаны этим Коммунистической партии Советского Союза, гениальному Ленину. Ныне трудящиеся на огромной территории — от Пекина до Берлина — уверенно строят социализм.

Благороднейшие идеи интернационализма, которыми Карл Маркс и Владимир Ильич Ленин вооружили пролетариат всего мира, находят сегодня свое высшее выражение в братской дружбе государств социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом.

Ленин всегда был тесно связан с немецким рабочим движением. Будучи одним из лучших его знатоков, Ленин видел всю глубину опасности ревизионизма и оппортунизма для Социал-демократической партии Германии. Правые лидеры германской социал-демократии, боясь разоблачения, препятствовали тому, чтобы рабочий класс Германии познакомился с основными теоретическими произведениями Ленина.

Я впервые услышал о Ленине перед первой мировой войной, будучи еще молодым рабочим. Тогда в германской социал-демократии шла дискуссия о борьбе против германского милитаризма и империализма. В то время группа Носке поддерживала колониальную политику империалистов, Каутский занимал неясную центристскую позицию по отношению к германскому империализму и лишь группа Либкнехта — Люксембург боролась против захватнических замыслов германской крупной буржуазии. В связи с этой дискуссией накануне первой мировой войны я и узнал о позиции Ленина на Штутгартском конгрессе II Интернационала. Делегация Российской социал-демократической рабочей партии по предложению Ленина внесла несколько попра-

вок в резолюцию¹. В поправке² говорилось, что в случае, если война вспыхнет, задача всех социал-демократических партий будет состоять в том, чтобы выступить за ее скорейшее окончание и всеми силами стремиться использовать вызванный войной экономический и политический кризис для революционной работы в массах, чтобы тем самым ускорить крушение господства класса капиталистов. Этой резолюцией были определены задачи и роль социал-демократических партий в борьбе против империалистической войны.

Несмотря на то, что группа Либкнехта — Люксембург в германской социал-демократии была полностью согласна с этой точкой зрения Ленина, она не сделала из нее никаких практических выводов для партийной и организационной работы. Позже Ленин справедливо отмечал, что самое большое несчастье рабочего движения в Германии состояло в том, что оно не смогло порвать с ревизионизмом перед мировой войной. Этим страдал весь германский рабочий класс во время длительного и мучительного периода германской революции после войны. Мы, кто принадлежал тогда к группе Либкнехта, совершили этот разрыв лишь в тяжелых условиях, во время мировой империалистической войны.

Из-за отсутствия революционной партии рабочего класса, партии нового типа, германский рабочий класс в период краха германского империализма не имел такого руководителя, каким может быть только революционная партия ленинского типа. Хотя Ленин и критиковал германских левых за то, что они вовремя не осуществили организационного разрыва с ревизионизмом, он все же высоко ценил то, что германские левые в период первой мировой войны высоко держали знамя пролетарского интернационализма и тем самым спасли честь германского рабочего класса.

Ленин был другом и защитником интересов не только германского пролетариата, но и всего немецкого народа. После победы Великой Октябрьской социалистической революции в 1917 году Советское правительство во главе с Лениным стремилось помочь немецкому народу выйти из войны. Когда нам стало известно воззвание Совета Народных Комиссаров Советской России о немедленном установлении мира, мы почувствовали прилив новых сил в борьбе против кайзеровских политиков в Берлине. Когда же капиталистические великие державы отклонили мирное предложение Советской России, Ленин обратился

¹ Имеются в виду поправки к резолюции «Милитаризм и международные конфликты». При обсуждении проекта резолюции, внесенного А. Бебелем, В. И. Ленин своими поправками, поддержанными представителями польской с.-д., добился коренного изменения проекта в духе революционного марксизма. *Ред.*

² Автор имеет в виду поправку к последнему абзацу проекта резолюции А. Бебеля. *Ред.*

к немецкому народу с предложением о заключении мирного договора. Предложение Ленина соответствовало интересам германского народа, который хотел немедленного окончания войны. Если бы предложение Ленина было принято, то Германия, подержанная Советской Россией, пришла бы к справедливому миру и силы народа заставили бы Вильгельма II, Гинденбурга и военных магнатов уйти со сцены. Это означало, что не было бы унижительного Версальского договора.

Когда в 1918 году началась Ноябрьская революция в Германии, Ленин от имени Советского правительства предложил социал-демократическому правительству Эберта — Шейдемана заключить между Советской Россией и Германией пакт о дружбе и помочь голодающим немецким трудящимся поставками зерна. Ленин говорил, что при таком положении вещей единственным спасением для Германии является союз с Советской Россией. Даже после реставрации господства крупной буржуазии в Германии, когда капиталистические западные державы хотели затормозить ее развитие, Советское правительство по инициативе Ленина предложило заключить Рапалльский договор, гарантировавший Германии национальную независимость. Благодаря этому договору, заключенному в апреле 1922 года, Германия вышла из состояния изоляции. Был открыт путь к экономической деятельности на мировых рынках. Но рабочий класс тогда не имел еще достаточно сил, чтобы на основе Рапалльского договора обеспечить новую ориентировку во внешней политике Германии. В период послевоенного кризиса германского капитализма в Коммунистической партии Германии и в германском рабочем движении велось много дискуссий по вопросам борьбы за рабочее правительство. И в этом вопросе мы, немецкие коммунисты, получали от Ленина ценные указания и советы.

В 1922 году я впервые увидел Ленина. На IV конгрессе Коммунистического Интернационала Ленин выступал с докладом на тему «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции». В то время Владимир Ильич был болен, говорить ему было трудно, но, несмотря на это, он говорил ясно и убедительно.

Самое сильное впечатление от этой речи оставило у меня популярное, понятное каждому рабочему и крестьянину изложение экономической политики партии. Для каждого, кто слушал эту имеющую огромное значение речь, было ясно, что Ленин мастерски владел большим искусством освещения задач дня с принципиальной точки зрения. Нам, коммунистам из-за рубежа, Ленин дал тогда важный совет — «постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 294. *Ред.*

Ленин говорил, что принятая III Всемирным конгрессом Коммунистического Интернационала резолюция об организационном построении коммунистических партий, о методах и содержании их работы прекрасна, но иностранные товарищи «не могут удовлетвориться тем, что повесят ее, как икону, в угол и будут на нее молиться»¹. Необходимо, чтобы они сами воспринимали этот опыт.

Делегация Коммунистической партии Германии во время конгресса попросила Владимира Ильича Ленина принять ее для беседы. Ленин, всегда готовый оказать помощь международному рабочему движению, сразу же дал согласие². Эта беседа была посвящена вопросу о создании и характере рабочего правительства в Германии. Ленин сидел, опершись рукой о колено, и внимательно слушал наши соображения, задавал вопросы, чтобы ознакомиться с существенными фактами, характеризующими положение в Германии. Терпеливо выслушав нас, он разъяснил, как рабочий класс Германии в союзе с трудящимися крестьянами должен вести борьбу за рабочее правительство. Ленин указал нам на необходимость сотрудничества с рабочими — членами социал-демократической партии и на улучшение работы в профсоюзах. Он подчеркнул значение планомерной организаторской работы среди широких масс трудящихся и необходимость соблюдения строгой дисциплины. Ленин обратил наше внимание на работу по привлечению на свою сторону сельскохозяйственных рабочих и трудящихся крестьян. Это указание было особенно важным, так как работа среди крестьян у нас была тогда запущена.

От этой беседы у меня осталось в памяти, как Ленин сразу же схватывал суть дела. Его нельзя было отвлечь второстепенными вопросами. Ничего существенного он не оставлял незамеченным. Ленин разговаривал с нами с присущим ему темпераментом, но в то же время терпеливо и убедительно.

Его сердечность и непринужденность при общении со всеми товарищами особенно поразила нас. Эта беседа с Лениным влила в нас новые силы и уверенность, показала, как после тщательной оценки обстановки нужно делать выводы для практической деятельности.

Лишь руководствуясь учением Маркса и Ленина, укрепляя боевую силу партий, мы смогли в 1945 году выполнить задачу уничтожения германского фашизма и приступить к созданию нового общественного строя. Учение Ленина об империализме показало нам, что ликвидация господства промышленных и банковских магнатов, а также крупных помещиков является предпосылкой для строительства новой жизни. Из учения Ле-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 293. *Ред.*

² Беседа В. И. Ленина с делегацией КПГ на IV конгрессе Коминтерна состоялась в ноябре (позднее 13) 1922 г. *Ред.*

нина о государстве мы узнали, что необходимо разбить фашистский государственный аппарат и осуществить руководящую роль рабочего класса в государстве и экономике. Из указаний Ленина о новой экономической политике мы берем основные положения для разработки задач переходного периода от капитализма к социализму в Германской Демократической Республике. Основываясь на учении великих интернационалистов Маркса и Ленина, мы укрепляем дружбу с Коммунистической партией Советского Союза, с коммунистическими и рабочими партиями стран народной демократии, тем самым создавая условия для победы дела мира, демократии и социализма во всем мире.

В деяниях народов Советского Союза и всех стран социализма, в деяниях рабочего класса и трудящихся капиталистических стран, борющихся против эксплуатации и угнетения, в деяниях народов, ведущих национально-освободительную борьбу против империализма, живет сегодня Ленин. Великая Октябрьская социалистическая революция была началом того нового, светлого, которое в победоносной борьбе с темными силами реакции распространяется сейчас по всему миру.

Незабываемый Ленин: Сборник воспоминаний (Перевод с немецкого).— М., 1958, с. 6—12

Я СЛЫШАЛ ИЛЬИЧА

В 1922 году я как член итальянской делегации участвовал в работе IV конгресса Коммунистического Интернационала. Я познакомился тогда со всеми главными руководителями Российской коммунистической партии (большевиков), как она тогда называлась, и с руководителями международного коммунистического движения. Мне посчастливилось слышать последнюю речь Ильича на конгрессе Коминтерна, и я внес свой вклад в «бурные», как сообщала в своем отчете «Правда», и нескончаемые аплодисменты, которыми зал встретил телеграмму из Владивостока о том, что последние остатки японских захватчиков сброшены в море. Это означало конец гражданской войны и интервенции 14 империалистических держав против победившей революции. Это была полная и окончательная победа Советской власти. Это было начало — наконец-то в мирных условиях — построения социализма.

— Мы победили, — сказал потом на конгрессе Интернационала сам Ленин.

45 лет назад обстановка, понятно, отражала потрясения, явившиеся следствием первой мировой войны, но она была тогда приподнятой, по крайней мере в рядах коммунистического и рабочего движения, проникнутой энтузиазмом и страстью, порожденными новейшими революционными событиями, над которыми, однако, тогда сгустились не только тучи поражения венгерской революции и падения Баварской Советской Республики, но и появившаяся тогда жестокая и кровавая угроза фашизма.

В самом деле, когда мы, члены делегации, прибыли из Милана в Берлин, уже на вокзале от товарища, который пришел нас встречать, мы узнали о «походе на Рим»¹. В дни «похода на Рим» тов. Тольятти², которого застали в помещении редакции

¹ См. настоящий том, с. 451, 455. *Ред.*

² Тольятти Пальмиро (1893—1964) — выдающийся деятель итальянского и международного рабочего и коммунистического движения, с 1926 г. — генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии. *Ред.*

партийной газеты, был поставлен к стене и его собирались расстрелять. Он спасся только благодаря тому, что бежал через окно по крышам соседних домов.

Я впервые выехал тогда за границу и впервые находился в такой крупной столице, какой Берлин был тогда, несмотря на поражение Германии. Я первый раз путешествовал с новеньким паспортом, на котором значились мое имя и фамилия. Увы, так было в первый и последний раз: более 23 лет я потом путешествовал по всей Европе всегда под чужим именем — то итальянца, то швейцарца, то француза, то испанца или даже финна.

И вот наконец Москва с ее низкими деревянными домами, широкими бульварами и извозчиками, сидящими на облучке саней и закутанными в шубы.

Празднование пятой годовщины Октябрьской революции, которая впервые отмечалась без тревоги за положение на фронте, так как бои повсюду прекратились, состоялось на огромной Красной площади, над которой доминировала длинная трибуна, воздвигнутая перед стенами Кремля. Повсюду красные знамена, полотнища, портреты, лозунги, которыми были украшены фасады дворцов, улицы и витрины магазинов.

Празднование началось после прибытия на площадь группы советских руководителей (среди которых, однако, не было выздоравливавшего тогда Ленина) парадом частей Красной Армии. Солдаты были одеты в характерное обмундирование первых лет революции: длинные шинели серо-зеленого цвета, которые доходили почти до пят, остроконечные шлемы из того же материала и того же цвета, длинные винтовки с примкнутым штыком. Традиционное «ура» напоминало раскаты грома, который постепенно затихал вдаль, становясь все слабее и отдаленнее. Воинские части первыми прошли перед трибуной. Сначала это были регулярные части: солдаты шли длинными рядами по несколько десятков человек в ряд, причем первый ряд держал винтовки наперевес, по-русски. Затем их сменила кавалерия, вся сверкающая и звенящая колокольчиками и начищенными металлическими бляхами на уздечках; под гром фанфар сводного оркестра кони вышагивали в такт музыке.

А потом точно прорвались шлюзы, со всех улиц на площадь лился людской поток: пешком, на телегах, в машинах, и флаги, флаги, флаги — без конца. И так в течение многих часов. Демонстрация началась ровно в 10 часов. В 4 часа дня она все еще продолжалась. Когда я возвращался в гостиницу на улице Горького (тогда она называлась Тверской), улицы еще были полны людей, которые ждали своей очереди, чтобы пройти по Красной площади.

Можете представить себе, какое впечатление произвели на меня эти празднества, это первое знакомство с душой и энтузи-

азмом русского народа. Он пережил пять лет (не считая трех лет царской войны) кровопролитной и тяжелой борьбы, невыразимых лишений и жертв. За год до этого засуха вызвала голод, настоящий голод, в результате которого в огромных районах России умирали сотни тысяч людей. Война — империалистическая и гражданская — уже унесла миллионы человеческих жизней и сильно подорвала и без того весьма ограниченные промышленные ресурсы, доставшиеся в наследство от прошлого. Помню, как я посетил во время конгресса Коминтерна автомобильный «завод» (как его называли — АМО); это было несколько убогих сараев с несколькими токарными станками и прессами... Продовольствие после введения нэпа стало появляться в магазинах в несколько большем количестве, чем прежде.

Но жизнь все еще была страшно тяжелой. Курс рубля падал еще быстрее, чем курс немецкой марки. Когда я приехал, яблоко стоило полмиллиона рублей, а когда я уезжал, спустя менее двух месяцев, оно уже стоило полтора миллиона.

Однако революция победила, окончательно победила, и все население, гордое победой, одержанной такой дорогой ценой, с верой и энтузиазмом сплывалось вокруг своего правительства, вокруг Коммунистической партии и Советов для того, чтобы строить новое, социалистическое общество.

Эта уверенность, эта вера в завоевание более высокого уровня цивилизации и благосостояния советских народов нашли свое самое авторитетное выражение в докладе, с которым Ленин выступил на IV конгрессе Коминтерна.

Он говорил главным образом о стабилизации рубля. Число рублей, находящихся сейчас в обращении в нашей стране, сказал он, превышает квадрильон. «Это — астрономическая цифра... здесь не все знают даже, что эта цифра означает». Он говорил о значении стабилизации рубля для будущего революции. «Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизировать рубль — значит, мы выиграли... Тогда мы сможем наше хозяйство поставить на твердую почву и на твердой почве дальше развивать», ибо стабилизация рубля «имеет величайшее значение для торговли, для свободного товарооборота, для крестьян и громадной массы мелких производителей»¹.

После краткого упоминания о голоде, который представляет собой «чудовищный результат гражданской войны» и который за год до этого угрожал «уничтожить всю нашу организационную и революционную работу», Ленин перешел к перечислению первых данных, которые свидетельствовали о том, что экономическое положение улучшается. Что касается легкой промыш-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 283, 284—285. *Ред.*

ленности, сказал он, «здесь наблюдается общий подъем», «определенное улучшение положения рабочих...». Однако в области тяжелой промышленности «положение все еще остается тяжелым». Мы одни, сказал он. Мы не получили и не получаем никаких займов. Но тяжелая промышленность нам необходима. Чтобы иметь ее, мы «должны экономить». Ленин сообщил как о важном факте, что через полтора года нэпа «... наша торговая деятельность принесла нам уже некоторый капитал. Правда, пока очень скромный, немногим превышающий двадцать миллионов золотых рублей. Во всяком случае, начало положено...»¹.

В речи Ленина удивляло то, что, говоря с общепризнанным авторитетом, он был критичен и самокритичен, часто добавлял «я думаю», «мне кажется», «я считаю», «по моему мнению», которыми он сопровождал высказывания и предложения, представленные на всеобщее обсуждение. В 1918 году, сказал он, мы ежедневно с большой поспешностью — может быть, с преувеличенной поспешностью — принимали различные экономические меры. Тогда мы были менее опытными, чем теперь, «...мы совершили огромное количество глупостей...». Но он тут же добавил: «Если наши противники нам ставят на вид и говорят, что, дескать, Ленин сам признает, что большевики совершили огромное количество глупостей, я хочу ответить на это: да, но, знаете ли, наши глупости все-таки совсем другого рода, чем ваши». «Если большевики делают глупости, то большевик говорит: «Дважды два — пять»; а если его противники, т. е. капиталисты и герои II Интернационала, делают глупости, то у них выходит: «Дважды два — стеариновая свечка»»².

В своей речи Ленин безжалостно критиковал резолюцию об организационном построении коммунистических партий, принятую в 1921 году III конгрессом Коммунистического Интернационала. Мне кажется, сказал он, что мы допустили большую ошибку с этой резолюцией. «Резолюция прекрасна, но она почти насквозь русская...» «...Мы не поняли, как следует подходить к иностранцам с нашим русским опытом. Все сказанное в резолюции осталось мертвой буквой»³.

Все это Ленин сказал в быстрой, сжатой речи, часто возвращаясь к одному слову, к одной концепции, чтобы уточнить их смысл и значение, без всяких ораторских приемов; но его речь была убедительной в силу той страстности, с какой она была произнесена, будучи продиктована неудержимой потребностью к ясности и истине по отношению к самому себе и к другим.

Но в то время как в Москве продолжались дискуссии, в Италии фашизм уничтожал помещения коммунистических органи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 285, 286, 287. *Ред.*

² Там же, с. 291. *Ред.*

³ Там же, с. 292. *Ред.*

заций и отвечал террором на всякие попытки сопротивления. В Турине в первой половине ноября в домах и на улицах было убито около десяти товарищей. Моему двоюродному брату было нанесено 23 ножевых раны в присутствии его жены и детей. Мне телеграфировали из дома: «Ради бога, не возвращайся. Фашисты разыскивают тебя». Я действительно не вернулся домой, а поехал в Милан.

В новогоднюю ночь я нелегально перешел границу вместе с Бордигой, который, будучи высоким и полным, то и дело проваливался в свежий снег и вытаскивал ноги с трудом, отдуваясь и ругаясь. Мы прибыли в Милан вечером 1 января. Прощай, учеба, прощай, семья!

С тех пор началась моя новая жизнь партийного работника и руководителя под различными именами: «Алерамо», «Дуэлле», «Готта» (девичья фамилия моей матери) и различными вариациями этих имен на галло-итальянском наречии в период Движения Сопротивления до тех пор, пока победоносное национальное восстание не позволило мне выступать под своим настоящим именем и фамилией — Луиджи Лонго. Многие, кто не знал меня в молодости, думали, что это был новый псевдоним.

ЛЕНИН — НАШЕ ЗНАМЯ

Когда летом 1917 года в Турин прибыли посланцы Керенского «ориентировать» итальянских рабочих и объяснить им политику Временного правительства России, их встретили возгласами: «Да здравствует мир!», «Да здравствует Ленин!» Непрошенные гости, по-видимому, поняли, что рабочие Италии и без них достаточно ориентированы, и поскорее убрались восвояси...

Ленин! Это имя уже тогда воплотило все светлые надежды людей, истерзанных мировой империалистической войной. Это имя наш народ провозгласил своим боевым знаменем, оно звучало угрозой против виновников мировой бойни, стало заветной надеждой трудящихся на лучшее будущее.

Никогда еще в Италии за последнее столетие имя человека не было так любимо в народе, как имя Ленина! В убогих хижинах деревень, разбросанных по склонам Альп, в серных рудниках Сицилии, на фабриках и заводах Турина и Милана, в учреждениях и учебных заведениях всей страны, в казармах и окопах фронтов первой мировой войны миллионы итальянцев произносили это имя с любовью и благоговением. Имя Ленина было начертано на стенах домов, в тюремных камерах и в римских катакомбах....

Легко понять мою радость, когда мне сообщили, что я поеду в Советский Союз в составе делегации Итальянской коммунистической партии на IV конгресс Коминтерна и II конгресс Профинтерна!¹

Это было время террористического разгула фашистских банд, поджигавших общественные помещения трудящихся и с благословения полиции убивавших лучших наших руководителей и друзей. За несколько дней до черного «похода Муссолини» на Рим мы выехали из Италии...

¹ IV конгресс Коминтерна состоялся 5 ноября — 5 декабря 1922 г.; II конгресс Красного Интернационала профсоюзов (Профинтерн) проходил с 19 ноября по 2 декабря 1922 г. *Ред.*

Мы — группа делегатов — проделали поездку чуть ли не по всей Европе. Но меня ничто не интересовало ни в Вене, ни в Берлине, ни в других европейских столицах. Все мои думы были обращены к неведомой Стране Советов, к Москве, к великому Ленину, которого я увижу впервые!

Был ноябрь месяц. Но мы, привыкшие к жаркому солнцу Италии, даже не чувствовали холода. Так горяча была встреча, оказанная нам советскими людьми, едва мы переступили границу нового мира, мира свободы и дружбы народов.

На открытии IV конгресса Коминтерна мы с восторгом пели пролетарский гимн «Интернационал» на 50 языках... 13 ноября мы собрались в самом большом зале Кремля, с нетерпением ожидая доклада Ленина «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции»...

Перед началом заседания я решил выйти в коридор с тайной надеждой встретить Ленина и приветствовать его от имени итальянских рабочих... И я его встретил! Но вместо многословного приветствия я лишь сказал по-французски:

— Здравствуйте, товарищ Ленин!

Он остановился, горячо пожал мою руку и спросил:

— Вы француз?

— Нет, я итальянец.

— Я говорю немного по-итальянски, — сказал он мне на моем родном языке.

В это время из зала вышло еще несколько товарищей. Все мы на разных языках старались обменяться несколькими словами с великим Лениным...

В порядке дня IV конгресса Коминтерна стоял также итальянский вопрос. Нашей молодой еще партией руководили лица, которые вели ее по неправильному пути.

В один из вечеров Владимир Ильич пригласил итальянскую делегацию к себе на беседу. Мы все, кроме троцкиста Бордиги и нескольких его сторонников, были несказанно обрадованы. За столом, за чашкой чая, уселась вся делегация, Владимир Ильич, Надежда Константиновна Крупская и еще несколько человек.

Бордига хотел было произнести речь об итальянских делах, но Владимир Ильич его прервал:

— Нет, нет... Мы уже слышали столько речей на конгрессе... Давайте лучше побеседуем со всеми вами попросту, по-товарищески!..

Ленин был в прекрасном настроении, веселым и дружественным. Он беседовал почти с каждым из нас по-французски или по-итальянски. Расспрашивал о нашей партийной работе, узнавал, из каких мы приехали городов и областей, интересовался борьбой рабочих каждой местности и слушал ответы делегатов с таким вниманием, с каким был способен слушать великий учитель рабочего класса.

Никогда не изгладится из моей памяти совет, данный нам Лениным в тот вечер. Говоря о захвате власти в Италии фашистами, Владимир Ильич сказал, что фашисты, наверное, организуют свои профсоюзы. Итальянским коммунистам обязательно надо будет работать внутри этих профсоюзных организаций.

Должен признаться, что мы были тогда крепко пропитаны сектантством и нам этот совет казался не совсем правильным... Однако дальнейший ход борьбы доказал всю справедливость этого мудрого указания Ленина! Мы вскоре поняли, что это был единственный путь к завоеванию трудящихся масс, обманутой фашистской демагогией, единственный путь, по которому можно было повести их на борьбу и добиться победы. Сколько раз позже, когда помещения фашистских профсоюзов нередко служили нам надежным убежищем для подпольных собраний, мы вспоминали мудрые слова Ленина!

Итальянская комиссия IV конгресса Коминтерна разработала обстоятельную резолюцию о работе нашей партии. Делегация собралась обсуждать эту резолюцию. Так случилось, что в этот вечер в Кремле не было свободного зала, кроме тронного. Председателем этого заседания товарищи избрали меня. Любопытно, что место председателя оказалось... тронном Николая II и последнего. В пылу горячей дискуссии, длившейся до утра, никто и не задумался, вероятно, над тем, что на царском троне в тот вечер восседал... итальянский цирюльник!..

Кстати, у меня были старые счеты с Николаем последним. Когда этот палач рабочих и крестьян России приехал однажды в Италию, меня и других рабочих арестовали за участие в демонстрации солидарности итальянских трудящихся с революционными рабочими России.

В тот знаменательный вечер заседания в тронном зале Кремля итальянские делегаты большинством голосов одобрили ленинскую линию в вопросах политики партии.

Под руководством Грамши и Тольятти была проведена длительная борьба, чтобы направить партию рабочего класса Италии на верный путь. Эта борьба привела к тому, что Итальянская компартия увеличила свои ряды с 58 тысяч до двух с лишним миллионов членов. Правильной ленинской политикой в работе профсоюзов мы достигли того, что Всеобщая итальянская конфедерация труда (ВИКТ) насчитывает ныне наибольшее в истории страны число организованных рабочих и служащих. Во времена руководства предателя Д'Арагона в ее рядах состояло менее 2 миллионов, а ныне более 4 миллионов членов профсоюзов. И никакие маневры специальных эмиссаров американских монополистов или их клерикальных и реформистских лакеев не в состоянии расколоть или разъединить рабочий класс Италии!

Память о Ленине живет в этих завоеваниях рабочего класса нашей страны, который следует заветам гениального учителя народов.

22 апреля — день рождения Владимира Ильича Ленина — знаменательная дата для трудящихся всего мира. Но в особенности его отметят труженики Италии, знающие, что великий Ленин бывал в Италии, любил нашу страну и ее трудолюбивый, свободолюбивый и миролюбивый народ.

22 апреля — великая историческая дата, когда в небольшом городе на Волге родился человек, с именем которого связаны великие исторические перемены, основатель первого в мире социалистического государства. Имя Ленина служит боевым знаменем для всех угнетенных и эксплуатируемых, а его бессмертное учение — нашей путеводной звездой в борьбе за мир, за свободу и социализм!

МОГУЩЕСТВО ПРАВДЫ

Осенью 1922 года в составе делегации Итальянской коммунистической партии на IV конгресс Коминтерна я впервые приехала в Страну Советов. Революционная волна, прокатившаяся по Италии в послевоенные годы, в этот момент пошла на убыль. Фашистские банды, вооруженные и оплачиваемые помещиками и капиталистами, совершали нападения на помещения газет, профсоюзных и политических организаций трудящихся. Начались зверские расправы над вожаками рабочих и крестьян. Фашизм готовился захватить власть.

...Поезд уносил нас все дальше от Италии. Стоя у окна вагона, я смотрела на поля и леса, уже покрытые снегом. Мы приближались к границе Страны Советов. Березовые рощи стояли словно заколдованные. В эту минуту я думала о русском народе, который большевики освободили от тяжкого гнета. Я думала о Ленине, который повел свой народ через величественные и героические битвы к победоносной Октябрьской революции, открывшей новую эру в жизни всего человечества...

Среди бесконечных снегов я увидела наконец большой красный флаг — государственная граница. Нас встречала страна социализма. С незабываемым волнением смотрела я на этот флаг.

В Москве мы первым делом встретились с тов. Грамши, который вот уже несколько месяцев представлял Итальянскую компартию в Исполкоме Коминтерна. Уже в столице Страны Советов до нас дошло сообщение о «фашистском походе» — Муссолини вошел в Рим во главе банд «чернорубашечников». Их в открытую поддержали правящие круги. Государственные власти оказали фашистам молчаливое содействие. В Италии начиналось господство фашистского режима.

Однажды утром — до начала работы конгресса Коминтерна оставалось еще несколько дней — мне сказали: «Сегодня вы сможете побывать у Ленина».

Трудно кратко сказать, чем стал Ленин для нас, коммунистов, рабочих и крестьян Италии, для миллионов и миллионов людей во всех странах. Мы ассоциировали его имя с победой социализма. Трудящиеся всего мира видели в нем воплощение чаяний, надежд, идеалов всех угнетенных и эксплуатируемых. Ленин стал символом рождения нового мира, в котором навсегда будет уничтожена всякая возможность гнета и порабощения человека человеком.

Могущество мысли и воли Ленина, величие совершенного им труда заставляли каждого человека мысленно представлять себе Ленина могучим и величественным, почти мифическим существом. То же самое думала о нем и я.

Нас провели в его кабинет. Ленин пошел к нам навстречу, улыбающийся и сердечный, приветствуя по-итальянски и продолжая говорить дальше уже по-французски.

Я смотрела на него с внутренним смущением и изумлением: живой Ленин совершенно отличался от того образа, который сложился у меня раньше. Он был предельно прост во внешности, в привычках, в манере говорить. Все это сразу сделало разговор непринужденным и естественным. Я слушала его, и мне казалось, что это уже давно знакомый человек.

Мы сказали Владимиру Ильичу, что очень обеспокоены состоянием его здоровья.

— Чувствую я себя хорошо, — неожиданно сказал Ленин. — Однако мне приходится подчиняться деспотическим предписаниям врачей, дабы не заболеть снова. А это было бы неприятно — ведь столько надо сделать.

А затем Владимир Ильич перешел к разговору об успехах Советской власти. Ленин приводил многочисленные факты, данные. Потом сказал:

— Обо всем этом я буду говорить в своем докладе на конгрессе.

И тут же Ленин выразил желание ознакомиться с некоторыми новостями и мнениями по поводу последних событий в Италии.

Один из членов нашей делегации вкратце рассказал о событиях, происшедших за последнюю неделю, и повторил свое ошибочное мнение, уже высказанное им раньше среди наших делегатов: приход фашизма якобы не является фактом чрезвычайного значения. Это-де простая смена министров, означающая приход к власти более реакционного правительства, и не больше. А поэтому будто бы нет причин для изменения нашей политики и действий. Главным остается, сказал он, пропаганда принципов партии.

Ленин сразу же поставил вопрос:

— А что думают о происшедшем рабочие, крестьяне, люди из народа?

— Они борются, — несмело вмешалась я в разговор. Я думала о рабочих, убитых в Турине, о тех, кто героически сражался против фашистов и погибал в городах и деревнях Италии.

— Борются? — повторил Ленин. — Хорошо. Потом сказал:

— Рабочий класс всегда борется за то, чтобы завоевать и отстоять демократические права, даже если они ограничены буржуазной властью. А когда он теряет их, он борется за то, чтобы вернуть их, и вместе с этим ищет себе союзников...

Его речь была прервана: в комнату вошла Надежда Константиновна. Она поздоровалась с нами и молча посмотрела на Ленина.

— Опять провинился, — сказал он, возвращаясь к тому шутливому тону, которым всегда говорил о своем здоровье, — время для нашего разговора окончилось. Вот что означает появление Крупской. Предписания врачей строги: беседа не может продолжаться свыше известного числа минут. И я, человек дисциплинированный, им повинуюсь. Мы увидимся на конгрессе, — добавил он сердечным тоном, провожая нас до дверей своего кабинета.

Расставаясь, Владимир Ильич сказал нам серьезным тоном:

— У вас будет долгая и трудная работа. Главное — никогда, ни при каких обстоятельствах не терять связей с рабочими, с крестьянами, с женщинами, с жизнью всего народа.

Вернувшись в гостиницу, где остановилась наша делегация, я встретила тов. Джерманетто. Он спросил меня:

— Ты действительно была у Ленина?

Я подтвердила.

— Тебе повезло, — заметил он. — Мы-то его не увидим.

— Да нет же, — сказала я. — Мы все его увидим и услышим на конгрессе.

— Говорят, что его там не будет. Врачи против.

— Будет. Он сам сказал.

Джерманетто засиял и пошел сообщить новость другим товарищам. С просьбой подтвердить это ко мне зашел наш тов. Натанджелло, молодой рабочий из Неаполя, которого мы в шутку называли «певцом». Наверное, потому, что во всем мире распространено мнение, будто любой неаполитанец — певец. Его часто приглашали спеть что-нибудь делегаты из других стран. Натанджелло любезно запевал какую-нибудь неаполитанскую мелодию. Позже он признавался, что ему никогда не приходилось столько петь, как в Москве. «Певца» очень пугало, что ему не удастся передать Ленину привет, как об этом его просили земляки-рабочие.

— Ну как я покажусь у себя, — говорил он, — если я не выполняю моего обязательства? Они провели на заводе сбор денег, чтобы помочь мне приехать сюда.

Ленин пришел на конгресс. Во время заседания члены нашей делегации неожиданно узнали, что Ленин направляется по коридору в зал. Мы бросились ему навстречу. Джерманетто поздоровался с ним по-французски, а потом объяснил, что мы — итальянские делегаты. Натанджелло был взволнован до предела.

— Теперь ты можешь передать привет от своих товарищей из Неаполя, — шепнула я ему.

Но он только смотрел на Ленина, не произнося ни слова.

— Я расскажу об этом своим товарищам, — говорил Натанджелло позже. — Они поймут, как я был взволнован.

Нужно ли говорить, что земляки нашего неаполитанского друга все отлично поняли.

Рим, апрель

*Комсомольская правда. 1960,
9 апреля, № 85, с. 3*

ЛЕНИН ГОВОРИЛ О НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Из всех воспоминаний моей жизни самым дорогим является воспоминание о том, как мне посчастливилось однажды совсем близко видеть и слышать Ленина. В качестве делегата от Коммунистической партии Австрии я участвовал в работе IV конгресса Коммунистического Интернационала, который состоялся в ноябре — декабре 1922 года. Ленин, полностью еще не оправившийся после тяжелого заболевания, не мог участвовать во всех заседаниях конгресса, но все же сделал доклад на тему «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции»¹. Ленин пришел в зал заседания только на этот доклад и вынужден был после доклада, который его очень утомил, снова покинуть конгресс. Ленина встретили восторженной овацией. Он около часа делал доклад на немецком языке. Лишь в отдельных случаях товарищ, стоявшая рядом с ним (я думаю, что это была тов. Фрида Рубинер), помогала ему в выборе того или иного немецкого выражения.

Трудно передать глубокое впечатление, которое доклад Ленина оставил у всех присутствующих, слушавших его с огромным вниманием и не пропустивших ни одного его слова. При этом Ленин говорил чрезвычайно просто, стремясь лишь к тому, чтобы как можно яснее и убедительнее выражать свои мысли.

Ленин говорил в основном о необходимости и сути, а также о достигнутых результатах новой экономической политики. Ленин совсем неслучайно сделал именно этот вопрос основным содержанием своего выступления. В то время это был не только решающий вопрос русской революции, но и вопрос большого международного значения, один из важнейших вопросов будущих пролетарских революций во всех других странах.

По сравнению с военным коммунизмом, с помощью которого пролетарская революция продвинулась далеко вперед, новая

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 278—294. *Ред.*

экономическая политика означала в известной степени отступление, необходимое для того, чтобы не оторваться от базы и иметь возможность собрать силы для нового наступления. Но важнейшей стороной новой политики было то, что она в течение целого периода являлась правильным путем обеспечения и ускорения строительства социализма. Этот путь был прежде всего необходим для того, чтобы обеспечить союз рабочих с крестьянами, от которых можно было требовать принудительных поставок их продуктов лишь до тех пор, пока это было неизбежно вследствие гражданской войны. Частичное допущение капитализма и государственного капитализма в узких рамках при сохранении в руках пролетарского государства экономических командных высот также было необходимо в интересах строительства социализма, причем были созданы все условия для победы в упорной борьбе по вопросу «кто — кого?».

В то время когда Ленин делал свой доклад, новая политика больше не была отступлением, а уже разворачивалась как настоящее наступление социализма. Но Ленин уделял особое внимание доказательству того, что она с самого начала была необходимым шагом в направлении к социализму. Он сослался на то, что созданные в результате новой политики условия были еще гораздо раньше определены им как успехи, к которым следует стремиться на пути к социализму. Итак, новая политика ни в коем случае не означала отхода от последовательного и правильного пути. Напротив, именно «военный коммунизм» был таким, вызванным гражданской войной, отступлением от этого пути.

Положение в Советской стране было все еще чрезвычайно трудным в результате вызванной мировой и гражданской войнами невиданной разрухи. Весь советский народ приносил тогда (как и позже, во время второй мировой войны) неисчислимые жертвы, борясь за свое лучшее будущее, за интересы трудящихся и эксплуатируемых во всех странах. В своей речи Ленин и не думал как-либо замалчивать трудности. Но несмотря на это, вся его речь была проникнута оптимизмом, верой в народ, твердой, как камень, непоколебимой уверенностью в победе. Он сослался на большие успехи, уже достигнутые на основе проведения новой политики. Смелый поворот от «военного коммунизма» к новой экономической политике был чрезвычайно трудным испытанием. Прошедшие годы доказали, констатировал Ленин, что мы выдержали этот экзамен. Положение рабочих улучшилось, укрепился союз с крестьянами, легкая промышленность увеличила выпуск продукции, пролетарское государство доказало свою способность решать экономические задачи. С особенной гордостью и радостью Ленин сообщил представителям пролетариата из всех стран о том, что удалось стабилизировать рубль и что уже накоплено 20 миллионов золотых рублей, которые вместе с дальнейшими сбережениями можно использовать

для поднятия тяжелой промышленности, создание которой является насущной необходимостью для существования страны и для победы социализма¹. Рабочие захватили власть и имеют перед собой цель — создать социалистический порядок, говорил Ленин, выражая непоколебимую уверенность в том, что эта цель будет достигнута.

Нужно вспомнить тогдашнее международное положение, ненависть империалистов, господствовавших в остальном мире, чтобы понять всю смелость предвидения, с которой Ленин пришел в своем докладе к выводу, что перспективы мировой революции можно считать благоприятными.

Конечно, сознание того, что к нам обращался Ленин, великий вождь победоносного российского и мирового пролетариата, очень во многом определило неизгладимое впечатление от его речи. Но именно глубина мысли Ленина подействовала на нас сильнее всего. И при этом я должен открыто признать — я думаю, что это почти наверняка относится к абсолютному большинству из тех, кто тогда слушал Ленина, — что все значение сказанного Лениным мне стало полностью ясно лишь гораздо позже.

Это произошло тогда, когда я понял, что новая экономическая политика означала спасение русской революции, когда ее результаты стали еще более внушительными, когда эта политика в конце концов привела к победе социализма в Советском Союзе, когда Советский Союз на основе этой победы спас весь мир от фашистского порабощения и когда опыт строительства социализма во многих других странах подтвердил, насколько правильно Ленин уже тогда оценил международное значение новой экономической политики.

Незабываемый Ленин: Сборник воспоминаний (Перевод с немецкого).— М., 1958, с. 140—143

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 287—288. *Ред.*

НА IV КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА

Мы с напряженным вниманием ожидали выступления Ленина. Он должен был прочесть доклад на тему «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции». Это произошло 13 ноября 1922 года. Собрались все делегаты. Присутствовали сотни гостей, были там рабочие прямо с заводов и крестьяне с полей. Все хотели слышать Ленина. Мы еще никогда Ленина не видели и ожидали его с нетерпением. Вдруг мы услышали возгласы: «Ленин здесь!»

Быстрыми шагами он прошел через зал. Он был в простом сером костюме, какие у нас в Праге носят всюду. Это был тот, кто возглавил свержение самодержавия и повел 150 миллионов человек к социализму. Это был Ленин — вождь мирового пролетариата. Я по наивности представлял его иначе.

Под бурные приветствия он подошел к ораторской трибуне и начал говорить. Уже с первых слов стало ясно, что это оратор, который полностью уверен в правоте своего дела и теперь старается последовательно, все более сильными аргументами довести определенную идею до сознания своих слушателей. Он не пользовался никакими ораторскими приемами. Он анализировал, делал выводы и постоянно ссылался на хладнокровное взвешивание всех обстоятельств, а еще больше на здравый человеческий смысл. Он никогда не становился сентиментальным, использовал только действительность, великолепную действительность. На его лице с могучим лбом часто появлялась насмешливая улыбка, а своим умным взглядом он окидывал собрание, выискивал отдельные лица и словно с ними разговаривал.

Начал он с раскрытия сущности новой экономической политики и указал на ее положительные результаты. Как пример он привел финансовую систему.

Кто слышал эти слова и знает астрономические цифры современного советского народного хозяйства и огромные успехи советского народа во всех областях человеческой деятельности,

может вполне оценить гениальность Ленина. Его вера в силу пролетариата более чем тысячу раз подтверждена.

Ленин умел быть самокритичным. Мы были очень удивлены, когда услышали из его уст следующие слова: «Несомненно, что мы сделали и еще сделаем огромное количество глупостей», — сказал Ленин, но добавил, — если нам это скажут противники, мы им ответим, что «мы только начали учиться, но учимся с такой систематичностью, что мы уверены, что добьемся хороших результатов»¹.

Результаты уже есть и потрясают весь мир.

Напряженно ловили мы слова Ленина, которые так ясно и точно выражали его мысли. Когда Ленин после бурных аплодисментов сошел с трибуны, каждый из нас сказал себе: «Сегодня ты научился кое-чему такому, чего не забудешь до самой своей смерти».

...Незабываемым остался для меня разговор с тов. Лениным, который для меня, как журналиста, был особенно интересен. Разговор состоялся через 8—10 дней после доклада Ленина на IV Международном конгрессе. Тов. Ленин пригласил тов. Дьюла Альпари, руководителя «Internationale Presse-Korrespondenz»², чтобы с ним обсудить дальнейшие задачи и перспективы этого журнала. Тов. Альпари попросил меня, чтобы я, как его «правая рука», принял участие в этом разговоре.

Еще и сегодня помню, с каким смешанным чувством я в тот раз исполнил его просьбу. Я был неизмеримо счастлив, что узнаю Ленина лично. В то же время меня беспокоило, что я, только за несколько недель до этого ушедший с поста редактора либерецкой газеты «Vorwärts», должен участвовать в беседе с Лениным, в которой, может быть, будут обсуждаться проблемы, до которых, я это чувствовал, я тогда еще совершенно не дорос.

Я знал, какое значение придавал Ленин партийной печати. Уже на III Всемирном конгрессе при активном участии Ленина в тезисах «Организационное строительство коммунистических партий, методы и содержание их работы» был выработан раздел «О партийной печати», в котором, между прочим, говорится о том, что партии должны с неутомимой энергией создавать и улучшать коммунистическую печать³.

Партия должна уделять больше внимания качеству газет, а не их количеству. Каждая коммунистическая партия должна

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 290, 291. *Ред.*

² Альпари Дьюла (1882—1944) — деятель венгерского и международного коммунистического движения, публицист; редактор издававшегося Коминтерном журнала «Internationale Presse-Korrespondenz» («Импрекюр») с момента его основания (сентябрь 1921 г.) до 1933 г. В 1940 г. арестован агентами гестапо в Париже. Казнен фашистами в концентрационном лагере Заксенхаузен в июле 1944 г. *Ред.*

³ См. Коммунистический Интернационал в документах, с. 216—219. *Ред.*

иметь прежде всего хороший центральный орган, выходящий по возможности ежедневно.

Задача наших газет заключается в том, чтобы собирать ценный опыт всей деятельности членов партии и предлагать его партийцам как руководство для неустанного контроля и улучшения коммунистических методов работы.

Без этой обширной, целенаправленной организационной работы коммунистических газет, указывал В. И. Ленин, вряд ли удастся осуществить демократический централизм и целесообразное разделение труда в коммунистической партии, а в результате этого и выполнить историческую задачу партии.

Чтобы помочь нашим партиям в выполнении этих задач, в конце 1920 года был основан журнал «Internationale Presse-Korrespondenz»¹, который выходил тогда один раз в неделю на немецком, английском и французском языках и печатался только на одной стороне листа. Мы должны были дать отчет тов. Ленину о состоянии журнала и о накопленном опыте.

Как только я оказался рядом с тов. Лениным, моя растерянность быстро развеялась. Тов. Альпари, который знал Ленина еще до первой мировой войны, представил меня тов. Ленину как нового сотрудника «Инпрекорра». Услышав, что я из Либереца и работал редактором газеты «Vorwärts», он начал расспрашивать о рабочем движении в Либереце и о «Vorwärts», заметив при этом, что знает эту газету. Ленин знал, что Либерец был центром текстильной промышленности; он поразил меня своим вопросом о рабочих текстильной фабрики Либига. Ленин говорил так, будто мы были уже давно знакомы. Моя скованность вдруг пропала, и я рассказал ему обо всем, стараясь сделать это как можно лучше.

После этого короткого вступления Ленин заговорил о журнале «Internationale Presse-Korrespondenz», известном в партийных кругах под сокращенным названием «Инпрекорр». Он подчеркнул важность журнала как источника информации для нашей партийной печати в самых различных странах.

Наше движение не имело тогда еще никакой собственной печатной канцелярии. Только самые большие коммунистические газеты и журналы, как парижская «L'Humanité», берлинская «Rote Fahne», а также «Rude grávo», могли себе позволить абонирование (подписку) у буржуазных агентств печати. Периферийная печать была осуждена на заимствование сообщений из других газет, в основном из центрального органа партии, но, к сожалению, часто и из буржуазных газет. Не всегда редакторы нашей провинциальной печати настолько политически образованны, что могут полученные сведения истолковать по-марксистски. Поэтому «Инпрекорр» должен выполнять задачу снабже-

¹ См. настоящий том, с. 463, прим. 2. *Ред.*

ния нашей партийной печати надежным информационным материалом о положении рабочего класса во всех странах, о его борьбе и его успехах. Прежде всего, сказал Ленин, он должен систематически давать подробные сообщения о Советском Союзе — первом в мире государстве рабочих и крестьян. Лживым и клеветническим сведениям о Советском Союзе, которыми наводняют мир наши противники, мы должны противопоставить свои правдивые сведения и объяснять, особенно рабочим кругам, подлинную сущность пролетарской революции и ее успехи.

Но наша задача не ограничивается только сообщениями о Советском Союзе. Наша печать должна поддерживать всякое рабочее движение и движение самых малых национальностей. Наши газеты должны изо дня в день пропагандировать эти события. Должны отводить им много места, используя самые лучшие аргументы. Чрезвычайно важно знакомить массы в ходе всякого выступления с его основными идеями и удерживать их длительное время в сознании масс, чтобы рабочий класс действительно понял, в чем дело.

Поэтому, по его словам, необходимо, чтобы «Inprekorr» имел хороших корреспондентов во всех странах.

Тов. Ленин нам посоветовал, чтобы мы использовали работу IV Всемирного конгресса, на котором все коммунистические партии были представлены своими руководящими товарищами.

Менее часа продолжалась эта беседа с тов. Лениным, но его слова стали для нас директивами, которым «Inprekorr» точно следовал во всех своих изданиях до тех пор, пока вторая мировая война не прекратила его издания.

Следуя советам тов. Ленина, мы — тов. Альпери и я — обсудили этот вопрос с представителями различных коммунистических партий и договорились с ними, что Политбюро их партий выделит по одному товарищу, ответственному за информацию для «Inprekorr». Кто сегодня перелистает номера «Inprekorr» (или же последующий журнал «Rundschau»), увидит, что основные статьи всегда писали руководящие товарищи наших коммунистических партий. Назовем только некоторых из них: от нашей партии — тт. Готвальд, Запотоцкий, Шмераль, Копецкий, Гакен, Крейбих и другие, от Коммунистической партии Германии — тт. Тельман, Пик и другие, от французской — Кашен, Торез, Семар, Берлиоз и другие, от итальянской — Грамши, Эрколи (Тольятти), Лонго и т. д., от испанской — Диас, Пасионария и другие, от английской партии — Поллит и т. д.

Местом издания «Inprekorr» должен был остаться Берлин не только по своему центральному положению, которое облегчало быстрое оповещение, но и потому, что там газета могла выходить легально.

Однако эта легальность в Германии продолжалась недолго. Когда в конце 1923 года коммунистическая партия в Германии

была запрещена и «Inprekorr» должен был изменить свое место издания, была выбрана Вена, где мы были вынуждены работать, испытывая большие технические трудности.

К немецкому, французскому и английскому изданиям прибавилось еще, по договору с итальянскими товарищами, и итальянское издание. Его существование, однако, ограничилось неполными двумя годами, потому что фашистская диктатура в Италии сделала вконец невозможным и нелегальное распространение «La Corrispondenza Internationale» (так называлось наше итальянское издание «Inprekorr»).

*Вопросы истории КПСС, 1960,
№ 2, с. 194—196*

НАРОД ДЕЛАЕТ ИСТОРИЮ¹

...В первые месяцы моего пребывания в Советской России² я разделял вполне объяснимое беспокойство пролетариата и всего народа великой социалистической страны о здоровье Ленина. Из-за недостаточной информации и противоречивых слухов беспокойство это все нарастало, пока 24 сентября 1922 года не было официально заявлено, что Владимиру Ильичу значительно лучше.

Поэтому я поспешил послать в «Хустисиа»³ корреспонденцию, в которой опровергал утверждение буржуазной прессы об остром кризисе в ходе болезни Ленина и даже о его мнимой смерти.

«Ленин не умер,— писал я,— он сохраняет полную ясность мысли, его не разбил паралич, и нет никаких оснований так предполагать. Мы с радостью можем это засвидетельствовать и в доказательство представить фотографии вождя Русской революции, снятые в санатории, где он еще находится».

Идя навстречу пожеланиям тысяч советских рабочих, встревоженных противоречивыми известиями о здоровье Ленина и желающих узнать истину, газета «Правда» опубликовала 24 сентября специальное приложение с фотографиями Председателя Совета Народных Комиссаров⁴. Тираж полностью разошелся через несколько часов после выпуска; все наперебой покупали газету.

Отмечая безграничную любовь рабочего класса и всего советского народа к Ленину, я писал в «Хустисиа»: «Мы, комму-

¹ Печатается заключительная часть статьи, посвященная В. И. Ленину. *Ред.*

² Ф. Пинтос приехал в Советскую Россию в апреле 1922 г. *Ред.*

³ «Хустисиа» («Justicia») — ежедневная газета, орган Коммунистической партии Уругвая; основана в 1920 г. *Ред.*

⁴ К № 215 газеты «Правда» от 24 сентября 1922 г. было дано приложение «Ленин на отдыхе», в котором сообщалось об улучшении состояния здоровья В. И. Ленина. *Ред.*

нисты, не верим слепо в то, что великие люди всемогущи и что ход истории может быть изменен в соответствии с их желаниями. Нет, историю делают народы ценой самоотверженности и борьбы. Однако мы не принадлежим к числу тех, кто отрицает роль руководителей и учителей, в известных условиях ведущих массы к великим победам и вносящих свою лепту в дело совершенствования человечества. Великий вождь пролетарской революции является именно одним из таких людей».

* *
*

Наша радость возросла, когда в последних числах октября было объявлено, что Ленин выступит на ноябрьских заседаниях IV конгресса Коммунистического Интернационала¹. С этого момента я с нетерпением ждал дня, когда мне доведется познакомиться с Лениным. Впервые я увидел Ленина 13 ноября 1922 года. Он выступил перед делегатами IV конгресса Коминтерна с одной из своих последних больших речей. Как он сам сказал, из-за неважного состояния здоровья эту речь он произнес в сокращенном виде. Это был доклад о первых пяти годах русской революции и перспективах революции мировой².

13 ноября зал, где проходили заседания конгресса, был переполнен. Присутствовали абсолютно все делегаты, гости заняли отведенные им места.

Вдруг открылась небольшая дверь, и вошел Ленин. Быстрым и нервным шагом он направился к трибуне.

Словно подброшенные пружиной, все мы встали — и оглушительный гром аплодисментов приветствовал великого вождя мирового пролетариата. Мы долго аплодировали, не обращая внимания на жесты Ленина. Наконец он начал свое выступление.

Ленин говорил по-немецки. Слушая перевод сидевшей рядом со мной сотрудницы аппарата Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, я стал внимательно смотреть на Ленина, чтобы запечатлеть в памяти его облик, жесты. Да, у него был вид человека, перенесшего серьезную и длительную болезнь; давала себя знать усталость, и крупные капли пота показывались на лбу и на висках. Однако все это не мешало ему проявлять временами свою исключительную энергию, когда он подчеркивал самые важные места доклада.

¹ В газетном отчете о заседании Исполкома Коминтерна 20 сентября 1922 г., посвященном окончательному утверждению порядка дня IV конгресса, сообщалось:

«Главным докладчиком по вопросу порядка дня «Пятилетие российской революции и перспективы мировой революции» утвержден тов. Ленин» (см. Правда, 1922, 24 сентября, № 215, с. 2). *Ред.*

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 278—294. *Ред.*

Ленин не производил впечатления выдающегося оратора в обычном смысле этого слова, но сразу же стало ясно, что это — человек, умеющий прекрасно излагать свои мысли, что это — великий вождь масс, который их прекрасно знает и понимает и который умеет говорить о важнейших и глубоких вещах очень просто, без всякой риторики. Он говорил, поглядывая в заметки, лежавшие на трибуне, а затем бросал взгляд на аудиторию, как будто хотел убедиться в том, что его правильно поняли.

Так, Ленин разъяснял нам, что в то время и в условиях Советской республики представлял собой государственный капитализм; какие усилия прилагали партия и правительство для проведения новой экономической политики и какие значительные успехи в этом были достигнуты; какое значение имеет для страны, для дальнейшего ее экономического развития стабилизация рубля. Он говорил о возрастающем доверии со стороны крестьян, о росте производительности крестьянского труда, об успехах легкой промышленности.

Перейдя затем непосредственно к международным проблемам, Ленин рассказал, в какой форме должна быть выработана программа Коммунистического Интернационала, чтобы она была понятна руководителям и членам коммунистических партий и ее можно было бы успешнее проводить в жизнь.

Ленин закончил свой доклад. Мы снова поднялись и долго ему аплодировали. Затем раздались звуки «Интернационала»; мы пели на многих языках, и от наших голосов дрожали стекла в высоких окнах Кремлевского дворца.

Я видел Ленина еще один раз — последний... Это было на заседании специальной комиссии, которая рассматривала вопрос о вступлении в Итальянскую коммунистическую партию группы так называемых максималистов во главе с Серрати. Вопрос этот не относился к очень легким, но выступление Ленина способствовало разрешению проблемы: максималистов позднее приняли.

...Через десять месяцев после моего возвращения в Монтевидео пришло известие о смерти Ленина, преисполнившее всех нас великой скорбью.

Монтевидео

*Иностранная литература, 1959,
№ 3, с. 222—223*

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

В 1921 году молодая Советская республика переживала страшный голод, охвативший районы Поволжья, — результат разрухи экономики, вызванной гражданской войной и интервенцией. В то время я работал экономистом и статистиком в Межнародном профсоюзе дамских портных, одновременно являясь секретарем американского профсоюзного совета за торговые отношения с Россией.

Когда разразился голод на Волге, американский профсоюзный совет за торговые отношения с Россией начал сбор средств для оказания помощи голодающим русским братьям. На призыв нашего совета отозвались сотни тысяч людей. Они делились своими трудовыми грошами с советскими рабочими и крестьянами, собирая средства на покупку продовольствия и медикаментов. Однако у нас на пути встал будущий президент Гувер, бывший в то время министром торговли. Он грозил запретить сбор средств, если мы не согласимся передать их в возглавляемую им организацию ARA¹, которая использовала помощь голодающим для достижения определенных политических целей американской буржуазии. Однако американский профсоюзный совет вместе с комитетом друзей Советской России и другими прогрессивными организациями хотели иметь дело непосредственно с советскими трудящимися.

Мы собрали большую по тем временам сумму денег — примерно миллион долларов — и послали их в Москву. А спустя некоторое время в Москву поехал и я.

Интерес к рабочему движению у меня зародился с юношеских лет. Я изучал его историю, положение трудящихся, законодательство в области трудовых отношений. Внимательно сле-

¹ ARA (American Relief Administration) — Американская администрация помощи существовала в 1919—1923 гг. ARA официально провозгласила своей задачей оказание продовольственной и другой помощи европейским странам, пострадавшим во время первой мировой войны. *Ред.*

дил за развитием революции в России и приветствовал ее победу. Я гордился и горжусь тем, что еще в начале 1918 года, будучи директором социалистической школы и заведующим отделом исследований по вопросам труда, издал работу В. И. Ленина «Международное положение и очередные задачи Советской власти»¹, разошедшуюся в США в сотнях тысяч экземпляров. Нужно ли говорить, что я был счастлив, когда в 1922 году мне выпала честь поехать в Страну Советов и провести там более года. Как профсоюзному работнику, мне было очень интересно бывать на заседаниях Президиума ВЦСПС, однако самыми счастливыми моментами всей моей жизни были те, когда я видел и слышал великого Ленина. Это случилось на IV конгрессе Коминтерна.

Конгресс работал с 5 ноября по 5 декабря 1922 года, когда страна праздновала пятилетие Советской власти, и открылся он в Петрограде, колыбели Октябрьской революции. Стоя у Зимнего дворца, мы приветствовали колонны трудящихся, проходивших через Дворцовую площадь до самого позднего вечера, разделяя энтузиазм миллионов. Но никто из нас ни на минуту не забывал, что через день-другой мы должны будем поехать в Москву, чтобы продолжить работу конгресса, а там, в Москве, жил и работал Владимир Ильич Ленин.

В конгрессе принимали участие представители десятков стран, люди, говорившие на десятках различных языков. Они прибыли в Страну Советов с огромными трудностями, прорвав все «санитарные» кордоны, установленные международной буржуазией. И Ленина, великого вождя революции, работы которого уже тогда обошли весь мир, хотели видеть и слушать все. Мы знали, что он принимал самое активное участие в работе трех предыдущих конгрессов Коммунистического Интернационала, руководил их работой. Однако нам было известно и другое: Ленин очень тяжело болел и ему требовался покой.

В каждом из нас боролись два противоположных чувства. Мы боялись за его здоровье, опасались, что большая речь на конгрессе может повредить ему, но в то же время ничего больше мы не хотели на свете, как услышать Ленина. Его имя было у нас в сердце и на устах.

— Ну как, будет Ленин выступать? — спрашивали мы каждый день русских товарищей — делегатов конгресса.

— Не знаем, — отвечали нам. — Владимир Ильич начал работать, бывает на заседаниях ЦК, но врачи запрещают ему перенапрягаться.

Мы слышали, что Ленин настаивает на том, чтобы встретиться с представителями международного пролетариата,

¹ Под этим заглавием была издана в Нью-Йорке на английском языке работа В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти». *Ред.*

выступить на конгрессе, но вопрос пока не был решен. Однако мы не теряли надежды. Ведь революция праздновала свою пятую годовщину, и ее вождь не мог не подвести итогов. И наши мечты осуществились. Мы увидели и услышали Ленина. Он говорил о революции. Это произошло в памятный день 13 ноября.

В утренний перерыв, когда часть делегатов конгресса стояла в фойе, прилегающем к залу заседаний Большого Кремлевского дворца, вдруг, словно молния, пронеслось: «Ленин!» Все бросились вперед, желая убедиться в этом собственными глазами, стремясь быть как можно ближе к Владимиру Ильичу. Он шел в окружении товарищей, врача и сестры. Делегаты поспешили скорее занять свои места в зале заседаний.

Я был в числе первых, увидевших Ленина. Я ему аплодировал, не жалея ладоней, и очень радовался, что мое место было близко от трибуны, с которой должен был выступать Владимир Ильич.

В зал заседаний Ленин вошел через одну из дверей вблизи нынешней ложи правительства, на месте которой раньше находилось небольшое возвышение и стояла трибуна для ораторов. Увидев Владимира Ильича, все делегаты разом поднялись с мест, начали бурно аплодировать, послышались крики на десятках языков:

— Да здравствует Ленин!

Еще в перерыве на возвышении, где стояла трибуна, было поставлено кресло на колесиках. В кресло усадили Клару Цеткин, которая была больна. Направляясь к трибуне, Владимир Ильич должен был пройти мимо нее. Когда он поравнялся с Klarой Цеткин, своим большим другом и старым соратником по революционной борьбе, он приветливо с ней поздоровался. И в эту секунду произошло неожиданное. Она притянула к себе за руку Владимира Ильича и крепко поцеловала его. Я видел, как Владимир Ильич покраснел от неожиданности и смущения, а зал, который продолжал аплодировать, разразился новой бурей оваций и восторженных криков. В этом поцелуе Клары Цеткин было очень много символики. Нам всем, находящимся в зале, показалось, что она поцеловала Владимира Ильича от имени каждого из нас, от имени рабочего класса всего мира. Стихийно под высокими сводами зала загредел «Интернационал»...

Несмотря на недавнюю болезнь, Ленин прошел к трибуне твердой походкой, спокойно положил несколько листков с текстом речи. Те из нас, кто знал русский, естественно, ждали, что он будет говорить на своем родном языке, и приготовились внимательно слушать, чтобы не пропустить ни слова и потом перевести речь товарищам. В те дни техника перевода была примитивной: после каждого выступления объявлялся перерыв для

перевода, и весь конгресс разбивался на языковые группы. Письменные переводы давались через пару дней.

И вот Ленин произнес первое слово: «Товарищи!» Но какво же было наше удивление и восхищение, когда мы поняли, что он начал речь на немецком, который знала значительная часть участников конгресса. В ходе речи он два или три раза останавливался, перебивая себя русским «нет», подбирая из нескольких синонимов, которые ему подсказывали немецкие товарищи, самые точные слова для выражения своей мысли, а потом спокойно продолжал ее снова. Вот как серьезно и вдумчиво Ленин относился к каждому своему слову! 38 лет я отдал потом делу издания ленинских работ в Соединенных Штатах. И редактируя переводы работ великого Ленина и других теоретиков марксизма, я всегда помнил этот волнующий эпизод IV конгресса Коминтерна.

Начиная речь, Владимир Ильич с присущей ему большой скромностью сказал, что из-за болезни он не сможет делать большой доклад «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции», как было запланировано, а ограничится лишь одной частью этой темы — новой экономической политикой.

Однако небольшое по объему выступление Ленина явилось глубочайшим марксистским анализом состояния экономики Советской России на первом этапе нэпа. Уже тогда он указал, что отступление, на которое пошло Советское государство, принесло пользу.

— Мы этот экзамен выдержали, — сказал Владимир Ильич.

Намечая задачи будущего, он со всей остротой поставил вопрос о необходимости индустриализации страны. История Советского Союза, разгромившего фашизм, вышедшего на второе место в мире по уровню производства и с успехом осваивающего Вселенную, наглядно подтверждает правильность ленинских указаний.

С тех пор прошло более 40 лет. Поступь истории доказала правильность учения В. И. Ленина. Социализм совершает победный марш по нашей планете. И основы его побед заложил великий Ленин.

Нью-Йорк, апрель

Труд, 1963, 21 апреля, № 95, с. 3

Я ВИДЕЛ ЛЕНИНА¹

Я видел Ленина один только раз: в Кремле во время конгресса Коминтерна осенью 1922 года². Тогда еще невозможно было понять весь огромный размах дела Ленина — Октябрьской революции; старый мир был неприятно поражен происшедшим, но еще не испытывал такого панического ужаса перед революцией, как сейчас. Революция, мнилось ему, — только гигантский эксперимент: она вызвала расстройство капиталистического производства и некоторое уменьшение барышей; пожалуй, правильнее всего было бы ее придушить, но рано или поздно она сама обанкротится. Крупные капиталистические державы были слишком связаны противоречиями, вызванными их собственной конкуренцией; новое пролетарское государство, конечно, мешало им в их игре, но они еще не слышали доносившегося оттуда погребального звона по старому миру. Даже II Интернационал еще не уразумел, что на карту было поставлено и его существование.

Сейчас дело Ленина выросло и охватило все. Нет ни одного сколько-нибудь значительного для человечества события, которое не было бы связано с Лениным и революцией. Мир сегодняшнего дня содержится в смертельной борьбе; в муках рождается будущее. Но кто тогда, кроме Ленина, предвидел это? Мы, участники конгресса, собравшиеся со всех концов Земли: немецкие и скандинавские рабочие, негры, египетские феллахи и индийские кули, — все мы верили в дело нового мира и в Ленина. Но сам он знал с непоколебимой уверенностью, что победа придет, и отчетливо видел путь к ней.

Вот это-то и отличало его среди огромного, пестрого собрания делегатов, где было немало ясных умов. Это чувствовалось во всем его простом облике, совсем не таком, каким обычно представляют себе облик великих мыслителей, — это отражалось и в его речи. Мысль Ленина текла, ясная и прозрачная, и тогда, когда он касался величайших проблем человечества и показывал наглядно для каждого, что будущее неизбежно и прочно развивается из настоящего. Казалось, он жил всеми человеческими жизнями. Он знал положение во всех странах,

¹ Воспоминание печатается с небольшим сокращением. *Ред.*

² Речь идет о IV конгрессе Коминтерна. *Ред.*

судьбы бедняков и применяемые в каждой стране методы эксплуатации; и он показывал нам, как развивались эти методы вплоть до настоящего времени. Это была наука, но совершенно особая и новая: она не пахла книгой, а была самой жизнью; она освещала судьбу и промышленного рабочего, и кули, и швеи, и подметальщика улицы. История человечества, сама история человеческой культуры предстала перед нами из речи Ленина.

— Вот это настоящий человек, — шепнул мне рабочий-норвежец. — И как он похож на любого из нас, только в тысячу раз зорче!

Накануне этот норвежский товарищ был у Ленина и ознакомил его с положением в Норвегии.

— Но Ленин знал об этом больше моего; да и о Дании тоже. Ваших мелких крестьян он сравнил с собакой цыгана, впряженной в тележку, перед которой подвешен кусок мяса; она все время тянется за ним, но никак не может достать до него. Так ваши крестьяне, их жены и дети тянутся из последних сил, надрываются, работая на капитал; им внушили, что они — маленькие помещики, или, как выразился Ленин, «помещики в миниатюре».

— Как ты обращался к нему? — спросил я норвежца.

— Конечно, я говорил с ним на «ты». Я не хотел обидеть его!

* *
*

Сама внешность Ленина, его простота обличали в нем человека нового времени. Разговаривая с ним, каждый, самый простой человек чувствовал, что перед ним один из тех необыкновенных людей, кто рождается раз в столетие, а может быть, и в тысячелетие; и этот редкостный человек, здороваясь с ним за руку, говорил: «Расскажи мне что-нибудь о себе, о своей жизни».

Ленин, который был умнее всех, чутко прислушивался к голосу и биению сердца маленьких людей, учился у них, выслушивал их самих и их дела, показывал, что рядовой человек и его труд — основа жизни. Уже одно это было наградой за тысячелетнее прозябание; никогда раньше не стоял перед простым человеком, так хорошо знавший его самого и его жизнь, как Ленин.

Поэтому Ленин всегда занимал в сердцах рабочих особое место, которое никакая травля и клевета не могли поколебать. Даже самые забитые и отсталые оживляются, их глаза блестя, когда произносится имя Ленина...

БЕСЕДА С ЛЕНИНЫМ
ВО ВРЕМЯ
II КОНГРЕССА ПРОФИНТЕРНА

В декабре 1922 года, к концу II конгресса Профинтерна, Ленин принял нас, меня и Монмуссо, в своем кабинете в Кремле¹, чтобы побеседовать с нами о положении революционного движения во Франции, об условиях присоединения Унитарной конфедерации труда к Профинтерну, поставленных конгрессом конфедерации в Сент-Этьене (июль 1922 года)², и узнать наше мнение о коммунистической партии Франции.

После того как мы справились у Ленина о состоянии его здоровья и он ответил нам, что пока еще только выздоравливает, Ленин приступил к беседе, обратившись ко мне:

— Вы, Семар, — член партии?

— Да, с начала 1916 года³; после конференций в Циммервальде и Кинтале, открывших мне глаза; до этого момента я был эрвейстом⁴ в рядах «дикарей», отказавшихся примкнуть к социалистической партии, которую мы рассматривали как партию чисто парламентаристскую и буржуазную.

— А вы, Монмуссо, не являетесь членом партии?

Монмуссо отвечает отрицательно и объясняет, как он от анархизма постепенно пришел к коммунизму; он говорит о том, как трудно ему, руководителю революционного продвижения, еще насквозь пропитанного анархо-синдикализмом и антипарламентаризмом, вступить в коммунистическую партию, так как это может привести к тому, что значительное количество рабо-

¹ Пьер Семар и Гастон Монмуссо были приняты В. И. Лениным накануне открытия конгресса — 18 ноября. *Ред.*

² Конгресс (учредительный) Унитарной Всеобщей конфедерации труда (объединение левых (революционных) профсоюзов Франции) в Сент-Этьене состоялся 25—30 июня 1922 г. УВКТ примкнула к Профинтерну в 1923 г. *Ред.*

³ С 1916 г. П. Семар был членом Французской социалистической партии, а с декабря 1920 г. — член Французской коммунистической партии. *Ред.*

⁴ Эрвейсты — сторонники французского социалиста Гюстава Эрве (1871—1944), взгляды которого носили полуанархистский, мелкобуржуазный характер. Впоследствии — сторонник сближения Франции с фашистской Германией. *Ред.*

чих, ценных для профдвижения, которых можно было бы привлечь путем терпеливой работы, окажется против него и против руководства Унитарной конфедерации труда...

— Почему же вы оба придерживаетесь одинакового образа мыслей?

Монмуссо отвечает:

— Мы оба против Фроссара, против адвокатов и интеллигентов, которые ничего не знают о рабочем классе и руководят партией.

Я присоединяюсь и добавляю:

— Мы — единомышленники в борьбе против реформизма, против вождей-предателей, в деле воспитания и руководства рабочим классом на пути классовой борьбы; в этом — значение присоединения Унитарной конфедерации труда к Профинтерну, которое мы стремимся осуществить.

— Партия все еще находится под руководством таких людей, но как их изгнать? Как это возможно, если рабочие-активисты, такие, как вы, Монмуссо, остаются вне партии?

Монмуссо отвечает, что его вступление в партию не должно быть индивидуальным, но после того как мы разъясним французским рабочим, что представляет собой Профинтерн, что такое коммунизм, что он осуществил в России, его вступление повлечет за собой вступление в партию тысяч революционных рабочих, членов Унитарной конфедерации труда.

— Но, — добавляет Монмуссо, — необходимо облегчить нам эту просветительную работу, помочь нам преодолеть анархосиндикалистские традиции, устранить препятствия, возникающие в связи с уставом.

— В таком случае, что же нужно для того, чтобы вы вступили в партию, а вместе с вами — лучшие из рабочих, членов профсоюза?

Монмуссо отвечает:

— Надо, чтобы мы могли открыть двери Унитарной конфедерации труда широким массам рабочих, организовать в ее рядах тех, кто еще подчинен реформистскому и буржуазному влиянию. Но мы считаем, что признание органической связи между профсоюзом и партией, между Профинтерном и Коминтерном является препятствием, останавливающим французских рабочих, и что даже у революционно настроенных членов профсоюза, еще проникнутых духом анархизма, это вызывает большие затруднения. Мы просим вас упразднить параграф X условий присоединения к Профинтерну, предусматривающий эту органическую связь.

— Семар, придерживаетесь ли вы мнения Монмуссо?

— Мы оба сходимся во мнении по этому вопросу; это — вопрос тактики для данного момента, и цель ее — завоевать возможно большее количество рабочих, которых мы сможем

затем привлечь к совместной работе с партией, при условии, однако, что она будет придерживаться лучшей политики.

— Вы утверждаете, что если мы упраздним этот параграф, то рабочие и активные, революционно настроенные члены профсоюзов легче придут к партии и согласятся с ее политикой?

На этот вопрос мы оба отвечаем утвердительно.

— Мы сможем, конечно, устранить этот параграф, но вы должны учесть, что, соглашаясь на это, Коминтерн делает большую политическую уступку. Это — как бы брешь, которую мы пробиваем в уставе Интернационала. Такая мера может быть лишь совершенно исключительной по отношению к французскому революционному движению. Она предполагает серьезные обязательства с вашей стороны, и вы в свою очередь берете на себя тяжелую ответственность. Смотрите, чтобы нам никогда не пришлось пожалеть об этом.

Вы заявляете, — продолжал Ленин, — что партия плоха, вы не доверяете Фроссару, но что же вы предлагаете? Нельзя ли создать при помощи профсоюзного революционного движения подлинную коммунистическую партию?

Я отвечаю:

— Конечно, путем присоединения к партии большого числа рабочих можно влить в нее более здоровую революционную кровь, и Унитарная конфедерация труда должна быть именно тем рассадником, откуда следовало бы черпать силы, не лишая при этом Унитарную конфедерацию труда ее характера массовой организации, объединяющей всех рабочих, без различия направлений, к какой бы партии они ни принадлежали. Вы, конечно, подразумеваете под созданием подлинной коммунистической партии не уничтожение той партии, которая существует, а радикальную ее перестройку путем привлечения в нее революционно настроенных рабочих масс, уже доказавших свою боеспособность. Наша задача — подготовить это. Продолжая еще энергичнее бороться внутри самой партии, вы ускорите ее исправление и скорее дадите ей подлинно коммунистическое направление.

Монмуссо заявляет, что он уже указал те причины, которые заставляют его медлить со вступлением в партию.

Я подтверждаю свое согласие с необходимостью усиления работы в партии, несмотря на наши профсоюзные задачи.

— Вы заявляете, — сказал Ленин, — что не доверяете Фроссару. Но считаете ли вы, например, что Рено Жан¹ — коммунист или мог бы стать коммунистом?

¹ Жан Рено (1887—1961) — член социалистической партии Франции с 1907 г.; в 1920 г. поддержал ее присоединение к Коминтерну. Член Французской коммунистической партии; в декабре 1921 г. и позднее избирался членом ЦК ФКП. Делегат IV конгресса Коминтерна от ФКП; 8 ноября 1922 г. В. И. Ленин беседовал с Р. Жаном. *Ред.*

Я отвечаю:

— Я не знаю политической позиции Рено Жана. Знаю только, что он тесно связан с крестьянскими слоями, требования которых он знает прекрасно, и умеет передать их пожелания. Этим он полезен партии, и поэтому его необходимо использовать.

— Вы находите, что в силу этих причин его надо оставить в партии?

Мы отвечаем, что таково наше мнение, по что надо будет произвести чистку партии от тех элементов, которые не согласны с Коммунистическим Интернационалом и которые не стесняются это высказывать.

Вот наиболее существенное в нашей беседе.

Затем Ленин задал нам несколько вопросов о положении во Франции, о материальном положении рабочих. Он напомнил нам о своем пребывании в Париже, о том, как он любил бродить по предместьям и общаться с массами.

Далее он спросил нас о том, что мы видели со времени нашего приезда в Россию и каковы наши впечатления.

Так как в наших ответах выразился весь наш энтузиазм, то Ленин поспешил умерить его, сказав, что вера в конечный успех необходима, но что следует еще много работать, работать, как истым революционерам, ожесточенно и упорно; что он чрезвычайно рассчитывает на нас и на великолепный революционный дух французского пролетариата в деле помощи советскому пролетариату в его тяжелом гигантском деле построения социализма.

На этом закончилась наша беседа, навсегда оставившая глубокий след в нашей памяти.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

Москва, 29 октября 1921 года. Зал в Доме союзов — бывшем дворянском собрании, превращенном в Дом профсоюзов. Московская губернская партийная конференция. Ленин говорит о новой экономической политике. Один из друзей переводит мне содержание его речи. В простой манере, не повышая голоса и не делая лишних жестов, объясняет Ленин необходимость этого мероприятия. Товарищи слушают, боясь проронить хотя бы одно слово. Правда, то здесь, то там раздаются порой реплики, но Ленин не обращает на них никакого внимания. Внезапно закончив выступление, он сел за стол президиума. Аплодисменты. Говорит Ларин. Оппозиция. Ленин отвечает в заключительном слове¹. В его словах — сарказм. Совершенно иной стала атмосфера собрания. Продолжительнее, оживленнее стали аплодисменты. Ленин завоевал аудиторию, критически настроенную к новой экономической политике.

10 ноября 1921 года. Рабочий кабинет Ленина в Кремле. Геккерт и я сидим у Ленина и рассказываем ему о положении в немецкой партии, об опасности погрязнуть в болоте оппортунизма из-за приверженцев Леви. Ультралевые. Надвигающийся кризис, вызванный группой Фрисланда. Растущая путаная ультралевая оппозиция. Об этих своих тревогах говорим Ленину. Он внимательно слушает нас, ни разу не перебив, — искусство, которым владел Ленин. Когда мы кончили, он с присущей ему простотой ободрил нас. В РКП преодолели уже гораздо большие трудности. С лукавой улыбкой и приветливым блеском в глазах он рассказал нам кое-что об этом. Незаметно прошел час. Секретарь Ленина нетерпеливо напоминал, что нужно идти. Сердечно пожелав успеха нашей партии, Ленин протяги-

¹ С докладом о новой экономической политике и заключительным словом В. И. Ленин выступил на первом заседании VII Московской губпартконференции, состоявшейся 29—31 октября 1921 г. (см. Полн. собр. соч., т. 44, с. 193—213, 214—220). *Ред.*

вает вам руку на прощание, которое стало прощанием навсегда. В тот же вечер мы выехали в Германию.

22 января 1924 года. Москва, комната в гостинице «Люкс». 10 часов 30 минут утра. Телефонный звонок. Один из друзей спрашивает — правда ли, что Ленина уже нет в живых, что он умер вчера вечером. Нет, это не могло быть правдой. Только за день до этого я слышал, что состояние его здоровья улучшилось. Без особых размышлений я звоню Кларе Цеткин, чтобы удостовериться в этом. Клара еще ничего не знала. Ей побоялись сказать, опасаясь за последствия этого сообщения. Несколько минут спустя Клара сообщает мне голосом, в котором звучит рыдание, что это правда. Ленин умер. Вскоре улицы заполняются народом, скорбящим о кончине великого Ленина. Рабочие, мужчины, женщины потоком устремились с заводов в центр города. Молча, толпами стоят они, подавленные свинцовой тяжестью постигшего их горя.

*
*
*

23 января 1924 года. Дом в Горках, где умер Ленин. Полтора часа езды на поезде от Москвы. Ранним утром сюда собрались руководители и активисты РКП, Коминтерна и его секций. Глубокий снег покрывает равнину. Ясный, холодный зимний день.

Ленин лежит в гробу, в комнате, где он умер. Его лицо покрывает восковая бледность, черты заострились, почти нет ни единой морщины. Трудно заставить себя поверить, что его уже нет в живых. Молча, со слезами на глазах, выносят его тело люди, закаленные в боях гражданской войны. И скорбная толпа направляется за своим умершим вождем по узкой тропинке, через снежные поля к вокзалу. Повсюду вдоль железнодорожного пути стоят люди — старые и молодые. Волнующе звучит мелодия русского траурного марша.

Москва. Сотни тысяч людей нескончаемым потоком движутся к Дому союзов, в величественном зале которого стоит гроб с телом Ленина. Старые большевики, ближайшие друзья и боевые соратники Ленина первыми становятся в почетный караул. Среди них члены Политбюро. Тов. Крупская стоит рядом со своим умершим спутником жизни. Жуткий мороз. Более 30 градусов. Необозримые толпы день и ночь стекаются к центру города, часами стоят на улицах. Пламя костров взлетает к небу, чтобы хоть сколько-нибудь согреть продрогших от стужи людей. Сотни тысяч людей нескончаемыми колоннами четыре дня и четыре ночи проходят мимо умершего Ленина. Все это было невыносимо тяжело.

* *
*

26 января 1924 года. Траурное заседание II Всесоюзного съезда Советов. Большой театр с его обширным партером и четырьмя ярусами до отказа заполнен депутатами. На широкой сцене — члены Центрального Исполнительного Комитета. Тов. Крупская говорит несколько самых простых слов, но они действуют с потрясающей силой, вызывая тревожное волнение, и в то же время звучат возвышенно. Говорит Калинин, говорят представители Советов — рабочие, крестьяне, мужчины, женщины. Потом участники съезда проходят мимо гроба Ленина. Грустные, озабоченные тревогой о завтрашнем дне.

27 января 1924 года. Красная площадь. В середине у Кремлевской стены — место, где лежит Ленин. 4 часа дня. Пушечные выстрелы. Звон колоколов на кремлевских башнях¹. Рев фабричных сирен. Вся Россия затаила дыхание. Похороны Ленина. На огромной площади плечом к плечу стоят рабочие, крестьяне, красноармейцы, приехавшие со всех концов страны. Мощным хором звучит над широкой площадью русский траурный марш «Вы жертвою пали». Он продолжал звучать в моих ушах и вечером, когда я сидел уже в поезде, следовавшем в Германию.

* *
*

10 ноября 1925 года. Мавзолей Ленина на Красной площади в Москве. Длинная очередь ожидает, когда часы на Кремлевской башне ударят пять раз. Мавзолей открывается на один час. Ежедневно проходят рабочие и крестьяне мимо навсегда уснувшего Ленина. Если людям не хватило искусства и знаний на то, чтобы сохранить жизнь Ленина, то теперь они делают все, чтобы сохранить его тело. Под стеклянным куполом спит Ленин вечным сном. Но его дело живет! Живет и победоносно борется созданная им великая Коммунистическая партия.

Пик Вильгельм. Избранные произведения.— М., 1956, с. 24—26

¹ По-видимому, автор имеет в виду бой часов на Спасской башне, ибо колоколов на башнях Кремля не было. *Ред.*

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ

АВРАМОВ Роман (1882—1937) — участник болгарского и русского революционного движения, в 1898 г. вступил в Болгарскую социал-демократическую партию. В 1900 г. — член марксистского кружка в Женеве, в 1901—1902 гг. входил в Берлинскую группу содействия «Искре». После II съезда РСДРП — большевик. Был секретарем Комитета заграничной организации большевиков. Ведал транспортировкой нелегальной литературы. В 1904 г. — один из организаторов большевистской группы в Берлине. В 1905 г. — агент большевистского ЦК за границей, член Хозяйственной комиссии при ЦК; вместе с Е. Д. Стасовой участвовал в организации хранения партийного архива после отъезда В. И. Ленина из Женевы в Россию в начале ноября (н. ст.) 1905 г.

После Октябрьской социалистической революции работал за границей в советских торговых учреждениях. В 1925 г. вступил в РКП(б). С 1930 по 1937 г. был управляющим треста «Хлебостром»,

АНДЕРСЕН-НЕКСЕ Мартин (1869—1954) — выдающийся датский писатель, коммунист. В годы первой мировой войны выступал с публицистическими статьями против милитаризма и шовинизма. Огромное влияние на писателя оказала Октябрьская социалистическая революция. Он начинает выступать с пропагандой социалистических идей, участвует в создании Коммунистической партии Дании (1919). В 1922 г. посещает Советскую Россию как участник IV конгресса Коминтерна и в следующем году выпускает книгу «Навстречу молодому дню», в которой рассказывает об этой поездке. Является родоначальником датской пролетарской литературы. Верный друг СССР, он решительно выступал против антисоветской клеветы. В годы гитлеровской оккупации Дании был заключен фашистами в тюрьму, откуда ему в 1943 г. удалось бежать; он эмигрировал в Швецию, а с 1944 г. до конца войны жил в СССР; последние годы жизни писателя прошли в ГДР. Был членом Всемирного Совета Мира.

БЕЛЛ Томас (1882—1940) — английский рабочий, литейщик, коммунист. В 1900 г. вступил в Независимую рабочую партию Англии. Принимал деятельное участие в создании Социалистической рабочей партии, был членом ее ЦК. В 1920 г. участвовал в организации Коммунистической партии Великобритании, до 1929 г. — член ее ЦК и Политбюро. Делегат III, VI и VII конгрессов Коминтерна. В 1924—1922 и 1926—1928 гг. был представителем Коммунистической партии Великобритании при Исполкоме Коминтерна. На VI конгрессе Коминтерна (1928) избран членом

ИККИ. В 1930—1931 гг.— председатель Общества друзей Советского Союза в Англии. С 1936 по 1939 г.— на ответственной работе в Международной организации помощи борцам революции (МОПР).

БЛУМКВИСТ Эмилия (1876—1969) и ее муж — машинист Блумквист Артур (1878—1951) — были в 1917 г. членами рабочей организации финских шведов. У них на квартире в Хельсинки после июльских дней 1917 г. некоторое время укрывался от ищеек Временного правительства В. И. Ленин.

БОБИНСКАЯ Хелена (1887—1967) — польская писательница, жена видного деятеля Коммунистической партии Польши Станислава Бобинского; была связана с деятельностью Социал-демократии Королевства Польского и Литвы. Некоторое время жила в СССР. Автор ряда книг для молодежи, изданных на польском, русском и немецком языках.

БРОНСКИЙ Мечислав (1882—1941) — польский социал-демократ (член СДКПиЛ с 1902 г.), затем большевик. Вел партийную работу в Польше и Швейцарии. В годы мировой империалистической войны — интернационалист. Был представителем польской социал-демократии на Кинтальской конференции (1916), примыкал к Циммервальдской левой. С июня 1917 г. работал в Петрограде агитатором и пропагандистом ПК РСДРП(б). После Октябрьской социалистической революции — заместитель наркома торговли и промышленности. В 1918 г. стоял на позициях «левых коммунистов». С 1920 г. — полпред и торгпред в Австрии, с 1924 г. — член коллегий Наркомата финансов и Наркомата внешней торговли, затем — на преподавательской и научной работе.

БУЖОР Михай (1881—1964) — видный деятель румынского рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Румынии (1921). В 1906—1916 гг. — редактор социалистической газеты «România muncitoare», издававшейся в Бухаресте. Весной 1917 г. эмигрировал в Россию. Один из организаторов секции румынской с.-д. партии в Одессе и редактор ее органа газеты «Lupta»; участвовал в формировании румынских революционных батальонов. В январе 1918 г. назначен Советским правительством членом Верховной коллегии по русско-румынским и бессарабским вопросам. В 1920 г. вернулся на родину. За участие в революционном движении многие годы провел в тюрьмах и концентрационных лагерях королевской Румынии. С 1956 г. — депутат Великого национального собрания Румынской Народной Республики.

ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ Поль (1892—1937) — видный деятель французского рабочего и коммунистического движения, писатель, поэт и публицист. В период первой мировой войны примкнул к левому интернационалистскому крылу Социалистической партии Франции. Восторженно приветствовал Октябрьскую социалистическую революцию, активно выступал против интервенции в Советскую Россию. Один из основателей Французской коммунистической партии (1920). С 1921 г. — бессменный член ЦК, а затем — член Политбюро ЦК ФКП. Делегат III конгресса Коминтерна. В 1926—1935 гг. — один из редакторов, а в 1935—1937 гг. — главный редактор центрального органа Французской коммунистической партии газеты «L'Humanité». В своих лучших произведениях выступал как представитель социалистического реализма во французской литературе.

ВАЛЬХЕР Якоб (род. в 1887 г.) — рабочий из Штутгарта. С 1906 г.— член Социал-демократической партии Германии, примыкал к ее левому крылу. Председатель «Свободной молодежной организации» (1908—1910), затем профсоюзный деятель. Во время первой мировой войны активно участвовал в кружках спартаковцев. С 1918 г.— член Коммунистической партии Германии. С 1919 г.— член ЦК КПГ и один из редакторов центрального органа партии газеты «Die Rote Fahne». В 1920 г.— делегат от КПГ на II конгрессе Коминтерна. С 1924 по 1926 г. работал в Красном Интернационале профсоюзов (Профинтерн). С 1927 г. на партийной работе в Германии. В период власти гитлеровцев, преследуемый фашистами, эмигрировал из Германии; вернулся на родину в 1947 г. и вел партийную и научную работу.

ВАРГА Дьюла (1890—1959) — венгерский коммунист. Во время первой мировой войны — кадровый офицер, как военноопленный попал в Россию. После Октябрьской революции — один из командиров интернациональных частей в Советской России, принимал участие в подавлении контрреволюционных мятежей, в борьбе с бандитизмом. В 1921 г. командовал 149-й стрелковой бригадой войск внутренней службы. В последующие годы жил и работал в СССР. После освобождения Венгрии от фашистских захватчиков возвратился на родину и был на руководящей работе.

ВИЛЬЯМС Альберт Рис (1883—1962) — прогрессивный американский деятель и публицист, впервые приехавший в Россию летом 1917 г. вместе с Джоном Ридом. В Петрограде он стал очевидцем исторических событий и участником Октябрьской социалистической революции. В 1918 г., когда германский империализм перешел в наступление против Советской России, вступил в ряды Красной Армии. С одобрения В. И. Ленина организовал Интернациональный легион. Со страниц газеты «Правда» он обратился с пламенным призывом встать с оружием в руках на защиту молодой Советской республики. Не раз виделся с Лениным и беседовал с ним. Одним из первых за рубежом написал книгу очерков о вожде Октябрьской революции «Ленин — человек и его дело», изданную в Нью-Йорке в 1919 г.; вскоре выпустил книгу «Сквозь русскую революцию» (1921). После приезда в СССР в 1931 г. и посещения Мавзолея Ленина написал очерк «Величайшая в мире при- емная».

ГАЛЛАХЕР Уильям (1881—1965) — видный деятель английского и международного рабочего и коммунистического движения. Во время первой мировой войны руководил массовым пролетарским движением фабрично-заводских старост в Англии, забастовочным движением рабочих в Шотландии. Делегат II конгресса Коминтерна от фабрично-заводских старост. В 1921 г. вступил в Коммунистическую партию Великобритании, неоднократно избирался в состав ее ЦК и Политбюро ЦК. С 1924 г.— один из руководителей «движения меньшинства» в английских тред-юнионах против реакционной политики тред-юнионистских и лейбористских лидеров, за революционное единство английского и международного рабочего движения. Неоднократно избирался в состав Исполкома Коминтерна, был членом Президиума ИККИ. В 1935—1950 гг.— депутат парламента. В 1943—1956 гг.— председатель Исполкома Компартии Великобритании, а с 1956 по 1963 г.— ее президент. С 1963 по 1965 г.— почетный член Исполкома КПВ.

ГЕККЕРТ Фриц (1884—1936) — видный деятель немецкого и международного рабочего и коммунистического движения. С 1903 г. примыкал к левому крылу Социал-демократической партии Германии. Принимал активное участие в профсоюзном движении. Был одним из основателей «Союза Спартака». Сыграл большую роль в создании Коммунистической партии Германии, с 1919 г.— член ее ЦК (с перерывом в 1924—1925 гг.). С 1921 г. входил в Исполнительное бюро Профинтерна, делегат всех его конгрессов. Участвовал в III—VI конгрессах Коммунистического Интернационала. На VI конгрессе (1928) избран в члены Исполкома Коминтерна.

ГИОЛЬДИ Родольфо (род. в 1897 г.) — видный деятель аргентинского и международного коммунистического движения. По образованию учитель. В 1915 г. вступил в Социалистическую партию Аргентины и вскоре вместе с Викторией Кодовилья возглавил ее левое крыло. Являлся одним из издателей и редакторов первой марксистской газеты в Аргентине «Ла Интернационал» (начала выходить в 1917 г.). Со дня основания Интернациональной социалистической партии в январе 1918 г. (с декабря 1920 г. переименована в Коммунистическую партию Аргентины) Р. Гиольди — член ее ЦК и Исполкома ЦК. С 1918 г.— редактор центрального органа партии газеты «Ла Интернационал», с 1940 г.— главный редактор ЦО КПА газеты «Ла Ора». В 1921 г. был делегатом КПА на III конгрессе Коминтерна. В последующие годы Р. Гиольди вел самоотверженную борьбу против правых и «левых» уклонов в рядах партии. Неоднократно арестовывался властями, находился в изгнании. Активный участник VI конгресса Коминтерна (1928) и XII пленума ИККИ (1932), избирался кандидатом в члены ИККИ и членом ИККИ, выполнял ответственные поручения Коминтерна. В 1957 г. Р. Гиольди был избран депутатом Конституционной Ассамблеи Аргентины. Со времени XIV съезда КПА (1973) Р. Гиольди занимает пост директора Центра марксистских исследований имени В. Кодовилья при ЦК КПА. Перу Родольфо Гиольди принадлежат многочисленные книги, брошюры, статьи в печати Аргентины и других стран, в которых он выступает как пламенный пропагандист ленинизма.

ГОЛЬДШТЕЙН Соломон (1884—1968) — рабочий, член Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесняков), один из основателей болгарского профсоюза металлистов. Преследуемый военными властями Болгарии, он эмигрировал из Софии в Париж. Позднее переехал в Швейцарию, в Цюрих, где встречался с В. И. Лениным. В 1915 г. вступил в РСДРП. Принимал участие в Циммервальдской левой и создании Коммунистической партии Швейцарии (1921). В 1923 г. приехал в СССР и принял советское гражданство. Был на хозяйственной работе. С 1956 г. был персональным пенсионером.

ГРИМЛУНД Отто (1893—1969) — шведский журналист. Во время первой мировой войны — левый социал-демократ, интернационалист. В апреле 1917 г.— один из руководителей левых в Мальмё, встречал В. И. Ленина в Швеции при его возвращении из эмиграции в Россию. Участник I конгресса Коминтерна от Лево́й социал-демократической партии Швеции, переименованной в 1921 г. в Коммунистическую партию Швеции. Примкнув в 1924 г. к оппортунистической группе Хёглунда, он вышел из компартии и вернулся в Социал-демократическую партию Швеции. В последующие годы отошел от политической деятельности.

ГУД Вильям — английский педагог, профессор, журналист и общественный деятель. В 1919 г. приехал в Москву в качестве корреспондента газеты «The Manchester Guardian» и был принят В. И. Лениным. Вернувшись в Англию, Вильям Гуд в своих статьях и выступлениях правдиво рассказывал о Стране Советов; в период иностранной военной интервенции против Советской России принимал активное участие в движении «Руки прочь от России». В 1920 г. в Лондоне была издана его книга «Bolshevism at work».

ДЖЕРМАНЕТТО Джованни (1885—1959) — деятель итальянского рабочего и коммунистического движения, писатель, автор книги «Записки цирюльника». С 1906 г. участвовал в революционном движении в рядах Итальянской социалистической партии, а затем Коммунистической партии, за что неоднократно подвергался преследованиям и арестам. Один из основателей Коммунистической партии Италии (1921) и активных ее деятелей. На VII съезде ИКП (1951) был избран в состав Центральной контрольной комиссии. Принимал деятельное участие в работе Коминтерна, Профинтерна и МОПРа. Был делегатом ряда конгрессов Коминтерна, входил в состав его руководящих органов.

ДИАС РАМИРЕС Мануэль (1888—1962) — мексиканский политический деятель, историк. В 1907—1919 гг. жил в США, на Кубе, в странах Центральной Америки. Участвовал в рабочем движении США. Под влиянием Октябрьской революции стал на позиции революционного марксизма. Один из основателей Мексиканской коммунистической партии (1919) и Союза коммунистической молодежи Мексики. В 1921—1922 гг. — Генеральный секретарь Мексиканской компартии. Делегат МКП на III конгрессе Коминтерна, представлял Всеобщую конфедерацию труда Мексики на учредительном конгрессе Профинтерна (1921), с 30-х гг. занимался исследованием рабочего движения в Мексике.

ДИМИТРОВ Георгий (1882—1949) — выдающийся деятель болгарского и международного рабочего и коммунистического движения. Родился в революционной рабочей семье. С 1902 г. — член Болгарской рабочей социал-демократической партии. В 1903 г. был избран членом бюро софийской организации партии тесняков («тесных» социалистов) — первой марксистской партии в Болгарии. С 1904 г. — активный участник всех партийных съездов, а с 1909 г. — член ЦК партии «тесных» социалистов. Делегат III конгресса Коминтерна от Болгарской коммунистической партии (т. с.) и I конгресса Профинтерна. Один из руководителей антифашистского вооруженного восстания в Болгарии в сентябре 1923 г. После поражения восстания эмигрировал. Активно работал в Исполкоме Коминтерна. В 1933 г. был арестован в Берлине фашистскими властями по обвинению в поджоге рейхстага. В смелых выступлениях на Лейпцигском процессе вскрыл провокационный характер сфабрикованного нацистами обвинения, обнажил звериный облик фашизма. Под давлением мирового рабочего движения и при помощи Советского Союза был освобожден и в феврале 1934 г. прибыл в Москву. В 1935—1943 гг. — генеральный секретарь Исполкома Коминтерна. В 1937—1945 гг. — депутат Верховного Совета СССР. В годы второй мировой войны — один из организаторов национально-освободительного движения против фашистских захватчиков. Инициатор создания в Болгарии в 1942 г. Отечественного фронта и руководитель его. В ноябре 1945 г. возвратился на родину, с ноября 1946 г. — Председатель Совета Министров Народной Республики Болгарии.

с декабря 1948 г. был также Генеральным секретарем ЦК БКП. В 1945 г. за выдающиеся заслуги в борьбе против фашизма был награжден орденом Ленина.

ЗАПОТОЦКИЙ Антонин (1884—1957) — видный деятель чехословацкого и международного рабочего и коммунистического движения. В 1902 г. вступил в социал-демократическую партию. В 1907—1914 гг. — секретарь краевой социал-демократической организации в Кладно. После образования Чехословацкой республики в 1918 г. являлся одним из руководителей революционного крыла социал-демократической партии, ставшего основой созданной в 1921 г. Коммунистической партии Чехословакии; член ее ЦК и Политбюро ЦК с момента образования партии. Участник II, IV, VI и VII конгрессов Коминтерна. В 1922—1925 гг. — Генеральный секретарь ЦК КПЧ. С 1929 г. в течение десяти лет — секретарь Центрального совета промышленных союзов (Красных профсоюзов) Чехословакии. В годы оккупации страны гитлеровцами (1939—1945) сидел в тюрьмах и концентрационных лагерях. После освобождения страны от фашистских захватчиков — один из виднейших руководителей народно-демократической Чехословакии, был ее президентом (с 1953 г.). Автор ряда романов, посвященных истории чешского революционного движения.

ИДМАН Карл (1885—1961) — дипломат, доктор юридических наук; в 1917 г. — советник представительства Финляндии в Петрограде. Начиная с 1919 г. был посланником Финляндии в ряде стран Центральной Европы и в Японии; в 1925—1927 гг. — министр иностранных дел Финляндии. Принимал участие в подготовке и подписании Советско-Финляндского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (1948). В последние годы жизни занимался литературной работой.

КАБАКЧИЕВ Христо (1878—1940) — видный деятель болгарского и международного рабочего движения, журналист и публицист. С 1897 г. — член Болгарской рабочей социал-демократической партии, после ее раскола примкнул к партии «тесянков», преобразованной в 1919 г. в Болгарскую коммунистическую партию (т. с.). Член ЦК БКП. В 1920—1923 гг. был редактором центрального органа партии «Работнически вестник». Принимал участие в работе II—VI конгрессов Коминтерна. В 1923 г. стал секретарем ЦК БКП. Неоднократно подвергался арестам; в 1926 г. после освобождения из тюрьмы эмигрировал в Вену, с 1927 г. жил в СССР, где вступил в 1928 г. в ВКП(б). Занимался изучением истории БКП, а также истории Болгарии и других балканских стран.

КАТАЯМА Сэн (1859—1933) — видный деятель японского и международного рабочего и коммунистического движения. Организатор первого профсоюза в Японии. В 1901 г. участвовал в создании японской социал-демократической партии. Некоторое время жил в эмиграции. С энтузиазмом воспринял победу Октябрьской социалистической революции. Перевел на японский язык книгу Ленина «Государство и революция». В 1918 г. создал первые коммунистические группы из японских рабочих в США, участвовал в организации Компартии США (1919). Скрываясь от полицейских преследований, в 1921 г. приехал в Советскую Россию. Вел большую работу в Коминтерне. В декабре 1922 г. был избран членом Исполкома Коминтерна, а затем — членом Президиума ИККИ. Был одним из инициаторов созыва съезда трудящихся Дальнего Востока. Принимал активное участие в создании и укреплении Коммунистической партии

Японии (1922): Один из руководителей МОПРа. Последовательно и неутомимо боролся против правооппортунистического и левосектантского уклонов в КПЯ. Умер в Москве, похоронен на Красной площади.

КАШЕН Марсель (1869—1958) — выдающийся деятель французского и международного рабочего и коммунистического движения. В 1891—1905 гг. — член Рабочей партии. В 1905—1920 гг. один из руководителей французской социалистической партии (СФИО). С 1912 г. — редактор газеты «L'Humanité», с октября 1918 г. и до конца жизни — ее директор. В 1920 г. как делегат социалистической партии участвовал во II конгрессе Коминтерна. После конгресса боролся за присоединение социалистической партии к Коминтерну. Один из инициаторов создания Французской коммунистической партии (1920). С момента ее основания входил в состав Руководящего комитета, затем — член ЦК и Политбюро ЦК ФКП. С 1924 г. — член Исполкома, а затем — член Президиума Исполкома Коминтерна. Участник IV, VI и VII конгрессов Коминтерна. За революционную деятельность неоднократно подвергался преследованиям, сидел в тюрьме. Депутат парламента (с 1914 г.); в 1935 г. избран членом Сената Франции (был первым сенатором коммунистом). В период гитлеровской оккупации Франции — один из руководителей Движения Сопротивления. В 1957 г. был награжден орденом Ленина за многолетнюю деятельность, направленную на укрепление дружбы народов Франции и СССР.

КЕНЕН Бернард (1889—1964) — рабочий-металлист, активный участник рабочего и коммунистического движения Германии; член Социал-демократической партии Германии с 1907 г.; с 1917 г. — член Независимой социал-демократической партии Германии; в 1920 г. вступил в Коммунистическую партию Германии (с декабря — ОКПГ); делегат III и IV конгрессов Коминтерна от ОКПГ. С приходом к власти Гитлера Б. Кёнен эмигрировал в Советский Союз; в 1943 г. участвовал в создании Национального комитета «Свободная Германия». В 1945 г. вернулся в Германию, участвовал в образовании Соединенной единой партии Германии (1946) и стал членом ее ЦК. В 1953—1958 гг. был послом ГДР в Чехословакии. С 1958 г. — первый секретарь окружного комитета Социалистической единой партии Германии в Галле; на V съезде СЕПГ в 1958 г. был избран членом ее ЦК.

КЕНЕН Вильгельм (1886—1963) — деятель немецкого и международного коммунистического движения. В революционном движении участвовал с 900-х гг. Во время мировой империалистической войны — руководитель окружных организаций — сначала социал-демократической партии, а затем Независимой социал-демократической партии Германии, принимал активное участие в Ноябрьской революции 1918 г. В 1919 г. — член ЦК и один из руководителей левого крыла НСДПГ, вместе с Эрнстом Тельманом и другими революционными вождями германского рабочего класса боролся за присоединение к Коминтерну и объединение с Коммунистической партией Германии. С 1920 г. — член КПГ; был делегатом III конгресса Коминтерна. До 1933 г. являлся депутатом рейхстага. Во время второй мировой войны — один из организаторов и руководителей антивоенного и антифашистского движения за границей. После разгрома гитлеровского фашизма был на руководящей партийной и государственной работе в Германской Демократической Республике.

КИМ Афанасий (1900—1943) — с юношеских лет принимал участие в борьбе за освобождение Кореи от гнета японского империализма. По его инициативе в 1917 г. был организован революционный кружок корейцев-

учащихся. В 1919 г. издавал газету «Голос учащихся», призывавшую корейскую молодежь к борьбе с японским милитаризмом. В 1920 г. вступил в ряды РКП(б). В 1923—1925 гг. работал в корейской секции Приморского обкома партии, затем — на руководящей партийной работе в Николаевске-на-Амуре, Хабаровске и других городах. Делегат XVII съезда ВКП(б).

КОЛЯРОВ Васил (1877—1950) — видный деятель болгарского и международного рабочего и коммунистического движения. С 1897 г. — член Болгарской рабочей социал-демократической партии. После раскола партии (1903) в составе «тесняков» вел непримиримую борьбу против оппортунизма «широких» социалистов. В 1904—1919 гг. руководил окружной организацией партии «тесняков» в Пловдиве. В 1905 г. был избран в ЦК партии. Участвовал в работе Штутгартского (1907) и Копенгагенского (1910) конгрессов II Интернационала. В 1915 г. за антивоенную агитацию среди солдат был предан военно-полевому суду, которого избежал, перейдя на нелегальное положение. Участвовал в работе Циммервальдской конференции. В 1919—1923 гг. — секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии. Делегат III—VII конгрессов Коммунистического Интернационала. В 1922 г. избран членом Президиума и генеральным секретарем Исполкома Коминтерна. В сентябре 1923 г. вместе с Г. Димитровым возглавил народное антифашистское восстание в Болгарии. В 1926 г. заочно приговорен болгарским фашистским судом к смертной казни. В 1928—1939 гг. — председатель Исполкома Крестьянского Интернационала. После 9 сентября 1944 г. вернулся в Болгарию. В 1945—1946 гг. — председатель Народного собрания Болгарии. С декабря 1947 г. — заместитель Председателя Совета Министров и министр иностранных дел Народной Республики Болгарии. В 1949—1950 гг. — Председатель Совета Министров республики.

КОН Феликс (1864—1941) — один из старейших деятелей польского, российского и международного революционного движения, в котором участвовал с 1882 г. С 1904 г. — член Польской социалистической партии (ППС), с 1906 г. — член ЦК ППС (левицы). Неоднократно подвергался репрессиям царского правительства, с 1907 г. находился в эмиграции. После Февральской буржуазно-демократической революции приехал в Россию, в 1918 г. вступил в партию большевиков. Был на руководящей партийной работе на Украине и в Москве. В 1922—1923 гг. — секретарь Исполкома Коминтерна, в 1924—1935 гг. — член Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. В 1925—1928 гг. — редактор газеты «Красная звезда», а затем «Рабочей газеты». В последующие годы работал в Наркомпросе РСФСР, был председателем Всесоюзного комитета радиовещания, редактором журнала «Наша страна». Автор ряда статей, брошюр и книг по истории польского и русского революционного движения.

КРЕЙБИХ Карел (1883—1966) — видный деятель чехословацкого и международного коммунистического движения. Участник социал-демократического движения с 1902 г., примыкал к его левому крылу. Принимал активное участие в создании Коммунистической партии Чехословакии (1921). Делегат III конгресса Коминтерна. В 1922, 1924 и 1925 гг. — член Исполкома Коминтерна. Позднее был редактором журнала «Коммунистический Интернационал». В 1950—1952 гг. — посол ЧССР в Москве.

КУН Бела (1886—1939) — видный деятель венгерского и международного рабочего и коммунистического движения, один из основателей и руководителей Коммунистической партии Венгрии (1918). Во время

мировой империалистической войны, попав в плен, находился в России в лагере военнопленных в Томске, вел среди них революционную пропаганду. В 1916 г. установил связь с местной организацией РСДРП, вступил в партию большевиков. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.—член Томского губкома партии. В 1918 г.—председатель Центральной федерации иностранных групп РКП(б), один из руководителей интернациональных отрядов Красной Армии. Осенью 1918 г. нелегально вернулся в Венгрию. В феврале 1919 г. вместе с группой других коммунистов был арестован буржуазным правительством и освобожден 21 марта 1919 г., в день провозглашения Венгерской Советской Республики. С первых дней установления Советской власти в Венгрии являлся фактическим руководителем венгерского Советского правительства, занимая в нем официальные посты наркома иностранных дел и члена коллегии Народного комиссариата по военным делам. После поражения Венгерской Советской Республики эмигрировал в Австрию, затем — в Россию. В 1920 г.—член Реввоенсовета Южного фронта, позднее — председатель Крымского ревкома. С 1921 г.—на руководящей партийной работе на Урале; член Президиума Исполкома Коминтерна; с 1925 г.—один из руководителей нелегальной Компартии Венгрии. Автор трудов по истории международного рабочего движения.

КУНЕН Феликс (род. в 1895 г.) — видный деятель рабочего движения Бельгии. Начал участвовать в революционном движении в 1912 г. В годы первой мировой войны занимал интернационалистские позиции. Участвовал в основании Коммунистической партии Бельгии (1921). Делегат III конгресса Коминтерна. В 1921—1935 гг.—член ЦК КПБ. В 1924—1929 гг.—главный редактор еженедельника КПБ газеты «Le Drapeau Rouge», а в конце 30-х гг.—редактор ежедневной газеты КПБ «La Voix de Peuple». В годы немецко-фашистской оккупации Бельгии (1940—1944) участвовал в Движении Сопротивления, руководил подпольным изданием газеты «Le Drapeau Rouge». В 1944 г. был избран членом ЦК и Политбюро ЦК КПБ. В 1946—1949 гг.—сенатор бельгийского парламента. В начале 50-х гг. в связи с болезнью отошел от активной партийной работы.

КУРЕЛЛА Альфред (род. в 1895 г.) — немецкий писатель и публицист, видный деятель германского и международного коммунистического молодежного движения. Член Коммунистической партии Германии с 1918 г. Был секретарем Исполкома Коммунистического Интернационала молодежи. В 1932—1934 гг. секретарь «Интернационального комитета борьбы против фашизма и войны». В 1934—1954 гг. жил в СССР, а затем вернулся на родину (ГДР). Член ЦК Социалистической единой партии Германии с 1957 г. Депутат Народной палаты ГДР. Профессор, член немецкой Академии искусств.

КУУСИНЕН Отто (1881—1964) — видный деятель финляндского и международного рабочего и коммунистического движения, КПСС и Советского государства. С 1904 г.—член Социал-демократической партии Финляндии, один из руководителей ее левого крыла, в 1909—1910 гг.—член, в 1911—1917 гг.—председатель Исполкома партии, редактор ее центрального органа «Työmiehet» (1907—1916). Неоднократно избирался депутатом сейма. В 1918 г.—один из руководителей рабочей революции в Финляндии. Принимал участие в создании Коммунистической партии Финляндии (1918), делегат всех (кроме II) конгрессов Коминтерна. На III конгрессе был избран членом Исполкома Коминтерна, в 1921—

1939 г.— один из секретарей ИККИ. В 1940—1958 гг.— Председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР и заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР. С 1941 г.—член ЦК КПСС, в 1952—1953 гг. и с 1957 г.— член Президиума ЦК КПСС и секретарь ЦК КПСС. Делегат XII—XXII (кроме XVIII) съездов КПСС. Депутат Верховного Совета СССР. В 1958 г. избран членом Академии наук СССР. Герой Социалистического Труда. Автор ряда работ по вопросам истории КПСС, истории революционного движения в Финляндии, истории международного коммунистического и рабочего движения. Награжден пятью орденами Ленина.

ЛАТУККА Юкка (1884—1925) — финский журналист, член Социал-демократической партии Финляндии с 1904 г., в дальнейшем — коммунист. В 1917 г.— сотрудник Выборгской рабочей газеты «Тюэ» («Труд»). В октябре 1917 г. у него на квартире в Выборге скрывался от преследований Временного правительства В. И. Ленин. После поражения рабочей революции в Финляндии (1918) жил в Петрограде.

ЛЕНСБЕРИ Джордж (1859—1940) — один из лидеров английской Лейбористской партии. В 1892 г. вступил в Социал-демократическую Федерацию, с 1906 г. примкнул к лейбористам. В 1910—1912 и 1922—1940 гг. состоял членом парламента. В 1912—1922 гг. издавал и редактировал ежедневную газету «The Daily Herald». С 1929 по 1931 г.— министр общественных работ. В 1931—1935 гг.— председатель Лейбористской партии.

ЛОНГО Луиджи (род. в 1900 г.) — видный деятель итальянского и международного рабочего и коммунистического движения. В 1920 г. вступил в Итальянскую социалистическую партию. С 1921 г.— член Коммунистической партии Италии (КПИ). С 1921 по 1928 г.— член Руководства Коммунистического союза молодежи Италии (КСМИ). Был делегатом IV и VI конгрессов Коминтерна, III и V конгрессов Коммунистического Интернационала молодежи. В 1924—1926 гг. член Секретариата КСМИ, редактор его центрального органа газеты «Avanguardia». С 1926 г.— член ЦК КПИ, с 1931 г.— член Политбюро (Руководство) КПИ. Один из организаторов движения по оказанию помощи Испанской республике, сражался на ее стороне в рядах интернациональных бригад. После поражения Испанской республики был интернирован во Францию, а в 1941 г. выдан итальянским фашистским властям. До падения фашистского режима в Италии (1943) находился в ссылке на о. Вентотене. В период национально-освободительной войны итальянского народа (1943—1945) — один из главных организаторов и руководителей партизанских гарibaldi-ских бригад, член центрального Комитета национального освобождения, председатель военной комиссии этого комитета. На V съезде Итальянской компартии (1946) избран заместителем Генерального секретаря ИКП. С 1963 г.— один из главных редакторов журнала «Critica Marxista». В августе 1964 г. стал Генеральным секретарем ИКП. С 1972 г.— Председатель ИКП.

ЛЮ ЦЗЭ-жун (ЛАО СИУ-джау) (род. в 1892 г.) — с пятилетнего возраста жил и учился в России. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.— председатель Центрального исполнительного комитета Союза китайских рабочих в России; находился в РСФСР на положении экстерриториального лица как уполномоченный по охране на-

тересов проживающих в России китайских граждан. Был делегатом I и II конгрессов Коминтерна с совещательным голосом от Китайской социалистической рабочей партии. В 1920 г. вернулся на родину. С 1954 г. — член Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета. В 1960 г. — советник договорно-правового отдела МИД КНР.

МАКБРАЙД Исаак — корреспондент бостонской газеты «Christian Science Monitor»; писал о жизни рабочего класса. Заинтересовавшись Октябрьской революцией, он решил посетить Советскую Россию, но вследствие блокады вынужден был поехать сначала в Латвию. Оттуда, перейдя границу, прибыл в Россию. В сентябре 1919 г. был принят В. И. Лениным; его записки о встрече с Лениным были опубликованы в газете «Christian Science Monitor» 17 декабря 1919 г.

МИЗИАНО Франческо (1884—1936) — деятель итальянского и международного рабочего движения. В 1907 г. вступил в Итальянскую социалистическую партию (ИСП). В 1908—1914 гг. — секретарь Социалистической федерации Неаполя и секретарь местного профсоюза железнодорожников. В 1916 г. за отказ участвовать в империалистической войне был арестован, бежал из тюрьмы и эмигрировал в Швейцарию, где был секретарем организации итальянских социалистов и редактором их газеты «L'Avvenire del Lavoratore». В 1918 г. приехал в Советскую Россию для ведения пропаганды среди итальянских интервенционистских частей на Мурманском фронте. В числе левых максималистов боролся за революционное обновление ИСП и в 1921 г. участвовал в основании Коммунистической партии Италии, вошел в состав ее ЦК. Избирался в парламент; в 1921 г. был лишен депутатского мандата и приговорен к 10 годам тюрьмы; по решению ЦК компартии эмигрировал в Германию, затем в СССР. Был членом Исполкома Профинтерна, затем — член Исполкома Международной рабочей помощи и представитель этой организации в СССР.

ОЛЬБРАХТ Иван (1882—1952) — чехословацкий писатель, журналист, общественный деятель. В 1916—1920 гг. — редактор органа Чехословацкой с.-д. партии «Právo lidu» («Народное право»). Состоял в Коммунистической партии Чехословакии с момента ее основания (1921); на протяжении ряда лет — редактор ее центрального органа «Rudé právo». Участник II конгресса Коминтерна. Во время гитлеровской оккупации Чехословакии боролся в рядах Движения Сопротивления против фашистских захватчиков. И. Ольбрахт — один из зачинателей социалистического реализма в чешской литературе. Наиболее значительные произведения: «Анна-пролетарка» и «Никола Шугай, разбойник».

ПИК Вильгельм (1876—1960) — видный деятель германского и международного рабочего и коммунистического движения, один из основателей и руководителей Коммунистической партии Германии (1918) и Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) (1946). Член Социал-демократической партии Германии с 1895 г. Стоял на позициях левого крыла СДПГ, руководимого К. Либкнехтом, Р. Люксембург, Ф. Мерингом и К. Цеткин. В 1910 г. избран вторым секретарем Центрального просветительного комитета и секретарем центральной партийной школы СДПГ. Один из основателей «Союза Спартака». Неоднократно арестовывался. Активно участвовал в Ноябрьской революции 1918 г. в Германии. На учредительном съезде Коммунистической партии Германии был избран членом ее ЦК. С 1928 г. — член Исполкома Коммунистического Интерна-

ционала, с 1931 г.—член Президиума и Секретариата ИККИ. На VII конгрессе Коминтерна (1935) выступал с отчетным докладом ИККИ и был избран одним из его секретарей. С 1935 г.—председатель ЦК КПГ. По решению ЦК КПГ в 1933 г. покинул Германию. Был одним из руководителей созданного в 1943 г. в СССР Национального комитета «Свободная Германия». В 1946—1954 гг.—один из двух председателей СЕПГ, в 1949—1960 гг.—член Политбюро Центрального правления, затем Политбюро ЦК СЕПГ. Был президентом Германской Демократической Республики со дня ее основания (1949).

ПИНТОС ПЕРЕЙРА Франсиско (1880—1968) — рабочий-деревообделочник, деятель уругвайского рабочего движения, историк и публицист. Один из основателей Коммунистической партии Уругвая (1920). Участвовал в рабочем движении с начала XX в. Был редактором газеты «El Socialista», основал рабочую газету «Justicia», редактировал газету «Vanguardia», активно сотрудничал в «El Popular». Участвовал в работе IV конгресса Коминтерна. В 1962 г. был избран кандидатом в члены ЦК компартии. Дважды избирался членом парламента.

ПЛАТТЕН Фридрих (Фриц) (1883—1942) — деятель швейцарского и международного рабочего движения, один из организаторов Коммунистической партии Швейцарии (1921). Участвовал в социал-демократическом движении с 1904 г. В 1906—1907 гг. вел революционную работу в Риге. С 1908 г.—секретарь кассы русских эмигрантов в Швейцарии; в 1911—1921 гг.—член, с 1912 г.—секретарь правления Социал-демократической партии Швейцарии. Участник международных социалистических конференций в Циммервальде (1915) и Кинтале (1916), левый циммервальдист. В апреле 1917 г. был главным организатором переезда В. И. Ленина и других большевиков-эмигрантов из Швейцарии в Россию. В 1919 г. принимал участие в организации III, Коммунистического Интернационала; член президиума I конгресса и член созданного на нем Бюро Коминтерна. Сотрудничал в журнале «Коммунистический Интернационал». В 1919—1920 гг. неоднократно арестовывался (финляндскими, румынскими, литовскими, германскими и петлюровскими властями). В 1921—1923 гг.—секретарь Коммунистической партии Швейцарии. В 1923 г. переехал в СССР, где возглавлял сельскохозяйственную коммуну швейцарских рабочих-эмигрантов, затем работал в Международном аграрном институте и Московском педагогическом институте иностранных языков.

ПОЛЛИТ Гарри (1890—1960) — видный деятель английского и международного рабочего и коммунистического движения. С юношеских лет участвовал в рабочем движении. В 1906 г. вступил в Независимую рабочую партию, с 1912 г.—член Британской социалистической партии. В 1918—1919 гг.—организатор движения фабрично-заводских старост в бассейне реки Темзы. Был одним из организаторов и руководителей движения «Руки прочь от России», направленного против антисоветской интервенции. Один из основателей Коммунистической партии Великобритании (1920). С 1922 г.—член ЦК и Политбюро ЦК, с 1943 г.—член Исполкома и Политического комитета компартии. Неоднократно подвергался репрессиям. В 1924—1943 гг.—член Исполкома Коминтерна; участвовал в работе III, V—VII конгрессов Коминтерна. В 1929—1956 гг.—Генеральный секретарь, затем —председатель Исполкома компартии. Автор многих работ по вопросам теории и практики рабочего и коммунистического движения.

ПРАТАП Махендра (род. в 1886 г.) — общественный деятель Индии; был членом партии Индийский национальный конгресс, от которой затем отошел, считая ее деятельность малоэффективной. В начале первой мировой войны покинул Индию в надежде найти за рубежом военную и политическую поддержку освободительному движению индийского народа. С 1915 г. жил в Кабуле (Афганистан). В связи с ростом антиколониального движения в Индии создал в Кабуле эмигрантское Временное правительство Свободной Индии. Автор утопической «религии любви», которая, по его мнению, должна была способствовать уничтожению религиозной нетерпимости, разделявшей индусов и мусульман. Джавахарлал Неру в своей «Автобиографии» назвал Пратапа Дон Кихотом, случайно попавшим в двадцатое столетие. Свыше тридцати лет Пратап провел в эмиграции; после изгнания английских колонизаторов он вернулся на родину. В течение многих лет был членом индийского парламента.

РАВЕРА Камилла (род. в 1889 г.) — общественный деятель Италии, член Коммунистической партии Италии со дня ее основания (1921), ветеран международного коммунистического движения. Была членом итальянской делегации на IV конгрессе Коминтерна (1922). В марте 1960 г. в составе делегации итальянских женщин вторично посетила Советский Союз. На IX съезде ИКП в 1960 г. избрана членом Центральной контрольной комиссии; избиралась в состав итальянского парламента.

РАНКОМ Артур (род. в 1884 г.) — английский буржуазный писатель; сотрудник ряда журналов и газет. Несколько лет провел в России в качестве корреспондента газет «Daily News» (1916—1919) и «The Manchester Guardian» (1919—1924). Неоднократно был принят В. И. Лениным, а в 1918 и 1922 гг. получил интервью у Ленина.

РЕЙНШТЕЙН Борис (1866—1947) — в революционном движении принимал участие с 1884 г. Эмигрировал в США, работал в Американской социалистической рабочей партии (АСРП), был ее представителем во II Интернационале. После возвращения в 1917 г. в Россию примкнул к меньшевикам-интернационалистам. В апреле 1918 г. был принят в партию большевиков. Как делегат I конгресса Коминтерна от АСРП подписал «Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира». Работал главным образом в Коминтерне и Профинтерне.

РИД Джон (1887—1920) — видный деятель американского рабочего движения, писатель и публицист. В годы первой мировой войны был военным корреспондентом, выступал против империалистической войны. В 1917 г. приехал в Россию. Приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию, посвятив ее событиям книгу «Десять дней, которые потрясли мир». Возвратившись в США в 1918 г., примкнул к левому крылу Социалистической партии, руководил ее работой. Один из основателей (сентябрь 1919 г.) Коммунистической рабочей партии США. В октябре 1919 г. был избран членом Исполкома Коминтерна, в 1920 г. принимал участие в работе II конгресса Коминтерна. Умер в Москве, похоронен на Красной площади, у Кремлевской стены.

РУДАШ Ласло (1885—1950) — деятель венгерского рабочего движения, известный публицист, философ. С 1903 г. — член Социал-демократической партии Венгрии. Один из основателей Коммунистической партии

Венгрии (1918), главный редактор ее центрального органа газеты «Vörös Újság». Был делегирован КПВ на I конгресс Коминтерна. С августа 1919 г. в эмиграции, с 1922 г. жил в СССР, вел преподавательскую работу, был членом редколлегии журнала «Под знаменем марксизма». В 1945 г. вернулся в Венгрию, был избран членом ЦК КПВ. Действительный член Академии наук Венгрии с 1949 г.

РУНГЕ Бедржих (род. в 1893 г.) — в 1911 г. по окончании торговой академии в Праге уехал в Англию и вскоре стал членом Лейбористской партии. В 1914 г. в связи с началом первой мировой войны был как иностранец интернирован, затем (в 1916 г.) выпущен. В 1919 г. вернулся в Чехословакию, в город Либерец, и вступил в социал-демократическую партию, а в 1921 г. — в Коммунистическую партию Чехословакии. В 1922 г. был в составе чехословацкой делегации на IV конгрессе Коминтерна. С 1922 по 1939 г. работал в журнале «Инпрекорр» («Internationale Presse-Korrespondenz»), издававшемся Коминтерном на трех языках (немецком, английском, французском). В годы гитлеровской оккупации Чехословакии эмигрировал. В 1942 г. интернирован во Франции, откуда выслан в 1949 г. В дальнейшем — на руководящей работе в области печати в Чехословакии.

РУТГЕРС Себальд (1879—1961) — голландский инженер, коммунист. В 1915—1918 гг. жил в Америке. Делегат I конгресса Коминтерна от Голландской социал-демократической группы и от американской «Лиги социалистической пропаганды». С 1918 по 1938 г. (с перерывами) работал в СССР: в 1921—1926 гг. был руководителем интернациональной Автономной индустриальной колонии (АИК) по восстановлению угольной и химической промышленности Кузбасса; в последующие годы — на хозяйственной, партийной и научно-исследовательской работе. С 1938 г. жил в Голландии.

САМУЭЛИ Тибор (1890—1919) — видный деятель венгерского рабочего движения, один из руководителей Венгерской Советской Республики (1919), по профессии журналист. С 1908 г. член Социал-демократической партии Венгрии. В 1915—1917 гг. находился в плену в России; здесь в 1918 г. вступил в большевистскую партию. После победы Октябрьской революции участвовал в создании венгерской группы РКП(б), в организации интернациональных бригад из бывших военнопленных, создававшихся для борьбы против сил контрреволюции. В январе 1919 г. вернулся в Венгрию. Один из основателей Компартии Венгрии, член ее ЦК. После провозглашения Советской власти в Венгрии в 1919 г. был заместителем наркома обороны, затем народным комиссаром просвещения, возглавлял комитет по обеспечению безопасности тыла. В мае 1919 г. приезжал в Москву для обсуждения вопросов совместной борьбы Советского государства и Венгерской Советской Республики против империалистической интервенции. Неоднократно встречался с В. И. Лениным. После падения Советской власти в Венгрии был убит в августе 1919 г. на австрийской границе контрреволюционерами.

САМУЭЛИ Тиборне (1895—1973) — венгерская коммунистка, художница, жена Тибора Самуэли. После падения Венгерской Советской Республики (1919) эмигрировала в Австрию (Вена), затем в Италию. В 1921—1922 гг. находилась в Советской России, где училась во Вхутема-

се (Высшие государственные художественно-технические мастерские). Участвовала в работе III конгресса Коминтерна. В 1922—1933 гг. жила в Германии (Берлин), затем — в Советском Союзе. В 1948 г. вернулась в Венгрию.

САНТИА Баттиста — рабочий, член руководства туринской федерации Коммунистической партии Италии, делегат III конгресса Коминтерна (1921).

САЯХ Хамид — политический деятель Ирана. Являлся членом иранской делегации, прибывшей в Москву в декабре 1920 г. для ведения переговоров и заключения договора с Советской Россией.

СЕМАР Пьер (1887—1942) — видный деятель французского и международного рабочего и коммунистического движения. С 1916 г. — активный деятель профсоюзного движения и Социалистической партии Франции. Один из создателей Французской коммунистической партии (1920), член ЦК и Политбюро ЦК с 1924 г., в 1924—1930 гг. — Генеральный секретарь ЦК ФКП. Участник II конгресса Профинтерна. Делегат V, VI и VII конгрессов Коминтерна; член ИККИ (1924—1930). Неоднократно подвергался преследованиям и арестам. После ареста в 1939 г. был приговорен к трем годам тюрьмы; был выдан властями «Виши» гитлеровским оккупантам, которые после жестоких пыток расстреляли его 7 марта 1942 г.

СИЛЛЕН Хуго (1892—1944) — деятель шведского рабочего движения; в мае 1917 г. присоединился к Левой социал-демократической партии Швеции (с 1921 г. — Коммунистическая партия Швеции); ряд лет был лидером молодежного социалистического движения. В 1920 г. присутствовал на II конгрессе Коминтерна. С марта 1921 г. — секретарь союза молодежи и член ЦК КПШ; с 1924 г. — кандидат, затем член Политбюро ЦК КПШ. На VI конгрессе Коминтерна (1928) был избран кандидатом в члены Исполкома Коминтерна, с 1931 г. — член Президиума ИККИ. В 1931—1934 гг. — редактор центрального органа КПШ газеты «Ny Dag»; в 1939—1944 гг. — член ЦК КПШ.

СИРОЛА Юрье (1876—1936) — видный деятель финляндского революционного движения, один из основателей Коммунистической партии Финляндии. В 1903—1918 гг. — член Социал-демократической партии Финляндии, в 1905—1906 гг. — ее секретарь, в 1909—1911 гг. — член Правления и сопредседатель. Неоднократно избирался депутатом сейма. Во время рабочей революции в Финляндии (1918) входил в революционное правительство — Совет народных уполномоченных. С основания Коммунистической партии Финляндии (1918) — член ее ЦК. С 1918 г. политэмигрант, член РКП(б). В 1921—1922 и 1928—1936 гг. — член Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. С 1929 г. — нарком просвещения Карельской АССР. Перевел на финский и шведский языки многие произведения классиков марксизма-ленинизма.

СТРЁМ Фредрик (1880—1948) — шведский левый социал-демократ, писатель и публицист. В 1911—1916 гг. — секретарь Социал-демократической рабочей партии Швеции. В годы мировой империалистической войны — интернационалист. С 1918 по 1920 г. — главный редактор газеты «Folkets Dagblad Politiken». С 1921 по 1924 г. — секретарь Коммунистической пар-

тии Швеции. В 1924 г. примкнул к оппортунистической группе Хёглунда, вышел из компартии и в 1926 г. вернулся в социал-демократическую партию. С 1930 г. — депутат риксдага.

ТАГУТИ Ундзо (1892—1933) — японский писатель и журналист, член Коммунистической партии Японии. Во время первой мировой войны эмигрировал в США (1915) и под руководством видного японского революционера Сэй Катаямы участвовал в организации коммунистических групп. В 1921 г. приехал в Советскую Россию для участия в III конгрессе Коминтерна от японской коммунистической группы. По возвращении в Японию работал переводчиком, занимался литературной работой.

ТАЙМИ Адольф (1881—1955) — видный общественный деятель Финляндии и России, член КПСС с 1902 г. Активно участвовал в революции 1905—1907 гг. в Петербурге, неоднократно подвергался арестам и ссылке. Участник Октябрьской революции 1917 г. в России и рабочей революции 1918 г. в Финляндии, входил в состав революционного правительства Финляндии — Совета народных уполномоченных. После поражения рабочей революции был на подпольной работе. Участвовал в создании Коммунистической партии Финляндии (1918); в сентябре 1921 г. на съезде КПФ был избран членом ЦК. В 1928 г. был арестован в Финляндии и приговорен к 15 годам каторжной тюрьмы. В 1940 г. освобожден. Жил в СССР, был заместителем Председателя Совета Министров и Председателем Верховного Совета Карело-Финской ССР. Избирался депутатом Верховного Совета СССР.

ТЕРАЧИНИ Умберто (род. в 1895 г.) — видный деятель итальянского рабочего и коммунистического движения, один из основателей Коммунистической партии Италии. В 1916 г. вступил в Итальянскую социалистическую партию, с 1919 г. — член ее Руководства. Боролся за присоединение партии к Коминтерну, занимая непримиримую позицию по отношению к ее реформистскому крылу. С 1919 г. — один из организаторов и руководителей революционной группы туринских социалистов «L'Ordine Nuovo», составившей основное ядро коммунистической партии. Со времени основания Коммунистической партии Италии (1921) был членом ее Руководства. В 1921—1924 гг. — член ИККИ. В 1926—1943 гг. находился в фашистских тюрьмах и ссылке. В 1943—1945 гг. активно участвовал в национально-освободительной борьбе итальянского народа против фашизма. С 1946 г. — член ЦК ИКП и кандидат в члены Руководства; с 1955 г. — член Руководства ИКП. В 1947 г. был председателем Учредительного собрания, с 1948 г. — сенатор. С 1950 г. — член Всемирного Совета Мира.

ТРАХТЕНБЕРГ Александр (1884—1966) — деятель революционного движения США. В 1906 г. эмигрировал в США, стал членом русской социал-демократической организации Социалистической партии Америки; с 1921 г. — член Коммунистической партии США, активный ее деятель. Был делегатом IV, V и VII конгрессов Коминтерна. С 1924 г. — руководящий работник, затем директор издательства компартии «Интернешнл паблшерс»; одновременно в течение многих лет возглавлял издательский отдел, а затем — комиссию Национального комитета компартии; преподавал в школе общественных наук имени Джефферсона.

УЛЬБРИХТ Вальтер (1893—1973) — видный деятель германского и международного рабочего и коммунистического движения. С 1912 г. — член Социал-демократической партии Германии. В 1918 г. вступил в

«Союз Спартака»; был одним из основателей организации Коммунистической партии Германии (КПГ) в Лейпциге. Член ЦК КПГ с 1923 г., член Политбюро ЦК КПГ с 1935 г. Вместе с Э. Тельманом и В. Пиком боролся за превращение КПГ в марксистско-ленинскую массовую пролетарскую партию. В 1928—1933 гг.—депутат германского рейхстага от КПГ. С 1928 г.—кандидат в члены Исполкома Коминтерна, в 1928—1929 и 1938—1943 гг.—представитель КПГ при ИККИ. В конце 1933 г. в связи с угрозой ареста был вынужден покинуть Германию. Во время второй мировой войны (1939—1945) вел разъяснительную работу среди немецких военнопленных в СССР, участвовал в создании Национального комитета «Свободная Германия». После разгрома фашизма вернулся на родину; был одним из основателей Социалистической единой партии Германии, крупным партийным и государственным деятелем Германской Демократической Республики.

УСЕНИУС Мария (1884—1967) — жена финского рабочего Артура Усениуса, известного деятеля рабочего движения Финляндии. У них на квартире в Хельсинки В. И. Ленин жил некоторое время осенью 1917 г., скрываясь от ищеек Временного правительства.

УЭЛЛС Герберт (1866—1946) — выдающийся английский писатель и публицист; родоначальник научно-фантастической литературы XX в., крупнейший мастер критического реализма, внесший значительный вклад в общелитературный процесс. В 1920 г. был в Москве и встретился с В. И. Лениным. По возвращении на родину издал книгу «Россия во мгле». В 1921 г. Ленин прочитал эту книгу на английском языке и сделал на ней ряд пометок (они опубликованы в русском издании книги в 1958 г.). Во время второй мировой войны выступал в поддержку СССР. В самом конце своего жизненного пути он сказал: «Я являюсь лондонским избирателем участка Мерилебон и активно поддерживаю возрождающуюся коммунистическую партию».

ФАЙНБЕРГ Джон (Иосиф) (1886—1957) — деятель английского рабочего движения. В детстве вместе с родителями переехал из Польши в Англию. С 1906 г. принимал активное участие в английском рабочем движении, тогда же вступил в Социал-демократическую федерацию, переименованную позднее в Британскую социалистическую партию (БСП). С 1916 по 1918 г.—член лондонского комитета союза швейников. Работал в редакции газеты «The Call» — органе БСП. В 1918 г., приехав в Советскую Россию, вел пропагандистскую работу среди интервенционистских войск и военнопленных; с этого же года вступил в члены большевистской партии. Принимал участие в работе I конгресса Коммунистического Интернационала. В 1919—1931 гг. с небольшим перерывом работал в Исполкоме Коминтерна в качестве редактора в отделе печати, позднее — референтом в восточном отделе. С 1931 по 1953 г.—редактор и переводчик Издательства литературы на иностранных языках.

ФОСТЕР Уильям (1881—1961) — видный деятель американского и международного рабочего и коммунистического движения. Родился в семье рабочего. В 1901—1909 гг.—член Социалистической партии Америки, в 1909—1912 гг.—член организации «Индустриальные рабочие мира». В последующие годы участвовал в создании и руководстве ряда рабочих и профсоюзных организаций. Неоднократно подвергался арестам. С 1924 г.—член Коммунистической партии США, был членом ее ЦК; с

1924 г.— член Политбюро ЦК компартии, председатель ЦК (1929—1938), затем — председатель Национального комитета Компартии США (1938—1944 и 1945—1957). Участвовал в работе III, V—VII конгрессов Коминтерна, с 1924 г.— член Исполкома Коминтерна, с 1928 г.— кандидат в члены Президиума, а с 1935 г.— член Президиума ИККИ. В 1948 г. вместе с другими лидерами Компартии США был арестован, но не был судим из-за тяжелой болезни. В 1957 г. был избран почетным председателем Национального комитета Компартии США. Крупный теоретик-марксист, он является автором многих книг по истории американского рабочего движения и проблемам международного коммунистического и рабочего движения до и после второй мировой войны.

ХАММЕР Арманд (род. в 1898 г.) — крупный американский промышленник, секретарь «Объединенной компании медикаментов и химических препаратов», получившей в 1921 г. от Советского правительства концессию на разработку асбестовых рудников на Урале. В 1925—1930 гг. возглавлял концессию этой компании в СССР по производству и сбыту канцелярских товаров. А. Хаммер — председатель совета директоров «Оксидентл петролеум компани» — в июле 1972 г. подписал соглашение с Госкомитетом Совета Министров СССР по науке и технике. Посетив снова СССР в октябре 1972 г., А. Хаммер передал в дар советскому народу подлинники двух писем В. И. Ленина. В 1978 г. награжден орденом Дружбы народов.

ЦЕРЕНДОРЖ Балингийн (1867—1927) — член Монгольской народно-революционной партии с 1921 г.; с 1885 по 1911 г. служил в управлении маньчжурского наместника в столице Монголии Урге. С 1911 г.— на руководящей работе в госаппарате, был министром иностранных дел Монголии. После победы народной революции в Монголии — заместитель министра и министр иностранных дел. В 1924 г. на первом Великом народном хурале был избран премьер-министром Монгольской Народной Республики и оставался на этом посту до 1927 г.

ЦЕТКИН Клара (1857—1933) — выдающийся деятель германского и международного рабочего и коммунистического движения, организатор женского международного движения, талантливая писательница, пламенный оратор и трибун. Вместе с Р. Люксембург, Ф. Мерингом и К. Либкнехтом принимала активное участие в борьбе с Бернштейном и другими оппортунистами. В годы мировой империалистической войны стояла на позициях революционного интернационализма, выступала против социалшовинизма. В 1916 г. вошла в группу «Интернационал», вскоре переименованную в «Спартак», а затем — в «Союз Спартака». Одна из основательниц Коммунистической партии Германии (1918), член ее ЦК. Участвовала в работе III и последующих конгрессов Коминтерна. С 1921 г.— член Исполкома Коминтерна и Президиума ИККИ, возглавляла его международный женский секретариат. С 1925 г.— бессменный председатель ЦК МОПР. С 1920 г. постоянно избиралась депутатом рейхстага. Похоронена в Москве, на Красной площади, у Кремлевской стены.

ЦЮЙ ЦЮ-бо (ЦЮЙ ШУ-ан) (1899—1935) — видный деятель Коммунистической партии Китая, литератор. Вступил в КПК в 1922 г., член ЦК КПК с 1923 г. Активный участник революции 1925—1927 гг. в Китае. С мая 1927 г.— член Политбюро ЦК КПК, с августа 1927 до июня 1928 г.— Генеральный секретарь ЦК КПК. Делегат двух конгрессов Коминтерна:

III — от Союза молодежи Китая (1921) и VI — от КПК (1928). На VI конгрессе Коминтерна стал членом ИККИ. В 1928—1930 гг. возглавлял делегацию КПК в Коминтерне. С 1934 г. — народный комиссар просвещения Временного Центрального правительства Китайской Советской республики. Популяризатор трудов классиков марксизма-ленинизма в Китае. В боях с гоминьдановскими частями попал в плен и был казнен.

ШЕРИДАН Клэр (1885—1970) — английский скульптор; приехала в Москву в сентябре 1920 г., чтобы создать скульптурный портрет В. И. Ленина. Находясь в Москве (около двух месяцев), знакомилась с городом и его людьми. Полученные впечатления вошли в ее «Mayfair to Moscow». По возвращении на родину выступала устно и в печати, рассказывая правду о Советской стране и о Ленине. В 1921 г. в Лондоне вышла ее книга «Russian Portraits», в 1928 г. в Нью-Йорке — книга «Naked Truth».

ШМЕРАЛЬ Богумир (1880—1941) — видный деятель чехословацкого и международного рабочего и коммунистического движения, один из основателей Коммунистической партии Чехословакии. С 1897 г. состоял в Чехословацкой социал-демократической рабочей партии, был одним из ее руководящих деятелей, входил в редакцию центрального органа этой партии газеты «Právo lidu». С 1919 г. являлся одним из руководителей революционного крыла ЧСДРП (Марксистская левая). После создания в 1921 г. КПЧ — член ее ЦК (до 1929 г. и с 1936 г.). В 1922—1935 гг. входил в состав Исполкома Коминтерна и был членом Президиума ИККИ. С 1935 г. — член Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. С 1938 г. жил в СССР и работал в Коминтерне.

ШТЕЙНГАРТ (Грубер) Карл (1875—1963) — деятель австрийского рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Австрии (ноябрь 1918 г.). В феврале 1919 г. был избран членом Руководства КПА. Делегат I, II и III конгрессов Коминтерна; на II конгрессе (1920) вошел в состав ИККИ. В 1945 г. избран в члены ЦК КПА.

ШТЕРН Виктор (1885—1958) — деятель рабочего движения Германии и Чехословакии. С 1904 г. — член Социал-демократической партии Австрии. Во время первой мировой войны находился в Германии, где вступил в Независимую социал-демократическую партию Германии. Участвовал в работе IV конгресса Коминтерна. В 1920—1923 гг. входил в Объединенную коммунистическую партию Германии. В конце 1923 г. переехал в Чехословакию; с 1924 по 1928 г. — член ЦК и Политбюро ЦК Коммунистической партии Чехословакии. Делегат VI конгресса Коминтерна от КПЧ. С 1934 г. жил в СССР. После второй мировой войны вернулся в Восточную Германию, где вел преподавательскую работу, профессор.

ЭБЕРЛЕЙН Гуго (Альберт М.) (1887—1944) — деятель немецкого и международного рабочего и коммунистического движения. Был одним из руководителей «Союза Спартака» и членом ЦК Коммунистической партии Германии. Делегат I, IV, VII конгрессов Коминтерна; в 1935—1937 гг. — член Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна.

ЭГЕДЕ-НИССЕН Адам (1868—1953) — видный деятель норвежского рабочего и коммунистического движения. В 1906—1923 гг.— член Норвежской рабочей партии. С 1923 г.— член Коммунистической партии Норвегии. Делегат VII конгресса (1935) Коминтерна. В 1934—1940, 1945—1946 гг.— Председатель КПН. В конце 1917 г. приехал в Петроград с рабочей делегацией и был принят В. И. Лениным в первой половине января 1918 г.; присутствовал на III Всероссийском съезде Советов. Автор воспоминаний «У Ленина 20 лет тому назад» (1937), «Жизнь в борьбе» (1945).

ЯФТАЛИ Мирза Мухаммед — первый чрезвычайный посол Афганистана в Советской России. Весной 1921 г. был принят В. И. Лениным. В 1957 г.— председатель Высшего совета Государственного банка Афганистана.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абрамович А. Е. 79
 Авксентьев Н. Д. 120
 Аврамов Роман 75
 Адлер Виктор 256
 Адлер Фридрих (Фриц) 86
 Аксельрод П. Б. 88, 158
 Александр II (Романов) 232
 Алерамо *с.м.* Лонго Луиджи
 Альберт *с.м.* Эберлейн Гуго
 Альпари Дьюла 463, 464, 465
 Аманулла-хап 226
 Андреева М. Ф. 96
 Аникст А. М. 424
 Анна *с.м.* Ульянова-Елизарова А. И.
 Арманд И. Ф. (Инесса) 49, 90
 Артем (Сергеев Ф. А.) 423
 Артур *с.м.* Блумквист Артур
 Ачария (Ачариа) Мандайям Пративади Байянкар Тирумал 224, 225

Б

Бальфур Артур Джеймс 201, 296
 Баракатулла Мухаммед 224
 Барбюс Анри 77, 230, 234, 309
 Бауэр Отто 185
 Бебель Август 41, 66, 68, 69—70, 256
 Бела *с.м.* Кун Бела
 Белл Томас 322 — 324
 Берзинь Я. А. (Винтер) 90
 Берлиоз Жоанни 465
 Битти Бесси 126, 132
 Благоев Димитр 78, 82, 281, 286—287

Блумквист Артур 106
 Бобинский Станислав 174—175, 176, 177
 Богданов (Малиновский) А. А. 139
 Богданов П. А. 423
 Бонч-Бруевич В. Д. 152, 153, 161
 Бордига Амадео 402, 450, 452
 Бородин (Грузенберг) М. М. 307, 308
 Брайант Луиза 132
 Брандлер Генрих 363
 Брантинг Карл Яльмар 94, 101, 103, 104
 Брасс Отто 369
 Бронский (Варшавский) Мечислав 421
 Буденный С. М. 18, 294
 Будзинский (Будзыньский) Станислав 175
 Буллит Уильям Кристиан 234
 Бухарин Н. И. 423
 Бухер Альфред 85

В

Вайнкоп Давид 420
 Вайян (Вальян) Эдуард Мари 142
 Ван Коль Генрих 67, 420
 Ван Равестейн *с.м.* Равестейн Вильям ван
 Вандервельде Эмиль 142
 Вандерлип Вашингтон 300, 301
 Вебб Сидней 199
 Веннерстрём Ивар 102
 Вест Джулиус 122
 Вильгельм II (Гогенцоллерн) 129, 172, 443

Вильсон Вудро 246
Вильямс Альберт Рис 129
Вильямс Говард Рис 135
Вильямс Люсита 134
Вильямс Роберт 209—210
Виптер *см.* Берзинь Я. А.
Вознесенский А. Н. 224, 225
Волин В. М. 407, 408
Володарский В. (Гольдштейн М. М.) 123
Вольфштейн Роза 293, 294, 295
Воровский В. В. 99, 143, 158
Ворошилов К. Е. 367
Восков С. П. 123
Врангель П. Н. 18, 48, 56, 280, 325

Г

Гаазе Гуго 159, 160
Гайндман Генри Майерс 184, 205
Гакен Йозеф 465
Галлахер Уильям 312
Ганецкий (Фюрстенберг) Я. С. 99, 143
Гарди Джеймс Кейр 142
Гвоздев К. А. 111
Гед Жюль (Базиль Матьё) 72, 73
Гейер Фриц 33
Гейпе Геприх 10
Геккерт Фриц 480
Гендерсон Артур 202, 271
Генч 160
Герзинг Фридрих 22
Герцог Якоб 78, 79, 80, 81
Гилл Далип Сингх 224
Гильбо Анри 96
Гинденбург Пауль 443
Гольдштейн Р. З. 71, 80, 81
Гольдштейн Роберт 71, 80, 81
Гольц Рюденгер 147
Горбулов Н. П. 150, 151, 161, 423
Гортер Герман 420
Горький Максим (Пешков А. М.) 96, 139, 191
Готвальд Клемент 465
Готта (Лонго) 450
Готта *см.* Лонго Луиджи
Гофман Адольф 33, 369
Грабер Эрнест Поль 83
Грамши Антонио 403, 453, 455, 465
Грейлих Герман 83
Григорий *см.* Зиновьев (Радомысльский) Г. Е.
Гримлууд Отто 90, 99

Гримм Роберт 74, 83, 84, 86, 87, 88, 90
Грубер *см.* Штейнгардт Карл
Грюнберг Карл 421
Гувер Герберт Кларк 470
Гюйсманс Камиль 123
Гюллинг Эдвард 144, 146, 147

Д

Давид Эдуард 67
Даннеберг Роберт 222
Д'Аннуцио Габриеле 47
Дантон Жорж Жак 96
Д'Арагона Лудовико 453
Дашинский Игнаци 18
Деймиг Эрст 33, 369
Деникин А. И. 238, 325, 421
Дженнари Эджилио 395
Джерманетто Джованни 457, 458
Дзержинский Ф. Э. 305
Диас Порфирио 410
Диас Хосе 465
Дивильковский А. А. 80
Дик *см.* Шеридан Дик
Димитров Георгий 280, 285
Дитман Вильгельм 17, 60
Дуэлле *см.* Лонго Луиджи

Е

Елизавета Петровна («Димка») *см.* Смедович Е. П.

Ж

Жан Рено 478, 479
Жбиковский Станислав 175
Жорес Жан 256

З

Запотоцкий Антонин 465
Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. (Григорий) 48, 60, 90, 102, 129
Зирафудис 81

И

Ибаррури Долорес (Паспонария) 465
Ибрагим 224, 225
Ипанов *см.* Ленин В. И.

Иванов К. П. 109
Инесса *см.* Арманд И. Ф.
Иогихес Лео *см.* Тышка Ян

К

Каледян А. М. 115
Калинин М. И. 211, 225, 309, 482
Кальверт Герберт 422, 424, 425
Каляев И. П. 96
Каменев (Розенфельд) Л. Б. 414, 417, 429, 446
Камков (Кац) Б. Д. 125
Каплап Ф. Е. 165, 250
Каншель В. О. 165, 166
Карахан Л. М. 226, 418
Карелин В. А. 116
Карл *см.* Либкнехт Карл
Карлштадт Боденштейн Андреас 12
Карльсон Карл Натанель 99, 100, 102
Карский *см.* Мархлевский Юлиан
Карузо Энрико 301
Каскеден Гордон 411
Катаяма Сэн 386, 400, 419
Кауп 136
Каутский Карл 13, 16, 72, 73, 77, 159, 160, 214, 441
Кауфман 85
Качилский В. М. 119
Кашен Марсель 465
Кашер-Лихтенштейн Леа (Лия) 81, 82
Кейр Гарди *см.* Гарди Джеймс Кейр
Кёнен Вильгельм 349, 362
Керенский А. Ф. 94, 101, 103, 104, 109, 111, 114, 143, 144, 247, 451
Керзон Джордж Натаниел 294, 295
Керишток Карой 415
Кирков Георгий 82
Кишкин П. М. 111
Клара *см.* Цеткин Клара
Клингер Г. К. 212
Кокоскин Ф. Ф. 161
Коларов Васил 82, 280
Коллонтай А. М. 117, 169, 388
Колчак А. В. 238
Копецкий Вацлав 465
Коричопер Франц 421
Корнблит Бронка 423
Корпилов Л. Г. 108
Крамаров 116
Красин Л. Б. 245, 382
Крейбих Карел 392, 465

Крупская Н. К. (Надежда Константиновна) 10, 11, 16, 35, 71, 72, 74, 75, 85, 91—92, 94, 106, 137, 395, 452, 457, 481, 482
Ксеркс I 25
Куйбышев В. В. 165
Кул Бела 22, 193, 332, 333, 344
Куусинен Отто 144, 145, 171, 196, 362, 363

Л

Ларин Ю. (Лурье М. А.) 480
Лау Сиу-джау *см.* Лю Цзэ-жун
Ладцари Константино 334, 369, 387, 398, 405
Леви Пауль 22, 24, 25, 26, 27, 28, 30, 31, 32, 35, 180, 270, 290, 329, 331, 339, 340, 347, 352, 369, 421, 480
Левине 180
Легин Карл 60
Ледебур Георг 184, 185
Ленин В. И. (Ульянов В. И., Иванов, Ильич, «Старик») 105, 108, 109, 110, 111, 146
Ленсбери Джордж 209, 321
Лео *см.* Тышка Ян
Ли Эдджерсон 419
Либиг 464
Либкнехт Вильгельм 256
Либкнехт Карл 26, 35, 77, 89, 101, 179, 180, 195, 402, 441, 442
Ливеровский А. В. 111
Ли Дон Хы 432, 433, 434
Лилипа З. И. 45
Линдман Соломон 102, 103, 104
Линдхаген Карл 99, 102, 104, 144
Линкольн Авраам 238
Литвинов М. М. 69—70, 75, 246
Ллойд Джордж Дэвид 246, 375
Лонго Луиджи (Алерамо, Готта, Дуэлле) 465
Луначарский А. Б. 135
Лю Цзэ-жун (Лау Сиу-джау) 241
Любарский Н. М. (Никколини) 395, 421
Люксембург Роза 8, 11, 26, 35, 40, 67, 68, 89, 179, 180, 181, 195, 196, 353, 402, 441, 442
Лютер Мартин 60
Лядов (Мандельштам) М. Н. 141

М

Майер Эрнст 180
Майнор Роберт 134, 208

Макдональд Джеймс Рамсей 101,
184, 185, 202, 271
Маклин Джон 269, 271
Максимов Никола 279, 280
Мальдан Генрих 28, 29
Манн Том 376, 411
Маннер Куллерво 196
Манучарьянц Ш. М. 285—286
Мария Ильинична *см.* Ульянова М. И.
Маркс Карл 7, 14, 22, 28, 37, 64, 69,
102, 134, 144, 148, 184, 185, 213,
217, 218, 286, 326, 440, 441, 444,
445
Мартенс Л. К. 423, 424
Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.)
88
Мартыпов А. (Пикер А. С.) 70
Марклевский Юлиан (Карский)
67, 175, 176, 177, 180
Маслов А. (Чемеринский И.) 363
Маффи Фабрицио 334, 398
Махпо Н. И. 325, 355, 407, 408
Мейер Эрнст 288
Мемалек Али Голи-хан Мошавер-
оль 314
Меринг Франц 158, 159
Месарош Габор 211, 212
Милюков П. Н. 87, 103
Мирбах Вильгельм 158, 162
Михельсон Л. А. 250, 372
Модильяни Витторио 369
Моней Кюоцца 299
Мопмуссо Гастон 476, 477, 478, 479
Монссон Фабьян 102
Моптавьяна Марно 404
Мощный П. 85
Муссолини Бенито 451, 455
Мюллер Герман 28, 29
Мюнценберг Вильгельм 74, 77, 85,
92

Н

Надежда Константиновна *см.*
Крупская Н. К.
Натаджелло 457, 458
Невский В. И. 96
Недялков Иван (Шаблин Н.) 279,
280, 281
Нейбут А. Е. 123
Нейман Гейнц 28
Некрасов 143
Нёрман Туре 90, 99, 102
Никколини *см.* Любарский Н. М.
Николай II (Романов) 204, 237,
453

Новомейский М. Н. (Ольгин) 125
Носке Густав 178, 195, 441
Нэн Шарль 83, 87, 90

О

О'Греди Джеймс 246
Ольгин *см.* Новомейский М. Н.

П

Паннекук Антони 420
Пасионария *см.* Ибаррури Доло-
рес
Паскаль Пьер 77, 79, 80, 81, 82
Пенелопа 36
Петерс Я. Х. 123, 129
Петлора С. В. 211, 325
Пик Вильгельм 180, 352, 465
Пилсудский Юзеф (Иосиф) 18,
66, 294
Платген Фридрих (Фриц) 74, 83,
85, 86, 93, 96, 167
Плеханов Г. В. 66, 72, 73
Подвойский Н. И. 125
Пол Уильям 270
Поллит Гарри 465
Половой 110
Постгейт Р. В. 321
Прайс Филипп 208
Представитель германской пар-
тии *см.* Эберлейн Гуго
Преображенский Е. А. 146
Прухняк Эдвард 175

Р

Рабб Абдур 224, 225
Равестейн Вильям ван 420
Радек К. Б. 85, 90, 103, 104, 143,
291, 331, 418
Раков 110
Ракоци Ференц 416
Ракоши Матьяш 348
Рассел Бертран 321
Рахья И. А. 196
Рахья Э. А. 112, 196
Рейнштейн Борис 131, 134, 136,
320
Рейтер Эрнст (Фрисланд) 24, 352,
480
Ремарк Эрих Мария 77
Рибольди Э. 398
Рид Джон 127, 131, 132, 137, 192
Римский-Корсаков Н. А. 252

Ризгг 85
Роберт *с.м.* Гольдштейн Роберт
Робинс Раймонд 130, 132, 199, 200
Ровио Г. С. 108
Роза *с.м.* Люксембург Роза
Роланд-Гольст Генриетта 420
Ротштейн Ф. А. 300
Рубинер Фрида 459
Рутгерс Барта (Б. Я.) 418
Рутгерс Себальд Юстинус 206,
386, 387, 388, 389
Рязанов (Гольдендах) Д. Б. 76,
77

С

С. (старый большевик) 384—385
Самуэли Тибор 164, 165, 213, 214,
415
Свердлов Я. М. (Яков Михайло-
вич) 164, 168, 215, 249, 250, 252,
319, 415
Свинхувуд Пер Эвинд 152, 153,
154, 234
Семар Пьер 465
Семенов Г. М. 325
Серрати Джачинто Менотти 319,
329, 331, 343, 369, 387, 397, 469
Сестра Ленина *с.м.* Ульянова М. И.
Сестра Ленина Анна *с.м.* Ульяно-
ва-Елизарова А. И.
Сигг Жан (Йоганн) 84
Симабара 388
Сирола Юрье 196
Смайли Роберт 385
Смидович Е. П. («Димка») 76
Смилга И. Т. 150, 151
Смирнов В. М. 140
Сократ 132
Соломон 43
Спиридонова М. А. 110, 111
Сталин (Джугашвили) И. В. 143
«Старик» *с.м.* Ленин В. И.
Стеффенс Линкольн 132, 136
Студер Фриц 83
Суриц Я. З. 225, 226
Сухэ-Батор Дамдипы 428
Сцибор Владислав 175

Т

Тальгеймер Август 22, 363
Тельман Эрпст 465
Террачини Умберто 30, 328, 329,
331, 370, 381
Толстой Л. Н. 31

Толятти Пальмиро (Эрколи)
446, 453, 465
Торез Морис 465
Тростель Вилли 85
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 30,
88, 129
Трульстра Питер Йеллес 420
Тышка Ян (Йогихес Лео) 26, 40,
158, 159, 160, 179, 180

У

Уилфрид *с.м.* Шеридан Уилфрид
Уитц Б. Ф. 351
Ульянова М. И. (Мария Ильинич-
на) 10, 11, 35, 96
Ульянова-Елизарова А. И. 138
Урицкий М. С. 265
Уэллс Герберт Джордж 306, 307
Уэллс Джордж (сын) 301

Ф

Ферри Энрико 349
Фишер Рут 363
Фогель 83
Фостер Уильям 400
Франкен Пауль 28
Фрейд Зигмунд 42
Фрелих Пауль 350
Фриз 33
Фриис Якоб 320, 322
Фрисланд *с.м.* Рейтер Эрнст
Фроссар Людовик Оскар 261, 477,
478
Фрунзе М. В. 19
Фукс Эдуард 158, 421

Х

Хаапалайнен Эйно 171
Халтурин С. Н. 437
Хаммер Юлиус (Ю. Я.) 426
Харитонов М. М. 84, 85
Харитонова Р. Б. 85
Хёгlund Карл Цет Константин
101, 104
Хейвуд Уильям (Билль) 382, 422,
423, 424, 425
Хилквит Морис 123, 419
Хуттунен Эверт Йохан Вальде-
мар 108—109

Ц

Цеткин Клара 331, 350—351, 369,
400, 416, 472, 481

Ч

Чайковский П. И. 252
Чапрашиков 162
Черчилль Уинстон 308, 311, 375
Чжап Сы-линь 242, 243
Чяльбум Карл 99, 102
Чпчерп Г. В. 184, 211, 242, 313,
418
Чуковский К. И. 134

Ш

Шабля Н. с.м. Недялков Ивап
Шамли Яко 81
Шейдеман Филипп 17, 60, 205, 443
Шелгунов В. А. 253
Шеридан Дик 306
Шеридан Клэр 300
Шеридан Уилфрид 306, 308
Шингарев А. И. 161
Шмераль Богумир 254, 390—391,
465

Шпенф 85, 86
Шотман А. В. 111
Шоу Джордж Бернард 184, 199
Штейнберг И. З. 153
Штейнгардт Карл (Грубер) 197
Штюргк Карл 86

Э

Эберлейн Гуго (Альберт, предста-
витель германской партии) 96,
145, 189, 190, 195, 196, 197, 198,
206, 207
Эберт Фридрих 10, 443
Эйнштейн Альберт 132
Элленбоген 85
Эпгельс Фридрих 46, 148, 184, 185,
190, 218, 286, 326, 440
Энкель Карл 149, 151, 152, 153, 154
Эрве Гюстав 67, 68, 184, 185

Я

Яков Михайлович с.м. Свердлов
Я. М.
Ялава Г. Э. 112
Ялмарсон 147
Янсон Вильгельм 94
Янышев М. П. 123

СВОДНЫЕ УКАЗАТЕЛИ
К 1—5 ТОМАМ

«Воспоминаний
о Владимире Ильиче
ЛЕНИНЕ»

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1870 — июнь 1887 года

- Ульянова-Елизарова А. И. 1, 15—23, 26, 33
Ульянов Д. И. 1, 79—89, 91, 98—102, 108—109
Ульянова М. И. 1, 129—140, 179—180, 182, 194—195, 202
Крупская Н. К. 1, 216—217, 234, 342, 570

Июль 1887 — апрель 1889 года

- Ульянова-Елизарова А. И. 1, 23—27
Ульянов Д. И. 1, 91—93, 100—102, 109—112
Ульянова М. И. 1, 138, 140—141, 183, 185, 195, 205

Май 1889—1890 год

- Ульянова-Елизарова А. И. 1, 27—32
Ульянов Д. И. 1, 89, 94—97, 98, 100—102, 109—112
Ульянова М. И. 1, 139, 142—151, 183, 185, 195, 205
Крупская Н. К. 1, 230

1891 год

- Ульянова-Елизарова А. И. 1, 26, 28—32, 33—34
Ульянов Д. И. 1, 94—98, 101, 102
Ульянова М. И. 1, 139, 142—151, 183, 185, 205
Голубева М. П. 2, 30—32, 33

1892 год

- Ульянова-Елизарова А. И. 1, 28—32, 34
Ульянов Д. И. 1, 94—97, 98, 101, 102, 104—107
Ульянова М. И. 1, 139, 142—151, 183, 185, 205
Голубева М. П. 2, 32—33

1893 год

- Ульянова-Елизарова А. И. 1, 28—32, 33—40, 44—45
Ульянов Д. И. 1, 94—97, 98, 101, 102, 115—116
Ульянова М. И. 1, 139, 141, 142—151, 183, 185, 205
Крупская Н. К. 1, 214, 233, 590—591
Кржижановский Г. М. 2, 10, 12—14
Бабушкин И. В. 2, 34
Шелгунов В. А. 2, 36—37
Сильвин М. А. 2, 44—45, 52
Мицкевич С. И. 2, 53—55
Ганшин А. А. 2, 62

1894 год

- Ульянова-Елизарова А. И. 1, 37—41, 44—45
Ульянов Д. И. 1, 116—117
Ульянова М. И. 1, 152—153, 182, 183, 185, 215
Крупская Н. К. 1, 211—212, 216—219, 519, 590—591, 610
Кржижановский Г. М. 2, 14—15
Бабушкин И. В. 2, 34—35

Шелгунов В. А. 2, 36—37
Князев В. А. 2, 39—43
Сильвин М. А. 2, 44—47, 49
Мицкевич С. И. 2, 55—60
Ганшин А. А. 2, 61—62

1895 год

Ульянова-Елизарова А. И. 1, 38,
39, 41—48, 51, 66—67, 72
Ульянов Д. И. 1, 89—90, 117—119
Ульянова М. И. 1, 141, 154—155,
182, 183, 185, 192, 202
Крупская Н. К. 1, 217—224, 241,
246, 585—586, 590—591, 595, 607,
610, 615
Кржижановский Г. М. 2, 15—17
Шелгунов В. А. 2, 37—38
Князев В. А. 2, 39—43
Сильвин М. А. 2, 45—51
Мицкевич С. И. 2, 60
Семашко Н. А. 2, 274—275
Радченко И. И. 4, 55

1896 год

Ульянова-Елизарова А. И. 1, 43,
47—52, 67—70
Ульянов Д. И. 1, 90, 119
Ульянова М. И. 1, 154—155, 183
Крупская Н. К. 1, 224—226, 585—
586, 595, 607, 615—616
Кржижановский Г. М. 2, 18—19
Шелгунов В. А. 2, 38
Сильвин М. А. 2, 52
Эссен М. М. 2, 115

1897 год

Ульянова-Елизарова А. И. 1, 42—
43, 47—58, 68—71
Ульянов Д. И. 1, 90, 102—103,
119—120
Ульянова М. И. 1, 154—155, 156,
183—184, 185, 191, 193
Крупская Н. К. 1, 220, 226—227,
229, 241, 585—586, 595, 607, 615—
616
Кржижановский Г. М. 2, 20—21
Лепешинский П. Н. 2, 65, 67
Коп Феликс 5, 66

1898 год

Ульянова-Елизарова А. И. 1, 56—
58

Ульянов Д. И. 1, 102—103, 182
Ульянова М. И. 1, 156, 183—184,
185, 191, 193, 195
Крупская Н. К. 1, 226—236, 268,
557, 595, 598, 602, 607—608, 610,
616
Кржижановский Г. М. 2, 19, 20—
22

Ленгник Ф. В. 2, 63—64
Лепешинский П. Н. 2, 65, 66—69

1899 год

Ульянова-Елизарова А. И. 1, 57—
59
Ульянов Д. И. 1, 102—103
Ульянова М. И. 1, 156, 183—184,
185, 193
Крупская Н. К. 1, 220, 229—237,
330, 595, 598, 602, 607—608, 610,
616
Кржижановский Г. М. 2, 19, 20—
22
Ленгник Ф. В. 2, 63—64
Лепешинский П. Н. 2, 66—69,
70—71
Вильямс Альберт Рис 5, 128

1900 год

Ульянова-Елизарова А. И. 1, 58—
65
Ульянов Д. И. 1, 112—114, 122—
124
Ульянова М. И. 1, 156, 183—184,
185, 191, 193, 202
Крупская Н. К. 1, 221, 229—230,
232, 234, 236—241, 335, 575,
595, 598, 602, 607—608, 610, 611,
615
Кржижановский Г. М. 2, 22
Лепешинский П. Н. 2, 71
Радченко И. И. 4, 48
Ульбрихт Вальтер 5, 441

1901 год

Ульянова М. И. 1, 191, 193
Крупская Н. К. 1, 241, 242, 243—
245, 247—251, 253, 595, 598, 599,
601, 615
Землячка Р. С. 2, 79
Мещеряков Н. Л. 2, 90
Радченко И. И. 4, 48

1902 год

Ульянова М. И. 1, 191, 193
Крупская Н. К. 1, 252—264, 293,
390, 595, 598, 599, 600, 602, 608,
615
Алексеев Н. А. 2, 84—89
Мещеряков Н. Л. 2, 90—92
Эссен М. М. 2, 105—107
Радченко И. И. 4, 48

1903 год

Ульянова-Елизарова А. И. 1, 38
Ульянов Д. И. 1, 103
Ульянова М. И. 1, 185, 186, 191,
193, 202
Крупская Н. К. 1, 265—276, 330,
503, 595, 598, 599, 600, 601, 607—
608, 615
Кржижановский Г. М. 2, 22—25
Землячка Р. С. 2, 79—81
Алексеев Н. А. 2, 85—89
Мещеряков Н. Л. 2, 93
Бобровская (Зеликсон) Ц. С. 2,
98—101
Эссен М. М. 2, 107—108, 115—116,
122
Сталин И. В. 2, 126—127
Арманд И. А. 4, 330

1904 год

Ульянова М. И. 1, 186, 188, 191,
193
Крупская Н. К. 1, 277—282, 330,
595, 599, 602, 607—608
Кржижановский Г. М. 2, 24—25
Лепешинский П. Н. 2, 67, 71—78
Землячка Р. С. 2, 81
Бобровская (Зеликсон) Ц. С. 2,
102—104
Эссен М. М. 2, 107—109, 110—
118, 122
Дауге П. Г. 2, 134—136
Луначарский А. В. 2, 140—141,
143
Фотьева Л. А. 2, 144—155
Карпинский В. А. 2, 162—164
Адоратский В. В. 2, 172, 173
Ольминский М. С. 2, 221—222

1905 год

Ульянова М. И. 1, 191, 193, 202
Крупская Н. К. 1, 211, 282—304,

327—328, 331—332, 335, 336, 376,
441, 503, 504, 523, 535, 557, 595,
607, 608, 617, 618

Кржижановский Г. М. 2, 25—29
Эссен М. М. 2, 118—122
Сталин И. В. 2, 127—128
Дауге П. Г. 2, 136
Фотьева Л. А. 2, 156—161
Карпинский В. А. 2, 164—166,
167—168
Адоратский В. В. 2, 172—174
Васильев-Южин М. И. 2, 184—196
Луначарский А. В. 2, 197—205
Цхакая М. Г. 2, 206—207
Стасова Е. Д. 2, 210—213
Ольминский М. С. 2, 221—222
Андреева М. Ф. 2, 225—226
Гопнер С. И. 2, 302—303
Радченко И. И. 4, 48—49
Овсянникова К. С. 4, 229
Серебровский А. П. 4, 319
Сирола Юрье 5, 140

1906 год

Крупская Н. К. 1, 304—314, 330,
595, 617—619
Кржижановский Г. М. 2, 27—28
Землячка Р. С. 2, 81
Мещеряков Н. Л. 2, 94—95
Эссен М. М. 2, 123—124
Сталин И. В. 2, 128—129
Адоратский В. В. 2, 175—176
Луначарский А. В. 2, 200, 204—205
Стасова Е. Д. 2, 213—214
Ворошилов К. Е. 2, 230—233
Ярославский Е. М. 2, 234—236
Белостоцкий И. С. 2, 237
Блохин А. Д. 3, 197
Радченко И. И. 4, 48
Соколов В. Н. 4, 245
Эгgede-Ниссен Адам 5, 167

1907 год

Ульянова М. И. 1, 169
Крупская Н. К. 1, 211—212, 314—
318, 390, 502, 595, 613
Сталин И. В. 2, 129
Дауге П. Г. 2, 136—139
Андреева М. Ф. 2, 226—228
Горький А. М. 2, 242—243, 246—
249
Людвинская Т. Ф. 2, 285—288
Гопнер С. И. 2, 296
Радченко И. И. 4, 48—49
Уншлихт И. С. 4, 73, 76

Цеткин Клара 5, 8
Кон Феликс 5, 66—70
Эгед-Ниссен Адам 5, 167
Хаммер Арманд 5, 426
Ульбрихт Вальтер 5, 441—442

1908 год

Ульянова М. И. 1, 191, 193, 207
Крупская Н. К. 1, 212—213, 318,
319—321, 323—341, 381, 412, 595,
599, 607—608, 611
Карпинский В. А. 2, 165
Адоратский В. В. 2, 175—176
Цхакая М. Г. 2, 207—208
Ольминский М. С. 2, 220—221
Андреева М. Ф. 2, 228—229
Горький А. М. 2, 249—250, 252—
255
Семашко Н. А. 2, 275—276
Уншлихт И. С. 4, 76

1908—1912 годы

Семар Пьер 5, 479

1909 год

Ульянова М. И. 1, 191, 193
Крупская Н. К. 1, 319—321, 337—
348, 412, 595, 599, 600, 607—608,
611, 612
Землячка Р. С. 2, 81—82
Сталин И. В. 2, 130
Гопнер С. И. 2, 303
Уншлихт И. С. 4, 76
Арманд И. А. 4, 330

1910 год

Ульянова М. И. 1, 156, 181, 191,
193, 207
Крупская Н. К. 1, 275, 319—321,
340—341, 349—352, 354—355,
361—362, 369, 595, 599, 600, 607—
608, 611
Сталин И. В. 2, 130
Андреева М. Ф. 2, 229
Горький А. М. 2, 252—255
Семашко Н. А. 2, 281—282
Гопнер С. И. 2, 295—302
Уншлихт И. С. 4, 76
Сирола Юрье 5, 141—142
Штейнгардт Карл (Груббер) 5,
184—185

1911 год

Ульянова-Елизарова А. И. 1, 72,
73
Ульянова М. И. 1, 191, 193
Крупская Н. К. 1, 319—322, 348—
349, 353—354, 356—363, 368—
369, 381, 595, 599, 607—608, 611
Эссен М. М. 2, 124—125
Сталин И. В. 2, 130
Адоратский В. В. 2, 174—175,
176—178
Белостоцкий И. С. 2, 237—238
Горький А. М. 2, 251—252
Семашко Н. А. 2, 279—280
Людвинская Т. Ф. 2, 288—294
Гопнер С. И. 2, 303—305
Уншлихт И. С. 4, 76

1912 год

Ульянова-Елизарова А. И. 1, 72
Ульянова М. И. 1, 191, 193
Крупская Н. К. 1, 322, 349, 364—
376, 380—381, 386, 390, 595, 599,
607—608, 611
Эссен М. М. 2, 125
Карпинский В. А. 2, 169—171
Адоратский В. В. 2, 178—180
Ольминский М. С. 2, 222
Семашко Н. А. 2, 306—308
Онуфриев Е. П. 2, 309—312
Багоцкий С. Ю. 2, 313—323
Гапецкий Я. С. 2, 335—336
Бадаев А. Е. 2, 341—342
Петровский Г. И. 2, 345—346
Кржижановский Г. М. 4, 38
Уншлихт И. С. 4, 73—74, 76

1913 год

Ульянова-Елизарова А. И. 1, 72
Ульянова М. И. 1, 184, 191, 193
Крупская Н. К. 1, 322, 373, 375—
378, 380, 381—393, 413, 457, 595,
607
Адоратский В. В. 2, 182
Багоцкий С. Ю. 2, 323—329
Гапецкий Я. С. 2, 336—337
Бадаев А. Е. 2, 342—343
Харитоновна Р. Б. 2, 359—360
Уншлихт И. С. 4, 73—74, 76

1914 год

Ульянова М. И. 1, 191, 193, 205
Крупская Н. К. 1, 322, 377—378,

393—416, 425, 457, 586, 595, 600,
601, 607—608
Сталин И. В. 2, 130
Карпинский В. А. 2, 169—170
Адоратский В. В. 2, 180
Багоцкий С. Ю. 2, 329—334
Ганецкий Я. С. 2, 337—340
Бадаев А. Е. 2, 343—344
Петровский Г. И. 2, 346—348
Самойлов Ф. Н. 2, 350—353, 391
Карпинский В. А. 2, 354—355,
357—358
Харитонов Р. Б. 2, 360—362
Андреев А. А. 4, 16
Уншлихт И. С. 4, 76

1915 год

Ульянова-Елизарова А. И. 1, 70
Ульянова М. И. 1, 191, 193, 205
Крупская Н. К. 1, 322, 378—379,
413—426, 435—436, 595, 607—608,
612
Сталин И. В. 2, 130
Карпинский В. А. 2, 166—167,
168—169, 355—357, 358
Цхакая М. Г. 2, 385
Андреев А. А. 4, 13—14, 16
Кржижановский Г. М. 4, 38
Уншлихт И. С. 4, 76
Платтен Фриц 5, 88, 90—91
Тагути Ундзо 5, 385
Террачини Умберто 5, 393—394

1916 год

Ульянова-Елизарова А. И. 1, 70
Ульянова М. И. 1, 191, 192, 193,
195, 205
Крупская Н. К. 1, 322, 377—378,
424—439, 443, 595, 607—608
Сталин И. В. 2, 130
Цхакая М. Г. 2, 208—209
Харитонов Р. Б. 2, 362—365,
366—367
Покровский М. Н. 2, 371—375
Андреев А. А. 4, 13—14, 16
Уншлихт И. С. 4, 76
Гольдштейн Соломон 5, 71—77, 80
Бронский Мечислав 5, 83, 84—87
Платтен Фриц 5, 88, 91—92
Штейнгардт Карл (Груббер) 5, 186
Мизиано Франческо 5, 401—402

1917 год

Ульянова-Елизарова А. И. 1, 73—
76

Ульянова М. И. 1, 157—159, 160—
163, 164—167, 173, 182, 186, 189,
191, 192, 193, 195—196, 205
Крупская Н. К. 1, 211—213, 221,
275, 322—323, 352, 379, 402, 438—
470, 471—494, 495—507, 511—515,
520, 535, 536, 547, 554, 595, 607—
608
Лепешинский П. Н. 2, 70
Сталин И. В. 2, 130, 132—133
Карпинский В. А. 2, 168
Стасова Е. Д. 2, 215, 409—410,
455—456
Ольминский М. С. 2, 222, 223—224
Белостоцкий И. С. 2, 238—239
Горький А. М. 2, 257—258
Харитонов Р. Б. 2, 365—366,
367—370
Ганецкий Я. С. 2, 376—384
Цхакая М. Г. 2, 385—387
Афанасьев А. М. 2, 388—389
Самойлов Ф. Н. 2, 390—393
Гопнер С. И. 2, 394—398
Аллилуев С. Я. 2, 399—400, 406—
408
Васильев В. В. 2, 401—402
Кучкин А. П. 2, 403—405
Емельянов Н. А. 2, 411—416
Орджоникидзе Г. К. 2, 417—420
Шотман А. В. 2, 421—430
Ялава Г. Э. 2, 431—432
Рахья Э. А. 2, 433—437
Ровно Г. С. 2, 438—445
Фофанова М. В. 2, 446—449
Подвойский Н. И. 2, 450—454
Коллонтай А. М. 2, 457—459
Бубнов А. С. 2, 460—462
Еремеев И. Ф. 2, 463—465
Луначарский А. В. 2, 466—467
Бодякин И. Х. 3, 8—13
Подвойский Н. И. 3, 14—16
Антонов-Овсеенко В. А. 3, 17—
18
Тер-Арутюнянц М. К. 3, 19—24
Ефремов М. П. 3, 29—32
Потапов Н. М. 3, 33—36
Бонч-Бруевич В. Д. 3, 41—43
Горбунов Н. П. 3, 44—51
Кокшарова Е. К. 3, 52—61
Шлихтер А. Г. 3, 62—67, 91—95
Скрыпник М. Н. 3, 68—71
Мальков П. Д. 3, 72—74, 243
Животов М. Н. 3, 76—77
Чубарь В. Я. 3, 78—79
Гразкин Д. И. 3, 81—85
Богданов Н. П. 3, 89—91
Солонко П. Н. 3, 96—97
Сталь Л. Н. 3, 101—102
Винокуров А. Н. 3, 103

Луначарский А. В. 3, 106—107
Барсуков М. И. 3, 108—113
Кактынь А. М. 3, 114—116
Терехов С. А. 3, 121—122
Коллонтай А. М. 3, 124—126
Кедров М. С. 3, 127—128, 130—131
Ганецкий Я. С. 3, 150—153
Вайман И. А. 3, 250
Цюруша А. Д. 3, 357
Андреев А. А. 4, 7, 8, 14, 16, 32
Радченко И. И. 4, 49—50
Уншлихт И. С. 4, 74—75, 76, 79, 82
Фогиева Л. А. 4, 124—125, 439
Королев Г. К. 4, 223
Тахо-Годи А. А. 4, 299
Гольдштейн Соломон 5, 77—80
Бронский Мечислав 5, 85, 87
Платтен Фриц 5, 88—89
Гримлунд Отто 5, 93—95
Силлен Хуго 5, 97
Стрём Фредрик 5, 99—104
Усениус Мария 5, 105
Блумквист Эмилия 5, 106—107
Латукка Юрка 5, 108—112
Рид Джон 5, 114—120
Вильямс Альберт Рис 5, 121—124
Сирола Юрье 5, 143—144
Идман Карл 5, 149—154
Бужор Михайл 5, 155—156
Варга Дьюла 5, 163—164
Гуд Вильям 5, 234
Запотоцкий Антонин 5, 273
Саях Хамид 5, 313
Куусинен Отто 5, 327
Тагути Ундзо 5, 384—385
Крейбих Карел 5, 391—392
Мизиано Франческо 5, 401—402
Катаяма Сэн 5, 435
Ульбрихт Вальтер 5, 442—443

1917—1922 годы

Ворёвский В. В. 3, 5—7
Преображенский Н. Ф. 3, 194—
196
Луначарский А. В. 3, 220—221
Нариманов Н. 3, 383—387
Каменев С. С. 3, 458—476
Чичерин Г. В. 3, 477—484

1918 год

Ульянова М. И. 1, 156, 168, 169—
170, 171—173, 174—175, 186, 189,
192, 195—196, 197—199, 206,
207—208

Крупская Н. К. 1, 446, 471, 494,
495, 502—503, 507—511, 514—550,
560, 567, 568, 595, 600
Землячка Р. С. 2, 82—83
Мещеряков Н. Л. 2, 97
Адоратский В. В. 2, 180
Стасова Е. Д. 2, 214—216
Горький А. М. 2, 249—250, 261—
262
Семашко Н. А. 2, 277, 283
Тер-Арутюнянц М. К. 3, 24—28
Ефремов М. П. 3, 32
Горбунов Н. П. 3, 39, 430—431
Кокшарова Е. К. 3, 58
Мальков П. Д. 3, 74—75
Животов М. Н. 3, 77
Чубарь В. Я. 3, 79—80
Богданов Н. П. 3, 91—92
Сталь Л. Н. 3, 102
Винокуров А. Н. 3, 103
Ломов А. 3, 117—120
Терехов С. А. 3, 122—123
Кедров М. С. 3, 128—129, 131—
137, 140—142
Ганецкий Я. С. 3, 144—148
Графтио Г. О. 3, 154—155
Залепин И. Г. 3, 157—159
Коквихин М. Н. 3, 160—163
Антопов-Саратовский В. П. 3,
164—168
Коллонтай А. М. 3, 170—171
Бонч-Бруевич М. Д. 3, 172—177
Заславский П. С. 3, 178—183
Бедный Демьян 3, 193
Блохин А. Д. 3, 197—199
Ибрагимов Ш. 3, 200—201
Березовский Ф. А. 3, 206—209
Жолтовский И. В. 3, 210—212
Гопнер С. И. 3, 213—219
Коненков С. Т. 3, 222—232
Винтер А. В. 3, 237—238
Цопов П. И. 3, 239—241
Мальков П. Д. 3, 74—75, 244—248
Вайман И. А. 3, 249—252
Панюшкин В. Л. 3, 253—259
Иванов А. В. 3, 260—262
Лихачева Р. С., Обух А. В. 3,
263—265
Вацегис И. И. 3, 266—268
Семашко Н. А. 3, 269—270
Багоцкий С. Ю. 3, 272—274
Лепешинский П. Н. 3, 275—279
Горохов И. А. 3, 285—286
Травин П. И. 3, 287—290
Ленгник Ф. В. 3, 291—292
Виноградов Н. Д. 3, 293—295
Боп Е. Б. 3, 296—304
Шульгин В. Н. 3, 305—306

- Винокуров А. Н. 3, 307—309
 Розанов В. Н. 3, 310—315
 Бонч-Бруевич В. Д. 3, 324—327
 Санаев М. И. 3, 328—334
 Герр Е. М. 3, 336—338
 Тодорский А. И. 3, 342—344
 Иванов А. В. 3, 348—350
 Замойский П. И. 3, 351—356
 Цюрупа А. Д. 3, 357—358
 Бричкипа С. Б. 3, 402—403
 Данишевский К. Х. 3, 435—448
 Андреев А. А. 4, 7, 16, 17
 Радченко И. И. 4, 50—52, 54
 Уншлихт И. С. 4, 75, 76, 78, 87
 Волн Б. М. 4, 95—96, 106—107
 Фотиева Л. А. 4, 124, 428, 433, 442, 445
 Леплевский Г. М. 4, 137, 139
 Гиндин Я. И. 4, 162, 165
 Остряков П. А. 4, 175
 Вейсброд Б. С. 4, 185
 Николаев А. М. 4, 216, 219—221
 Безыменский А. И. 4, 259—260
 Хабаров И. Н. 4, 397—399, 400
 Володичева М. А. 4, 417
 Гольдштейн Соломон 5, 81—82
 Гримлунд Отто 5, 95
 Усениус Мария 5, 105
 Латукка Юкка 5, 112
 Вильямс Альберт Рис 5, 121, 125—128, 129—130, 131—139
 Сирола Юрье 5, 144—145
 Бужор Михай 5, 156—157
 Аврамов Роман 5, 159—162
 Варга Дьюла 5, 164—166
 Эгед-Ниссен Адам 5, 167—169
 Тайми Адольф 5, 170—173
 Бобинская Хелена 5, 174—177
 Файнберг Джон 5, 208—209
 Курелла Альфред 5, 217—218
 Кабакчев Христо 5, 283
 Саях Хамид 5, 313
 Куусинен Отто 5, 327
 Кёнен Вильгельм 5, 372
 Рутгерс Себальд 5, 418—420
 Ульбрихт Вальтер 5, 443
 Трахтенберг Александр 5, 471

1919 год

- Ульянов Д. И. 1, 125
 Ульянова М. И. 1, 156, 174—178, 186, 189, 192, 195—196, 197—199, 206, 207—208
 Крупская Н. К. 1, 290, 393, 427, 446, 471, 490—491, 550—584, 595, 613
 Мещеряков Н. Л. 2, 95
 Стасова Е. Д. 2, 215—216, 217—219
 Белостоцкий И. С. 2, 239—240
 Горький А. М. 2, 262—268
 Винокуров А. Н. 3, 104—105
 Кедров М. С. 3, 137—140, 142—143
 Ганецкий Я. С. 3, 148—150
 Антонов-Саратовский В. П. 3, 168—169
 Ибрагимов Ш. 3, 201—203
 Коненков С. Т. 3, 234—235
 Вайман И. А. 3, 251—252
 Панюшкин В. Л. 3, 258—259
 Семашко Н. А. 3, 270
 Лепешинский П. Н. 3, 279—282
 Травин П. И. 3, 290
 Ленгник Ф. В. 3, 291—292
 Бош Е. Б. 3, 303—304
 Розанов В. Н. 3, 315
 Герр Е. М. 3, 339
 Тодорский А. И. 3, 346
 Цюрупа А. Д. 3, 357—358
 Фролов Б. А. 3, 360—362
 Красноперов В. П. 3, 363—365
 Жига И. Ф. 3, 366—369
 Бочаров П. И. 3, 370—372
 Оськин Д. П. 3, 373—377
 Колесникова Н. Н. 3, 388—391
 Радус-Зенькович В. А. 3, 392
 Бричкипа С. Б. 3, 396, 401—402, 403—404
 Барапов Д. А. 3, 414—416
 Губкин И. М. 3, 425
 Данишевский К. Х. 3, 448—450
 Андреев А. А. 4, 7, 14
 Кряжжановский Г. М. 4, 39—40
 Радченко И. И. 4, 52—54
 Уншлихт И. С. 4, 75, 76, 82
 Волин Б. М. 4, 96—98
 Фотиева Л. А. 4, 112, 121, 129
 Леплевский Г. М. 4, 137
 Гиндин Я. И. 4, 155, 165
 Вейсброд Б. С. 4, 183—184
 Милютин Н. А. 4, 194—196, 200
 Гляссер М. И. 4, 209
 Федин К. А. 4, 231
 Соколов В. Н. 4, 235
 Мартенс Л. К. 4, 305
 Чекунов И. А. 4, 327
 Гетье Ф. А. 4, 380—381
 Платтен Фриц 5, 91
 Гримлунд Отто 5, 95—96
 Сирола Юрье 5, 145—146
 Эберлейн Гуго 5, 180—183
 Штейнгардт Карл (Груббер) 5, 187—191, 192—193

Рейнштейн Борис 5, 194—198
Рансом Артур 5, 201—203
Файнберг Джон 5, 204—207, 208
Рудах Ласло 5, 211—214
Курелла Альфред 5, 215—216,
218—222
Прага Махендра 5, 224—225
Самуэли Тибор 5, 227—228
Гуд Вильям 5, 229—231, 232—235
Макбрайд Исаак 5, 236—239
Лю Цзэ-жун (Лау Слуджау) 5,
240—241
Фостер Уильям 5, 378
Самуэли Тиборнэ 5, 415
Рутгерс Себальд 5, 421—422

1920 год

Ульянов Д. И. 1, 114
Ульянова М. И. 1, 156, 178, 186,
189, 192, 195—196, 197—200, 206,
207—208
Крупская Н. К. 1, 232—233, 290,
393, 471, 502, 595
Мещеряков Н. Л. 2, 95—96
Адоратский В. В. 2, 181—182
Стасова Е. Д. 2, 215—219
Белостокский И. С. 2, 240
Горький А. М. 2, 268—269
Семашко Н. А. 2, 282
Петровский Г. И. 2, 348—349
Горбунов Н. П. 3, 37—38, 39—40
Солонко П. Н. 3, 98—100
Винокуров А. Н. 3, 104—105
Ломов А. 3, 120
Кедров М. С. 3, 143
Заславский П. С. 3, 183—190
Ибрагимов Ш. 3, 203—204
Березовский Ф. А. 3, 209
Коненков С. Т. 3, 235—236
Попов П. И. 3, 242
Герр Е. М. 3, 339—341
Тодорский А. И. 3, 347
Цюрупа А. Д. 3, 357—358
Ходоровский И. И. 3, 378—382
Радус-Зенькович В. А. 3, 392—395
Бричкина С. Б. 3, 400, 403—404,
407—408
Виноградов А. А. 3, 409—413
Баранов Д. А. 3, 414—416
Марков А. П. 3, 417—418
Муранов С. В. 3, 419—422
Данишевский К. Х. 3, 450—455
Андреев А. А. 4, 7—21, 23—31
Кржижановский Г. М. 4, 38, 40—
43
Радченко И. И. 4, 54—58, 63, 70

Ушплихт И. С. 4, 75—76
Лозовский С. А. 4, 89—91
Волин Б. М. 4, 98—104, 106
Фотиева Л. А. 4, 128, 133, 134
Леплевский Г. М. 4, 137
Гиндин Я. И. 4, 155—158, 162—
163, 165—167, 169
Остриakov П. А. 4, 171—173, 174
Вейсброд Б. С. 4, 185—186
Красин Л. Б. 4, 187—188
Милютин Н. А. 4, 200, 201—205
Николаев А. М. 4, 211—215
Королев Г. К. 4, 222—225
Емельянов В. А. 4, 227
Волков С. К. 4, 228
Овсянникова К. С. 4, 229—230
Федин К. А. 4, 232—234
Соколов В. Н. 4, 235—247
Безыменский А. И. 4, 248—261
Жаров А. А. 4, 262—269
Карпова А. С. 4, 270—274
Мешалкин К. В. 4, 275—277
Рудаутак Я. Э. 4, 278—279
Тимошенко С. К. 4, 281—283
Карпинский В. А. 4, 284
Мешков П. И. 4, 287
Семашко Н. А. 4, 291—292, 297
Тахо-Годи А. А. 4, 299
Мартенс Л. К. 4, 305, 306
Серебровский А. П. 4, 312, 314—
315
Арманд И. А. 4, 330—331
Есин В. З. 4, 370—371
Цеткин Клара 5, 7—19, 38—61,
62—65
Силлен Хуго 5, 97—98
Сирола Юрье 5, 146—147
Штейнгардт Карл (Грубер) 5,
191—192
Файнберг Джон 5, 209—210
Лю Цзэ-жун (Лау Сиуджау) 5,
242—244
Ленсбери Джордж 5, 245—248
Ольбрахт Иван 5, 249—254
Шмераль Богумир 5, 255—260
Кашен Марсель 5, 261—268
Галлахер Уильям 5, 269—272
Запотоцкий Антониш 5, 274—278
Набакчиев Христо 5, 279, 280,
281—287
Вальхер Якоб 5, 289—295
Уэллс Герберт 5, 296—300, 302—
303
Шеридап Клэр 5, 307—310, 312
Саях Хамид 5, 313—314
Куусинен Отто 5, 327
Тагути Ундзо 5, 385

- Ульянов Д. И. 1, 114
 Ульянова М. И. 1, 156, 185—187, 189, 192, 195—196, 197—199, 206, 207—208
 Крупская Н. К. 1, 412, 471, 495, 585, 595, 596, 612—613
 Лепешинский П. Н. 2, 66
 Адоратский В. В. 2, 182
 Горький А. М. 2, 269—272
 Семашко Н. А. 2, 276—277, 278—279
 Горбунов Н. П. 3, 39—40, 431—432
 Гразкин Д. И. 3, 85—88
 Ломов А. 3, 120
 Графтио Г. О. 3, 155—156
 Заславский П. С. 3, 190—192
 Лепешинский П. Н. 3, 282—284
 Цюрупа А. Д. 3, 358—359
 Брячкина С. Б. 3, 397—400
 Губкин И. М. 3, 426—429
 Данишевский К. Х. 3, 455—457
 Андреев А. А. 4, 7, 23—27, 29, 30, 32
 Кржижановский Г. М. 4, 36, 37
 Радченко И. И. 4, 57, 59—70
 Уншлихт И. С. 4, 75, 76—77, 79—86, 87
 Лозовский С. А. 4, 91
 Волин Б. М. 4, 104, 109
 Фотиева Л. А. 4, 112, 113, 115, 117—120, 121—122, 125, 127, 419, 428, 436, 439
 Леплевский Г. М. 4, 136, 137, 141, 142—146, 148—150, 152
 Гиндин Я. И. 4, 153—154, 159—162, 163—164
 Остряков П. А. 4, 173—174, 175—178
 Красин Л. Б. 4, 188—189
 Милютин Н. А. 4, 205—206
 Гляссер М. И. 4, 209—210, 325—326
 Николаев А. М. 4, 215—218
 Королев Г. К. 4, 222, 225—226
 Емельянов В. А. 4, 227
 Карпинский В. А. 4, 284—285
 Мешков П. И. 4, 287—290
 Семашко Н. А. 4, 291—298
 Тахо-Годи А. А. 4, 299—301
 Маргенс Л. К. 4, 302—303, 304—308
 Чернов О. И. 4, 309—311
 Серебровский А. П. 4, 312, 315—323
 Подчуфарова Е. И. 4, 324—325
 Чекунов И. А. 4, 327—328
 Арманд И. А. 4, 330, 331—336
 Шер И. М. 4, 340—342
 Бонч-Бруевич В. Д. 4, 345—354
 Смольянинов В. А. 4, 355—363
 Ежов И. К. 4, 364—366
 Емельянов Н. А. 4, 367—369
 Есин В. З. 4, 371—372
 Моргунов Г. А. 4, 373—375
 Петрушкин И. А. 4, 376—378
 Гетье Ф. А. 4, 382
 Цеткин Клара 5, 19—34, 62
 Сярола Юрье 5, 148
 Штейнгардт Карл (Грубер) 5, 192, 193
 Курелла Альфред 5, 222—223
 Кабакчиев Христо 5, 285
 Димитров Георгий 5, 315—317
 Белл Томас 5, 318—324
 Яфтали Мирза Мухаммед 5, 325
 Куусинен Отто 5, 327—331
 Коларов Васил 5, 332—337
 Кун Бела 5, 338—340
 Гиольди Родольфо 5, 342—343, 344
 Геккерт Фриц 5, 348—352
 Кёнен Бернад 5, 356—360, 361—366
 Кёнен Вильгельм 5, 367—373
 Поллит Гарри 5, 376
 Фостер Уильям 5, 378—379
 Кунен Феликс 5, 380—381
 Тагути Ундзо 5, 386—389
 Крейбих Карел 5, 390—392
 Террачини Умберто 5, 395—399
 Мязиано Франческо 5, 402—403
 Сантга Баттиста 5, 404—406
 Диас Рамирес Мануэль 5, 407—411
 Вайян-Кутюрье Поль 5, 412—413
 Самуэли Тиборнэ 5, 415—417
 Рутгерс Себальд 5, 422—425
 Хаммер Арманд 5, 426—427
 Цереддорж Балингийн 5, 428—429
 Цюй Цю-бо 5, 430, 431
 Ким Афанасий 5, 432—434
 Катаяма Сэн 5, 435, 436—437
 Рунге Бедржих 5, 463
 Пик Вильгельм 5, 480—481

1922 год

- Ульянов Д. И. 1, 114
 Ульянова М. И. 1, 156, 181—182, 186, 189, 192, 195—196, 197—200, 205, 206
 Крупская Н. К. 1, 221, 354, 471, 595, 605, 607, 613

1923 год

Мещеряков Н. Л. 2, 92, 93—94
Адоратский В. В. 2, 183
Горький А. М. 2, 272—273
Семашко Н. А. 2, 277—278
Ибрагимов Ш. 3, 204—205
Розанов В. Н. 3, 315—322
Тодорский А. И. 3, 344—345
Горбунов Н. П. 3, 432—433
Андреев А. А. 4, 7, 23
Кржижановский Г. М. 4, 36—37
Радченко И. И. 4, 63, 70—72
Уншлихт И. С. 4, 75, 76, 77—78, 80, 87—88
Лозовский С. А. 4, 91—92
Воллин Б. М. 4, 105, 107—109, 110
Фотиева Л. А. 4, 112, 114, 116, 131—132, 133—134, 419—453
Леплевский Г. М. 4, 136, 137, 140, 141, 146, 147—148, 151
Острияков П. А. 4, 178—180
Красин Л. Б. 4, 190—193
Николаев А. М. 4, 217
Карпинский В. А. 4, 285
Мартенс Л. К. 4, 303
Серебровский А. П. 4, 312, 314, 323
Арманд И. А. 4, 330, 336—337
Моргунов Г. А. 4, 375
Авербах М. И. 4, 384—389
Нечкина Е. А. 4, 392—394
Очкин А. Д. 4, 395—396
Хабаров И. Н. 4, 399—401
Сталин И. В. 4, 403—404
Бельмас А. В. 4, 405—407
Володичева М. А. 4, 417—418
Цеткин Клара 5, 34—37, 62
Рудаш Ласло 5, 214
Кабакчиев Христо 5, 279
Уэллс Герберт 5, 303
Белл Томас 5, 322
Геккерт Фриц 5, 353
Рутгерс Себальд 5, 425
Катаяма Сэн 5, 435, 437—439
Ульбрихт Вальтер 5, 443—444
Лонго Луиджи 5, 446, 448—449
Джерманетто Джованни 5, 452—453
Равера Камилла 5, 455—458
Штерп Виктор 5, 459—461
Рунге Бедржих 5, 462—465
Пинтос Франсиско 5, 467—469
Трахтенберг Александр 5, 471—473
Андерсен-Нексе Мартин 5, 474—475
Семар Пьер 5, 476—479

Ульянов Д. И. 1, 114
Ульянова М. И. 1, 173, 182, 186, 189, 192, 196, 206
Крупская Н. К. 1, 246, 275, 379, 525, 585—589, 595, 601, 605, 607, 613
Луначарский А. В. 2, 141—142
Семашко Н. А. 2, 280, 283—284
Уншлихт И. С. 4, 82, 88
Фотиева Л. А. 4, 116, 426, 430, 433, 438, 441, 443
Гиндин Я. И. 4, 163
Арманд И. А. 4, 337—338
Авербах М. И. 4, 389—391
Хабаров И. Н. 4, 399, 401—402
Бельмас А. В. 4, 407—409
Володичева М. А. 4, 418
Пятницкий О. А. 4, 454—456
Холодова П. А. 4, 457—458
Кёнен Вильгельм 5, 373

1923—1924 годы

Розанов В. Н. 3, 321—323

1924 год

Ульянова М. И. 1, 130, 188, 194
Крупская Н. К. 1, 211, 471, 590—591, 614
Эссен М. М. 2, 125
Семашко Н. А. 2, 284
Радченко И. И. 4, 72
Уншлихт И. С. 4, 88
Королев Г. К. 4, 226
Волков С. К. 4, 229
Карпинский В. А. 4, 284
Семашко Н. А. 4, 297
Арманд И. А. 4, 339
Авербах М. И. 4, 390—391
Хабаров И. Н. 4, 399, 401
Бельмас А. В. 4, 409—411
Цеткин Клара 5, 7, 65
Уэллс Герберт 5, 303
Геккерт Фриц 5, 353
Кёнен Вильгельм 5, 373—374
Террачини Умберто 5, 399—400
Пинтос Франсиско 5, 469
Пик Вильгельм 5, 481—482

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ ВОСПОМИНАНИЙ,
ВКЛЮЧЕННЫХ В ТОМА 1—5 НАСТОЯЩЕГО ИЗДАНИЯ

- Авербах М. И. 4, 383—391
Аврамов Роман 5, 158—162
Адоратский В. В. 2, 172—183
Алексеев Н. А. 2, 84—89
Аллилуев С. Я. 2, 399—400, 406—408
Андерсен-Нексе Мартин 5, 474—475
Андреев А. А. 4, 7—34
Андреева М. Ф. 2, 225—229
Антонов-Овсенко В. А. 3, 17—18
Антонов-Саратовский В. П. 3, 164—169
Арманд И. А. 4, 330—339
Афанасьев А. М. 2, 388—389
Бабушкин И. В. 2, 34—35
Багоцкий С. Ю. 2, 313—334; 3, 271—274
Бадаев А. Е. 2, 341—344
Баранов Д. А. 3, 414—416
Барсуков М. И. 3, 108—113
Бедный Демьян 3, 193
Безыменский А. 4, 248—261
Белл Томас 5, 318—324
Белостоцкий И. С. 2, 237—240
Бельмас А. В. 4, 405—411
Березовский Ф. А. 3, 206—209
Блохин А. Д. 3, 197—199
Блумквист Эмилия 5, 106
Бобинская Елена 5, 174—177
Бобровская (Зеликсоп) Ц. С. 2, 98—104
Богданов Н. П. 3, 89—92
Бодяшкин И. Х. 3, 8—13
Бонч-Бруевич В. Д. 3, 41—43, 324—327; 4, 343—354
Бонч-Бруевич М. Д. 3, 172—177
Бочаров П. И. 3, 370—372
Бош Б. Б. 3, 296—304
Бричкина С. Б. 3, 396—408
Бронский Мечислав 5, 83—87
Бубнов А. С. 2, 460—462
Бужор Михай 5, 155—157
Вайман И. А. 3, 249—252
Вайян-Кутюрье Поль 5, 412—414
Вальхер Якоб 5, 288—295
Варга Дьюла 5, 163—166
Васпльев В. В. 2, 401—402
Васпльев-Южин М. И. 2, 184—196
Вацетис И. И. 3, 266—268
Вейсброд Б. С. 4, 183—186
Вильямс Альберт Рис 5, 121—130, 131—139
Виноградов А. А. 3, 409—413
Виноградов Н. Д. 3, 294—295
Винокуров А. Н. 3, 103—105, 307—315
Винтер А. В. 3, 237—238
Волин Б. М. 4, 94—110
Волков С. 4, 228
Володячева М. А. 4, 417—418
Боровский В. В. 3, 5—7
Вороншилов К. Е. 2, 230—233
Галлахер Уильям 5, 269—272
Ганецкий Я. С. 2, 335—340, 376—384; 3, 144—153
Ганшин А. А. 2, 61—62
Геккерт Фриц 5, 347—353
Герр Е. М. 3, 335—341
Гетье Ф. А. 4, 380—382
Гиндин Я. 4, 153—170
Гиольди Родольфо 5, 341—346
Гляссер М. И. 4, 208—210, 325—326
Голубева М. П. 2, 30—33
Гольдштейн Соломон 5, 71—82
Гопнер С. И. 2, 295—305, 394—398; 3, 213—219
Горбунов Н. П. 3, 37—40, 44—51, 430—434

- Горохов И. А. 3, 285—286
 Горький А. М. 2, 241—273
 Гразкин Д. И. 3, 81—88
 Графтио Г. О. 3, 154—156
 Гримлунд Отто 5, 93—96
 Губкин И. М. 3, 423—429
 Гуд Вильям 5, 229—231, 232—235
 Данишевский К. Х. 3, 435—457
 Дауге П. Г. 2, 134—139
 Джерманетто Джованни 5, 451—454
 Диас Рамирес Мануэль 5, 407—411
 Дмитров Георгий 5, 315—317
 Ежов И. 4, 364—366
 Емельянов В. А. 4, 227
 Емельянов Н. А. 2, 411—416; 4, 367—369
 Еремеев И. Ф. 2, 463—465
 Есин В. З. 4, 370—372
 Ефремов М. П. 3, 29—32
 Жаров Александр 4, 262—269
 Животов М. Н. 3, 76—77
 Жига И. Ф. 3, 366—369
 Жолтовский И. В. 3, 210—212
 Залепин И. Г. 3, 157—159
 Замоysкий П. И. 3, 351—356
 Запотоцкий Антонин 5, 273—278
 Заславский П. С. 3, 178—192
 Землячка Р. С. 2, 79—83
 Ибрагимов Ш. 3, 200—205
 Иванов А. В. 3, 260—262
 Иванов А. В. 3, 348—350
 Идман Карл 5, 149—154
 Кабаqчиев Христо 5, 279—287
 Кактынь А. М. 3, 114—116
 Каменев С. С. 3, 458—476
 Карпинский В. А. 2, 162—171, 354—358; 4, 284—286
 Карпова А. С. 4, 270—274
 Катаяма Сэн 5, 435—439
 Кашен Марсель 5, 261—268
 Кедров М. С. 3, 127—143
 Кёнен Бернард 5, 354—366
 Кёнен Вильгельм 5, 367—374
 Ким Афанасий 5, 432—434
 Князев В. А. 2, 39—43
 Коковихин М. Н. 3, 160—163
 Кокшарова Е. К. 3, 52—61
 Коларов Васил 5, 332—337
 Колеснякова Н. Н. 3, 388—391
 Коллонтай А. М. 2, 457—459; 3, 124—126, 170—171
 Кон Феликс 5, 66—70
 Копенков С. Т. 3, 222—236
 Королев Г. 4, 222—226
 Красин Л. Б. 4, 187—193
 Красноперов В. П. 3, 363—365
 Крейжих Карел 5, 390—392
 Кржижановский Г. М. 2, 7—29; 4, 35—47
 Крупская Н. К. 1, 211—584, 585—589, 590—591, 592—597, 598—602, 603—609, 610—614, 615—619
 Кун Бела 5, 338—340
 Кунен Феликс 5, 380—381
 Курелла Альфред 5, 215—223
 Куусинен Отто 5, 326—331
 Кучкин А. П. 2, 403—405
 Латукка Ююкка 5, 108—113
 Ленгник Ф. В. 2, 63—64; 3, 291—293
 Ленсбери Джордж 5, 245—248
 Лепешинский П. Н. 2, 65—78; 3, 275—284
 Леплевский Г. 4, 135—152
 Лихачева Р. С. 3, 263—265
 Лозовский С. А. 4, 89—93
 Ломов А. 3, 117—120
 Лонго Луиджи 5, 446—450
 Луначарский А. В. 2, 140—143, 197—205, 466—467; 3, 106—107, 220—221; 4, 181—182
 Лю Цзэ-жун (Лау Сну-джау) 5, 240—244
 Людвинская Т. Ф. 2, 285—294
 Макбрайд Исаак 5, 236—239
 Мальков П. Д. 3, 72—75, 243—248
 Марков А. П. 3, 417—418
 Мартенс Л. К. 4, 302—308
 Мешалкин К. В. 4, 275—277
 Мешков П. 4, 287—290
 Мещеряков Н. Л. 2, 90—97
 Мизиано Франческо 5, 401—403
 Милютин Н. А. 4, 194—207
 Мицкевич С. И. 2, 53—60
 Моргунов Г. 4, 373—375
 Муранов С. В. 3, 419—422
 Нариманов Н. 3, 383—387
 Нечкина Е. А. 4, 392—394
 Николаев А. М. 4, 211—221
 Обух А. В. 3, 263—265
 Овсянникова К. С. 4, 229
 Ольбрахт Иван 5, 249—254
 Ольминский М. С. 2, 220—224
 Онуфриев Е. П. 2, 309—312
 Орджоникидзе Г. К. 2, 417—420
 Остряков П. А. 4, 171—180
 Оськин Д. П. 3, 373—377
 Очкин А. Д. 4, 395—396
 Панюшкин В. Л. 3, 253—259
 Петровский Г. И. 2, 345—349
 Петрушкин И. 4, 376—379
 Пик Вильгельм 5, 480—482
 Пинтос Франсиско 5, 467—469

- Платтен Фриц 5, 88—89, 90—92
 Подвойский Н. И. 2, 450—454; 3, 14—16
 Подчуфарова Е. И. 4, 324
 Покровский М. Н. 2, 371—375
 Поллит Гарри 5, 375—377
 Попов П. И. 3, 239—242
 Потапов Н. М. 3, 33—36
 Прагап Махендра 5, 224—226
 Преображенский Н. Ф. 3, 194—196
 Пятницкий О. А. 4, 454—456
 Равера Камилла 5, 455—458
 Радус-Зенькович В. А. 3, 392—395
 Радченко И. И. 4, 48—72
 Рансом Артур 5, 199—203
 Рахья Э. А. 2, 433—437
 Рейнштейн Борис 5, 194—198
 Рид Джон 5, 114—120
 Ровио Г. С. 2, 438—445
 Розанов В. Н. 3, 316—323
 Рудаш Ласло 5, 211—214
 Рудзутак Я. Э. 4, 278—280
 Рунге Бедржих 5, 462—466
 Рутгерс Себальд 5, 418—425
 Самойлов Ф. Н. 2, 350—353, 390—393
 Самуэли Тибор 5, 227—228
 Самуэли Тиборнэ 5, 415—417
 Санаев М. И. 3, 328—334
 Сантга Баттиста 5, 404—406
 Саях Хамид 5, 313—314
 Семар Пьер 5, 476—479
 Семашко Н. А. 2, 274—284, 306—308; 3, 269—270; 4, 291—298
 Серебровский А. 4, 312—323
 Силлен Хуго 5, 97—98
 Сильвин М. А. 2, 44—52
 Сирола Юрье 5, 140—148
 Скрыпник М. Н. 3, 68—71
 Смольянинов В. 4, 355—363
 Соколов В. Н. 4, 235—247
 Солонко П. Н. 3, 96—100
 Сталли И. В. 2, 126—133; 4, 403—404
 Сталь Л. Н. 3, 101—102
 Стасова Е. Д. 2, 210—219, 409—410, 455—456
 Стрём Фредрик 5, 99—104
 Тагута Ундзо 5, 382—389
 Тайми Адольф 5, 170—173
 Тахо-Годи А. 4, 299—301
 Тер-Арутюнянц М. К. 3, 19—28
 Терехов С. А. 3, 121—123
 Террачини Умберто 5, 393—400
 Тимошенко С. К. 4, 281—283
 Тодорский А. И. 3, 342—347
 Травин П. И. 3, 287—290
 Трахтенберг Александр 5, 470—473
 Ульбрихт Вальтер 5, 440—445
 Ульянов Д. И. 1, 79—87, 88—90, 91, 92—93, 94—97, 98—103, 104—107, 108—114, 115—121, 122—124, 125—126
 Ульянова М. И. 1, 129—132, 133—135, 136—137, 138—139, 140—141, 142—151, 152—153, 154—155, 156, 157—159, 160—163, 164—167, 168, 169—170, 171—173, 174—178, 179—187, 188—190, 191—193, 194—196, 197—200, 201—203, 204—206, 207—208
 Ульянова-Елизарова А. И. 1, 13—65, 66—71, 72, 73—76
 Уншлихт И. С. 4, 73—88
 Усениус Мария 5, 105
 Уэллс Герберт 5, 296—301, 302—303
 Файнберг Джон 5, 204—210
 Федин Конст. 4, 231—234
 Фостер Уильям 5, 378—379
 Фотиева Л. А. 2, 144—161; 4, 111—134, 419—453
 Фофанова М. В. 2, 446—449
 Фролов Б. А. 3, 360—362
 Хабаров И. Н. 4, 397—402
 Хаммер Арманд 5, 426—427
 Харитоновна Р. Б. 2, 359—370
 Ходоровский И. И. 3, 378—382
 Холодова П. А. 4, 457—458
 Церендорж Балингийн 5, 428—429
 Цеткин Клара 5, 7—37, 38—61, 62—65
 Цхакая М. Г. 2, 206—209, 385—387
 Цюй Цю-бо 5, 430, 431
 Цюрупа А. Д. 3, 357—359
 Чекунов И. А. 4, 327—329
 Чернов О. И. 4, 309—311
 Чичерин Г. В. 3, 477—484; 4, 412—416
 Чубарь В. Я. 3, 78—80
 Шелгунов В. А. 2, 36—38
 Шер И. М. 4, 340—342
 Шерядап Клэр 5, 304—312
 Шлихтер А. Г. 3, 62—67, 93—95
 Шмераль Богумир 5, 255—260
 Шотман А. В. 2, 421—430
 Штейнгардт Карл (Грубер) 5, 184—193
 Штерн Виктор 5, 459—461
 Шульгин В. Н. 3, 305—306
 Эберлейн Гуго 5, 178—183
 Эгге-Ниссен Адам 5, 167—169
 Эссен М. М. 2, 105—125
 Ялава Г. Э. 2, 431—432
 Ярославский Е. М. 2, 234—236
 Яфтали Мирза Мухаммед 5, 325

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Клара Цеткин</i> . Воспоминания о Ленине	7
<i>Клара Цеткин</i> . Из записной книжки	38
<i>Клара Цеткин</i> . Ленин и массы	62
<i>Феликс Кон</i> . Ленин на Штутгартском конгрессе II Интернационала	66
<i>Соломон Гольдштейн</i> . Ленин меня учил большевизму	71
<i>Мечислав Бронский</i> . Участие Ленина в швейцарском рабочем движении	83
<i>Фриц Платтен</i> . Цюрих — Торнео	88
<i>Фриц Платтен</i> . Революционеры Востока	90
<i>Отто Гримлунд</i> . На перевале	93
<i>Хуго Силлен</i> . Встречи с Лениным	97
<i>Фредрик Стрём</i> . Ленин в Стокгольме	99
<i>Мария Усениус</i> . Ленин в Финляндии	105
<i>Эмилия Блумквист</i> . Добрый гость	106
<i>Юкка Латукка</i> . Ленин в 1917 году в подполье в Финляндии	108
<i>Джон Рид</i> . 10 дней, которые потрясли мир	114
<i>Альберт Рис Вильямс</i> . Ленин — человек и его дело	121
<i>Альберт Рис Вильямс</i> . Уроки марксизма	131
<i>Юрье Сиrola</i> . Воспоминания о Ленине	140
<i>Карл Идман</i> . Из воспоминаний финского министра	149
<i>Михай Бужор</i> . Воспоминания о встречах с Лениным	155
<i>Роман Аврамов</i> . Три встречи с В. И. Лениным	158
<i>Дьюла Варга</i> . Воспоминания красного командира	163
<i>Адам Эггеде-Ниссен</i> . У Ленина в Смольном	167
<i>Адольф Тайми</i> . Помощь Ильича	170
<i>Хелена Бобинская</i> . Ленин в Варшавском красном полку	174
<i>Хуго Эберлейн</i> . О Ленине	178
<i>Карл Штейнгардт (Грубер)</i> . Встречи с великим Лениным	184
<i>Борис Рейнштейн</i> . На пути к I конгрессу Коминтерна	194
<i>Артур Рансом</i> . Великий вождь	199
<i>Джон Файнберг</i> . Заметки о встречах с Лениным	204

<i>Ласло Рудаш</i> . Встреча с Лениным	211
<i>Альфред Курелла</i> . «Вы, собственно, кто по профессии, товарищ?»	215
<i>Махендра Прагап</i> . Встреча в Кремле	224
<i>Тибор Самуэли</i> . Из речи на заседании Будапештского Революционного Центрального Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов 31 мая 1919 года	227
<i>Вильям Гуд</i> . Ленин	229
<i>Вильям Гуд</i> . Интервью с Лениным	232
<i>Исаак Макбрайд</i> . У Ленина в Кремле	236
<i>Лю Цзэ-жун (Лау Сиу-джау)</i> . Встречи с великим Лениным	240
<i>Джордж Ленсбери</i> . Ленин	245
<i>Иван Ольбрахт</i> . Владимир Ильич Ленин	249
<i>Богумир Шмераль</i> . Из дневника	255
<i>Марсель Кашен</i> . Встречи с В. И. Лениным	261
<i>Уильям Галлагер</i> . Революционный социализм в Шотландии и Октябрьская революция	269
<i>Антонин Запотоцкий</i> . Память о Ленине	273
<i>Христо Кабакчиев</i> . Беседы с Лениным	279
<i>Якоб Вальшер</i> . Записки делегата II конгресса Коминтерна	288
<i>Герберт Уэллс</i> . Кремлевский мечтатель	296
<i>Герберт Уэллс</i> . Действительно великий человек	302
<i>Клэр Шеридан</i> . Неприкрашенная правда	304
<i>Хамид Саях</i> . Самый человечный человек	313
<i>Георгий Димитров</i> . Моя первая встреча с Лениным	315
<i>Томас Белл</i> . Мои встречи с Лениным	318
<i>Мирза Мухаммед Яфтали</i> . Россия пошла по пути прогресса	325
<i>Отто Куусинен</i> . Как Ленин в Коминтерне лечил детскую болезнь «левизны»	326
<i>Васил Коларов</i> . В. И. Ленин на III конгрессе Коммунистического Интернационала	332
<i>Бела Кун</i> . На III конгрессе Коминтерна	338
<i>Родольфо Гиольди</i> . Сила ленинской аргументации	341
<i>Фриц Геккерт</i> . Мои встречи с Лениным	347
<i>Бернард Кёнен</i> . Как я встречался с Лениным на III конгрессе Коммунистического Интернационала	354
<i>Вильгельм Кёнен</i> . Мои встречи с Лениным	367
<i>Гарри Поллит</i> . Впервые на международном конгрессе	375
<i>Уильям Фостер</i> . На конгрессах Коминтерна	378
<i>Феликс Кунен</i> . Выдающийся ум и удивительный человек	380
<i>Ундзо Тагути</i> . Через Красную площадь	382
<i>Карел Крейбих</i> . Неизгладимое	390
<i>Умберто Террачини</i> . Три встречи с Лениным	393
<i>Франческо Мизиано</i> . Встречи с товарищем Лениным	401
<i>Баттиста Сантиа</i> . Все в нем привлекало	404
<i>Мануэль Диас Рамирес</i> . Беседа с В. И. Лениным в 1921 году	407
<i>Поль Вайян-Кутюрье</i> . Ленин	412
<i>Тиборнэ Самуэли</i> . Я видела Ленина	415
<i>Себастьян Рутгерс</i> . Встречи с Лениным	418

<i>Арманд Хаммер</i> . Ленин и первая концессия	426
<i>Балингийн Церендорж</i> . Священная память	428
<i>Цюй Цю-бо</i> : I. Ленин	430
II. Красный Октябрь	431
<i>Афанасий Ким</i> . Наша встреча с Ильичем	432
<i>Сэн Катаяма</i> . С товарищем Лениным	435
<i>Вальтер Ульбрихт</i> . Ленин — друг немецкого народа	440
<i>Луджи Лонго</i> . Я слышал Ильича	446
<i>Джованни Джерманетто</i> . Ленин — наше знамя	451
<i>Камилла Равера</i> . Могущество правды	455
<i>Виктор Штерн</i> . Ленин говорил о новой экономической политике	459
<i>Бедржих Рунге</i> . На IV конгрессе Коминтерна	462
<i>Франсиско Пинтос</i> . Народ делает историю	467
<i>Александр Трахтенберг</i> . Незабываемое	470
<i>Мартин Андерсен-Нексе</i> . Я видел Ленина	474
<i>Пьер Селар</i> . Беседа с Лениным во время II конгресса Профинтерна	476
<i>Вильгельм Пик</i> . Воспоминания о Ленине	480
Краткие биографические сведения об авторах воспоминаний	483
Указатель имен	503
Сводные указатели к 1—5 томам «Воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине»	509
Хронологический указатель	511
Указатель авторов воспоминаний, включенных в тома 1—5 настоящего издания	521

В77 **Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-ти т.**
/Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Редкол.
Г. Н. Голиков и др.— 2-е изд.— М.: Политиздат, 1979—
Т. 5. Воспоминания зарубежных современников.
1979. 526 с., ил.

В $\frac{10103-077}{079(02)-79}$ 85—79 0103020000

13.5
ЗК26.

**Воспоминания
о Владимире Ильиче
ЛЕНИНЕ**

В 5-ти т.

Т. 5

**ВОСПОМИНАНИЯ
ЗАРУБЕЖНЫХ СОВРЕМЕННОКОВ**

Заведующий редакцией *Н. Р. Андрухов*
Редакторы *В. И. Светцов, В. И. Слуянов*
Младший редактор *Д. В. Калько*
Художник *С. Д. Алексеев*
Технический редактор *Н. П. Межеричкая*

ИБ № 2110

Сдано в набор 15.02.79. Подписано в печать 11.09.79. А00433. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Условн. печ. л. 34,13. Учетно-изд. л. 32,42. Тираж 200 000 (20 001—200 000) экз.
Заказ № 4320. Цена 1 р. 30 к., в суперобложке 1 р. 50 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл. 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.